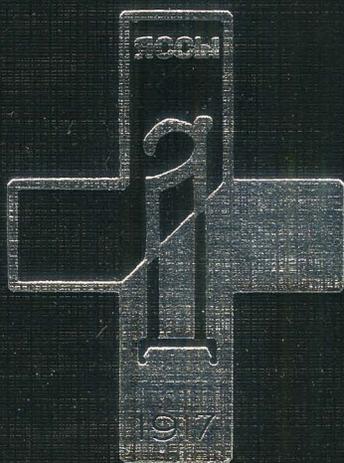

ДРОЗДОВСКИЙ

и дроздовцы

· БЕЛЫЕ ВОЙНЫ ·

М. Дроздовский

ДРОЗДОВСКИЙ

и дроздовцы

МОСКВА «ПОСЕВ» 2006

Военно-историческая серия «Белые Воины»

*Издается по благословению
Святейшего Патриарха
Московского и Всея Руси
Алексия II*

Дроздовский и дроздовцы

М.: НП «Посев», 2006

Автор проекта серии – *А.Н. Алекаев*

Научный редактор серии –

кандидат исторических наук *В.Ж. Цветков*

Четвертая книга серии «Белые Воины» рассказывает об истории одной из самых доблестных частей Добровольческой армии – Дроздовской стрелковой дивизии и ее легендарном шефе – генерал-майоре Михаиле Гордеевиче Дроздовском. В книге опубликованы материалы о формировании и начале боевого пути 1-й бригады русских добровольцев, ее героическом переходе с Румынского фронта на Дон, на соединение с Добровольческой армией. Приведены воспоминания об участии дроздовцев во 2-м Кубанском походе, боях 1919–1920 гг. Биографический очерк о генерале Дроздовском показывает непростую судьбу русского офицера, не изменившего присяге и Отечеству в годы тяжелых испытаний русской смуты. Интересны материалы о судьбах дроздовцев в Зарубежье. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также из коллекций А. Соколовского (Париж) и В. Чичерюкина-Мейнгардта.

Редактор и составитель издания Р.Г. Гагкуев,
при участии В.Г. Чичерюкина-Мейнгардта, В.Ж. Цветкова,
К.М. Александрова, Н.А. Кузнецова
Художественное оформление – В.Н. Карпухин, Е.Г. Клодт
Корректор – М.В. Беляева

Заказы и отзывы направлять по адресу:
107497, г. Москва, а/я 4, В.Ж. Цветкову,
тел. (095) 925-92-48, e-mail: posev@online.ru;
Р.Г. Гагкуеву – rg@rusk.ru

© Некоммерческое партнерство «Издательское,
исследовательское и просветительское
содружество “Посев”», 2006
© А.Н. Алекаев, проект серии, 2006
© Р.Г. Гагкуев, В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт,
В.Ж. Цветков, К.М. Александров,
Н.А. Кузнецов, составители, 2006
© В.Н. Карпухин, Е.Г. Клодт, оформление, 2006
© Д. Трофимов, художник, 2006

ISBN 5-85824-165-4

Предисловие редактора

Дроздовцы... Слово звонкое, как молодые голоса стрелков в бело-малиновых фуражках. Слово твердое, как сталь граненого штыка в руках белых солдат, идущих сквозь злобу и ненависть, сквозь кровь и смерть – вперед, к малиновому звону колоколов Московского Кремля. Слово русское, родное... Святое слово...

25 ноября 1918 года, в день отдания праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, Главнокомандующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин утвердил «медаль дроздовцев». В описании говорилось: «Две ветки – справа дубовая как символ непоколебимого решения и слева лавровая, символизирующая решение, увенчавшееся успехом. На поле медали изображен выпуклый рисунок: Россия в виде женщины в древнерусском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссоединению Единой, Неделимой, Великой России. Фон рисунка – восходящее солнце...».

Таким стал страданный и победный путь дроздовцев. Такой стала их боевая история. Твердость и несгибаемая воля провела их тысячелетними верстами от погибающего фронта Великой войны, через объятые огнем степи Новороссии, мимо немецких оккупантов, на Дон, туда, где горел светоч Белой России, где сражалась Добровольческая армия.

Были еще Вера и Верность, осенявшие дроздовцев под голубым крестом Андреевского стяга. Вера в грядущее освобождение России. К этой России они шли всегда, несмотря на временные неудачи и отступления. Шли на Мокшву, отступали к Новороссийску, снова наступали в Таврии и отступали из Крыма. Уже в Галлиполи, Софии, Праге, Париже дроздовцы ждали, верили в новый, «весенний» поход. И сохраняли Верность присяге, однажды принятой, от которой нельзя было отказаться. Они не уступали соблазнам союза с врагами Отечества, не допускали и мысли о примирении с богоборческим режимом, хранили Верность. И хотя не стало в России Престола Монаршего, Престол Державный заняла Сама Пресвятая Богородица, подняв утраченные (на время) скипетр и державу. Ей, Пресветлой Владычице, присягали белые воины в своих сердцах. А Святой Архистратиг Божий Михаил мечом защищал Державный Престол.

Подвиг дроздовцев неотделим от подвига их командира – генерал-майора Михаила Гордеевича Дроздовского. Его вера и воля спасли от «рассеяния» бригаду русских добровольцев, пришедшую на Дон сплоченной воинской частью, в полном составе. Примечателен и тот факт, что Дроздовский стал первым в Белом движении генералом, который открыто заявил о своей верности монархии, еще тогда, когда «демократические ценности» 1917 года были «в чести».

...Свою книгу «Дроздовцы в огне» верный преемник Михаила Гордеевича, генерал-майор А.В. Туркул посвятил «русской молодежи». Это, как было написано в предисловии, «живая книга о живых, боевая правда о том, какими были в огне, какими должны быть и неминуемо будут русские солдаты». Для многих молодых людей в современной России книга Туркула стала своеобразным началом познания Белого дела. Хотелось бы надеяться, что наше издание не будет для читателей сборником интересных документов и любопытных исторических фактов, но, прежде всего, призывом к продолжению Белого дела, служению не «постсоветской», а Белой России.

Основу книги «Дроздовский и дроздовцы» составили документальные материалы из Государственного архива Российской Федерации, Российского военно-исторического архива и Российского государственного военного архива, а также из частных коллекций. Большое внимание составители уделили событиям, связанным с формированием дроздовских частей, их участию во 2-м Кубанском походе, а также их судьбам в Зарубежье. Большинство источников публикуется впервые.

Редакция глубоко признательна директору Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко и заведующей фондами Русского Зарубежья Л.И. Петрушевой за помощь при подготовке книги к изданию.

Особую благодарность за участие в издании книги составители выражают наследнику офицера-дроздовца А. Соколовскому (Париж). Хотелось бы выразить признательность известному историку Белого движения Н.Н. Рутьчу (Париж) за поддержку при подготовке к публикации воспоминаний полковника П.В. Колтышева, а также М.В. Славинскому (Франкфурт-на-Майне) и И.В. Руднеко-Миниху (Севастополь), за предоставленные уникальные фотоматериалы.

*Василий Цветков –
главный редактор альманаха «Белая Гвардия»,
кандидат исторических наук*

часть первая

ДРОЗДОВСКИЙ

Было 1 января – начало нового 1919 года – второго года братоубийственной Гражданской войны, года, в котором суждено было окрепнуть и рухнуть надеждам на скорую гибель большевизма.

В этот первый день нового года скончался Михаил Гордеевич Дроздовский – человек, столько сделавший для блага России и еще более свершить для нее не успевший...

Атаман Каледин, генерал Марков, полковник Неженцев и сотни, тысячи других – судьба с самого начала не щадила русских патриотов на Юге, вырывая из их рядов нужных и преданных Родине людей. И скорбный список рос и рос изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год...

Михаил Гордеевич Дроздовский, ставший легендой, как и другие шефы-командиры «цветных» добровольческих полков, еще при жизни, погиб за Россию накануне новых суровых испытаний для белых армий.

«Нервный, худой, полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда – от Ясс и до самой смерти – в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице; он из скромности не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать. Офицер Генерального штаба – он не был человеком канцелярии и бумаг. В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведущего крестоносцев освобождать Гроб Господень... Полковник Дроздовский и был крестоносцем распятой Родины. Человек малого чина, но большой энергии и дерзновения, он первый зажег светильник борьбы на Румынском фронте и не дал ему погаснуть»¹.

Именно таким остался Михаил Гордеевич в памяти большинства соратников и их потомков. Знаменитый поход Яссы – Дон, 2-й Кубанский поход – вехи жизненного пути Дроздовского, известны сегодня многим. Многократно переизданные в современной России «Дроздовцы в огне» генерала А.В. Туркула, блестяще обработанные И. Лукашем², «Дневник» самого Михаила Гордеевича³, воспоминания других участников Гражданской войны⁴ – все эти труды посвящены последнему году жизни истинного русского патриота, поднявшего добровольцев на борьбу за поруганные Православные Святые, погибшего за Веру, Царя и Отечество. Соратники воспомина-

ли о Дроздовском: «В столетие, предшествовавшее Великой войне, слово “офицер” было синонимом слова “рыцарь”, а офицерская служба была служением России в беззаветном выполнении воинского долга. Михаил Гордеевич Дроздовский был одним из наиболее рыцарских офицеров Царя, а в служении Родине – одним из наиболее самопожертвованных»⁵.

Однако мы мало знаем о жизни М.Г. Дроздовского до начала судьбоносных для России перемен, о его семье, учебе, военной карьере и личной жизни. На многие вопросы еще только предстоит ответить. Пока же – лишь краткие страницы его биографии: «родился», «окончил», «переведен», «командовал» и проч., воспроизводимые в различных биографических справочниках⁶. Даже послужной список одного из наиболее знаковых для белого юга офицеров опубликован до сих пор не был.

Первая часть книги состоит из очерка, рассказывающего о жизни георгиевского кавалера генерала М.Г. Дроздовского, написанного на основе не публиковавшегося ранее архивного материала, личных бумаг Михаила Гордеевича, большая часть из которых вводится в научный оборот впервые, и статей соратников белого вождя, выходивших в свет только за рубежом. Отдельный раздел первой части книги составляет библиография работ, посвященных М.Г. Дроздовскому.

Наша книга – памятник Михаилу Гордеевичу и всем русским белым воинам, которые готовы были пожертвовать своими жизнями во имя Родины и унесли с собой в изгнание ее частицу...

Сегодня они возвращаются. Без их кропотливого, рассчитанного на изучение и понимание потомками труда, начатого в изгнании, эта книга едва ли была бы возможна.

Памяти Дроздовского и дроздовцев посвящается...

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ

«Если бы мог я ценой своей жизни купить победу!»

Из письма М.Г. Дроздовского. 1916 год

ДРОЗДОВСКИЕ

Михаил Гордеевич происходил из потомственных дворян Полтавской губернии. Именно там, в окрестностях города Прилуки, находилось «родовое гнездо» Дроздовских, приобретенное его отцом Гордеем Ивановичем уже после рождения сына Михаила.

Род потомственных дворян Дроздовских по определению Полтавского дворянского собрания от 7 августа 1863 года был внесен в третью часть дворянской родословной книги Полтавской губернии. Позднее Дроздовские были утверждены в правах указами Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 20 февраля 1864 года № 1378 и 3 июня 1878 года № 1781. Дворянство было получено дедушкой Михаила Гордеевича – титулярным советником Иваном Ивановичем Дроздовским⁷.

3 января 1835 года в семье тогда еще коллежского секретаря И.И. Дроздовского и его жены Ольги Яковлевны родился сын Гордей – отец героя очерка⁸. Выбравший военную карьеру Гордей Дроздовский воспитывался в Нежинской гимназии. В службу он вступил 2 ноября 1854 года унтер-офицером в резервный батальон егерского Тарутинского полка. 25 марта 1855 года по воле начальства Г.И. Дроздовский был переведен в резервный Егерский полк 17-й пехотной дивизии, а 3 апреля 1855 года – в 46-й пехотный Днепровский полк.

Для Российской Империи середина пятидесятых годов XIX века была временем тяжелой Крымской войны. В составе Днепровского полка, прибывшего в Крым 3 апреля 1855 года для участия в делах против соединенных войск Турции, Англии, Франции и Сардинии, получил боевое крещение и двадцатилет-

ний Гордей Дроздовский. Весной – летом 1855 года он находился в составе Севастопольского гарнизона, испытал все тяготы тяжелой обороны города. 4 августа 1855 года Г.И. Дроздовский участвовал в бою на реке Черной, а 24 августа – в сражении на северной стороне обороны во время атаки неприятелем Севастополя. На фронте Гордей Дроздовский находился по 20 марта 1856 года, когда было получено официальное известие о заключении Парижского мира, положившего конец неудачной для России войны. За участие на протяжении 59 дней в обороне Севастополя Гордею Ивановичу было прибавлены к сроку общей службы один год, девять месяцев и девятнадцать дней. Храбрость молодого унтер-офицера не осталась незамеченной. За отличие в боях Г.И. Дроздовский 22 сентября 1855 года был произведен в прапорщики (Высочайшим приказом утвержден в этом чине 20 декабря со старшинством 4 марта 1855 года)⁹.

С окончанием Крымской кампании Гордей Иванович продолжил воинскую службу. 4 июня 1859 года он был произведен в подпоручики, а 4 июня 1862 года – в поручики. В январе 1863 года Г.И. Дроздовский был назначен дежурным офицером в корпусное юнкерское училище в городе Павловске для заведывания юнкерами и преподавания воинских уставов и находился там до его расформирования (осенью того же года он был вновь переведен в Днепровский полк).

Усердие в службе поручика Гордея Дроздовского было особо отмечено начальством. Так, 9 ноября 1863 года из штаба 12-й пехотной дивизии был подан рапорт командиру 46-го пехотного Днепровского полка с просьбой о представлении офицера к награде: «Командуемого Вами полка поручик Дроздовский состоял при бывшем корпусном юнкерском училище дежурным офицером <и> обратил на себя внимания начальства отличным знанием службы и умением руководить молодыми людьми. Он с успехом преподавал в училище устав строевой службы и успел укоренить между юнкерами правила воинской дисциплины, и потому вполне заслуживает награждения за его усердное исполнение возложенных на него обязанностей. Вследствие чего прошу Ваше Высокоблагородие удостоить его к награде и доставить в самом скором времени наградной о нем лист»¹⁰. Ходатайство начальства было замечено. 27 января 1864 года Гордея Ивановича назначили полковым адъютантом, а 31 января 1865 года за отличие по службе наградили орденом Святого Станислава 3-й степени¹¹.

27 апреля 1866 года в жизни Г.И. Дроздовского произошло значительное событие. В возрасте тридцати одного года он обвенчался с дочерью отставного полковника Николая Дирина, двадцатидвухлетней девицей Надеждой Николаевной, в браке с которой у них родилось пятеро детей¹².

11 января 1868 года за отличия по службе Г.И. Дроздовский был произведен в штабс-капитаны, а 20 января 1871 года – в капитаны. В 1871 году он был временно отчислен от полка – получил в августе назначение командиром роты юнкеров Киевского пехотного юнкерского училища. 31 мая 1874 года состоялось очередное повышение – Г.И. Дроздовский был произведен в майоры. 20 февраля 1878 года Гордей Иванович был назначен исполняющим обязанности заведующего хозяйством в Киевском училище.

Высочайшим приказом от 15 мая 1883 года за отличие по службе Г.И. Дроздовский был произведен в подполковники с отчислением от училища и летом того же года откомандирован в родной Днепровский полк. В апреле следующего года Гордей Иванович был прикомандирован к 48-му пехотному Одесскому полку для командования батальоном, а в ноябре 1884 года – Высочайшим приказом переведен в его ряды на службу. В январе 1885 года последовало утверждение Гордея Ивановича в должности командира батальона Одесского полка. В 1886 году приказом войскам Киевского военного округа он был назначен временным членом в Киевский военно-окружной суд.

22 ноября 1890 года, с Высочайшего разрешения, Г.И. Дроздовский был командирован в Ковно* для командования вновь формируемым 3-м крепостным Ковенским батальоном. 7 января 1891 года Высочайшим приказом Гордей Иванович был произведен в полковники с назначением командиром Ковенского батальона. Последнее назначение Дроздовский получил в возрасте 57 лет: 1 декабря 1892 года Высочайшим приказом он был назначен командиром 168-го пехотного резервного Острожского полка.

Служба Г.И. Дроздовского была отмечена рядом наград. Помимо упоминавшегося ордена Святого Станислава 3-й степени за оборону Севастополя Гордей Иванович был награжден орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом «За 25 лет службы» (22 сентября 1881 года), Святой Анны 2-й (15 февраля 1887 года) и 3-й степени (17 февраля 1878 года), Святого Станислава

* Официальное название города Каунас (ныне Литва) до 1917 года.

2-й степени (9 мая 1882 года), а также серебряной медалью «За защиту Севастополя с 1854 по 1855 год» и бронзовой «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов». Согласно свидетельству Главного управления Общества попечения о раненых и раненых воинах от 28 августа 1880 года за № 20226, Г.И. Дроздовскому было разрешено носить также знак Красного Креста¹³. Уже будучи генерал-майором в отставке, 30 ноября 1904 года Гордей Иванович был Всемилостивейше пожалован серебряной медалью «В память 50-летия обороны Севастополя» для ношения на груди на Георгиевской ленте¹⁴.

В противоположность утверждениям советской историографии о «помещиках-белогвардейцах», недвижимость у Дроздовских была более чем скромной. Согласно вводу листу 19 октября 1887 года Гордей Иванович Дроздовский за 1500 рублей приобрел у титулярного советника Ильи Ивановича Дроздовского (своего родного брата. – *Р.Г.*) имение в Полтавской губернии, «с участками земли в городе Прилуки и дачах возле города» общей площадью всего в 12 десятин. Заметим, что средний крестьянский надел в Полтавской губернии составлял в то время порядка 15 десятин.

Скончался Г.И. Дроздовский в январе 1908 года в возрасте 73 лет. О том, каким уважением пользовался боевой офицер у сослуживцев, какое влияние он оказал на воспитание детей, говорит семейная переписка. Письмо дочери Юлии М.Г. Дроздовскому, рассказывающее о смерти отца, как нельзя лучше показывает отношение родных и однополчан к Гордею Ивановичу: «После твоего (имеется в виду М.Г. Дроздовский. – *Р.Г.*) отъезда папа почти все дни находился в дремотном состоянии... Хотя я и видела, что он совсем плох, я все-таки не ожидала такого близкого конца, все это случилось как-то вдруг. Только за два дня до смерти он потерял окончательно силы, стал какой-то беспомощный, был в каком-то тревожном состоянии... Но до последнего вздоха он не терял сознания, хотя абсолютно ничего не говорил. <...> И как честно, благородно и бескорыстно все делалось! А полк отнесся к смерти своего бывшего командира и его осиротевшей семье, как и предполагать нельзя было. Не только до мельчайших подробностей были исполнены все желания папочки, но он и предполагать не мог той сердечности и задушевности, какие оказал ему полк помимо полагавшихся ему воинских почестей. Солдаты до последней секунды служили ему. Они несли его на руках до кладбища, катафалка ехала только для виду, солдаты опустили его и в могилу. Из квартиры до церкви

офицеры пожелали сами нести его на руках. Все офицеры во главе с командиром (командир Острожского полка, полковник Дмитрий Петрович Кадомский. – Р.Г.) присутствовали на погребении. В похоронах участвовал и полковой священник Соколовский, почти не выходявший из нашей квартиры и оказавший очень много внимания и участия. <...> Да, последняя честь папе была отдана такая, какую вполне заслужил этот **идеально честный и благородный человек** (выделено мной. – Р.Г.)»¹⁵.

Задолго до этого умерла мать Михаила Гордеевича – Надежда Николаевна, родившаяся в 1844 году и бывшая почти на десять лет моложе своего мужа. 25 августа 1893 года, пятидесяти лет от роду, она скончалась от порока сердца и была похоронена в городе Острогжске Воронежской губернии¹⁶.

У Гордея Ивановича и Надежды Николаевны было четыре дочери и один сын. Три сестры были значительно старше Михаила Гордеевича. Первым ребенком в семье была Юлия¹⁷, родившаяся в 1866 году. Позднее появились на свет Ульяна (в 1869 году, скончалась в 1921 году в возрасте 52 лет), Мария (1870 г/р) и Евгения (1873 г/р, на июнь 1916 года была жива)¹⁸.

С Юлией, фактически воспитавшей его, у Михаила Гордеевича были наиболее доверительные и теплые отношения. Он нередко называл сестру (именуя ее в письмах Джульеттой) единственным «человеком из близких мне, в чувстве которого мне не придется разочароваться».

Юлия Гордеевна по своему характеру во многом походила на брата. Так же как и он, она томилась в отсутствии дела, а в тяжелое для Родины время не могла позволить себе оставаться в стороне. С началом Русско-японской войны Юлия Дроздовская решила ехать на Дальний Восток. Она прошла двухмесячный курс Попечительского совета Черниговской общины сестер милосердия Святого Феодосия и 19 апреля 1904 года была признана достойной звания сестры. По окончании курсов она занималась в хирургическом отделении Черниговской губернской земской больницы, где «показала себя вполне знающей и умелой при перевязках больных и операциях». Вскоре после этого Юлия была командирована на Дальний Восток, в общий резерв сестер милосердия, где пробыла с марта 1905 по февраль 1906 года¹⁹. В июне 1905 года она была сестрой милосердия 9-го сводного Харбинского госпиталя, находившегося на станции Гунчжулин. Приказом № 764 командующего войсками Дальнего Востока в марте 1906 года Юлия Гордеевна была награжден-

дена серебряной медалью, о чем узнал из телеграммы старый генерал Гордей Дроздовский. О том, что Юлия действительно целиком отдавалась своему делу, говорят письма ее бывших больных и их родственников. На адрес Дроздовской в Хабаровск, и позднее в Чернигов пришло не одно письмо, в которых люди выражали ей признательность и благодарность: «От всей души благодарим Вас за все Ваши труды, которые Вы понесли в то время, когда ухаживали за нашим сыном»²⁰.

В 1907–1908 годах Ю.Г. Дроздовская некоторое время жила в Санкт-Петербурге. Личная жизнь Юлии Гордеевны не сложилась – она так и не вышла замуж. Сохранилось письмо от ее жениха, датированное 1893 годом (вполне вероятно, что, будучи военным, он погиб)²¹.

Юлия часто писала брату Михаилу, тревожась о его судьбе. Отец, Г.И. Дроздовский, отвечал ей в 1905 году из Чернигова в Хабаровск: «Ну, как ты, Юля, не обратишь внимания на те условия (Русско-японской войны и начавшейся революции 1905 года. – *Р.Г.*), при которых мы теперь живем, и все шлешь и шлешь телеграммы о Мише. Ведь если они пропадают или через две–три недели приходят, то сколько бы ни послала ты их, этим не ускоришь получение желаемых сведений». И в годы Великой войны Юлию Дроздовскую не оставляли заботы о брате. В 1915 году она писала своей подруге: «От Михаила Гордеевича писем, с тех пор как мы виделись, не было. Это и не случайно, так как почта никуда не ходит на фронт... Я надеюсь, что он теперь в лучших условиях, чем раньше». В июне 1917 года, в ответ на ее многочисленные запросы о брате, полковой адъютант штабс-капитан П.Д. Куравец* отвечал ей: «Брат Ваш, полковник М.Г. Дроздовский, командует полком, здоров и хорошо себя чувствует»²².

Юлия Гордеевна фактически стала второй матерью не только для Михаила Гордеевича, но и для своих племянниц. Одна из них, Анастасия**, после смерти матери (очевидно, Марии Дроздовской) писала Юлии: «Я лишилась лучшего друга и советчика, и найти снова такого же друга в тебе – для меня большое утешение и поддержка»²³.

* Капитан Павел Дмитриевич Куравец – будущий участник похода Яссы – Дон (ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 79. Лл. 9–16).

** Небезынтересно, что женихом этой племянницы был Борис Штейфон, впоследствии один из видных участников Белого движения на юге России (ГА РФ. Ф. Р-7334. Оп. 1. Д. 13. Л. 19).

Во время Великой войны Юлия Гордеевна находилась в Чернигове и была тяжело больна. Одна из ее подруг, А.А. Каспрович, писала ей в те годы: «Вы, дорогая барышня, ничего не знаете, как я в душе Вас жалею, вспоминая, что Вы так и остались ни при ком. Если бы я жила близко возле Вас, то я бы каждый день Вас навещала». Согласно сохранившемуся свидетельству от 16 сентября 1917 года, у Ю.Г. Дроздовской был паралич ног и рук, ей был предписан полный покой и требовался постоянный уход²⁴. Еще ранее, в одном из писем к брату Юлия Дроздовская сетовала, что болезнь не позволяет ей идти сестрой милосердия в госпиталь и продолжить службу Родине.

Во время Гражданской войны неизлечимо больная Ю.Г. Дроздовская находилась в Чернигове, в богадельне. После занятия города белыми в октябре 1919 года она была эвакуирована на юг в сопровождении сестры милосердия дроздовского полка²⁵. Судя по всему, дроздовцы не оставили сестру своего шефа при уходе из Крыма. Юлия Гордеевна Дроздовская скончалась на чужбине 7 января 1922 года и была похоронена на Русском кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). Остается неизвестным, у кого из близких Михаила Гордеевича хранилась его переписка с сестрой. Все копии личных писем Дроздовского датированы 1930-ми годами и сняты в одном месте – болгарском городке Мездра (недалеко от Софии).

«Я ДУМАЮ БЫТЬ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ...»

Михаил Дроздовский родился 7 октября 1881 года в Киеве. Через два месяца он был крещен в Киево-Печорской Спасской церкви. Восприемниками от купели были подполковник Иван Иванович и Елена Ивановна Дроздовские – брат и племянница Гордея Ивановича. Таинство крещения совершил священник Климент Фоменко с диаконом Феодотом Левитским и пономарем Иваном Валиковским²⁶.

Уже в 12 лет Михаил остался без матери, и заботы по его воспитанию всецело легли на сестру Юлию. Будучи единственным сыном и младшим ребенком, Михаил Дроздовский с детства был баловнем всей семьи, что, впрочем, не отразилось на его характере. По свидетельству старшей сестры, он отличался самостоятельностью, необычайной любознательностью, впечатлительностью и крайней

нервностью. Воспитываясь в офицерской семье, ребенок полюбил военные игры, часто переодевался в солдат, играл с саблями и револьверами, которые сам и мастерил из дерева. Уже в раннем детстве отчетливо проступили такие черты характера Михаила Дроздовского, как склонность к одиночеству, скрытность и замкнутость, нитью прошедшие через всю его жизнь. Товарищей для детских игр у Миши не было. Он предпочитал общество денщиков отца, заслушивался их рассказами о войнах и полковой жизни. К семи годам у мальчика появился интерес к рисованию и поэзии. Любимыми стихами Михаила были яркие описания войн и сражений. Декламируя их, он представлял сцены в лицах и просил при этом сестер выслушивать его²⁷.

Семейные традиции и предрешили судьбу сына – 31 октября 1892 года приказом по военно-учебным заведениям Михаил Дроздовский был определен в Полоцкий кадетский корпус, расположенный относительно недалеко от места службы отца, командовавшего в то время Ковенским крепостным пехотным батальоном. Вскоре после поступления кадет Михаил Дроздовский был переведен во Владимирский Киевский кадетский корпус, из которого был выпущен в 1899 году при среднем балле в 8,06²⁸.

По воспоминаниям воспитателей, Михаил Дроздовский демонстрировал «выдающиеся способности наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей». Кадетские однокашники вспоминали постоянно сопровождавший их будни окрик офицера-воспитателя полковника Гааса: «Дроздовский, под арест!» При этом все отмечали мужество Михаила, честность и щепетильность. Он прямо, без колебаний, сознавался в провинностях, никогда не страшился наказания и не прятался за спины других. Поэтому, несмотря на вспыльчивость, горячность и порой резкую откровенность, он пользовался уважением и доверием товарищей по классу. Любовь к военному делу дисциплинировала мальчика, преуспевавшего к тому же в учебе²⁹.

31 августа 1899 года Михаил Дроздовский вступил в службу юнкером рядового звания в Павловское военное училище в Санкт-Петербурге³⁰, известное своей особенно строгой дисциплиной и считавшееся образцовым в деле подготовки офицерских кадров Русской Императорской армии³¹. Михаилу Дроздовскому было очень тяжело справиться со своим характером. Он не мог покорно, а главное, без пререканий, выслушивать окрики начальства, зачастую несправедливые и абсурдные замечания. Учеба

в училище стала серьезным испытанием для молодого человека. Карцер был почти постоянным местом пребывания непокорного Дроздовского. Однажды Михаил даже вывесил свою визитную карточку на дверях карцера, уверяя всех, что ему предоставили отдельную комнату в училище. За это он понес еще большее наказание. Жизнь в училище одно время казалась ему настолько тяжелой, что он известил отца о намерении прервать образование. Однако авторитет отца, его письма и убедительные просьбы побудили Михаила не только не уйти, но и закончить училище в числе лучших выпускников³².

Иначе складывались учебные дела М. Дроздовского. «Что же касается учения, – писал Михаил сестре Юлии в октябре 1899 года, – я чувствую себя в училище после корпуса как сыр в масле, в особенности по математике и военным наукам. Ряд оценок весьма грандиозный, положительно поставивший в тупик всех моих товарищей-киевлян. И хотя мне малость испортили дело словесные науки, но, подтянувшись по ним, я думаю быть в первом десятке из всего младшего курса, то есть из 180 человек. И если мне не помешают поведение и строевое образование, я на следующий год надеюсь надеть тесак. Впрочем, ты, вероятно, не поняла моего последнего выражения, так как оно является техническим. Дело в том, что все простые смертные юнкера носят штык, а тесак с офицерским темляком является оружием, присвоенным исключительно портупей-юнкерам»³³.

Дроздовский почти выполнил обещание, данное родным. На старший курс училища он был переведен 13-м из 152 учащихся с общим средним баллом в 9,29. «Собираюсь опять еще выше, так как решил попасть в Генеральный штаб во чтобы то ни стало, и попаду, помяни мое слово», – писал он сестре в июне 1900 года³⁴.

Михаил окончил Павловское военное училище в 1901 году по первой категории первого разряда, 38-м из 141 выпускника. При этом М.Г. Дроздовский был первым в выпуске из юнкеров. Несмотря на достигнутые успехи, в портупей-юнкера он переведен не был, хотя по своему среднему баллу – 10,30 – занимал 8-е место. 8 марта 1901 года он был переименован в юнкера унтер-офицерского звания. Производство в младшие портупей-юнкера последовало только 17 июля 1901 года³⁵.

По окончании училища Михаил Дроздовский был произведен в подпоручики с направлением в Лейб-Гвардии Волынский полк, расквартированный в Варшаве. Желание выпускника Павловского

училища побывать на Родине в Прилуках и «явиться дяде уже не кадетом, а рядовым образцового и лучшего батальона всей Русской армии» сбылось³⁶. 15 сентября 1901 года он прибыл в полк и был назначен младшим офицером в 8-ю роту³⁷.

Пребывание в Волынском полку окончательно сформировало характер Михаила Гордеевича. В полку существовала особая система воспитания, проводившаяся старшими офицерами по отношению к молодежи. Дисциплина, первое и главное требование всякого военного, была в полку очень строга. Воспитывалась любовь к Родине, к полку и его традициям, забота о солдатах, корректное и сдержанное отношение к однополчанам. При этом в полку не было строгого окрика со стороны начальников, а если и делалось замечание, то в форме совета старшего младшему. Волынский полк развил у М.Г. Дроздовского выдержку, умение повиноваться и управлять подчиненными, да и сам характер взаимоотношений офицерства был близок взглядам молодого человека. В полку была прекрасная библиотека, выписывались журналы, что давало возможность следить за литературными и научными новинками. Михаил Гордеевич в это время много читал. Он интересовался литературой, философией, новыми научными открытиями и др.³⁸

Впрочем, не только служба и занятия занимали тогда жизнь Михаила Дроздовского. Несмотря на многократно отмеченную соратниками по белой борьбе аскетичность, молодой офицер в это время вел в Варшаве активную светскую жизнь, подчас трудно сопоставимую со сложившимся позднее образом «воина-аскета». «По праздники и все время вплоть до масленицы прошло бешено и промелькнуло как в калейдоскопе, – писал в апреле 1903 года Дроздовский сестре. – До чего я измотался в это время, ты себе и представить не можешь. Балы-маскарады, танц-вечера, различные поездки чередовались одни за другими безостановочно. Теперь у меня много знакомых и было бы еще больше, но мне самому приходилось отказываться от новых знакомств, чтобы хоть один вечер иметь возможность провести дома. <...> Здесь все и вся носят одну непроницаемую маску – маску светского человека. Холодный, невозмутимый, светски-великолепный, всегда с готовым ответом на любой вопрос, вежливо-нахальный, с лицом, застывшим в иронической улыбке, на котором не прочтешь ни радости, ни горя, ни восторга, ни осуждения, каждое слово – строго взвешенное на весах – вот истинный тип людей нашего круга, как женщин, так и мужчин...»

Однако свободного времени у молодого офицера было не так и много. «Служба несется у нас очень строго, – писал Дроздовский, – а я, Божьей Милостью, оказался единственным офицером в роте и на своей шее должен вынести все занятия с нижними чинами, которые отнимают у меня время с 8 часов утра и до 5.30 вечера, с небольшим промежутком, едва достаточным для отдыха». «Последние два месяца с половиной я был занят, как ломовая лошадь. Не знаю, известно ли тебе, что по приезде из отпуска меня законопатили в учебную команду, и к дневным строевым занятиям прибавились еще вечерние – поправление солдатских винтовок и письменных ответов. Занятия более чем возмутительные. Часа по два провожу теперь в фехтовально-гимнастическом зале, где с увлечением занимаюсь фехтованием на шпагах и эспандерах. Кроме того, занимаюсь ежедневно гимнастикой на машинах и атлетикой с гириями и уже свободно выжимаю кверху 3 пуда 7 фунтов. Еще 33 фунта – и я буду выжимать кверху почти вес атлетов второго разряда. Года через два я буду обладать такой силой, которую в наш век редко можно встретить. Не забрасываю и прочие виды спорта: верховую и велосипедную езду и стрельбу»³⁹.

Еще по окончании училища у Дроздовского сложилось твердое намерение поступить в Академию Генерального штаба. Он находил свои специальные знания крайне недостаточными для дальнейшей карьеры. Во многом на его решение повлияла переписка с отцом, считавшим, что Михаилу Гордеевичу необходимо продолжить свое военное образование⁴⁰. В августе 1904 года М.Г. Дроздовский был командирован из Волынского полка в Академию для сдачи экзаменов. «Вчера прошел один из самых трудных моих экзаменов – историю, – писал Дроздовский сестре Юлии. – Трудный он был потому, что подготовки было всего 3 дня, а на то я и “Михаил Дроздовский”, чтобы до поездки в Питер не открывать книг. <...> Осталось только два предмета – артиллерия и тактика, но ввиду того, что не родился еще на свете человек, который бы мог срезать меня по этим предметам, я считаю себя поступившим. Да и вообще, разве может быть какой-нибудь экзамен, которого не выдержал бы твой брат. До сих пор я иду одним из первых. Все легенды о необычайной трудности попасть <в Академию> распускаются обыкновенно неудачниками. Держать экзамен приезжают иногда такие раритеты, что становится вчуже стыдно за офицерский мундир. Можно явиться без знаний и воспользоваться двух-, трех-, четырехдневными

подготовками, но явиться без знаний людям совершенно неразвитым, конечно, рискованно»⁴¹.

4 октября 1904 года, выдержав экзамены, М.Г. Дроздовский приказом по Генеральному штабу был зачислен в Академию⁴².

ПЕРВЫЙ БОЕВОЙ ОПЫТ

Но в скором времени учеба была отложена на неопределенный срок – к моменту поступления Михаила Дроздовского в Академию Генерального штаба минуло уже более полугода Русско-японской войны. «Была бы дивная комбинация попасть в Академию, а оттуда на войну, по окончании которой я приобретаю право возвращения <в Академию> уже без экзаменов», – писал в 1904 году поручик Дроздовский своей сестре еще до окончания вступительных экзаменов. Ради отправки на войну молодой офицер даже отказался от «теплого» места начальника этапа – «в дело не попадешь, а год потеряешь», посчитал он⁴³. Несмотря на блестящие перспективы (слушатели Академии не подлежали обязательному призыву в действующую армию), Михаил Дроздовский предпочел отправиться на фронт.

Уже 19 октября, всего через две недели после зачисления в Академию, поручик М.Г. Дроздовский был переведен в 34-й стрелковый Восточно-Сибирский полк в чине поручика, куда он прибыл согласно поданному рапорту 25 ноября 1904 года. При этом Дроздовскому, как он и рассчитывал, было предоставлено право по окончании войны вновь поступить в старший класс Академии после сдачи переводных экзаменов или без них в младший класс.

В середине января 1905 года в рядах 34-го Восточно-Сибирского полка Дроздовский участвовал в боях с японской армией в составе 1-го Сибирского корпуса 2-й Маньчжурской армии. Приказами войскам 2-й Маньчжурской армии № 87 и 91 в апреле 1905 года за отличия в боях с японцами с 12 по 16 января 1905 года у деревень Тутайцзы, Хейгоутай и Безымянной (Сумапу) Михаил Гордеевич был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Тогда же, 14 января 1905 года, в бою у деревни Безымянной (Сумапу) на реке Хунхэ он получил сквозное ранение ружейной пулей в бедро (легкая хромота осталась у него на всю жизнь). С 18 марта М.Г. Дроздовский командовал 10-й ротой 34-го Восточно-Сибирского полка, а с 10 мая, после

развертывании полка в четырехбатальонный состав и переименования 10-й роты – 15-й.

Упомянутое награждение орденом Анны 4-й степени не было для молодого офицера единственным за Русско-японскую войну. Уже после прибытия Михаила Гордеевича в Академию, 30 октября 1905 года, он был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а на основании приказов по Военному ведомству № 41 и 139 получил право на ношение светло-бронзовой медали с бантом «В память Русско-японской войны 1904–1905 годов».

Война подошла к концу. Россия потерпела тяжелое и обидное поражение, не исчерпав, в отличие от противника, ресурсы для продолжения противостояния. Однако революционные события, захлестнувшие страну, вынудили Российскую Империю заключить Портсмутский мир. Русские офицеры тяжело восприняли поражение в войне. Многие из них возвращались с Дальнего Востока с огромным желанием самосовершенствования и работы на дело модернизации Русской армии. Среди них был и М.Г. Дроздовский. В начале сентября 1905 года он сдал командование 15-й ротой 34-го Восточно-Сибирского полка и 9 сентября отбыл в Санкт-Петербург для продолжения своего образования⁴⁴.

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Учеба в Академии Генерального штаба продолжалась три года и потребовала от М.Г. Дроздовского полной самоотдачи. 18 октября 1905 года приказом по Генеральному штабу № 53 подпоручик Михаил Дроздовский был зачислен в младший класс Академии, не воспользовавшись льготой, позволявшей ему, сдав экзамены, перейти сразу в старший класс. 18 ноября 1905 года подпоручик Михаил Дроздовский вернулся в родной Лейб-Гвардии Волынский полк.

В апреле 1906 года Михаил Дроздовский был произведен в поручики (со старшинством 13 августа 1905 года). 18 августа 1907 года, окончив по первому разряду два класса Академии, приказом по Генеральному штабу № 64 он был переведен на дополнительный курс. Почти через год, 2 мая 1908 года Михаил Гордеевич, завершивший обучение в Академии, за отличные успехи в науках был произведен в штабс-капитаны⁴⁵.

По окончании Академии молодому офицеру было выдано 300 рублей на первоначальное обзаведение лошадьё со всеми принадлежностями. Выпускники Академии были обязаны проходить срочную службу в Военном ведомстве. 23 мая 1908 года приказом № 19 М.Г. Дроздовский был причислен к Генеральному штабу и откомандирован от Академии в штаб Варшавского военного округа для отбытия там лагерного сбора. На время сбора Дроздовский был отправлен в прикомандирование к управлению 49-й пехотной резервной бригады, где пробыл до сентября 1908 года.

11 сентября 1908 года из штаба Варшавского военного округа Дроздовский был откомандирован в свой Волынский полк, где согласно приказу по Генеральному штабу № 20 отбывал двухгодичное цензовое командование ротой. В свое распоряжение Дроздовский получил 9-ю роту, командовав ею до 4 ноября 1910 года.

26 ноября 1910 года после отбытия обязательного ценза командования ротой Михаил Дроздовский был переведен в Генеральный штаб с переименованием в капитаны (старшинство 2 мая 1908 года) и назначением на должность обер-офицера для поручений при штабе Приамурского военного округа в Харбине, куда прибыл 26 февраля 1911 года.

На Дальнем Востоке за год службы Дроздовский принял участие в ряде поездок и сборов: с 24 мая по 17 июня 1911 года – в полевой разведывательной поездке офицеров Генерального штаба у урочища Ново-Киевского, с 5 по 19 сентября – в подвижном сборе и больших маневрах в Южно-Уссурийском крае, в октябре – в полевой разведывательной поездке офицеров Генерального штаба у Южного берега озера Ханка.

26 ноября 1911 года М.Г. Дроздовский вновь получил назначение в Варшавский военный округ на должность помощника старшего адъютанта штаба округа, отбыв в конце января 1912 года к месту службы. Служба в округе была напряженной: в июне 1912 года Михаил Гордеевич находился на специальном артиллерийском сборе для ведения тактических занятий с офицерами 6-го корпуса, в июле – в командировке на специальном пулеметном сборе в Рембертове и в полевой разведке офицеров Генерального штаба округа у города Волковьска и др. В июне 1912 года Дроздовский временно исполнял должность старшего адъютанта отчетного отделения.

Служба на благо Отечества за это время была отмечена рядом наград. 6 декабря 1911 года Михаил Гордеевич был награжден

орденом Святой Анны 3-й степени. На основании положения, объявленного в приказе по Военному ведомству № 433 от 26 августа 1912 года, Дроздовский получил право на ношение светло-бронзовой медали «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года». Позднее, согласно приказу по Военному ведомству № 95 от 12 марта 1913 года, он также получил право на ношение светло-бронзовой медали «В память 300-летия царствования Дома Романовых»⁴⁶.

Действенная натура Михаила Гордеевича не могла примириться с чисто канцелярской работой, отведенной ему в штабе. Невысокий чин и невозможность проявлять инициативу заставляли его страдать. В октябре 1912 года, с началом 1-й Балканской войны, М.Г. Дроздовского не оставляла мысль принять в ней участие, вновь попасть в бой и услышать свист пуль. Он подал прошение о командировании на войну, но получил отказ. 22 ноября 1912 года он записал: «Моя мечта принять участие в Балканской войне почти облеклась в реальные формы, я почти торжествовал, но вчера все рухнуло – категорически воспрещены поездки, и я должен сидеть смиренно. До каких же пор?..»

В том же 1912 году штабс-капитан Дроздовский начал работу над большим трудом по стратегии, затрагивавшим будущее русско-германское противостояние. Приезжая в Петербург, он часто посещал Публичную библиотеку, где собирал необходимые материалы. К сожалению, работа, которую Михаил Гордеевич все же успел завершить, погибла⁴⁷.

В 1913 году М.Г. Дроздовский, прекрасно понимавший значение боевой техники, увлекся авиацией, бурно развивавшейся в то время в России. Грядущая война должна была стать для мировых держав первым большим опытом ее применения на практике.

Михаил Гордеевич был одним из немногих офицеров, совершивших первые полеты на самолетах еще до начала Великой войны: «Недавно совершал полеты на аэропланах, – писал он в апреле 1913 года, – два на “Ньюпоре” и один на “Фармане”. Подымался <на высоту> свыше 800 метров, летал продолжительностью в 10, 22 и 5 минут. Нахожу, что занятие это в высшей степени увлекательное и вполне понимаю, что массы людей идут по этому пути, невзирая на гибнущих. Первое мгновение, когда садишься на аппарат, и в самом начале полета было немного жутко, особенно когда порывы ветра покачивали, а потом наоборот – особенно приятное ощущение».

Согласно письму Главного управления Генерального штаба № 8547 от 29/30 мая 1913 года, Дроздовский был командирован в Севастополь в Офицерскую школу авиации Отдела воздушного флота, куда и отбыл 13 июня. «Получил командировку в Севастополь, в авиационную школу, учиться наблюдениям с аэропланов. По сему случаю пребываю в телячьем восторге... Во всяком случае, большой отдых от гнетущего однообразия моего постоянного бумагомарания ...летательная перспектива вдохнула в сердце дух живой!», – писал Дроздовский об ожидаемой поездке⁴⁸.

Лагерь авиационной школы, в которую был командирован Михаил Гордеевич, находился примерно в 15 верстах от Севастополя. После штабной «канцелярской» деятельности подобная командировка для помощника ка старшего адъютанта штаба округа была, безусловно, большим отдыхом от повседневной рутины. Живем «в ящиках от аэропланов, в которых проделаны одна и двери, – описывал свое пребывание в лагере Дроздовский. – Размер помещения на каждого человека – примерно как товарный вагон обыкновенного размера. Немного протекает и продувает, но это не беда. <...> Живем, в общем, на даче, на самом берегу моря; морской воздух, солнечные ванны, купание в море, юг и солнце – все что угодно, чтобы лечить нервы». Уже к началу августа Михаил Гордеевич совершил ряд полетов и даже «научился немного управлять аппаратом в воздухе и несколько раз вел его самостоятельно под контролем летчика». «Это удивительно увлекающая вещь, – писал он сестре, – и я глубоко сожалею, что не разрешили мне учиться летать – мое управленье было контрабандой и лишь на воздухе, а самым трудным являются посадка и взлеты».

Подобная увлеченность авиацией вполне могла привести не только к полетам в качестве офицера-наблюдателя, но и сделать М.Г. Дроздовского военным летчиком. К концу лета он окончил серию полетов пассажиром (проходивших иногда в тяжелых условиях), налетав в общей сложности около 2000 верст. «Теперь на время перестал летать пассажиром, но зато начал уроки самостоятельного управления; надеюсь, если все будет благополучно, то есть аппарат будет в исправности и дни будут хорошие, то дней через семь-восемь <я смогу> сделать первый самостоятельный полет». Однако надеждам Дроздовского научиться самостоятельно летать сбыться было не суждено: «За последнее время летать почти что совсем не приходилось: смерть наших двух летчиков, разбившихся через неделю один за другим, отняла массу времени на панихиды и

похороны (а в такие дни полетов не бывает), а главное, какая-то сугубо скверная, совсем не южная погода, стоящая последнее время – то штормы, то дождь... Зато удалось познакомиться поближе с флотом: удалось пойти в море на броненосце на боевую стрельбу; ходили также в море на подводной лодке и спускались под воду в водолазном костюме. Не правда ли, полная программа: «Я опущусь на дно морское, я поднимусь за облака...»⁴⁹

За время прикомандирования к авиационной школе Дроздовский совершил двенадцать полетов, каждый из которых был продолжительностью не менее 30 минут. Всего же Михаил Гордеевич находился в воздухе 12 часов 32 минуты⁵⁰.

По возвращении из авиационной школы Дроздовский вновь в штабе Варшавского военного округа. В мае – июле 1914 года он временно исполнял должность старшего адъютанта отчетного отделения. «Завален работой, которая мне, к слову, опостылела своей бессмысленностью», – описывал свою деятельность Михаил Гордеевич в то время. «Прихожу домой редко когда раньше шести, а иногда еще и дома приходится служебными делами заниматься. А заняться чем-нибудь поинтереснее – и времени совсем нет. И все свое небольшое свободное время сиднем дома сижу. <...> Порою тошно от всего становится. Интересно знать, повернется ли когда-нибудь колесо фортуны? Видишь, какие все грустные мотивы!..»⁵¹.

Однако уже в скором времени о «канцелярской» деятельности Дроздовскому пришлось забыть навсегда...

«ТЕБЕ НИКОГДА НЕ ПРИДЕТСЯ КРАСНЕТЬ ЗА СВОЕГО БРАТА...»

«Видишь, какая игра судьбы, дорогая Юличка. Думал осенью заехать к тебе на пару недель, а попал на войну», – написал Дроздовский в письме к сестре 30 августа 1914 года⁵². Великая война начала отсчет последних лет Российской Империи. Патриотический подъем, начавшийся в стране с началом военных действий, захватил и Михаила Гордеевича.

18 июля 1914 года приказом № 14 по войскам Варшавского военного округа Дроздовский был назначен исполняющим должность помощника начальника общего отделения штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта⁵³. Штабная работа, успевшая надоесть ему еще в мирные годы, с началом боевых

действия стала для него невыносима. «К глубокому своему огорчению, попал в штаб Главнокомандующего Германским фронтом. Сижу, Бог знает как далеко от противника, и бесконечно этим удручен: это уже не война, а те же самые маневры: тут даже орудийного выстрела не услышишь!.. <...> Здесь, правда, больше в курсе дела, но зато не услышишь свиста пули, а без этого разве война – война!!! Ничего, пойдут убитые и раненые, а также ищущие места побезопаснее, будет и мне замена. Эта война, величайший исторический момент – моя великая, самая страстная мечта, и я принужден оставаться в стороне, разве можно сказать, что я участвую в ней?», – расстраивался по поводу своего назначения Дроздовский⁵⁴.

29 августа по собственному желанию М.Г. Дроздовский был командирован в штаб 27-го армейского корпуса на должность обер-офицера для поручений. Но штаб корпуса еще не был сформирован, и он оказался в штабе Варшавского отряда⁵⁵. «Из штаба Главнокомандующего удалось наконец выбраться поближе <к фронту>, но опять не повезло – стоим все на месте и никак до неприятеля добраться не можем», – по-прежнему сокрушался Дроздовский.

В это время Михаилу Гордеевичу удалось на практике применить опыт, полученный во время пребывания в авиационной школе. «Летал несколько раз на аэроплане, а раз на воздушном шаре, – писал он с фронта. – С дирижабля хотели набросать немцам на головы несколько бомбочек, но по дороге минут десять нас обстреливали свои – непрерывным ружейным огнем. Экипаж отделался благополучно – не зацепили никого, но шар пробили в нескольких местах, и он стал снижаться. Пришлось вместо немецкой стороны уходить домой. Испытал кислые минуты, ибо нет на войне опасности противней, как опасность от своих».

Но мечта Дроздовского попасть в настоящее дело все еще не осуществлялась. «В общем, мне действительно не везет: в бой никак до сих пор не могу попасть, а руку в локте успел вывихнуть полностью – хорошо еще, что левую. Вывих крепкий, по словам доктора, вывихнуто все, что только можно было вывернуть. И как глупо – ночью шел и зацепился за проволоку. Теперь таскаю руку на перевязи, и затянется ее лечение на долгое время»⁵⁶.

Вплоть до весны нового, 1915 года Михаил Гордеевич получал назначения, на которых задерживался лишь непродолжительное время. Его мечта участвовать в боевых действиях пока оставалась неосуществимой. 6 сентября предписанием № 230 начальника Варшавского отряда генерала от инфантерии П.Д. Ольховского

Дроздовский был командирован в Зегрж для исполнения должности начальника штаба вновь сформированного Зегржского отряда, но уже в конце месяца был вновь переведен в штаб 27-го армейского корпуса⁵⁷.

23 декабря согласно телеграмме начальника штаба Главкомандующего армиями Северо-Западного фронта № 1285 М.Г. Дроздовский был допущен к исполнению должности штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса, куда прибыл в начале 1915 года. Высочайшим приказом от 22 марта 1915 года Михаил Гордеевич был произведен в подполковники (старшинство 6 декабря 1914 года) с утверждением в занимаемой должности.

Пребывание в штабе корпуса показало М.Г. Дроздовскому многие упущения командования в действиях на фронте, свидетелевавших, по его мнению, о недостаточной подготовленности Русской армии к войне. Михаил Гордеевич, еще до начала Великой войны неоднократно отмечавший имевшиеся в армии изъяны, особенно тяжело переживал неудачи на фронте: «Поймите, что пришлось мне пережить <за> последнее время: на северо-западном фронте неудачи, их я предсказал до войны в бесконечных разговорах и спорах в штабе. В своем дневнике я указывал на печальные последствия нашей стратегии, я предвидел все и ничем не мог помочь, предотвратить тяжелые последствия. Ведь в наших руках была яркая, блестящая победа при наличии тех обстоятельств, с которыми мы вышли на войну, а во что ее превратили?..»⁵⁸

В его дневнике можно неоднократно встретить критику происходившего в корпусах и армиях Северо-Западного фронта. Так, в феврале 1915 года Дроздовский записал: «Управления нет – ряд несогласованных, иногда противоречивых, ежечасно меняющихся отдельных приказаний корпусам, полная неразбериха, сумбур. <...> Все управление – только проволока, не показывает войскам никакого личного воздействия. Войска командира корпуса не знают и после бегства не уважают. <...> В первый раз читал распоряжения по 6-й и 8-й армиям. Кошмарная бессмыслица: “во что бы то ни стало”, “с полным напряжением сил, энергично, решительно, безотлагательно”. И чем больше слов, тем меньше дела. Приказания не слушают, слова потеряли силу»⁵⁹. У Михаила Гордеевича, имевшего достаточно болезненное самолюбие, чувство горечи от происходящего многократно усиливалось осознанием «незначительности своего положения», невозможности повлиять на ход событий. «Увы, моя роль так узка...», – писал он⁶⁰.

Однако вскоре мечта о фронте сбылась. 14 апреля 1915 года, согласно телеграмме дежурного генерала штаба 10-й армии № 0572, подполковник Дроздовский был допущен к исполнению должности начальника штаба 64-й пехотной дивизии. Высочайший приказ с назначением исполняющим эту должность последовал 16 мая. Возглавив штаб, Михаил Гордеевич постоянно находился на передовой, под огнем. Весна – лето 1915 года прошли для 64-й дивизии в бесконечных боях и переходах. Русская армия переживала в это время тяжелый период, потерпев ряд серьезных неудач. Пришлось оставить практически всю захваченную в 1914 году у врага территорию. Привислинские, западные и часть прибалтийских губерний оказались оккупированы противником. Дроздовский позднее написал, что пережил в это время, как и, наверное, другие русские офицеры, настоящую душевную драму. Положение его облегчалось возможностью лично участвовать в делах против неприятеля.

В сентябре 1915 года Дроздовский заболел воспалением легких. Однако сила духа его была такова, что уже 5 октября он сумел вернуться в строй: «Чувствую себя отлично, и здоров как никогда. Даже странно, что такая достаточно серьезная болезнь, как воспаление легких, хоть и сразу захваченная, могла бы пройти так быстро, в каких-нибудь десять дней, и так благополучно», – писал Дроздовский сестре Юлии⁶¹.

Ратные подвиги Михаила Гордеевича были неоднократно отмечены наградами. Высочайшим приказом от 1 июля 1915 года за отличия в делах против неприятеля он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Приказом командующего 10-й армией № 1270 от 2 ноября 1915 года Дроздовский был награжден Георгиевским оружием за то, что, принимая участие в бою 20 августа 1915 года у местечка Оханы, сумел провести под ружейным и артиллерийским огнем противника рекогносцировку переправы через реку Месечанку и руководил ее форсированием, а «затем, оценив важность захвата северной окраины местечка Оханы, лично руководил атакой частей <253-го> Перекопского полка и умелым выбором позиций способствовал действиям нашей пехоты, отбившей в течение пяти дней настойчивые атаки превосходных сил противника».

Высочайшим приказом от 24 мая 1916 года пожалование Георгиевского оружия М.Г. Дроздовскому было утверждено⁶². Однако сам Михаил Гордеевич по неизвестным причинам относился к по-

лучению этой награды с сомнением в ее справедливости. Так, в одном из писем он отмечал: «Благодарю за поздравление с Георгиевским оружием – это высокая награда, и я был бы вправе весьма порадоваться, если бы был убежден, что ее заслужил, а этого последнего сознания у меня и нету»⁶³.

С 22 октября по 10 ноября 1915 года и с 6 по 16 января 1916 года Михаил Гордеевич временно исполнял должность начальника штаба 26-го армейского корпуса⁶⁴. 1916 год Русская армия встретила с уверенностью в конечном успехе в войне. Положение союзников на фронте было достаточно устойчивым, Центральные державы, наоборот, испытывали все большие трудности. «Прошлое лето и осень я пережил бесконечные душевные муки и великую драму, но теперь я чувствую почти торжество – у нас ряд побед. Отношение к событиям войны царит в моей душе над всеми эгоистическими интересами. С самого начала войны судьба заставляет меня быть в самой неинтересной обстановке, на самых скучных или пассивных фронтах, в подчинении и зависимости от лиц, коим не свершить никогда ничего светлого. Сейчас блеснул луч надежды; опять в поход; посмотрим, что день грядущий нам готовит... Несмотря на частичные неудачи, которые время от времени выпадают на долю наших армий, в общем дела идут хорошо, как ты можешь сама судить по телеграммам, – писал сестре летом 1916 года Дроздовский. – Самое важное, конечно, то, что у немцев окончательно вырвана из рук инициатива согласованными действиями всех союзников. Немцы уже нигде не наносят ударов, они только отбиваются, где удачно, а где и совсем неудачно, и положение наше в общем настолько прочное, резервы так велики, что никакие активные попытки противника, буде ему удалось бы что предпринять, уже нам не страшны. Нет никакого основания думать, что немцам удалось вырвать инициативу. Можно думать, что наступил перелом. Конечно, рассчитывать на скорый мир нельзя – противник очень силен, он знает, какие драконовские условия его ожидают и, конечно, будет защищаться со всею энергией отчаяния. Во всяком случае, мы должны запастись большим, очень большим терпением – рассвет начался, но солнце еще не взошло»⁶⁵.

Летом 1916 года Дроздовского ожидало очередное повышение в чине. Вторым дополнением Высочайшего приказа от 15 августа он был произведен в полковники со старшинством от 6 декабря 1915 года⁶⁶.

«Я по горло завален делами, целыми днями на позиции, возвращаюсь с обходов усталым и зарываюсь в бумагу, без конца сидишь и пишешь, позднее разбираю телеграммы – это пачка в добрый роман Золя. Вполне понятно, почему у нас сейчас огромная, лихорадочная работа, приходится напрягать все силы, чтобы не быть неподготовленным к событиям. Всюду нужен контролирующий глаз, предусмотрение и организация. Конечно, мало 24 часов в сутки. Все это ничего, если бы не это наводнение бумаги; я не только не видел ничего подобного, но даже не предполагал, что может существовать такое море бумаги; это все подлая привычка отписываться. <...> Кругом наблюдается подъем духа. Нельзя не признать, что наши Луцкий и Буковинский прорывы были удивительно чистой работой, по крайней мере, во внешней их форме – видно, что, наконец, кое-чему научились и у нас»⁶⁷.

Но вскоре из-за ранения Дроздовскому пришлось на время оставить фронт. 31 августа во время атаки горы Капуль Михаил Гордеевич был ранен ружейной пулей в правое предплечье с повреждением мышц и 4 сентября отбыл для лечения в тыл⁶⁸.

Один из офицеров 64-й пехотной дивизии позднее написал о ранении М.Г. Дроздовского в бою. К началу сентября 64-я пехотная дивизия в числе прочих частей была переброшена на Юго-Западный фронт, где вошла в состав 9-й армии 18-го армейского корпуса с расположением в районе Молдавы. 31 августа началось наступление частей 9-й армии. 64-я дивизия, поведя наступление, встретила на пути сильное препятствие – местный горный хребет с горой Капуль, являвшейся, по сути, ключом для взятия всей линии обороны – за ней находился важнейший Кирилибабский проход. Части дивизии ночной атакой в короткой штыковой схватке сбили противника с горы и закрепились на позициях, послав донесение в штаб дивизии. Но позднее выяснилось, что взята была не гора Капуль, а лишь ее восточное плато. Взятие высоты было намечено на 5 сентября, а атакой вызвался руководить подполковник Дроздовский, подтянувший для штурма весь свободный резерв. «Мне кажется, – вспоминал офицер, – что подполковник Дроздовский чувствовал, что его присутствие и личное руководство внушали строевым начальникам, от командиров полков до младших офицеров, уверенность в успехе, а для солдат казалось необычайным присутствие начальника штаба их дивизии. Атака носила характер стремительного, безудержного натиска. Но когда передовые цепи под действием смертоносного огня в упор, захлебнувшись, залегли

перед проволокой, подполковник Дроздовский, приказав двинуть на помощь новый резерв, поднял залегшие цепи и с криком «Вперед, братцы!», с обнаженной головой бросился впереди атакующих. Мы были у цели, я, командир роты, бежал рядом с подполковником Дроздовским, все это происходило в какие-то короткие мгновенья, но злая судьба не дала возможности довести Михаилу Гордеевичу так блестяще начатую атаку – он был ранен. Ворвавшись в окопы противника, мы смогли продержаться там только до вечера, так как тщетно ждали поддержки со стороны соседних участков. Но там не было таких руководителей, которые готовы были с такой энергией до конца служить своему делу, как подполковник Дроздовский. Я не знаю, как на этот подвиг посмотрело высшее начальство, но мнение всех строевых офицеров и солдат было одно – не потеряй мы Дроздовского в этом бою, к вечеру мы бы уже спустились в Кирлибабский проход»⁶⁹.

В середине сентября Михаил Гордеевич писал сестре из госпиталя о своем ранении: «Царапаю тебе левой рукой... ибо правую мне крепко подранили 31 августа австрияки. Сильно разорваны мышцы ниже локтя (трудно поверить, чтобы это могла натворить ружейная пуля) и поврежден один нерв. Болит рана все время и только-только начинает очищаться от нагноения. Лечение, по-видимому, предстоит долгое. Как все это ни грустно, но я испытываю огромное **нравственное удовлетворение** – я унес с собой в лазарет незапятнанное боевое имя, чистую репутацию и сознание честно исполненного долга – и это вознаграждает за все. Столько приходится видеть людей, всячески уклоняющихся от боя, готовых на всякую низость для спасения своей жалкой шкуры. Тебе никогда не придется покраснеть за своего брата, дорогая Юля, никогда я еще не уклонялся от опасностей, скорее, наоборот, и никогда еще перед угрозой смерти не отступил. Не суди за эту похвальбу, ведь это мое единственное утешение за измученную руку ...начальство уверяет, что как только вернусь из госпиталя – мне дадут полк. Перспективы долгого лечения от этого еще более меня удручают»⁷⁰.

Лечение руки обернулось четырьмя месяцами бездействия в тылу. Для Дроздовского, рвущегося изо всех сил на фронт, пребывание на больничной койке было настоящей мукой. В начале декабря 1916 года он писал: «Лечение руки продвигается средне. Рана совсем зажила еще в начале ноября, но возвращение работоспособности подвигается неважно. У меня поражен локтевой нерв, в котором найдено перерождение, по-видимому, в слабой степени. Пишу,

как видишь, уже довольно удовлетворительно, но много движений кисти и пальцев еще либо отсутствуют, либо слабы. На полное восстановление руки в прежней мере рассчитывать, конечно, нельзя. <...> Но что удивительно и меня бесконечно злит – до сих пор не заживает место, откуда была взята кожа для пересадки, и из-за этого, будучи по существу здоровым человеком, я принужден почти все время лежать. Нечего сказать – развлечение. Зол, как цепной пес. От злости готов кусаться. Жизнь, как видишь, идет не разнообразно – лежу и читаю, читаю и лежу».

30 декабря 1916 года М.Г. Дроздовский выписался из госпиталя в Одессе и отправился в свою дивизию. Почти уже добравшись до места, он узнал, что его как пробывшего в госпитале свыше двух месяцев отчислили от должности. В начале января 1917 года Михаил Гордеевич отправился за новой должностью в Ставку, где и получил назначение исполняющего должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии⁷¹.

«ОБОРВАЛОСЬ И РУХНУЛО ВСЕ, ЧЕМУ Я ВЕРИЛ И О ЧЕМ МЕЧТАЛ...»

В скором времени в Петрограде произошли события, в корне изменившие ход Великой войны. Февральская революция положила начало развалу армии и государственности, приведя в итоге к октябрьским событиям. Знаменитый приказ № 1, введший «демократизацию» в армии, привел к гибели фронта. Уже в начале апреля 1917 года потрясенный Дроздовский писал о происходивших изменениях: «Теперь положительно ни за один день нельзя положиться, и с создавшейся у нас демагогией каждый день можно ждать какой-нибудь грандиозной боевой катастрофы. Может, конечно, все и перемелется в муку, только уже очень велики всякие возможности. В общем перспективы очень грустные, резко упала дисциплина под влиянием безнаказанности, и впереди многое рисуется в мрачных тонах»⁷².

Отречение Государя Николая II произвело на Михаила Гордеевича, убежденного монархиста, тяжелое впечатление, многократно усилившееся не только осознанием грядущей катастрофы, но и невозможностью влиять на положение дел. Но решимость до конца выполнять свой долг перед Родиной и не поступиться перед ним ради личной выгоды не оставляла его. В марте он записал:

«Вы положились на армию, а она не сегодня-завтра начнет разлагаться, отравленная ядом политики и безвластия. Когда я в первый раз услышал о “рабочих и солдатских депутатах”, для меня ясен стал дальнейший ход событий: история – это закон. Что я переживаю? Я никогда в жизни не был поклонником беззакония и произвола, на переворот, естественно, смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию. Но хирургический нож оказался грязным, смерть – неизбежной, исцеление ушло. Весь ужас в том, что у нас нет времени ждать, пред нами стоит враг с армией, скованной железной дисциплиной, нам нечего будет противопоставить его удару. Так что же я переживаю? Оборвалось и рухнуло все, чему я верил и о чем мечтал, для чего жил, все без остатка... в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа. <...> Ведь я – офицер, не могу быть трусом, несомненно, что нетрудно было бы поплыть по течению и заняться ловлей рыбки в мутной воде революции, ни одной минуты не сомневался бы в успехе, ибо слишком хорошо изучил я людскую породу и природу толпы. Но, изучивши их, я слишком привык их презирать, и мне невозможно было бы поступиться своей гордостью ради выгоды»⁷³.

В сложившейся весной 1917 года обстановке даже долгожданное назначение в апреле на должность командира полка (60-го пехотного Замосцкого полка 15-й пехотной дивизии) не сильно радовало М.Г. Дроздовского. Он писал с фронта: «На днях получил полк. Раньше я бесконечно радовался бы этой перемене, но по нынешним временам, право, не знаю, может ли вообще хоть какое-нибудь место в армии быть желанным. Теперь какую бы то ни было частью командовать даже в полевой армии вообще великий крест – разные официальные и неофициальные милостивые государи развратили армию в грозной степени, и я, право, затрудняюсь сказать, на какой исход можно рассчитывать в предстоящем сражении распущенного сброда с немецкой армией, насквозь пропитанной дисциплиной и проникнутой чувством долга. Вообще перспективы таковы, что собственная жизнь скоро перестанет интересовать – стоит ли жить, чтобы видеть разгром своей страны во славу Стекловых, Скобелевых и компании? <...> Мне сейчас тяжело служить; ведь моя спина не так гибка и я не так малодушен, как большинство наших, и я никак не

могу удержаться, чтобы чуть не на всех перекрестках высказывать свое пренебрежение к пресловутым “советам”. Армия наша постепенно умирает»⁷⁴.

Дроздовский прекрасно отдавал себе отчет в происходящих в стране событиях. Развал армии, совершавшийся у него на глазах, приводил его к тягостным выводам. Расправы распоясавшихся нижних чинов над офицерами оставляли гнетущее впечатление. Уже в конце апреля он записал в дневнике: «У меня положение в полку становится очень острое. Можно жить хорошо только до тех пор, пока всем во всем потакаешь, ну а я не могу. Конечно, было бы проще оставить все, проще, но нечестно. Вчера наговорил несколько горьких истин одной из рот, те возмутились, обозлились. Мне передавали, что хотят “разорвать меня на клочки”, когда вполне достаточно на две равные части, как-никак, а быть может, придется испытать несладкие минуты. Кругом наблюдаешь, как у лучшего элемента опускаются руки в этой бесполезной борьбе. Образ смерти является всем избавлением, желанным выходом»⁷⁵.

Ситуация облегчалась положением дел на Румынском фронте, находившемся по сравнению с другими фронтами Русской армии в относительном порядке. Безусловно, здесь сказались деятельность командования фронта, старавшегося задержать разложение, и удаленность фронта от центров революции. Но в создавшихся условиях распад стал необратим. В июле 1917 года Михаил Гордеевич писал: «Полк у меня сравнительно в порядке, как и вообще вся дивизия, если, конечно, словом “порядок” можно назвать ныне состояние хоть какой-нибудь части. Никаких выступлений против офицеров у нас, слава Богу, не было, но, конечно, дисциплины никакой, служба несетя скверно, обещают, что все пойдут в атаку, и этому я верю, на порыв их хватит, но что будет дальше, за первым порывом – сплошной знак вопроса. Не понимаю, на что может рассчитывать эта публика в длительном бою без дисциплины. Так или иначе, но через самый короткий срок мне предстоит вести эту публику в бой. В общем, грустные перспективы – не о таком командовании полком я мечтал и не таким полком так рвался командовать»⁷⁶.

Боевой опыт только подтвердил правильность выводов. Армия в том состоянии, в котором она была летом 1917 года, могла в лучшем случае держать фронт. По словам Дроздовского, во время атаки 11 июля, участие в которой принимал и его полк, «вследствие громадного превосходства сил мы имели успех, невзирая на

то, что большая часть солдат была непригодна к бою. Мой полк взял даже 10 орудий. 30–31 июля и 1–2 августа снова были тяжелые бои; наступали немцы, в незначительных, меньших силах, больше артиллерией, чем штыками. Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: от каких-нибудь нескольких снарядов или только в ожидании неприятельской атаки. Еще 31-го было нечто вроде боя, нечто вроде сопротивления, мы частью отстаивали свои позиции, но уже 1-го августа разразился скандал: поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть, останавливать этих беглецов. Ни о каком управлении боем не могло быть и речи среди заборов, домов и виноградунов. Много раненых офицеров и солдат было брошено этими мерзавцами на позиции. Увидев эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые; офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнем. Благодаря этому позиция была удержана, и противник, поплатившись, больше не дерзал на новую атаку. Сейчас чиню суд и расправу, авось, приведу их в порядок. Они уже начинают чувствовать мое давление. Конечно, может и сорваться»⁷⁷.

Далеко не каждому воинскому начальнику в то время удавалось осуществить меры, описанные Дроздовским, и восстановить дисциплину. Риск поплатиться за добросовестное выполнение своей работы и исполнения долга был очень велик. Здесь в полной мере проявились такие черты характера Михаила Гордеевича, как решительность и жесткость, уверенность в правильности принимаемых решений.

Ситуация на фронте еще более усугубилась после Корниловского выступления в августе 1917 года. Расправы над офицерами стали массовым явлением. Сложившееся положение достаточно полно отражено в одном из сентябрьских рапортов Дроздовского: «За последнюю неделю было несколько случаев единичного неповиновения и попытки к неповиновению массовому; были подстрекательства к неисполнению законных распоряжений. По этим слу-

чаем ведется дознание, виновные будут преданы суду, но обнаружение зачинщиков очень затрудняется укрывательством и сочувствием им солдатской массы. Привлечение их к суду вызывает среди солдат глухое недовольство; всякое законное требование, стесняющее разнузданность, всякое требование порядка, законности они именуют "старым режимом". Развращенные безнаказанностью, отменой чинопочитания, солдаты позволяют себе в разговорах с офицерами наглые обвинения их в том, что они стоят за войну, так как получают большое жалованье; в солдатской же среде главное настроение – нежелание воевать, непонимание, вернее, нежелание понимать необходимость продолжать войну»⁷⁸. Нетрудно догадаться, какие чувства приходилось испытывать офицерам, которые в первую очередь думали о благе Родины.

Летом 1917 года Михаил Гордеевич в числе ряда офицеров своей дивизии был делегирован на съезд РУМЧЕРОДа в Одессе (Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа), где столкнулся с президиумом, состоявшим в основном из социалистов-революционеров. «В комиссиях и в пленуме съезда он провел свою резолюцию о запрещении солдатским комитетам вмешиваться в оперативные распоряжения командного состава. Пленум съезда – двухтысячеголовая чернь – подчинился силе воли и логике мышления явно контрреволюционного полковника и голосовал за резолюцию». К концу съезда у его участников возникла идея сформировать в Одессе из делегатов «полк РУМЧЕРОДа» и не возвращаться на фронт. Они обратились к М.Г. Дроздовскому с предложением стать во главе этого полка, признав его авторитет офицера. «Михаил Гордеевич ответил, что командует полком по назначению Верховной власти и не может стать командиром полка по солдатскому избранию»⁷⁹.

Наступила осень 1917 года, а с нею трагические октябрьские события в Петрограде и Москве, приведшие Россию к Гражданской войне. Михаил Гордеевич, прекрасно понимая, к каким новым тяжелым последствиям они могут привести страну, записал в ноябре: «Дела, конечно, плохи, при всем желании принести какую-нибудь пользу Родине при создавшейся обстановке нельзя, но лично мое положение в полку пока очень прочное, пользуюсь и авторитетом, и уважением. Но, конечно, за долгодневность их не ручаюсь – теперь нет ничего постоянного. Пока больше нет ничего нового у нас – сидим и ждем, когда, наконец, вся эта машина, Россией именуемая, развалится и разложится окончательно»⁸⁰.

Фактически весь ноябрь 1917 года стал для М.Г. Дроздовского временем ожидания скорой и неминуемой катастрофы и прошел в поиске ответа на вопрос: «Что же делать дальше?». Ситуация неопределенности, растерянности, хаос в стране, а главное – в умах людей: все это затрудняло принятие решения. С захватом власти большевиками и фактическим прекращением войны наступил полный развал Русской армии. Один лишь Румынский фронт, находившийся в несколько иных условиях благодаря присутствию румынских войск и границы, отделяющей его от наступившей в России анархии, все еще сохранял какой-то порядок. Но когда в конце ноября окончательно стало ясно, что продолжение службы в армии невозможно, Дроздовский стал склоняться к началу борьбы в иной форме. «За последние дни произошли такие события, что окончательно опустили руки – эти кустарные мирные переговоры, созданные кучкой немецких шпионов и осуществленные <под> давлением слепой стихийной массы докончили все, – писал Михаил Гордевич. – Сами по себе, своими силами, мы уже вернуться к войне не можем, даже хотя бы к оборонительной, ввиду абсолютного разложения армии. Почетного мира для нас уже не будет. Насколько я ориентирован – нет никаких надежд извне. Все это развязывает руки. Тотчас по получении распоряжений о перемирии я поехал в Яссы, ничего еще определенного не знаю – события начинают принимать слишком острый характер; хотя кругом все так запутанно, так темно, что трудно разобраться – в стороне же от событий я не останусь. <...> Настроение тяжелое: эти переговоры о мире – точно публичная пощечина, от оскорбленной гордости некуда уйти, негде спрятаться. Сердце отравлено ядом. <...> У нас на фронтах все уже доходит до последнего предела развала, и я уже ни с чем не борюсь, ибо это совершенно бесполезно, – просто наблюдаю события. Как счастливы те люди, которые не знают патриотизма, которые никогда не знали ни национальной гордости, ни национальной чести»⁸¹.

В конце ноября – начале декабря 1917 года помимо своей воли М.Г. Дроздовский был назначен начальником 14-й пехотной дивизии. Тогда же за бой 11 июля 1917 года, когда он с полком участвовал в прорыве немецкой позиции, он получил Святого Георгия 4-й степени, а за бои 30 июля – 4 августа был представлен к Георгию 3-й степени (представление штаба Румынского фронта № 125411 осталось безрезультатным)⁸². «Еще 20-го получил Георгиевский крест (4-й степени. – Р.Г.) по давнишнему представле-

нию – единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен... а между тем у меня теперь никакой радости в сердце, нисколько не стало легче на душе от этого маленького белого крестика...», – написал он об этом награждении, не отраженном в приказах по армии⁸³. В силу этого обстоятельства Дроздовский вместо ордена стал носить в петлице френча Георгиевскую ленточку.

Михаил Гордеевич очень скромно отнесся и к своему новому назначению, понимая, что в сложившейся в армии ситуации оно едва ли будет долговременным и сможет быть полезным: «Что же касается дивизии, то тут радоваться нечему: как быстро выдвинулся, так и быстро полететь могу вниз тормашками – такие времена. Вообще подлейшие времена переживаем, впереди абсолютно темно, но чувствую, что **на внутреннем фронте скоро многим из нас будет очень много работы** (выделено мной. – Р.Г.)⁸⁴. <...> Россия погибла, наступило время ига, неизвестно на сколько времени, это иго горше татарского. Я же принял определенное решение: приехал в Яссы, взял себе отпуск на пять дней, складываю с себя звание начальника дивизии, на днях принимаюсь за одно очень важное дело, о котором, конечно, писать не могу: почта – дело ненадежное»⁸⁵.

Именно «на внутреннем фронте» совсем скоро суждено было оказаться Михаилу Гордеевичу...

«Я ИДУ – КТО СО МНОЙ?»

Написав в декабре 1917 года это письмо сестре Юлии, полковник Дроздовский уже имел определенные представления о своей будущей деятельности.

Еще в ноябре, после прибытия генерала М.В. Алексеева на Дон и создания Алексеевской организации (с 27 декабря 1917 года (9 января 1918) – Добровольческой армии), между ним и штабом Румынского фронта была налажена связь. Ее результатом стало возникновение в среде офицерства фронта проекта формирования Корпуса русских добровольцев для последующей его отправки на Дон. Создание такого отряда, а затем и соединение с Добровольческой армией стало главной целью Михаила Гордеевича, прибывшего в Яссы 11 (24) декабря.

К скорейшему отъезду в Яссы Михаила Гордеевича подтолкнул серьезный конфликт, возникший у него с комитетом дивизии,

грозивший ему арестом. По словам известного впоследствии корниловца Е.Э. Месснера, Дроздовский приехал «ко мне в штаб, чтобы я ему помог уехать в Яссы, где был штаб Румынского фронта. Я выдал ему «липовый документ»: от начальника штаба 15-й дивизии начальнику 14-й дивизии – предписание отправиться в командировку в штаб фронта»⁸⁶.

Между тем еще в ноябре при штабе Румынского фронта состоялось совещание офицеров Генерального штаба «по вопросу восстановления и спасения гибнущей России», в котором принял участие и М.Г. Дроздовский. Михаил Гордеевич, высказавшийся за немедленную вооруженную борьбу с большевиками, был поддержан лишь небольшой группой офицеров (полковники М.К. Войналович, Давыдов и капитан Федоров). Остальные понадеялись на «эволюцию большевиков» или планировали тайный подрыв большевистской власти изнутри⁸⁷.

В ноябре – декабре 1917 года в Яссах, где располагался штаб Румынского фронта, находилось большое число офицеров, покинувших свои части из-за их разложения. Эти офицеры могли и должны были стать основой для создания добровольческих отрядов. Прибыв в Яссы, Михаил Гордеевич уже 12 (25) декабря явился на встречу на конспиративную квартиру. По словам очевидца, Дроздовский был приведен в темную комнату, освещенную свечой. За столом сидел человек в маскарадном костюме, женском платке и автомобильных крагах и небрежно поигрывал револьвером (позднее выяснилось, что это был капитан Н.В. Сахаров). Визгливым, хриплым голосом он обменялся с Дроздовским несколькими фразами и предложил ему ознакомиться со странным документом. «На бумаге черным по белому было написано, – с иронией вспоминал свидетель, – что существует тайная организация, располагающая неограниченным кадром членов во всех уголках земного шара, до необитаемых островов включительно, неограниченными материальными средствами и неограниченным запасом вооружений. Управляется организация Верховным советом из людей, рядовым членам неизвестных. Цель организации – борьба с большевиками всеми средствами. Содержание членов организация берет на себя». Несмотря на подобный прием, Дроздовский сразу согласился сотрудничать, подписав затем и другую бумагу, согласно которой за нарушение правил организации вступающий подвергался смертной казни, а также изгонялся из нее без всяких проступков, просто по усмотрению Верховного совета.

Как выяснилось, возникшая еще в середине ноября инициативная антибольшевистская группа не могла похвастать особыми успехами. Помимо председателя, капитана Н.В. Сахарова, в нее входили В.Д. Янчевецкий («интернациональный революционер»), полковник Генерального штаба Б.А. Палицын (русский военный агент в Румынии), подпоручик П.П. Ступин (переводчик при американской миссии), Поздняков (служащий Земского союза), а также ротмистр Д.Б. Бологовский. Единственным достижением организации стало получение 20 тысяч румынских лей от французских представителей⁸⁸.

Возглавив организацию, Дроздовский убрал из нее всякую бутафорию, исключил излишнюю конспирацию и легализовал ее под названием 1-й бригады Русских добровольцев. Фактически начало ей положили девять офицеров 61-й артиллерийской бригады во главе с капитаном С.Р. Ниловым, намеревавшихся пробираться на Дон. Еще в своих батареях, через газету «Русское слово», они узнали о формировании добровольческих частей на Дону и отправились в Яссы. Прибыв в штаб Румынского фронта, они встретились там с капитаном Федоровым и полковником Давыдовым, рассказавшими им о возможном формировании добровольческих частей в городе. Пробыв некоторое время в городе и видя безрезультатность ожидания начала формирования, они решили 16 (26) декабря покинуть Яссы и самостоятельно пробираться на Дон к генералу Алексееву. «Неожиданно поздно вечером 15 (28) декабря в их комнату вошел в сопровождении полковника, на погонах которого была цифра 60 (60-й Замосцкий полк. – *Р.Г.*), капитан Федоров. После взаимных приветствий присутствующие узнали, что с капитаном Федоровым пришел полковник генерального штаба Дроздовский – начальник 14-й пехотной дивизии. Полковник Дроздовский сразу же приступил к делу.

– Я думаю, – сказал он, – начать в Яссах формирование отряда для борьбы с большевиками. Согласны ли вы присоединиться ко мне?

Ответ был единодушный: “Так точно”.

– Кто из вас старший? – спросил полковник Дроздовский.

Представился капитан Нилов.

– Завтра в Штабе фронта у полковника Давыдова получите ордер на помещение и будете комендантом.

В этот момент было положено основание будущего отряда Русских добровольцев, совершившего поход Яссы – Дон, а утром

16 (29) декабря 1917 года одна из палат лазарета Евгеньевской общины Красного Креста явилась колыбелью 1-й бригады Русских добровольцев»⁸⁹.

Подобное начало, показавшее, что в своих устремлениях он совсем не одинок, безусловно, вселило в Михаила Гордеевича определенную уверенность и желание продолжать начатое дело, несмотря на многочисленные трудности, встающие на пути. Уже 15 (28) декабря, всего на третий день пребывания в Яссах, Дроздовский записал в дневнике: «На неопределенное время остаюсь в Яссах, дела очень много. Я вовсе не честолюбив и отнюдь не ради известности среди толпы и не ради ее поклонения пытаюсь взять как можно больше в свои руки. Честолюбие для меня слишком мелко, прежде всего, я люблю свою Родину и хотел бы ее величия. Ее унижение – унижение и для меня, над этими чувствами я не властен, и пока есть хоть какие-нибудь мечты об улучшении, я должен постараться сделать что-нибудь. Не покидают того, кого любишь, в минуту несчастья, унижения и отчаянья. Еще другое чувство руководит мною – это борьба за культуру, за нашу русскую культуру»⁹⁰.

В декабре в Яссах был открыт пункт записи в бригаду (Бюро помощи офицерам), располагавшийся в доме № 24 на улице Музилер («Страда Музилер»). Бюро широко оповестило армию о своей деятельности через газеты «Русское слово» и «Республиканец». Было выпущено воззвание, призывавшее записываться в ряды бригады добровольцев: «Офицеры и солдаты! Вы спешите домой, но там вам не будет ни отдыха, ни покоя. У порогов ваших домов – братоубийственная война, внутри них – голод и слезы. Если вам дороги ваши родные очаги, ваши дети, матери, жены и сестры, если мысль о них сжимает ваше сердце, ваше место под знаменем добровольческих войск. Хотите их защитить и спасти, идите к нам в 1-ю Отдельную бригаду Русских добровольцев. <...> Бригада принимает всех желающих, не считаясь с политическими взглядами, но при условии беспрекословного повиновения начальникам и соблюдения полной дисциплины»⁹¹. Быстро появились и результаты: офицеры охотно покидали разложившиеся части и направлялись в Яссы. Многие стремились поступить в добровольческие части на Дону, о содействии чему имелась и просьба к Главнокомандующему русскими армиями Румынского фронта генералу Д.Г. Щербачеву от генерала М.В. Алексева. Но большинство оставалось у Дроздовского. Есть сведения и о контактах Дроздовского с Всероссий-

ским национальным центром, связанным, в свою очередь, с генералом Алексеевым⁹².

Поступавшие в бригаду давали обязательства, схожие с теми, что подписывали добровольцы Алексеевской организации на Дону. Условия службы были следующими: «1. В частях бригады господствует абсолютная дисциплина, никаких комитетов не существует; 2. От поступающих требуется подписка о беспрекословном подчинении начальникам; 3. Содержание офицерам начинается с 200 рублей в месяц, при полном пищевом, вещевом довольствии; солдатам – от 25 рублей в месяц до 100, в зависимости от времени службы, поведения и звания; 4. Производство в чины, награды, ранения, пенсии засчитываются на общих основаниях с армией»⁹³.

С целью скорейшего пополнения бригады М.Г. Дроздовский послал несколько офицеров-вербовщиков в ближайшие крупные города, в которых были открыты бюро записи офицеров: в Кишиневе и Одессе работали бывшие подчиненные Дроздовского по Замосцкому полку – подпоручик Н.Ф. Кулаковский, штабс-капитан В.Н. Ляхницкий, прапорщик Т. Чупрынов, в Тирасполе – капитан Кавтарадзе. Дроздовский и сам посещал бюро записи. Во время отсутствия его замещал ближайший помощник полковник М.К. Войналович. Очевидцы рассказывали о выступлениях Михаила Гордеевича во время таких поездок: «Дроздовский отрывисто говорил: “Никакие резолюции вам не помогут. Чего-то ждать, сложа руки – нелепо. Только организуясь, имея в руках оружие, вы сможете спасти себя и послужить России. Иначе вас ждет тюрьма, издевательства, пытки и бесславная смерть. Вспомните, вы – офицеры. Пробирайтесь в Яссы, идите в добровольцы...” Он говорил минут пять. Кончив, раздвинул толпу и исчез так же внезапно, как и появился». Одна из поездок Дроздовского по центрам вербовки едва не закончилась для него трагически. В контролируемой большевиками Одессе он был арестован и обрел свободу только благодаря усилию своего адъютанта подпоручика Кулаковского⁹⁴.

Вербовка активно продолжалась и в Яссах. Один из ее способов был следующим. С утра наличный состав добровольцев отправлялся на вокзал и в большое кафе в центре Ясс, где, как правило, собирались проезжавшие офицеры. Подсаживаясь за столик, добровольцы заводили разговоры с офицерами, уговаривая их записываться в бригаду. «В большинстве случаев ответ был один: мы устали, мы воевали три года, поедem домой, отдохнем и... если у вас что-нибудь выйдет, то присоединимся».

Под командой ротмистра Бологовского была создана «команда разведчиков особого назначения» для выполнения специальных заданий: отправки разведчиков в большевистские центры, организации засад на дорогах, ведущих с фронта в Яссы*. Добровольцы останавливали и забирали автомобили, едущие в тыл, отбирали оружие и снаряжение у мелких частей. В конце декабря на товарной станции в Соколах (в трех километрах от Ясс) разведчиками была захвачена целая автомобильная рота (400 человек сдались почти без всякого сопротивления двенадцати разведчикам-добровольцам)⁹⁵. Однако главной задачей разведчиков стал индивидуальный террор. По утверждению Бологовского, до выхода в поход было истреблено свыше 700 человек крупных и мелких большевиков, из которых самым видным был С.Г. Рошаль, известный революционер и участник разложения фронта (офицеры, забрав его из-под румынского ареста, расстреляли на шоссе в декабре 1917 года)⁹⁶.

В самом общежитии оставалась только команда разведчиков и автомобильная рота. В середине января на фронте для охраны складов стали формироваться офицерские команды, получавшие жалование и хорошо обеспеченные довольствием. Это негативно отразилось на притоке офицеров в добровольческие бригады, так как многие наиболее слабые и нерешительные офицеры предпочитали записи в формируемые добровольческие отряды относительно спокойную жизнь в таких командах.

В начале января 1918 года Дроздовский приказал захватить пришедшую в Соколы восьмиорудийную горную батарею, немедленно вывезти 4 орудия и 4 ящика в Скинтею (местечко в 30 километрах от Ясс) и занять пустые казармы, принадлежащие румынской армии. Здесь он решил расквартировать свои будущие строевые части. С прибытием орудий горной батареи было положено начало формированию уже строевых частей отряда. Поступавшие в бригаду офицеры сначала собирались в общежитии лазарета, а затем партиями направлялись в Скинтею, где распределялись по родам войск. К 20 января (2 февраля) в Скинтее находилось до

* По воспоминаниям Д.В. Бологовского, в возглавляемую им организацию входило 14 человек. Среди них были солдат Сергиенко, прапорщик Дмитриев (убит в Ростове), подпоручики П.П. Ступин (сбежал из отряда во время похода) и Вольский (убит), поручики И.А. Кудряшов, Митт (сошел с ума) и И. Таланов (убит), полковник Г.Н. Гран (убит) (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 259).

230 офицеров разных родов войск при 500 лошадях, 6 орудиях и 10 пулеметах⁹⁷.

В январе в Яссах создалось весьма странное положение. С одной стороны, полковник Дроздовский начал формирование своих частей с негласного разрешения штаба фронта, и тот же штаб закрывал глаза на деятельность его добровольцев. С другой стороны, официально добровольческой воинской единицы не существовало, поэтому она не могла получить ни оружия, ни продовольствия из интендантских складов, которые в то время в Яссах ломились от избытка. В самом же городе продуктов не хватало, и даже купить за деньги ничего было нельзя. Чтобы как-то выйти из положения, чинам бригады приходилось идти на всевозможные ухищрения. Штаб Румынского фронта, очевидно, стараясь сохранить лицо перед украинской Центральной радой, относившейся весьма враждебно ко всяким неукраинским формированиям, делал вид, что ему о производящихся формированиях ничего не известно⁹⁸.

Немного улучшила положение пусть и незначительная, но помощь со стороны союзников. Наиболее действенна была поддержка со стороны французской и американской миссий, которые своим влиянием на румынское командование часто вынуждали его идти навстречу добровольцам. Во второй половине декабря по штабам армий фронта были разосланы приглашения поступить «на американскую службу». Явившихся, со словами «Вы еще нужны Родине», направляли из консульства на улицу Музилер, в добровольческое бюро. С этого же времени началась и финансовая поддержка со стороны союзников, позволившая хотя бы в небольшой степени обеспечить добровольцев всем необходимым. Дроздовский наладил канал и для притока офицеров из «собственно России», которых на станции Унгены встречал специальный агент⁹⁹.

В середине января 1918 года обстановка на Румынском фронте резко изменилась. Главнокомандующий русскими армиями фронта генерал Д.Г. Щербачев после провозглашения Центральной радой 11 (24) января 1918 года IV Универсалом независимости Украины и начала переговоров с Германией, открыто поддержал формирование бригады. Во многом на принятие этого решения повлияли союзнические миссии: их отношение к добровольцам из сдержанного стало более благоприятным.

24 января (6 февраля) генерал Щербачев отдал приказ № 1413 по русским армиям Румынского фронта, согласно которому было начато формирование Отдельного корпуса русских добровольцев

в составе штаба и трех бригад. Инспектором по формированию добровольческих частей был назначен бывший командующий 9-й армией генерал-лейтенант А.К. Кельчевский; начальником штаба стал бывший начальник 3-й Туркестанской стрелковой дивизии Генерального штаба генерал-майор А.Н. Алексеев. Штаб получил наименование Управления по формированию добровольческих частей. Началось развертывание 2-й Кишиневской бригады, которую последовательно возглавляли генералы Асташов и Ю.Ю. Белозор. Создание 3-й бригады планировалось в городке Болграде. Полковнику Дроздовскому, проделавшему первую, самую сложную организационную работу, в предполагаемом корпусе была отведена скромная роль начальника 1-й Скинтейской бригады¹⁰⁰.

Став во главе добровольческих формирований, генерал Кельчевский прежде всего приветствовал уже образованные части: «Вам, русские люди, воодушевленные великой идеей по созданию кадров для будущей Русской, ныне погибшей, армии, будет принадлежать честь и слава ее восстановления. Вам, скромные, но мужественные люди, отрезвевшая Русь скажет спасибо за Ваше могучее сердце, за то, что среди всеобщей злобы и подозрений, среди анархии и подлых наветов, Вы не перешли грань, где теряется здравый смысл, и с верой в Бога взяли за великое дело по созданию силы для борьбы по восстановлению порядка и на защиту будущего Учредительного собрания, истинного хозяина земли Русской. Бог Вам на помощь для дружной и честной работы»¹⁰¹. В это время, веря в успех начатого дела, многие в Яссах стали даже открыто говорить о создании Днестровской Добровольческой армии.

Так, в январе 1918 года во главе формирования появились новые лица, малоавторитетные в среде офицерства Румынского фронта, занимавшие прежде высшие командные должности, а в последнее время, в связи с демократизацией и украинизацией армии, оставшиеся фактически «не у дел». Те же люди, которые ранее уже успели что-то создать, были отодвинуты на второстепенные роли.

С ростом добровольческой организации на основе ранее составленного Дроздовским и Войналовичем обязательства для вновь поступающих появился новый текст присяги, согласно которой каждый из поступавших в корпус обязывался: «Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, Родину, жителей ее, без различия классов и партий, и их имущество от всякого на них посягательства. <...>

Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно. <...> Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т.д. <...> Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим», а также не выражать «неудовольствия на неудобства и недостатки обеспечения»¹⁰².

В это время генерал Кельчевский и начальник штаба генерал Алексеев развили большую канцелярскую работу (Дроздовский не без горечи называл в своем дневнике штаб синедрионом, а добровольцы – «палатой лордов»): создавались и распускались всевозможные штабы, разрабатывались различные штаты и проч. Из ниоткуда появились штабные работники всех чинов и рангов, неуловимые прежде для добровольческих вербовщиков. При этом пополнение строевых добровольческих частей шло очень медленно: на фронт сведения о формировании бригад поступали случайным порядком.

Серьезную ошибку допустил и Главнокомандующий русскими армиями Румынского фронта генерал Щербачев. С началом создания самостоятельной Украинской армии, он так и не решился отдать приказ, предписывающий русским офицерам явиться в Яссы для поступления в добровольческие части. Именно на этом настаивал М.Г. Дроздовский, прекрасно понимавший сложившуюся обстановку. Большинство рядовых офицеров, знавших о формировании добровольческих частей лишь понаслышке, ждало такого приказа, исходящего от их непосредственного начальника. Там, где командир проявлял инициативу, образовывались отряды, присоединившиеся позднее к Дроздовскому. Подобным примером может служить отряд офицеров 2-го Балтийского морского полка в Измаиле, командир которого – полковник М.А. Жебрак-Русанович, собрал всех своих офицеров и выступил на соединение с Дроздовским¹⁰³.

Михаил Гордеевич позднее характеризовал настроения добровольцев в это время, приводя разговор с офицерами 2-й бригады: «Почти все <записавшиеся> пошли бы <в поход>, если бы приказали, но когда начальство объявило, что подписки уничтожаются, <они> свободны не идти с нами, а одиночно пошло очень мало»¹⁰⁴. Аналогичные впечатления из разговоров с уклонившимися приводил и капитан П.В. Колтышев: «Мы привыкли исполнять **приказы**, а нас вместо этого **просят**; или даже объявляют, что

действительность данных нами обязательств уничтожается и что мы лучше сделаем, если не пойдем на такое рискованное предприятие. Ясно, что старшие начальники сами не верят в успех, а им – виднее...»¹⁰⁵.

Однако положение Главнокомандующего русскими армиями Румынского фронта генерала Д.Г. Щербачева также было непростым, и в своей поддержке добровольческих формирований он был ограничен сложившимися обстоятельствами. Прежде всего, номинальным командующим фронта был румынский король Фердинанд I и формально Щербачев был его помощником. Мог ли он принимать серьезные решения в обход румынской главной квартиры? В ситуации, когда недавний союзник России пошел на мирные переговоры со странами Центрального блока, Щербачев несомненно испытывал сильное давление со стороны румын. Ведь германское командование отнюдь не было заинтересовано в появлении любой организованной русской вооруженной силы, так как не без оснований могло считать ее враждебной себе. Румыны же, стремясь заключить мир, видели в русских добровольцах исключительно неблагоприятный фактор при ведении переговоров, всячески стараясь выполнить требование немцев о расформировании добровольческих частей.

По сути, главной причиной неудачи формирования добровольческих частей в феврале 1918 года стало изменение отношения к добровольческой организации со стороны румынских властей. 27 января (9 февраля) Центральная рада Украинской народной республики подписала мирный договор со странами Четверного союза, начавшими оккупацию Украины «для поддержания порядка». Когда ситуация приняла явно неблагоприятный для Румынии характер (она рисковала остаться один на один в войне со странами Центрального блока), ее правительство, несмотря на протесты со стороны союзных миссий, 24 февраля (9 марта) также вступила в мирные переговоры с противником (перемирие с ним Румыния заключила еще в декабре 1917 года). При этом румынские войска оккупировали часть русской территории – Бессарабию.

С этого времени румынские власти начали препятствовать дальнейшему формированию добровольцев: была запрещена выдача оружия и боеприпасов, опубликовано сообщение о том, что в Яссах нет никаких добровольческих частей. После подобной подготовительной работы румынское командование заявило, что русские добровольческие бригады более не могут продолжать формирова-

ние, должны сдать оружие и распуститься. Требование это совпало с началом отъезда из Румынии представителей союзнических миссий и продвижения частей противника на русскую территорию. Румынское командование потребовало вооружение и имущество Русской армии не отправлять в Россию, а оставить на месте: таким образом, почти все русское оружие оказывалось в руках румын. Добровольчество на Румынском фронте теперь могло рассчитывать только на собственные силы. Дроздовский писал: «Затруднения, творимые в Бессарабии, – еще хуже. Официальная любезность, тайные запрещения, итальянская забастовка». Тогда же украинский посол Галиб потребовал у командующего 2-й румынской армией генерала А. Авереску разоружения бригады¹⁰⁶.

На состоявшемся в начале февраля в штабе Румынского фронта совещании выяснилось, что из пяти тысяч записавшихся в формируемый корпус три тысячи оказались на штабных должностях, а полторы тысячи, приходившихся на долю Кишиневской бригады, были преимущественно «мертвыми душами». Реальную силу представляли только 500 человек в Соколах под командой М.Г. Дроздовского. Происходящее внушило генералу Кельчевскому мысль о невозможности похода, на что Михаил Гордеевич вспыхнул и резко заявил, что он «с каким угодно числом решительных людей пойдет на Дон к генералу Корнилову и доведет их».

В результате после ряда переговоров и совещаний генерал Кельчевский, принимая во внимание оказываемое румынами давление, начавшееся вторжение в пределы России немцев, общую неудачу добровольческих формирований и отсутствие необходимой для похода конницы, признал задуманный план неосуществимым, рискованным и обреченным на неудачу. С ведома генерала Щербачева, 24 февраля (9 марта) (в день начала под Бухарестом мирных переговоров между Румынией и странами Четверного союза) он издал приказ об аннулировании данных офицерами обязательств и о роспуске частей добровольческого корпуса. Помимо приказа о недействительности подписки вывешивались объявления с предложением вступившим в добровольческие части офицерам разъехаться, а затем последовали и новых объявления, обещавшие военным безбедное существование в румынских городах. Дроздовскому оставалось только записать в своем дневнике: «Освобождение офицеров от обязательства идти. Раскол... По какому праву эти случайные люди – генералы делают такие распоряжения; <А.Н.> Алексеев обиделся, назвал мой проект фантазией»¹⁰⁷.

К этому времени формировавшиеся в районе Ясс и Кишиневе бригады насчитывали примерно 1600 человек. Позиция руководства не могла не повлиять на них и не отразиться на их настроениях. После оглашения приказа генерала Кельчевского во 2-й бригаде в Кишиневе (в ней было около 1000 офицеров), она, за ничтожным исключением, поспешила исполнить волю старших начальников и фактически распустилась.

Несмотря на происходящее, М.Г. Дроздовский с удвоенной энергией продолжал начатое дело. Действуя только через своих вербовщиков, к февралю 1918 года он довел численность своей бригады до 500 человек. Не подчинившись Управлению по формированию добровольческих частей, бригада вела формирование неофициальным порядком. Добровольцы, решившие присоединиться к Дроздовскому, ранее размещавшиеся на станции Соколы в двух верстах от Ясс, теперь перебрасывались в Скинтею.

Формирования в Скинтее вел ближайший помощник Дроздовского, начальник штаба бригады полковник М.К. Войналович, принявший решительные меры по повышению дисциплины, распатанной революцией и в офицерской среде. В бригаде велись строевые занятия и был установлен уклад жизни, приближенный к нормам военных училищ: офицеры сами должны были кормить и чистить лошадей, быть кашеварами и уборщиками. Один из видных дроздовцев А.В. Туркул (в то время штабс-капитан) впоследствии вспоминал, что, прибыв в бригаду, он сразу попал в наряд по уборке барачных. В результате «эта нечеловеческая работа не понизила духа, но наоборот, только сильнее сплотила собравшихся». Строгая дисциплина, занятия и суровый спартанский образ жизни в Скинтее спаяли части бригады¹⁰⁸.

Большое внимание уделялось и идейному сплочению добровольцев. Несмотря на декларировавшуюся при поступлении в корпус надпартийность, в 1-й бригаде действовала тайная монархическая организация. Еще в конце 1917 года Дроздовский объявил своим помощникам: «Сейчас я за республику, но... в душе я все-таки монархист». Он был поддержан соратниками, а по предложению ротмистра Бологовского была начата вербовка в тайную монархическую организацию внутри отряда. Завербованным выдавались специальные карточки трех степеней. Большинство чинов получало карточки с одной полосой, двенадцать крупных чинов – с двумя. Только у Дроздовского и Бологовского имелись карточки с тремя полосами. По словам последнего, «процент имеющих карточки

в отряде за все время... был очень высок и колебался около 90%»¹⁰⁹. Не случайно во время похода Яссы – Дон слухи приписывали отряду*, что вместе с ним идет на Дон и Государь Николай II¹¹⁰. По сути, в отряде существовало двойное подчинение, которое, с одной стороны, повышало его идейную и боевую сплоченность, а с другой – создавало определенные предпосылки для будущих разногласий с частями Добровольческой армии**.

После прекращения даже незначительной материальной помощи со стороны бригада вынуждена была самостоятельно заботиться о своем обеспечении. Набегами на соседние разложившиеся части добывалось вооружение, боеприпасы, продовольствие и фураж. Результатом подобной деятельности стало наличие в бригаде большого числа орудий и пулеметов, 15 бронемашин, радиостанции, легковых и грузовых автомобилей и иного имущества, рассчитанного на соединение значительно большей численности (при уходе из Скинтеи излишки были приведены в негодность и оставлены). В связи с известием о готовящемся заключении Румынией мира с Центральными державами части бригады в ночь с 20 на 21 февраля (с 5 на 6 марта) были переброшены в Соколы (германцы ставили одним из условий заключения мира разоружение добровольцев)¹¹¹.

* Дроздовский писал в дневнике, что в народе во время похода Яссы – Дон ходила легенда о движении на Екатеринослав и Николаев Великого князя Николая Николаевича, освобождавшего население от большевиков (*Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин, 1923. С. 60*).

**Примечательно, что по свидетельству С. Мамонтова, уже после присоединения Отряда М.Г. Дроздовского к Добровольческой армии в частях 3-й дивизии офицеры продолжали хранить у себя карточки организации. Так, капитан Мей, командир одного из орудий 1-й конно-горной батареи демонстрировал новобранцам свой «билет»:

«Мей что-то хотел показать брату. Из его бумажника выпала картонка, разрисованная как погон.

– Что это такое? – спросил я.
– Это членский знак монархической организации. Лычки-поперечины обозначают чин. Чем больше лычек, тем выше чин, и члены обязаны ему повиноваться.

– Существует еще эта организация?

– Не знаю. Это было в Румынии. С тех пор ничего не слыхал о ней» (Походы и кони. Записки поручика Сергея Мамонтова. 1917–1920. М., 2001).

Начались хлопоты о подаче эшелонов для перевозки бригады в Кишинев. Дроздовский, решивший еще за несколько дней до этого в случае неблагоприятной обстановки прорываться на Дон с боем, спешно готовился к выступлению. Он стал настойчиво просить через генерала Щербачева и французскую миссию румынское командование о пропуске бригады по железной дороге до Кишинева и снабжении ее необходимым имуществом. Французы, не успевшие уехать из Румынии, по-прежнему охотно оказывали помощь. Генерал Щербачев, зная готовность 1-й бригады пробиваться на восток с боем, также поддержал ходатайство Дроздовского перед румынскими властями.

Но на словах соглашаясь пропустить бригаду, румыны на деле всячески саботировали выдачу имущества и задерживали эшелоны. 22 февраля (7 марта) разрешение на подачу эшелонов было получено, но уже 23-го (8-го марта) отменено: румынский кабинет министров запретил перевозку и выход отряда с оружием за пределы Румынии. Обман, саботаж, предательство, угроза скорого появления внешнего врага – все это тяжким бременем легло на Михаила Гордеевича, отразилось на его моральном состоянии: «Страшный кавардак и хаос, над всем царит страх отмены нашего выпуска с оружием (румынам верить нельзя) или занятия австрийцами Дубосар. Весь день мечусь, как угорелый, ездил в Соколы, нервы раздергались, становлюсь невыдержанным в разговоре. <...> Опять плохо спал. Вернулся около двух; встал в восемь»¹¹².

Штаб Румынского фронта, получивший от союзников на организацию добровольческого корпуса 57 миллионов лей, выделил 1-й бригаде всего 600 тысяч, дав в придачу мешок серебряных Георгиевских крестов, уже не нужных более штабу (еще 200 тысяч лей было выделено 2-й бригаде в Кишиневе в качестве содержания за февраль и март). Чины, не пожелавшие присоединиться к отряду и оставшиеся в Яссах, в результате получили ликвидационные деньги в виде жалования за четыре месяца вперед (как написал один из дроздовцев, «очевидно, как премию за недостаток мужества»)¹¹³. Для пополнения кассы Михаил Гордеевич вынужден был продать часть снаряжения и техники: установив денежное содержание, он не считал возможным нарушать данные обязательства¹¹⁴.

События вынуждали торопиться. Уже 23 февраля (8 марта) Дроздовский записал в своем дневнике: «Весть о движении немцев: Болград прошли – двигаются на автомобилях и конно на Бендеры: положение становится крайне тяжелым, время идет, эшело-

ны еще не начали ухода. Вероятно, румыны нарочно тянут, чтобы немцы обезоружили сами». В самый разгар подготовки к выходу в поход он писал: «Весь день состояние озлобления, нервность крайняя, офицеры все издерганы... <...> Вообще страшно изнервничался за последние две недели: борьба с начальством, румынами, а под конец и авточастью. <...> Одна за другой неудачи преследуют меня, неудачи, в которых я неповинен; отсутствие энергии, апатия, мягкотелость, моральное ничтожество среды, бесталанность и нерешительность кругов, предназначенных судьбою к водительству – все это губит великое начинание, накладывает на все печать могилы. Усилием воли заставляешь себя продолжать начатую работу и до конца вести борьбу. Начинаю жизнь скитальца. Жалкий обломок прежнего величия, человек, не имеющий Родины!»¹¹⁵.

Два раза – 23 и 26 февраля (8 и 11 марта) – румынские войска предпринимали попытки разоружить части 1-й бригады, присылая в Соколы свои пехотные части с броневиками. В ответ Дроздовский сам проводил демонстрацию, выдвигая на позиции добровольцев. Наиболее тяжелая ситуация сложилась после отъезда М.Г. Дроздовского в Яссы утром 26 февраля (11 марта) для окончательного разрешения всех вопросов об отправке в Кишинев. К утру выяснилось, что отряд в Соколах со всех сторон окружен румынскими войсками. Полковник М.К. Войналович, следуя распоряжениям Дроздовского, выдвинул добровольцев на позиции, приказав артиллеристам навести орудия на королевский дворец в Яссах, в котором тогда находился румынский парламент. Было решено ни в коем случае не допускать разоружения, а в случае нападения – пробиваться с боем. Подобные твердые действия вынудили румын отступить¹¹⁶.

Сам Михаил Гордеевич, отправившийся в Яссы, ожидая решения румынских властей, также пережил невеселые минуты. С собой он вез ультиматум, который через генерала Щербачева был передан румынскому королю. Пункты этого документа лаконично говорили о решимости добровольцев: «1. Оружие сдано не будет; 2. Гарантия свободного пропуска до русской границы; 3. Если до 6 часов вечера не уйдут войска, то будет открыт артиллерийский огонь по Яссам и, в частности, по дворцу»¹¹⁷. Внутри у Дроздовского уже созрело решение: «Идти силою через мост – в кармане пропуска и разрешение министра, способ – сам в голове колонны и на огонь – огонь».

Только к 17 часам 26 февраля (11 марта) Дроздовскому удалось получить все необходимые для начала похода разрешения, что, однако, не давало ему полной уверенности в том, что выступить действительно удастся. Напряжение последних дней, постоянный обман и саботаж со стороны бывших союзников заставляли с осторожностью относиться к любым обещаниям с их стороны. Покидая Соколы Дроздовский велел распустить слух, что идет на северо-восток от Кишинева на соединение с поляками, стараясь этим запутать приближающиеся германские части (во время похода Яссы – Дон Михаил Гордеевич нередко прибегал к роспуску слухов, стараясь дезориентировать противника). 26, 27 и 28 февраля (11, 12 и 13 марта) шесть эшелонов отряда и автоколонна выступили в Кишинев. Предоставленные румынами эшелоны не соответствовали соотношению платформ и вагонов и подавались неаккуратно. Все это вызвало задержку в погрузке и дополнительную нервозность: «положение в общем тяжелое, слишком поздно уходить...»¹¹⁸. Недостаток эшелонов вынудил добровольцев продать или оставить наименее нужное снаряжение.

Так начался легендарный поход Яссы – Дон.

Тяжесть ситуации усиливалась слухами о падении Ростова и Новочеркаска. Агитация против похода, и до этого достаточно сильная, теперь получала лишний аргумент: «На душе тяжело... Какие же у нас тогда цели, как искать соединения? Страшная трудность задачи. Время покажет, а пока по намеченному пути, лишь бы немцы пропустили. <...> На душе тяжело – если правда потеря Ростова и Новочеркаска, то трудность соединения почти неодолима; вообще задача рисуется теперь все более и более тяжелой. Как ни мрачно – борьба до конца, лишь бы удрать от немцев... и дальше сохранить организацию отряда, а там видно будет – может, и улыбнется счастье. Смелей вперед! Успеем ли, сумеем ли проскочить?»¹¹⁹.

На станции Перлица, по пути следования эшелонов в Кишинев, случилось очередное столкновение с румынскими частями, грозившее боем. К счастью, оно благополучно разрешилось в пользу добровольцев. В Кишиневе добровольцы были встречены большим числом румынских сторожевых постов с пулеметами¹²⁰.

От посещения штаба 2-й Кишиневской бригады, не имевшей собственной материальной части, у Дроздовского остались самые неприятные впечатления: «Сдал деньги, по-видимому, присоединится мало – несколько десятков, – результат работы руководите-

лей и прямо отговаривающих и затрудняющих и всячески работающих против (особенно, говорят, Асташев и Ракитин); вообще состав оставляет желать лучшего – распушены, разболтаны. <...> Все наделал главным образом наш штаб и штаб 2-й бригады; впрочем, все к лучшему – рвани не нужно». В это время в Кишиневе находилось большое число офицеров. 2 (15) марта, в помещении 4-го полка 2-й бригады, Михаил Гордеевич произнес перед ними яркую речь о целях похода: «Говорил о том, что обязаны прийти все, но что не гонюсь за числом, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикам не место; кто идет – пусть поторопится присоединиться сегодня и завтра утром». Дроздовский даже предложил командиру 2-й бригады генералу Ю.Ю. Белозору возглавить отряд (войдя, таким образом, в его подчинение). Однако последний отказался, сославшись на приказ штаба фронта, освобождающий всех от обязательств, данных по подписке и призвал всех не доверять «безумному плану Дроздовского». Из всех чинов 2-й бригады к Отряду Дроздовского присоединились лишь около 50–60 офицеров¹²¹. Призыв Дроздовского «Я иду – кто со мной?» – повис здесь в воздухе.

«ЧЕМ БОЛЬШЕ СОМНЕНИЙ, ТЕМ СМЕЛЕЕ ВПЕРЕД, ПО ДОРОГЕ ДОЛГА...»

О легендарном походе Яссы – Дон написано немало. Воспоминания его участников, собранные вместе (как опубликованные, так еще и ждущие своего часа в архивных хранилищах и частных коллекциях), наверное, составили бы не один объемный том сочинений. Наиболее ценными представляются свидетельства самого Михаила Гордеевича – единственного из шефов-командиров белых частей, оставившего дневниковые записи.

Но именно поэтому писать о походе непросто: велика опасность сбиться на простое изложение событий. Как и другие героические эпизоды Белого движения, этот поход и спустя многие десятилетия снова и снова привлекает внимание как исследователей, так и читателей. В данной части очерка мы сосредоточимся не на описании самого похода, а на наиболее важных его особенностях и обстоятельствах.

* * *

Поход Яссы – Дон, или «Дроздовский поход», по мнению всех его участников, оставивших после себя письменные свидетельства, едва ли мог осуществиться без непреклонной воли и чувства долга Михаила Гордеевича, его твердости и решимости. Но был ли сам Дроздовский уверен в удаче предпринятого им рискованного перехода? Какие чувства переживал он по пути на Дон и какова его роль в успехе? Благодаря или вопреки обстоятельствам поход завершился удачно?

Дневниковые записи Михаила Гордеевича сохранили его переживания за судьбу похода, но вместе с тем и непоколебимую волю идти до конца, какие бы трудности ни ожидали его впереди. Еще перед выходом из Ясс он писал: «Вчера до поздней ночи читал описание района предстоящего перехода – страшно; время разлива, ряд речек, мостов нет. Через Днепр у Берислава они могут быть разведены. Трудность предприятия колоссальна». Готовя свою бригаду к рискованному походу, несмотря на большую занятость, Дроздовский по вечерам обходил роты и команды добровольцев, знакомя их с существующим положением и перспективами перехода на Дон, стараясь убедить в возможности его осуществления не только своих подчиненных, но, очевидно, и самого себя: «Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов; вносят раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. **Чем больше сомнений, тем смелее вперед, по дороге долга...** (выделено мной. – Р.Г.) Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжело»¹²².

Несмотря на все опасения и агитацию против, отряд выступил в поход, хотя беспокойство и тревога за его судьбу не оставляли Дроздовского еще долгое время: «А сомнения грызут. ...жжет ответственность. Туда ли и так ли веду их? <...> Когда посмотришь на карту, на этот огромный предстоящий путь, жуть берет, и не знаешь – в силах ли будешь выполнить свое дело. Целый океан земли впереди и враги кругом... <...> Ведь мы – блуждающий остров, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!! Трудно и тяжело! И тревога живет в душе, нервит и мучает. <...> Всегда окружен врагами, всегда страх потерпеть неудачу, каждое

осложнение волнует и беспокоит. Тяжело...»¹²³. Однако вопреки суровым обстоятельствам и собственным мрачным предчувствиям, Дроздовскому удалось выполнить задуманное – совершить, казалось бы, неосуществимый 1200-верстный переход. Михаил Гордеевич оказался единственным (!) из командиров Русской армии, сумевшим сформировать добровольческий отряд и прийти с фронта Великой войны на соединение с Добровольческой армией организованной, сплоченной группой.

Безусловно, что тяжкий груз ответственности, постоянная борьба за успех предприятия, враждебное окружение, сопровождавшее отряд на протяжении всего похода, гнетуще отразились на моральном и физическом состоянии Дроздовского. Не раз и не два он пишет в дневнике об утомлении и нравственной подавленности: «Страшно устал, глаза смыкаются, волнения и бессонные ночи сказывались еще на походе, не раз начинал засыпать в седле; часам к 22-м сон совсем разобрал – улегся, и как камень в воду. <...> Чудные лунные ночи, чудные дни, море, деревья в цвету, так хочется отдыха и покоя, солнца и весны; а впереди заботы, бои и кровь, кровь без конца. <...> Устал сильно. Лошадь слабая, много шел пешком по ужасной размокшей почве. Да и ехать шагом все время не сладко»¹²⁴.

Дроздовский, пожалуй, одним из первых лидеров Белого движения осознал всю неприглядность начавшейся в России Гражданской войны, пережив ее в себе и мучительно борясь с проявлениями жалости и человечности по отношению к противнику, осознал всю глубину опасности большевизма. Отчетливо понимая весь трагизм ситуации, он вынужден был принять жестокие правила братоубийственной войны – войны на истребление. В дневнике не раз встречаются записи, свидетельствующие о глубине переживаемой им драмы: «Страшная вещь Гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какую смертельно злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения... Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и за-

мученных матросами, или Кудряшова, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких? <...> ...мысль настойчиво вертелась вокруг прошлого, настоящего и дней грядущих; нет-нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется со мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логичный разум торжествует над несознательным движением сердца... Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за “буржуизм и контрреволюционность?” И как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отравлял ядом преступления?! Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся воля, ибо этими дикими разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: “око за око”, а я скажу: “два ока за око, все зубы за зуб”. “Поднявший меч...” В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом – с волками жить... И пусть культурное сердце сжимается иногда произвольно – жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист»¹²⁵.

На фоне трудностей похода образ самого Дроздовского становился легендарным. Непререкаемый авторитет с самого начала формирований на Румынском фронте, «всегда занятой, всегда в движении», Михаил Гордеевич сумел внушить к себе глубокое уважение, уже в скором времени став настоящим кумиром добровольцев. Не ища популярности, решительными действиями, не вызывавшими никаких сомнений, он заслуженно снискал авторитет **Вождя**, вера в которого была, казалось, неисчерпаемой. Сам образ вождя-командира вызывал у его подчиненных симпатию и доверие: «У обритых, всегда плотно сжатых губ Дроздовского была горькая складка. Что-то влекущее и роковое было в нем. Глубокая сила воли была в его глуховатом голосе, во всех его сдержанных, как бы затаенных движениях. Точно бы исходил от него неяркий и горячий свет»¹²⁶.

Склонный к аскетизму, Дроздовский в полной мере разделял с подчиненными всю тяжесть перехода, идя «во главе колонны...

как и все, пешком... в своей серой шинели солдатского сукна с выцветшими погонами Замосцкого полка, с неизменным “винчестером” за плечами, ведя в поводу верховую лошадь»¹²⁷. По свидетельству А.В. Туркула, в один из мартовских ненастных дней, когда в степи сначала пошел снег, а затем сильно похолодало и поднялась пурга, «из тумана на нашу подводку нашло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевший от снега. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле. Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно Дроздовский согласился. <...> Мы быстро нагребли ему сена, он лег между нами, вздохнул и закрыл глаза. Мы накрыли командира буркой и еще стали своими спинами согревать его от злущего ветра. Под мерное качание подводки Дроздовский заснул. ...спал совершенно тихо, его дыхания, как у ребенка, не было слышно. Он отдыхал. Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводке».

Но при кажущейся простоте Дроздовский всегда умел оставаться **Командиром** отряда, соблюдавшим необходимую дистанцию по отношению к подчиненным. Черты характера Михаила Гордеевича – склонность к одиночеству, отрешенность, появившаяся в последние годы, и острое самолюбие – не позволяли считать его «своим» даже ближайшим соратникам.

Позднее, с гибелью Дроздовского, произошла поэтизация его образа, которым неизменно пропитаны все воспоминания ветеранов-дроздовцев о походе Яссы – Дон. «Дроздовский был выразителем нашего вдохновения, средоточием наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших воль, слитых в одну волю борьбы за Россию и русской победы, – писал А.В. Туркул. – Я вижу тонкое, гордое лицо Михаила Гордеевича, смуглое от загара, обсохшее. Вижу, как стекла его пенсне отблескивают дрожащими снопами света. В бою или в походе он наберет, бывало, полную фуражку черешен, а то семечек, и всегда что-то грызет. Или наклонится с коня, сорвет колос, разотрет в руках, ест зерна. В наш поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чемоданов. <...> Жизнь его была живым примером, сосредоточением нашего общего вдохновения, и в бою Дроздовский был всегда там, где, как говорится, просто нечем дышать»¹²⁸.

* * *

Какова же была численность отряда и его состав? Кто были те добровольцы, выступившие ранней весной 1918 года с Румынского фронта в неизвестность, предпочтя возвращению домой движение к кажущейся недостижимой точке на карте в 1200 верстах от исходного пункта?

5 (18) марта в Дубоссарах, после совещания старших начальников, была проведена реорганизация частей отряда, сокращен обоз и число автомобилей. Еще до нее к отряду подошла из Болграда команда конно-пионеров и присоединился Польский эскадрон. После реорганизации отряд принял следующий вид: штаб, Сводно-стрелковый полк (командир – генерал-майор В.В. Семенов), конный дивизион (штаб-ротмистр Б.А. Гаевский), артиллерия (общее командование генерала Н.Д. Невадовского), конно-горная (капитан Б.Я. Колзаков) и легкая (полковник М.Н. Ползиков) батареи, мортирный взвод (полковник А.К. Медведев), команда связи, конная и автомобильная радиотелеграфные станции (подполковник Гран), автоколонна (капитан Лисицкий), броневой отряд (капитан Ковалевский), команда разведчиков особого назначения, полевой лазарет (старший врач М. Введенский) и интендантство (полковник Абрамов)¹²⁹.

Согласно данным полкового историка дроздовцев В. Кравченко, приведенным в 1970-х годах, Отряд Дроздовского в Дубоссарах насчитывал около 1050 человек, из которых не менее 650 (2/3) были офицерами¹³⁰. По свидетельству капитана Андреянова, в отряде было до 700 добровольцев, еще около 300 военнопленных большевиков находились в обозе (сведения о пленных не приводятся в других воспоминаниях, в том числе и в дневнике Дроздовского). По свидетельству того же Андреянова, в Мелитополе хорошо зарекомендовавшие себя в походе военнопленные были вооружены и влиты в число добровольцев, а некоторые из них позднее были произведены и в офицеры¹³¹.

Архивные документы позволяют уточнить и несколько скорректировать эти данные. Согласно «Алфавитному списку чинов Сводно-стрелкового полка Отряда русских добровольцев, выступивших в поход из Румынии» только в пехотной части полка было 460 человек (при этом доли рядового и офицерского кадра составляли 22 и 78% (102 и 358 человек соответственно)¹³². Еще более подробные сведения содержатся в списке, составленном в 1922 году полковой комиссией дроздовцев, позднее приложенному к вос-

поминациям полковника П.В. Колтышева¹³³. Согласно этим данным, численность Сводно-стрелкового полка составляла 523 человека; еще 102 чина было в Конном дивизионе.

На протяжении похода отряд неоднократно пополнялся, но приток добровольцев был незначительным: «Офицерство записывается позорно плохо и вяло», – отмечал Михаил Гордеевич¹³⁴. Каховка дала около 40 человек, Мелитополь – около 70, Бердянск – 70–75, Таганрог – 50, в Новониколаевке – казаки-добровольцы (позднее они составили четвертую сотню дивизиона), большая группа офицеров из Одессы осталась на месте, дезориентированная ложным известием о гибели отряда¹³⁵. Еще 71 человек (по другим данным – 130) присоединился в составе отряда полковника М.А. Жебрака-Русановича. Таким образом, всего без учета чинов, состоящих в артиллерийских и других частях, численность отряда составила около 900 человек. Дроздовский периодически посылал надежных офицеров для пропаганды и вербовки добровольцев. В целом же надежды на то, что «по пути к Дону отряд разрастется как снежный ком», не оправдались.

Потери отряда за время похода, согласно данным, приведенным Колтышевым, составили всего 13 человек, большая часть из них погибла под Ростовом. В начале похода Яссы – Дон были и отдельные случаи дезертирства: в первые дни, не выдержав тяжести перехода, бежали несколько офицеров¹³⁶. За время похода отряд сумел увеличить и свою материальную базу, пополняя имущество на военных складах, попадавшихся на пути движения. В Мелитополе отряд получил ботинки и сапоги, а из захваченного материала было пошито обмундирование (в этой работе участвовали все портные города), удивившее позднее чинов Добровольческой армии. В Мариуполе добровольцам удалось отбить лошадей, пригнанных в город большевиками, и пополнить конский состав конного дивизиона. В Бердянске (здесь находился Варшавский арсенал) и Таганроге отряду удалось существенно пополниться оружием и боеприпасами, получив в свое распоряжение не только снаряды, патроны, автомобили, бензин и разного рода имущество, но даже два аэроплана (позднее это позволило создать собственный авиационный отряд)¹³⁷.

Большая часть походников была офицерами военного времени. Многие из этих молодых людей совсем недавно окончили школы прапорщиков. Они представляли самые разные социальные слои русского общества – от крестьянства до интеллигенции. По-

мимо офицеров Отряд Дроздовского пополняли и добровольцы: учащиеся старших классов (гимназисты, семинаристы; как писал о них Дроздовский – «полумальчишки»), вольноопределяющиеся, юнкера, чиновники и др. Показательно, что из примерно тысячи участников похода Яссы – Дон, не считая штабных, всего 6 человек имело штаб-офицерские чины, что, несомненно, говорит о молодости его участников¹³⁸. Большинство из них не имело сколько-нибудь значительного материального состояния.

Разложение, произошедшее за последний год в Русской армии, не могло не сказаться и на поведении чинов выступившего в поход отряда. Михаил Гордеевич неоднократно отмечал «непривычку, вернее, отвычку повиноваться» у офицеров. Уже через несколько дней после начала похода Дроздовский узнал от австрийских офицеров (в это время австро-германские войска уже начали оккупацию русской территории) о ранении ими двух большевиков, грабивших местных жителей и первыми открывших огонь по австрийцам. Как вскоре выяснилось, «большевиками» оказались чины Конного дивизиона. Михаил Гордеевич устроил большой разнос по этому поводу: «Я очень ругал конницу, грозил судом, потребовал окончательного прекращения реквизиций». Во время похода Дроздовскому пришлось принять строгие дисциплинарные меры для наведения порядка, чтобы пресечь пьянство, самочинные аресты и сепаратистские настроения. Он опасался, что население, относившееся к отряду в целом хорошо, может пойти против него, или, что еще хуже – обратится за помощью к начавшему оккупацию врагу. Поэтому он постоянно требовал от чинов отряда «поналечь» на дисциплину и соответствовать имени русского офицера и солдата¹³⁹.

Вступавшие в отряд принимали на себя обязательства не претендовать на командные должности, начальниками назначались только наиболее выдающиеся. Дроздовский, готовый уступить командование старшему по чину (как это было в Кишиневе с генералом Белозором) и впоследствии вошедший в подчинение генералу Деникину, в своем отряде не терпел никаких претензий на «самостоятельность» и особое положение. Примером тому может служить история с отрядом полковника М.А. Жебрака-Русановича, собравшего в Измаиле роту из чинов Балтийской дивизии и пришедшего на соединение с Дроздовским уже во время похода. Михаил Гордеевич был очень высокого мнения и об отряде, и о его командире: «Это очень ценное прибавление, сам Жебрак очень ценный, как человек воли; решил задержать свой марш на правой стороне Буга

лишних один–два дня, выждать присоединения. Вот люди, которые хотят прийти!» Но, несмотря на эту высокую оценку, он не поддержал будущего командира 2-го Офицерского полка, стремившегося при соединении добиться самостоятельности. После неоднократных неудачных переговоров Жебрак был вынужден подчиниться Дроздовскому, войдя в отряд на общих основаниях. Знамя же Балтийской дивизии (Андреевский флаг), под которым жебраковцы пришли на соединение с отрядом, позднее стало полковым знаменем Стрелкового (Дроздовского) полка¹⁴⁰.

Сплочению походников М.Г. Дроздовский уделял существенное внимание. В немалой степени этому способствовали и проводимые во время похода полевые занятия: ведение стрельбы из пулеметов, бросание ручных гранат, развертывание орудий на позиции, учебные стрельбы, ложные тревоги и др. В ходе похода отличившиеся в боях добровольцы награждались Георгиевскими крестами. Для избежания случайных стычек и недоразумений всему отряду было приказано нашить на рукава шевроны национального цвета. «Вера друг в друга давала возможность идти на противника, в десятки раз более сильного. Забота о своих считалась священной»¹⁴¹.

Михаил Гордеевич без колебаний исключал из отряда офицеров и добровольцев, проявлявших трусость или недовольство заведенными в отряде порядками. «За числом не гонюсь – нужны только мужественные и энергичные; нытикам в отряде не место», – говорил он еще в начале похода. Так, из отряда судом чести был изгнан поручик Попов, оставивший при столкновении с большевиками своего товарища – поручика князя М.П. Шаховского¹⁴². М.Г. Дроздовский решительно пресекал конфликты между походниками, затрагивавшие честь и достоинство офицера. Так, по решению суда чести состоялась даже дуэль между чинами отряда¹⁴³. Благодаря командной воле Михаила Гордеевича, его лидерским качествам за время похода Яссы – Дон отряд превратился в грозную силу, составившую позднее основу 3-й пехотной, а впоследствии Дроздовской дивизии Добровольческой армии.

* * *

Маршрут похода Яссы – Дон известен хорошо. Важнее понять, почему такое огромное расстояние было не только пройдено без серьезных столкновений с противником и почти без потерь, но и с несомненной поддержкой со стороны значительной части населения.

Успеху похода способствовали его неожиданность (даже на фронте немногие верили в возможность его осуществления, не говоря уже о противниках), решительность (на грани с дерзостью), отвага чинов отряда и в значительной степени – действия руководства. «В этом диком хаосе что может сделать даже горсть, но дерзкая и смелая. А нам больше ничего не осталось, кроме дерзости и смелости. <...> Нам осталось одно: дерзость, наглость и решимость», – писал Михаил Гордеевич¹⁴⁴.

За два месяца похода отрядом было преодолено 1200 верст. Однако такое расстояние было велико для добровольцев не только из-за протяженности и враждебности окружения. Страшнее были неизвестность и неопределенность. Конечного пункта похода, по сути, не существовало, было лишь общее направление движения – «на Дон». Цель Отряда Дроздовского – Добровольческая армия – покинув Ростов, постоянно меняла свое расположение, и могла, как многие думали, уже погибнуть.

Тревожась за исход дела, Дроздовский уже 21 марта (3 апреля) направил ротмистра Бологовского и поручика Кудряшева прояснить ситуацию на Дону и Кубани и выйти на связь с Л.Г. Корниловым. 1 (14) апреля Кудряшев возвратился, принеся запоздалое подтверждение слухов об оставлении Добровольческой армией Ростова. «Мое переживание – пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца...» – записал Дроздовский. Ситуация усугублялась недостоверными сведениями, согласно которым Добровольческая армия находилась в районе Кавказская – Петровск на Каспии. 14 (27) апреля в отряд вернулся Бологовской, принеший новые неутешительные известия: «Корнилов почти наверное убит, понеся поражение (ни патронов, ни снарядов), но борьба идет, являются новые отряды, оживают старые, где-то существуют Алексеев и Деникин, Эрдели, но где? <...> В общем – неопределенность и неясность кругом, есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая, какая, где, куда идти?»¹⁴⁵. Чтобы не понижать духа в отряде, о вероятной смерти Корнилова было сообщено только начальникам частей. Решив при любых обстоятельствах сохранить отряд, Дроздовский продолжил поход.

Немалую роль в успехе перехода сыграл бесспорный тактический талант Дроздовского, взявшего для себя за правило не доверять при принятии решений о дальнейшем продвижении никому – даже своему ближайшему окружению, принимая решение зачастую

вопреки мнению своего штаба. Как правило, утром, перед выступлением, он сообщал направление движения начальнику штаба отряда Войналовичу и командиру артиллерии Невадовскому. Однако приказы, отдаваемые по отряду, часто были фальшивыми. Уже выступив, внезапно, по распоряжению самого Дроздовского, отряд мог неожиданно изменить курс. На замечания же помощников о том, что он, очевидно, ошибается в направлении, Дроздовский отвечал: «Я знаю, что делаю»¹⁴⁶. Во многом благодаря этим предосторожностям (речь отнюдь не идет о недоверии командира своим помощникам) отряд не имел серьезных боевых столкновений и потерь и удачно преодолел такие крупные реки, как Южный Буг и Днепр.

Во время похода Дроздовский проявил и немалые дипломатические способности: именно благодаря им маневрирование отряда среди враждебного окружения закончилось успешно. Наиболее остро для отряда стояла проблема взаимоотношений с австро-германскими войсками, начавшими в соответствии с Брестским миром оккупацию Малороссии.

Сложность ситуации заключалась в том, что для подавляющего числа офицеров отряда немцы и австрийцы по-прежнему оставались врагами. Несколько лет жестокого противостояния, верность союзническим обязательствам, надежда на то, с победой над Центральными державами страны Антанты помогут русским национальным силам одолеть большевиков, – все это делало соприкосновение с оккупационными властями крайне нежелательным и грозило непредвиденными столкновениями. Сам Дроздовский не считал Великую войну оконченной и не признавал Брест-Литовского мира. Неслучайно известие о большой победе германцев на Западном фронте так тяжело подействовало на добровольцев, в том числе и на Михаила Гордеевича: «...только победа союзников могла быть для нас надеждой на спасение. Тоска, безнадежность, тоска... <...> ...над всем доминируют вести с запада – это, пожалуй, уже катастрофа, угнетающая меня до основания; неужели Россия погибла?»¹⁴⁷. Хотя сторонниками Антанты добровольцы оставались во многом поневоле. Весной 1918 года иллюзии на скорую и большую помощь со стороны стран Согласия были еще сильны...

Продвижение оккупационных войск шло почти одновременно с добровольцами. Первые известия о появлении разездов австрийцев были получены уже 5 (18) марта, когда отряд еще только реорганизовывался в Дубоссарах. Не зная намерений австрийцев в отношении своего отряда, Дроздовский сразу избрал тактику ухода

от любого соприкосновения или (тем более) столкновения с ними. Он прекрасно понимал, что даже выигранные стычки с врагом принесут добровольцам сомнительную выгоду, но серьезно осложняют начавшийся поход.

Уже в скором времени выяснился полный нейтралитет оккупационных войск по отношению к дроздовцам. По свидетельствам очевидцев, австрийцы желали чинам отряда счастливой дороги, их офицеры приветствовали добровольцев отданием чести и даже пресекали выступления против них украинских самостийников. И тем не менее осмотрительный Дроздовский старался не иметь с ними никаких дел: «не верю <я> этим швабам, надо поскорее уходить». Он прекрасно понимал, что подобная позиция вчерашнего противника основывалась только на «полной уверенности, что мы не преследуем широких целей или что их выполнение невозможно»¹⁴⁸.

Несмотря на все усилия, избежать контактов с оккупационными войсками не удалось. При таких вызванных обстоятельствами встречах и переговорах Дроздовский по уже заведенному порядку старался вводить немцев и австрийцев в заблуждение, говоря о намерении отряда двигаться в центр страны и даже на Москву. Серьезная опасность заключалась в отношении чинов отряда к германцам, многие из которых не могли примириться с близким присутствием недавнего врага. Однажды во избежание столкновений с немцами Дроздовскому пришлось даже снять все внешнее охранение против большевиков. «Странные отношения у нас с немцами, – писал он, – точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами – всегда на нашей стороне, безусловное уважение. <...> Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: “Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются”». Иначе строились отношения с украинскими частями: «Немцы – враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим... Украинцы – к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам»¹⁴⁹.

Дроздовского серьезно тревожило отношение к отряду местного населения. Слава «карательного», сопровождавшая отряд, усиленно поддерживалась социалистическими газетами и раздувалась большевиками. С приходом добровольцев население разубеждалось, но клевета делала свое дело, создавала ненужную шумиху и настораживала врагов: «Прочли о себе в одесских газетах о Дубоссарах – беглые евреи пропечатали и все наврали – ни слова правды. <...> Чем дальше на восток, тем, видимо, сильнее дух большевизма – уже не так ра-

душно встречают, замечается иногда враждебное отношение – «буржуи, на деньги помещиков содержатся, отбирать землю пришли». Есть, однако, очень немало и на нашей стороне, но они терроризированы... <...> ...вообще о нас ходят самые дикие вести: то корпус, то дивизия, то 40 000, буржуи, нанятые помещиками, старорежимники. Жители разбираются в общем слабо; нередко спрашивали: “Вы украинцы?” – “Нет”. “Так кто же вы?” – “Мы русские”»¹⁵⁰.

Чтобы завоевать симпатии населения, М.Г. Дроздовскому приходилось не только применять суровые дисциплинарные меры по отношению к чинам отряда (работал военно-полевой суд, по приговорам которого налагались наказания), пресекать реквизиции и насилия, но и защищать местных жителей от грабежей и произвола как большевистских, так и других в то время многочисленных банд. Дроздовский требовал от чинов отряда осмотрительности на каждом шагу, понимая, как неосторожные меры могут настроить против добровольцев население. Для жителей многих населенных пунктов, через которые проходил отряд, привыкших к реквизициям со стороны различных шаек, было удивительно, что добровольцы платили за предоставленные продукты. «Приходится выслушивать много жалоб, просьб о разборе разных ходатайств о защите от одних и видеть злобу и косые взгляды других; иные бегут, только слыша о нашем приходе», – писал Михаил Гордеевич. Наказание за убийства и грабежи было со стороны добровольцев беспощадным. Активные участники разбоя, в особенности большевики и дезертиры, расстреливались, их дома сжигались; гражданские лица подвергались публичным наказаниям при участии соседей: «В общем массы довольны. Просят защиты, установления порядка: анархия, дезорганизация измучили всех, кроме небольшой горсти негодяев. Говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, никакой уверенности в завтрашнем дне»¹⁵¹.

Но наказание, месть тем, кто творил беззаконие, не были для Дроздовского самоцелью. Он старался хотя бы на время восстановить утраченный порядок, оградить людей от ужасов междоусобицы, а главное, пробудить сознание населения, оказавшегося не только в новом «самостийном» государстве, но и под оккупацией вчерашнего врага: «Идти впереди немцев, своим появлением спасти, вторичным появлением немцев будить патриотизм – вот наш триумф, наша задача»¹⁵². Будучи прежде всего военным, а не политиком, Дроздовский осознал, что конкретные дела действеннее призывов и малопонятных народу лозунгов. И зачастую цели уда-

валось добиваться. Крестьянские депутации, не желая обращаться за помощью к немцам и украинцам, просили Дроздовского назначить в их села хотя бы по одному офицеру, который мог бы организовать крестьян в отряд самообороны или «стать их начальником». На всем своем пути отряд восстанавливал прежние формы управления. Крестьяне, еще совсем недавно видевшие в офицерах своих врагов, испытав на себе все «прелести» русской свободы, теперь обращались к ним за помощью: «...население встречало нас трогательно, называя спасителями»¹⁵³.

* * *

К 20-м числам апреля 1918 года поход подошел к концу. «Точно из самой зеленой степи чудесно выросло наше воинство перед Ростовом», – вспоминал участник похода.

Преодолев без больших столкновений огромное расстояние, Отряд М.Г. Дроздовского в самом конце своего движения впервые натолкнулся на серьезное сопротивление. В Ростове-на-Дону и его окрестностях были сосредоточены большие силы большевиков, против восставших к тому времени против советской власти донских казаков. Город, отделявший дроздовцев от возвращавшейся из 1-го Кубанского похода измученной Добровольческой армии, обороняли порядка 12 тысяч красногвардейцев при 6 батареях, отряды рабочих из предместьев, а также пароход «Колхида», обстреливавший наступающих с реки.

В Страстную субботу, 21 апреля (3 мая), отряд приблизился к Ростову. После первого за весь поход военного совета начальников частей, учитывая настроение всех его чинов, стремившихся преодолеть последнюю преграду на пути соединения с Добровольческой армией, решено было взять город штурмом. Добровольцы шли к городу, имея в голове два эскадрона. Главные силы подошли вплотную к городу к 22-м часам и остановились на холмах в ожидании донесений от продолжившей движение кавалерии. После боя эскадроны добровольцев сумели занять вокзал. Там они понесли, наверное, главную потерю в этом сражении – на железнодорожной платформе был убит начальник штаба отряда полковник М.К. Войналович. В 24 часа при поддержке артиллерии повели наступление и главные силы. Германские части, подошедшие к городу со стороны Таганрога, предложили Дроздовскому помощь, на что он ответил: «Не надо, справимся сами». Атака удалась, добровольцам даже не пришлось вводить в бой все резервы. Ночью город был взят¹⁵⁴.

«На улицах встречались горожане-богомольцы, шедшие к заутрене, – вспоминал Туркул. – С полуротой я подошел к собору; он смутно пылал изнутри огнями. Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор. Нас обдало теплотой огня и дыхания, живой теплотой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами. Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вернулся. С амвона архиерей в белых ризах возгласил: “Христос Воскресе!” Молящиеся невнятно и дружно выдохнули: “Воистину...” Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове светлую заутреню, что начали осторожно пробираться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас сквозь огни свечей смотрели темные глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки. Никто не знал, кто мы. Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Темные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться»¹⁵⁵.

На занятом добровольцами вокзале молодые ростовчане записывались во 2-ю роту Сводно-стрелкового полка, которая росла с каждой минутой. Около двух часов ночи на вокзал прибыл сам Дроздовский, горожане обступили его, многие из них спешили с ним похристосоваться. Офицеры были растроганы такой встречей горожан. «И как во сне, необычайном и нежном, подошла к нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки». В ту ночь на занятом добровольцами вокзале побывало много ростовчан¹⁵⁶.

Красные отошли на Нахичевань. Однако уже утром 22 апреля (4 мая) большевики, получив подкрепление из Новочеркаска, с помощью подошедшего оттуда бронепоезда повели наступление на город. Добровольцы пробовали контратаковать, однако большая численность красных и не свойственная им ранее организованность не позволили развить успех. Передав командование главными силами генералу В.В. Семенову, Дроздовский лично пошел с кавалерией на север, пытаясь обойти правый фланг наступавших, но успеха не имел. Как выяснилось позднее, в этом бою со стороны большевиков

участвовало около 28 000 человек (39-я дивизия с Кавказского фронта, Латышская стрелковая бригада, шесть батарей полевой артиллерии, две гаубичные батареи, два бронепоезда, пароход «Колхида» и гвардейский флотский экипаж). С худшей стороны показал себя командир Сводно-стрелкового полка генерал Семенов, фактически устранившийся от участия в бою. По одним данным, он, проявив трусость, укрылся в ямах возле кирпичного завода, по другим – разговлялся в доме хозяина садоводства Рама и не интересовался происходящим¹⁵⁷. Из-за этого пехоте добровольцев пришлось с боями выходить из окружения, а часть убитых и раненых оставить на поле боя. Михаил Гордеевич, видя серьезность сложившегося положения, пошел на военную хитрость. Чтобы вывести пехоту из-под огня артиллерии противника, он приказал кавалерии отряда редкой цепью двигаться по холму, создавая иллюзию движения крупной части. Большевики перенесли огонь на конницу, что позволило ценой небольших потерь отойти попавшей в отчаянное положение пехоте. После полудня, видя невозможность продолжать сражение и категорически не желая обращаться за поддержкой к немцам, Дроздовский решил отступить, отдав приказ отойти в направлении к Таганрогу. Пройдя селение Чалтырь, отряд перешел в армянское село Крым, где разошелся по квартирам¹⁵⁸. Вскоре после отхода Отряда Дроздовского, 25 апреля (8 мая), Ростов был взят одновременно вошедшими в него с востока и с запада казачьими и германскими частями.

В бою под Ростовом дроздовцы понесли большие потери. По разным оценкам они достигали от 80 до 100 человек. В. Кравченко вслед за первым изданием «Дневника» М.Г. Дроздовского пишет о 82-х добровольцах, выбывших из строя, капитан Андреянов – о 90¹⁵⁹. П.В. Колтышев говорит о 12 убитых, 5 без вести пропавших и 60 раненых офицерах (при этом в приложенном к воспоминаниям списке погибших есть данные только о 8 добровольцах)¹⁶⁰. В руках большевиков осталось также несколько пулеметов, патроны и часть обоза отряда. Большой утратой была гибель начальника штаба отряда, полковника М.К. Войналовича, чья отвага служила для всех примером: «Я понес великую утрату – убит мой ближайший помощник, начальник штаба, может быть единственный человек, который мог меня заменить»¹⁶¹. Тогда же в отряде были проведены новые назначения. Был отстранен от должности генерал Семенов (он не только подвел в ростовском бою, но на протяжении похода отличался жестокостью в отношении пленных большевиков, а иногда и невинных мирных жителей). Его место занял полковник

М.А. Жебрак. Начальником штаба отряда был назначен Генерального штаба полковник Г.Д. Лесли. «Смена некоторых начальников, проявивших отсутствие распорядительности и личного примера, также необходима. О себе же отчет я дам лишь своему начальнику – тому, к которому направлены все наши помыслы, наши стремления... Начинается воскресение России... Вновь обращаюсь к вам: не падайте духом!»¹⁶²

После отхода от Ростова ситуация казалась для Дроздовского безвыходной, он был удручен понесенными потерями, не мог далее продолжать бой с большевиками и не имел сведений относительно расположения Добровольческой армии. По воспоминаниям полковника Н.Д. Невадовского, уже после того, как отряд отошел от города, он вместе с Михаилом Гордеевичем остановился «в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский – этот сильный духом человек – опустил голову и слезы потекли из его глаз... <...> Слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей»¹⁶³.

В ночь с 23 на 24 апреля (с 5 на 6 мая) в селение Крым, где расположился отряд, прибыли гонцы от восставших донских казаков, просившие Дроздовского о помощи. Только тогда Дроздовский выяснил всю ситуацию, узнав, что Л.Г. Корнилов действительно погиб при штурме Екатеринодара, а Добровольческая армия, истощенная тяжелейшим 1-м Кубанским походом, подходит к границам Войска Донского. Сами восставшие донцы в это время вели сражение за Новочеркасск. В столице Войска царило угнетенное настроение, к слухам о близкой помощи горожане относились скептически, с ужасом ожидая расправы со стороны большевиков. Дроздовский поспешил на помощь казакам, подойдя к Новочеркаску в критический момент, когда силы восставших были почти разбиты. После первой же атаки добровольцев большевики в панике оставили город. Вступление отряда в Новочеркасск было триумфальным. Население города восторженно встретило спасителей, приветствуя их радостным «Христос Воскресе!» и засыпая цветами¹⁶⁴.

Так 25 апреля (7 мая) 1918 года закончился поход Яссы – Дон. На следующий день на площади у Войскового Свято-Вознесенского собора состоялся парад отряда, принимал который будущий

Донской атаман генерал П.Н. Краснов. «Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам. Светлое неистовство творилось кругом. Это было истинное опьянение, радость освобождения. Все это незабвенно. Мы как бы сбросили со всех темное удушье, самую смерть, все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Наши ряды не раз расстраивались. Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

Наш капитан с подчеркнутым щегольством командовал ротой, сверкали триста двадцать штыков, и, как говорится, дрожала земля от крепкого шага.

– Христос Воскресе! Христос Воскресе! – обдавала нас толпа теплым гулом.

– Воистину Воскресе! – отвечали мы дружно»¹⁶⁵.

Тогда же Дроздовский издал приказ по отряду, в котором сказал добровольцам: «Пусть же послужит... нам примером, что *только смелость и твердая воля творят большие дела*, и что только непреклонное решение дает успех и победу. <...> Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода»¹⁶⁶.

НА ДОНУ

После прихода в Новочеркасск и получения точных сведений о местонахождении Добровольческой армии и вступления в командование ею генерала А.И. Деникина полковник Дроздовский направил последнему телеграмму о своем прибытии, перечисляя подробно состав и имущество отряда. Заканчивалась она словами: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... Отряд утомлен непрерывным походом – но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний».

Получив ответ, Михаил Гордеевич выехал в штаб Добровольческой армии, расположившийся в станице Мечетинской. Там состоялось совещание, на котором был выработан план дальнейших действий. Прежде всего было решено дать отдых и Добровольческой армии, и Отряду Дроздовского, измученным тяжелыми переходами. Дроздовцы оставались для отдыха и пополнения в Новочеркасске, участники 1-го Кубанского похода – в районе Мечетин-

ской. Время, предоставленное для отдыха, было решено использовать для пополнения и обучения частей. Окончательное соединение отряда и Добровольческой армии, равно как и выбор направления дальнейших действий, оставались за генералом Деникиным¹⁶⁷.

Пребывание М.Г. Дроздовского в Новочеркасске менее всего походило на отдых. Он неустанно вел переговоры о финансировании отряда, заботился о привлечении как можно большего числа новобранцев, их обеспечении и обучении, посылал надежных людей в разные города юга России для организации записи добровольцев (например, в Киев был командирован подполковник Г.Д. Лесли). Работа вербовочных бюро была настолько хорошо организована, что 4/5 пополнения Добровольческой армии первое время шло именно через них. Существовали и определенные издержки такой «самостоятельной» вербовки: «В городах, освобожденных от большевиков, сталкивались “вербовщики” нескольких армий, в том числе и самостоятельные вербовщики бригады Дроздовского. Все они применяли нередко неблагоприятные приемы конкуренции, запутывая и без того сбитое с толку офицерство. Тем не менее оно текло в армию десятками, сотнями...»¹⁶⁸

Постоянная необходимость личного присутствия не давала Дроздовскому ни минуты покоя и отдыха. В Новочеркасске и Ростове им были созданы склады для нужд Добровольческой армии. Михаил Гордеевич рассылал по городам множество воззваний и часто читал лекции о целях и задачах Белого движения. В Ростове стараниями Дроздовского стала выходить газета «Вестник Добровольческой армии» – первый печатный орган белых на юге России. Сразу после прибытия в Новочеркасск Дроздовский устроил для своих раненых добровольцев лазарет в Краснокутской роще. Как только ему позволяло время, он навещал раненых, интересуясь их здоровьем. С помощью своего друга профессора Н.И. Напалкова*

* **Напалков Николай Иванович (1868 – после 1927)**. Русский хирург. Окончил курс медицинского факультета Московского университета, получил степень доктора медицины. Состоял профессором факультетской хирургической клиники Варшавского университета. В 1912–1913 годах принимал участие в Балканской войне, находясь с отрядом Красного Креста в Греции. В 1914–1915 годах в Великую войну стоял во главе варшавского госпиталя Красного Креста. К началу Гражданской войны переехал из Петрограда в Ростов-на-Дону. Работал на медицинском факультете Ростовского университета. Один из организаторов госпиталя Белого креста. Остался в Советской России.

он организовал в Ростове госпиталь Белого креста, который на протяжении всей Гражданской войны был лучшим госпиталем белых¹⁶⁹.

О напряженности работы, проделываемой Михаилом Гордеевичем, свидетельствуют немногие сохранившиеся записи в его дневнике: «Я безумно устал, измучился этой вечной борьбой с человеческой тупостью, инертностью, малодушием. Какое постоянное напряжение силы воли, какой гнет ответственности, какая тяжелая, почти безнадежная борьба в поисках успеха. Издерганный, измученный, я перестал быть человеком. Миллион переговоров, вечные поиски денег – этого главнейшего нерва всякого дела, поиски людей. Скоро, вероятно, придется покинуть Новочеркасск, **идти дальше по нашему тернистому пути, но в то же время и по пути чести** (выделено мной. – Р.Г.)»¹⁷⁰.

Отряд пробыв в Новочеркасске месяц. Как и в Скинтее, уклад жизни его частей был приближен к нормам военных училищ. Сводно-Стрелковый полк был расквартирован в свободных помещениях Института благородных девиц. Однако на протяжении всего постоя не произошло ни одного случая, который мог бы запятнать дроздовцев. В равной степени этому способствовали как личная порядочность чинов полка, так и авторитет командира полка полковника Жебрака. Позднее А.В. Туркул вспоминал об этом времени: «Седой Жебрак... был, кажется, самым пожилым среди нас. Он вызывал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закаленные в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввел для всех железную дисциплину юнкерского училища или учебной команды. В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново. Он заставлял переучивать уставы, мы должны были снова узнать их до самых тонкостей. Он сам экзаменовал... Для нас были установлены расписания занятий. Ночью, после похода, усталые, отбиваясь всеми силами от могучего сна, мы торопились прочесть, что следовало наутро знать по книжному уставу. Пуговица ли, шаг, винтовка – полковник Жебрак видел все. И он умел себя так поставить, что даже старшие офицеры не решались спрашивать у него разрешения закурить. Все воинское он доводил до великолепного совершенства. Это была действительно школа... Вскоре все хорошо поняли полковника Жебрака, и 2-й Офицерский стрелковый полк стал образцовым полком, может быть, до того и не бывалым ни в одной армии мира»¹⁷¹.

Избранный Донским атаманом генерал П.Н. Краснов в знак благодарности за помощь в освобождении Новочеркасска охотно оказывал помощь Дроздовскому в комплектовании, а главное – в снабжении. Кроме того, добровольцы сумели пополниться вооружением и с ростовских складов, взятых под охрану германскими частями (последнее обстоятельство не помешало им «заимствовать» имущество). Деникин отмечал, что перед 2-м Кубанским походом «Дроздовский привез с собой свыше миллиона патронов и несколько тысяч снарядов. Это были до смешного малые цифры, но мы давно уже не привыкли к таким масштабам и поэтому положение нашего парка считали почти блестящим»¹⁷².

За месяц пребывания в Новочеркасске отряд Дроздовского серьезно вырос и насчитывал уже около 2500–3000 человек. По свидетельству А.В. Туркула, в Новочеркасск прибывало так много добровольцев, «что дней через десять мы смогли развернуться в три батальона». К концу мая в каждом из трех батальонов Сводно-Стрелкового полка было уже до 800 штыков. Конный дивизион, вышедший из Румынии в числе двух эскадронов, развернулся в Конный полк в составе четырех эскадронов, конно-пулеметной и саперной команд¹⁷³.

Помощь донцов имела и другую сторону. После избрания генерала П.Н. Краснова Донским атаманом в Новочеркасске на Кадетской площади состоялся парад в его честь, в котором принимали участие и дроздовцы. Блестящее состояние отряда побудило Краснова предложить Дроздовскому войти в состав формируемой Донской армии на правах «Донской пешей гвардии». Донцы и позднее предлагали Михаилу Гордеевичу обособиться от генерала Деникина: войти в состав своей армии или же образовать самостоятельную. Однако Дроздовский неизменно отказывался, твердо заявляя о намерении соединиться с Добровольческой армией¹⁷⁴.

С учетом быстрого роста отряда М.Г. Дроздовский вполне мог претендовать и на самостоятельную военно-политическую роль. Деникин позднее указывал на прямое противодействие генерала Краснова соединению Добровольческой армии и дроздовцев. По просьбе Донского атамана Отряд Дроздовского разбрасывался частями по Донской области: конница сражалась в Сальском округе (для участия в освобождении сел Большая и Малая Орловка был выделен отряд из двух эскадронов Конного полка, конно-пулеметной команды и взвода конно-горной батареи, который соединился со своим полком только 16 (29) июня)¹⁷⁵, пехота участвовала в

«очистке от большевиков» Ростова и Новочеркаска, использовалась в карательных экспедициях по крестьянским деревням севера области. «Я требовал присоединения бригады; Дроздовский ходатайствовал об отсрочке для отдыха, организации и пополнения. Краснов упрашивал Дроздовского не покидать Новочеркасск – публично, на параде перед строем, и более интимно в личных разговорах с Дроздовским, – писал позднее А.И. Деникин. – Атаман порочил Добровольческую армию и ее вождей и уговаривал Дроздовского отложиться от армии, остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движение под общим руководством Краснова. Но время шло, назревал 2-й Кубанский поход, а начало его все приходилось откладывать: более трети всей армии – бригада Дроздовского – оставалось в Новочеркасске. Это обстоятельство препятствовало организационному слиянию ее с армией, нарушало все мои расчеты и не давало возможности подготовить операцию...»¹⁷⁶

Очевидно, что давление, оказывавшееся в это время на Дроздовского с двух сторон, угнетало его. Стремясь принести пользу прежде всего делу освобождения России от большевизма, он старался подчинить ему все свои устремления. Поэтому необходимость соединения с Добровольческой армией едва ли ставилось Михаилом Гордеевичем под сомнение, хотя и могла вызывать некоторые вопросы. Непонимание важности объединения усилий в борьбе с общим врагом для Дроздовского было абсолютно неприемлемым. В мае он писал: «Я брошен сейчас судьбой в котел политической борьбы, кипящий и бурлящий, судьба выносит меня на гребень волны, и я не могу особенно упираться, так как мне слишком дорога Россия... А что из этого будет – как знать. Подъем или крушение, теперь так трудно что-либо угадать, особенно тому, кто не идет на всякие компромиссы. Ведь теперь, в самом центре борьбы я вполне только понял, как ничтожны, близоруки, бессильны наши общественные деятели и политики, наши имена и авторитеты! Они ничего не понимают, как не понимали до сих пор, и ничему не научились. Ведешь с кем-нибудь переговоры и не понимаешь, стоит ли тратить на это время, кто он – деятель или пустое место. Как все это мне опротивело, все надоело, но повторю всегда: как часовой, с поста своего я все же не уйду»¹⁷⁷.

В мае среди дроздовцев распространились слухи о нежелании их командира присоединяться к Добровольческой армии. Однако абсолютное большинство офицеров отряда, стремившихся к соединению с Добровольческой армией, попросило генерала Жебра-

ка переговорить с Дроздовским, чтобы тот опроверг слухи. В результате ни объединение с донцами, ни самостоятельное выступление не состоялись. Очевидно, что помимо понимания необходимости объединения усилий в борьбе с большевиками, большую роль сыграло и неприятие Дроздовским слишком тесного сотрудничества донцов с германскими оккупационными властями. После беседы с Жебраком М.Г. Дроздовский выехал в Мечетинскую¹⁷⁸. Приказом по Добровольческой армии № 288 от 12 (25) мая 1918 года, отданным в станице Мечетинской, Отряд М.Г. Дроздовского (Бригада русских добровольцев) был включен в состав Добровольческой армии¹⁷⁹.

26 мая (8 июня), после получения приказа генерала Деникина, дроздовцы выступили в станицу Мечетинскую на соединение с Добровольческой армией. Не доходя версты до станицы, отряд спешился и во главе с полковником М.А. Жебраком с музыкой вступил в Мечетинскую. Для его встречи в станице был назначен парад, на котором присутствовали генералы М.В. Алексеев и А.И. Деникин, штаб и части Добровольческой армии. Символичность момента, понимание его значимости, величие и красота происходившего на площади донской станицы произвели на добровольцев огромное впечатление. Позднее участники вспоминали: «Прошло минут пятнадцать, и вот на горизонте появились очертания головных частей отряда полковника Дроздовского. Стали выходить на поле зрения флюгера кавалерии и виднеться штыки пехоты. Издалека доносились звуки егерского марша... Впереди горделиво развивался Андреевский флаг. Его нес рослый капитан, нес с благоговением, как священную хоругвь, чувствуя, что тысяччи глаз устремлены сейчас на него и несомый им голубой Андреевский крест, символ Российского Императорского флота, его истории и национальной славы. За развевающимся знаменем шел батальон, состоящий почти сплошь из офицеров. Отчетливый шаг и стройные ряды батальона воскрешали в памяти старую славную Императорскую армию... Части полковника Дроздовского постепенно втягивались в поле парада и выстраивались в линию фронта на отведенном месте. От штаба Добровольческой армии отделился священник в сопровождении дьякона, псаломщика и небольшого солдатского хора, вышел на середину и приготовился к молебну. Все войска были двинуты ближе и образовали карэ, чтобы принять участие в общей молитве. Раздалась команда: "На молитву шапки долой!" Привычным движением сняли воины фуражки и папахи и за-

мерли, слушая слова молитвы, благодаря Бога за его безграничную милость, что Он спас столько людей и помог им соединиться для продолжения борьбы с врагами России, старающимися уничтожить родную старину, устои и обычаи»¹⁸⁰.

Значение присоединения Отряда Дроздовского к Добровольческой армии переоценить трудно, и ее командование прекрасно понимало это. «Мне ли забыть этот яркий солнечный день, когда по дороге, среди бесконечных донских полей, часть за частью, подчеркнута стройно подходили запыленные и загорелые дроздовцы – долгожданная братская сила...», – писал впоследствии Деникин¹⁸¹. Лучшей же иллюстрацией служат слова, сказанные в Мечетинской организатором Добровольческой армии генералом М.В. Алексеевым. Сняв кубанку и поклонившись дроздовцам, он сказал: «Мы были одни, но далеко в Румынии, в Яссах, билось сердце полковника Дроздовского, билось сердца пришедших с ним к нам на помощь. Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы... Примите от меня, старого солдата, мой низкий поклон»¹⁸².

Силы же были в сравнении с численностью Добровольческой армии действительно немалыми. Отряд Дроздовского насчитывал около 3000 человек, прекрасно вооруженных, снаряженных и обмундированных, при значительной артиллерии, с двумя броневиками, аэропланами (один из них был полностью готов к вылетам), автомобилями, радиотелеграфом, оркестром и большими запасами артиллерийских снарядов (8000), ружейных и пулеметных патронов (200 тысяч), запасных винтовок (свыше 1000). Отряд имел оборудованную санитарную часть и обоз в отличном состоянии. В результате Добровольческая армия почти удвоилась в численности¹⁸³.

«Парад произвел на всех присутствовавших огромное впечатление. Стройные ряды войск, развевающиеся значки частей, вдруг мелькнувший Андреевский стяг Российского флота, хор трубачей, приветствия командующих – все это глубоко запало в души бывших там... С песнями, полные радости, уходили полки, эскадроны и батареи к местам своих стоянок. Всюду только и слышно было на всех перекрестках станицы: “Дроздовцы пришли!”, “Дроздовцы с нами!” Так шептали, радуясь, тысячи уст, а многие думали: “Помоги нам, Господь, завершить наше правое дело!” Но что самое главное – это был дух отряда, в нем жила вера в успех борьбы с захватчиками власти в России и освобождения ее от них»¹⁸⁴.

Дроздовцы вспоминали, что участники 1-го Кубанского похода смотрели на них в Мечетинской с откровенным удивлением и даже недоверием: «Откуда-де такие явились, щеголи, по-юнкерски печатают шаг, одеты как один в защитный цвет, в ладных гимнастерках, хорошие сапоги. Сами участники Кубанского похода были одеты, надо сказать, весьма пестро, что называется, попартизански. В степях им негде было достать обмундирование, а мы в нашем походе шли по богатому югу, где были мастерские и склады»¹⁸⁵.

Части Отряда полковника Дроздовского не задержались в Мечетинской, проследовав по окончании парада на расквартирование в станицу Егорлыцкую. После переформирования Добровольческой армии Дроздовский стал начальником 3-й пехотной бригады. Одним из условий вхождения отряда в Добровольческую армию стала гарантия несменяемости полковника М.Г. Дроздовского в должности ее командира. В состав бригады (позднее дивизии) вошли все части, прибывшие из Румынии: 2-й Офицерский стрелковый полк, 2-й Офицерский конный полк, 3-я инженерная рота, легкая артиллерийская батарея и взвод гаубиц (всего 10 легких и 2 тяжелых орудия).

Впереди был тяжелейший 2-й Кубанский поход.

ВО 2-м КУБАНСКОМ ПОХОДЕ

План 2-го Кубанского похода разрабатывался с середины мая 1918 года. В это время руководство Добровольческой армии стояло перед выбором дальнейшего стратегического направления ведения боевых действий. Командующий армией генерал А.И. Деникин и начальник штаба генерал-майор И.П. Романовский, поддерживаемые генералом М.В. Алексеевым, ставили главной своей задачей овладение Кубанью и всем Северным Кавказом с целью обезопасить свои тылы перед наступлением на Москву, пополнить ряды армии и выполнить моральный долг перед кубанскими казаками, оказавшими им поддержку в тяжелый период борьбы. Это решение не поддерживалось атаманом Всевеликого Войска Донского генералом П.Н. Красновым, стремившимся склонить руководство Добровольческой армии к нанесению главного удара в направлении на Царицын. В этом случае он обещал содействие наступлению донскими частями. Деникин, надеявшийся в свою очередь склонить

Краснова к совместным действиям на юге, от подобного предложения отказался.

Вполне вероятно, что М.Г. Дроздовский, обладавший большими знаниями в стратегии и всегда имевший собственный взгляд на возможное развитие событий, выступал за иной, отличный от предложенного командованием Добровольческой армии вариант действий, или же поддерживал мнение, высказанное донским атаманом. На это наводят высказывания Михаила Гордеевича о действиях Русской армии на фронтах Великой войны, когда, оценивая ситуацию, сложившуюся на фронте, он неизменно высказывал свою точку зрения. К сожалению, аналогичных свидетельств о 2-м Кубанском походе не сохранилось.

В состав Добровольческой армии к началу похода входили:

1-я пехотная дивизия (начальник дивизии – генерал-лейтенант С.Л. Марков) в составе 1-го Офицерского пехотного полка, 1-го Кубанского стрелкового полка, 1-го Конного полка, 1-й отдельной легкой батареи и 1-й инженерной роты;

2-я пехотная дивизия (генерал-майор А.А. Боровский) в составе Корниловского ударного полка, Партизанского пехотного полка, Улагаевского пластуна батальона, 4-го Сводно-Кубанского конного полка, 2-й отдельной легкой батареи и 2-й инженерной роты;

3-я пехотная дивизия (полковник М.Г. Дроздовский) в составе 2-го Офицерского пехотного полка, 2-го конного полка, 3-й отдельной легкой батареи, конно-горной батареи, мортирной батареи, 3-й инженерной роты;

1-я конная дивизия (генерал от кавалерии И.Г. Эрдели) в составе 1-го Кубанского казачьего полка, 1-го Черноморского конного полка, 1-го Кавказского казачьего полка и 1-го Черноморского казачьего полка.

Помимо этих частей в состав армии была включена также 1-я Кубанская казачья бригада (генерал-майор В.Л. Покровский) в составе 2-го Кубанского казачьего полка, 3-го Кубанского казачьего полка и взвода артиллерии. Кроме того, армия располагала одним пластуна батальоном, гаубицей и тремя броневыми автомобилями.

Донцы также оказали поддержку Добровольческой армии. На первый период похода армии был подчинен отряд донских казаков под командованием полковника И.Ф. Быкадырова (3500 человек, 8 орудий), действовавший в районе реки Маныч.

Всего к началу похода в состав армии входило пять полков пехоты, восемь конных полков, пять с половиной артиллерийских ба-

тарей, а общая численность накануне выступления достигала порядка 8500–9000 тысяч штыков и сабель при 21 орудии. Во время похода армия несла большие потери, отчасти восполнявшиеся вливанием в нее новых добровольцев, в основном из кубанских казаков. По оценке А.И. Деникина, в ходе боевых действий Добровольческой армии противостояли силы Северо-Кавказской Красной армии общей численностью около 80 000 – 100 000 человек.

Театр военных действий охватывал Кубанскую область, Ставропольскую и Черноморскую губернии, Задонье. Командующий Добровольческой армией писал, что «стратегический план операции заключался в следующем: овладеть <станцией> Торговой, прервав тем железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на <станцию> Тихорецкую. По овладении этим важным узлом северокавказских железных дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом <станций> Кушевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа». В силу стратегической обстановки военные действия велись в основном вдоль железнодорожных линий (главным образом, Владикавказской железной дороги) и их узловых станций: Тихорецкой, Торговой, Кушевки, Кавказской, Кореновской и Екатеринодара. «В этом походе армия, невзирая на свою малочисленность, двигалась все время широким фронтом для очистки района от мелких банд, для прикрытия железнодорожного сообщения и обеспечения главного направления от удара мелких отрядов и ополчений, разбросанных по краю»¹⁸⁶.

* * *

Поход начался с выступления Добровольческой армии из станции Мечетинской 9–10 (22–23) июня 1918 года. Основной задачей на первом его этапе было овладение узловой станцией Торговой. С этой целью дивизии разделились на две ударные группы. Первая из них в составе 2-й дивизии генерала Боровского и 3-й дивизии полковника Дроздовского двинулась вдоль линии железной дороги Батайск – Торговая (Дроздовский) и берегу реки Средний Егорлык (Боровский).

Сделав ночной переход, Дроздовский с рассветом 12 (25) июня развернул свои силы против Торговой с запада и повел методичное наступление, «применяя тактику большой войны» (именно так ха-

рактизовал Деникин ведение боевых действий Михаилом Гордеевичем в тот период). Взятие станции затягивалось, но внезапное появление Командующего армией с конной группой вдохновило дроздовцев. «Прошло уже более пяти лет с того дня, – писал в эмиграции Деникин, – когда я первый раз увидел дроздовцев в бою, но я помню живо каждую деталь. Их хмурого, нервного, озабоченного начальника дивизии... Суетливо, как насадка, собиравшего своих офицеров и бродившего, прихрамывая (старая рана), под огнем по открытому полю Жебрака... Перераненных артиллеристов, продолжавших огонь из орудия, с изрешеченным пулями щитом... И бросившуюся на глазах Командующего через речку вброд роту во главе со своим командиром штабс-капитаном Туркулом – со смехом, шутками и криками “ура”...»¹⁸⁷

Несмотря на сильный огонь, атакой вброд через реку Егорлык был взят хутор Шавлиев у станции. Благодаря этому смогла переправиться и вся дивизия, но, развернувшись перед Торговой, она встретила сильное сопротивление противника. Желая действовать наверняка и избежать ненужных потерь (печальный опыт Ростова был еще слишком памятен), Дроздовский медлил, ожидая удара 2-й дивизии генерала Боровского. Туркул впоследствии вспоминал, что под Торговой Дроздовский «в жестоком огне пошел во весь рост по цепи моей роты. По нему загоготали пулеметы красных. Люди, почерневшие от земли, с лицами, залитыми грязью и потом, поднимали из цепи головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать, Дроздовского просили уйти. Он шел, как будто не слыша. Понятно, что никто не думал о себе. Все думали о Дроздовском. Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из огня. “Так что же вы хотите?” – Дроздовский обернул ко мне тонкое лицо. Он был бледен. По его впадой щеке струился пот. Стекла пенсне запотели, он сбросил пенсне и потер его о френч. Он все делал медленно. Без пенсне его серые запавшие глаза стали строгими и огромными. “Что же вы хотите?”, – повторил он жестко. – “Чтобы я показал себя перед офицерской ротой трусом? Пускай все пулеметы бьют. Я отсюда не уйду”»¹⁸⁸.

Около двух часов дня начал подходить Корниловский полк. Вместе с корниловцами, имея в цепях Дроздовского и Жебрака, дроздовцы двинулись в атаку. Торговая была взята, в руки белых попало много пленных, большие интендантские запасы, три орудия и много пулеметов.

В это же время вторая группа Добровольческой армии в составе 1-й дивизии генерала Маркова и 1-й конной дивизии генерала Эрдели вместе с донскими частями полковника Быкадырова направилась к железнодорожной линии Тихорецкая – Царицын, перекрывая тем самым сообщение красным, отвлекая внимание от основного удара и завершая окружение Торговой. К 12 (25) июня 1-я конная дивизия достигла железнодорожной ветки и, выставив заслон для защиты со стороны Тихорецкой, вышла к Торговой. Генерал Марков во главе 1-й дивизии, очистив от большевиков район между Юлой и Манычем, 12 (25) июня приступил к штурму станции Шаблиевка. При ее атаке в этот же день он был смертельно ранен разрывом артиллерийского снаряда. 1-ю дивизию принял полковник А.П. Кутепов.

Со взятием Торговой закончился начальный этап 2-го Кубанского похода. По словам Деникина, «12 (25) июня воссозданная Добровольческая армия одержала свой первый крупный успех»¹⁸⁹.

* * *

Разбитые под Торговой части красных отступили в район Песчаноокопская – Белая Глина, преграждая этим дорогу Добровольческой армии на станцию Тихорецкую. Для овладения ею 2-я дивизия генерала Боровского повела наступление на Белую Глину (без участия Корниловского полка), а 3-я дивизия Дроздовского получила задачу занять хутор Развильный и Песчаноокопскую, а затем двигаться на Белую Глину. Левая колонна Добровольческой армии в составе 1-й конной и 1-й пехотной дивизий под общим командованием генерала Эрдели направлялась в район Сандата – Ивановка с целью отбросить красных и сосредоточиться в Ново-Павловке для содействия наступавшим на Белую Глину частям. Кубанские части вместе с Корниловским полком сосредоточивались в районе Егорлыцкой, прикрывая возможное наступление красных.

21 июня (4 июля) Дроздовский с боем занял Песчаноокопскую, захватив там много пленных. Михаил Гордеевич первый из белых командиров стал привлекать на службу бывших красноармейцев. После взятия Песчаноокопской во 2-м Офицерском полку им был сформирован Солдатский батальон, который уже через пять суток блестяще проявил себя. «Среди его состава не было старых солдат из дивизии Дроздовского, а одни заводские парни, чернорабочие, крестьяне и красноармейцы. Но надо было просто удивляться той перемене в их сознании и настроении после того, как на

их плечах появились эмблемы Российской армии. Они все радовались плену и уверяли своих командиров – офицеров из Дроздовского офицерского полка, – что советчина со всей комиссарской сворой им осточертела, и они, только попав в новую среду, в среду добровольцев, поняли, где есть правда»¹⁹⁰. После взятия Тихорецкой, во время атаки которой Солдатский батальон блестяще проявил себя, он был переименован в 1-й Солдатский полк, получивший позднее знамя и наименование 83-го пехотного Самурского полка, боевая работа которого в ходе войны неразрывно была связана с дроздовцами.

После боев под Великокняжеской, Николаевской и Песчанокской 3-я дивизия, наконец, вышла к Белой Глине. Там дроздовцы понесли первую за время 2-го Кубанского похода невосполнимую потерю. В ночь на 23 июня (6 июля) погиб полковник Жебрак, лично возглавивший атаку 2-го и 3-го батальонов своего полка, а также все офицеры его штаба. Всего в ночном бою дроздовцы потеряли около 400 человек (80 офицеров было убито и до 300 ранено)¹⁹¹. «Семьдесят человек было убито в атаке с Жебраком, многие, тяжело раненные, умирали в селе Торговом, куда их привезли. Редко кто был ранен одной пулей – у каждого три-четыре ужасные пулевые раны. Это были те, кто ночью наткнулся на пулеметную батарею красных. В поле, где только что промчался бой, на целине, заросшей жесткой травой, утром мы искали тело нашего командира полковника Жебрака. Мы нашли его среди тел девяти офицеров его верного штаба. Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было разможено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его еще живым, били прикладами, пытали, жгли на огне. Его запытали. Его сожгли живым. Так же запытали красные и многих других наших бойцов»¹⁹².

Это были первые большие потери дроздовцев со времен неудачного штурма Ростова. «Вся дивизия горела желанием отомстить за смерть замученного Жебрака, – вспоминал впоследствии один из добровольцев, – а кроме того, в этот день красные в первый раз стреляли разрывными пулями, и это тоже подбавило масла в огонь. На мельницу (куда сводили пленных красных. – Р.Г.) пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы потерянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновенные, и разрывные, и бронебойные.

Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-либо лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. «Вот этого – этим», – говорил он, подавая патрон и указывая на красного. Красный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом»¹⁹³. Сцены расправы были страшны. Невольно вспоминаются записи Михаила Гордеевича, сделанные им в дневнике еще во время похода Яссы – Дон: «В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану ровень с этим страшным звериным законом – с волками жить. Два ока за око, все зубы за зуб». Прежде, чем вмешался штаб Командующего, «Дроздовский, решивший отомстить за смерть своих зверски умученных офицеров, успел, захваченный чувством негодования, расстрелять несколько партий взятых в плен красноармейцев, бывших на том участке боя, где погибли умученные»¹⁹⁴. «Он говорил о Жебраке, о замученных добровольцах, о том, что большевики убивают и мучают **всех...**», – описывал позднее его состояние А.И. Деникин.

Впрочем далеко не все пленные были расстреляны. Большая их часть была влита в Солдатский батальон и в другие части Добровольческой армии.

* * *

Наступление Добровольческой армии на Екатеринодар началось в середине (конце) июля 1918 года. Продвинувшись к станции Кореновской, армия разделилась на группы, которые повели наступление к Екатеринодару по разным направлениям.

1-я дивизия Казановича и 3-я дивизия Дроздовского продолжили движение к Екатеринодару по главному направлению: вдоль железнодорожной линии Тихорецкая – Екатеринодар. 1-я конная дивизия Эрдели двинулась к Екатеринодару севернее, вдоль Черноморской линии для нанесения удара по городу с севера. 1-я Кубанская бригада Покровского продолжила наступление на станцию Тимашевскую, и далее, в тыл Екатеринодарской группе Северо-Кавказской Красной армии. 2-я дивизия генерала Боровского частью своих сил двигалась вдоль Кавказской железной дороги. Для обеспечения тыла на станции Кореновской был оставлен Пластунский батальон с двумя орудиями.

14 (27) июля дивизия Дроздовского взяла станицу Динскую всего в 20 верстах от Екатеринодара. Было захвачено около

600 пленных, 3 орудия и другие трофеи. Однако в этот же день в наступление перешли красные части под командованием И.Л. Сорокина, насчитывавшие 25 000 – 30 000 человек и имевшие мощную артиллерию. 15 (28) июля Сорокин сумел занять станцию Кореновскую, оказавшись, таким образом, в тылу Добровольческой армии и отделив группу Казановича и Дроздовского от дивизии Эрдели и штаба армии.

Деникин вынужден был перегруппировать свои силы. Из Ставрополя был отозван полк с батареей для нанесения совместно с бронепоездами удара по Кореновской с северо-востока. 1-я и 3-я дивизии (не имевшие с ним связи), должны были нанести удар по противнику с юго-запада, со стороны Екатеринодара. Кубанская бригада генерала Покровского после атаки станции Тимашевской ожидалась в тылу армии Сорокина. Конная дивизия генерала Эрдели должна была ударить по Кореновской с севера. Взятию этого железнодорожного узла не случайно придавалось большое значение: сложилась вполне реальная угроза разгрома Добровольческой армии.

Дивизии Казановича и Дроздовского, оставив арьергард в Динской, 16 (29) июля ударили по Кореновской с запада. Штурм оказался неудачным. Генерал Казанович поторопился, вступив в бой до подхода Дроздовского. Обе дивизии понесли жестокие потери, были смяты и к вечеру, преследуемые противником, отошли к станции Платнировской. «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, – говорится в описании боевых действий дивизии, – носил очень тяжелый характер... Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности (уйти) от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть. Красные проявляли нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали (потом) раненых на кострах...»¹⁹⁵

Отойдя на ночь на позиции за ручьем, дивизии приводили себя в порядок. Напряжение месяца боев тяжело отразилось на моральном состоянии Дроздовского, часто находившегося на передовой. На совещании, состоявшемся ночью в штабе 3-й дивизии, обстановка рисовалась ему почти безнадежной. По словам Казановича, «Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и искать кружным путем соединения с командующим армией или Бо-

ровским... Что надо спасать части от уничтожения...». Казанович спорил с ним, утверждая, что такие действия развяжут большевикам руки: они возьмут Тихорецкую и порвут всякую связь между частями Добровольческой армии. Будет не только сорвана операция, но и вполне вероятно, что произойдет разгром армии по частям. В итоге после долгих споров ввиду потери связи с Командующим армией, Казанович заявил, что как старший по чину он вступает в командование группой и приказывает с рассветом возобновить наступление на Кореновскую¹⁹⁶. Очевидно, что такое решение Казановича не могло не задеть самолюбия Михаила Гордеевича. Помимо опасения потерять дивизию, лишиться людей, прошедших с ним большие испытания, Дроздовского, безусловно, задевала и необходимость вынужденного подчинения Казановичу. Тем не менее он в очередной раз продемонстрировал готовность пожертвовать личными амбициями во имя общей цели. Как показали дальнейшие события, решение Казановича, несмотря на большой риск, оказалось верным. Армия, хотя и дорогой ценой, была спасена.

17 (30) июля дивизии продолжили штурм, но вновь не имели успеха. Красные начали контратаковать, но, как позднее выяснилось, это были лишь отчаянные попытки вырваться из окружения. Положение центральной группы спас удар с тыла по армии Сорокина, нанесенный другими частями Добровольческой армии. 17 (30) июля Кореновская была взята. Цена этого успеха была велика: 1-я и 3-я дивизии потеряли до 25–30% своего состава.

Но положение Добровольческой армии по-прежнему оставалось серьезным. Несмотря на утомленность частей и численное превосходство противника, она продолжала движение к Екатеринодару. К 18 (31) июля бригада Покровского форсировала низовья реки Бейсуг и овладела станицей Брюховецкой; конная дивизия Эрдели заняла станицы Березанская и Батуриная. 1-я дивизия Казановича, получив задачу нейтрализации северной группы Сорокина, была на подходе к станице Выселки. 19 июля (1 августа) Казанович повел атаку на Березанскую и Журавки. 20 июля (2 августа) бригада Покровского охватила с севера Тимашевский железнодорожный узел.

Оставшись в одиночестве в Кореновской, Дроздовский оказался в крайне опасном положении. Уже 19 июля (1 августа) красные повели на Кореновскую массированные атаки, одновременно начав глубокий обход позиций добровольцев. Даже стойкость и героизм

Дроздовцев не спасали положения: дивизии угрожало окружение. Вечером Дроздовский вынужден был отступить, отойдя ночью в станицу Бейсугскую (в 30 верстах от Кореновской) и избежав этим окружения и разгрома. Утром он сообщил Деникину, что из-за больших потерь дивизия небоеспособна и нуждается в отдыхе. Однако несмотря на тяжелые обстоятельства, Командующий Добровольческой армии приказал Дроздовскому вернуть Кореновскую и облегчить этим положение 1-й дивизии Казановича под Журавками. По сути, иного выхода у штаба армии не было.

Оставив большую часть сил для выполнения пассивной задачи (прикрытия усть-лабинского направления), Дроздовский 24 июля (6 августа) двинулся к Кореновской левым берегом реки Бейсужек. Но, получив сведения о сосредоточении там крупных сил противника, атаковать ее не стал, заночевав на полпути в хуторе Бейсужек. Казанович, атаковавший Журавки без поддержки, вновь понес большие потери и потерпел неудачу. По словам Деникина, «между 1-й и 3-й дивизиями создавались натянутые отношения, основанные меньше всего на их боевых достоинствах: и начальники, и части могли поспорить в доблести... Но трудно было сочетать два характера – безудержного Казановича и осторожного Дроздовского, две системы в тактике: у Казановича – лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть добровольцев и впечатлительность большевиков; у Дроздовского – медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми «пакетами» для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее»¹⁹⁷. Возможно, в этом боевом эпизоде сказались личные взаимоотношения Казановича и Дроздовского, и последний намеренно придержал войска. Ведь всего неделю назад самолюбивый Дроздовский был вынужден подчиниться на военном совете Казановичу, как старшему по званию¹⁹⁸. Однако, скорее всего, Михаил Гордеевич берет своих офицеров и добровольцев, считая, что поставленную задачу невозможно решить имеющимися силами.

Дроздовский вышел в тыл журавской группе красных только утром 25 июля (7 августа), двинувшись на Выселки, где вела бои 1-я дивизия. Однако, обойдя красных, Дроздовский сам вскоре оказался обойденным противником и лично во главе Солдатского полка отражал атаки с северо-востока. Большевики, стоявшие против Выселок, повернули в его сторону: сначала одна волна, расстрелянная и уничтоженная в штыковом бою, потом и остальные силы, преследуемые с севера марковцами и 1-м конным полком.

К вечеру 25 июля (7 августа) июля армия Сорокина была разбита, а станция Кореновская вновь занята добровольцами. Красные части отступали в направлении на Екатеринодар и станцию Тимашевскую.

* * *

После этого успеха Добровольческая армия получила возможность развивать наступление на Екатеринодар, которое велось несколькими группами: дивизии Эрдели и Казановича наступали на кубанскую станцию с севера и северо-востока; дивизия Дроздовского двигалась в сторону Усть-Лабинской; бригада Покровского по-прежнему имела целью занятие Тимашевской; дивизия Боровского частью своих сил содействовала продвижению Дроздовского вниз по Кубани.

27 июля (9 августа) Дроздовский взял станцию Кирпильскую, а 29 июля (11 августа) – станции Усть-Лабинскую и Воронежскую, отрезав этим красных от Екатеринодара. 30 июля (12 августа) отдых 3-й дивизии в станицах был прерван приказом Деникина о немедленном выступлении всеми силами к Екатеринодару. К 1 (14) августа Добровольческая армия подошла к кубанской столице на расстояние перехода, охватив ее полукольцом с севера и востока. В этот день 3-я дивизия заняла Пашковский разъезд, а утром следующего дня – станцию Пашковскую, погнав противника дальше. В тот же день Покровский взял станцию Тимашевскую (остатки красных продолжили отступление от нее к Новороссийску). После штурма, утром 3 (16) августа Добровольческая армия вступила в Екатеринодар. 13 (26) августа был взят Новороссийск.

Точка многомесячного притяжения для белых на юге – Екатеринодар, наконец, был освобожден Добровольческой армией. 2-й Кубанский поход завершился. Под контролем белых оказалась западная часть Кубанской области с Екатеринодаром и северная часть Черноморской губернии с Новороссийском. Значение этого факта, несмотря на громадные потери армии, трудно переоценить: «В течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от Центральной России, а центр страны – от всероссийских житниц – Кубанской области и Ставропольской губернии и от грозненской нефти. Это обстоятельство, несомненно, подрывало экономический базис Советской власти...»¹⁹⁹

К Екатеринодару дроздовцы и их командир подошли крайне утомленными и морально, и физически. Сказывалось постоянное

напряжение боевой работы на главном направлении, потеря боевых товарищей и осознание продолжительности предстоящей борьбы. Еще до занятия Екатеринодара Михаил Гордеевич записал в дневнике: «Я весь в борьбе, и пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я уже вижу слабое мерцание солнечных лучей, проникающих через сплошной мрак действительности. Сейчас я маньяк, я обрекающий и обреченный...»

Впереди были тяжелейшие бои за освобождение всего Северного Кавказа.

* * *

После взятия Екатеринодара и непродолжительного отдыха Дроздовский получил приказ перейти реку Кубань и овладеть Армавиrom. «Эта рискованная операция с самого начала была не по сердцу осторожному Дроздовскому, и потому исполнение ее сопровождалось трениями со штабом армии», – запишет позднее Деникин²⁰⁰.

26 августа (8 сентября) после неоднократных разведок 3-я дивизия частично переправилась через Кубань и ударила во фланг противнику. После тяжелых четырехдневных боев дроздовцы заняли станцию Гулькевичи, а затем Кавказскую, после чего повели наступление вдоль железной дороги. Однако уже к 1 (14) сентября красные, получив большие пополнения, сумели оттеснить Дроздовского обратно к Гулькевичам. Действовавшая совместно с 3-й 1-я конная дивизия (принятая накануне генералом П.Н. Врангелем) сковывала действия Михайловской группы красных.

2 (15) сентября, получив приказ Деникина, 2-я дивизия генерала Боровского ударила в тыл армавирской группировке красных и заняла станицу Невинномысскую. В этот день добровольцам сопутствовала удача. Как выяснилось позднее, этим ударом удалось предупредить наступление большевиков, назначенное на это же число: части Сорокина в беспорядке отошли к Армавиру.

3 (16) сентября Дроздовский отбил атаки противника, а 4-го (17-го) сам перешел в наступление. С рассветом 6 (19) сентября он вышел к Армавиру. После многочасового боя 3-я и 2-я дивизии вошли в город. Армавирская группировка Сорокина была разгромлена: белые до ночи преследовали отступавшие части красных.

Однако уже к 10 (23) сентября к Армавиру подошла Таманская Красная армия численностью до 35 000 штыков и сабель.

Силы были явно неравны. 12 (25) сентября при сильной артиллерийской подготовке она начала атаку позиций 3-й дивизии, охватывая Армавир с севера. Дроздовский пытался контратаковать и, несмотря на превосходство противника, сумел продержаться до вечера. Но после того как красные начали разворачивать силы и к югу от Армавира, Михаил Гордеевич счел положение опасным и, чтобы не быть окруженным, в ночь на 13 (26) сентября отошел на правый берег, в Песчаноокопскую, сохранив контроль над переправой.

Тем временем по распоряжению Деникина к Армавиру подошло подкрепление: отряд полковника Н.С. Тимановского численностью около 1500 человек. Вместе с ним Дроздовскому было передано приказание Командующего – 13-го (26-го) сентября перейти в наступление. Позднее Дроздовский отмечал, что подобного прямого приказа от Деникина он не получал, что подтвердил и Н.С. Тимановский (приказания атаковать город «во чтобы то ни стало он не получал»).

Доложив о прибытии Дроздовскому, в полдень Тимановский стремительно атаковал противника с севера и овладел его позицией, оттеснив красных к городу. Но, видя, что 3-я дивизия наступление не ведет и получив запоздалое приказание Дроздовского не ввязываться в этот день в бой, Тимановский с отрядом заночевал на занятой позиции. Впоследствии Михаил Гордеевич напишет в рапорте: «Полная физическая невозможность произвести своевременную перегруппировку и сосредоточиться для совместной атаки противника с батальонами полковника Тимановского вынудили меня немедленно ответить ему, чтобы он 13-го в бой не ввязывался, дабы атаковать не раздельно, а совместно»²⁰¹.

Дроздовский, не рассчитывая на помощь подошедших слабых сил Тимановского и имея в резерве только три роты, принимает решение оставить в северной части города небольшой заслон и отводит остальные части дивизии в станицу Прочноокопскую²⁰². 13-го и 14-го числа Михаил Гордеевич рассчитывал дать своим крайне утомленным частям отдых, влить пополнения, заменить убывший командный состав и только после этого вновь двигаться на Армавир. Однако 14 (27) сентября последовал новый приказ Командующего об атаке города. Перейдя на левый берег Кубани и соединившись с Тимановским, Дроздовский повел атаку на Армавир с северо-запада. Понеся тяжелые потери и не сумев добиться успеха, к вечеру он прекратил наступление.

16 (29) сентября Деникин лично прибыл под Армавир к Дроздовскому. Михаил Гордеевич доказывал Командующему бессмысленность дальнейшего наступления на Армавир, пока не будет ликвидирована Михайловская группа красных. Согласившись с Дроздовским, Деникин оставил на армавирском направлении небольшой заслон (отряд полковника Тимановского) и в тот же день двинул Дроздовского с главными силами против Михайловской. Совместно с конницей Врангеля Михаил Гордеевич должен был нанести быстрый и внезапный удар с востока во фланг и тыл Михайловской группе и разгромить ее. Дроздовский вышел на фронт Врангеля только к вечеру 17 (30) сентября и принял иное решение. Ночью он сменил на позиции 1-ю конную дивизию, а утром 18-го атаковал Михайловскую с востока и тыла. Однако эта атака не принесла успеха: части 3-й дивизии понесли тяжелые потери и к вечеру отошли к Петропавловской. Фактически проигнорировав приказ командования, Михаил Гордеевич потерпел жестокое поражение и в результате отошел гораздо дальше занимаемых ранее позиций²⁰³. Причина подобного решения Дроздовского остается до конца не ясной. Позднее он писал об особых обстоятельствах, побудивших его предпринять указанную операцию. Объяснение своего решения Дроздовский дал в телеграмме на имя Деникина, содержание которой неизвестно²⁰⁴.

Эта неудачная операция вызвала крайнее недовольство Деникина, выразившееся публичным выговором за медлительность действия и отмену его приказаний²⁰⁵. По всей видимости, Командующий крайне резко, и, что не менее важно, публично обвинил Дроздовского в неисполнении приказов начальства. Результатом этого инцидента, возникшего в период тяжелейших боев и колоссального напряжения физических и моральных сил, стал не менее резкий рапорт полковника Дроздовского.

* * *

10 (23) октября началось кровопролитное двадцативосьмидневное сражение под Ставрополем, от исхода которого вновь зависела судьба Добровольческой армии. В Ставрополь-Армавирский район были стянуты все силы белых. 3-я дивизия Дроздовского была переведена на правый берег Кубани. С началом сражения дивизия была усилена пластунской бригадой. Она получила приказ задержать противника, переходящего в наступление от Невинномысской до прихода с севера кубанцев.

10 (23) октября Дроздовский успешно отразил наступление большевиков. На следующий день он сам перешел в контратаку, но понес большие потери, не добившись успеха. С утратой горы Недреманной, имевшей стратегическое значение для этой местности, Дроздовский с рассветом 12-го (25-го) отошел к Татарке (в 11 верстах от Ставрополя), где в ночь на 14-е (27-е) был вновь атакован большевиками и отброшен к северу.

В течение дня 14 (27) октября Дроздовский вел тяжелый бой на подступах к Ставрополю. При помощи подошедшего с севера Корниловского полка он старался вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Однако атаки успеха не имели, и в полдень дивизия оставила Ставрополь, отступив на север.

22 октября (4 ноября) 3-я и 2-я дивизии с большими потерями подошли к окраинам Ставрополя. 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья города. Любопытно, что полевой штаб Главнокомандующего* в эти дни находился под Ставрополем, а со взятием монастыря переместился в него, вероятно для контроля за исполнением Дроздовским приказов.

24 октября (6 ноября) противник перешел в контрнаступление, особенно упорное на фронте 3-й дивизии и Корниловского полка. Добровольцы понесли большие потери, но и наступление красных захлебнулось. К тому времени левобережные дивизии Добровольческой армии закончили свою операцию, и Деникин получил возможность направить против Ставрополя все силы. К 28 октября (10 ноября) Врангель вышел к Ставрополю с запада, Казанович – с юга, а Покровский – с юго-востока. Это породило среди красных панику. 29 октября (11 ноября) крупные силы красных вели упорные контратаки на всех участках, однако успеха не имели. Исключением был лишь фронт 3-й дивизии Дроздовского. Она была отброшена на две версты, но затем все же смогла остановиться. Этот отход едва ли можно поставить в вину Михаилу Гордеевичу. Следует учитывать, что 3-я дивизия, и без того измотанная непрерывными боями, приняла на себя самый сильный удар красных, отчаянно пытавшихся вырваться из кольца окружения на север. Этот день стоил больших потерь и противнику, и доброволь-

* 25 сентября (8 октября) 1918 года, в день смерти генерала М.В. Алексеева, А.И. Деникин отдал первый приказ в ранге Главнокомандующего Добровольческой армией (РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 38. Л. 6 об.).

цам. Изнуренные боями большевики 30 октября (12 ноября) уже не возобновляли атак. Кольцо окружения вокруг красных между тем сжималось. К 29 октября (11 ноября) вся Кубанская область была освобождена от большевиков.

31 октября (13 ноября) красное командование предприняло очередную отчаянную попытку вырваться из окружения. На этот раз совершенно растаявшие полки 2-й и 3-й дивизий не выдержали напора и опрокинутые и преследуемые противником поспешно отошли на северо-запад. Дроздовский, собрав все боеспособные остатки своих войск, предпринял отчаянную контратаку у Иоанно-Мариинского монастыря.

Во время этой атаки Михаил Гордеевич, ведя за собой своих подчиненных, был ранен в ступню ноги. Рана оказалась роковой. Вскоре он был эвакуирован на лечение в Екатеринодар.

* * *

Несмотря на частичный прорыв красных, бои под Ставрополем продолжались до 2 (15) ноября, когда город был наконец взят белыми. Сражение под Ставрополем имело огромное значение для Добровольческой армии. Северо-Кавказская Красная армия, несмотря на будущие пополнения, уже никогда не оправится от нанесенного ей поражения.

С концом 1918 и началом 1919 года для Добровольческой армии завершился период одиннадцатимесячной борьбы на Северном Кавказе, начатой еще в ходе 1-го Кубанского похода. Этот период стоил армии огромных потерь, страшных не только числом погибших добровольцев, но и качеством понесенных утрат. Л.Г. Корнилов, М.О. Неженцев, С.Л. Марков, М.Г. Дроздовский и тысячи других – заменить этих людей уже никто не смог. Состав армии никогда уже не был таким высоким по своему профессионализму и духовному единству, как в 1918 году.

Но потери были не напрасными. Занятие огромной территории обеспечило Добровольческой армии тыл и богатую базу снабжения. Наконец, с занятием Северного Кавказа перед добровольцами открывалась дорога к центру России. Впереди были тяжелейшие бои в Донецком бассейне, поход на Москву, горечь отступления и новороссийская катастрофа, героический Белый Крым. Но все это уже без Дроздовского.

ДРОЗДОВСКИЙ – РОМАНОВСКИЙ – ДЕНИКИН

Взаимоотношения между М.Г. Дроздовским, И.П. Романовским и А.И. Деникиным в 1918 году оставляют немало вопросов. Та роль, которая была отведена этим людям в судьбах Белого юга, та трагедия, которая постигла каждого из них, заставляет обратить на этот вопрос особое внимание.

Очевидно, напряженность в отношениях между начальником штаба Добровольческой армии генералом Иваном Павловичем Романовским и М.Г. Дроздовским возникла еще в мае 1918 года после их первой встречи в станице Мечетинской. По словам своих офицеров, Дроздовский, с радостью ехавший на встречу с руководством Добровольческой армии, вернулся оттуда в подавленном настроении, причиной чего стала новость о том, что начальником штаба армии состоит генерал Романовский. «На вопросы окружающих Дроздовский отвечал: “Там Романовский – не будет счастья”»²⁰⁶.

Описывая встречу Отряда М.Г. Дроздовского с Добровольческой армией, дроздовцы (участвовавшие в составлении первого издания «Дневника» Михаила Гордеевича) вспоминали о тяжелом впечатлении, произведенном на них сменой командования армией: «Встречали три генерала: Алексеев, Деникин и Романовский. 1200-верстный переход был совершен отрядом для соединения с генералами Корниловым и Алексеевым. Корнилов был убит, а Алексеев был тут, но он стоял, отступя впереди его стоящих Деникина и Романовского, показывая этим, что вся полнота власти в Добровольческой армии перешла в их руки. На прибывший отряд это произвело тягостное впечатление, точно пустота образовалась в сердцах, точно кто-то любимый и родной покидал их». Однако эти строки были написаны много позднее, уже в эмиграции, и скорее под воздействием уже ушедшего в историю конфликта между двумя офицерами, нежели чем его реальной предистории. Сам Михаил Гордеевич позднее посетует Деникину, что в то время «был далек от мысли, чтобы штаб вверенной Вам армии мог позволить себе такое отношение ко мне, с коим пришлось познакомиться в последние два месяца»²⁰⁷.

Едва ли у Дроздовского изначально присутствовало предубеждение против Романовского. Иван Павлович был всего на четыре года старше Михаила Гордеевича, так же, как и он, окончил Академию Генерального штаба, имел большой боевой и штабной опыт, участвовал в Русско-японской войне. В Великую войну он коман-

додал пехотным полком, был начальником штаба дивизии, позднее – армии, а в 1917 году – генерал-квартирмейстером у Верховного Главнокомандующего Л.Г. Корнилова. Он участвовал в Корниловском выступлении, прошел через «быховское сидение», был одним из организаторов Добровольческой армии. Дроздовский шел на Дон для соединения с Корниловым, которому верил, поэтому неприязнь а priori к человеку, бывшему в штабе Лавра Георгиевича одной из ключевой фигур, маловероятна.

Что же могло привести к разногласиям, а затем и конфликту между М.Г. Дроздовским и И.П. Романовским? По всей видимости, основой его стала амбициозность двух офицеров, которая накладывалась на ряд обстоятельств, усугубивших ситуацию.

Напомним, что в мае 1918 года прибывший на Дон М.Г. Дроздовский находился в положении, в котором мог выбирать свой дальнейший путь: присоединиться к Деникину, принять предложение Донского атамана П.Н. Краснова или же стать полностью независимой силой. Об этом, Дроздовский позднее прямо напишет Деникину: «Ко времени присоединения моего отряда к Добровольческой армии состояние ее было бесконечно тяжело – это хорошо известно всем. Я привел за собой около 2¹/₂ тысяч человек, прекрасно вооруженных и снаряженных... Учитывая не только численность, но и техническое оборудование и снабжение отряда, можно смело сказать, что он равнялся силою армии, причем дух его был очень высок и жила вера в успех. В истощенный организм была влита новая свежая кровь. Я не являлся подчиненным исполнителем чужой воли, только мне одному обязана Добровольческая армия таким крупным усилением... От разных лиц... я получал предложения не присоединяться к армии, которую считали умирающей, но заменить ее. Агентура моя на юге России была так хорошо поставлена, что если бы я остался самостоятельным начальником, то Добровольческая армия не получила бы и пятой части тех укомплектований, которые хлынули потом на Дон. Всем известная честность моих намерений и преданность делу России обеспечивали бы мне успех развертывания. Но, считая преступлением разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного честолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы... Присоединение моего отряда дало возможность начать наступление, открывшее для армии победную эру»²⁰⁸.

Все это будет сказано Михаилом Гордеевичем Командующему позже. Но очевидно, что слухи о переговорах Дроздовского с третьими лицами (а возможно, и факты) имели в то время место. Заметим также, что при соединении отряда с Добровольческой армией было принято условие несменяемости Михаила Гордеевича как начальника 3-й пехотной дивизии. Безусловно, сложившаяся в мае ситуация чрезвычайно нервировала штаб Добровольческой армии, который разрабатывал план 2-го Кубанского похода еще с середины месяца (Отряд Дроздовского присоединился к армии только 26 мая (8 июня)). Скудность людских резервов, чрезвычайная трудность предстоящей задачи, трения с Донским атаманом, а также слухи, приписывающие Михаилу Гордеевичу сепаратистские настроения – все это не могло не вызвать обеспокоенности и у Деникина, и у Романовского.

Очевидно, что за полгода, прошедшие с момента развала Румынского фронта, Дроздовский привык полагаться исключительно на себя и проверенные кадры. К этому его приучила огромная ответственность за судьбы своих добровольцев и всего дела, непреложное одиночество во всех начинаниях. К маю 1918 года Михаил Гордеевич был готов скорее к самостоятельной роли, нежели чем к беспрекословному исполнению чужих приказов. Большой боевой и организационный опыт, осознание значимости собственной роли, забота о своих людях и в немалой степени самолюбие – все это приводило к тому, что Дроздовский ставил под сомнение целесообразность многих распоряжений штаба. Он высоко (и, надо признать, вполне заслуженно) ставил себя. Уверенности ему, безусловно, придавала и вера в него подчиненных, для которых он еще при жизни стал легендой. Ведь по мнению многих соратников именно он мог стать ключевой фигурой для всего Белого движения на юге. Позднее дроздовцы писали о своем командире: «Настоящий организатор был под рукой – полковник Дроздовский. Ему нужно было отвести не скромную роль начальника дивизии, а назначить военным министром Добровольческой армии, диктатором ее тыла... Дроздовский наладил бы снабжение армии и ее весьма примитивную медико-санитарную часть. Твердой рукой он решительно подавил бы всякое самоуправство, всякий беспорядок в тылу. А главное – он сумел бы организовать новые дивизии на регулярных началах...»²⁰⁹

В свою очередь, Романовский как начальник штаба и один из основателей Добровольческой армии также с недоверием относился к Михаилу Гордеевичу. Во главе сильной дивизии из лично пре-

данных ему людей, спаянных вдобавок ко всему еще и монархическим духом, Дроздовский на фоне всех остальных белых военачальников явно стоял особняком, внушая сомнения в готовности беспрекословно подчиняться распоряжениям командования. Немаловажно и то, что ко времени разрастания конфликта большинство из легендарных добровольческих вождей и командиров уже погибло. Из тех, кто стоял у истоков Белого движения на юге, у руля Добровольческой армии остались только А.И. Деникин, И.П. Романовский и М.В. Алексеев (последний к этому времени также отошел на второй план). Единственной «живой легендой» оставался Дроздовский.

Надо отдать должное интуиции Романовского, пожалуй, первым увидевшего, что Дроздовский со временем мог обрести в Добровольческой армии большую политическую роль и претендовать на роль вождя белого юга. Входя в ближайшее окружение Деникина, Романовский относился к этому со вполне понятной ревностью²¹⁰. По свидетельствам дроздовцев, вокруг Михаила Гордеевича со временем сложилась «нездоровая атмосфера интриг и сплетен возглавляемого генералом Романовским штаба Добровольческой армии». Иван Павлович не мог «равнодушно отнестись к появлению полковника Дроздовского, молодого, энергичного, умного, окруженного его отрядом, людьми, совершившими с ним поход, обожавшими своего командира. Завистливое недоброжелательство, страх конкуренции, а помимо того и личная антипатия генерала Романовского дали себя вскоре знать»²¹¹.

Велась ли в действительности какая-либо организованная кампания против Дроздовского? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. По свидетельству очевидцев, в кругах, близких к штабу Добровольческой армии, действительно сильно критиковали Дроздовского. Говорили, что он хотя и сделал в свое время большое дело, к осени 1918 года «уже выдохся», что ему не дают покоя лавры участников Ледяного похода, что он интригует против штаба армии и в душе хотел бы стать во главе всего Белого движения на юге России. Едва ли такого мнения о Дроздовском был Деникин, признававший за ним право «оценивать свои заслуги не дешево» и высоко ставивший его, но 3-я дивизия в штабе армии действительно «была пасынком как в смысле пополнения людьми, так и в смысле пополнения материальной частью»²¹². Впрочем, причины происшедшего в 1918 году с 3-й дивизией могут заключаться не только в действиях Романовского.

Здесь стоит сказать об еще одной причине натянутости отношений между штабом Добровольческой армии и 3-й пехотной дивизии в целом. Штаб армии в то время состоял почти исключительно из первопоходников, деливших всех людей на две категории: на своих – первопоходников, и всех остальных – пришедших в армию позднее. «В причинах, почему они пришли позже, конечно, никто не разбирался, но почти всех позже пришедших считали чем-то вроде париев. Их не назначали на ответственные должности, а предлагали идти в строй рядовыми бойцами, или держали в резерве армии»²¹³. Несмотря на то, что дроздовцы также проделали тяжелейший поход для соединения с Добровольческой армией, они не были здесь исключением. «Первопоходный штаб» армии был таким образом отчасти «запрограммирован» на противостояние с Дроздовским, казавшимся ему не только возможным конкурентом, но и в какой-то степени «чужаком».

Офицеры 3-й дивизии воспринимали противоречия между своим командиром и штабом армии почти исключительно как личное противостояние между Дроздовским и Романовским, «злым гением» армии (как многие его тогда называли), и обвиняли его во всех неудачах – и военных, и политических. Однако даже наиболее решительные критики руководства армии не считали виноватым в сложившейся ситуации Командующего, главным недостатком которого было то, что он, по их словам, «был плоть от плоти штабной генерал, рутинный, привыкший к тыловой спокойной работе» (очевидно, они не были знакомы с боевым опытом А.И. Деникина, свидетельствующим совсем об обратном). «Все проходило через руки начальника штаба... которому Деникин беспредельно верил, которого любил и на все смотрел его глазами, не проверяя и не критикуя. Романовский же докладывал то, что находил нужным. Докладывая, освещал вопрос, придавая ту или иную окраску, а часть прятал под сукно. ...от Главнокомандующего ускользало очень многое, многого он совсем не знал, а многое доходило до него в искаженном виде. Характер же Романовского достаточно известен: злобный, завистливый, честолюбивый, не гнушавшийся средствами для поддержания своей власти и влияния...»²¹⁴

Деникин действительно доверял своему начальнику штаба, считая его «деятельным и талантливым помощником Командующего армией, прямолинейным исполнителем его предначертаний и преданным другом». Другом, с которым он «делил нравственную

тяжесть правления и командования и те личные переживания, которые не выносятся из тайников души в толпу и на совещания».

Мнение, сложившееся в армии о Романовском, было прекрасно известно Деникину, считавшего, что одной служебной деятельностью начальника штаба, ошибками и промахами нельзя было объяснить создавшегося к нему отношения. Здесь явно ощущалась и «политическая подкладка». «Психология общества, толпы, армии требует “героев”, которым все прощается, и “виновников”, к которым относятся беспощадно и несправедливо. Искусно направленная клевета выдвинула на роль “виновника” генерала Романовского. Этот “Барклай де Толли” добровольческого эпоса принял на свою голову всю ту злобу и раздражение, которые накапливались в атмосфере жестокой борьбы. К несчастью, характер Ивана Павловича способствовал усилению неприязненных к нему отношений. Он высказывал прямолинейно и резко свои взгляды, не облекая их в принятые формы дипломатического лукавства. Вереницы бывших и ненужных людей являлись ко мне со всевозможными проектами и предложениями своих услуг: я не принимал их; мой отказ приходилось передавать Романовскому, который делал это сухо, не раз с мотивировкой, хотя и справедливой, но обидной для просителей. Они уносили свою обиду и увеличивали число его врагов»²¹⁵.

Летом 1918 года среди офицеров 3-й дивизии начали ходить слухи, что генерал Романовский «по приказу масонских организаций решил добиться увольнения из армии полковника Дроздовского». По словам очевидца, в окружении Дроздовского нашлись «молодые буйные головы», поверившие молве и решившие «защитить боготворимого ими полковника Дроздовского». Созрел план убийства генерала Романовского. «С этим готовым решением они обращались не раз к полковнику Дроздовскому, прося его санкции. Автор этой записки был неоднократным свидетелем того, как полковник Дроздовский увещевал эти буйные головы, не останавливался даже перед решительными мерами. Он внушал им и внушил всю мелкость их замысла и всю неосновательность доказательств того, что генерал Романовский – “злой гений” армии»²¹⁶.

Существует и другое свидетельство, еще более запутывающее ситуацию. По словам капитана Бологовского, Дроздовский в частных разговорах неоднократно заявлял, «что Романовский явится прямой и непосредственной причиной гибели Белого движения». На предложения молодого капитана убить Романовского

Дроздовский якобы ответил: «...если бы не преступное, сказал бы я, пристрастие и попустительство Главнокомандующего к нему, то я ни минуты не задумался бы обеими руками благословить вас на это дело. Но пока приходится подождать»²¹⁷.

Наконец, еще одной важной причиной, послужившей росту напряженности в отношениях между 3-й пехотной дивизией и штабом Добровольческой армии, были политические взгляды дроздовцев. Как уже говорилось, Дроздовский, несмотря на формально непредрешенческую позицию, при формировании отряда создал в нем своеобразную «параллельную структуру» – тайную монархическую организацию. Рано или поздно, но при объединении с Добровольческой армией, придерживавшейся более либеральной непредрешенческой ориентации и провозгласившей армию вне политики, конфликт должен был произойти. Дроздовцы не скрывали, что их «отряд представляет из себя политическую организацию монархического направления...» и, несмотря на то, что он «входит в армию Алексеева», его «политическая организация остается самостоятельной...» С приходом на Дон дроздовцы попытались завербовать в свою организацию и чинов других добровольческих полков – Корниловского и Офицерского. Но их офицер был арестован, обвинен в большевистской агитации (!) и едва не расстрелян. Произошло это опять-таки не без участия начальника штаба армии. Вслух им высказывалось опасение раскола в рядах добровольцев. Но очевидно и то, что вне зависимости от своей политической окраски Романовский прежде всего опасался распространения влияния Дроздовского на всю Добровольческую армию со всеми возможными последствиями. Слухи об идеологических трениях вышли и за ее пределы. Так, на заседании донского правительства 24–25 июня (7–8 июля) атаман П.Н. Краснов заявил, что «ему достоверно известно, что в армии существует раскол: с одной стороны – дроздовцы, с другой – алексеевцы и деникинцы. Дроздовцы будто бы определенно тянут в сторону Юго-Восточного союза...»²¹⁸.

Опасался раскола армии и Деникин, у которого остался неприятный осадок от сцены во время военного совета перед 2-м Кубанским походом. Очевидно, во время обсуждения политических вопросов генерал С.Л. Марков, также известный своими правыми взглядами, тем не менее резко отозвался о деятельности в армии монархических организаций (опасаясь, вероятно, наличия у себя в дивизии параллельного подчинения). «Дроздовский вспы-

лил: «Я сам состою в тайной монархической организации... Вы недооцениваете нашей силы и значения...»²¹⁹ По всей видимости, монархическая организация Дроздовского действительно имела определенный вес. Так, ее членом был генерал А.М. Драгомиров, помощник А.И. Деникина, а позднее – председатель Особого совещания при генерале Деникине, а дроздовцы – капитаны П.В. Колтышев и В.С. Дрон – работали в штабе армии. Таким образом, в дивизии «всегда могли быть более или менее в курсе дел и намерений ставки»²²⁰.

* * *

Напряжение, присутствовавшее в отношениях между штабом армии и 3-й пехотной дивизией, рано или поздно должно было перерасти в конфликт. Поводом к нему послужил конкретный случай, когда во время боев под Армавиром 17 (30) сентября Дроздовский проигнорировал отданный ему Деникиным приказ, что привело к ухудшению положения на фронте. Командующий резко высказал Дроздовскому свое недовольство.

Выговор, к тому же публичный, по всей видимости, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Дроздовского, «каждый шаг, каждая даже маленькая ошибка <которого> критиковались, ставились в вину и вскоре вооружили против него генерала Деникина»²²¹. После некоторой паузы, 27 сентября (10 октября) Дроздовский направил Деникину пространный рапорт, который «по первому ознакомлению... выносит впечатление, что <он> пропитан желчью и является лишь отповедью человека с большим и большим самолюбием, отповедью на незаслуженную обиду». Усиливало эффект от конфликта то, что и первая шифрованная телеграмма Командующего Добровольческой армией, и секретный рапорт начальника 3-й дивизии, равно и ответ на него начальника штаба Добровольческой армии стали широко известны в офицерской среде.

«Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, – писал Дроздовский, – а быть может, и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения, не задумались нанести оскорбление человеку, отдавшему все силы, всю

энергию и знания на дело спасения Родины, а в частности, и вверенной Вам армии. Мне не придется краснеть за этот выговор, ибо вся армия знает, что я сделал для ее победы. Для полковника Дроздовского найдется почетное место везде, где борются за благо России. Я давно бы оставил ряды Добровольческой армии, так хорошо отплатившей мне, если бы не боязнь передать в чужие руки созданное мной».

Данному фрагменту предшествовал подробный разбор Михаилом Гордеевичем действий дивизии под Армавиром и в предшествующих боях 2-го Кубанского похода. Он подчеркивал, что никогда не жаловался командованию на тяжесть ситуации и не считался с превосходством сил противника, но «в Армавирской операции дело обстояло совершенно иначе. Задача, возложенная на дивизию, не соответствовала ее силам, неудача была весьма вероятна. <...> Выражаясь словами Суворова “ближнему по его близости лучше видно”, я оценивал правильно свои силы, переоцениваемые штабом армии, и силы противника, необходимые им. <...> Между тем я знал, что в то время, когда утомленная дивизия истекала кровью в непрерывных тяжелых боях, два сильных и свежих полка оставались в резерве...»

Стоит сказать, что тяжелые потери в ходе 2-го Кубанского похода несли не только дроздовцы. Все офицерские части Добровольческой армии на протяжении 1918 года буквально таяли на глазах. Так, только после ноябрьских боев за Ставрополь в офицерских ротах 1-го Офицерского генерала Маркова полка оставалось по 30–40 человек²²², а численность Корниловского ударного полка составила всего 117 человек²²³. Корниловец капитан М.Н. Левитов, раненый в начале сентября и вернувшийся в конце месяца в свой полк, нашел состав своей роты на $\frac{3}{4}$ новым. По его же оценке, Корниловский полк за время 2-го Кубанского похода три раза (!) сменил свой состав²²⁴.

Дроздовский обращал внимание Командующего не только на предвзятое, с его точки зрения, отношение к 3-й дивизии со стороны штаба армии, но и на крайне неудовлетворительную работу тыловых и медицинских служб, отмечал отсутствие должной организации их деятельности: «За последнее время к частям предъявлялись крайне повышенные боевые требования, ставились тяжелые задачи: “во что бы то ни стало”, “минуя все препятствия”. И, имея достаточно средств, войска ценою больших жертв, по мере возможности выполняли свои задачи. Но если признано возмож-

ным предъявлять строевым частям такие требования, которые нередко превышают их силы, почему же к органам, обслуживающим и снабжающим армию, не предъявляют таких повышенных требований? Почему от них не требуется исключительной энергии, исключительных знаний, исключительной изобретательности и работоспособности?»

Рапортом Дроздовский фактически напоминал Деникину о своих заслугах, подчеркивая свое значение и намекая на личную преданность частей. При этом он обосновывал и претензию на самостоятельное решение боевых задач, требовал оградить себя от штаба армии и избавить от критики: «Захлебнувшееся наше наступление на всех главных фронтах армии и последние неудачи во всех дивизиях доказывают, на мой взгляд, правильность моих действий».

«Рапорт Дроздовского – человека крайне нервного и вспыльчивого – заключал в себе такие резкие и несправедливые нападки на штаб и вообще был написан в таком тоне, что, в видах поддержания дисциплины, требовал новой репрессии, которая повлекла бы, несомненно, уход Дроздовского, – писал Деникин. – Но морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами. Так же восприняли бы этот факт и в 3-й дивизии... Принцип вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я, переживая остро этот эпизод, поделился своими мыслями с Романовским.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, вопрос уже исчерпан.

– Как?

– Я написал вчера еще Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его Командующему я не мог.

– Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову...

– Это не важно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости, раздражении. Теперь, поуспокоившись, сам, наверно, рад такому исходу.

Прогноз Ивана Павловича оказался правильным: вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел часто 3-ю дивизию и Дроздовского. Последний был корректен, исполнителен и не говорил ни слова о своем рапорте»²²⁵.

Деникин, оставив без внимания рапорт, с которым тем не менее успел познакомиться, фактически уступил Дроздовскому, оста-

вив его без дисциплинарного взыскания. Он, безусловно, отдавал себе отчет, что какая-либо репрессивная акция по отношению к Дроздовскому может привести к конфликту с 3-й дивизией, а возможно (на что намекал в рапорте Дроздовский), и к ее уходу из Добровольческой армии. В этой ситуации Романовский выступил своего рода громоотводом и своим отказом ознакомить Командующего с рапортом Дроздовского только усилил ненависть по отношению к себе со стороны части офицерства армии.

* * *

Уже в скором времени Дроздовский был ранен, и как оказалось – смертельно. С его уходом закончилось противостояние между штабом армии и 3-й дивизией.

Иван Павлович Романовский ненадолго пережил Михаила Гордеевича. После новороссийской катастрофы весной 1920 года он вместе с Деникиным эвакуировался в Константинополь, где 5 (18) апреля погиб в результате покушения. Вражда между офицерами вылилась в трагедию для каждого из них. Возможно, что именно отголоски их конфликта в 1918 году настигли Романовского на турецкой земле.

Как видно, противостояние между М.Г. Дроздовским и И.П. Романовским было вызвано не только и даже не столько личными взаимоотношениями. Неприязнь по отношению друг к другу появилась позднее. Вероятнее всего, конфликт стал следствием борьбы за влияние в Добровольческой армии различных группировок и амбициозности обоих офицеров, подогреваемой окружением и Дроздовского, и Романовского. Со временем противостояние переросло в личный конфликт, и примирение стало едва ли возможным.

Безусловно, что подобные взаимоотношения видных офицеров Добровольческой армии не укрепляли Белого движения. Здесь вполне уместны слова, сказанные одним из составителей «Дневника» М.Г. Дроздовского: «Идея белой армии, при ее основании, в чистом своем виде, – идея борьбы правды с ложью, справедливости с насилием, честности с низостью, и идея эта остается чистой и незапятнанной, в какие бы уродливые формы она порой ни выливалась, в чьих бы слабых и неумелых руках она ни очутилась, какие бы разочарования ни внушали ее отдельные исполнители»²²⁶.

ГИБЕЛЬ ДРОЗДОВСКОГО

Михаил Гордеевич был ранен в ногу 31 октября (13 ноября) 1918 года под Ставрополем, у Иоанно-Мариинского монастыря. Рана Дроздовского поначалу показалась всем пустячной. Капитан Л.С. Тер-Азарьев, вместе с другими офицерами снимавший Дроздовского с коня, рассказывал, что она не вызывала ни у кого тревоги. Отправляя командира в Екатеринодар, в госпиталь Красногo Креста, дроздовцы были уверены, что он уже вскоре вернется в дивизию.

Однако в дальнейшем события развивались совсем иначе. Рана загноилась, потребовала нескольких операций и привела к смерти. Противоречивые мнения, высказанные очевидцами случившегося, не позволяют сделать однозначного вывода о том, что же все-таки произошло с Дроздовским: была ли его смерть следствием злого умысла кого-то из его недоброжелателей или же несчастным случаем, коих в то время в условиях антисанитарии было немало.

Версия смерти Дроздовского в результате заговора получила распространение среди части дроздовцев еще в 1918 году и была порождена конфликтом, имевшим место между Михаилом Гордеевичем и генералом И.П. Романовским. Именно на нее со всей очевидностью указали составители первого издания «Дневника» Дроздовского, вышедшего вскоре после войны: «Это легкое пулевое ранение потребовало почему-то восьми операций... – писали они. – Два месяца тянулось заражение крови, поговаривали о тифе, о систематическом медленном отравлении, во всяком случае, почему произошло заражение крови – осталось загадкой, таинственной и необъяснимой».

После начавшихся осложнений соратники уговаривали Дроздовского переехать из Екатеринодара в Ростов, в клинику профессора Н.И. Напалкова. Но Михаил Гордеевич неизменно отказывался, говоря, что эта клиника только для тяжелораненых и он «со своим пустяшным ранением не желает отнимать места у других». Только 26 декабря (8 января) уже в полубессознательном состоянии он был доставлен в Ростов²²⁷.

Находившийся в то время в Ростове А.В. Туркул вспоминал, что Дроздовского привезли в город в вагоне кубанского атамана А.П. Филимонова. «Я вошел в купе и не узнал Михаила Гордеевича. На койке полулежал скелет – так он исхудал и пожелтел. Его го-

лова была коротко острижена, и потому, что запали щеки и заострился нос, вокруг его рта и ввалившихся глаз показалось теперь что-то горестное, орлиное. Я наклонился над ним. Он едва улыбнулся, приподнял исхудавшую руку. Он узнал меня.

– Боли, – прошептал он. – Только не в двери. Заденут... У меня нестерпимые боли.

Тогда я приказал разобрать стенку вагона. Железнодорожные мастера работали почти без шума, с поразительной ловкостью. На руках мы вынесли Дроздовского на платформу. Подали лазаретные носилки. Мы понесли нашего командира по улицам. Раненые несли раненого. Весть, что несут Дроздовского, мгновенно разнеслась по городу. За нами все гуще, все чернее стала стекаться толпа. На Садовой улице показалась в пешем строю гвардейская казачья бригада, лейб-казаки в красных и лейб-атаманцы в синих бескозырках. Мы приближались к ним. Враз выблеснули шашки, замерли чуть дрожа: казаки выстроились вдоль тротуара. Казачья гвардия отдавала честь нашему командиру.

Тысячными толпами Ростов двигался за нами, торжественный и безмолвный. Иногда я наклонялся к желтоватому лицу Михаила Гордеевича. Он был в полузабытье, но узнавал меня.

– Вы здесь?

– Так точно.

– Не бросайте меня...

– Слушаю.

Он снова впадал в забытье. Когда мы внесли его в клинику, он пришел в себя, прошептал:

– Прошу, чтобы около меня были мои офицеры.

Раненые дроздовцы, для которых были поставлены у дверей два кресла, несли с того дня бессменное дежурство у его палаты».

Профессор Напалков, едва осмотрев Дроздовского, принял решение о немедленной ампутации ноги, так как только эта мера оставляла надежду на спасение жизни. «Михаила Гордеевича оперировали при мне, – вспоминал Туркул. – Я помню белые халаты, блестящие профессорские очки, кровь на белом, и среди белого орлиное, желтоватое лицо Дроздовского. Я помню его бормотанье: «Что вы мучаете меня... Дайте мне умереть...»»

После операции Дроздовскому на время стало лучше, он пришел в себя, у него появилась надежда вернуться в строй. «Ничего, с протезом можно и верхом», – говорил он своим офицерам. «Поезжайте в полк, – были его последние слова Туркулу. – Поздравьте

всех с Новым годом. Как только нога заживет, я вернусь... Поезжайте. Немедленно. Я вернусь...»²²⁸

Однако все старания профессоров Напалкова и Игнатовского, усилия образцового медицинского персонала оказались напрасны. Вечером 1 (14) января 1919 года Михаил Гордеевич Дроздовский скончался. Ему было всего 37 лет.

* * *

Согласно версии о «злом умысле», организатор убийства Дроздовского указывался вполне определенно – генерал И.П. Романовский. Исполнителем преступления назывался профессор Плоткин*, еврей, на лечении у которого Михаил Гордеевич находился в Екатеринодаре. Он «остался безнаказанным, его даже не спросили историю болезни Дроздовского; никто не поинтересовался узнать первопричину заражения»²²⁹. Вскоре после смерти Дроздовского он «получает крупную сумму денег» и отправляется «соответствующим начальством за границу», откуда уже не возвращается. «Тайным же вдохновителем Плоткина является, конечно, Романовский. Документы об этом находятся... в распоряжении доктора Матвеевой, которая ходила неотлучно за Дроздовским со времени ранения»²³⁰.

Однако документы, которые могли бы подтвердить версию убийства Дроздовского, ни в годы Гражданской войны, ни позднее так и не были опубликованы. Возможность же для этого была, ведь дроздовцы опубликовали за границей немало воспоминаний о своем шефе. Помимо «Дневника» М.Г. Дроздовского, воспоминаний А.В. Туркула и объемного труда В. Кравченко в эмиграции вышло и множество других воспоминаний. Но свидетельства, способные

* Очевидно речь идет об известном хирурге, докторе медицинских наук, профессоре **Федоре Михайловиче Плоткине**. Судя по всему, его выезд за границу не был длительным. В начале 1920-х годов, после установления советской власти на Кубани он работал в Кубанском государственном университете на кафедре факультетской хирургии (основана в 1923 году на базе Кубанской войсковой больницы), которой заведовал в 1930–1931 годах. Ф.М. Плоткин был автором ряда работ, посвященных хирургии. Поразительно, но одна из них, написанная в 1933 году, была посвящена послеоперационным осложнениям в связи с латентной инфекцией (*Плоткин Ф.М. Послеоперационные осложнения в связи с латентной инфекцией // Клиническая медицина. 1933. № 11*).

пролить свет на эту тайну, так и не были представлены. Более того, большинство очевидцев старательно обходили этот вопрос стороной. Нет таких документов и в материалах исторической комиссии дроздовцев, работавшей в 1920–1930-х годах. Если они действительно существовали (или существуют), остается только догадываться, что же помешало их опубликовать.

Один из очевидцев писал позднее в эмиграции: «Случайное совпадение во времени отъезда Плоткина, сейчас же после смерти генерала Дроздовского, не могло не показаться странным людям неуравновешенным, мечтавшим об отмщении их вождя. Но и на этот раз лицам, стоявшим близко при его жизни к покойному генералу Дроздовскому и высоко чтивших его память, удалось остановить беспокойных и внедрить в их буйные головы неосновательность их предложений и преступность бессмысленную их мщения. Насколько известно автору этих строк, все мечтавшие о мщении поклялись именем Дроздовского мстить действительным виновникам смерти своего вождя – большевикам. Мне кажется, что клятва эта была выполнена, так как, насколько я знаю, почти вся молодежь, вышедшая с Дроздовским из Румынии, погибла на полях смерти. Во всяком случае, все эти бесшабашные молодые головы, которые твердили об отмщении Дроздовского»²³¹.

Определенные подозрения вызывают почести, оказанные командованием Дроздовскому незадолго до его кончины. Уже 8 (21) ноября (а это день ангела Михаила Гордеевича) он был произведен в генерал-майоры по Статуту (Георгиевский крест) (как вспоминали дроздовцы, только такое производство он признал для себя приемлемым). В конце ноября тяжелое положение Михаила Гордеевича побудило офицеров, принимавших участие в походе Яссы – Дон, увековечить память о нем установлением памятной медали (особый приказ по этому поводу А.И. Деникин издал 25 ноября (8 декабря) 1918 года)²³². Все это наводит на мысль о том, что в штабе могли знать о неизлечимости Дроздовского. Впрочем, подобные предположения не высказывали в то время и «буйные головы». Деникин, незадолго до смерти навещавший Дроздовского в госпитале, искренне горевал о его смерти: «я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы армии и своей дивизии и рвался к ней... Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью... Судьба не сулила ему повести опять в бой свои полки».

В то же время странным представляется то обстоятельство, что Дроздовский отказывался переехать на лечение в Ростов вплоть до

того момента, когда рана дала серьезные осложнения. С момента ранения прошло почти два месяца, прежде чем он был перевезен в клинику Напалкова. Если предположить, что Дроздовский действительно в чем-то подозревал Романовского (а именно об этом пишут сторонники версии «злого умысла») и не доверял медперсоналу, то такое решение он должен был принять при первой же возможности.

Наконец, следует признать, что лечение больных и раненых на белом юге затруднялось отсутствием необходимых медикаментов и скверной постановкой лечебного дела. Немало офицеров закончило свою жизнь в госпиталях и лазаретах, заболев тифом или получив ранения. Во многом это было следствием неудачной кадровой политики, осуществлявшейся на белом юге, когда на многие ответственные посты назначались люди неопытные, главной заслугой которых было лишь участие в 1-м Кубанском походе. «Всякий, кто бывал в Екатеринодаре в эти дни, отлично помнит, – писал очевидец, – что встречали большое количество генералов с большим именем в Великую войну сидящими без дела и вместе с тем встречали бездарных мальчишек на ответственных постах, замечательных только тем, что они первопоходники. Я думаю, что теперь всем ясно, что пребывание на посту генерал-квартирмейстера полковника <Д.Н.> Сальникова и на посту начальника санитарной части – <Н.М.> Родзянко дорого стоили Добровольческой армии»²³³. А.В. Туркул, которого трудно заподозрить в предвзятости, справедливо заметил: «Разные слухи ходили о смерти генерала Дроздовского. Его рана была легкая, неопасная. Вначале не было никаких признаков заражения. Обнаружилось заражение после того, как в Екатеринодаре Дроздовского стал лечить один врач, потом скрывшийся. Но верно и то, что тогда в Екатеринодаре, говорят, почти не было антисептических средств, даже йода»²³⁴.

По злой иронии судьбы, словно предчувствуя собственную участь, Михаил Гордеевич в своем знаменитом рапорте писал в сентябре Деникину: «Состояние санитарной части ужасно – засыпан жалобами на отсутствие ухода, небрежность врачей, плохую пищу, грязь и беспорядок в госпиталях. **Проверьте количество ампутаций после легких ранений – результаты заражения крови, что при современном состоянии хирургии является делом преступным; в моей дивизии за последнее время целый ряд офицеров с легкими ранами подверглись ампутации или умерли от заражения кро-**

ви. Врачи остаются безнаказанными, мне известен случай занесения заразы при перевязке в госпитале; за это врач был только переведен на фронт... Стон идет от жалоб на санитарную часть, но никто за это не отвечает (выделено мной. – Р.Г.)»²³⁵.

Дроздовский по сути описал свою смерть, которой предшествовали два месяца физических мучений. Но не менее сильны были и моральные терзания за судьбу своих добровольцев и начатое дело. Он до последнего надеялся вернуться.

После смерти Михаила Гордеевича его именем был назван созданный им 2-й Офицерский полк, развернутый позднее в одноименную дивизию, 2-й Офицерский конный полк, артиллерийская бригада и бронепоезд. Приказ генерала Деникина, сообщавший армии о смерти Дроздовского, заканчивался словами: «...Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединились в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых всегда он ставил выше своей. Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека»²³⁶.

* * *

Михаил Гордеевич первоначально был похоронен в Екатеринодаре в Кубанском войсковом соборе Св. Александра Невского. При отступлении Добровольческой армии в 1920 году дроздовцы, зная, как обращаются красные с могилами белых вождей, ворвались в уже оставленный город и вывезли прах генерала Дроздовского и полковника Туцевича. Гробы были погружены на транспорт в Новороссийске и перевезены в Крым.

В Севастополе останки военачальников были захоронены на Малаховом кургане, а именно в Доковом овраге (Кладбищенская балка). В этом месте находилось небольшое кладбище, на котором покоилась Даша Севастопольская (Д.Л. Михайлова). Сегодня часть этого оврага засыпана при строительстве спортивного комплекса одного из заводов. Уверенности, что в Крыму удастся задержаться надолго, у добровольцев не было, поэтому место погребения решили хранить в тайне, чтобы о нем не узнали красные. При перезахоронении присутствовали только пять дроздовцев-походников: капитан Виноградов (Дроздовского стрелкового полка), капитан Матишев (1-й Дроздовской артиллерийской батарее), поручик Купер, фельдфебель Биденко и фейерверкер (имя которого не сохранилось). На могилах были поставлены деревянные кресты с синими дощечками и надписями: «Полковник

М.И. Гордеев» (на кресте у могилы генерала Дроздовского) и «Капитан Туцевич».

Во время 2-й Мировой войны в занятом немцами Севастополе побывал командированный дроздовцами офицер, приехавший узнать о судьбе могил. Однако, придя на Малахов курган, он не нашел там не только захоронений, но и самого кладбища: во время боев этот район был перерыт тяжелыми снарядами и стал неузнаваем²³⁷. Позднее на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем был установлен памятный знак на символической могиле генерала М.Г. Дроздовского.

Знаменательно, что Михаил Гордеевич Дроздовский нашел последнее упокоение в русской земле, в Севастополе, на Малаховом кургане. Месте русской воинской доблести, где когда-то воевал и его отец.

«НЕ СЛИШКОМ РАДОСТНАЯ У НАС ВСЕХ СУДЬБА, ТАКИЕ УЖ ВЕРНО МЫ НЕЗАДАЧЛИВЫЕ, ДРОЗДОВСКИЕ...»

Мы почти ничего не сказали о личной жизни Михаила Гордеевича. Переписка молодого Дроздовского показывает, что он отнюдь не всегда был «воином-аскетом», как нередко называли его соратники. Этот образ сложился позже: Русско-японская война, неудачный брак, развод незадолго до начала Великой войны, безусловно наложили свой отпечаток на его личность.

Однако жизнь Михаила Дроздовского до его первой войны, а затем и в период обучения в Академии Генерального штаба, была наполнена не только исправным несением службы и усердной учебой. И в Варшаве, и в Петербурге он вел достаточно активную светскую жизнь. По его собственному признанию, на Рождество 1903 года был период, когда в течение 11 дней он «спал в общей сложности 25–27 часов», все остальное время занимали балы, танцевальные вечера и различные поездки, чередовавшиеся одни за другими без перерыва. Тогда же, еще до поступления в Академию он написал сестре: «А что ты скажешь, та chere, если я вдруг появлюсь с обручальным кольцом на пальце?...»²³⁸

Женился Михаил Гордеевич уже после окончания Академии Генерального штаба, в возрасте 26 лет, будучи поручиком Лейб-Гвардии Волынского полка. Его избранницей стала 24-летняя Оль-

га Владимировна Евдокимова, с которой они были обвенчаны 25 июля 1907 года в церкви Императорской Академии художеств священником П. Любимовым.

Супруга Дроздовского, Ольга Владимировна, родилась 27 октября 1883 года в семье потомственного дворянина Владимира Яковлевича Евдокимова и его жены Елены Константиновны (урожденной Яни). Ольга Дроздовская окончила Василеостровскую женскую гимназию, была награждена за успехи серебряной медалью, позволявшей ей работать домашней учительницей по предметам, в которых она более всего проявила знания²³⁹.

Поначалу все складывалось хорошо. Однако после шести лет семейной жизни наступил разлад. Служба Михаила Гордеевича и увлечение его супруги оказались несовместимы. «Мы с Ольгой разводимся, – писал в марте 1913 года Дроздовский сестре. – ...уже и раньше, давно она мечтала о сценической деятельности, опере, а теперь мечты эти начали принимать слишком реальные формы. Всю зиму она учится на драматических курсах, летом собирается играть, зимой опять тоже курсы. Все это, в конце концов, вынуждает нас жить почти все время раздельно, так как иному препятствуют мои служебные обстоятельства. Да и вообще такое увлечение сценой никогда мне не улыбалось... Отказаться от всех своих сценических мечтаний Ольга не хочет, и вот мы порешили, что, очевидно, ничего путного нас в будущем не ждет... Все это, пожалуй, логично и просто, даже, пожалуй, и хорошо, но должен сознаться, что на душе нехорошо, скребут кошки... Тяжело ломать жизнь, да и по возрасту я не такой юный, чтобы все эти эксперименты проходили легко и безболезненно. Да ничего не поделаешь, нужно... **Не слишком радостная у нас всех судьба, дорогая моя сестра, такие уж верно мы незадачливые, Дроздовские...** (выделено мной. – Р.Г.)» Во всех действиях Михаила Гордеевича с этого времени все больше проступает одиночество, сопровождавшее его до конца дней.

Остается неизвестным, успел ли Дроздовский довести до конца бракоразводный процесс. Почти через год, в феврале 1914, он вновь писал сестре о своих семейных проблемах: «Процесс наш... только начался и еще ни одной серьезной стадии не прошел. Все же я надеюсь, что в сем году закончится. В общем я буду доволен, когда разобьются мои цепи, но пока все это тоже достаточно удручительно...»²⁴⁰.

После кончины отца и развода с женой Михаил Гордеевич остался близок только со своей сестрой Юлией, воспитывавшей его

с детства. После начала бракоразводного процесса он писал сестре: «Мне по внешнему виду завидуют, здоровье железным почитают... Однако я совсем больной человек, вконец расшатанные нервы ослабляют и волю, и интерес к жизни, очень часто появляется апатия, страшная тоска, постоянная бессонница. И вот с самой войны, с 1904 года, вся жизнь проходит на нервах, сколько же за это время я перенес различных больших и малых ударов и неприятностей! Порою тошно от всего становится. Интересно знать, повернется ли когда-нибудь колесо фортуны? Видишь, какие все грустные мотивы!..» О том, что бракоразводный процесс Дроздовским был скорее всего завершен, свидетельствует его завещание, составленное в феврале 1916 года. Все свое имущество на случай гибели он оставил сестре Юлии.

С началом Великой войны служение Родине, которому Дроздовский изначально решил посвятить себя, стало смыслом всей его жизни. Он очень болезненно переживал неудачи на фронте, для него поражения Русской армии были его собственными. «На пороге великих событий пожелай мне сыграть свою роль получше и внести побольше пользы в общее дело изгнания врага! – писал он с фронта в 1916 году. – **Если бы мог я ценой своей жизни купить победу!** (выделено мной. – Р.Г.)»²⁴¹. Развал фронта и катастрофа русской государственности стали для Дроздовского личной трагедией. Дальнейшие события уже известны: формирование отряда на Румынском фронте, поход Яссы – Дон, бои в рядах Добровольческой армии, трагическая смерть от нелепой раны.

В последний год жизни Дроздовский сумел стать подлинным вождем созданного им отряда, не просто его организатором и главителем, а настоящим «отцом-командиром». Забота о подчиненных стала основным содержанием его существования. «Я не знал личной жизни генерала Дроздовского, – писал А.И. Деникин, – но в его последние дни, когда я навещал его раненого в госпитале, у него, как будто, ее не было вовсе. Все мысли и заботы он отдавал своей дивизии. Говорил о ней, о своем детище, с юношеской горячностью и любовью»²⁴².

Личная трагедия Дроздовского состояла в том, что несмотря на преданность и искреннюю любовь своих подчиненных, он неизменно оставался один. Рядом с ним не было не только близких людей, но даже тех, кого он мог бы назвать друзьями: в 1918 году он стал свидетелем гибели многих своих соратников, с которыми пережил тяжелые моменты.

ДРОЗДОВЦЫ БЕЗ ДРОЗДОВСКОГО

«Так стали мы дроздовцами навсегда, – написал уже в эмиграции о смерти шефа А.В. Туркул. – Дроздовцев, как и всех наших боевых товарищей, создала наша боевая, наша солдатская вера в командиров и вождей русского освобождения. В Дроздовского мы верили не меньше, чем в Бога. **Вера в него была таким же само собой понятным, само собой разумеющимся чувством, как совесть, долг или боевое братство** (выделено мной. – Р.Г.). Раз Дроздовский сказал – так и надо, и никак иначе быть не может. Приказ Дроздовского был для нас ни в чем неоспоримой, несомненной правдой. Наш командир был живым средоточием нашей веры в совершенную правду нашей борьбы за Россию... Полнота веры в наше дело преображала каждого из нас. Она нас возвышала, очищала. Все пополнения, приходившие к нам, захватывало этим вдохновением... Наши командиры несли страшный долг. Как Дроздовский, они были обрекающими на смерть и обреченными. Всегда, даже в мелочах жизни, они были живым примером, живым вдохновением, олицетворением долга, правды и чести»²⁴³.

Как и другие шефы-командиры добровольческих частей, Дроздовский еще при жизни стал легендой, человеком, которому всецело верили и к памяти которого относились с благоговением; он был подлинным вождем добровольцев: «Только человек, глубоко верящий в правоту своего дела, верящий сам в себя и умеющий передать эту веру окружающим его людям, может быть вождем. Яркий пример этой силы являет собой наш бессмертный Суворов. То же мы видим у Скобелева, в нашу эпоху – у Врангеля и Кутепова. В большой степени обладал ею легендарный герой Белого движения генерал С.Л. Марков. Только наличием чудодейственной веры в себя, этой силы, и можно объяснить, что вчера еще никому не известный полковник становится подлинным вождем и ведет доверившихся ему добровольцев в поход через разбушевавшуюся русскую стихию вдаль, в полную неизвестность»²⁴⁴.

Пожалуй, ни одно именное соединение на белом юге не относилось к памяти своего командира так, как дроздовцы. Конечно же, и марковцы, и корниловцы также помнили своих командиров и чтили их память, но дроздовцы все же стоят здесь особняком. Безусловно, что соратники идеализировали сложную и многогранную фигуру Михаила Гордеевича, но, возвышая его образ, они и сами стремились соответствовать его требованиям. «Дроздовский с на-

ми. Мы помним его заветы и где бы мы не находились – блюдем традиции, в которых нас воспитал ОН (выделено в документе. – Р.Г.), и ждем с нетерпением зова Вождя, чтобы двинуться на завещанное нам Дроздовским возрождение Родины», – писали спустя много лет добровольцы²⁴⁵.

Показателен следующий пример. Во многих добровольческих частях на командные должности выдвигались почти исключительно собственные офицеры, и здесь Дроздовская дивизия не отличалась от других «цветных» формирований Добровольческой армии. Однако после смерти Михаила Гордеевича произошло назначение, которое вполне справедливо вызывало возмущение дроздовцев. Начальником 3-й дивизии был назначен генерал Асташов, тот самый, который участвовал в формировании добровольческих бригад на Румынском фронте, и который в конце концов не только отказался идти с Дроздовским, но и распустил своих подчиненных. Этим было нанесено оскорбление не только дроздовцам, но и памяти их командира, всех погибших товарищей. Однако Асташов «прокомандовал дивизией всего три дня: вокруг него образовалась такая густая атмосфера, что ставка принуждена была срочно убрать его подальше от дивизии», – вспоминал очевидец. В итоге дроздовцы благосклонно встретили на посту начальника дивизии только своего офицера – генерал-майора В.К. Витковского²⁴⁶. Не менее выразительно о любви дроздовцев к своему командиру говорит и то, что его прах не был оставлен в Екатеринодаре, где после ухода белых над ним могли бы надругаться большевики. С риском, из оставляемого города, он был вывезен дроздовцами для перезахоронения в Крым.

Один из добровольцев написал на чужбине фразу, в полной мере отражающую всю меру уважения и любви дроздовцев к своему командиру, следованию его заветам: «Вся жизнь Михаила Гордеевича Дроздовского – пример для всех нас, русских людей, как нужно любить свою Родину, бескорыстно, жертвенно служить ей, отдавая все силы и самую жизнь за славу и величие России»²⁴⁷.

Автор благодарит за помощь в подготовке очерка Н.Л. Калиткину.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Кравченко В.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1973. Т. 1. С. 20.
- 2 *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918–1920 гг. / Лит. обраб. И. Лукаша. Белград, 1937. 324 с.; То же. 2-е изд. Мюнхен, 1947; То же. Л., 1991; За святую Русь. М., 1997 и др.
- 3 *Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923. 189 с.; То же. 2-е изд. Нью-Йорк, 1963; То же [отр.] Из Румынии на Дон // Начало гражданской войны. М.; Л., 1926. С. 109–125; *Дроздовский М.Г.* Дневник // Белое дело. Добровольцы и партизаны / С.В. Карпенко. М., 1996. С. 5–75.
- 4 *Горяинов И.* Памяти белого рыцаря // Часовой. Париж, 1953. № 330 (5); *Криштановский А.* Генерал М.Г. Дроздовский // Вестник первоходника. Лос-Анжелес, 1963. № 18–19; *Ниллов С.Р.* Рыцарь духа // Часовой. Париж, 1969. № 512 (2) и др.
- 5 *Е.М.* Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Первоходник. Лос-Анжелес, 1972. № 10. С. 34.
- 6 *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.-М., 2003. С. 180; *Клавинг В.В.* Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003. С. 439–440; *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002. С. 117–119.
- 7 ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 31, 49.
- 8 Там же. Л. 44.
- 9 РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 409. Оп. 2. Д. 40662. П/с 368. Полный послужной список полковника Г.И. Дроздовского. 21 ноября 1890 г.
- 10 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 50, 51–51 об.
- 11 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 40662. П/с 368.
- 12 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 43.

- 13 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 40662. П/с 368.
 14 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 45.
 15 ГА РФ. Ф. Р-7334. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1-3 об.
 16 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 79. Лл. 19-19 об.; Д. 16. Л. 42.
 17 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 7; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 188.
 18 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 79. Лл. 19-19 об.
 19 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 40-41.
 20 ГА РФ. Ф. Р-7334. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 16. Л. 1; Д. 14. Л. 1.
 21 Там же. Д. 17. Л. 1; Д. 13. Лл. 37-38.
 22 Там же. Д. 4. Л. 11; Д. 8. Л. 6; Д. 9. Л. 1.
 23 Там же. Ф. Р-7334. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.
 24 Там же. Д. 6. Лл. 5-6; Д. 1. Л. 4.
 25 *Абинякин Р.М.* Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... / А.С. Кручинин. М., 2003. С. 301.
 26 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 35; Д. 79. Лл. 19-19 об.; РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 1 об.
 27 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 7-8; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 188-189.
 28 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 79. Лл. 19-19 об.
 29 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 8.
 30 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 1 об.
 31 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 188.
 32 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 8-9.
 33 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 1-1 об.
 34 Там же. Д. 79. Лл. 19-19 об.; Д. 16. Лл. 2-2 об.
 35 Там же. Д. 79. Лл. 19-19 об.; РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 1 об.
 36 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 2-2 об.
 37 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 1 об.
 38 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 9-10.
 39 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 5-5 об., 6-6 об.
 40 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 10.
 41 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 3-3 об.
 42 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 1 об.
 43 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 3-3 об.
 44 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Лл. 1 об., 2, 6; ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
 45 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 2 об.

- 46 Там же. Лл. 3, 6–6 об.
 47 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 11–12.
 48 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 8–8 об. 9–9 об.
 49 Там же. Лл. 10–11 об. 12–13 об.
 50 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 3.
 51 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 14–14 об.
 52 Там же. Лл. 15–15 об.
 53 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 3.
 54 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 15–15 об.; *Дроздовский М.Г.*
 Указ. соч. С. 12–13.
 55 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 3 об.
 56 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 16–16 об.
 57 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 3 об.
 58 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 13.
 59 Там же. С. 163.
 60 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 18–18 об.
 61 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 4; ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1.
 Д. 16. Лл. 17–17 об.
 62 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Лл. 4 об. – 5.
 63 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 17–17 об.
 64 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Лл. 4 об. – 5.
 65 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 20–21.
 66 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Л. 5.
 67 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 15–16.
 68 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Лл. 5–5 об.
 69 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 16–18.
 70 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 22–22 об.
 71 Там же. Лл. 23–23 об., 25–25 об.
 72 Там же. Л. 28.
 73 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 18–19, 169.
 74 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 26–26 об.
 75 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 170.
 76 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 29–29 об.
 77 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. 171–172.
 78 *Абинякин Р.М.* Указ. соч. С. 267.
 79 *Месснер Е.* Командная Воля генерала Дроздовского // Перво-
 походник. Лос-Анжелес, 1972. № 5. С. 17.
 80 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 27–27 об.
 81 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 173.
 82 Там же. С. 19; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 189.

- 83 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 172–173.
- 84 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.
- 85 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 173–174.
- 86 Месснер Е. Указ. соч. С. 17.
- 87 Поход Дроздовцев / Сост. А.П. Капустянский. М., 1993. С. 4; Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 268.
- 88 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 268–269.
- 89 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 19–20.
- 90 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 174.
- 91 Кравченко В. Указ. соч. С. 20–21.
- 92 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 268–269.
- 93 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 177–178; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 21.
- 94 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 45; Поход Дроздовцев... С. 5; Долгово-Сабуров Б. Встреча с полковником Дроздовским // Вестник общества российских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско, 1954. № 200. С. 27.
- 95 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 23–24.
- 96 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 270–271.
- 97 Поход Дроздовцев... С. 6–8.
- 98 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 24.
- 99 Поход Дроздовцев... С. 5–6.
- 100 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 25.
- 101 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417. Лл. 29–30.
- 102 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 178–179; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 21–22.
- 103 Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 книгах. Кн. 2. М., 2005. С. 323; Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 49, 50, 73; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 25.
- 104 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 37–38.
- 105 Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 325–326.
- 106 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 25–26.
- 107 Там же. С. 30–31; Поход Дроздовцев... С. 7.
- 108 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 27; Новицкий Н.Е. Отрывки из моих воспоминаний: кадеты в Дроздовском походе; Яссы – Дон 1918 г. // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1982. № 31. Сентябрь. С. 69–71; Поход Дроздовцев... С. 8.
- 109 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 274.
- 110 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417. Л. 72.
- 111 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 25; Поход Дроздовцев... С. 8.

- 112 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 26–27, 29.
113 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 30.
114 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 273. Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 33.
115 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 29, 32, 174.
116 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 31; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 29; Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Венус Г.Д. Война и люди. М., 1996. С. 20–21.
117 Поход Дроздовцев... С. 9.
118 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 34.
119 Там же. С. 30, 32.
120 Там же. С. 35; Поход Дроздовцев... С. 10.
121 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 35–36, 38; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 32; Поход Дроздовцев... С. 11.
122 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 27, 37.
123 Там же. С. 59, 38, 46, 111.
124 Там же. С. 47, 119, 60.
125 Там же. С. 71, 53–54.
126 Туркул А.В. Указ. соч. С. 22.
127 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417. Л. 73.
128 Туркул А.В. Указ. соч. С. 21–22; 42–43.
129 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 39–40; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 33–34; Поход Дроздовцев... С. 11.
130 Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 326; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 33–34.
131 Поход Дроздовцев... С. 12, 18–19.
132 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 79. Лл. 9–16.
133 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417.
134 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 121.
135 Там же. Указ. соч. С. 82, 110, 121, 123, 133; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 86, 93, 100; Поход Дроздовцев... С. 21.
136 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 41, 42, 55.
137 Там же. С. 104, 117, 123–125, 132; Поход Дроздовцев... С. 20.
138 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 34, 67.
139 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 39, 40, 44, 73.
140 Там же. Указ. соч. С. 49, 50, 73, 77.
141 Там же. С. 49, 74; Поход Дроздовцев... С. 13, 16–17, 19, 26–27.
142 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 122, 125–126.
143 Там же. Указ. соч. С. 125.
144 Там же. Указ. соч. С. 59, 50.

- 145 Там же. Указ. соч. С. 61, 94–95, 122–123.
146 Там же. Указ. соч. С. 76–77.
147 Там же. Указ. соч. С. 50.
148 Там же. С. 43, 44, 65, 108; Поход Дроздовцев... С. 13, 15–16, 19, 21.
149 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 105, 108, 109.
150 Там же. Указ. соч. С. 42, 46, 48, 57.
151 Там же. Указ. соч. С. 56–57.
152 Там же. Указ. соч. С. 108.
153 Поход Дроздовцев... С. 18.
154 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 133–134; *Кравченко В.* Указ. Соч. Т. 1. С. 100–101; Поход Дроздовцев... С. 21–23.
155 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 24–25.
156 Там же. Указ. соч. С. 25; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 102.
157 *Абинякин Р.М.* Указ. соч. С. 283–284; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 103.
158 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 134–135; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 101–104; Поход Дроздовцев... С. 23.
159 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 135; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 104; Поход Дроздовцев... С. 24.
160 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417. Лл. 197, 287.
161 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 135; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 101, 104.
162 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 331.
163 *Невадовский Н.Д.* Первые походы // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес, 1963. № 26. С. 36–38.
164 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 136–137; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 105–110.
165 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 26–27.
166 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 137–138.
167 Там же. С. 138; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 119.
168 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 543.
169 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 139; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 119–120; *Нилов С.Р.* Указ. соч. С. 9.
170 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 175.
171 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 28–29.
172 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 542.
173 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 139; *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 29; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 120, 126.
174 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 114, 120; *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 29–30.

- 175 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 114–115.
 176 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 515.
 177 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 175.
 178 *Абинякин Р.М.* Указ. соч. С. 286; *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 515.
 179 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39720. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.
 180 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 121–122.
 181 *Деникин А.И.* Дроздовцы (1918–1928) // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 3.
 182 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 123, 126; *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 32.
 183 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 126; *Нилов С.Р.* Указ. соч. С. 9.
 184 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 123, 126.
 185 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 32.
 186 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 564, 566.
 187 Там же. С. 567.
 188 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 42–43.
 189 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 567.
 190 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 151–153.
 191 Там же. Т. 1. С. 142, 149; *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 35.
 192 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 35–36.
 193 *Абинякин Р.М.* Указ. соч. С. 289.
 194 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 151.
 195 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 609.
 196 Там же. С. 609–610.
 197 Там же. С. 612–613.
 198 *Абинякин Р.М.* Указ. соч. С. 292.
 199 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 567–568.
 200 Там же. С. 646.
 201 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 146.
 202 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 169.
 203 *Деникин А.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 651.
 204 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 147.
 205 Там же. С. 141.
 206 Там же. С. 138–139.
 207 Там же. С. 139–140, 151–152.
 208 Там же. С. 150–152; РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Лл. 2–7.
 209 *Нилов С.Р.* Указ. соч. С. 10.
 210 *Абинякин Р.М.* Указ. соч. С. 287.

- 211 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 140–141.
 212 РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–14.
 213 Там же.
 214 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 154–155.
 215 Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 536–537.
 216 РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–14.
 217 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 294.
 218 Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 535.
 219 Там же. С. 526.
 220 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 300.
 221 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 141.
 222 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. Париж. Кн. 1. С. 349–350.
 223 Критский М.А. Корниловский ударный полк. Париж, 1937. С. 109.
 224 Левитов М.Н. Материалы к истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 209–210, 214.
 225 Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 532.
 226 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 6.
 227 Там же. С. 156–157.
 228 Туркул А.В. Указ. соч. С. 39–41.
 229 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 154–157.
 230 Абинякин. Р.М. Указ. соч. С. 298–299.
 231 РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Лл. 8–14.
 232 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 154–157.
 233 РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Лл. 8–14.
 234 Туркул А.В. Указ. соч. С. 39–41.
 235 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 153.
 236 Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 3. С. 128.
 237 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 252, 381; Т. 2. С. 21.
 238 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 6–6 об.
 239 Там же. Д. 16. Лл. 37–39; Д. 79. Л. 19.
 240 Там же. Д. 16. Лл. 7–7 об.; Лл. 14–14 об.
 241 Там же. Лл. 18–18 об.
 242 Деникин А.И. Дроздовцы... С. 3.
 243 Туркул А.В. Указ. соч. С. 41–42.
 244 Криштановский А. Указ. соч. С. 7.
 245 Поход Дроздовцев... С. 27.
 246 Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 300.
 247 Горяинов И. Указ. соч. С. 12.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРОИСХОЖДЕНИИ М.Г. ДРОЗДОВСКОГО¹

Выдано это свидетельство из Полтавского дворянского депутатского собрания Гвардии подпоручику Михаилу Гордеевичу Дроздовскому на основании 350 п. 6 и 374 статей Свода законов о сост. Т. IX издания 1899 года взамен копии с протокола в том, что он, сын генерал-майора Гордея Ивановича Дроздовского, родился седьмого ноября тысяча восемьсот восемьдесят первого года, принадлежит к роду потомственных дворян Дроздовских, признанному в правах потомственного дворянства указами Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 20 февраля 1864 года за № 1378 и 3 июня 1878 года № 1781 и определением сего Собрания 16 июня 1903 года состоявшимся, внесен в третью часть дворянской родословной книги Полтавской губернии.

*Июня 20 дня 1903 года, № 720.
Полтавский губернский предводитель дворянства С. Бродов
Секретарь дворянства П. Липка*

МЕТРИЧЕСКАЯ ВЫПИСКА О РОЖДЕНИИ МИХАИЛА ДРОЗДОВСКОГО²

В метрической книге Киево-Печорской Спасской церкви, в первой части о родившихся за 1881 год, под номером 27 мужского пола записана статья следующими словами: тысяча восемьсот восемьдесят первого года, месяца ноября седьмого родился, а восьмого числа месяца декабря крещен Михаил. Родители его: майор Гордей Иванович Дроздовский и его законная жена Надежда Николаевна, оба православного вероисповедания. Восприемники при крещении были: подполковник Иван Иванович Дроздовский и дочь дворянина, девица Елена Ивановна Дроздовская. Таинство крещения совершал священник Климент Фоменко, с диаконом Феодотом Левитским и пономарем Иваном Валиковским. Во удостоверение чего дана сия метрическая выписка, за надлежащими подписями и приложением церковной печати.

*Киев, 13 декабря 1881 года
Киево-Печорской Спасской церкви
Священник Климент Фоменко
Диакон Феодот Левитский*

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА* ПОЛКОВНИКА ДРОЗДОВСКОГО³ Составлен декабря 30 дня 1914 года

I. Чин, имя, отчество и фамилия	Подполковник Михаил Гордеевич ДРОЗДОВСКИЙ
II. Должность по службе	Штаб-офицер для поручений при штабе 26-го армейского корпуса
III. Ордена и знаки отличия	Имеет ордена: Св. Анны 3-й степени, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, «Медаль в память Русско-Японской войны 1904–1905 годов» с бантом, «В память Отече- ственной войны» и светло-бронзовую медаль «В память 300-летия Царствования Дома Ро- мановых»
IV. Когда родился	7 октября 1881 года
V. Какого вероисповедания	Православного
VI. Из какого звания происходит, и какой губернии уроженец	Из потомственных дворян Полтавской губер- нии, уроженец Киевской губернии
VII. Где воспитывался	Во Владимирском Киевском кадетском корпу- се, в Павловском военном училище по 1-й ка- тегории и 1-го разряда и в Николаевской ака- демии Генерального штаба окончил два класса по 1-му разряду и дополнительный курс «ус- пешно»
VIII. Получаемое по службе содержание	Жалования..... 1080 руб. Столовых..... 600 руб. Добавочных 360 руб. Итого 2040 руб. Полевые порционные по 4 руб. в сутки и фу- ражные деньги на 2 лошади по положению

* Список составлен на 30 декабря 1914 года и дополнен сведениями по сентябрь 1916 года. Текст, вписанный в машинописный вариант послужного списка 1914 года от руки, выделен курсивом. Сведения о ранениях и участиях в делах против неприятеля в период Великой войны не включены составителем в пункт XIV послужного списка. Титульный лист послужного списка надписан: «Новый послужной список выдан на руки полковнику Дроздовскому 12 (25) ноября 1917 года».

IX.

Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы из одного места службы или должности в другую с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы, награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилощивейшие рескрипты, Высочайшие благодарения

	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
В службу вступил из кадетов Владимирского Киевского кадетского корпуса юнкером рядового звания в Павловское военное училище	899	августа	31	Переведен в 34-й Восточно-Сибирский стрелковый полк поручиком	904	октября	19
Переименован в юнкера унтер-офицерского звания	901	марта	8	С разрешения начальника Главного штаба, сообщенного в предписании от 1 февраля 1905 года за № 4457, отчислен из Академии к своей части	904	октября	23
Произведен в младшие портупей-юнкера	901	июля	17	Предоставлено право по окончании военных действий вновь поступить в старший класс по выдержании экзаменов или без экзамена в тот же младший класс ..	904	ноября	25
По окончании училища произведен в поручики Лейб-Гвардии в Волынский полк	901	августа	13	Прибыл в полк	904	ноября	25
Со старшинством ..	901	августа	13	Приказом войскам 2-й Маньчжурской армии за №№ 87 и 91, за отличия в боях с японцами с 12 по 16 января 1905 года у деревни Хейгоутай и Безымянной (Семапу) награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»	905	апреля	26
Прибыл к полку и назначен младшим офицером в 8-ю роту	901	сентября	15	Командующим 10-й ротой с	905	марта	18
Командирован в Николаевскую Академию Генерального штаба для держания экзамена, куда и прибыл	904	августа	20	по		мая	10
По выдержании экзамена приказом по Генеральному штабу за № 45 зачислен в Академию	904	октября	4				

IX.

Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы из одного места службы или должности в другую с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловитейшие рескрипты, Высочайшие благодарения

	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
По переименованию полка в 4-х батальонный состав, 10-ю роту в 15-ю – командующим 15-й ротой	905			Переведен в Лейб-Гвардии Волынский полк подпоручиком	905	ноября	18
Утвержден в должности командира 15-й роты	905	мая	14	Поручиком	906	апреля	2
Командирован в Николаевскую Академию Генерального штаба для продолжения курса.....	905	сентября	5	Со старшинством...	905	августа	13
Сдал 15-ю роту	905	сентября	5	По окончании курса двух классов Академии по 1-му разряду, приказом по Генеральному штабу за № 64, переведен в дополнительный курс.....	907	августа	18
Отправился в Академию	905	сентября	9	Окончил дополнительный курс успешно и за отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны	908	мая	2
Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом	905	октября	30	Приказом по Генеральному штабу за № 19 причислен к Генеральному штабу и откомандирован от Академии в штаб Варшавского военного округа для отбытия лагерного сбора.....	908	мая	23
Приказом по Генеральному штабу за № 53 зачислен слушателем в младший класс Академии.....	905	октября	18	При выпуске из Академии выдано 300 руб. на первоначальное обзаведение лошадей со всей принадлежностью			
На основании приказов по Военному ведомству 1906 года за №№ 41 и 139, имеет право на ношение светло-бронзовой медали «В память Русско-японской войны 1904–1905 годов» с бантом							

IX.

Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы из одного места службы или должности в другую с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы, награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие рескрипты, Высочайшие благодарения

	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
Связан срочную службою в Военном ведомстве за обучение в Академии				реименованием в капитаны и с назначением на должность обер-офицера для поручений при штабе Приамурского военного округа.....	1910	ноября	26
Прибыл в прикомандирование к штабу Варшавского военного округа	1908	июня	12	Со старшинством в чине капитана с.....	1908	мая	2
Отправился в прикомандирование на время лагерного сбора к управлению 49-й пехотной резервной бригады	1908	июня	16	Убыл из полка.....	1911	февраля	7
Возвратился из этой командировки	1908	сентября	8	Прибыл в штаб Приамурского военного округа.....	1911	февраля	26
Откомандирован от штаба Варшавского военного округа и отправился в Лейб-Гвардии Волынский полк....	1908	сентября	11	Назначен помощником старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа.....	1911	ноября	26
Прибыл к полку.....	1908	сентября	11	Награжден орденом Св. Анны 3-й степени.....	1911	декабря	6
Приказом по Генеральному штабу за № 20 прикомандирован к полку для двухгодичного цензового командования ротой.....	1908	сентября	12	Убыл из штаба Приамурского военного округа.....	1912	января	30
Назначен командующим 9-й ротой				Прибыл к месту служения.....	1912	февраля	25
Принял роту.....	1908	сентября	12	Временно исполняющий должность старшего адъютанта отчетного отделения с ...	1912	июня	14
Сдал роту.....	1908	ноября	4	по.....	1912	июня	21
Переведен в Генеральный штаб с пе-				На основании положения, объявленного при прика-			

IX. Прохождение службы							
Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы из одного места службы или должности в другую с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы, награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловейшие рескрипты, Высочайшие благодарения							
	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
зе по Военному ведомству 1912 года за № 433, имеет право на ношение светло-бронзовой медали «В память 100-летия Отечественной войны»	912	августа	26	го был в воздухе 12 часов 32 минуты Временно исполняющим должность старшего адъютанта отчетного отделения с ... по	914 914	мая июля	10 13
На основании приказа по Военному ведомству 1913 года за № 95 имеет право на ношение светло-бронзовой медали «В память 300-летия Царствования Дома Романовых»	913	марта	12	В виду состоявшегося Высочайшего повеления о мобилизации приказом войскам Варшавского военного округа № 14 назначен исправляющим должность помощника начальника Общего отделения штаба Главного командующего армиями Северо-Западного фронта	914	июля	18
Командирован согласно сношения Главного управления Генерального штаба от 29/30 мая 1913 года № 8547 в город Севастополь в Офицерскую школу авиации отдела воздушного флота	913	июня	13	Согласно приказа Главного командующего армиями Северо-Западного фронта от 29 июля 1914 года № 17, считается находящимся на театре военных действий со дня объявления войны, т.е. с	914	июля	19
Возвратился по окончании курса.....	913	октября	3	По сформировании штаба Главного командующего вступил в исправление означенной должности	914	июля	20
За время командирования к авиационной школе совершил двенадцать полетов вне аэродрома, каждый полет продолжительностью не менее 30 минут, а все-							

IX.

Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы из одного места службы или должности в другую с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы, награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловитвейшие рескрипты, Высочайшие благодарения

	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
По собственному желанию, согласно уведомления Верховного Главнокомандующего от 29 августа 1914 года, командирован в штаб 27-го армейского корпуса для исправления должности обер-офицера для поручений, куда и отправился.	914	сентября	3	вновь сформированного Зегржского отряда (предписание начальника Варшавского отряда генерала от инфантерии Ольховского от 6 сентября 1914 года № 230)....	914	сентября	6
Высочайшим приказом назначен помощником начальника отделения штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта.	914	августа	29	Прибыл к месту командирования (Приказ по Зегржскому отряду 7 сентября 1914 года № 1).....	914	сентября	7
Высочайшим приказом перемещен на должность обер-офицера для поручений штаба 27-го армейского корпуса.....	914	сентября	5	Откомандирован к месту штатного служения в 27-й армейский корпус (приказ по Зегржскому отряду от 22 сентября 1914 года № 6).....	914	сентября	22
Прибыл, и ввиду того, что к формированию 27-го корпуса еще не приступалось, явился в штаб Варшавского отряда.....	914	сентября	4	Прибыл к месту служения.....	914	сентября	22
Командирован в Зегрж для исполнения должности начальника штаба				Согласно телеграммы начальника штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта за № 1285, допущен к исправлению должности штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса.....	914	декабря	23

IX.

Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы из одного места службы или должности в другую с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы, награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благодарения

	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
Отправился в штаб 26-го армейского корпуса	915	января	2	64-й пехотной дивизии.....	915	мая	16
Прибыл и вступил в исполнение должности штаб-офицера для поручений	915	января	5	Высочайшим приказом, состоявшимся в 1-й день июля 1915 года, за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. равноапостольного Князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом....	915	июля	1
Высочайшим приказом 22 марта 1915 года произведен в подполковники со старшинством 6 декабря 1914 года и с утверждением в занимаемой должности	915	марта	22	Заболел и эвакуировался.....	915	сентября	25
Допущен к исполнению должности начальника штаба 64-й пехотной дивизии (телеграмма дежурного генерала штаба 10-й армии № 0572)	915	апреля	14	По выздоровлению прибыл и вступил в исполнение своих обязанностей	915	октября	5
Отправился к месту службы.....	915	апреля	14	Временно исполняющий должность начальника штаба 26-го армейского корпуса с	915	октябрь	22
Прибыл и вступил в исполнение своих обязанностей.....	915	апреля	17	по	915	ноябрь	10
Высочайшим приказом, состоявшимся в 16-й день мая 1915 года, назначен исполняющим должность начальника штаба				Приказом командующего 10-й армией 2 ноября 1915 года за № 1270 награжден Георгиевским оружием за то, что принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 года у местечка Оханы произвел под действительным артиллерийским и ру-			

IX.

Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы из одного места службы или должности в другую с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы, награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилоостивейшие рескрипты, Высочайшие благодарения

	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
<i>жестким огнем рекогносцировку переправы через Месечанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив возможность захвата северной окраины местечка Оханы, лично руководил атакой частей Перекопского полка и умелым выбором позиции способствовал действиям нашей пехоты, отбивавшей в течение пяти дней наступавшие части превосходных сил противника</i>	915	ноября	2	<i>26-го армейского корпуса с</i>	916	января	6
				<i>по</i>	916	января	16
<i>Отправился в командировку в штаб 10-й армии для выполнения секретного поручения</i>	915	декабря	8	<i>Высочайшим приказом, состоявшимся в 24-й день мая месяца 1916 года, утверждено пожалование Георгиевского оружия</i>	916	мая	24
				<i>Вторым дополнением Высочайшего приказа от 15 августа 1916 года произведен в полковники</i>	916	августа	15
<i>Прибыл из командировки</i>	915	декабря	13	<i>Со старшинством с</i>	915	декабря	6
				<i>31 августа 1916 года при атаке горы Капуль ранен пулей в область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц</i>	916	августа	31
<i>Временно исполняющий должность начальника штаба</i>				<i>Эвакуирован для лечения в тыл</i>	916	сентября	4

**Х.
БЫТНОСТЬ ВНЕ СЛУЖБЫ**

а) Во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли отсрочка уважительною; б) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; в) в бессрочном отпуску и запасе, не состоя на гражданской и общественной службе; с какого и по какое время; г) по роду оружия без исполнения службы; д) в плену: когда и кем взят и когда возвратился на службу и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

	Годы	Месяцы	Числа		Годы	Месяцы	Числа
Был в отпусках:							
В 28-дневном сверх узаконенного поверстного срока с сохранением содержания	901	августа	16	<i>В 7-дневном с сохранением содержания отпуску</i>	915	ноября	29
Явился в поверстный срок	901	сентября	15	<i>Прибыл одним днем ранее срока</i>	915	декабря	6
В 16-дневном	901	декабря	22	<i>В подельном, с сохранением содержания отпуску</i>			
Явился в срок	902	января	5	<i>с</i>	916	января	9
В двухмесячном	902	октября	5	<i>по</i>	916	февраля	19
Явился одним днем ранее срока ...	902	декабря	5	<i>Прибыл двумя днями ранее срока</i>	916	февраля	7
В 27-дневном	903	августа	1	<i>В 5-дневном, с сохранением с сохранением содержания отпуску</i>			
Явился в срок	903	августа	27	<i>с</i>	916	апреля	4
В 17-дневном	908	сентября	15	<i>по</i>	916	апреля	9
Явился в срок	908	октября	2	<i>В 6-дневном с сохранением содержания отпуску</i>			
В 27-дневном	910	августа	26	<i>с</i>	916	апреля	14
Явился двумя днями ранее срока	910	сентября	18	<i>по</i>	916	апреля	19
В двухмесячном	910	ноября	22				
Явился	911	января	21				
В двухмесячном с сохранением содержания	912	сентября	7				
Возвратился в срок	912	ноября	7				

<p>XI. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, если имеет, то кого именно: год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания</p>	<p>Женат первым браком на потомственной дворянке Ольге Владимировне Евдокимовой, вероисповедания православного</p>			
<p>XII. Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное</p>	<p>Не имеет</p>			
<p>XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке</p>	<p>Не подвергался</p>			
<p>XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения сверх прямых обязанностей по Высочайшим повелениям или от начальства</p>	<p>Находился в походах и делах против Японии в Маньчжурии в составе полка в течение 3-го, 4-го и 5-го периодов с по.....</p>	<p>Годы 904 905</p>	<p>Месяцы ноября сентября</p>	<p>Числа 25 3</p>
<p>Участвовал в делах: 1) В бою войск генерал-лейтенанта барона Штакельберга у деревень Тутайцза и Хейгоутай.....</p>	<p>905</p>	<p>января</p>	<p>12</p>	
<p>2) В бою войск генерал-лейтенанта барона Штакельберга у деревни Сумапу</p>	<p>905</p>	<p>января</p>	<p>14</p>	
<p>В бою у деревни Безымянной (Сумапу) ранен ружейной пулей насквозь в левое бедро</p>	<p>905</p>	<p>января</p>	<p>14</p>	
<p>Младшим офицеров во 2-й роте запасных нижних чинов с по.....</p>	<p>902 902</p>	<p>сентября сентября</p>	<p>5 30</p>	
<p>Находился в полевой поездке офицеров Варшавского гвардейского отряда с по.....</p>	<p>909 909</p>	<p>июня июля</p>	<p>28 11</p>	
<p>Находился на полевой разведывательной поездке офицеров Генерального штаба у урочища Новокиевского с по.....</p>	<p>911 911</p>	<p>мая июня</p>	<p>24 17</p>	
<p>Участвовал в подвижном сборе и больших маневрах в Южно-Уссурийском крае с по.....</p>	<p>911 911</p>	<p>сентября сентября</p>	<p>5 19</p>	

Находился на полевой разведывательное поездке офицеров Генерального штаба у южного берега озера Ханка с.....	911	октября	3
по.....	911	октября	<...>
В командировке на специальном артиллерийском сборе для ведения тактических занятий с офицерами 6-го корпуса с.....	912	июня	12
по.....	912	июня	13
В командировке в специальном пулеметном сборе в Рем- бергове с.....	912	июля	10
по.....	912	июля	16
с.....	912	июля	22
по.....	912	июля	29
Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального шта- ба Варшавского военного округа у города Волковыска с.....	912	июля	16
по.....	912	июля	21
Находился в командировке по рекогносцированию района большого маневра с.....	912	августа	18
по.....	912	августа	20
Находился в командировке на большом маневре в штабе кавалерийского корпуса с.....	912	августа	27
по.....	912	сентября	3
Находился в разведывательной полевой поездке с.....	912	декабря	7
по.....	912	декабря	13
Находился в разведывательной полевой поездке с.....	914	апреля	18
по.....	914	апреля	23
Участвовал в кампании 1914–1915 годов. Ранен и контужен не был с.....	914		

В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишая-
щих его права на получения знака отличия беспорочной службы
или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.

Начальник штаба 27-го армейского корпуса
генерал-майор <...>

старший адъютант,
штабс-капитан <...>

ПИСЬМА М.Г. ДРОЗДОВСКОГО К СЕСТРЕ ЮЛИИ И ФРАГМЕНТЫ ЕГО ДНЕВНИКОВ ЗА РАЗНЫЕ ГОДЫ (1899–1918 гг.)

11 октября 1899 года⁴

Дорогая Юля! Прости за мое долгое молчание. Так как ты сама не отличаешься любовью писать письма, то вполне понимаешь, что очень долго, сложно собраться написать, а исполнить свое намерение, даже при сознании необходимости письма, весьма трудно. Итак, полагаясь на твоё испытанное великодушие, предела коему не ведаю, льщу себя надеждой (хотел было написать через время, но вовремя спохватился), что и мое долгое молчание будет великодушно прощено. <...>

Собственно Петербург не произвел на меня впечатления, на которое я мог бы рассчитывать: кроме огромной величины, в нем нет других хороших сторон Киева, а именно широких улиц, удобных тротуаров, трамваев и такого применения электричества. Впрочем, виноват, с какой стати я заговорил о Петербурге, когда собирался говорить о себе, это непоследовательно, деяния мои противоречат моим речам – исправляю свои ошибку.

Тот, которого ты имеешь честь называть своим братом родным, чувствует себя в училище сносно и, по всей вероятности, чувствовал бы себя и совсем хорошо, если бы не портупей-юнкера, которые положительно отравляют его спокойствие. Один из этих сверхчеловеков даже начал позволять себе слишком вольные выражения по адресу твоего брата, которому и пришлось ввиду этого его обругать, рискуя полететь под арест при малейшей вольности в выражениях. У нас был случай, что юнкер обругал дежурного по роте юнкера (что гораздо слабее, чем оскорблять портупей-юнкера) и полетел за это не более не менее как на 14 (здесь и далее выделено М.Г. Дроздовским. – Р.Г.) суток строгого ареста, сиречь безысходного сидения в темном карцере. Да, знаешь, в училище – не в корпусе. Здесь хоть и трудно попасться начальству в каком-нибудь проступке или упущении, но зато уже если попадешься, то так вздуют, что враз закажешь тот проступок снова повторять. И мне, который привык в корпусе сводить на ноль все требования своего начальства, теперь страшно тяжело освоиться с той тяжелой дисциплиной и последовательностью, которая составляет главную отличительную черту и главное достоинство Павловского училища.

Что же касается учения — я чувствую себя в училище после корпуса как сыр в масле, в особенности по математике и военным наукам. Так, по аналитической геометрии — 10, по теоретической механике — 11, по тактике — 11, по топографии — 12, по артиллерии — 11. Как видишь, ряд весьма грандиозный, положительно поставивший в тупик всех моих товарищей киевлян. И хотя мне малость испортили дело словесные науки, но, подтянувшись по ним, я думаю быть в первом десятке из всего младшего курса, то есть из **180** человек. И если мне не помешают поведение и строевое образование, я на следующий год надеюсь надеть тесак. Впрочем, ты, вероятно, не поняла моего последнего выражения, так как оно является техническим. Дело в том, что все простые смертные юнкера носят штык, а тесак с офицерским темляком является оружием, присвоенным исключительно портупей-юнкерам.

Вот и все о моей особе, что хоть отчасти может интересовать тебя. Говорят, что хорошенького понемногу, а потому продолжение этого письма выйдет в недалеком будущем, вторым томом.

Пока до свидания. Крепко целую тебя. Твой Миша.

Копия снята 12.07.1938

Мездра, Болгария

30 июня 1900 года

Красное село, лагерь Павловского военного училища⁵

<...> В умственном отношении я обленился в такой степени, что малейшее шевеление мозгами для меня страшно тяжело. Последние экзамены я буквально не брал книги в руки, а отвечал а *euve ouvert*, почивал на лаврах, так сказать...

Несмотря на это, в учебном отношении я вскарабкался очень высоко, кабы только не сверзиться... **По списку старшинства я 13-й из 152 юнкеров, состоящих в младших классах. Собираюсь опять еще выше, так как решил попасть в Генеральный штаб во что бы то ни стало, и попаду, помани мое слово...**

Что касается отпуска, ничего... не видно, все зависит от того, когда начнутся маневры и когда они кончатся, и, во всяком случае, раньше 8 августа нас не отпустят. <...> Может, удастся в августе побывать в Прилуках и явиться дяде уже не кадетом, а **рядовым образцового и лучшего батальона всей Русской армии!!!**

Копия снята 30.12.1938

Мездра, Болгария

<1902–1903 годы>⁶

Прости, дорогая Юля, что так долго я был безгласен, но у меня в распоряжении далеко не много свободного времени. Служба не-сется у нас очень строго, а я, Божьей Милостью, оказался единст-венным офицером в роте и на своей шее должен вынести все заня-тия с нижними чинами, которые отнимают у меня время с 8 часов утра и до 5¹/₂ вечера, с небольшим промежутком, едва достаточным для отдыха. <...>

В полку очень распространены вина всевозможных сортов... Верно, кто-нибудь крепко, до самозабвения любит меня, ибо мне убийственно не везет в картах, и при всей скромности и осторожно-сти я успел проиграть за это время почти тридцать рублей. Прилич-но! Впрочем, я на некоторое время забастовал, авось, впоследствии фортуна повернется ко мне лицом.

Расплатился со всеми важнейшими кредиторами и чувствую себя очень легко: дамоклов меч, висевший у меня над головой и весьма серьезно грозивший катастрофой, теперь для меня безобид-нее свечки. О полку писать мне нечего, все можно сказать и заранее: офицеры – джентльмены с головы до ног, всюду безукоризненно вежливые и корректные... И ни за что в мире не отдал бы я теперь своего гвардейского звания, и если променяю свой мундир, так только на мундир Генерального штаба. <...>

А что ты скажешь, ma chère, если я вдруг появлюсь с обручаль-ным кольцом на пальце?..

*Копия снята 15.11.1938
Мездра, Болгария*

4 апреля 1903 года⁷

Наконец, я принялся и могу много тебе написать. Сначала да-же не знаю, за что приняться. Говоришь – закрутился в Варшаве. Закрутился? – По праздники и все время вплоть до масленицы прошло бешено и промелькнуло как в калейдоскопе. Был один та-кой момент, именно Рождество, что в течение 11 дней я спал в об-щей сложности 25–27 часов. До чего я измотался в это время, ты се-бе и представить не можешь. Балы-маскарады, танц-вечера, различ-ные поездки чередовались одни за другими безостановочно. Теперь у меня много знакомых и было бы еще больше, но мне самому при-ходилось отказываться от новых знакомств, чтобы хоть один вечер иметь возможность провести дома. <...>

Вообще повторяю, вся жизнь в столицах совсем иная. Здесь можно найти все: и общество, и развлечения, и удовольствия; одного не найдешь – человека. Здесь все и вся носят одну непроницаемую маску, маску светского человека. Холодный, невозмутимый, светски-великолепный, всегда с готовым ответом на любой вопрос, вежливо-нахальный, с лицом, застывшим в иронической улыбке, на котором не прочтешь ни радости, ни горя, ни восторга, ни осуждения, каждое слово – строго взвешенное на весах – вот истинный тип людей нашего круга, как женщин, так и мужчин...

И, как всегда, оставаясь душой чуждым окружающим, по внешности я слился с этим типом, и теперь, пожалуй, ты не узнала бы своего брата. С волками жить – по-волчьи выть. И хоть этот тип ты можешь и найдешь несимпатичным, но во всяком случае это след хорошей школы.

Ну, довольно об этом, я думаю, тебе надоела моя философия. Последние два месяца с половиной я был занят как ломовая лошадь. Не знаю, известно ли тебе, что по приезду из отпуска меня законопатили в учебную команду, и к дневным строевым занятиям прибавились еще вечерние – поправление солдатских винтовок и письменных ответов. Занятия более чем возмутительные. Часа по два провожу теперь в фехтовально-гимнастическом зале, где с увлечением занимаюсь фехтованием на шпагах и эспандерах. По мнению моего учителя, я могу достигнуть в этом искусстве значительного совершенства, благодаря своему замечательно удачному сложению. Кроме того, занимаюсь ежедневно гимнастикой на машинах и атлетикой с гирями и уже свободно выжимаю сверху 3 пуда 7 фунтов. Еще 33 фунта – и я буду выжимать сверху почти вес атлетов 2-го разряда. Года через два я буду обладать такой силой, которую в наш век редко можно встретить. Не забрасываю и прочие виды спорта: верховую и велосипедную езду и стрельбу.

Копия снята 18.11.1938

Мездра, Болгария

<Сентябрь–октябрь 1904 года>⁸

Немедленно же по получении твоего письма, дорогая Юля, сажусь за ответ. Вчера прошел один из самых трудных моих экзаменов – историю. Трудный он был потому, что подготовки было всего 3 дня, а на то я и «Михаил Дроздовский», чтобы до поездки в Питер не открывать книг. При округе же у нас балаган, а не экзамен, все свои люди, конечно, пропустили. Осталось только два предме-

та, артиллерия и тактика, но ввиду того, что не родился еще на свете человек, который бы мог срезать меня по этим предметам, я считаю себя поступившим. Да и вообще, разве может быть какой-нибудь экзамен, которого не выдержал бы твой брат. До сих пор я иду один из первых. Все легенды о необычайной трудности попасть <в Академию> распускаются обыкновенно неудачниками. Держать экзамен приезжают иногда такие раритеты, что становится вчуже стыдно за офицерский мундир. Можно явиться без знаний и воспользоваться двух-, трех-, четырехдневными подготовками, но явиться без знаний людям совершенно неразвитым, конечно, рискованно. Мое назначение на Восток, кажется, проваливается...

Была бы дивная комбинация попасть в Академию, а оттуда на войну, по окончании которой я приобретаю право возвращения уже без экзаменов. <...> Отчасти я рад, что покидаю на время Варшаву. <...> Часть лета проводил в <нрзб.>, курорт близ Варшавы, и вообще провел время очень весело. <...>

P.S. Мне предлагали на время войны место начальника этапа, 200 рублей ежемесячно, 3000 погонных туда и назад. Решил отказаться, ибо, будучи начальником этапа, в дело не попадешь, а год потеряешь. Время же дороже денег. Назначения начальниками этапов и санитарных поездов представлены главным образом гвардейскими офицерами, являются довольно почетными: это все места хлебные, и правительство рассчитывало гвардейскими мундирами оградить себя от хищений. Это и есть причина, что, отказывая назначать в строй, такие места нам предоставляют в изобилии: штаб-офицерам – начальниками санитарных поездов, а обер-офицерам – этапам.

*Копия снята 26.11.1938
Мездра, Болгария*

22 ноября 1912 года⁹

Моя мечта принять участие в Балканской войне почти облеклась в реальные формы, я почти торжествовал, но вчера все рухнуло – категорически воспрещены поездки, и я должен сидеть смиренно. До каких же пор?..

24 марта 1913 года¹⁰

<...> Если огорчительные твои известия, не радостную новость сообщу тебе и про себя: мы с Ольгой разводимся. Как ни казались

мы дружны, как ни хорошо поначалу сложилась наша жизнь, но за последнее время неопровержимо выяснился большой разлад: уже и раньше, давно она мечтала о сценической деятельности, опере, а теперь мечты эти начали принимать слишком реальные формы. Всю зиму она учится на драматических курсах, летом собирается играть, зимой опять тоже курсы. Все это в конце концов вынуждает нас жить почти все время раздельно, так как иному препятствует мои служебные обстоятельства. Да и вообще такое увлечение сценой никогда мне не улыбалось... Отказаться от всех своих сценических мечтаний Ольга не хочет, и вот мы порешили, что, очевидно, ничего путного нас в будущем не ждет, а потому нужно тихо и мирно разойтись раз навсегда, чем вечно канителиться... Все это пожалуй логично и просто, даже пожалуй и хорошо, но должен сознаться, что на душе нехорошо, скребут кошки... Тяжело ломать жизнь, да и возраст у меня не такой юный, чтобы все эти эксперименты проходили легко и безболезненно. Да ничего не поделаешь, нужно... Не слишком радостная у нас всех судьба, дорогая моя сестра, такие уж верно мы незадачливые, Дроздовские... Во всяком случае, об нашем разводе ты, пожалуйста, никому не говори, пусть пока все останется между нами. Пройдет время, все кому надо узнают... Таковы-то дела, дорогая моя Юлечка – «Как сажа бела!..» <...>

Ну, до свидания, дорогая моя Юля, может быть, этой осенью удастся приехать в Чернигов этак на месяц, поскучать вместе с тобой, с единственным, кажется, человеком из близких мне, в чувстве которого мне не придется разочароваться.

Копия снята 02.12.1938

Мездра, Болгария

21 апреля 1913 года¹¹

<...> Недавно совершал полеты на аэропланах: всего три раза, два на «Ньюпоре» и один на «Фармане». Подымался выше 800 метров, летал продолжительностью в 10, 22 и 5 минут. Нахожу, что занятие это в высшей степени увлекательное и вполне понимаю, что массы людей идут по этому пути, не взирая на гибнущих. Первое мгновение, когда садишься на аппарат, и в самом начале полета было немного жутко, особенно когда порывы ветра покачивали, а потом наоборот – особенно приятное ощущение.

Копия снята 24.11.1938

Мездра, Болгария

**30 мая,
Варшава¹²**

Получил командировку в Севастополь, в авиационную школу, учиться наблюдениям с аэропланов. По сему случаю пребываю в телячьем восторге – в Варшаве весной совершил несколько полетов, и это занятие меня сильно увлекло, во всяком случае большой отдых от гнетущего однообразия моего постоянного бумагомарания. По сему случаю сдал квартиру и в ожидании отъезда живу у товарища. Волынцы в лагерях, вещи же остались на хранении. Выехать из Варшавы думаю 10–12 июня, так как к 15-му должен уже быть в Севастополе. Командировка продлится, вероятно, до первых чисел сентября. Одно только нехорошо – едва ли разрешат мне после этой командировки отпуск, так как начальству невыгодно столь долгое отсутствие офицеров из штаба. Придется, вероятно, сразу по возвращению из Крыма засесть в свой кабинет, будь ему неладно, ни дна, ни покрывашки. В общем, настроение не слишком хорошее, только летательная перспектива вдохнула в сердце дух живой!

*Копия снята 12.12.1938
Мездра, Болгария*

**11 июля,
Севастополь, Авиационная школа¹³**

<...> Устроился по-походному, но вполне удовлетворительно. Живем в лагере, на аэродроме, верстах в 15-ти от Севастополя, среди поля: сообщение с городом на школьных автомобилях. Живет большинство, в том числе и мы, в ящиках от аэропланов, в которых проделаны окна и двери; размер помещения на каждого человека примерно как товарный вагон обыкновенного размера. Немного протекает и продувает, но это не беда. Всего офицеров до семи–десяти. Имеется собрание, то есть столовая с буфетом, где мы обедаем, ужинаем, пьем чай и вообще питаемся. Имеется маленькая, но крайне бедная библиотека, охрипший граммофон, обилие картонных столиков и лаун-теннис. Живем, в общем, на даче, на самом берегу моря; морской воздух, солнечные ванны, купание в море, юг и солнце – все что угодно, чтобы лечить нервы. Пью кефир в большом количестве, вообще думаю заново отремонтировать за эти три месяца командировки.

*Копия снята 12.12.1938
Мездра, Болгария*

24 сентября,
Севастополь¹⁶

Дорогая моя Юлия, на днях покидаю школу и возвращаюсь в Варшаву. Шансов на посещение Чернигова весьма мало, о чем, поверь, сожалею искренне. Послал, впрочем, слезницу к своему начальству, прошу разрешить мне короткий отпуск, но едва ли удастся получить разрешение. Приезд мой не в моей власти, но чтобы ты вообще не могла думать, что брат твой естественная свинья и о тебе мало думает, я заказал тебе немного винограда... Виноград должен быть хорошим, в одном из лучших виноградников заказал. Относительно варенья лучше немного обождать, а там, если не удастся приехать в Чернигов, то, пожалуй, придется прислать...

За последнее время летать почти что совсем не приходилось: смерть наших двух летчиков, разбившихся через неделю один за другим, отняла массу времени на панихиды и похороны (а в такие дни полетов не бывает), а главное, какая-то сугубо скверная, совсем не южная погода, стоящая последнее время – то штормы, то дождь...

Зато удалось познакомиться поближе с флотом: удалось пойти в море на броненосце на боевую стрельбу; ходили также в море на подводной лодке и спускались под воду в водолазном костюме. Не правда ли, полная программа: «Я опущусь на дно морское, я поднимусь за облака...»

*Копия снята 12.11.1938
Мездра, Болгария*

19 февраля 1914 года¹⁷

Если давно не писал, дорогая Юличка, так причина простая – собственно писать нечего: все одно и то же, все одно и то же... Завален работой, которая мне, к слову, опостылела своей бессмысленностью. Освобождаюсь, то есть прихожу домой, редко когда раньше шести, а иногда еще и дома приходится служебными делами заниматься. А заняться чем-нибудь поинтереснее – и времени совсем нет. И все свое небольшое свободное время сиднем дома сижу. Так что, дорогая моя, у каждого из нас есть своих горестей в изобилии: ты вот все хворашь, никак не можешь распрощаться со своим недугом, а мне по внешнему виду завидуют, здоровье железным почитают... Однако я совсем больной человек, вконец расшатанные нервы ослабляют и волю, и интерес к жизни, очень часто появляется апатия, страшная тоска, постоянная бессонница. И вот с самой вой-

ны, с 1904 года, вся жизнь проходит на нервах, сколько же за это время я перенес различных больших и малых ударов и неприятностей! Порою тошно от всего становится. Интересно знать, повернется ли когда-нибудь колесо фортуны? Видишь, какие все грустные мотивы!..

Процесс наш, собственно говоря, только начался и еще ни одной серьезной стадии не прошел. Все же я надеюсь, что в сем году закончится. В общем я буду доволен, когда разобьются мои цепи, но пока все это тоже достаточно удручительно, особенно в денежном смысле: адвокаты и синодские крысы, по-видимому, думают, что у меня золотые россыпи в Бодайбо – приходится вести войну за целостность кармана и работать для ускорения дела. Тоже одно из удовольствий! Спрашиваешь, когда я буду подполковником... Я право только еще выслужу в декабре этого года, но нет надежды быть сразу произведенным. Разве если уйду куда-нибудь в Туркестан или Сибирь. Но, с одной стороны, пока не кончится процесс, я вообще никуда уезжать не могу, а с другой – не хочется и самому снова к черту на куличики забираться. Ну и ждать в Варшаве штаб-офицерского места придется по крайней мере года два.

Таковы, как видишь, дела наши не розовые.

Копия снята 24.11.1938

Мездра, Болгария

30 августа¹⁸

Видишь, какая игра судьбы, дорогая Юличка. Думал осенью заехать к тебе на пару недель, а попал на войну. Долго не писал тебе потому, что с мобилизацией был занят по горло, уставал безумно, так как кроме дневной работы одолевала и ночная. К глубокому своему огорчению, попал в штаб Главнокомандующего германским фронтом. Сижу Бог знает как далеко от противника и бесконечно этим удручен: это уже не война, а те же самые маневры: тут даже орудийного выстрела не услышишь!..

Вещи покинул в Варшаве на произвол судьбы в запертой квартире, за которую заплатил за 4 месяца вперед, надеюсь найти все в сохранности. Серебро же усрал в Петербург с вещами полка. На всякий случай не удивись, если получишь от меня ценную посылку: если удастся вырваться вперед, то тогда я перешлю тебе мой портфель с различными документами, который ты тогда сохрани, пока же, находясь в безопасности, таскаю его с собой.

Как ты, вероятно, огорчена, что болезнь мешает идти сестрой милосердия. Нам обоим не везет – тебе нельзя в госпиталь, мне не удастся в бой.

*Копия снята 18.07.1938
Мездра, Болгария*

<Август–сентябрь>¹⁹

Я далек от боевой линии, это угнетает меня, но начальство не пускает меня вперед. Здесь, правда, больше в курсе дела, но зато не услышишь свиста пули, а без этого разве война – война!!! Ничего, пойдут убитые и раненые, а также ищущие места побезопаснее, будет и мне замена. Эта война, величайший исторический момент – моя великая, самая страстная мечта, и я принужден оставаться в стороне, разве можно сказать, что я участвую в ней? Если бы хоть нести ответственные, требующие самостоятельной деятельности обязанности, а то должность помощника начальника отдела в таких крупных штабах – роль писарская. И это тогда, когда решается судьба моей родины, я должен исполнять бесцветную работу, вне опасности. Такая жизнь угнетает меня, положительно любое дело валится из рук.

<Конец августа>²⁰

Наконец-то мне удалось вырваться из штаба Главкомандующего, здесь только в штабе дивизии или корпуса я буду иметь возможность проявить инициативу, с моим маленьким чином (капитана) принести большую пользу. Конечно, все будет зависеть от личностей начальствующего персонала, но хуже не будет... Поймите, что пришлось мне пережить <за> последнее время: на Северо-Западном фронте неудачи, их я предсказал до войны в бесконечных разговорах и спорах в штабе. В своем дневнике я указывал на печальные последствия нашей стратегии, я предвидел все и ничем не мог помочь, предотвратить тяжелые последствия. Ведь в наших руках была яркая, блестящая победа, при наличии тех обстоятельств, с которыми мы вышли на войну, а во что ее превратили?..

25 сентября²¹

Прости, дорогая Юлия, немного долго не писал... Из штаба Главкомандующего удалось наконец выбраться поближе, но опять не повезло – стоим все на месте и никак до неприятеля добраться не

можем. Летал несколько раз на аэроплане, а раз на воздушном шаре. С дирижабля хотели набросать немцам на головы несколько бомбочек, но по дороге минут 10 нас обстреливали свои – непрерывным ружейным огнем. Экипаж отделался благополучно – не зацепили никого, но шар пробили в нескольких местах и он стал снижаться. Пришлось вместо немецкой стороны уходить домой. Испытал кислые минуты, ибо нет на войне опасности противней, как опасность от своих. В общем мне действительно не везет: в бой никак до сих пор не могу попасть, а руку в локте успел вывихнуть полностью – хорошо еще, что левую. Вывих крепкий, по словам доктора вывихнуто все, что только можно было вывернуть. И как глупо – ночью шел и зацепился за проволоку. Теперь таскаю руку на перевязи, и затянется ее лечение на долгое время. <...>

Писать о наших делах трудно – цензура не позволяет, да и нельзя многое доверять бумаге. Ждем скоро крупных событий, и думаю, все сойдет благополучно.

Пиши по адресу: действующая армия, Юго-Западный фронт, штаб 27-го армейского корпуса.

*Котия снята 25.12.1938
Мездра, Болгария*

1 февраля 1915 года

Штаб 26-го армейского корпуса²²

Управления нет – ряд несогласованных, иногда противоречивых, ежечасно меняющихся, отдельных приказаний корпусам, полная неразбериха, сумбур. Роль <Ф.В.> Сиверса* жалкая и преступная; не успеваешь передать одно распоряжение, как оно требует отмены. О 20-м корпусе, положении его дивизии, добиться <информации> нельзя. Кратко – дикий хаос, делается нечто непостижимое.

2 февраля

Войска в тяжелом состоянии. Августово, Горчица в немецких руках. Штаб бежит в Минск.

* **Сивере Фаддей Васильевич (1853–1915)**. Генерал от инфантерии. В Великую войну – командир 10-го армейского корпуса, позднее – 10-й армии Северо-Западного фронта. После неудачных действий в Восточной Пруссии в апреле 1915 года был уволен в отставку. Тяжело переживая поражение армии, покончил жизнь самоубийством.

6 февраля

Сегодня ночью было донесение одного бежавшего казака о разбегах немцев в Новом Дворе, паническое настроение командира и некоторых штабных. Я командирован. Наконец спокойствие, ночь спал спокойно, по походному, спокойное настроение в <225-м> Аккерманском полку. Слава Богу, не в паническом штабе.

8 февраля

Меня вытребовал обратно штаб, куда прибыл в 6 вечера. Вести, что 20-й корпус окружен у Богатыря и пробивается по направлению к востоку. 64-я дивизия страшно медлит – приказ получили еще ночью, а днем часов около 4–5 спрашивают <А.Ф.> Добрышина*, что задача не понятна. Явно не особенное желание <идти> вперед, командир корпуса сидит в штабе, и никакого участия. Ночью сведения от казаков о сдаче корпуса, думаю, что неверно, но начальство на этом основании останавливает наступление.

14 февраля

64-я дивизия опять ничего не делает и ночью не атакует, все препирается, что не знает. Нахлобучка <А.Е.> Жданко** непосредственно. Завтра в 5 утра атака.

15 февраля

Доменчаны не взяты, конечно, канонады не было слышно. Начальник дивизии сидит у себя, командир корпуса у себя – их ничто не касается.

16 февраля

Отход немцев. Наше наступление. Комедия выезда нашего штаба вперед – для начальства. Все управление – только проволо-

* **Добрышин Александр Федорович (1871–?)**. Генерал-лейтенант. В Великую войну вступил командиром 8-го Финляндского стрелкового полка. В 1915 году назначен начальником штаба 26-го армейского корпуса. Позднее командующий Кавказской гренадерской дивизии, исполняющий должность начальника штаба 10-й армии, командир 38-го армейского корпуса 10-й армии Западного фронта. В 1918 году добровольно поступил на службу в Красную армию.

** **Жданко Александр Ефимович (?–?)**. Генерал-лейтенант, в 1914–1915 годах – начальник 64-й пехотной дивизии.

ка, не показывает войскам никакого личного воздействия. Войска командира корпуса не знают и после бегства не уважают. Отъезд Лашкевича из Августова, я обвинил его в трусости, он спросил только: «Это Ваше личное мнение?» Солдаты грабят, есть свидетели, а <А.А.> Гернгросс* бездействует.

18 февраля

В первый раз читал распоряжения по 6-й и 8-й армиям. Кошмарная бессмыслица: «во что бы то ни стало», «с полным напряжением сил», «энергично», «решительно», «безотлагательно». И чем больше слов, тем меньше дела. Приказания не слушают, слова потяряли силу. Бегство роты.

22 февраля

В 12 часов прибыл в Красностокский монастырь. Связи нет, страшное расстояние до штаба корпуса, нехватка провода, скандал. Из обеих дивизий спрашивают, отчего наш штаб так далеко? Связь установилась только в 23 с половиною ночи. Если бы удар немцев – была бы катастрофа. Но в чем же главные заботы Гернгросса? Его интересы: почта, обеды и отпуск.

23 февраля

Наблюдал шедший <225-й> Аккерманский <пехотный> полк: вид апатичный, понурый, общие жалобы на усталость, нервы развинчены. Части действительно не укомплектованы, полки – это батальоны, люди устали и энергии у них нет, их боевая работа была долгая, и без отдыха затрудняюсь обвинять их за отсутствие порыва, тем более, что со стороны генералитета никакого примера. Но факт налицо – задач не сделали, потому что не хотели; все выжидали – авось противник уйдет, не было желания отрезать, охватить. При таком положении трудно чего-нибудь добиться.

Штаб в Минске – его продолжают спрашивать, почему так далеко. Перестрелка на фронтах не слишком сильна. Действительно,

* Гернгросс Александр Алексеевич (1851–1925). Генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Во время Великой войны в 1914–1916 годах командовал 26-м армейским корпусом. С 1916 года – член Военного совета. После революции остался в России.

артиллерийский огонь с обеих сторон очень редкий и, кажется, безрезультатный. В итоге это стояние и больше крови стоит, и больше утомляет – двое суток люди не знают отдыха под крышей, морозы крепкие, градусов до 10–12 ночью. Резервы еще ничего, повырыли себе землянок в виде крысиных нор. Кстати, об укреплениях – все время доносили о силе укреплений Минска: все оказалось вздором – редкие и паршивенькие окопчики; и вот так всегда – врут, врут и врут...

24 февраля

Наши части не движутся никак – нынче все на месте. Говорил с <А.А.> Гернгроссом о пушках, ответил, что он отлично это знает, сам применял, но для этого нужны решительные начальники, способные решиться на такие меры (!). Возразил ему, что если начальники дивизий не решатся – так можно им приказать. Ответил мне, что они не послушаются. Если они категорических приказаний о движении вперед не исполняют, то неужели же решаться на выдвигание пушек. Я указал, что можно приказать и проверить посылкой доверенных лиц. Однако решительный начальник решительно отказался от какого либо воздействия. Будем, значит, по-прежнему стоять, пока немцам не заблагорассудится уйти или нанести новый удар.

4 марта

Сейчас у нас плохие условия расквартирования. Милое начальство не посмотрело. Даже не объехали войск и не поблагодарили за службу!.. Зато приехали жены...

8 марта

Штаб в Сопоткино. Скоро полночь, а приказа нет. Добрышин возмущается и негодует, что войскам неудобно. Белыми нитками шьет, хорошо он известен, удобства войск и их жизнь для него прошлогодний снег, много раз доказывал. Его сейчас волнует собственный покой, сон с 11-ти и до 11-ти пропадает – вот и негодование. Пальцем не пошевелит для войск – прежде и выше всего покой, безопасность, письма своевременные, а выигрыш и проигрыш войны – не все ли равно, сколько раз это обрисовывалось.

9 марта

Копциево. Гернгросс и Добрышин сильно негодуют, что армия подтянула наш штаб, указав место стоянки – пожалуй, поняли.

2 часа дня. Великое торжество: Перемышль пал.

Помещение в Копциево мало – многое сожжено, этапа нет – пополнения блуждают некормленные. Их вид на походе: приклады вверх, гуськом, группами и, несмотря на шоссе, строя никакого, а люди молодцы, были бы хорошие солдаты.

Вернулся Добрышин, кажется, удалось обеспечить на будущее время от указаний места для штаба.

12 марта

Сейны. Связь сутки не налаживалась и ночью из армии приказали продвинуть штаб вперед. Уже второй раз!!!

Работа в эти дни сумасшедшая. Уговариваю вождей выслать в Жубранойцы, оба понимают, но боятся инициативы, когда пришло совсем тревожное донесение вечером – послали, наконец, два батальона. С управлением комедия – Гернгросс безвольная ширма без всякого влияния и желания управлять. Приказы пишет Добрышин, а на другой день их подписывает Гернгросс. <А.Ф.> Жданко в Краснополе – управление личное и, несомненно, доблестное; видно и чувствуется порядок в бригаде, артиллерия на месте. Почему же, обладая личным мужеством, что подтверждают знающие его, почему он ничего не делал тогда в феврале, в боях впереди Пашковского моста. Странно...

13 марта

Сейны. Опять на правом фланге неладно, опять бежит 56-я дивизия, так называемый 3-й корпус. Ничего нельзя рассчитывать, ни на что решиться с такой нестойкостью. Генералы доводят до белого каленья, и без них несладко, а они предсказывают всякие бедствия, отход и т.д. Это непрерывное карканье и настоящее причитание изводит. И это начальники, которые должны ободрять, подавать примеры бодрости, и пальма первенства принадлежит Добрышину, такому, по его словам, решительному и спокойному воину! Малейшая тень неудачи – и он уже разрисовывает самые мрачные картины.

16 марта

Тяжелая ночь. С севера немцы перешли вновь в наступление. Силы, очевидно, у них невелики, днем не рискуют – у нас много ар-

тиллерии. К вечеру немцы лезут с превеликой дерзостью, очевидно, ясно зная, что наши части ночью не стоят ровно ничего.

Отдали Краснополь, наши бежали, оставили массу пленных. Собирали здесь, в Сейнах, беженцев; ротами и командами отправляли их назад. Опять приказали отбирать Краснополь, но ноль результатов, не идут никак, не выдерживают артиллерии немцев.

Возле Сейн, впереди костела рвутся тяжелые снаряды, Гернросс страшно нервничает и злится на меня, – неужели нельзя побольше владеть собой – считает чуть не каждый разрыв. Рвутся шагах в 500 от нашего штаба.

17 марта

Аккерманцы все время делают попытки удирать – донесение Пивоварова: «впечатлительность аккерманцев необычайна, возникает вопрос об их боеспособности». У нас в штабе опасения, чтобы мы не отдали позицию, общее мнение не атаковать, а лишь удерживаться, тоже генералы... Телеграмма Дубинина – приказ о наступлении, мое предложение прямо ответить, что не можем, будем только обороняться. Добрышин согласился вполне, что ничего не выйдет, но так ответить не решался, так как «кто говорит правду – теряет», пусть с нашей стороны это будет очковитирательство, все равно... Я ему говорил, что приказывал, заранее зная, что не исполнить – разврат. Он согласился, и однако... В 5 часов утра назначено наступление.

18 марта

Неожиданный успех. Чему приписать? Конечно, достоинству Пороховщикова и Пивоварова, артиллерии, которая работала под искусным управлением Штакельберга. Работать им было ужасно тяжело.

Успех развит не был; трофеи: два пулемета, около 200 пленных, ибо 2-й корпус почти не помогал, во-первых, запоздал с наступлением часа на четыре, во-вторых, шел без энергии. Впоследствии он отошел, обнажив правый фланг, наши глазовцы (333-й пехотный Глазовский полк. – *Р.Г.*) тоже драпанули, наконец пришел Донской – прибыл настоящий полк.

Добрышин делает вид, что он герой дня, что это он по размышлению так сосредоточил артиллерию. Смешно – вот уж, как молодец, не повинен ни в чем.

Успех вышел вообще случайным и без последствий – спасибо и на том, все же может дать хоть некоторый подъем.

К вечеру вполне выяснилось, что сделала артиллерия, пехота, так сказать, пожала плоды, а на дальнейшее сил не хватило, наступать, вести бой – энергии не было.

Неприятель ушел отсюда сравнительно чисто.

15 декабря²³

С удовольствием <Юля> исполняю твою просьбу и уже послал деньги, но также и с непременным условием – отнюдь не считать этого «временно». Я так обставлен теперь в денежном отношении, что для меня это отнюдь не составляет никакого лишения. Моя дорогая Джульетта, это не простая любезность, а мне действительно доставит большое удовольствие быть тебе полезным и хоть немного отплатить за твое всегдашнее отношение ко мне. Я тебя убедительно прошу – не стеснясь, обращаться ко мне, как только понадобятся деньги – теперь, на войне, я получаю много и одинок.

Благодарю за поздравление с Георгиевским оружием – это высокая награда, и я был бы вправе весьма порадоваться, если бы был убежден, что ее заслужил, а этого последнего сознания у меня и нету. <...>

Сейчас мы стоим на отдыхе и, латая дыры, готовимся к будущим боям. Меня недавно угнало начальства на производство рекогносцировки в тылу, и это было отвратительно скверное занятие – в снежную и ветреную погоду, да еще при морозе, летать на автомобиле, чувствуя, как медленно, но верно замерзаешь на перегонах.

Посылаю тебе <фото> – маленькую группу офицеров моего штаба и наших гостей – все снялись в столовой штаба, в барском доме, где устроились весьма и весьма комфортабельно.

Насчет моего оборудования на зиму не извольте сомневаться – все обстоит благополучно, экипирован вполне. Чувствую себя отлично, и здоров как никогда. Даже странно, что такая достаточно серьезная болезнь как воспаление легких, хоть и сразу захваченная, могла бы пройти так быстро, в каких-нибудь десять дней, и так благополучно.

*Копия снята 01.09.1938
Мездра, Болгария*

28 февраля 1916 года²⁴

Сейчас у нас все тихо и спокойно, но работы достаточно. Однако скоро весна, а с ней и бои, которые, естественно, затянутся на полное лето. В предупреждение всяких возможных случаев написал завещание, в дополнение к которому прошу тебя нижеследующее: все имеющиеся и могущие быть полученными деньги я завещал тебе, но из них буду просить уплатить мои долги Волынскому полку, которых наберется, пожалуй, рублей на 800. <...> Все мое наличное имущество, как то: лошади, седла и т.п. – будут проданы, и деньги также будут переведены тебе. Между прочим, тебе должны будут переслать отдельно **серебряный медальон**, который я ношу на шее, **обручальное кольцо** и **полковой жетон**. Все эти три вещи, приложив к ним и **запонки с опалами...**, ты передай тому, кто явится за ними, предъявив три буквы: Б.М.Ж... Это мое тебе частное завещание, которое, я убежден, ты не откажешь точно выполнить. Ящик с полковым серебром я завещаю полковому музею, а все прочие серебряные вещи и золотые перешлются тебе (они хранятся в Петрограде, при запасном батальоне Лейб-Гвардии Волынского полка).

Я надеюсь, что ты не будешь ужасаться от того, что я все это пишу, ведь мы с тобой не маленькие и знаем, что на войне убивают, значит, нужно и приготовиться на всякий случай. Мне очень важно знать, получишь ли ты это письмо, а потому не <забудь> своевременно черкнуть о его получении.

Остальное пока обстоит благополучно, кроме, конечно, моих отношений с начальством – здесь, конечно, трения и скрытое электричество, колеса нашего общественного экипажа скрипят и каждую минуту могут разлететься во все стороны. Впрочем, это все вздор, важно разбить и прогнать немца, и на пороге великих событий пожелай мне сыграть свою роль получше и внести побольше пользы в общее дело изгнания врага! Если бы мог я ценой своей жизни купить победу! Увы, моя роль так узка...

*Копия снята 10.07.1938
Мездра, Болгария*

Апрель²⁵

У меня громадная работа, не говоря уже о текущем бумагома-раньи; иногда целыми днями пропадаю на позиции; приходится делать организационные работы, требующие большого напряжения, но совершенно необходимые, чтобы быть во всеоружии перед

случайностями. Я давно старался добиться у своего генерала той планомерности, с которой он никак не может мириться. Теперь сверху крепко нажали, и мне удалось получить руководство в свои руки и надо торопиться все сделать, пока не вставят очередной палки в колесо.

<Май–июнь>²⁶

Я по горло завален делами, целыми днями на позиции, возвращаюсь с обходов усталым и зарываюсь в бумагу, без конца сидишь и пишешь, позднее разбираю телеграммы – это пачка в добрый роман Золя.

Вполне понятно, почему у нас сейчас огромная, лихорадочная работа, приходится напрягать все силы, чтобы не быть неподготовленным к событиям. Всюду нужен контролирующий глаз, предусмотрение и организация. Конечно, мало 24 часов в сутки. Все это ничего, если бы не это наводнение бумаги; я не только не видел ничего подобного, но даже не предполагал, что может существовать такое море бумаги; это все подлая привычка отписываться. Если бы старшие и высшие действительно побольше работали и чаще посещали части, не нужно было бы этой мертвящей, душащей бумаги.

Кругом наблюдается подъем духа. Нельзя не признать, что наши Луцкий и Буковинский прорывы были удивительно чистой работой, по крайней мере, во внешней их форме – видно, что, наконец, кое-чему научились и у нас. Положение на всех фронтах считается благоприятным; будут, конечно, и неудачи, придется за них не раз расплачиваться, но инициатива уже вырвана из немецких рук, немцы отбиваются, но удары наносим им мы. Надо полагать, что так останется до конца, но еще конца войны не предвидится, нужно запастись большим терпением.

17 июня²⁷

Дорогая Юличка, завтра у нас атака, и мне придется принимать в этом бою очень серьезное участие и быть под сильным огнем. Письмо это не должно тебя волновать, так как раньше его получения моя судьба вполне определится. Но так как мы все люди, а человек смертен, то если бы пришлось мне покончить свое брэнное существование, я надеюсь, что ты не забудешь исполнить мое поручение о кольце, жетоне и медальоне, которые тебе в этом случае пе-

решают. Это так, на всякий случай, вообще же у меня настроение мажорное и полная вера в счастливую судьбу.

Копия снята 31.08.1938

Мездра, Болгария

6 июля²⁸

Наши бои, дорогая Юличка, продолжались несколько дней, после чего начались марши, и теперь мы уже совсем в других местах. Ты, конечно, понимаешь, что на эту тему я распространяться не могу. На смену боев отбитых придут, конечно, вскоре новые, так как такое время теперь, чтобы без конца драться. Несмотря на частичные неудачи, которые время от времени выпадают на долю наших армий, в общем дела идут хорошо, как ты можешь сама судить по телеграммам. Самое важное, конечно, то, что у немцев окончательно вырвана из рук инициатива согласованными действиями всех союзников. Немцы уже нигде не наносят ударов, они только отбиваются, где удачно, а где и совсем неудачно, и положение наше в общем настолько прочное, резервы так велики, что никакие активные попытки противника, буде ему удалось бы что предпринять, уже нам не страшны. Нет никакого основания думать, что немцам удалось вырвать инициативу. Можно думать, что наступил перелом. Конечно, рассчитывать на скорый мир нельзя – противник очень силен, он знает, какие драконовские условия его ожидают и, конечно, будет защищаться со всею энергией отчаяния. Во всяком случае, мы должны запастись большим, очень большим терпением – рассвет начался, но солнце еще не взошло.

Несколько раз попадал под большой огонь, а в ночь с 19 на 20 июня часа два находился в передовых окопах под таким сильным огнем немецких чемаданов, что стало мне совсем грустно, но все это минуло и бесследно, и я опять жив, цел и здоров.

Копия снята 31.12.1938

Мездра, Болгария

11 июля²⁹

Прошлом лето и осень я пережил бесконечные душевные муки и великую драму, но теперь я чувствую почти торжество – у нас ряд побед. Отношение к событиям войны царит в моей душе над всеми эгоистическими интересами. С самого начала войны судьба заставляет меня быть в самой неинтересной обстановке, на самых скуч-

ных или пассивных фронтах, в подчинении и зависимости от лиц, коим не свершить никогда ничего светлого. Сейчас блеснул луч надежды; опять в поход; посмотрим, что день грядущий нам готовит...

16 сентября³⁰

Царапаю тебе левой рукой, дорогая моя Юличка, ибо правую мне крепко подранили 31 августа австрияки. Сильно разорваны мышцы ниже локтя (трудно поверить, чтобы это могла натворить ружейная пуля) и поврежден один нерв. Болит рана все время и только-только начинает очищаться от нагноения. Лечение, по-видимому, предстоит долгое.

Как все это ни грустно, но я испытываю огромное **нравственное удовлетворение** – я унес с собой в лазарет незапятнанное боевое имя, чистую репутацию и сознание честно исполненного долга – и это вознаграждает за все.

Столько приходится видеть людей, всячески уклоняющихся от боя, готовых на всякую низость для спасения своей жалкой шкуры. Тебе никогда не придется покраснеть за своего брата, дорогая Юля, никогда я еще не уклонялся от опасностей, скорее наоборот, и никогда еще перед угрозой смерти не отступил. Не суди за эту похвальбу, ведь это мое единственное утешение за измученную руку.

Да, можешь поздравить меня – произведен в полковники, и начальство уверяет, что, как только вернусь из госпиталя – мне дадут полк. Перспективы долгого лечения от этого еще более меня удручают.

Кончаю, дорогая, тяжело много писать, целую тебя крепко, дай Бог здоровья, пиши о себе. Сейчас нахожусь в Одессе, в клинике профессора Сератина, куда и адресуй письма.

Копия снята 26.07.1938

Мездра, Болгария

3 октября³¹

Дней десять назад сделали операцию – кое-что подрезали, что возможно сшили, и поверхность раны на треть, если не больше, уменьшилась. На днях остальную площадь раны покроют кожей, путем пересадки ее с бедра, и заживление пойдет тогда быстро. С этой стороны все обстоит благополучно, но если бы ты видела мою рану при поступлении в госпиталь! Это была такая ужасная дыра с начатками гнилостного распада ткани, что смотреть страш-

но было, и трудно верить, чтобы в один месяц рана смогла прийти в такой приличный вид. Огорчает меня только повреждение нерва – не знаю, удастся ли его сшить, а то в настоящее время у меня потеряна чувствительность в мизинце и половине безымянного пальца и в соответствующей четверти ладони. Дефект, конечно, не страшный, а все же неприятно, если навсегда останется. Впрочем, есть большая надежда и это исправить, только грозит затянуться лечение.

Вот тебе полный санитарный отчет.

*Копия снята 20.08.1938
Мездра, Болгария*

3 декабря³²

Лечение руки продвигается средне. Рана совсем зажила еще в начале ноября, но возвращение работоспособности подвигается неважно. У меня поражен локтевой нерв, в котором найдено перерождение, по-видимому, в слабой степени. Пишу, как видишь, уже довольно удовлетворительно, но много движений кисти и пальцев еще либо отсутствуют, либо слабы. На полное восстановление руки в прежней мере рассчитывать, конечно, нельзя. Операцию пока делать не будут, да и вообще едва ли она сможет что-либо помочь. Очевидно, все возлагается на массаж, горячие ванны, электризацию и время. Но что удивительно и меня бесконечно злит – до сих пор не заживает место, откуда была взята кожа для пересадки, и из-за этого, будучи по существу здоровым человеком, я принужден почти все время лежать.

Нечего сказать – развлечение. Зол как цепной пес. От злости готов кусаться. Жизнь, как видишь, идет не разнообразно – лежу и читаю, читаю и лежу*.

*Копия снята 19.07.1938
Мездра, Болгария*

10 января 1917 года³³

Прости, дорогая Джульетта, что поздравляю тебя с Новым Годом так поздно. С 30 декабря я непрерывно в движении. 30-го покинул Одессу и отправился к себе в дивизию, но, уже почти добрав-

* Примечание офицера, снимавшего копию с документа: «Письмо написано дрожащей рукой, через целый лист почтовой бумаги».

толпы. Но, изучивши их, я слишком привык их презирать, и мне невозможно было бы поступиться своей гордостью ради выгоды.

4 апреля³⁶

Очень давно не писал тебе, дорогая Юля, но и писать-то было нечего – у нас все время затишье, идет нормальная штабная работа, и не до писания было, за перо браться не хотелось. Теперь положительно ни за один день нельзя положиться, и с создавшейся у нас демагогией каждый день можно ждать какой-нибудь грандиозной боевой катастрофы. Может, конечно, все и перемелется в муку, только уже очень велики всякие возможности. В общем, перспективы очень грустные, резко упала дисциплина под влиянием безнаказанности, и впереди многое рисуется в мрачных тонах.

Рука очень медленно, но все-таки поправляется, впрочем, в степени незначительной. Но пишу уже, как видишь, вполне нормально.

Копия снята 10.07.1938

Мездра, Болгария

7 апреля³⁷

Вчера я получил полк в своей дивизии. Еще так недавно я чувствовал бы себя на седьмом небе, теперь же, какая это радость? – это непосильный крест.

16 апреля

С души воротит, читая газеты, и как вчера подававшие всеподданнейшие адреса сегодня пресмыкаются перед чернью. Мне сейчас тяжело служить; ведь моя спина не так гибка и я не так малодушен, как большинство наших, и я никак не могу удержаться, чтобы чуть не на всех перекрестках высказывать свое пренебрежение к пресловутым «советам». Армия наша постепенно умирает.

21 апреля³⁸

Дорогая Юличка, у меня служебная перемена – на днях получил полк. Раньше я бесконечно радовался бы этой перемене, но по нынешним временам, право, не знаю, может ли вообще хоть какое-нибудь место в армии быть желанным. Теперь какую бы то ни было частью командовать даже в полевой армии вообще великий крест – разные официальные и неофициальные милостивые госу-

дари развратили армию в грозной степени, и я, право, затрудняюсь сказать, на какой исход можно рассчитывать в предстоящем сражении распущенного сброда с немецкой армией, насквозь пропитанной дисциплиной и проникнутой чувством долга. Вообще перспективы таковы, что собственная жизнь скоро перестанет интересовать – стоит ли жить, чтобы видеть разгром своей страны во славу Стекловых*, Скобелевых** и компании?

Живу в полуразрушенной деревушке, откуда немцы упорно стараются выжить нас чуть не ежедневными бомбардировками. Пока упираемся. Дел масса, часто, каждый день, обхожу свой участок, а потом тону в море бумаги.

Адрес: действующая армия, 60-й пехотный Замосцкий полк.

Копия снята 10.07.1938

Мездра, Болгария

28 апреля³⁹

У меня положение в полку становится очень острое. Можно жить хорошо только до тех пор, пока всем во всем потакаешь, ну а я не могу. Конечно, было бы проще оставить все, проще, но нечестно. Вчера наговорил несколько горьких истин одной из рот, те возмутились, обозлились. Мне передавали, что хотят «разорвать меня на клочки», когда вполне достаточно на две равные части, как никак, а быть может, придется испытать несладкие минуты. Кругом наблюдаешь, как у лучшего элемента опускаются руки в этой бесполезной борьбе. Образ смерти является всем избавлением, желанным выходом.

.27 июня

На днях придется нам идти в бой, мне предстоит сомнительная честь вести в атаку наших «свободных граждан», свободных от чувства долга и доблести.

* **Стеглов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941)**. Член РСДРП(б) с 1893 года. В 1917 году входил в Исполнительный комитет Петроградского Совета.

** **Скобелев Матвей Иванович (1885–1938)**. Член РСДРП (меньшевиков) в 1903–1918 годах, член ВКП(б) в 1922–1937 годах. В 1917 году – заместитель Председателя Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в мае–августе – министр труда Временного правительства.

3 июля⁴⁰

Дорогая Юличка, что ты скандалишь меня, опять адъютанту открытку послала! Я шучу конечно, но, ей Богу, это лишнее беспокойство за мою участь, ибо если бы что случилось, то тебя известили бы, а теперь у нас такая каша, что, право, не до писем.

Полк у меня сравнительно в порядке, как и вообще вся дивизия, если, конечно, словом «порядок» можно назвать ныне состоящие хоть какой-нибудь части. Никаких выступлений против офицеров у нас, слава Богу, не было, но, конечно, дисциплины никакой, служба несется скверно, обещают, что все пойдут в атаку, и этому я верю, на порыв их хватит, но что будет дальше, за первым порывом – сплошной знак вопроса. Не понимаю, на что может рассчитывать эта публика в длительном бою без дисциплины. Так или иначе, но через самый короткий срок мне предстоит вести эту публику в бой.

В общем, грустные перспективы – не о таком командовании полком я мечтал и не таким полком так рвался командовать.

Копия снята 10.07.1938

Мездра, Болгария

10 августа⁴¹

11 июля у нас была атака; вследствие громадного превосходства сил мы имели успех, не взирая на то, что большая часть солдат была непригодна к бою. Мой полк взял даже 10 орудий. 30–31 июля и 1–2 августа снова были тяжелые бои; наступали немцы, в незначительных, меньших силах, больше артиллерией, чем штыками. Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: от каких-нибудь нескольких снарядов или только в ожидании неприятельской атаки. Еще 31-го было нечто вроде боя, нечто вроде сопротивления, мы частью отстаивали свои позиции, но уже 1 августа разразился скандал – поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов. Ни о каком управлении боем не могло быть и речи среди заборов, домов и виноградников. Много раненых офицеров и солдат было брошено этими мерзавцами на позиции. Увидя эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и ору-

зия удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнем. Благодаря этому позиция была удержана, и противник, поплатившись, больше не дерзал на новую атаку. Сейчас чиню суд и расправу, авось, приведу их в порядок; они уже начинают чувствовать мое давление. Конечно, может и сорваться.

14 ноября⁴²

Милая Юличка, целую вечность не писал тебе, но ты знаешь, что я цел и жив, потому, вероятно, и не очень беспокоишься. После целого ряда боев в июле и августе мы ушли в резерв и там долго стояли на отдыхе. У меня в полку сравнительно спокойно, да и в боях полк работал почти удовлетворительно, а по современному упадочному масштабу – даже очень хорошо. Вообще дела, конечно, плохи, при всем желании принести какую-нибудь пользу Родине при создавшейся обстановке нельзя, но лично мое положение в полку пока очень прочное, пользуюсь и авторитетом, и уважением. Но, конечно, за долгодневность их не ручаюсь – теперь нет ничего постоянного. Пока больше нет ничего нового у нас – сидим и ждем, когда наконец вся эта машина, Россией именуемая, развалится и разложится окончательно.

*Копия снята 10.07.1938
Мездра, Болгария*

24 ноября⁴³

За последние дни произошли такие события, что окончательно опустились руки – эти кустарные мирные переговоры, созданные кучкой немецких шпионов и осуществленные давлением слепой стихийной массы, dokonчили все. Сами по себе, своими силами, мы уже вернуться к войне не можем, даже хотя бы к оборонительной, ввиду абсолютного разложения армии. Почетного мира для нас уже не будет. Насколько я ориентирован – нет никаких надежд извне. Все это развязывает руки. Тотчас по получении распоряжений о перемирии я поехал в Яссы, ничего еще определенного не знаю – события начинают принимать слишком острый характер; хотя кругом все так запутанно, так темно, что

трудно разобраться – в стороне же от событий я не останусь. Пока мимо моей воли назначен начальником 14-й дивизии. Настроение тяжелое – эти переговоры о мире точно публичная пощечина, от оскорбленной гордости некуда уйти, негде спрятаться. Сердце отравлено ядом.

Еще 20-го получил Георгиевский крест по давнишнему представлению – единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен... а между тем у меня теперь никакой радости в сердце, нисколько не стало легче на душе от этого маленького белого крестика... От жизни страны, от всего, что делается внутри ее, мы отрезаны почти совсем, не получаем почты и газет.

2 декабря⁴⁴

У меня переменился адрес, дорогая Юличка – получил на днях дивизию. Теперь надо писать: действующая армия, командующему 14-й пехотной дивизией, полковнику Дроздовскому.

Можешь поздравить меня с получением ордена Святого Георгия 4-й <степени> за бой 11 июля, когда я с полком участвовал в прорыве немецкой позиции. За бои 30 июля – 4 августа представили меня к Георгию 3-го класса, но теперь, за всеми этими событиями представление, вероятно, и до Думы не доберется. Что же касается дивизии, то тут радоваться нечему: как быстро выдвинулся, так и быстро полететь могу вниз тормашками – какие времена.

Вообще подлейшие времена переживаем, впереди абсолютно темно, но чувствую, что на внутреннем фронте скоро многим из нас будет очень много работы*.

*Копия снята 26.07.1938
София, Болгария*

6 декабря⁴⁵

У нас на фронтах все уже доходит до последнего предела развала, и я уже ни с чем не борюсь, ибо это совершенно бесполезно – просто наблюдаю события. Как счастливы те люди, которые не знают патриотизма, которые никогда не знали ни национальной гордости, ни национальной чести.

* Примечание документа: «Подлинник передан на хранение члену исторической комиссии Дроздовского артиллерийского дивизиона полковнику Н.В. Машинскому».

11 декабря

Россия погибла, наступило время ига, неизвестно на сколько времени, это иго горше татарского. Я же принял определенное решение: приехал в Яссы, взял себе отпуск на пять дней, складываю с себя звание начальника дивизии, на днях принимаюсь за одно очень важное дело, о котором, конечно, писать не могу, почта – дело ненадежное. Во всяком случае, ориентируюсь в политических делах, часто вижусь с иностранцами.

15 декабря

На неопределенное время остаюсь в Яссах, дела очень много. Я вовсе не честолюбив и отнюдь не ради известности среди толпы и не ради ее поклонения пытаюсь взять как можно больше в свои руки. Честолюбие для меня слишком мелко; прежде всего, я люблю свою Родину и хотел бы ее величия. Ее унижение – унижение и для меня, над этими чувствами я не властен, и пока есть хоть какие-нибудь мечты об улучшении, я должен постараться сделать что-нибудь; не покидают того, кого любишь, в минуту несчастья, унижения и отчаянья. Еще другое чувство руководит мною – это борьба за культуру, за нашу русскую культуру.

27 февраля 1918 года

Одна за другой неудачи преследуют меня, неудачи, в которых я неповинен; отсутствие энергии, апатия, мягкотелость, моральное ничтожество среды, бесталанность и нерешительность кругов, предназначенных судьбою к водительству – все это губит великое начинание, накладывает на все печать могилы. Усилием воли заставляешь себя продолжать начатую работу и до конца вести борьбу. Начинаю жизнь скитальца. Жалкий обломок прежнего величия, человек не имеющий Родины!

16 мая, Новочеркасск

Я безумно устал, измучился этой вечной борьбой с человеческой тупостью, инертностью, малодушием. Какое постоянное напряжение силы воли, какой гнет ответственности, какая тяжелая, почти безнадежная борьба в поисках успеха. Издерганный, измученный, я перестал быть человеком. Миллион переговоров, вечные поиски денег – этого главного нерва всякого дела, поиски лю-

дей. Скоро, вероятно, придется покинуть Новочеркасск, идти дальше по нашему тернистому пути, но в тоже время и по пути чести.

20 мая

Я брошен сейчас судьбой в котел политической борьбы, кипящий и бурлящий, судьба выносит меня на гребень волны, и я не могу особенно упираться, так как мне слишком дорога Россия... А что из этого будет – как знать. Подъем или крушение, теперь так трудно что-либо угадать, особенно тому, кто не идет на всякие компромиссы.

Ведь теперь, в самом центре борьбы я вполне только понял, как ничтожны, близоруки, бессильны наши общественные деятели и политики, наши имена и авторитеты! Они ничего не понимают, как не понимали до сих пор, и ничему не научились. Ведешь с кем-нибудь переговоры и не понимаешь, стоит ли тратить на это время, кто он – деятель или пустое место. Как все это мне опротивело, все надоело, но повторяю всегда: как часовой, с поста своего я все же не уйду.

18 июля,

Екатеринодар

Я весь в борьбе, и пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдаль я уже вижу слабое мерцание солнечных лучей, проникающих через сплошной мрак действительности. Сейчас я маньяк, я обрекающий и обреченный...

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РАНЕНИИ М.Г. ДРОЗДОВСКОГО НА ФРОНТЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ⁴⁶

34-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Поручик Михаил Гордеевич Дроздовский.

Год 1905, месяц январь, число 14.

Где: местность в бою на реке Хунхэ.

Чем: ружейной пулей.

В какую часть тела: подробное описание объективных признаков – сквозная пулевая рана левого бедра.

Оказанное пособие: антисептическая повязка.

Год 1905, месяц март, число 20.

ОПИСАНИЕ КОМАНДИРОМ 60-го ЗАМОСЦКОГО ПОЛКА ПОЛКОВНИКОМ М.Г. ДРОЗДОВСКИМ БОЯ 25 мая 1917 года ПОД ЛУЦКОМ⁴⁷

25 мая в семь с половиной часов утра 60-й пехотный Замосцкий полк, находясь в голове колонны главных сил, подошел к западной окраине деревни Клечаны, где был остановлен у церкви личным приказанием начальника 15-й пехотной дивизии. Вследствие отсутствия точных сведений о том, где находятся передовые части австрийцев, мне было приказано выдвинуть один батальон в направлении на угол леса, что упирается в дорогу, ведущую из колонии Подгайцы к деревне Большие Подгайцы.

Выслав вперед 5-ю роту (8 часов 15 минут), командующий 2-м батальоном приказал роте в боевом порядке двигаться в указанном выше направлении. Дойдя до опушки леса, рота была встречена сильным оружейным и пулеметным огнем австрийцев. Остановившись, рота стала окапываться. В это время было обнаружено, что цепи противника силою трех рот повели наступление. Тогда командир 2-го батальона выслал к 5-й роте 6-ю и два пулемета. Атаковав австрийцев, 5-я и 6-я рота заняли окопы 1-й линии. Около девяти с половиной часов обнаружилось, что противник снова повел наступление, стараясь охватить фланги 5-й и 6-й рот. Тогда была выслана для противодействия охвату слева 7-я рота, а правый фланг 6-й роты был загнут. Когда противник приблизился к ротам, 5-я, 6-я и 7-я роты перешли в контратаку, но в это время попали под ураганный огонь противника, потеряли половину своего состава и вынуждены были отойти на первоначальную позицию на опушке леса. Во время перехода в контратаку без вести пропал капитан Александров и капитан <нрзб.>. Имея силы около двух батальонов, австрийцы стали теснить роты 2-го батальона (10 часов). Тогда я, взяв 8-ю и 11-ю роты, бывшие в резерве, лично повел их в атаку и, отбросив противника и захватив пленных, закрепил за собою позицию у северо-западной опушки леса.

Когда 2-му батальону было приказано двигаться на угол леса, 4-й батальон и при нем два пулемета получили приказание следовать за 2-м батальоном и в случае необходимости по требованию командира 2-го батальона оказать ему поддержку. Во время движения обнаружилось, что противник обходит левый фланг 4-го батальона. Тогда командир 4-го батальона повернул весь свой батальон влево и оторвался от 2-го батальона, вследствие чего образовал-

ся между батальонами прорыв протяжением около версты, что поставило 2-й батальон в затруднительное положение. Продвигаясь в левом направлении 4-й батальон занял позицию к юго-западу от высоты 102, откуда перешел в атаку.

Во время движения 2-го батальона на угол леса 3-й батальон, оставаясь в полковом резерве, расположился у хутора Селище к юго-западу от него. Во время обхода противником правого фланга 2-го батальона мною было приказано (10 часов) двинуть две роты 3-го батальона правее 2-го и пройти через лес на северо-западную его опушку. 9-я и 10-я роты составили по две волны. Заняв опушку леса (11 часов) и войдя в связь с заставой 16-го стрелкового полка, 3-й батальон был встречен пулеметным и ружейным огнем. Двинувшись вперед, 3-й батальон выбил австрийцев из окопов первой линии и, подтянув вследствие больших потерь 13-ю роту, направился к проволочным заграждениям противника. Противник открыл ураганный огонь. Батальон, теряя много людей, стал окапываться, а затем, чтобы не терять людей, роты 3-го батальона подошли и залегли (13 часов) непосредственно перед проволочным заграждением противника, где и окопались.

Во время движения на опушку леса 2-й и 3-й батальоны потеряли много людей, посему я донес о необходимости иметь в своем распоряжении свежий батальон. Ко мне прибыл 1-й батальон 57-го <пехотного Модлинского> полка, который я влил (10 часов 45 минут) между вторым и третьим батальонами. В 13 часов 40 минут я подтянул первый батальон, бывший при артиллерии. Первый батальон я разместил в лесу у вершины 108.

Около 17 часов я приказал занять всем ротам исходное положение атаки. 1-й батальон был подтянут к передовым цепям второго батальона во время артиллерийской подготовки, а затем по приказанию начальника штаба дивизии приказал полку атаковать противника. Проволочные заграждения противника были прорезаны, окопы взяты, и полк, тесня противника, вошел в город Луцк.

Действия разведчиков. Во время атаки на сильно укрепленную позицию противника команда <разведчиков>, бросившись в атаку, по открытому месту под сильным ружейным и пулеметным огнем обошла все части, прорезала проволочные заграждения и бросилась в штыки. Прапорщик Гусаров со взводом разведчиков взял действующий пулемет противника и, повернув его в сторону отступающего врага, выпустил две ленты патронов, после чего вся команда двинулась преследовать противника, вступив в город Луцк первой.

При входе в Луцк команде пришлось вступить в стычки с противником, устраивавшим засады и стрелявшим из домов.

Потери за день 25 сего дня:

Офицеров: убитых – 3, раненых – 11; без вести пропавших – 2.

Нижних чинов: убитых – 105; раненых – 215; без вести пропавших – 56.

Трофеи: офицеров взято в плен 6, нижних чинов 216, пулеметов 3, телефонных аппаратов 2 и 30 верст телефонного кабеля, прожектор, две повозки и три кухни.

Мая 25-го

Временно командующий полком полковник <М.Г. Дроздовский>

ПИСЬМО М.Г. ДРОЗДОВСКОГО ПОЛКОВНИКУ М.А. ЖЕБРАКУ С ПОДРОБНОСТЯМИ О СОЕДИНЕНИИ ОТРЯДОВ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА ЯССЫ – ДОН⁴⁸

<От командира 1-й отдельной русской бригады
добровольцев полковника М.Г. Дроздовского>

Полковнику
<М.А.> Жебраку

1918 год, дня 11 (24) марта месяца, 23 час. 50 мин

Место отправления д. Веселая (на реке Столбовая) № 4

на № 1

Только что был у меня Ваш начальник связи – Ваше сообщение очень обрадовало; от души приветствую непреклонную решительность и, конечно, буду ждать; завтра 12 <марта> имею здесь дневку, а послезавтра перейду небольшим переходом в пункт, который Вам назовет посланный; там в ожидании Вас снова сделаю дневку. Но ввиду обстановки очень прошу Вас двигаться на соединение возможно скорее – лучше дать отдых уже после соединения.

Автомобилей послать не могу, т.к. не имею бензина, и принужден их бросить – должен хранить бензин для броневиков и легковых разведывательных.

С нетерпением буду ждать Вашего присоединения – оно для нас слишком ценно. Оружия и патронов для Вас найдем достаточно, пулеметчики очень нужны. Ваше личное участие в походе для нас всех очень ценно.

До свидания.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

М. Дроздовский

ПРИКАЗ
1-й ОТДЕЛЬНОЙ РУССКОЙ БРИГАДЕ
ДОБРОВОЛЬЦЕВ⁴⁹

26 апреля (9 мая) 1918 года
город Новочеркасск

25 апреля (8 мая) части вверенного мне Отряда вступили в Новочеркасск. Вступили в город, который с первых дней возникновения Отряда был нашей заветной целью, целью всех наших надежд и стремлении, обетованной землей.

Больше тысячи верст пройдено нами походом, доблестные добровольцы: немало лишений и невзгод перенесено, немало опасности встретили Вы лицом к лицу, но, верные своему слову и долгу, верные дисциплине, безропотно, без празднословия, шли Вы упорно вперед по намеченному пути, и полный успех увенчал Ваши труды и Вашу волю, и теперь я призываю Вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания и запугивания окружавших нас малодушных.

Пусть же послужит это нам примером, что только **смелость и твердая воля творят большие дела** (здесь и далее выделено М.Г. Дроздовским. – Р.Г.) и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить **себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы**. Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру.

Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце приветствую я Вас, доблестные добровольцы, с окончанием Вашего исторического перехода.

Полковник <М.Г.> Дроздовский

ВОЗЗВАНИЕ⁵⁰ За Родину, Свободу и Закон

ГРАЖДАНЕ!

В переживаемый момент, когда борьба с анархией, насилиями, беспорядком и прочими явлениями большевизма достигла крайнего напряжения, каждый из нас должен приложить все свои силы для спасения бьющейся в агонии Родины, водворения в ней правового порядка.

Особенно это касается офицеров, уклонение которых от исполнения своего долга защиты Родины является дезертирством.

Начало победы положено, перед Добровольческой армией открываются широкие горизонты, но все дело в людях.

Отряд русских добровольцев, пройдя из Румынии походом 1200 верст, достиг Дона.

Всех офицеров, юнкеров, солдат, всех граждан, любящих Родину, призываю записываться в Отряд русских добровольцев для воссоздания армии.

При конном полку формируется конная казачья сотня и мусульманский взвод, при пехотном полку – пешая казачья (пластунская) сотня; при морском полку – рота из чинов морского ведомства. В состав отряда входят польские части.

Приглашаются врачи, фельдшера, санитары, музыканты.

Условия: содержание офицеров от 200 руб. (в зависимости от занимаемой должности), солдатам от 25 руб. до 95 руб. в месяц, полное казенное содержание. Специалистам особые оклады.

Запись принимается: в Ростове-на-Дону, Казанский переулок, гостиница «Петроград», комната № 116; и в Новочеркасске: Московская улица, д. № 16, в помещении офицерского собрания, ежедневно от 7 часов утра до 8 часов вечера.

<Май 1918 года>

*Начальник Отряда
полковник <М.Г.> Дроздовский*

**РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА
3-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИКА
М.Г. ДРОЗДОВСКОГО КОМАНДУЮЩЕМУ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛУ
А.И. ДЕНИКИНУ⁵¹**

Начальник 3-й дивизии
Добровольческой армии
27 сентября (10 октября) 1918 года
№ 027 станция Кубанская

Командующему
армией

РАПОРТ

С самого начала Армавирской операции, с того дня, когда началось продвижение южнее Отрада-Кубанская, я высказывал Вам опасение за свой правый фланг, являющийся все время больным местом, так как 1-я конная дивизия не в силах была продвигаться наравне со мной, я же сам не имел сил и возможности одновременно вести операцию по овладению Армавиром и обеспечивать дивизию от глубокого обхода со стороны группы Матвеева. До тех пор при ведении боевых действий я не считал нужным ссылаться ни разу на многочисленность врага, и эта сдержанность донесений об успехах, быть может, и создала неверное представление об их легкости.

Но уже с 1 (14) сентября я счел необходимым доносить, что против меня очень большие силы, дерущиеся очень упорно; доносить также, что большие потери и сильная усталость, тогда еще некоторых только частей, вызывают необходимость подкреплений, в чем, однако, мне было отказано, несмотря на наличие резервов.

Угрожаемый с обоих флангов охватами многочисленного противника, я боями 2 и 3 (15 и 16) сентября эту непосредственную угрозу ликвидировал и, пользуясь результатами Невинномысской операции генерала <А.А.> Боровского, продолжал наступление к Армавиру. По занятию Отрада-Кубанская я получил телеграмму Начальника штаба от Вашего имени о медлительности действий (Телеграмма № 01270), являвшейся первым совершенно незаслуженным упреком – за эти дни было сделано все, что было в силах дивизии, но работу ее можно было верно оценить только на месте.

Именно не желая отдавать врагу раз уже захваченное, да еще важный пункт, я считал овладение Армавиром делом преждевременным и рискованным до тех пор, пока продвижение 1-й конной

дивизии не распутало бы Михайловский узел. События показали, что последняя задача была непосильна для конной дивизии; в то же время, при активности врага (а с ней армия уже ознакомилась) обезвреживание Михайловской группы было условием обязательным для прочного удержания Армавира, или же необходимо было увеличить мои силы.

Свои соображения я дважды Вам доносил 5 (18) сентября (телеграммы №№ 69/Б и Д/322). Не получая ответа, видя, что моим донесениям не предается никакого значения, я был поставлен перед Армавиром в тяжелое положение: сознавая ясно рискованность операции по овладению этим городом, трудность его потом удержать, я вынужден был атаковать, так как противник, после неудачного для него ночного дела с 5-го на 6-е (с 18-го на 19-е) начал вновь подготавливаться к переходу в наступление. Армавир был взят штурмом, опять с довольно значительными потерями, а по взятии его я вновь донес свои опасения за тыл – эти донесения также были оставлены без внимания (телеграммы №№ 329, 74/Б, 78/Б).

Сильно выдвинутая клином дивизия, занимавшая Армавир, была подвержена ударам глубоко в тыл, но с 6 (19) по 11 (24) сентября я не получил ни помощи, ни обеспечения с этой стороны. Если бы отряд полковника <Н.С.> Тимановского дан был мне 6-го (19-го) или 7-го (20-го) и тогда же даны были те пополнения, которые я получил лишь 12-го (25-го) и 14-го (27-го) – судьба Армавира, несомненно, была бы иная: подкрепление в момент успеха – громадная сила!

Уже 10 (23) и 11 (24) <сентября> определилось намерение противника совершить глубокий обход совместно с ударом вдоль железнодорожной линии Курганная – Армавир, а в это время я получил директиву продолжать наступление между Урупом и Кубанью...

11 (24) сентября я получил телеграмму, что в Кубанскую высылается батальон (?) 1-го Офицерского полка; но в каком составе и к какому времени сосредоточится на станции Кубанская, что прежде всего обязан был сообщить мне штаб – не было сказано ни слова.

Еще утром рано я послал телеграмму командиру батальона по прибытии в Кубанскую вести наступление вдоль Владикавказской железной дороги, чтобы совместно с конным полком и моим правым флангом разбить обходящую с севера колонну противника; получил от него в 12 часов 30 минут донесение, что он прошел через Гулькевичи и что у него 2¹/₄ роты – 370 штыков!

12 (25) сентября весь день противник ведет упорные атаки с юго-запада, запада и севера и очень скоро перерезает железную

дорогу; контратаками резервов на правом фланге нам удалось было отбросить противника и очистить полотно железной дороги севернее Армавира, но под давлением новых значительных сил пришлось отойти. К темноте новая большая колонна неприятеля обложила город уже и с юга, от берега Урупа, построив таким образом сплошной фронт до Кубани, и начала сближение для атаки на следующий день. Учитывая настроение войск, наличие всего трех рот резерва, не видя весь день и не считая уже возможным помощь с севера от упомянутых выше слабых сил 1-го <Офицерского> полка, я не считал возможным продолжать 13-го (26-го) оборонительный бой на столь растянутом фронте (более 12 верст), так как прорыв противника в город или к мосту повлек бы гибельные последствия и панический отход; решив удержать в своих руках часть города, я остальные силы увел в Прочноокопскую. Ваше Превосходительство, не имея возможности оценить обстановку на месте, признали отвод части сил преждевременным, я же, наблюдая вплотную все элементы, предпочел сделать это вынужденное сокращение фронта спокойно и в полном порядке без потерь, нежели ждать следующего утра, чтобы очистить Армавир при таких же обстоятельствах, при каких он был очищен в первый раз.

Только 14 (27) <сентября> около 11 часов я получил в Прочноокопской донесение полковника Тимановского, пересланное с офицером для связи, что он начал подход к станции Кубанской, имея два батальона, два орудия и три сотни (всего до 1400 бойцов), поступает в мое распоряжение и по окончании сосредоточения предполагает атаку. До получения Ваших приказаний я рассчитывал 13-го и 14-го (26-го и 27-го) дать частям совершенно необходимый им отдых, влить пополнения, заменить убывший командный состав, то есть выполнить те мероприятия, что необходимы для подъема моральных и материальных сил части. Не эти, однако, соображения, как бы они важны ни были, но полная физическая невозможность произвести своевременную перегруппировку и сосредоточение для совместной атаки противника с батальонами полковника Тимановского, вынудили меня немедленно ответить ему, чтобы он 13-го (26-го) в бой не ввязывался, дабы атаковать не раздельно, а совместно. Вы прислали мне резкую телеграмму, обвиняя меня в отмене Вашего приказания, но это неверно, ибо приказания Вашего я не мог отменить, так как о нем мне ровно ничего не было известно. Полковник Тимановский донес мне только, что он поступает в мое распоряжение, Ваша телеграмма 14-го (27-го) была показана пол-

ковнику Тимановскому, который ответил, что такого приказанья атаковать во что бы то ни стало 13-го (26-го) он не получал.

Последствия этой атаки доказали, что моя оценка обстановки была верной, так как по причине трудности связи мое приказанье не ввязываться самостоятельно в бой запоздало, и части полковника Тимановского, имея первоначально успех, были вскоре вынуждены к отходу, понеся чувствительные потери. Итак, приказанья Вашего я не отменял, но отдал то распоряжение, не прошедшее случайно в жизнь, которое вызывалось обстановкой и необходимостью которого для всех стала очевидной.

Я считал необходимым дать частям хотя бы сутки полного отдыха, который имел в виду использовать на влитие до 700 человек пополнений. Однако Вы приказали атаковать непременно 14-го (27-го). Я атаковал. Вел упорный бой, понес тяжелые потери и потерпел неудачу...

Не буду останавливаться на Михайловской операции, так как ответил достаточно подробно телефонограммой, повторю только, что выговор был сделан безо всякой вины, ибо директивы (т.е. распоряжения, указывающей основную идею, но не способ выполнения) я не изменял, но, вынужденный обстоятельствами изменить путь следования и пункт сосредоточения, из этого последнего предпринял операцию, завершившуюся, согласно Вашему желанию глубоким отходом противника и атакою его со стороны Курганной.

С 16 (29) августа дивизия вела целый месяц почти непрерывные бои, понесла около 1800 человек потерь (без 1-го Офицерского полка), т.е. больше 75% своего первоначального состава, одержала целый ряд успехов, но в последних неудачных кровопролитных боях при выполнении непосильных задач свела на нет все предыдущие успехи и достигла в конечном результате только одного – подняла моральное состояние врага, увидавшего, что он может успешно сопротивляться, и понизила свой собственный дух, потеряв веру в несокрушимость своих атак. В Самурском полку на почве неудач и утомления появилось много перебежчиков, чего раньше совершенно не было, и сейчас этот полк уже не внушает мне доверия – над ним необходима большая работа.

Я не «жаловался», как в Вашей телеграмме были названы мои доклады о положении дел. Выражаясь словами Суворова, «ближнему по его близости лучше видно», я оценивал правильно свои силы, переоцениваемые штабом армии, и силы противника, необходимые им. В результате этих условий я ясно видел слишком большую ве-

роятность неудачи, и если сама по себе неудача, как таковая, везде тяжела, то для нашей армии последствия ее много тяжелее: большевикам гораздо легче потерять тысячу человек, чем нам сто. Укомплектования поступают крайне туго, кроме того, неудачный бой – это потеря оружия, пулеметов, пополнения которых из армии мы почти не видим (за два месяца дивизия получила 300 винтовок). Строевые начальники обязаны дрожать над каждым человеком, над каждой винтовкой, иначе они останутся без войск; и если опасны слишком дорогие стоящие победы, то неудачи могут стоить армии. Впереди же, кроме освобождения Кубани, армии предстоит много более широкая задача – с чем пойдет она ее решать?

И тем не менее, как тяжело ни складывалась обстановка в дивизии, я похоронил бы в себе всю тяжесть опасений за исход операции и ее последствия, если бы не видел иного, находившегося всецело в Ваших руках, выхода из положения. Например, в бою под Белой Глиной я скрыл от Вас то крайне тяжелое положение, в котором оказалась дивизия, так как знал, что Вы уже ничем помочь мне не могли, под Усть-Лабой, когда положение одно время было очень серьезно, я также не доносил Вам всего – тогда я считал вредным для дела беспокоить Вас, ибо резерв, бывший в Вашем распоряжении, нужно было хранить для более опасного направления.

Но в Армавирской операции дело обстояло совершенно иначе. Задача, возложенная на дивизию, не соответствовала ее силам, неудача была весьма вероятна. Между тем я знал, что в то время, когда утомленная дивизия истекала кровью в непрерывных тяжелых боях, два сильных и свежих полка оставались в резерве, свободные от прямой задачи – борьбы с большевиками. В то же время я видел возможность достигнуть несомненных успехов, собрав кулак из главной массы армии путем подтягивания всех наличных резервов и усиления ударной группы за счет временного ослабления других фронтов, чтобы рядом последовательных, действительно сокрушительных ударов уничтожить отдельные группы врага. И как ни дорого нам время, но всегда считал, что лучше на два дня позже победить, нежели дать бой на два дня раньше и потерпеть неудачу.

Вот почему, находясь все время среди войск, видя большую вероятность неуспеха в предписанной мне операции и сознавая в то же время возможность полной удачи при иной группировке сил, я считал своим долгом настойчиво и выпукло, в то же время совершенно точно, без преувеличений очерчивать в своих донесениях действительную обстановку в дивизии. К сожалению, моим докладам не бы-

ло оказано того доверия, которое я заслужил своей безукоризненной репутацией на войне и своим историческим подходом.

Жаловаться я не привык и никогда не жаловался ни на какие опасности и лишения более, чем за пять лет, проведенные мною на двух последних войнах. А если иные начальники иначе доносили, то это их дело и их ответственность (хотя донесения одного из начальников дивизии были аналогичны моим), но захлебнувшееся наше наступление на всех главных фронтах армии и последние неудачи во всех дивизиях доказывают, на мой взгляд, правильность моих действий.

Перейдя к вопросу собственно выговоре, я позволю себе напомнить следующее:

Ко времени присоединения моего отряда к Добровольческой армии состояние ее было бесконечно тяжело – это хорошо известно всем. Я привел за собой около 2½ тысяч человек, прекрасно вооруженных и снаряженных с большой артиллерией, броневиками, аэропланами (один готовый), автомобилями, радиотелеграфом, дал армии более 8 тысяч снарядов, 200 тысяч патронов, более 1000 винтовок (перечисляю главнейшее). Учитывая не только численность, но и техническое оборудование и снабжение отряда, можно смело сказать, что он равнялся силой армии, причем дух его был очень высок, и жила вера в успех.

В истощенный организм была влита новая свежая кровь.

Я не являлся подчиненным исполнителем чужой воли, только мне одному обязана Добровольческая армия таким крупным усилением. Все, стоявшие в Яссах у дела формирования добровольческих частей, отреклись от них, настаивали на роспуске и разоружении, называли мой подход безумием и авантюрой, подстрекали моих подчиненных к оставлению рядов. Я один имел смелость поставить себе целью этот поход, силу воли довести дело до успешного конца и умение выполнить его среди многих опасностей и политических осложнений.

От разных лиц, среди которых есть и теперь играющие крупную роль в общем ходе событий, я получал предложения не присоединяться к армии, которую считали умирающей, но заменить ее. Агента моя на юге России была так хорошо поставлена, что если бы я остался самостоятельным начальником, то Добровольческая армия не получила бы и пятой части тех укомплектований, которые хлынули потом на Дон. Всем известная честность моих намерений и преданность делу России обеспечивали бы мне успех развертывания. Но, считая преступлением разъединять силы, направленные к одной

цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного честолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы. Правда, я тогда был далеко от мысли, чтобы штаб вверенной Вам армии мог позволить себе такое отношение ко мне, с коим пришлось познакомиться последние два месяца (не исключая инсинуаций и клеветы, чему имею факты и, если угодно, доложу). Присоединение моего отряда дало возможность начать наступление, открывшее для армии победную эру. И не взирая на эту исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а быть может и спасения ее от умирания, не взирая на мои заслуги перед ней, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения, не задумались нанести оскорбление человеку, отдавшему все силы, всю энергию и знания на дело спасения родины, а в частности – и вверенной Вам армии.

Мне не придется краснеть за этот выговор, ибо вся армия знает, что я сделал для ее победы.

Для полковника Дроздовского найдется почетное место везде, где борются за благо России. Я давно бы оставил ряды Добровольческой армии, так хорошо отплатившей мне, если бы не боязнь передать в чужие руки созданное мной.

Не могу не коснуться еще одного вопроса, который не имеет прямого отношения к содержанию этого рапорта, но очень болезненно отражается на духе войск. За последнее время к частям предъявлялись крайне повышенные боевые требования, ставились тяжелые задачи: «во что бы то ни стало», «минуя все препятствия». И, имея достаточно средств, войска, ценою больших жертв, по мере возможности выполняли свои задачи. Но если признано возможным предъявлять строевым частям такие требования, которые нередко превышают их силы, почему же к органам, обслуживающим и снабжающим армию, не предъявляют таких повышенных требований. Почему от них не требуется исключительной энергии, исключительных знаний, исключительной изобретательности и работоспособности. Мы по-прежнему испытываем крайнюю нужду в снарядах и патронах и за недостаток их платим кровью; не хватает обмундирования и сапог. Состояние санитарной части ужасно – засыпан жалобами на отсутствие ухода, небрежность врачей, плохую пи-

щу, грязь и беспорядок в госпиталях. Проверьте количество ампутаций после легких ранений – результаты заражения крови, что при современном состоянии хирургии является делом преступным; в моей дивизии за последнее время целый ряд офицеров с легкими ранами подверглись ампутации или умерли от заражения крови. Врачи остаются безнаказанными, мне известен случай занесения заразы при перевязке в госпитале; за это врач был только переведен на фронт. Я доносил Вам о смерти штабс-капитана <В.Н.> Ляхницкого из-за небрежности врача; он остался безнаказанным. Стон идет от жалоб на санитарную часть, но никто за это не отвечает. Когда приходится знакомиться с жизнью и работой довольствующих органов армии – поражаешься этой рутинной, бумажностью, индифферентным отношением к войскам. Если исключительное напряжение в работе требуется от войск, так пусть же такую же энергию проявят те органы, которые их обслуживают и сами дани крови не несут.

Великая Русская армия погибла от того, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было все благополучно, и удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить.

Неужели и Добровольческая армия потерпит крушение по тем же причинам?

Полковник <М.Г.> Дроздовский

**ОТВЕТ НА РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА
3-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИКА
М.Г. ДРОЗДОВСКОГО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА
И.П. РОМАНОВСКОГО⁵²**

Начальник штаба
Главного командующего
Добровольческой армии
9 (22) октября 1918 года
№ 01955 г. Екатеринодар

М.Г. Дроздовскому,
начальнику 3-й дивизии
Секретно
В собственные руки

Милостивый государь Михаил Гордеевич!

Ознакомившись с Вашей телеграммой № 670, Главного командующий не пожелал читать рапорта Вашего от 27 сентября (10 октября) с.г. за № 027.

Что касается меня, то я не считаю возможным вступать с Вами в переписку по поводу затронутых Вами вопросов, но требую, чтобы Вы совершенно определенно указали <на> факты клеветы и инсинуации по отношению к Вам со стороны вверенного мне штаба.

*Уважающий Вас,
И.П. Романовский*

ЗАПИСКА ОФИЦЕРА-ДРОЗДОВЦА ПО РАПОРТУ ПОЛКОВНИКА ДРОЗДОВСКОГО ОТ 27 СЕНТЯБРЯ (10 ОКТЯБРЯ) 1918 года⁵³

Предлагаемый читателям и исследователям документ относится к концу сентября 1918 года, времени, когда всем казалось, что Добровольческая армия начинает завоевывать прочное положение на исторической арене.

Этот документ – рапорт полковника Дроздовского (начальника 3-й дивизии Добровольческой армии) на имя Командующего Добровольческой армией – был подан 28 сентября 1918 года в ответ на телеграмму генерала Деникина, в которой Командующий Добровольческой армией выражал свое неудовольствие по поводу нерешительного образа действий и медлительности 3-й дивизии в Армавирской и Ставропольской операциях.

По первому ознакомлению с документами читатель выносит впечатление, что документ пропитан желчью и является лишь отповедью человека с большим и больным самолюбием, отповедью на незаслуженную обиду.

Несмотря на то, что телеграмма Командующего Добровольческой армией была шифрованной, а рапорт начальника 3-й дивизии был секретным, как и ответ на него начальника штаба Добровольческой армии, слухи о каких-то неладах между генералом Деникиным и полковником Дроздовским проникли в широкие слои как тылового офицерства, так и офицеров 3-й дивизии.

Эти слухи породили массу версий – из них две версии заслуживают нашего внимания.

В кругах, близких к штабу Добровольческой армии, говорили, что Дроздовский, быть может, и сделал в свое время большое дело, но что к осени 1918 года, он уже выдохся, что лавры людей Ледяного похода ему не давали спать, что он интриган, так как ведет интриги против штаба Добровольческой армии, и что он в душе хотел

бы быть во главе всего добровольческого движения. Имели ли эти слухи основания и были ли о полковнике Дроздовском такого мнения генерал Деникин и генерал Романовский – я не знаю, и скорее склонен думать, что нет. Но факт был налицо в том отношении, что 3-я дивизия в штабе армии была пасынком, как в смысле пополнения людьми, так и в смысле пополнения материальной частью. Я лично полагаю, что причина этому была совершенно другая. Штаб Деникина в то время состоял почти исключительно из первопоходников, которые делили всех людей на две категории, на своих, то есть «первопоходников», и других, пришедших в армию позже. В причинах, почему они пришли позже, конечно, никто не разбирался, но почти всех позже пришедших считали чем-то в роде париев. Их не назначали на ответственные должности или предлагали идти в строй рядовыми бойцами, или держали в резерве армии. Всякий, кто бывал в Екатеринодаре в эти дни, отлично помнит, что встречали большое количество генералов с большим именем в Великую войну сидящими без дела и вместе с тем встречали бездарных мальчиков на ответственных постах, замечательных только тем, что они первопоходники. Я думаю, что теперь всем ясно, что пребывание на посту генерал-квартирмейстера полковника <Д.Н.> Сальникова* и на посту начальника санитарной части <Н.М.> Родзянко** – дорого стоили Добровольческой армии.

В среде офицеров 3-й дивизии слухи о трениях между полковником Дроздовским и генералом Деникиным выродились в другую форму. Офицерство очень любило как генерала Деникина, так и полковника Дроздовского. Во мнении офицеров оба исторических лица были окружены ореолом личной храбрости и обоих считали людьми, поставившими себе идеалом жизнь для Родины только и для освобождения от ига большевиков.

Поэтому они не могли себе представить, что у таких преданных

* **Сальников Дмитрий Николаевич (ок. 1884–1945).** Полковник. Участник 1-го Кубанского похода. Летом 1918 года – исполняющий должность генерал-квартирмейстера Добровольческой армии. Осенью 1918 – весной 1919 года – командир 1-го Офицерского полка (не был принят личным составом, вынужден был уйти). Позднее – на восточном фронте белой борьбы.

** **Родзянко Николай Михайлович (1888–1941).** Участник 1-го Кубанского похода, начальник санитарной части в армейском лазарете. В декабре 1918 года – начальник санитарной части Добровольческой армии. С января 1919 года – в резерве чинов.

одной идее и одному делу людей могут быть разногласия. Но в Добровольческой армии вообще, и в 3-й дивизии в частности, почему-то очень не любили генерала И.П. Романовского. Широкие массы офицерства его считали «злым гением» армии. Его обвиняли во всех неудачах, как политических, так и военных.

Естественно, поэтому, молва сейчас же нашла виновного в охлаждении отношений между генералом Деникиным и полковником Дроздовским. Таким посчитали генерала Романовского и начали упорно говорить, что генерал Романовский по приказу масонских организаций решил добиться увольнения из армии полковника Дроздовского. Сейчас же нашлись молодые, буйные головы, которые поверили этой молве и решили защищать ими боготворимого полковника Дроздовского от происков «злого гения». У этих людей, охотно жертвовавших своею жизнью для Родины, но отравленных Гражданской войной, было очень легкое, если так можно выразиться, отношение к цене человеческой жизни. Поэтому их решение было донельзя простым. Для пользы Родины, для защиты Дроздовского, который уже в опасности, надо убить генерала Романовского. С этим готовым решением они обращались не раз к полковнику Дроздовскому, прося его санкции. Автор этой записки был неоднократным свидетелем того, как полковник Дроздовский увещевал эти буйные головы, не останавливался даже перед решительными мерами. Он внушал им и внушил всю мелкость их замысла и всю неосновательность доказательств того, что генерал Романовский – «злой гений» армии. Молва временно затихла, и «заговорщики» уверились в своей абсурдности.

Но после ранения полковника Дроздовского (31 октября (13 ноября) 1918 года под Ставрополем), казалось, легкого, но перешедшего затем в смертельное, постепенное и медленное заражение крови, слухи опять поползли о «злом гении», и у поклонников Дроздовского появились мысли об отмщении. «Злого гения» обвинили в том, что благодаря его проискам Дроздовский был помещен в Екатеринодарский госпиталь Красного Креста, который был в ведении врача (еврея) Плотникова*. Говорили, что Плотникову Романовский поручил резать смертельно Дроздовского – Плотников получает крупную сумму денег и заграничную командировку. Случайное совпадение во времени отъезда Плотникова, сейчас

* Написание фамилии в документе. В других источниках фамилия этого врача пишется Плоткин. – *Р.Г.*

же после смерти генерала Дроздовского не могло не показаться странным людям неуравновешенным, мечтавшим об отмщении их вождя. Но и на этот раз лицам, стоявшим близко при жизни к покойному генералу Дроздовскому и высоко чтивших его память, удалось остановить беспокойных и внедрить в их буйные головы неосновательность их предложений и преступность бессмысленную их мщения.

Насколько известно автору этих строк, все, мечтавшие о мщении, поклялись именем Дроздовского мстить действительным виновникам смерти своего вождя – большевикам.

Мне кажется, что клятва эта была выполнена, так как, насколько я знаю, почти вся молодежь, вышедшая с Дроздовским из Румынии, погибла на полях смерти. Во всяком случае, все эти бесшабашные молодые головы, которые твердили об отмщении Дроздовского.

Когда же после убийства (март 1919 года) генерала И.П. Романовского в Константинополе вновь уже в Крыму поползли слухи об исполненном отмщении, то это были уже слухи, не имевшие никакого основания.

Время вообще лучший исцелитель в жизни тем, что все постепенно забывается.

В период же Гражданской войны события, идущие непрерывной чередой, более быстрым темпом отсылают еще скорее прошлое в анналы истории. Конечно, память Дроздовского останется вечной и священной для среды русского офицерства, каковой она и была, но текущие события всегда доминируют.

В данном случае дивизии Дроздовского непосредственно за его смертью пришлось вместе с другими частями Добровольческой армии вести упорные длительные бои в Угольном районе, а затем в районе Харькова, где жизнь выдвигала другие вопросы и каждый день боя вынуждали сильно редеть и так уже немногочисленные ряды старых дроздовцев.

Из непрерывного общения и бесед с оставшимися в живых стариками-дроздовцами я вынес твердое впечатление, что убийство генерала Романовского ни в коем случае не может быть пятном на имени дроздовцев.

Многим покажется странным, что в настоящей записке я касаюсь вопроса не по существу рапорта полковника Дроздовского.

Я не освещаю вопросов, затронутых самим Дроздовским намеренно, они достаточно разобраны и освещены в воспоминаниях генерала Деникина и в других исторических материалах.

Настоящей запиской я бы хотел подтвердить еще раз тот факт, что действительно был период, когда существовали трения между полковником Дроздовским и генералом Деникиным и Романовским. Эти трения, как видно из подлинных документов, не носили характера личного соперничества, а теперь, в освещении даже небольшого промежутка времени, легко объясняются самими условиями Гражданской войны.

Все же слухи и сплетни о «злом гении» и о его убийцах имели в своем основании необдуманно фразы пылкой молодежи, а не действительную вражду между двумя ныне уже мертвыми генералами Романовским и Дроздовским.

И если в будущем исследователю будут попадаться материалы, в которых слухи о вражде между двумя генералами будут основываться на неизвестной секретной переписке между ними, то изучение прилагаемых документов покажет всю неосновательность их.

И это изучение рапорта полковника Дроздовского послужит лишним раз доказательством той высокой доблести, какую проявляли дроздовцы, а значит и все другие части Добровольческой армии (обстановка была одинакова), в своей героической борьбе с большевиками, несмотря на уродливость условий и форм, с точки зрения военной науки, в каких протекала Гражданская война.

Июль 1925 года

СТАТЬЯ М.Г. ДРОЗДОВСКОГО⁵⁴ «РОССИЯ ИЛИ КОМИССАРИЯ»*

Туманом сырым и холодным повеяло от статьи господина Накатова «Там и здесь». Мы не знаем, от имени каких офицерских кругов Москвы и Петрограда говорит господин Накатов, но мы слишком хорошо знаем все русское офицерство, его достоинства и

* «В мае 1918 года в Ростове появилась статья господина Накатова «Там и здесь», в которой говорилось о мотивах, заставляющих офицеров Москвы и Петрограда вступать в ряды Красной армии, и об их единомыслии с офицерами Добровольческой армии. Статья эта вызвала большой шум и газетную полемику, в которой принял участие и М.Г. Дроздовский. Его открытое письмо было напечатано в «Приазовском Крае». Приводим его здесь полностью». – Предисловие к статье составителей «Дневника» М.Г. Дроздовского.

недостатки, его душу и мозг, его настроения и надежды. И мы удостоверяем, что отнюдь не патриотизм, не стремление к Единой и Великой Руси толкнуло офицеров в ряды красногвардейцев и красноармейцев, ибо для всех ясно, что большевизм и именно только советская власть явилась главным, почти единственным фактором расчленения России; большевистские совершенно неприемлемые формы жизни, проводимые теперь в центре России, оттолкнули от нее области, в которых власть комиссародержавия удалось свергнуть, и что именно поддержкой комиссаров, попытками продлить агонию их власти сильнее вколачиваются расчленяющие Россию клинья, углубляется процесс самоопределения. Смешно искать объединения Руси поддержкой большевизма.

Если, вступая в ряды ленинских воителей, офицеры, внося туда тень порядка, хотя немного продлят агонию умирания Красной армии, то этим они совершат одно из роковых преступлений момента.

Оставим лучше красные слова – их цену мы узнали тяжким опытом; не верим мы также фиговым листкам, и не считаем отнюдь ни петроградских, ни московских офицеров – мальчиками несмышленными, не ведающими, что творят.

И если отдельные, единичные офицеры, вступающие в красные ряды по особым соображениям, которых мы здесь не касаемся, и там творят великое русское дело, то вся масса ленинских офицеров не во имя Родины и патриотизма, не в защиту неделимой России пошла туда, а из эгоистических мотивов – сохранить свою жизнь и здоровье от гонений, в поисках, где безопасней, и ради права на сытое и беззаботное, хорошо оплачиваемое житье.

Большевизм – это смертельный яд для всякого государственного организма, и по отношению к комиссарии не остается никакой другой политики, кроме войны и отчуждения. И если они, ваши офицерские круги, господин Накатов, действительно патриоты, так пусть же свергнут и скорее большевистскую власть, установят как угодно правовой порядок, и пусть тогда спрашивают: «как веруеши».

Но совсем уже странно сравнение офицеров, идущих под интернациональным красным флагом, с добровольцами, осененными трехцветным знаменем «Всея Руси», которое так дорого нам. Кроме этого знамени, у нас не осталось ничего, даже клочка своей земли для наших могил, но тем сильнее наша любовь к нему, тем непреклоннее воля в борьбе. Большевизм лишил нас отечества, на-

родной гордости, и мы объявили ему за то беспощадную борьбу на смерть, а не на жизнь. И пока мы не свергнем власти комиссаров, мы не вложим своего меча в ножны; и если не казачьи шашки скрестятся с красноармейскими, то, уж во всяком случае, скрестятся с их штыками наши добровольческие штыки; но никогда и никогда не назовем мы большевистское оружие «братским».

Мне хотелось бы, чтобы все ясно поняли мою мысль: пока царствуют комиссары – нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. Это наш символ веры.

Не мщение, а государственная необходимость ведет нас по пути борьбы; мы знаем меру ответственности, и если вождям и деятелем большевизма нет ни прощения, ни пощады, то рядовым борцам, отрехшимся во имя родины от прежних преступных заблуждений, мы найдем место в наших рядах. Пусть забудут они свой мелкий эгоизм, подчинять свои классовые интересы патриотизму, и мы сумеем тогда забыть, как бы то ни было трудно, все перенесенные оскорбления и все испытанные мучения...

Через гибель большевизма к возрождению России – вот наш единственный путь, и с него мы не свернем. Кто поддерживает комиссарскую «армию», тот не защищает, а губит Россию, тот враг нам, враг до конца.

Бесполезны здесь лукавые изъяснения – они не обманут никого.

М.Г. Дроздовский
1918 год

ПРИГОВОР СБОРА СТАНИЦЫ ИЛЬИНСКОЙ О ПРИНЯТИИ М.Г. ДРОЗДОВСКОГО В ЧИСЛО ПОЧЕТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ⁵⁵

Приговор № 37*

1918 года июля 22-го мы, нижеподписавшиеся выборные и должностные лица, составлявшие станичный сбор станицы Ильинской Кавказского отдела Кубанской области, сего числа на своем станичном сборе в числе 72 человек составлявших более 2/3 из об-

* На документе печать штаба 3-й бригады Добровольческой армии. Получено 30 августа 1918 года № 597.

щего числа 105 человек всех выборных, имеющих право голоса на станичном сборе, в присутствии нашего станичного атамана урядника Егора Алексеевича Стрельникова, где с общего нашего согласия постановили: в ознаменование события свержения на родной нашей Кубани советской власти доблестной Добровольческой армией и освобождения нашей станицы от большевистского ига принять в среду своих жителей почетным членом полковника Дроздовского с его семейством с правом землепользования с нашим казачьим населением.

Для представления настоящего приговора через господина атамана Кавказского отдела по принадлежности по указанию последнего уполномочить из среды своего станичного сбора Якова Солодухина и Григория Болдырева.

*Атаман станицы Ильинской
Стрельников*

**ТЕЛЕГРАММА КОМАНДУЮЩЕГО
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА
А.И. ДЕНИКИНА О ПРОИЗВОДСТВЕ
М.Г. ДРОЗДОВСКОГО В ГЕНЕРАЛЫ⁵⁶**

Командующий
Добровольческой армией
12 (25) ноября 1918 года
№ 145

Его Превосходительству
М.Г. Дроздовскому,
начальнику 3-й дивизии

Многоуважаемый Михаил Гордеевич!
Считаю своим долгом поздравить Вас с производством в генерал-майоры, давно уже Вами доблестно заслуженным.

Уважающий Вас А. Деникин

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ ОБ М.Г. ДРОЗДОВСКОМ

А.М. ДРАГОМИРОВ
ПУТЬ СЛАВЫ И ЧЕСТИ⁵⁷

*«Истинно велик тот, кто не поднимается без достаточной причины,
но, раз поднявшись, идет навстречу неизвестному будущему,
оставив всякую мысль о последствиях»*

Из давно забытых афоризмов

Кому ныне не известно имя генерала Михаила Гордеевича Дроздовского? А между тем десять лет тому назад, на фронте мировой войны лишь кругу его ближайших соратников было известно, какие богатые силы духа таил в себе этот человек, обретший венец бессмертия и вечной славы.

Наименование «Дроздовец» стало однозначным с самыми высокими понятиями о воинской чести и доблести. Оно является символом для всех, кто ставит интересы своей Родины выше личных благ, кто не мыслит возможности личного счастья без счастья и благополучия своего отечества. «Дроздовец» – это тот, кто в минуту полного помрачения народного рассудка, – когда руками русского народа беспощадно, с дьявольским злорадством, уничтожалось все, что с таким трудом и упорством в течение многих столетий создавалось бесчисленными миллионами его предков, – не усомнился в своем народе и поднял знамя борьбы за те вековые идеалы, на которых испокон веков созидалось Русское Государство. Что могло быть безнадежнее и безотраднее той общей разрухи и растерянности, того презренного шкурничества и явного предательства, той полной атрофии воли к борьбе, при которых Михаил Гордеевич начал свою работу?

На всем громадном 1600-верстном фронте, кишевшем воинами всех рангов и положений, нашелся только один человек, у которого хватило мужества взвалить на свои слабые плечи такую безмерную ношу и донести ее до конца, не взирая на все стоявшие по пути трудности.

Сила духа и глубокая вера в правоту своего дела взяли верх над всеми материальными преградами. Высокий идеализм победил низкое шкурничество.

Так бывало всегда в истории человечества; так будет и у нас на Родине...

В этом заключается глубочайший смысл подвига М.Г. Дроздовского, как и вообще всего добровольческого движения.

Такое движение, раз зародившись, духовно никогда больше умереть не может...

При поверхностном наблюдении над такими катастрофическими потрясениями, какими являются в жизни народов революции, создается впечатление, будто народные массы в стремлениях создать новую жизнь совершенно отрываются от своих корней, от исторических основ своего существования, и становятся на совершенно новый путь, на котором нет больше места старым идеалам.

Если бы такое явление произошло, то оно неизбежно привело бы к исчезновению с лица земли данной нации как единого политического целого и как носительницы определенной исторической идеи. Подобная участь, по счастью, для России, ей не угрожает. Вся ее предшествовавшая история дает многочисленные свидетельства совершенно исключительной стойкости русского народа в отстаивании его исторических идеалов. Основываясь на них, он находил путь спасения из самых невероятных потрясений. Самые глубокие падения народного духа неизменно сменялись высочайшим подъемом жизненной энергии, вновь выводившим нашу Родину на торный путь.

Страдная, тысячелетняя история русского народа обратила его подсознательный мир в такой могучий, незыблемый монолит, который способен противостоять таким бурям и потрясениям, каких не выдержал бы никакой другой народ.

Все это теперь – после упорного 10-летнего сопротивления нашего народа коммунистическому опыту, из которого он выходит несомненным победителем – стало очевидным для всех. В начале же 1918 года, когда М.Г. Дроздовский начинал свое патриотическое дело, оно было доступно пониманию только немногих избранных.

Много нужно было силы духа, независимости суждения, а главное – горячей веры в живую честь и в государственный смысл русского народа, чтобы не поддаться общему наваждению и твердо провозгласить верность его исконным идеалам. Нужна была глубокая проникновенность в основы духа, глубокая вера в то, что, несмотря на все тревожные симптомы, болезнь его – лишь временный недуг, из которого он выйдет очищенным и обновленным для жизни, исполненной правды, чести и достоинства, приличествующей великому народу.

Громадная заслуга Добровольчества заключается именно в том, что оно ни на одно мгновение в этом не сомневалось. Горячо любя свой народ, болея за него душой и веря в его творческие силы, оно на знамени своем начертало верность вековым историческим заветам, отлично сознавая, что, рано или поздно, они будут воскрешены, и что только в них русский народ может вновь обрести свое историческое лицо; только поставив их в основание своей будущей жизни, может он выйти из той трясины в которую вовлек его гнусный обман вождей революции.

И в этом Добровольчество не ошиблось...

Все происходящее ныне у нас на Родине с очевидностью указывает, что революционный угар уже изжил Народ Русский, в нечеловеческих усилиях, в незаметной борьбе, сбрасывает с себя чужие ему оковы коммунистического ада и медленно, но твердой стопой, выходит на свой исконный исторический путь, воскрешая свои многовековые идеалы, очищая их от скверны, наложенной на них революцией.

И нет той силы на земле, которая могла бы теперь остановить это стихийное, подлинно Русское движение...

Прочь с дороги! Русский Народ идет занять свое место под солнцем, добытое тяжкими трудами и кровью миллионов его предков... Этого места он больше никому не уступит...

Вы, дроздовцы, с гордостью можете смотреть на это торжественное возвращение русского народа в свой отчий дом. Начальные шаги были сделаны вами. Вы одни из первых проложили к нему тропу, которая ныне уже обратилась в широкий национальный большак.

Но за вами еще долг...

Такие, как вы, на полпути не останавливаются.

Вам предстоит впереди еще большая роль по возвращению Русской армии, возрожденной после освобождения от красного кошмара ее души, вытравленной и выжженной забвением Бога, гнусной пропаганды III Интернационала и разрыва преемственной связи с ее славным боевым прошлым, с заветами наших предков, веками ковавших военную мощь Государства Российского.

Вам, уже совершившим высокий моральный подвиг, предстоит еще довести его до конца перенесением в будущую Русскую армию заветов вашего доблестного Вождя М.Г. Дроздовского, указанных в его бессмертном приказе 25 апреля (8 мая) 1918 года, по окончании вашего легендарного похода из Ясс в Новочеркасск.

«Теперь я призываю вас всех обернуться назад и вспомнить все колебания и сомнения первых дней, все нашептывания и запугивания окружавших вас малодушных.

Пусть же послужит вам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела... Будем и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело цели и стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славу и гибель позорному отказу от борьбы; другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим сою шкуру».

Он же указал всем нам, на вечные времена, – в чем заключается наш долг военных, от которого только смерть может нас освободить. Посланное им в тот же день 25 апреля Командующему Добровольческой армией донесение, в котором этот рыцарь долга и чести показал себя во весь рост, гласило:

«Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... Отряд утомлен непрерывным походом... но, в случае необходимости, готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний...»

А.А. фон ЛАМПЕ
ИЗ ПРОШЛОГО⁵⁸

Осень 1916 года, Лесистые Карпаты...

Фронт 28-го армейского корпуса...

На левом крыле корпуса, получившего задачу сбить противника и прорваться на шоссе Кимполунг – Мармарош Сигет, с целью форсировать перевал у Прислопа и вторгнуться в пределы Венгрии – наступают 64-я и 41-я пехотные дивизии.

Главный удар ведет 64-я дивизия: перед ней стоит задача почти что лобовой атакой сбить противника с высоты Капуль и, пользуясь тем, что высота эта командует всей местностью, вплоть до желанного перевала – скатиться в тыл австрийцам, сдерживающим правый и левый фланги наступающего корпуса.

Задача почетная, но трудная! Лесистые Карпаты ставят так много препятствий на каждом шагу наступающих войск...

Название высоты известно всем – на нее устремлены взоры атакующих ее полков, о ней знают и помнят все до Ставки Верховного включительно!

Душа наступающей дивизии, начальник ее штаба полковник Михаил Гордеевич Дроздовский.

Упорный, настойчивый, энергичный, истый военный по своим взглядам и стремлениям, он понимает важность полученной задачи, понимает значение уже давно маячившей перед его глазами горы Капуль. И, судя по всем его распоряжениям, он твердо решил, что задача, поставленная дивизии, будет выполнена.

Несколько дней бились части дивизии с недоступной вершиной и, наконец, вечером в штаб корпуса пришло донесение, подписанное полковником Дроздовским: гора Капуль занята частями дивизии!

Все, кто переживал минуты успеха на фронте Великой войны, поймут состояние войск, настроение штаба дивизии, во главе которого стоял полковник Дроздовский, настроение штаба корпуса, принявшего желанное донесение...

В очередной вечерней сводке штаба, занятие горы Капуль, конечно, стало на почетное место, радостное сведение полетело вверх, к Верховному Главнокомандующему...

Я замещал отсутствующего начальника штаба корпуса. Поздно ночью меня разбудили и потребовали к телефону; звонил начальник штаба 64-й пехотной дивизии...

«Вчера вечером произошла ошибка; несмотря на все мои предупреждения о возможности ее, войска не разобрались на месте и донесли о взятии горы Капуль. По австрийской карте не видно, что Капуль состоит из нескольких вершин, и в наши руки перешла только одна из них, и, к сожалению, не главная. Я знаю, что донесение о занятии Капуль уже послано, но доложите командиру корпуса, чтобы он не беспокоился, – гора Капуль будет взята!»

Зная полковника Дроздовского, я не сомневался, что Капуль будет в наших руках или... едва ли мне придется еще раз говорить с Михаилом Гордеевичем! Он принадлежал к числу тех людей, которые знают цену своему слову и менее всего ценят самих себя!

На рассвете полковник Дроздовский сдержал свое обещание – взяв батальон одного из наименее пострадавших полков дивизии, он лично повел его в атаку, сумел воодушевить его на подвиг, сумел передать ему свою энергию и решимость и стремительной атакой овладел главной высотой горы Капуль!

В обнародованной наутро сводке штаба Верховного Главнокомандующего, гласившей о том, что «в Лесистых Карпатах одной из наших славных пехотных дивизий, после упорных боев, захвачена командующая перевалом в Венгрию гора Капуль» – никакой ошибки не было!

Честь и доброе имя дивизии были спасены начальником ее штаба. А сам он? Шальная пуля противника, ожесточенно обстреливавшего сбивших его с высоты русских, пробила руку полковника Дроздовского, и, несмотря на всю его выдержку, ему пришлось покинуть и пошедший за ним батальон, и обагренную его кровью высоту!

Как и всегда бывает на войне, выход из строя сильного начальника подействовал на войска, заменить его оказалось делом слишком трудным, и злополучный Капуль, оставленный нашими войсками, на следующий день опять был занят противником!

Подвиг полковника Дроздовского, казалось, остался безрезультатным! Но разве не такими поступками закаляются войска, разве не люди, подобные Дроздовскому, столетиями вели русскую армию к победам! Если гора Капуль в конечном счете не осталась за нами, то как учесть всю меру морального воздействия и воспитательного значения, которое имел подвиг начальника штаба и на офицеров, и на войска дивизии!

Но меня предчувствие мое, к сожалению, не обмануло – никогда больше мне не пришлось говорить с Михаилом Гордеевичем; ко времени его возвращения в строй 64-я пехотная дивизия уже вышла из состава нашего корпуса, и встреча наша произошла в бесконечно грустной обстановке, в числе многих других я провожал его гроб на кладбище героев – в собор в Екатеринодаре, откуда останки его были спасены от поругания русских людей, верностью его Дроздовцев!

И. ГОРЯИНОВ

ПАМЯТИ БЕЛОГО РЫЦАРЯ⁵⁹

*«Через гибель большевизма – к возрождению России.
Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем»*

Генерал М.Г. Дроздовский

1 января 1919 года в Ростове-на-Дону скончался от заражения крови верный сын России, подлинный белый рыцарь – генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский.

Вся жизнь Михаила Гордеевича Дроздовского – пример для всех нас, русских людей, как нужно любить свою Родину, бескорыстно, жертвенно служить ей, отдавая все силы и самую жизнь за Славу и Величие России.

Михаил Гордеевич родился в Киеве 7 октября 1881 года. Его отец – генерал-майор Гордей Иванович Дроздовский – был участником героической Севастопольской обороны. Михаил Дроздовский отличался ранним развитием, самостоятельностью, наряду с необыкновенной любознательностью и крайней нервностью. С раннего детства выступила характерная черта Дроздовского, прошедшая потом через всю его жизнь – одиночество, замкнутость, правдивость и бесстрашие... Он страстно любил слушать солдатские рассказы о войнах, о полковой жизни, а поэтому предпочитал общество солдат своим сверстникам... Воспитывался он в Киевском Владимирском кадетском корпусе, который и окончил в 1899 году. Затем – Павловское военное училище, из которого был выпущен в 1901 году в Лейб-Гвардии Волынский полк в Варшаве. Строевая служба офицера в одном из лучших гвардейских полков захватила целиком Михаила Гордеевича. В то же время он понял необходимость пополнить свое образование. Война с Японией зажгла военным огнем такого убежденного строевика, каким всегда был Михаил Гордеевич. Он на практике изучил военное дело, участвуя в рядах 34-го Сибирского стрелкового полка в боях. Получил ряд боевых отличий. В бою под Ляояном был ранен в ногу. По окончании войны Михаил Гордеевич вновь возвратился в Академию, которую окончил в 1908 году. Ценз командования ротой он отбыл в родном ему Лейб-Гвардии Волынском полку. Затем – служба офицером Генерального штаба, сначала в Харбине, а затем в штабе Варшавского военного округа.

В 1913 году капитан Дроздовский добился командировки в Севастопольскую авиационную школу, где изучил воздушное наблюдение.

В начале Великой войны капитан Дроздовский получил назначение в штаб Главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Штабная служба не удовлетворяла такую живую и деятельную душу, как Михаил Гордеевич. Осенью 1915 года он был произведен в подполковники и назначен начальником штаба 54-й пехотной дивизии. Наконец-то открылись какие-то возможности проявить свою инициативу... Для характеристики деятельности подполковника Дроздовского в этом периоде, приведу следующие два эпизода. Во время ночного отступления корпуса мост через реку был внезапно захвачен немецкой конницей, что поставило отступающие части в безвыходное положение. Получив донесение о захвате немцами переправы, подполковник Дроздовский наскоро собрал находившихся вблизи штаба солдат и бросился отвоевывать мост. Нем-

цы были выбиты, и до утра подполковник Дроздовский занимал переправу, а утром возвратился в штаб дивизии и приступил к текущей оперативной работе. Другой раз, руководя атакой в сентябре 1916 года и достигнув полного успеха, подполковник Дроздовский был тяжело ранен в правую руку, нормально владеть которой он уже не мог до конца. Только в январе 1917 года Михаил Гордеевич смог вернуться в строй, и, произведенный в полковники, был назначен начальником штаба 15-й пехотной дивизии. Он мечтал получить полк... Так застала его революция, которая, по мнению полковника Дроздовского, вела к гибели России.

6 апреля 1917 года полковник Дроздовский был назначен командиром 60-го пехотного Замосцкого полка, но, в революционных условиях, это командование не принесло радости, не дало поля для широкой творческой работы и было для Михаила Гордеевича непосильным крестом...

20 ноября полковник Дроздовский, по давнишнему представлению, получил орден Св. Георгия 4-й степени, а представление к Георгию 3-й степени осталось безрезультатным (представление штаба Румынского фронта).

24 ноября он был назначен начальником 14-й пехотной дивизии, но уже 11-го декабря, из-за невозможности командовать, сложил с себя эту должность и уехал в Яссы, где было задумано формирование добровольческого корпуса. Еще в декабре 1917 года установилась связь между генералами Алексеевым, находившемся тогда на Дону, и Щербачевым (Яссы). Тогда же, в штабе Румынского фронта, зародилась мысль об организации корпуса Русских добровольцев, для посылки его на Дон. Главнокомандующий Румынским фронтом генерал Щербачев поручил организацию этого корпуса генералу Кельчевскому. Было выпущено воззвание к офицерам и солдатам Румынского фронта с призывом вступать в ряды Корпуса. Одним из самых деятельных и талантливых организаторов Корпуса был полковник Дроздовский, к тому времени сложивший с себя обязанности начальника 14-й пехотной дивизии. Тем временем обстановка усложнилась...

С середины февраля положение на Юге России было в состоянии полной анархии. Связь с Доном была прервана. Изменилось настроение не только генерала Щербачева и его штаба, но и офицерства... Задуманный ранее поход был отменен, и добровольцы, давшие ранее подписку, освободились от обязательств... Гибнущую идею решил спасти полковник Дроздовский...

На фоне полной растерянности руководителей встала скромная фигура полковника Дроздовского, объявившего, что он от начатого дела не отречется. «Я иду – кто за мной?»

Это решение вызвало резкое осуждение окружающих его. Мысль о походе называли безумием, авантюрой – она вызывала насмешки и возмущение. Из всего Румынского фронта на смелый призыв полковника Дроздовского отозвалось и поступило в организованную им 1-ю бригаду Русских добровольцев всего 800 человек, не побоявшихся опасностей, стоявших на пути, и полностью доверяя водительству молодого вождя.

Лишь незадолго до выхода из Румынии генерал Щербачев изменил свое недоверчивое отношение к походу и стал помогать полковнику Дроздовскому; генерал же Кельчевский до конца, где было возможно, тормозил дело. Полковник Дроздовский называл его предателем (впоследствии, уже в эмиграции, генерал Кельчевский перешел на службу к большевикам и сотрудничал в Берлине в просоветском военном журнале).

Поход из Ясс до Новочеркасска являл собой пример того, что может сделать горсть героев, верящих в правоту своего дела, горящих ненавистью к большевизму, горячо любящих свою Родину и преданных своему волевому, бесстрашному начальнику. Полковник Дроздовский мог всего добиться от своих соратников, готовых на любые подвиги, страдания и жертвы во имя погибающей России. Участники похода рассказывали поразительные примеры того, как казавшееся совершенно безвыходным положение (например, бой за город Ростов-на-Дону) изменялось волевым решением полковника Дроздовского. Горячий русский патриот, человек исключительной чести и долга, органически не способный к интригам и беспредельно преданный России, полковник Дроздовский подчинял свои планы общим интересам фронта. Так было в момент подхода его отряда к Новочеркасску, когда он подчинился командованию восставших донских казаков. Как известно, благодаря этому решению, удалось едиными силами добровольцев и донцов разгромить большевистские банды, ворвавшиеся вновь в столицу донского казачества.

В станице Егорлыцкой бригада полковника Дроздовского вошла в состав Добровольческой армии, которой в то время командовал генерал-лейтенант Деникин.

Дальнейший боевой путь полковника Дроздовского, получившего в командование 3-ю пехотную дивизию Добровольческой армии, полон изумительными подвигами, дерзанием и отвагой...

3-я дивизия полковника Дроздовского, во время 2-го Кубанского похода, вплоть до тридцатидневного Ставропольского сражения, была тем страшным тараном, который прорывал, дробил и разметал большевистский фронт...

31 октября (13 ноября) 1918 года, в бою за Ставрополь, полковник Дроздовский был легко ранен в ногу. Плохой медицинский уход, а быть может, и злой умысел, привел к загноению раны и к нескольким операциям, закончившимися ампутацией ноги... Вмешательство лучших хирургов уже не могло спасти жизнь героя...

1 (14) января 1919 года генерал-майора Михаила Гордеевича Дроздовского не стало...

Ушел из рядов героической Добровольческой армии истинный Белый Рыцарь.

В память почившего, генерал Деникин приказал созданному полковником Дроздовским стрелковому полку впредь именоваться 2-м Офицерским генерала Дроздовского полком, впоследствии развернувшимся в дивизию.

Память о генерале Дроздовском будет вечна в истории России и в сердцах тех, кто готов идти по его пути.

Да послужит лучшим памятником Михаилу Гордеевичу Дроздовскому – доведение борьбы до полного уничтожения большевистского строя и возрождение национальной России.

Н.Д. НЕВОДОВСКИЙ
ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ⁶⁰

Добровольческая армия 9 (22) февраля 1918 года пошла напролом в неизвестное – в ПЕРВЫЙ ПОХОД.

Поход. Окружение. Каждодневные бои. Трагедия раненых. Гибель Корнилова. Вывод армии из большевистского кольца генералом Деникиным. «Светоч» разгорается. Открываются широкие пути и перспективы,

В конце «восьмерки», описанной Добровольческой армией, покойный начальник штаба ее генерал Романовский говорил:

«Два месяца назад мы проходили это же место, начиная поход. Когда мы были сильнее – тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла нас отчаянно в своей чертовой ступе и не истолкла; закалилось лишь терпение и воля; и вот эта сопротивляемость, которая не поддается никаким ударам...»

Первый поход создал внутренний облик Добровольца.

Одновременно с Добровольцами уходили из Новочеркасска донские казаки. Часть их присоединилась к Добровольческой армии, другая – отряд под водительством походного атамана генерала Попова, силою в 1500 бойцов – ушла в Сальские степи. Дон еще болел непротивлением залившей его красной волне и подчинился неволе. Партизаны – не могли и не хотели. Присоединение Степного отряда к Добровольческой армии, в особенности ввиду ее бедности в коннице, значительно усилило бы ее возможности. Но... психологически слишком трудно было партизанам генерала Попова покинуть свой родной Дон. Они верили, что наваждение скоро пройдет. Присутствие на Дону Степного отряда способствовало подъему казачества и повстанческому движению в области. Степной отряд стал носителем идеи свободы, хранителем «атаманского пернача», призывал к борьбе и организовывал ее.

В конце апреля генерал Попов, объединив донские ополчения, с тяжелым боем брал Новочеркасск, получив нежданную поддержку от неведомого отряда, как с неба свалившегося отряда полковника Дроздовского... Я имел честь первым из дроздовцев представиться походному атаману Попову и доложить ему, что наш отряд прибыл из Румынии и рад немедленно поспешить на помощь Новочеркасску.

Поход Дроздовского отряда мне лично, как участнику его, особенно близок, и потому я позволю себе остановиться на некоторых деталях.

Офицерский корпус Румынского фронта усомнился в целесообразности нашего начинания и в возможности успеха, чем и можно объяснить то малое количество – около 1000 – людей, что вышли в поход. Но те, которые пошли, верили вождю, верили в его честный патриотический порыв. Верили, шли и подчинялись добровольно, ибо тогда никто не принуждал и не мог принудить поступать в отряд.

Мне невольно приходит на память одна сценка, характеризующая отношение покойного генерала Дроздовского к тем, что пошли за ним...

Во время похода, вернее под конец его, в бою под Ростовом, когда наш отряд, отвлекая от Новочеркасска большевистские силы, понес тяжкие потери в неравной борьбе, его с превеликими трудностями удалось оттянуть в деревню Мокрый Чалтырь. Остановились мы в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский – этот сильный духом человек – опустил голову, и слезы потекли из его глаз.

Я видел слезы и других воинов... Помню, как впоследствии, на банкете по случаю взятия Ставрополя, прослезился другой сильный духом человек – генерал Романовский, прослушав речь генерала Деникина... И когда я подошел чокнуться с ним за эти дорогие слезы, он сказал:

– Это – слабость...

– Не слабость, а сила, – ответил я.

Так и слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но Ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром, в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей. И кончил, играя сам со смертью, впоследствии тяжелым ранением, стоившим ему жизни...

Не могу не вспомнить и другой эпизод – присоединение нашего отряда к Добровольческой армии в станице Мечетинской... Мы пришли на смену бригаде генерала Маркова. Нас встретили в строю части генерала Боровского. Встретили генералы Алексеев, Деникин, Романовский...

Радостно и жутко было нам. Радостно потому, что мечта наша исполнилась; жутко потому, что многому еще в технике Гражданской войны надо было поучиться у старшего брата – Добровольца Кубанского похода. Мы – чистенькие, приодевшиеся в Новочеркасске, отдохнувшие; они – утомленные непрерывными боями, со смешанным чувством радости и любопытства смотрящие на нас...

Генерал Алексеев, снявши папаху, земно поклонился нам со словами:

– Мы думали, что мы одиноки... Но вот, там в далеких Яссах билось русское сердце с нашим в унисон. Вы пришли и вдохнули в нас новую силу...

Не будет нескромностью сказать, что «Дрозды», как нас стали называть, быстро завоевали и любовь, и уважение старших братьев,

Три похода – тождественные во времени, различные по тяжести тех условий, в которых они протекали, но родственные по духу. По духу Добровольчества. Если земли южных казаков были нашей реальной базой, то Первые походы стали нашей моральной базой. Они создали боевой облик, боевую традицию и внутреннюю спайку добровольцев. Они свидетельствовали о фактической, не словесной только, их непримиримости, о бескорыстном служении родине. Они наглядно доказали, что можно бороться и побеждать при огромном

неравенстве сил и при исключительно трудной, казавшейся иногда безвыходной, обстановке. Они подняли настроение казачьих земель. Они, облеченные легендой, привлекали в ряды противобольшевистских армий все новые и новые пополнения. Они дали первый толчок тому движению, которое первые 6000 воинов превратили в 200 тысяч, которое от Ростова и от Новочеркасска довело до Орла.

Но первопоходники никогда не считали себя кастой или «отбором». Они не расценивают доблести по срокам поступления в армии, хорошо зная, что «молодые» не раз соперничали в доблести со «старыми», и что общими трудами и общей кровью они служили общему делу. И если сердце генерала Деникина билось сильнее при встрече с первыми своими соратниками, то при ответственных назначениях тогда, во время борьбы, он делал выбор не по сердцу, а по способностям.

Первопоходники чтят свое прошлое и гордятся им. Это – единственная их привилегия, их неотъемлемое право.

Как-то, отвечая «Иванам Непомнящим», генерал Деникин сказал:

«Если у нас отнять наше “Добровольчество”, если поставить крест на самые славные страницы борьбы, то много ли останется от прошлого... Но этого не будет, ибо никто и ничто не в силах зачеркнуть нашей яркой были».

Спасибо ему за доброе слово. Союз Добровольцев чтит идею «Добровольчества». Само это слово нас обязывает. Добровольно шли мы в Первые походы; добровольно дрались в позднейших боях; добровольно пойдем вновь на любую жертву, которая понадобится России. Пойдем просто, без громких фраз и демагогических выкриков, без ненужных посулов и обещаний.

В чем да поможет нам Бог.

А. КРИШТАНОВСКИЙ
ГЕНЕРАЛ М. Г. ДРОЗДОВСКИЙ⁶¹
(1 (14) января 1919 года)

В декабре 1917 года, когда смолкли орудия, и развал армии достиг своего апогея, взоры тех, кто не считал возможным так позорно закончить борьбу, обратились в Яссы, в сторону штаба Румынского фронта. Ждали, что этот штаб, находящийся вне власти большевиков, организует борьбу за честь и спасение родины.

Штаб фронта представлял собою в это время пеструю картину. Там создавались «жовто-блакитные» гайдамаки, формировалась белорусская дивизия, польские полки. Генерал Сулькевич* старался из православных христиан сделать правоверных мусульман и, наконец, какая-то «партийная» сестра милосердия, обещала офицерам «землю и волю», набирала рекрутов в армию Учредительного собрания.

Все формировались, но никто не сформировался. Среди всеобщей неразберихи нашелся единственный горячий русский патриот, который начал собирать вокруг себя тех, кто считал себя просто русским и хотел стать на защиту поруганной Родины. Это был командующий 14-й пехотной дивизией, Генерального штаба полковник Михаил Гордеевич Дроздовский. 19 декабря 1917 года (1 января 1918) он приступает к созданию отдельной бригады добровольцев для борьбы с большевиками и немцами.

При скрытой поддержке штаба и французской военной миссии быстро создаются пулеметная рота и конно-горная батарея. Когда успех первых формирований выяснился, штаб начинает проявлять «кипучую» деятельность. Генерал Кельчевский назначается начальником всех формирований, создаются штабы корпусов и дивизий, составляются штаты и разрабатываются планы борьбы. Весной предполагалось с целой армией, пока существовавшей на бумаге, перейти Днестр и ударить на большевиков.

Но прошел февраль. Румыния вынуждена заключить мир, и Югу России грозит австро-венгерская оккупация. Растерявшееся командование отдает за подписью генерала Кельчевского приказ о роспуске добровольческих бригад. Две сформированные бригады подчинились приказу, но в третьей бригаде, расположенной в местечке Скинтея у города Ясс, генерал Дроздовский, прочитав приказ командному составу бригады, сказал: «а мы все-таки пой-

* Сулькевич Матвей Александрович (1865–1920). Генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Великой войн. В октябре 1917 года был выдвинут Временным правительством на пост командира 1-го мусульманского корпуса. После октябрьских событий уехал в Крым, где при поддержке германских войск сформировал Крымское краевое правительство, занял там пост премьер-министра, министра внутренних дел и военного министра. Пытался заручиться поддержкой Германии в вопросе создания независимого Крымского государства (под контролем Турции и Германии). После высадки англо-французских войск передал власть правительству С.С. Крыма.

дем...» Ни одного возражения не последовало. Бригада сосредоточилась возле самых Ясс. Войска генерала А. Авереску окружили бригаду и пытались ее разоружить. Конно-горная батарея капитана Колзакова была наведена на королевский дворец и на парламент. Вмешательство румынского короля предотвращает готовый начаться бой, и Дроздовский получает разрешение на выход из Бессарабии с оружием в руках.

25 февраля (10 марта) отряд вышел из Ясс и, пройдя Кишинев, сосредоточился в местечке Дубоссары на берегу Дуная. Всего в отряде было не более 1000 бойцов. Никто не знал, что будет впереди. Знали одно – впереди сотни верст похода, разлившиеся широкие реки, степи, весенняя грязь и со всех сторон враги. Кругом – слухи о разгуле красных, падении Дона, о поголовном истреблении армии Корнилова. Бригада в этом взбаламученном море была одинока и все-таки перешла Днестр и двинулась в поход. Вел ее полковник М.Г. Дроздовский.

Сын генерала, участника Севастопольской обороны, М.Г. Дроздовский родился 7 октября 1881 года в Киеве. Окончив Владимирский Киевский кадетский корпус и Павловское военное училище в 1901 году, Михаил Гордеевич был произведен в офицеры Лейб-гвардии в Волынский полк. В 1904 году поступил в Академию Генерального штаба, но начавшаяся война оторвала его от занятий. В составе 34-го Сибирского стрелкового полка Михаил Гордеевич провел всю войну, получив все боевые награды, а также рану в ногу под Ляояном. По окончании войны вернулся в Академию, которую окончил в 1908 году. Во время Великой войны после службы в штабе армии был назначен начальником штаба 64-й пехотной дивизии. Осенью 1916 года лично повел в атаку два полка дивизии, причем был тяжело ранен в правую руку. Пробывши затем недолгое время начальником штаба 15-й пехотной дивизии, получил в командование 60-й пехотный Замосцкий полк, а в конце 1917 года назначен командующим 14-й пехотной дивизией. За бой у горы Капуль награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Дроздовский сразу овладел своими добровольцами. Он стал средоточием всех их мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении Родины, средоточием всех волей, слитых в одну волю борьбы за Россию, за победу добра над злом. О политике никаких разговоров никогда не было; все понимали, что вопрос сейчас гораздо важнее, что в России идет беспощадное истребление самих основ русской жизни, борьба против Бога, против человека и его свободы.

У Дроздовского было очень тонкое, сухое, гордое лицо, слегка потемневшее от загара. У обритых, плотно сжатых губ его лежала какая-то горькая складка. Было в нем что-то влекущее, но чувствовалось и что-то роковое. Во всех его движениях, всегда сдержанных, непреклонная воля, и воля эта покоряла людей, сразу в него поверивших и пошедших за ним на полную неизвестность.

Вот несколько заветов Дроздовского, выписанных из его дневника:

«Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы».

«Нам осталась только дерзость и решимость».

«Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно, на сколько времени. Это иго горше татарского».

«Через гибель большевизма к возрождению России! Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем».

«Я весь в борьбе. И пусть война без конца, но война до победы. Мне кажется, что вдали я слабо вижу мерцание солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный».

Да, в нем действительно была какая-то обреченность, он как будто бы переступил незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. За эту-то черту он и повел своих добровольцев, и они смело пошли за ним, сразу в него уверовав, и никакие страдания, никакие жертвы не могли их поколебать. Воистину этот человек обладал какой-то совершенно непостижимой силой, и эту силу он умел передать подчиненным ему людям. Это – черта, отличающая всегда подлинного вождя.

Только человек, глубоко верящий в правоту своего дела, верящий сам в себя и умеющий передать эту веру окружающим его людям, может быть вождем. Яркий прицеп этой силы являет собой наш бессмертный Суворов. То же мы видим у Скобелева, в нашу эпоху – у Врангеля и Кутепова. В большой степени обладал ею легендарный герой Белого движения генерал С.Л. Марков.

Только наличием этой чудодейственной веры в себя, этой силы и можно объяснить, что вчера еще никому неизвестный полковник становится подлинным вождем и ведет доверившихся ему добровольцев в поход через всю разбушевавшуюся русскую стихию вдали, в полную неизвестность.

Сила духа и глубокая вера в правоту своего дела взяли верх над всеми материальными преградами. На всем 1600-верстном фронте, кишевшем войсками всех рангов и положений, нашелся только один человек, у которого хватило мужества взвалить на свои слабые плечи такую безмерную ношу и донести ее до конца, не взирая на все стоявшие на пути трудности.

На карте Белого движения путь отряда полковника Дроздовского – прямая линия, проведенная с запада на восток. Смело и упрямо прорезал этой линией весь Юг России Дроздовский со своим отрядом. И через два месяца небывалого похода, выдержав неоднократно бои, 25 апреля (8 мая) 1918 года отряд подходит к заветному пункту, к Новочеркасску, подходит как раз в самый нужный для казаков момент.

Думаю, что никогда донские казаки, бившиеся в тот день за спасение своей столицы, не забудут этого поистине чудесного появления дроздовцев из далекой Румынии, спасшего город от нового нашествия красной нечисти.

В конце мая бригада Дроздовского присоединяется к Добровольческой армии. Сам генерал Алексеев, седой вождь Добровольческой армии, низко снял свою кубанку перед проходившими мимо него дроздовцами – Алексеев, живое воплощение былой мощи России и ее воинства.

«Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы», – молвил он.

С тех пор бригада, вскоре развернутая в дивизию, неизменно участвует во всех боях Добровольческой армии.

31 октября (13 ноября) под Ставрополем у Иоанно-Мартинского монастыря Дроздовский был ранен как будто бы не очень тяжело в ногу. Но произошло нагноение, не помогли операции. Раненого из Екатеринодара перевезли в Ростов, в клинику профессора Напалкова, личного друга М.Г. Дроздовского. Профессор Напалков решил ампутировать ногу, но было уже поздно, и до операции 1 (14) января 1919 года Дроздовский скончался.

Генерал Туркул, последний начальник Дроздовской дивизии, так описывает отношение дроздовцев к своему вождю:

«Добровольцы его отряда верили в него не меньше, чем в Бога. Вера в него была таким же само собой разумеющимся чувством, как совесть, как долг. Его слово было закон, что сказано, то и надо, и иначе не может быть. Он был средоточием веры в совершенную правду борьбы за Россию, правду того дела, за которое дроздовцы

в течение трех лет борьбы выдержали 650 боев и потеряли свыше 15 000 убитыми и 35 000 ранеными. Вера, которую вдохнул Дроздовский в своих добровольцев, всегда сопутствовала дроздовцам в тяжелых испытаниях борьбы. Не будь этой веры, не было бы и славных боевых действий дроздовцев. Эта вера и сейчас поддерживает всех нас, вера в правоту Белого дела, в его святость. Полнота веры преображала каждого из дроздовцев, возвышала и очищала их. Все пополнения более позднего времени, вчерашние красноармейцы, захватывались этой святой верой, все становились носителями общей правды. Наш вождь умер... Нет! Герои не умирают! Дроздовский жив в каждом борце, который носит его имя, имя, которое будет передаваться из поколения в поколение, пока жива будет Россия».

В связи со смертью генерала Дроздовского Главнокомандующий генерал Деникин писал: «В начале января мы похоронили умершего от заражения крови вследствие раны, полученной под Ставрополем, генерала Дроздовского. Одного из основоположников армии – человека высокого патриотизма и твердого духа. Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью. Навещая Дроздовского в лазарете, я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы Армии и своей дивизии и рвался к ней...

Судьба не судила ему повести в бой свои полки.

Для увековечивания памяти почившего его именем был назван созданный им 2-й офицерский стрелковый полк, впоследствии дивизия, развернутая из этого полка».

Приказ, сообщавший Добровольческой армии о смерти генерала Дроздовского, заканчивался словами: «Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединялись в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых всегда он ставил выше своей. Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека!»

Мы видим, что ни Дроздовский, ни все добровольчество в целом не ошиблись в своей вере в правоту идеи, в русский народ.

Все происходящее теперь на Родине хотя и указывает, что революционный угар и большевизм еще не изжиты, но народ русский в неустанной борьбе и нечеловеческих усилиях сбрасывает с себя чуждые ему оковы коммунизма и медленно, но твердой стопой выходит на свой исторический путь, возвращаясь к Богу, воскрешая свои многовековые идеалы, очищая их от всей скверны, наложенной на него революцией.

И нет той силы, которая могла бы остановить это стихийное движение.

Мы, дроздовцы, с гордостью смотрим на возрождение и возвращение нашего народа в свой отчий дом, с гордостью, потому что наш шеф был одним из первых, кто проложил тропу к этому дому, тропу, обращающуюся теперь в широкую дорогу.

А.П. ПЕНКИН
РЫЦАРИ ДУХА⁶²

*«У погибающих наций нет недостатка в людях ума,
но исчезают люди с характером»*
Президент Франции Думер

Дни февраля 1917 года. Дни пресловутой «бескровной», впоследствии породившей моря крови и океаны слез. Группа лиц, дерзнувших принять на себя Верховную власть в России, нарушив ее национальные основы, естественно, не могла удержать эту власть в руках. Лишившись привычных и оправданных историей устоев, Россия покатилась к трагическому октябрю.

Бесталанное, погрязшее в бесплодной болтовне, так называемое Временное правительство не нашло в себе мужества защищать не только «февраль», но даже персонально себя.

Тогда казалось, что все беспросветно, что все моральные устои русского народа и его религиозные верования безвозвратно рухнули в темную бездну.

Летом того же 17-го года на развалившемся фронте возник Офицерский союз, этот прообраз будущей белой армии, а через несколько месяцев на юге России уже стали собираться первые белые герои, решившие отдать свои жизни ради попытки спасти честь и величие своей Родины. Из этой горсточки людей родились белые армии: на юге России, на севере, на юго-западе и в Сибири.

Имена Каледина, Корнилова, Алексеева, Деникина, Маркова, Дроздовского, Врангеля, Колчака, Юденича и других вошли в синодик верных сынов России, своей кровью запечатлевших свою верность долгу и заветам предков.

Основоположником белой борьбы явился юг. Сюда со всех сторон с невероятными трудностями потянулись патриоты. Здесь был зажжен, по словам генерала Алексеева, светоч за честь и славу Родины.

Особое место среди плеяды белых вождей занимает генерал Михаил Гордеевич Дроздовский. Он, в отличие от других, начал свое белое дело вне России, в Румынии.

В своем «Дневнике» полковник Дроздовский так характеризует отношение штаба Румынского фронта и румын к его начинаниям: «Официальная любезность, тайное запрещение, итальянская забастовка. Агитация против похода исходит со всех сторон. Каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов, вносят раскол в офицерскую массу...» «Запрет румынским кабинетом министров выхода с оружием. Мотивы – предстоящий мир Румынии, а главное – Украина заключила мир и объявила нейтралитет; без ее разрешения нельзя».

Но ничто не останавливает полковника Дроздовского в его непреклонном решении. С невероятным упорством и энергией он работает над осуществлением похода.

Но не одинок был полковник Дроздовский в эти тяжелые для него дни. С ним был, как один человек, его отряд в Соколах. По свидетельству генерала Туркула в его книге «Дроздовцы в огне», «Дроздовский был выразителем нашего вдохновения, средоточием наших мыслей; сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших воль, слитых в одну волю борьбы за Россию и русскую победу. Мы все одинаково понимали, что большевики не политика, а беспощадное истребление самих основ России, истребление в России Бога, человека и его свободы.

Между нами не было политических разнотолков.

26 февраля (11 марта) 1916 года полковник Дроздовский в своем «Дневнике» отмечает: «Все письменные разрешения на руках».

С этого дня и начался исторический поход Дроздовцев – Яссы – Дон.

Говоря о самом походе, полковник так характеризует его в своем «Дневнике»: «Кругом враги. Мы, как остров водою, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идем по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист».

Для преодоления всякого рода препятствий полковник Дроздовский талантливо пользовался военной хитростью. В своем «Дневнике» 26 марта он отмечает: «В приказе на завтра дал фальшивое направление через деревню Дудино с указанием переправы

у местечка Меловое – все равно офицеры не сумеют сдержать язык за зубами; авось, их разговоры принесут пользу».

Эта военная хитрость вводила в заблуждение и большевиков, и немцев. «Забавно, до чего грозная сила нас окружает. Наши силы не считают иначе как десятками тысяч. В этом диком хаосе, что может сделать даже горсточка, но дерзкая и смелая!» – отмечает в «Дневнике» Дроздовский.

Во время похода к отряду присоединился полковник Жебрак со своим отрядом, сформированным им в Измаиле. Он шел под знаменем Балтийской дивизии: морской Андреевский флаг. Этот флаг впоследствии стал полковым знаменем стрелкового офицерского полка.

Отношение населения местности, по которой проходил отряд, так характеризуется Дроздовским в его «Дневнике»: «В общем, массы довольны. Просят защиты, установления порядка; анархия и дезорганизация измучили всех, кроме небольшой горсти негодяев».

После двухмесячного похода отряд достиг Ростова-на-Дону. 22 апреля (5 мая) началась атака Ростова.

Полковник Войнолович, начальник штаба отряда, с конным полком атаковал вокзал. Пехота заняла привокзальные улицы. Большевики бежали. На другой день (в первый день Пасхи) большевики громадными силами повели контратаку на Ростов.

Отряд Дроздовского после тяжелого боя оставил Ростов, отступив на Мокрый Чалтырь. В боях под Ростовом отряд понес большие потери. Первой жертвой был полковник Войнолович, убитый на вокзале Ростова.

В Мокром Чалтыре Дроздовский узнал, что генерал Корнилов убит. Добровольческая Армия истощена Ледяным походом и, не будучи в состоянии вести активную борьбу с большевиками, подошла к границе Дона. Эти сведения дал донской есаул, прибывший к полковнику Дроздовскому от донского атамана Попова с просьбой помочь донцам в их борьбе с большевиками за Новочеркасск.

Дроздовский немедленно отозвался на просьбу донцов, и части его отряда выступили в различных направлениях к Новочеркасску.

Неожиданным своим появлением под Новочеркасском отряд Дроздовского создал панику в рядах большевиков, обратив их в бегство.

Вступление отряда в Новочеркасск было встречено населением восторженно. Засыпая отряд цветами, население приветствовало его радостным «Христос Воскресе!» Своевременным появлени-

ем на Дону, а главное – помощью донцам у Новочеркаска отряд Дроздовского вдохновил донских казаков на дальнейшую борьбу с большевиками, а тем самым спас и все добровольческое движение, которое приобрело плацдарм, чтобы оправиться после Ледяного похода, пополниться и подготовиться к дальнейшей борьбе.

Генерал Алексеев, встречая отряд Дроздовского у станицы Мечетинской, скинул свою кубанку, низко поклонился отряду и сказал: «Спасибо вам, Рыцари Духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы».

31 октября (13 ноября) 1918 года полковник Дроздовский был ранен у Иоанно-Мартинского монастыря под Ставрополем, а 1 (14) января 1919 года, уже генералом, скончался от этой раны в Ростове.

Его отряд в Добровольческой армии развернулся в дивизию, получившую наименование Дроздовской.

Дроздовцы в период белой борьбы покрыли свои знамена легендарной славой. В своем служении России для дроздовцев генерал Дроздовский был знаменем.

Ни испытания эмиграции, ни нужда, ни страдания не столкнули дроздовцев с пути истинного служения России.

Кровью спаянная семья дроздовцев в настоящее время может служить примером братской боевой спайки.

Семья дроздовцев хранит заветы своего вождя, данные им в его приказе при вступлении в Новочеркасск: «Только смелость и твердая воля творят большие дела, и непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель покорному отказу от борьбы. Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру...»

БИБЛИОГРАФИЯ О М.Г. ДРОЗДОВСКОМ И ДРОЗДОВЦАХ

Абальянц А.А. Восстание Бердянского союза увечных воинов в начале апреля 1918 года // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес, 1966. № 51/52. С. 12–14; То же // Часовой. Париж, 1958. № 388. С. 13–14.

Аблякин Р.М. Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... / А.С. Кручинин. М., 2003. С. 257–302.

Биттенбиндер А.Г. Из военных воспоминаний // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1967. 4 августа. № 19870. С. 2.

Варнек П.А. Действия флота в Северо-Западном районе Черного моря в 1920 году // Военная быль. 1971. № 108.

Венус Г.Д. Война и люди // Я ставлю крест... М., 1995.

Витковский В.К. В борьбе за Россию. Воспоминания. Сан-Франциско, 1963.

Горяинов И. Памяти белого рыцаря // Часовой. Париж, 1953. № 330 (5). С. 12–13.

Даватц В. Дроздовцам // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 17–18.

Деникин А.И. Дроздовцы (1918–1928) // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 2–3.

Десант в Хорлах: к 35-летию боев Дроздовской дивизии, 30 марта – 4 апреля 1920 г. // Часовой. Париж, 1955. № 353. С. 6–8.

Долгово-Сабуров Б. Встреча с полковником Дроздовским // Вестник общества российских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско, 1954. № 200. С. 27.

Драгомиров А.М. Путь славы и чести // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 15–17.

Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин, 1923. – 189 с.; То же. – 2-е изд. – Нью-Йорк, 1963; То же [отр.] Из Румынии на Дон // Начало гражданской войны. М. – Л., 1926. С. 109–125; *Дроздовский М.Г.* Дневник // Белое дело. Добровольцы и партизаны / С.В. Карпенко. М., 1996. С. 5–75.

Дроздовский М. Россия или комиссария. Письмо в редакционную коллегию // Приазовский край. 1918. 26 мая (8 июня).

Дудецкий Ф.Л. В утренней мгле // Доброволец. Мюнхен, 1956. № 48. С. 20–21.

Дудецкий Ф.Л. Когда смолкли выстрелы // Доброволец. Мюнхен, 1955. № 28. С. 20–22.

Дудецкий Ф.Л. Последний выстрел // Часовой. Париж, 1982. № 636. С. 30.

Е.М. Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Первопоходник. Лос-Анжелес, 1972. № 10. С. 34.

Заветы генерала М.Г. Дроздовского // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 6–7.

Зауэр А.В. В Новочеркасске // Родимый край. 1969. № 80/81. С. 107–108.

К годовщине смерти генерала Дроздовского (выписки из «Очерков русской смуты» А.И. Деникина. Т. 4. Гл. 11) // Переключка. Нью-Йорк, 1957. № 62–63. С. 24.

Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973. 394 с.; Т. 2. 1975. 365 с.

Краткая выписка из боевой жизни 2-го конного имени генерала Дроздовского полка // Часовой. Париж, 1931. № 48. С. 22–23.

Криштановский А. Генерал М.Г. Дроздовский // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес, 1963. № 18–19. С. 5–8.

Лампе фон А.А. Из прошлого // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 17–18.

Маслов Л. К 10-летию похода Дроздовцев // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 11.

Месснер Е. Командная Воля генерала Дроздовского // Первопоходник. Лос-Анжелес, 1972. № 5. С. 17–18.

Неводовский Н.Д. Первые походы // Вестник первоходника. Лос-Анжелес, 1963. № 26. С. 36–38.

Нилов С.Р. К истории Дроздовцев // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 12–14.

Нилов С.Р. На броневике «Верный»: (из воспоминаний, 1918) // Военно-исторический вестник. Париж, 1966. № 27. С. 21–26; № 28. С. 23–27; 1967. № 29. С. 14–20.

Нилов С.Р. Памяти белого вождя и друга // Часовой. Париж, 1958. № 385. С. 16.

Нилов С.Р. Рыцарь духа // Часовой. Париж, 1969. № 512 (2). С. 6–9.

Новицкий Н.Е. Отрывки из моих воспоминаний: кадеты в Дроздовском походе; Яссы – Дон 1918 г. // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1982. № 31. Сентябрь. С. 69–71.

Орешкович Б. Листок календаря // Первоходник. Лос-Анжелес, 1972. № 9. С. 43–45.

Орлов Г.А. Последние бои дроздовцев // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57. С. 29–39.

Пенкин А.П. Рыцари духа // Вестник первоходника. Лос-Анжелес. 1968. № 76–78. С. 95–97.

Поход Дроздовцев / Сост. А.П. Капустянский. М., 1993. 30 с.

Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002. С. 117–119.

Рыбинский Н. Дрозды! // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 21–22.

Седьмая гаубичная, 1918–1921 / Сост. Д.Ф. Пронин. Предисл. В.К. Витковского. Нью-Йорк, 1960.

Туркул А.В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918–20 гг.; Лит. обраб. И. Лукаша. Белград, 1937. 324 с.; То же. 2-е изд. Мюнхен, 1947; То же. Л., 1991; За святую Русь. М., 1997; То же. [Под разными загл.] // Возрождение. 1933. 10, 12, 14, 26 мая (№№ 2899, 2901, 2903, 2915); 7, 14, 21 июня (№№ 2927, 2934, 2941); 20, 23, 27, 28 июля (№№ 2970, 2973, 2977, 2978); 28, 31 авг. (№№ 3009, 3012); 2 сент. (№ 3014); 8, 11, 14 окт. (№№ 3050, 3053, 3056); 1934. 4, 6, 8, 23, 27 июня (№№ 3287, 3289, 3292, 3307, 3311); 5, 8, 23 сент. (№№ 3381, 3384, 3399); 14, 16, 19 окт. (№№ 3420, 3422, 3425); 16, 17 нояб. (№№ 3453, 3454); 1935. 13 янв. (№ 3511); 14, 16 февр. (№№ 3543, 3545); 20 марта (№ 3577); 10, 12, 15 апр. (№№ 3598, 3600,

3603); 11,12, 30 мая (№№ 3629, 3630, 3648); 2, 30 июня (№№ 3651, 3679); 2, 3 июля (№№ 3681, 3682); 13 нояб. (№ 3811); 7, 10, 22, 25, 28 дек. (№№ 3839, 3842, 3854, 3857, 3860); 1936. 10, 12, 15 янв. (№№ 3873, 3875, 3878); То же [отр. под разными загл.] // Русское слово. 1934. 17, 22, 29 июня (№№ 2485, 2489, 2495); 8, 12 июля (№№ 2503, 2506); 21, 26, 27 сент. (№№ 2566, 2569, 2570); 30 окт. (№ 2597); 2, 11 нояб. (№№ 2600, 2608); 9, 23 дек. (№№ 2631, 2643); То же [отр. под разными загл.] // Добровolec. 1954. № 16. С. 3–5; № 23/24. С. 23–24; То же // Свобода. 1957. № 10. С. 49; То же [отр. под разными загл.] // Слово. М., 1991. № 1. С. 70–75; № 2. С. 72–77; № 3. С. 54–60; № 4. С. 67–70; № 5. С. 78–81; № 6. С. 60–63.

Усаров Г.В. Три похода в Хорлы в 1920 году // Военная быль. 1972. № 119.

Федоров Н.В. Последний поход // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1988. 5 июля. № 27764. С. 8.

Филиппов А. На заре борьбы // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 23.

Харжевский В.Г. Генерал-майор Михаил Николаевич Ползиков // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 61. С. 28–30.

Харжевский В.Г. Поход Дроздовцев (26.02 – 25.04.1918 по ст. стилю) // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57. С. 20–29.

Харжевский В.Г. Памяти генерала А.В. Туркула // Русская мысль. Париж, 1957. 14 сентября. № 1108. С. 6–7.

Харжевский В.Г. Дроздовцам: к годовщине похода Яссы – Дон // Перекличка. Нью-Йорк. 1959. № 90. С. 1.

Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. Смоленск, 2003. С. 322–380 (Командиры-монархисты. Генерал от инфантерии А.П. Кутепов и генерал-майор М.Г. Дроздовский).

Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Дроздовцы после Галлиполи. М, 2002. 104 с.

Цуриков Н. Памяти героя-дроздовца // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57. С. 20–29.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.
- 2 Там же. Л. 35.
- 3 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 6593. Лл. 1–6 об.
- 4 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 1–1 об.
- 5 Там же. Лл. 2–2 об.
- 6 Там же. Лл. 6–6 об.
- 7 Там же. Лл. 5–5 об.
- 8 Там же. Лл. 3–3 об.
- 9 *Дроздовский М.Г.* Дневник. – Берлин, 1923. С. 11–12.
- 10 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 7–7 об.
- 11 Там же. Лл. 8–8 об.
- 12 Там же. Лл. 9–9 об.
- 13 Там же. Лл. 10–10 об.
- 14 Там же. Лл. 11–11 об.
- 15 Там же. Лл. 12–12 об.
- 16 Там же. Лл. 13–13 об.
- 17 Там же. Лл. 14–14 об.
- 18 Там же. Лл. 15–15 об.
- 19 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 12–13.
- 20 Там же. С. 13.
- 21 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 16–16 об.
- 22 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 161–167.
- 23 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 17–17 об.
- 24 Там же. Лл. 18–18 об.
- 25 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 14.
- 26 Там же. С. 15–16.
- 27 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.
- 28 Там же. Лл. 20–21.
- 29 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 169.
- 30 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 22–22 об.
- 31 Там же. Лл. 24–24 об.
- 32 Там же. Лл. 23–23 об.

- 33 Там же. Лл. 25–25 об.
- 34 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 18–19.
- 35 Там же. С. 169.
- 36 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.
- 37 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 169–170.
- 38 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 26–26 об.
- 39 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 170–171.
- 40 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 29–29 об.
- 41 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 171–172.
- 42 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Лл. 27–27 об.
- 43 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 172–173.
- 44 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.
- 45 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 173–176.
- 46 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
- 47 РГВИА. Ф. 2674. 60-й пехотный Замосцкий полк. Оп. 2. Д. 9. Лл. 480–481.
- 48 *Харжевский В.Г.* Поход Дроздовцев (26.02 – 25.04.1918 по ст. стилю) // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57. С. 26.
- 49 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 137–138.
- 50 Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 15.
- 51 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Лл. 2–7; *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 142–154.
- 52 РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- 53 Там же. Лл. 8–14.
- 54 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 183–186.
- 55 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.
- 56 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.
- 57 *Драгомиров А.М.* Путь славы и чести // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 15–17.
- 58 *Лампе фон А.А.* Из прошлого // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 17–18.
- 59 *Горяинов И.* Памяти белого рыцаря // Часовой. Париж, 1953. № 330. С. 12–13.
- 60 *Неводовский Н.Д.* Первые походы // Вестник первопоходника. Лос-Анжелес, 1963. № 26. С. 36–38.
- 61 *Криштановский А.* Генерал М.Г. Дроздовский // Вестник Первопоходника. Лос-Анжелес, 1963. № № 18–19. С. 5–8.
- 62 *Пенкин А.П.* Рыцари духа // Вестник Первопоходника. Лос-Анжелес, 1968. № 76–78. С. 95–97.

часть вторая

ДРОЗДОВЦЫ

«Я не знаю, как и чем руководствовались, когда устанавливалась форма дроздовских частей. Но когда я смотрю на радостные краски погон, околыши фуражек, канты, я невольно думаю о малиновом звоне наших церквей в большие праздники...

В серой, оплеванной шелухой подсолнухов революции, среди разложившейся рвани, люди не отказались от неприглядного настоящего, не мечтали о грядущем, не грезили о прошлом, а приняли его и превратили в праздник.

Ибо, не праздник ли для воина бой за Родину?»

Н. Рыбинский. «Дрозды!»

История частей, получивших в Гражданскую войну именное шефство генерала М.Г. Дроздовского, описана, пожалуй, с наибольшей тщательностью. Ни одним другим белым воинским формированиям не посвящено столько воспоминаний и обстоятельных исследований как дроздовцам*. Однако то, что большая часть из них и по сей день не опубликована и покоится в архивных хранилищах, затрудняет доступ к ним как исследователей, так и многочисленных читателей.

Историография дроздовцев начинается с публикации дневниковых записей их шефа, вышедших вскоре после окончания Гражданской войны. Дневник М.Г. Дроздовского, неоднократно переиздававшийся и за рубежом и в современной России был и остается главным источником для описания похода Яссы – Дон¹. Это единственные дневниковые записи одного из вождей Белого движения, дошедшие до нас. Дополнительную ценность им придают приложения, содержащие сведения о жизни легендарного офицера как до начала Гражданской войны, так и во время нее. В издании 1923 года впервые был опубликован знаменитый рапорт М.Г. Дроздовского от 27 сентября (10 октября) 1918 года и фрагменты его переписки, а авторами-составителями «Дневника» впервые была озвучена версия об убийстве (отравлении) Михаила Гордеевича.

В 1920–1930 годы в русской эмиграции выходило много небольших по объему воспоминаний, посвященных Дроздовскому и дроздовцам, публиковавшихся, как правило, в периодике. К десятилетью

* Полностью библиографию дроздовцев см. в 1-й части книги.

дроздовских частей, в 1928 году вышел специальный номер «Вестника галлиполийцев в Болгарии»², посвященный дроздовцам и их шефу, где были представлены воспоминания участников Белого движения, многочисленные фотографии и документы. В число авторов сборника вошли А.И. Деникин, А.М. Драгомиров, С.Р. Нилов и др. Спустя еще десять лет, к двадцатилетию похода, большая часть «Галлиполийского вестника», выходившего в Софии, также была посвящена дроздовцам и походу Яссы – Дон³. На его страницах опубликовали свои воспоминания В.Г. Харжевский, Г.А. Орлов, П.М. Трофимов, Н.А. Цуриков и др.

Безусловно, самой знаменитой книгой о дроздовцах стали выпущенные в 1937 году генералом А.В. Туркулом «Дроздовцы в огне», литературным редактором которых выступил известный литератор И.С. Лукаш⁴, что придало ценному историческому источнику и художественную ценность. Позднее «Дроздовцы в огне» неоднократно переиздавались как в журналах, так и в отдельных книгах (в том числе и на иностранных языках). В современной России это, пожалуй, наиболее популярная книга о Белом движении, интерес к которой по-прежнему очень высок.

В 1920-х годах начала свою работу историческая комиссия дроздовцев, возглавлял которую последний начальник Дроздовской дивизии генерал В.Г. Харжевский. Комиссия кропотливо собирала документы и материалы по истории Гражданской войны и жизни своего шефа-командира. Однако ее работу прервала Вторая мировая война, и дроздовцам не удалось завершить начатое дело – написать свою историю. Все собранные документы, хранившиеся в Русском заграничном историческом архиве в Праге, по окончании войны попали в СССР. Эти материалы составили основу фонда В.Г. Харжевского в Государственном архиве Российской Федерации⁵.

Подавляющее большинство воспоминаний дроздовцев хранящихся в фонде, так и не было опубликовано. Существенную часть фонда составляют записи самого В.Г. Харжевского, относящиеся к Гражданской войне. Начальник Дроздовской дивизии оставил свои воспоминания о времени от начала похода Яссы – Дон, до наступления 1919 года. Их общий объем превышает 600 листов⁶.

Отдельные блоки в собрании Харжевского составляют «История Дроздовской артиллерийской бригады в Гражданскую войну»⁷ и «Календарь Дроздовцев», составленный капитанами И.В. Виноградовым и П.М. Трофимовым⁸. Многие из дроздовцев оставили свои подробные воспоминания или дневники. Так, в фонде содержатся

дневники генерала В.К. Витковского⁹, штабс-капитана Г.А. Орлова¹⁰, полковника П.И. Бикса¹¹, воспоминания штабс-капитана Ф.П. Бурцева¹² и др. Из общего массива документов безусловно выделяются капитальные труды капитана П.М. Трофимова, в которых последний не только описывал события, но и анализировал происходящее, используя весь доступный на тот момент комплекс источников¹³.

В фонде также содержатся редкие фотографии, запечатлевшие эмигрантский период жизни дроздовцев¹⁴. Есть в собрании В.Г. Харжевского и уникальные музейные экспонаты – чудом сохранившиеся ордена и медали М.Г. Дроздовского¹⁵. Материалы фонда, насчитывающего свыше 100 единиц хранения, свидетельствуют об огромной работе по сбору и обработке материала, проделанной В.Г. Харжевским и всеми дроздовцами, оказавшимися на чужбине.

Однако документы дроздовцев отложились не только в этом фонде и архиве. Немало воспоминаний и материалов содержится и в других собраниях ГА РФ. Так, в «Коллекции отдельных документов белогвардейцев»¹⁶ хранятся автобиография генерала В.К. Витковского¹⁷, воспоминания Ф.П. Бурцева¹⁸, К.А. Кельнера¹⁹ и др. Материалы о жизни дроздовцев в эмиграции содержит фонд Дроздовского стрелкового полка, в котором сохранились документы за 1921–1936 годы²⁰. Документы 1-го Дроздовского полка²¹ и Дроздовской дивизии²² период Гражданской войны находятся в Российском государственном военном архиве.

В послевоенные годы в Русском зарубежье продолжали выходить публикации посвященные Дроздовскому и дроздовцам. Неоднократно печатали свои воспоминания В.Х. Харжевский²³, С.Р. Ниллов²⁴, Е.А. Месснер²⁵ и др. В 1960 году в Нью-Йорке был выпущен сборник «Седьмая гаубичная», составленный Д.Ф. Прониным с предисловием В.К. Витковского²⁶. В него вошли воспоминания Д.Ф. Пронина, Г.Б. Александровского и Н.Н. Ребикова рассказывающие о боевых действиях 3-й (позднее 7-й) гаубичной батареи в составе Дроздовского артиллерийской бригады в 1919–1920 годах. В 1963 году в США вышла книга «В борьбе за Россию» уже самого В.К. Витковского, одного из самых видных дроздовцев²⁷.

Наиболее полной попыткой описания боевого пути дроздовцев стал двухтомник В. Кравченко, вышедший в Мюнхене в 1973–1974 годах²⁸. Наряду с широко известными работами

А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, В.К. Витковского, при подготовке издания автор использовал и неопубликованные материалы: дневник полковника М.А. Кабарова, («История 2-го конного Дроздовского полка»), дневники капитанов Г.А. Орлова, Соловьева, Гаврилова, а также сохранившиеся приказы и документы. Большую помощь в написании сборника Кравченко оказали В.Г. Харжевский, С.Р. Нилов, ротмистр Хренов, штабс-капитан Знаменский, поручик Пронин и другие дроздовцы, предоставившие свои воспоминания. Наряду с публикацией новых свидетельств по истории дроздовцев, сборник содержит и много вторичного материала. Так, в нем почти полностью воспроизводятся дневниковые записи М.Г. Дроздовского, а также даются обширные выдержки из книги А.В. Туркула. Недостаток материала вынудил Кравченко в существенной степени использовать и советскую литературу по истории Гражданской войны²⁹. Дополнительную ценность изданию придают многочисленные схемы боевых действий и редкие фотографии, помещенные в конце каждого из томов.

С начала 1990-х годов исследования по истории дроздовцев стали выходить в России. В 1993 году в Москве были опубликованы воспоминания капитана В.А. Андреевского, повествующие о походе Яссы – Дон³⁰. В 2002 году В.Г. Чичерюкиным-Мейнгардтом была выпущена книга «Дроздовцы после Галлиполи», рассказывающая о жизни дроздовцев в изгнании в различных уголках мира³¹. В 2003 году вместе с историческими портретами других белых генералов была опубликована первая подробная биография М.Г. Дроздовского, написанная Р.М. Абинякиным на основе большого массива документальных источников³².

* * *

Вторая часть книги целиком составлена из не опубликованных ранее воспоминаний и дневников дроздовцев, охватывающих 1918–1919 годы.

Походу Яссы – Дон посвящены воспоминания П.В. Колтышева, исполнявшего во время похода должность оперативного адъютанта Отряда полковника М.Г. Дроздовского³³. Позднее Колтышев был начальником штаба 3-й стрелковой дивизии, а затем, с сентября 1918 года – старшим помощником начальника оперативного отдела в Управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии, став вскоре бессменным докладчиком по оперативной части при Главнокомандующем генерале А.И. Деникине. В настоящем

сборнике публикуются лишь две первые части его воспоминаний, рассказывающие о пути дроздовцев на Дон. Не менее интересны главы о 2-м Кубанском походе и очищении Северного Кавказа (из-за ограниченного объема книги мы вынуждены оставить их за ее рамками)³⁴. Воспоминания Колтышева, несмотря на то, что они отчасти дублируют дневник М.Г. Дроздовского, уникальны. Речь, прежде всего, идет о составленных Специальной комиссией дроздовцев приложениях, приводимых Колтышевым, а именно – списке участников похода Яссы – Дон, никогда ранее не публиковавшегося.

Не менее интересны и воспоминания полковника С.Н. Колдобского, одного из офицеров отряда М.А. Жебрака, выступившего на соединение с М.Г. Дроздовским³⁵. Движение этого отряда долгое время было почти неизвестно. Публикация воспоминаний офицера, стоявшего у истоков формирования жебраковского отряда, призвана восполнить этот пробел.

О напряженной борьбе добровольцев в Каменноугольном бассейне рассказывают дневниковые записи полковника П.И. Бикса, переписанные из его дневника и несколько сокращенные В.Г. Харжевским³⁶. Автор записок, в то время начальник пулеметной команды Дроздовского полка, запечатлел в дневнике всю сложность боев Добровольческой армии в Донбассе, когда добровольцам приходилось по нескольку раз брать одни и те же населенные пункты, месяцами не зная смены и не выходя из боев. Несмотря на довольно трудный для чтения язык, записки интересны многими подробностями, которые не обязательно были бы зафиксированы в воспоминаниях. Так, повторяя слухи, распространявшиеся на фронте, Бикс пишет о взятии частями Н.Н. Юденича Петрограда, больших успехах армий А.В. Колчака и др. Интересно и описание одной из первых на фронте танковых атак, позволивших добровольцам развить свой успех в Донбассе.

Завершает вторую часть книги небольшая записка полковника П.Я. Сагайдачного – единственного автора не дроздовца, посвященная походу на Москву³⁸.

Тексты воспоминаний и дневников приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации, вместе с тем, максимально сохранены особенности авторского стиля.

Р.Г. Гагкуев

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923. 189 с.
- 2 Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март.
- 3 Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57.
- 4 **Лукаш Иван Созонтович (1892–1940)**. Родился в Петербурге в семье ветерана Русско-турецкой войны. Закончил юридический факультет Петербургского университета. В 1910 году выпустил первую книгу – сборник стихов «Цветы ядовитые». Участвовал в изданиях эгофутуристов, писал очерки для газет «Речь» и «Современное слово», журнала «Огонек». Принял Февральскую революцию, посвятив ее героям серию брошюр. В октябре 1917 года пережил кризис, определивший перелом в его мировоззрении. Воевал против красных в рядах Добровольческой армии. В Крыму сотрудничал в газетах «Юг России» и «Голос Таврии». Галлиполиец. Эпизоды Гражданской войны отразил в повести «Смерть» и документальной книге «Голое поле», изданных в 1922 году. В Берлине вступил в содружество русских писателей «Веретено». Издал сборник рассказов «Черт на гауптвахте», повести «Дом усопших» и «Граф Калиостро», роман «Бел Цвет» и мистерию «Дьявол». В 1925 году переехал в Ригу, где сотрудничал в газетах «Слово» и «Сегодня». С 1928 года в Париже. Сотрудник газеты «Возрождение». Написал и опубликовал сборник рассказов «Дворцовые гренадеры» (1928), повесть «Император Иоанн» (1939), романы «Пожар Москвы» (1930), «Вьюга» (1936), «Ветер Карпат» (1938), «Бедная любовь Мусоргского» (1940). Умер в мае 1940 года в Париже.
- 5 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5895. В.Г. Харжевский.
- 6 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 10. Харжевский В.Г. Дроздовцы по документам и воспоминаниям. Глава 1. Формирование отряда. Ноябрь 1917 – февраль 1918 годов; Дроздовский поход.

- 26 февраля – 25 апреля 1918 года. 161 л.; Д. 11. Глава 2. Новочеркасск – Егорлыцкая. Апрель–июнь 1918 года. 46 л.; Д. 12. Глава 3. 2-й Кубанский поход. 10 июля – 2 августа 1918 года. 157 л.; Д. 13. Глава 3. Занятие западной и южной частей Кубанской области и Северного Кавказа. 21 августа 1918 – январь 1919 года. 160 л.; Д. 14. Глава 5. Общая обстановка в конце 1918 – первой половине 1919 года. 50 л.; Д. 17. О боевых действиях Красной армии против Добровольческой армии на Северном Кавказе в 1918–1919 годах. 105 л. и др.
- 7 Там же. Д. 18. История Дроздовской артиллерийской бригады в Гражданскую войну. 2-й Кубанский поход. 1918 год. 95 л.; Д. 19. Оборона Каменноугольного района. 1918–1919 годы. 30 л.; Д. 20. Действия Дроздовской артиллерийской бригады в мае–октябре 1919 год. Глава 1. Ханжонково – Харьков. Глава 2. Харьков – Богодухов (до 25 июня включительно). 41 л.; Д. 21. Глава 2. Харьков – Богодухов (до 19 июля включительно); Д. 22. Глава 3. Наступление на город Суммы (от 20 июля). 18 л.; Д. 23. Отход Дроздовской дивизии и Дроздовской артиллерийской бригады (город Дмитров – река Сейм, 25 октября – ноябрь 1919 года). 40 л.; Д. 24. Период Гражданской войны в Северной Таврии. 75 л. и др.
- 8 Там же. Д. 28. Календарь Дроздовцев. Поход из Румынии. 1 января – 31 мая 1918 года. 11 л.; Д. 29. 2-й Кубанский поход. 1918 год. 12 л.; Д. 30. 1919 год. Поход на Москву. 10 мая 1919 – 31 декабря 1919 года.
- 9 Там же. Д. 35. Дневник генерала В.К. Витковского. 1 мая 1918 – 16 мая 1919 года. 86 л.
- 10 Там же. Д. 33. Дневник Г.А. Орлова, штабс-капитана 3-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. 28 августа 1918 – 14 марта 1920 года. 47 л.; Д. 48. Орлов Г.А., штабс-капитан. Дневниковые записи боевых действий Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период Гражданской войны. Март–ноябрь 1920 года.
- 11 Там же. Д. 36. Бикс П.И. Дневник военных действий. 24 марта – 2 июня 1919 года. 11 л.
- 12 Там же. Д. 39. Бурцев Ф.П., штабс-капитан. Описание отхода 3-го стрелкового генерала Дроздовского полка из Новороссийска в Крым, из Крыма в Турцию в 1920–1921 годах; Жизнь Добровольческого корпуса в Галлиполи в 1920–1921 годах на основании личных впечатлений. 29 л.

- 13 Там же. Д. 41. Трофимов П.М., капитан. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года. 112 л.; Д. 43. Из истории дроздовцев. Боевые действия в Крымский период Гражданской войны. Май–октябрь 1920 года. Глава 1.; Д. 44. Глава 2–3. 156 л.; Д. 54. Главы 3 (конец), 4, 5 (начало). 152 л.; Д. 46. Главы 5 (конец), 6 (начало). 147 л.; Глава 6 (конец). 188 л. и др.
- 14 Там же. Д. 102.
- 15 Там же. Д. 103.
- 16 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1, 2. Коллекция отдельных документов белогвардейцев.
- 17 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 16. 3 л.
- 18 Там же. Оп. 2. Д. 277. Бурцев Ф.П. Эвакуация 3-го стрелкового генерала Дроздовского полка из Новороссийска в Крым, а из Крыма в Галлиполи в 1920 году. Жизнь в Галлиполи. 38 л.
- 19 Там же. Оп. 2. Д. 392. Кельнер К.А. От Ставрополя на Харьков с дроздовцами. 70 л.; Д. 393. Некоторые из маршрутов Добровольческого корпуса. 72 л.; Д. 394. Добровольцы. 34 л.
- 20 ГА РФ. Ф. 6050. Оп. 1. Штаб Дроздовского стрелкового полка. Город София, Болгария. 1921–1936 годы.
- 21 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40066. Оп. 1. Штаб 1-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. 1919–1920 годы.
- 22 РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Штаб Офицерской генерала Дроздовского дивизии. 1918–1920 годы.
- 23 *Харжевский В.Г.* Дроздовцам: к годовщине похода Яссы – Дон // Переключка. Нью-Йорк. 1959. № 90. С. 1; *Харжевский В.Г.* Памяти генерала А.В. Туркула // Русская мысль. Париж, 1957. 14 сентября. № 1108. С. 6–7.
- 24 *Нилов С.Р.* На броневике «Верный»: (из воспоминаний, 1918) // Военно-исторический вестник. Париж, 1966. № 27. С. 21–26; № 28. С. 23–27; 1967. № 29. С. 14–20; *Нилов С.Р.* Памяти белого вождя и друга // Часовой. Париж, 1958. № 385. С. 16; *Нилов С.Р.* Рыцарь духа // Часовой. Париж, 1969. № 512 (2). С. 6–9.
- 25 *Месснер Е.* Командная Воля генерала Дроздовского // Первопоходник. Лос-Анжелес, 1972. № 5. С. 17–18.
- 26 Седьмая гаубичная, 1918–1921 / Сост. Д.Ф. Пронин. Предисл. В.К. Витковского. Нью-Йорк, 1960.
- 27 *Витковский В.К.* В борьбе за Россию. Воспоминания. Сан-Франциско, 1963.

- 28 *Кравченко В.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973. 394 с.; Т. 2. 1975. 365 с.
- 29 *Какурин Н.Е., Меликов В.А.* Война с белополяками 1920 г. М., 1925; *Коротков И.С.* Разгром Врангеля. М., 1955 и др.
- 30 Поход Дроздовцев / Сост. А.П. Капустянский. М., 1993. 30 с.
- 31 *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Дроздовцы после Галлиполи. М, 2002. 104 с.
- 32 *Абинякин Р.М.* Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... / А.С. Кручинин. М., 2003. С. 257–302.
- 33 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417. 287 л. Колтышев П.В. Части 1–2. Воспоминания дроздовцев. Поход дроздовцев Яссы – Дон. 1200 верст. 26 февраля – 25 апреля 1918 года.
- 34 Там же. Оп. 2. Д. 418. Часть 3. Очищение Северного Кавказа. Август 1918 – февраль 1919 года. 95 л.; Д. 419. Продолжение 3-й части. 94 л., Д. 420. Продолжение 3-й части. 58 л., д. 421. Окончание 3-й части. 32 л.
- 35 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 416. Формирование Сводного морского добровольческого полка и спасение знаменного Андреевского флага 1-го морского полка Балтийской дивизии. 14 л.
- 36 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 36. Дневник военных действий в Каменноугольном бассейне. 11 л.
- 37 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 171. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года. 88 л.
- 38 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 744. Воспоминания о разгроме Добровольческой армии Красной армией под Орлом в октябре 1919 года. 4 л.

ПОХОД ДРОЗДОВЦЕВ
ЯССЫ – ДОН.
1200 ВЕРСТ.
ВОСПОМИНАНИЯ
ДРОЗДОВЦЕВ.

26 февраля (11 марта) –
25 апреля (8 мая) 1918 года¹

*«Не миение, а государственная необходимость
ведет нас по пути борьбы. И если вождям и
деятелям большевизма нет ни прощения,
ни пощады, то рядовым бойцам, отрекшимся
во имя Родины от прежних преступных заблуждений,
мы найдем место в своих рядах...»*

Слова полковника М.Г. Дроздовского

**1. Обстановка на Румынском фронте
во второй половине 1917 года**

В те дни, когда значительная часть русского народа была охвачена революционным движением, когда из-за кровавых трупов первых мучеников русской революции ясно проглядывали, видимые еще немногими, потоки крови и ужасы будущего, обстановка на восточном фронте делалась угрожающей.

Устои армии, вначале подточенные февральской революцией, а в дальнейшем сильной и преступной агитацией представителей

различных социалистических партий, свободно пропускаемых в войсковые части, часто при любезном согласии некоторых высших начальствующих лиц, рухнули окончательно. Преступная деятельность А.Ф. Керенского, подготовившая возможность выступления большевиков, и предательство им генерала Л.Г. Корнилова, на которого были обращены с полной верою взоры почти всей армии и большей части национальных сил страны, сделали свое дело: мозг армии – офицерство и сознательно мыслящая часть солдат поняли, что дни русской вооруженной силы сочтены. Октябрьский переворот и проведение в жизнь выборного начала окончательно доконали армию, и, как таковая, Русская армия перестала существовать...

Румынский фронт, в состав которого входили 1-я, 6-я и 9-я русские армии, вследствие отдаленности от большевистских центров и смешанности своего состава, подвергался более медленному разложению, и, в то время, как на других фронтах части, уже пропитанные большевистской заразой почти все потеряли свой воинский облик и бурными потоками понеслись домой, по пути все сокрушая и уничтожая, русские войска Румынского фронта в массе своей продолжали подчиняться старым начальникам, сохраняли видимость воинских частей и занимали отведенные им боевые участки.

Наличие на фронте значительного числа румынских войск и сосредоточение части их в районах расположения штабов армий и фронта создавало последним известную опору, давало возможность более спокойной и продуктивной работы и облегчало борьбу с проникновением в ряды армии большевистской заразы. Но зараза эта, хотя и медленно, все же повсюду распространялась, докатилась наконец до Румынского фронта. Мрак, идущий с севера России, стал покрывать и высоты Румынии.

Несмотря на это, румыны и представители иностранных, дружественно расположенных к нам, военных миссий все еще наделись на возможность сохранения хотя бы части восточного фронта, изыскивая для этого различные средства, и оказывали нашему командованию возможное с их стороны содействие. Но большевики постепенно делали свое дело. Поэтому, в целях сохранения фронта или хотя бы идеи продолжения борьбы с германской коалицией, в противовес все разрушающим большевистским лозунгам, на Румынском фронте в октябре 1917 года была выдвинута идея широкой организации различных национальных формирований, опираясь на которые в дальнейшем предполагалось выиграть необходи-

мое время. Организация этих национальных формирований главным командованием мыслилась лишь при условии сохранения единства России.

К числу намеченных национальных формирований принадлежала так называемая «украинизация частей» и создание мусульманских, польских, молдавских и других войск. Отличная от великоросса психология малоросса, воспитанного на плодородной черноземной почве в духе крепкого хозяйственного уклада собственника, давала многим основания надеяться, что пропаганда коммунизма в Малороссии не будет иметь столь благоприятного результата. Близость Малороссии к Румынскому фронту, ее богатейшие продовольственные ресурсы, большие людской и конский запасы также служили некоторым основанием для временной базировки на ней. Перед Малороссией открывались блестящие перспективы – стать здоровым оплотом для укрепления фронта, явиться базой для объединения казачества и окраин и создать прочное ядро общерусской государственности.

Но проведение в жизнь намеченного плана – украинизация Румынского фронта – встречало сильное противодействие со стороны рядового офицерства, не желавшего примириться с чуждой русскому народу украинской идеей, и отчасти некоторых комитетов, видевших в национализации частей «происки контрреволюционеров». Рядовое офицерство, не привыкшее разбираться в различных политических вопросах, своей молодой, чуткой душой уже в то время улавливало, что новое направление «политики тыла и штаба фронта» не поведет к возрождению Русской армии, а приведет к расчленению ее и России, а в дальнейшем – к новой кровопролитной борьбе за собирание Русской земли. Поэтому оно всячески старалось противодействовать проведению в жизнь украинизации частей и открыто отказывалось от нее.

Тогда, вместо полной украинизации фронта, последовало новое распоряжение, по которому не весь фронт, а только корпуса, расквартированные в мирное время в Малороссии, или части, формировавшиеся в ней в период войны, должны были считаться украинизированными. Офицеры и солдаты, входившие в их состав и не причислявшие себя к украинцам, переводились иногда в другие части армий Румынского фронта.

В частности в 9-й армии были украинизированы 10-й и 26-й армейские корпуса и 4-я стрелковая дивизия. Носившая славное название «железной», эта дивизия не пожелала на сей раз под-

чиниться приказу². Но некоторые старшие начальники, возможно, из чувства самосохранения и спокойствия, согласились, и скоро дивизия вместо «русской» стала считаться на бумаге «украинской». В результате значительное число офицеров и солдат, несмотря на то, что со славными полками «железной» дивизии их связывали лучшие воспоминания всего периода войны, испытывая острую боль, предпочли выделиться и ушли из нее. Только в одном 14-м стрелковом полку целый батальон в составе более 450 солдат во главе с пятнадцатью офицерами оставил ряды родного полка и перешел в состав другой, русской по названию части. Подобные случаи не были одиночными, они имели место почти во всех украинизированных частях.

Дальнейшие события скоро показали, что не признавшие украинизацию были правы, ибо вожди украинского движения, воспитанные на чуждой России австрийской идеологии, действительно повели эту массу по искусственному пути сепаратизма и даже самостоятельных течений, что вылилось в конце концов в издание Четвертого универсала³, ознаменовавшего собою уже явную измену России и ориентировку на Австрию.

Создание мусульманских, польских и молдавских формирований также ничего, кроме вреда, не принесло Русскому делу. Возможно лишь, что, благодаря организации этих национальных формирований, сохранилась на некоторое время видимость Румынского фронта. Хотя и этот вопрос многими лицами, бывшими в то время в рядах армий фронта, оспаривается.

Во второй половине 1917 года декрет о демократизации армии⁴, изданный центральной военной властью, докатился и до Румынского фронта. В связи с ним сложилась полная дискредитация начальника и, как результат этого, уже явный раскол между офицерством с одной стороны и солдатской массой – с другой. С каждым днем во многих частях солдаты становились все наглее. Появились различные, выходящие даже из рамок декрета, требования в отношении офицеров, явно задевающие их самолюбие. Во всех действиях солдат была видна определенная система и чувствовалось, что руководящие директивы исходили от «опытного, преступного дирижера».

Начав с предъявления требования о прекращении выдачи продуктов для офицерских собраний и о закрытии их, они перешли к настойчивым требованиям о полной отмене вестовых и стали выносить постановления о лишении офицеров жалования и отбора

у них огнестрельного, а иногда и холодного оружия. Установив затем негласное наблюдение за «подозрительными» офицерами, они настояли, наконец, на проведении выборного начала.

Вполне естественно, что офицерство не могло признать выборного начала и примириться с ним, ибо оно отлично сознавало, что выборным началом армию не только не возродишь, но окончательно и надолго совершенно расстроишь. Офицерство ясно чувствовало, что большевикам выборное начало необходимо лишь как средство совершенно ликвидировать наличие в войсках опасного для них элемента, чтобы дать возможность этим деятелям интернационала захватить хотя бы часть армии в свои руки и использовать ее по их усмотрению. Начавшееся осуществление выборного начала доказало всю явную преступность его допущения даже для тех, кто еще надеялся на «разум русского солдата».

Многим от этих надежд пришлось немедленно отказаться, но было уже поздно: у власти, вместо свергнутых начальников, появились новые лица – прапорщики в роли командующих армиями (9-я армия – <Г.П.> Сафронов⁵), и крикуны-солдаты – в роли командиров частей. Офицеров боялись выбирать на должности даже ротных командиров и большей частью предлагали им должности писарей, а иногда и кашеваров. Были, конечно, и некоторые исключения, но на них можно смотреть, как на явление в то время чисто случайное. Вся роль явного большинства этих выборных начальников, как будто пользовавшихся доверием войск, свелась к проведению в жизнь различных декретов советов и к «открытию глаз» солдатским массам на тех или иных офицеров, как на врагов народа, сеющих лишь смуту и контрреволюцию.

В результате появился явный раскол и среди офицеров: одни из них, не ожидая от армии, превращенной в звериную толпу, ничего хорошего, предпочитали немедленно уйти. Другие еще надеялись на что-то, решили, пока их не трогают, остаться и выжидать. Была и третья группа – явные предатели, почувствовавшие возможность быстрого выдвижения; беспринципные, готовые служить кому угодно и преклоняться перед всеми, лишь бы достигнуть личного своего благополучия. Эти последние соглашались служить на выборных должностях, исполняли все требования обезумевшей солдатской массы, уводили с фронта полки, отдавали приказы об аресте оставшихся до конца верными офицеров; и были даже случаи, когда подписывали приказы об их расстреле. К счастью, таких предателей было немного. Но к числу их необходимо отнести генерала <П.П.>

Сытина⁶, бывшего начальника 37-й пехотной дивизии, признавшего выборного командующего 9-й армией товарища Сафронова, укрывавшего его от ареста, а в дальнейшем, после отдачи армии приказа об оставлении фронта и прорыве ее в район города Черновицы, бежавшего вместе с ним через линию австрийских окопов.

Открыто не признавшие выборного начала стали разъезжаться из своих частей под различными предлогами. Офицеры и особенно врачи, еще оставшиеся в частях, и некоторые выборные начальники оказывали уезжающим помощь, снабжая их отпускными билетами, командировочными удостоверениями или эвакуационными свидетельствами. Часть офицеров вынуждена была просто бежать. Офицеры эти или разъезжались по домам, или задерживались в Яссах и других городах Румынского фронта, где, благодаря наличию румынских войск и их штабов, еще сохранялся порядок и власть осуществляла свои функции.

Офицеры, также не признавшие выборное начало, но еще оставшиеся в частях (во многом благодаря своей нерешительности), все еще надеялись на сохранение фронта. В этих надеждах их поддерживали случайные вести из тыла, говорившие о подходе к войсковому району фронта то украинских, то мусульманских или польских частей, которые должны будут сменить войска на фронте, для отвода их в тыл и реорганизации. Были и такие, которые задерживались в частях в ожидании официальной демобилизации, чтобы получить право считать себя освобожденными от военной службы и дабы никто не мог бы в дальнейшем упрекнуть их в оставлении фронта. Но когда указанные выше надежды не оправдались и вместо присылки «моральной поддержки» офицеры увидели осуществление большевистского плана на Румынском фронте – бегство целых частей во главе с их выборными начальниками – они поняли, что надеяться больше не на что, и в свою очередь решили уйти.

Необходимо отметить, что эти события совпали со временем, когда главное командование фронта, потеряв надежду на его сохранение и учитывая настроение войск, думающих только о скорейшей отправке их по домам – с одной стороны, и желание большевиков использовать еще оставшиеся на фронте части в своих интересах – с другой, решило начать планомерную демобилизацию армии, придав ей организованный характер.

Это возможно было сделать путем постепенного увольнения от службы солдат старших сроков и предоставления права известному проценту желающих воспользоваться отпуском. В этом, конечно,

можно было видеть и другие цели: стремление таким путем не допустить увоза с фронта значительного числа оружия, сохранение различного имущества и очень ценных продовольственных и других запасов, а также надежда на то, что все худшее поспешит уйти, а останется лучшее, которое в заключение может быть использовано в желательном для главного командования направлении. Правда, последняя надежда не оправдалась, ибо не только худшие элементы спешили уйти, но этим приказом воспользовались и многие из отличных офицеров и солдат, которые видели в нем только лишь желание начальства придать демобилизации более организованный, нормальный и законный характер.

Большевики поняли, что таким путем части и имущество Румынского фронта окончательно будут для них потеряны и что, благодаря этому, в распоряжении их противников может сохраниться необходимый и ценный для последних людской материал. Учитывая это, вожди интернационала отдали приказ армиям Румынского фронта бросить занимаемые ими позиции и выйти из пределов «ненавистой Румынии» в район Бессарабии и Буковины, заставив идти с собой и офицеров. Выборные начальники поспешили исполнить этот приказ, и, распространив предварительно провокационные слухи о намерении румын морить русские войска голодом или заставить их продолжать войну, отдали приказы об оставлении фронта и «прорыве войск на Родину». Провокация сделала свое дело: армия неудержимым потоком, сначала группами, а потом отдельными частями, дивизиями и корпусами, покатилась «на Родину», бросив фронт, а вместе с ним и миллиардное имущество на произвол судьбы.

Для многих, конечно, было ясно, что под словами «на Родину» солдаты и старшие выборные начальники, как, например, командующий 9-й армией Сафронов, понимали совершенно различное. Первые думали только о том, чтобы скорее окончить войну и действительно вернуться домой, а вторые знали, что солдаты эти нужны были лишь как средство для дальнейшей борьбы большевиков с ненавистными им инакомыслящими элементами русского народа и как ядро для будущего оплота советской власти. Поэтому-то войска, в массе своей не понимавшие подлинных намерений выборного начальства, выполняя приказ о прорыве на север и встретив на своем пути небольшие румынские части, после первых же выстрелов с их стороны, бросили свое оружие и поспешили исполнить приказ румынских офицеров. Так было с частями 2-го армейского

корпуса в районе города Фельтичени и с частями 40-го и 18-го армейских корпусов в районе города Серета. Почти никто из солдат не подумал о необходимости сопротивления. Лишь только некоторые части 2-й стрелковой дивизии (главным образом 6-го стрелкового полка под командованием солдата Казанцева) решили прибегнуть к оружию. Начался бой с участием артиллерии с обеих сторон. 6-й полк повел наступление, но огонь остановил его; полк залег, а затем покатился назад. Люди стали разбегаться в разные стороны и, бросая оружие, сдаваться румынским войскам. На помощь были двинуты части 23-й дивизии, но драться они также не желали.

Таким образом постепенно распался Румынский фронт, и много офицеров оказались выброшенными на произвол судьбы. Никем не направляемые, часто боявшиеся уже ехать домой, в массе решиться на что-нибудь сами они не могли. А на всем Румынском фронте в то время не нашлось энергичного человека, который смог бы объединить, направить и использовать их всех для Общерусского дела...

И вот из этих-то не желающих примириться с выборным началом и украинизацией частей офицеров Румынского фронта небольшая группа, воодушевленная любовью к Родине, еще в конце ноября 1917 года, когда развал армии обозначился определенно, образовала в Яссах организацию, поставившую своей ближайшей целью объединение вокруг себя возможно большего числа офицеров и солдат, для формирования из них в дальнейшем надежного и стойкого отряда, который мог бы послужить ядром будущей всероссийской армии и способствовать установлению в России такого правового порядка, при котором для всех без исключения слоев населения явилась бы возможность принять участие в строительстве Новой России. Для этой цели надлежало прилагать все усилия к свержению так называемой «советской власти» повсюду, где это явилось бы возможным по условиям момента и военной обстановки. В первое время организация эта действовала подпольно, ибо наличие при штабе Румынского фронта различных представителей Украины не позволяло ей выявить свою физиономию.

Ею было организовано подавление большевистского восстания в русской колонии в Яссах, которое пытались вызвать агенты Совнаркома, приехавшие в Яссы с комиссаром Румынского фронта, известным в Кронштадте студентом <С.Г.> Рошалем⁷ и еврейской Верой Рог, которая была арестована вместе с содействовавшим им офицером штаба фронта Гвардии капитаном Аксеновым. Ро-

шаль исчез неизвестно куда, причем исчезновение его не без основания приписывалось той же организации. Эта маленькая организация, носившая в то время наименование «контрреволюционной», постепенно стала увеличиваться сочувствовавшими ей и преследуемыми озверевшей солдатской массой офицерами. Для успешного развития подобной организации необходимо было заручиться поддержкой штаба фронта. Навстречу пошли некоторые офицеры штаба, главным образом полковник <Б.А.> Палицын и капитан <И.И.> Федоров.

Этой маленькой организации в дальнейшем и суждено было превратиться в Отряд русских добровольцев Румынского фронта, который под командованием Генерального штаба полковника М.Г. Дроздовского совершил 1200-верстный поход из Румынии на Дон, для присоединения к Добровольческой армии.

2. Формирование добровольческих частей

Когда русские армии Румынского фронта как вооруженная сила перестали существовать, и у оставшегося до конца верным своему долгу офицерства была потеряна последняя надежда на какую бы то ни было помощь извне, до фронта докатилась радостная весть о том, что в пределах России, на Дону, русские патриоты генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов формируют Добровольческую армию, с целью освобождения Родины от большевистской власти и дальнейшей борьбы с общим врагом славянства – германской коалицией. Полученные сведения, в связи с тяжелым положением, в котором очутилось офицерство, подкрепили их моральные силы и вселили в них уверенность, что не все еще потеряно.

Вот на этот-то тихий Дон, как светоч среди полного мрака, охватившего Россию, и устремились их взоры. Здесь многие из них рассчитывали найти душевный покой и приложение своих знаний, физических и моральных сил в новом деле – борьбе с невежеством, злом и предательством русского народа. К этому их звало сознание честно исполняемого до конца долга перед Родиной. Под различными предлогами, получая отпуска, командировки или просто уходя с фронта, офицеры уезжали в тыловой армейский район, и оттуда многие из них пытались пробраться на Дон.

Но одиночным порядком пробраться туда было нелегко. Весь юг России был охвачен анархией, по железным дорогам проехать

было почти невозможно: на каждом шагу за офицерами следили и во многих из них видели контрреволюционеров, вся контрреволюционность которых у большинства заключалась разве лишь в беспредельной любви к Родине и в верности ей. Достаточно было быть чисто и прилично одетым в платье военного покроя или иметь мало-мальски «благообразный» вид, как в таком человеке обязательно видели офицера. А расправа над офицерами в этот период была проста и быстра: самосуд толпы и в лучшем случае – расстрел. Об офицерских и солдатских погонах нечего и говорить.

Поэтому то, те кто пытался пробраться в направлении Дона одиночным порядком, должны были позаботиться прежде всего об изменении своей внешности и заготовлении разных подложных документов, лучше всего за подписью председателей всевозможных комитетов или комиссаров армий фронта. Но и это не всегда помогало. Случайная встреча уезжавшего с фронта солдата, два–три недоброжелательных слова об офицере – и участь узванного была решена. Немного было таких счастливцев, которым удалось благополучно добраться до Дона. Большинство из них, при той или иной кошмарной обстановке, пали в неравной борьбе жертвой обезумевшего народа...

Нужно было найти другой способ. А этот способ был один – организовать в такой отряд, для которого большевистские банды были бы не страшны, и который силой своей организованности, неудержимым порывом вперед к намеченной цели, твердой верой в правоту своего дела, а когда нужно штыками и кровью, проложил бы себе дорогу на Дон. Об этом многие думали, но все это было главным образом строевое офицерство, которое, не имея средств, само к организационной работе было не способно. Да и окруженное недоверием массы, оно не могло ничего предпринять. Нужно было кому-то положить начало, а самое правильное, чего все ожидали, отдать открыто приказ, призывая офицеров к дальнейшему исполнению их долга перед Родиной – подняться на борьбу с ее новыми врагами. Но этого сделано не было. Высший командный состав не уловил настроения офицеров или не решился на приказ, а отсюда в дальнейшем и печальный результат формирования...

Начало организованной работы по формированию добровольческих частей на Румынском фронте было положено после получения штабом фронта от генерала М.В. Алексеева уведомления о том, что он, будучи уполномоченным Национальным центром на формирование Добровольческой армии, приступил к созданию послед-

ней. При этом генерал Алексеев сообщал о тех целях, которые ставит себе Добровольческая армия и о тех условиях, на которых принимаются добровольцы и происходит формирование.

Политическое кредо Добровольческой армии в то время в общем сводилось к признанию идей широкого демократизма и принципов, выраженных первой декларацией Временного правительства. Вожди Добровольческой армии смотрели на нее, как на преемницу той русской вооруженной силы, которая выдержала крайне долгую и упорную войну с грозным врагом, и она, как таковая, отвергнув всякую мысль о соглашении с прежним противником, должна была оставаться верной договорам, заключенным с союзными державами. Приступая в то время к борьбе за самое бытие России, Добровольческая армия не только не преследовала никаких «реакционных» целей, но и не предreshала формы будущего правления.

Исходя из этого, она брала на себя обязанность лишь создать такую обстановку, в которой можно было бы сносно жить и дышать до тех пор, пока вновь избранное Всероссийское Учредительное собрание, представляющее разум и совесть русского народа, не направит жизнь его по новому пути к свету и правде. Сама армия, как вооруженная сила, долженствующая стоять вне политики, не имела партийного флага, и единственный стяг, под которым честные ее войны выступали на самоотверженную борьбу, было трехцветное знамя Великодержавной России. Собирая под сенью его вооруженные силы и стремясь в дальнейшем найти людей государственного опыта, вожди Добровольческой армии призывали все части Государства Российского сомкнуться вокруг нее для борьбы с врагом и совместного государственного строительства.

Зная эту идеологию вождей Добровольческой армии, каждый подписавший обязательство связывался четырехмесячным сроком службы в рядах армии и должен был руководствоваться военными уставами добольшевистского периода и беспрекословно подчиняться воле начальников. Эти условия приема добровольцев в армию и основная цель ее формирования находили полный отклик в сердцах как офицеров, так и солдат, вступавших в ряды добровольческих частей, ибо они являлись прямым следствием честного служения Родине. И это действительно было так. <...>

И можно смело сказать, что недостатка в добровольцах на Румынском фронте не было, если бы не ряд причин, явившихся неожиданным тормозом на пути к намеченной цели. Причины эти мо-

гут быть более ясными лишь после ознакомления с тем, как производилось формирование на Румынском фронте, и какие препятствия встречало оно в различные периоды.

В начале декабря в Яссах появился командующий 14-й пехотной дивизией Генерального штаба полковник Михаил Гордеевич Дроздовский – большой патриот русского дела, ставивший спасение и служение Родине целью своей жизни. Он понимал, что свергнуть большевистскую власть и водворить в стране порядок сможет только вооруженная сила, спаянная воедино, беспрекословно подчиняющаяся воле своих начальников и готовая на всякие жертвы. Сознавая это, он вместе с тем полагал, что необходимую вооруженную силу нельзя создавать из развращенной уже солдатской массы, подчиняющейся до первого случая, а что ее необходимо организовать из сознательно мыслящих слоев русского офицерства. Так же, как и вожди Добровольческой армии, в основание успеха задуманного дела полковник Дроздовский ставил принцип добровольчества, с целым рядом обязательств, главные из которых – вооруженная борьба с насильниками Родины – большевиками, безропотное перенесение могущих встретиться на пути к достижению намеченной цели лишения, аполитичность и борьба за Учредительное собрание, только в котором русский народ может выявить свою волю⁸.

Дроздовский предложил штабу Румынского фронта свои услуги в деле формирования добровольческих частей и, получив от помощника Главнокомандующего фронтом генерала <Д.Г.> Щербачева принципиальное согласие, с лихорадочной энергией принялся за работу. Его деятельность в этот период свелась к привлечению на свою сторону различных мелких организаций, к объединению их воедино, к распространению среди офицеров фронтовых частей и Одесского военного округа идей и целей добровольческой организации и к призыву бойцов в ее ряды. На его первое обращение к одной из офицерских организаций в Яссах положить прочное начало формированию добровольческой бригады, в тот же день в середине декабря с ее стороны последовало согласие. Несколько часов спустя в здании «Notre Dame de sieux», в лазарете Евгеньевской общины, образовалось офицерское общежитие, в котором и нашли приют первые добровольцы Румынского фронта. Вскоре в местечках Соколы (недалеко от Ясс) и Скинтя, где раньше были расположены лагеря румынских войск, было получено несколько барачков, в которых в дальнейшем началась усиленная работа по формированию частей и сосредоточению различного необходимого имущества.

Но в этот период приток добровольцев был незначителен. Объяснялось это прежде всего отсутствием должной ориентировки среди войсковых частей на фронте, куда сведения о формировании добровольческих отрядов почти не доходили, а если и доходили, то в неясной форме и через случайных лиц, часто не заслуживающих доверия. Телеграфная и другая ориентировка высших штабов затруднялась контролем всевозможных комиссаров и комитетов, которые везде и всюду, а особенно в добровольческих формированиях, склонны были видеть контрреволюционные замыслы, а потому всячески поддерживали или тормозили все начинания в этом направлении. Особенно много препятствий на пути пришлось встретить со стороны комиссара по украинским делам при штабе фронта, штабс-капитана Чеботаренко. Штаб фронта в то время еще имел чисто украинскую окраску, и дело доходило даже до того, что конвой генерала Щербачева состоял из театрално костюмированных «украинцев».

Было много и других причин неуспешности пополнения добровольческих формирований. К ним необходимо отнести противодействие со стороны разных «национальных частей», привлекавших на свою сторону офицеров лучшими условиями жизни, большим жалованием, положением офицеров в роли начальников и более легкой службой, не сопряженной с лишениями. Начальствующие лица национальных частей при этом открыто говорили офицерам, что цели их и добровольцев общие – борьба с большевиками и созыв Учредительного собрания. И многие офицеры шли туда.

Самой же главной причиной задержки формирования необходимо признать отсутствие на Румынском фронте в то время второго генерала Алексева или, что еще важнее по времени, второго Корнилова. Оба этих имени были хорошо известны русскому офицерству: им верили, и за ними слепо пошло бы большинство офицеров. Из оставшихся в этот период старших начальников на Румынском фронте не нашлось ни одного, который был бы известен общей массе рядового офицерства по своим прежним заслугам или как энергичный и решительный генерал, могущий быстро привлечь на свою сторону доверие молодых офицеров, с их отзывчивой и чуткой душой...

В один из дней праздника Рождества Христова полковник Дроздовский произнес речь о необходимости усиленной агитации и предложил желающим офицерам ехать на фронт и в ближайшие города военных округов на театр военных действий, с целью откры-

тия в последних бюро записи добровольцев и отправки их в формирующиеся части. Почти одновременно с этим он сам отправился в Одессу, где рассчитывал при помощи офицерской организации во главе с генералом <Е.А.> Леонтовичем⁹ собрать значительное число добровольцев. Но ожидания Дроздовского не оправдались. Генерал Леонтович содействия не оказал, а одесские офицеры предпочитали в то время сидеть в тылу и под различными предложениями отказывались немедленно поступить в добровольческие части, объясняя причины отказа утомлением войной, желанием немного побыть в среде родных и близких, друзей и знакомых, болезнью, инвалидностью и проч.

Запись добровольцев и в других местах тыла шла вяло. Мало нашлось тогда людей, готовых отрешиться от личной жизни и променять ее на жизнь во имя Родины, на жизнь, полную опасности, трудов и лишений. Почти год общего духовного обнищания, почти год сплошного земного разврата уже сказывались и оставили известный отпечаток даже и на офицерской среде! Почти год унижений, обид и оскорблений видимо также еще ничему не научили многих из них. Они предпочитали дальнейшие унижения, ничегонеделание или черную работу – светлой идее, благородному и честному риску... Агитация в прифронтовой полосе также не увенчалась успехом. Но причины здесь были другие. Главная из них – слежка за офицерами и невозможность из тыла пробраться без помощи комитетов на фронт. К тому же и личная агитация на фронтах была почти равносильна гибели как агитатора, так и лиц, ему сопутствовавших.

Большая надежда в этом направлении открылась после измены России вождей Украины, когда все, как за последней возможностью спасения, бросились за идеей добровольчества. Особенно значительную поддержку стали оказывать союзники в лице французской и американской миссий, которые своим воздействием на главную румынскую квартиру часто вынуждали ее идти нам навстречу.

Как результат этого, в середине января последовало официальное признание существующей организации и было дано разрешение на дальнейшее формирование добровольческих частей со стороны главного румынского командования и генерала Щербачева. Причем последний предоставил право добровольцам отбирать необходимое им имущество у бегущих с фронта частей. Работа по формированию пошла более интенсивно и вскоре дала известные положительные результаты.

В Яссах на улице Музилер в доме № 24 было открыто бюро записи, в котором каждый желающий поступить в Добровольческую организацию был прежде всего ознакомлен с целью создания добровольческих частей, с задачами, стоящими перед ними, и с различными требованиями, предъявляемыми добровольцу, о которых говорилось выше. Только после внимательного ознакомления с этими задачами, целями и обязанностями, в случае добровольного согласия их исполнять, со стороны желающих поступить в добровольческие части брались две подписи, которые давали им право считаться добровольцами и возлагали на них с этого момента ряд обязательств. Затем принятый доброволец отправлялся для временного расквартирования и питания в Ясское офицерское общежитие или прямо в Соколы или Скинтею, в распоряжение командиров формирующихся частей.

Формирование частей в этот период не носило еще организованного характера, ибо полковник Дроздовский первоначально задался лишь целью привлечь возможно большее число добровольцев и приобрести максимальное количество материальной части, а также обеспечить будущие формирования конским составом, оружием, обмундированием, обувью и питанием. Одновременное формирование нескольких однородных частей, несмотря на отсутствие необходимого для этой цели достаточного числа офицеров, имело также оправданием желание по многим причинам скрыть от румын истинное число добровольцев, а также необходимость принимать во внимание настроение многих офицеров, прежде чем поступить в бригаду спрашивавших: «а много ли вас?..».

Ближайшим и незаменимым помощником Дроздовского был Генерального штаба полковник <М.К.> Войналович, на которого Дроздовский возложил формирование первого полка. Очень энергичный, решительный, заслуживший вскоре общее доверие офицеров, пользовавшийся их большими симпатиями, полковник Войналович с любовью и большим порывом принялся за проведение в жизнь намеченного Дроздовским плана.

В результате их совместной работы, к двадцатым числам января в распоряжении Дроздовского было порядочное количество артиллерийского, инженерного и интендантского имущества, а также и значительное число добровольцев. В частности, в этот период формирование совершалось в следующей постепенности:

В первых числах января записавшиеся в организацию добровольцы были направлены через Соколы в Скинтею, где они посту-

пили на формирование 1-й офицерской роты, командиром которой первоначально, как старший в чине, был назначен есаул Дебриков, вскоре же отрешенный от должности. В дальнейшем в командование 1-й ротой вступил подполковник <В.А.> Руммель. Одними из первых офицеров, положивших начало формированию роты, были штабс-капитаны Ракин, <М.И.> Попов, <К.П.> Каплин, <Н.П.> Чижов, прапорщики <Г.А.> Кропачев, Ходарович и другие боевые офицеры Румынского фронта.

Одновременно в Скинтею были отправлены артиллерийские офицеры во главе с капитаном Колзаковым, из которых было приступлено к формированию офицерской конно-горной батареи. Пушки для батареи получили при помощи штаба фронта, вызвавшего в Соколы 1-ю Кавказскую горную батарею и предложившего Дроздовскому разоружить ее. Для этой цели были высланы 20 офицеров, которые разоружили батарею, забрали у нее четыре исправных орудия, четыре зарядных ящика, лошадей и имущество и доставили все в Скинтею. Разоружение батареи произошло безболезненно, сопротивляться никто не подумал. Солдаты, следовавшие с батареями, были отпущены по домам.

Числа 13 (26) января в Скинтею, в распоряжение бывшего там полковника Войналовича, прибыла группа офицеров 4-й стрелковой дивизии во главе с капитаном <Л.И.> Андреевским. Офицеры эти принадлежали к числу тех, которые при украинизации дивизии «не подчинились воле начальства» и предпочли покинуть ее в былое время славные ряды, не замавав своего имени сделкой с совестью. В числе офицеров этой группы были поручик <М.Г.> Рауткин, поручики <Н.В.> Избаш и <П.М.> Трофимов и прапорщики <Г.А.> Серебряков и <Г.М.> Чаплыгин. По дороге в Яссах к ним присоединился старший унтер-офицер <В.М.> Синюткин, просивший зачислить его в «добровольцы». Из посланных выше лиц приступили к формированию 2-й роты, командиром которой был назначен капитан Андреевский.

Числа 15–16 (28–29) января в Соколах началось формирование 3-й роты, которую в дальнейшем предполагали развернуть в 3-й полк, командиром которого штабом фронта был предназначен Генерального штаба полковник <Г.Д.> Лесли. Командиром роты был назначен подполковник Кунцман, а первыми офицерами, положившими начало существованию ее были поручики <А.С.> Калишевич, <В.К.> Соколовубов, <С.А.> Петров, <В.В.> Васильев, <Т.К.> Баранов и подпоручик Малиновский.

21 января (3 февраля) было приступлено к формированию дальнбойной 42-линейной батареи. Орудия для нее были отобра- ны у 34-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона, а ло- шади и часть солдат – из числа бывших в деревне Редия. К форми- рованию батареи был допущен капитан <Н.А.> Михайлов.

В это же время в Соколах группа офицеров разоружила при- бывшую туда автороту, часовые которой ночью были сняты, а затем все машины в числе более 100 и большое имущество перешли в на- ши руки. Несколько солдат поступили к нам добровольцами. Здесь же в Соколах организацией были взяты 800 винтовок, несколько пулеметов, 52 револьвера системы «Наган», несколько миллионов ружейных патронов и богатый интендантский склад.

Необходимо отметить, что в этот период приобретение различ- ного имущества, нужного организации, производилось доброволь- цами почти исключительно за счет разбежавшихся с фронта частей. Для этой цели добровольцы устраивали у дорог, вблизи путей сле- дования с фронта частей засады, неожиданно нападали на головы колонн, захватывали незаметно большею частью ехавших впереди начальников, а затем быстро и решительно отбирали у войск ору- жие и делали дальше свое дело, увозя с собой необходимое имуще- ство, а иногда забирая и офицеров, следовавших с фронта с частя- ми. Солдаты почти всегда при первой возможности отпусkaliсь «на свободу»...

Так закончился первый период работы по формированию на Румынском фронте добровольческих частей, работы, в которую полковник Дроздовский и его ближайший помощник полковник Войналович вложили всю свою душу.

В дальнейшем во главе формирования появились новые лица, ранее занимавшие высшие командные должности, а за последнее время, в связи с демократизацией и украинизацией армии, остав- шиеся «не у дел». Вместе с тем признали необходимость прежде всего организовать штаб, что и было исполнено в 20-х числах янва- ря, причем штаб получил наименование Управления по формиро- ванию добровольческих частей. Приказом русским войскам Ру- мынского фронта от 24 января (6 февраля) за № 1413 бывший ко- мандующий 9-й армией генерал-лейтенант <А.К.> Кельчевский¹⁰, первоначально уступивший эту должность выборному командарму прапорщику <Г.П.> Сафронову, а в дальнейшем официально заме- ненный украинским ставленником генералом <А.М.> Заболот- ным¹¹, был назначен инспектором по формированию добровольче-

ских частей. В качестве своего помощника, в роли начальника штаба, он избрал Генерального штаба генерал-майора <А.Н.> Алексева¹², бывшего начальника 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, возложив на него приказом № 1 по Корпусу русских добровольцев от 27 января (9 февраля) обязанности «немедленно приступить к формированию добровольческих частей». Назначенный начальником штаба генерал-майор Алексеев в последнее время занимал должность командира 6-го кавалерийского корпуса, но, не признав себя украинцем, он был скоро смещен, а вместо него в командование корпусом вступил полковник <А.А.> Рябинин, сыгравший неважную роль во время своего выступления на съезде в Ботушанах при штабе армии, где он вел явную агитацию против своего командира корпуса генерала Алексева.

Став во главе добровольческих частей, генерал Кельчевский прежде всего приветствовал те роты, батареи и команды, которые были уже сформированы: «Вам, русские люди, воодушевленные великой идеей по созданию кадров для будущей Русской, ныне погибшей, армии, будет принадлежать честь и слава ее восстановления. Вам, скромные, но мужественные люди, отрезвевшая Русь скажет спасибо за Ваше могучее сердце, за то, что среди всеобщей злобы и подозрений, среди анархии и подлых наветов, Вы не перешли за грань, где теряется здравый смысл, и с верой в Бога взялись за великое дело по созданию силы для борьбы по восстановлению порядка и на защиту будущего Учредительного собрания, истинного хозяина земли Русской. Бог Вам на помощь, для дружной и честной работы». Так заканчивал генерал Кельчевский свой первый приказ по Корпусу русских добровольцев.

Таким образом, во главе формирования были поставлены новые лица, мало известные офицерству Румынского фронта, а те, которые к этому времени что-то создали, как, например, Дроздовский и его ближайшие помощники, отошли на задний план на более скромные роли. Штаб формирования быстро заполнился, и скоро в нем ни одной свободной должности не осталось. Лиц же, желавших предложить свои услуги для работы в штабе, было много. Для некоторых из них пришлось создать новые должности, и штаб с каждым днем значительно возрастал, причем были лица, которые, будучи заняты какими-нибудь другими делами, «полагались в ожидании».

На первое время было решено сформировать Добровольческий корпус в составе двух бригад, каждая в три полка пехоты, полк конницы при значительном количестве легкой и тяжелой артилле-

рии. 1-я бригада, имея своим начальником полковника М.Г. Дроздовского, должна была формироваться по-прежнему в районе Ясс. 2-я, во главе с генерал-майором Асташовым¹³ – в районе Кишинева, где, благодаря близости его к фронту, скопилось значительное число офицеров. Но работа по формированию добровольческих частей не ограничилась планом по созданию двух бригад. Как говорили офицеры штаба, имелось в виду приступить одновременно к формированию в районе Болграда 3-й бригады.

Надежд было так много, что в Яссах стали открыто говорить о создании целой Днестровской Добровольческой армии. Но надеждам этим не только не суждено было сбыться, но, как увидим впоследствии, был момент, когда казалось, что все дело формирования должно рухнуть. И это было бы так, если бы не твердость и решимость полковника Дроздовского и его ближайшего помощника, уже не в роли командира 1-го полка, а в роли начальника штаба 1-й бригады, полковника Войналовича, не пожелавших исполнить приказ о роспуске добровольцев и взявших в свои руки завершение ими же начатого великого дела...

3. Обстановка после заключения перемирия. Малодушие руководителей и твердость полковника Дроздовского. Его решение. Выступление из Ясс и сосредоточение в Дубоссарах

Одной из главных причин безуспешности формирования в февральский период необходимо признать изменившееся отношение к добровольческой организации со стороны румын, которые, в связи с сепаратным выступлением вождей Украины очутились в крайне тяжелом положении¹⁴. В результате, когда переговоры между Украиной и германской коалицией приняли явно неблагоприятный для Румынии характер, румынское правительство, несмотря на протесты со стороны союзных миссий, вынуждено было в свою очередь стать на путь примирения с Германией. Начались мирные переговоры.

Отлично учитывая, что на совершенно развалившиеся части Русской армии рассчитывать не приходится, и что поэтому всю войну для румын можно почти наверное считать проигранной, румынское правительство и командование думали только о том, как

бы лучше выйти из тяжелого положения. Поэтому, боясь что-либо потерять в период ведения мирных переговоров с немцами, румыны старались быть внимательными в отношении последних.

А германцы, по крайней мере, в первое время, не могли допустить создания каких бы то ни было русских крупных военных организаций. Формирующиеся добровольческие части естественно были у немцев «бельмом на глазу». Особенно, если принять во внимание некоторые неосторожные действия со стороны добровольческой организации, представители коей открыто вывешивали на видных местах воззвания к русским офицерам, приглашая их записываться в добровольческие части, которые своим девизом имели «борьбу с большевиками и немцами – их пособниками». На это, конечно, не могли не обратить внимания немцы. Говорили, что германцы действительно потребовали разоружения добровольческих частей.

Добровольцам казалось, что не одни эти причины были результатом изменения отношения со стороны румын к русским. Здесь была и обида за неудовлетворенные надежды, и желание, пока не поздно, хоть чем-нибудь поживиться за счет своего прежнего союзника, в распоряжении которого оставалось различное очень ценное имущество, стоившее нескольких миллиардов рублей. На это имущество и были устремлены румынские взоры. Поэтому, вначале осторожно, а затем уже явно нахально, применяя в дело даже оружие, румыны начали отбирать у русских частей все, что представляло мало-мальскую ценность. Этот период совпал с идущей уже ускоренным темпом демобилизацией старших сроков службы и с выводом с фронта в пределы Бессарабии некоторых частей.

Румыны потребовали все вооружение и различное имущество, принадлежавшее русским армиям, не отправлять в пределы России, а оставить на румынской территории. Жадность румын не знала предела. Они не довольствовались тем огромным имуществом, которое уже забрали у русских на наших армейских складах и в пределах оккупированной ими к этому моменту Бессарабии. Взоры свои они устремили также на фронтовой район. Но появиться здесь и захватить имущество, находившееся в распоряжении частей, румыны вначале не рискнули. Русские войска с этим согласиться не могли. Не пожелали этого и большевики. Вскоре выборные начальствующие лица получили из центра приказ войскам прорываться со всем имуществом и не оставлять его на румынской территории.

В результате в первых числах февраля начался уход с фронта целых дивизий и корпусов, пытавшихся силой пройти в разных направлениях, главным образом в районе Черновиц. Румыны своевременно были подготовлены к этому. Они прикрыли прежде всего своими частями северную часть территории, дабы не допустить наших войск в Ясский район и в пределы Бессарабии, а затем направили отряды ближе к правому флангу 9-й армии, в те районы, через которые могли проходить наши части. И только тогда, когда румыны лично убедились в полной недееспособности наших войск, они открыто стали на их пути и, пользуясь малочисленностью и разрозненностью их действий, решили применить силу и потребовать сдачи оружия. Солдаты, мечтавшие только о том, как бы скорее попасть домой, имея во главе себя неопытных в смысле управления войсками начальников, редко решали оказывать сопротивление румынам. Таким образом почти все вооружение русских армий Румынского фронта осталось в руках наших прежних союзников.

Но на этом румыны не остановились. Они предприняли репрессии даже в отношении отдельных лиц. С офицерами русских войск вели они себя в высшей степени вызывающе, препятствовали свободному передвижению их по железным дорогам, отбирали принадлежавшие им разные вещи и в первую очередь не только огнестрельное, но и холодное оружие. При этом, не доверяя нашим офицерам и считая, видимо, их всех большевиками, они обыскивали чемоданы и даже лазили по карманам. Взятки брались открыто, на каждом шагу. Охотно скупалось за бесценно явную казенную имуществу, румынские караулы во главе с офицерами продавали из охраняемых ими захваченных у русских складов консервы, беря за каждую банку по два-три франка. Так поступали не только солдаты, но главным образом офицеры Румынской армии, той армии, в момент полного бегства которой около миллиона русских протянули ей братскую руку помощи, той армии, на родной территории которой за ее удержание от захвата германо-австрийцами сотни тысяч русских сложили свои головы. Не мудрено, что теперь каждый русский рядовой офицер, бывший в те дни на Румынском фронте, ненавидит румынскую нацию, а офицеров ее – в особенности.

В свою очередь, украинский комиссар фронта, штабс-капитан Чеботаренко, необычайный самостийник, исходя из объявления <С.В.> Петлюрой Румынского фронта «украинским», считал все бывшее русское имущество фронта принадлежащим Украине и всячески старался ничего не давать добровольческой организации.

Войдя в тесную связь с румынской главной квартирой, он постоянно внушал румынскому командованию, что добровольцы, как носители идеи Единой и Неделимой России, не смогут примириться с захватом румынами Бессарабии и с самостоятельностью Украины, а потому, дескать, они наши общие враги...

Такова была обстановка на Румынском фронте в феврале 1918 года.

Но, несмотря на все препятствия, нами переживаемые, добровольцы не падали духом. Терпеливо переноса глумления румын и препятствия со стороны представителя Украины, добровольцы думали только о том, как бы больше спасти имущества, необходимого для похода. В этом направлении и сосредотачивалось все их внимание.

Поэтому, узнав о том, что в числе разоруженных румынами войск была 26-я артиллерийская бригада, часть офицеров коей уже несла службу в рядах добровольцев, офицеры-артиллеристы, при поддержке бывшего в Яссах командира 1-го дивизиона 26-й бригады полковника Мицловского, возбудили ходатайство о передаче материальной части, лошадей и уцелевшего имущества бригады добровольческой организации. Только благодаря исключительно французам и отчасти генералу Щербачеву, с которыми румыны вынуждены были еще считаться, от Румынской главной квартиры последовало разрешение, после чего состоялась командировка на станцию Фельтичени пяти офицеров во главе с капитаном <В.П.> Туцевичем. При помощи солдат 102-го Вятского и 103-го Петрозаводского пехотных полков (120 человек) в Скинтею были привезены 36 орудий, 68 зарядных ящиков и часть имущества. Солдат, привезших пушки, на сей раз не отпустили, а временно прикомандировали к конно-горной батарее. 4 (17) февраля полковнику Мицловскому было приказано сформировать из привезенных орудий, солдат и 22 бывших в добровольческой бригаде офицеров 26-й артиллерийской бригады легкую батарею.

Около середины февраля прибыл в Скинтею 27-й мортирный артиллерийский дивизион с двенадцатью 48-линейными гаубицами и частью офицеров и солдат. Большая часть личного состава дивизиона скоро рассеялась, осталась наибольшая группа, из которой было приказано капитану Кусакову приступить к формированию мортирной батареи.

15 (28) февраля в Скинтею прибыла 1-я автоброневая батарея для стрельбы по воздушному флоту, состоявшая из четырех броне-

вых машин, двух легких и двух грузовых автомобилей и автомобильной мастерской. Батарея была разоружена, солдаты почти все разбежались, а имущество осталось у нас и в дальнейшем весьма пригодились.

Так постепенно, обходя всевозможными способами препятствия, чинимые румынами, и обращаясь постоянно к помощи представителей союзных миссий, которые, боясь показать, что они и сами теряют значение при румынской главной квартире, настойчиво просили исполнения наших пожеланий, подвигалось вперед дело исполнения материальной части 1-й Добровольческой бригады...

В обстановке повседневного труда и глухой, но непрерывной борьбы с румынским недоброжелательством, в маленьких, но дружных частях бригады выковывалась постепенно сознательная и твердая дисциплина, росла тесная внутренняя спайка, создавались здоровые и жизненные традиции. В виду того, что на душе у большинства записавшихся добровольцами офицеров скопилось много горечи и обиды при виде крушения непобедимой некогда армии, а также сильно было чувство возмущения теми безобразиями распущенной и звероподобной толпы, которые явились по вине революционных деятелей и по причине слабости и нерешительности стоявших у власти. Добровольцы уже тогда твердо решили сделать все возможное для борьбы против дальнейшей анархии и произвола. К этому призывала и та подписка, которую они давали при вступлении в организацию. Там, наряду с требованиями и задачами общего порядка: довести страну до Учредительного собрания, признавать на службе единую волю лица, над ними поставленного, исполнять военные уставы и законы, изданные до революции, не вести никакой политической агитации и проч., были и такие обязательства, которые говорили о самопожертвовании добровольцев во имя носимой ими идеи. Так, давалось обещание безропотно переносить выпадающие на службе лишения: недостаток жалования и пищи, одежды и обуви, не жаловаться на неудобства расквартирования и проч. Звучали даже часто пуританские нотки – так, между прочим, предписывалось воздержание от пьянства и игры в карты.

Как энергичный протест против общей расхлябанности, растерянности и распущенности, сами офицеры-добровольцы радостно культивировали в своей среде особую дисциплинированность и выправку, строго придерживаясь правил субординации и стремились стать образцом служебной исполнительности долга. В те часы, которые оставались свободными от непрерывной работы над созда-

нием нужного хозяйства и обоза для будущего похода, в ротах велись строевые занятия с целью лучшего сколачивания их в строевом отношении. Часто в ведении этих занятий проскальзывал чисто спортивный интерес к делу – старались, например, создать образцовый взвод или образцовое по строю отделение. Скинтейцы, и среди них 2-я рота, особенно отличались в этом направлении. 2-я рота, ставшая впоследствии лучшей ротой отряда, явилась носительницей особых полковых традиций. Повседневная жизнь в дощатых бараках, сквозь щели которых проглядывало небо, была суровой и неприглядной. Поездка за дровами в лес, уход за ротными лошадьми, запасание фуража для них и продуктов на запас для предстоящего похода; будничная служба дежурных и дневальных, несение караулов – все это лежало на плечах самих офицеров, которые ничуть не тяготились этой обстановкой, но, полные порыва и воодушевления, умели сделать ее даже веселой, сдобрив свой труд и песней, и шуткой. Сначала непривычно было видеть холщевые патронташи и подсумки, которые опоясывали изящно пошитые френчи и аккуратные офицерские гимнастерки с блестящими погонами; новым казалась фигура такого офицера с винтовкой в руках на часах. Но вскоре привыкли и втянулись.

Полковник Дроздовский, улучив минуту, навещал своих добровольцев, беседуя с ними и подбадривая их в сумеречных буднях румынского гнета. Часто бывал с ними его ближайший помощник, правая рука, полковник Войналович, сделавшийся впоследствии душою отряда, как Дроздовский его знаменем и головою.

Притеснения со стороны румын не ограничивались захватом предметов артиллерийского, инженерного и интендантского снабжений и их гнусным отношением к русским войскам. Они скоро решили ликвидировать нашу последнюю надежду – не допустить формирования добровольческих частей и выхода их с оружием в руках из пределов Румынии и оккупированной ими Бессарабии.

Работу эту румыны проделывали постепенно. Сначала стали распространять слухи о нашем разоружении, затем опубликовали в Бессарабии ложные сведения о совершившемся якобы уже роспуске добровольческих частей. И только после такой предварительной подготовки румынское командование открыто заявило, что бригады не могут продолжать дальнейшее формирование, должны сдать оружие и быть расформированы, после чего люди могут разъезжаться из пределов Румынии. Требование это совпало с началом отъезда из Румынии представителей дружелюбно рас-

положенных к нам иностранных держав и с началом продвижения германских частей через пределы Румынии к прежней русской границе. Таким образом, добровольческая организация была оставлена всеми и могла впредь рассчитывать только на свои силы.

Положение наше с каждым днем становилось все тяжелее. Время шло, а нужно было спешить, дабы уйти от немцев и не попасть в их руки. В результате штаб растерялся, и, после целого ряда переговоров и совещаний, генерал Кельчевский, принимая во внимание обстановку в пределах России, неуспешность формирования вообще и отсутствие необходимой для похода конницы, не нашел ничего лучшего, как признать задуманный план неосуществимым, рискованным и явно обреченным на неудачу. Вторжение немцев в пределы России, по-видимому, сыграло решающую роль, и он, с ведома генерала Щербачева, издал приказ об аннулировании данных офицерами обязательств и о роспуске частей добровольческого корпуса. Тем, кто знал в то время об этом приказе, казалось, что все задуманное великое дело погибло¹⁵.

Но нашлись люди, которые решились не исполнить на сей раз приказа своего начальства. На Румынском фронте во главе 1-й Добровольческой бригады был полковник Дроздовский. Он твердо воспротивился распылению бригады и категорически заявил, что приказа Кельчевского об освобождении добровольцев от принятых ими на себя обязательств он в 1-й бригаде не опубликует, и предложил всем малодушным и слабым нервами лучше не прикасаться к бригаде и не марать ее чистого, светлого порыва вперед, сопряженного, правда, с большим риском, но насущно необходимого и жизненно повелительного. Он потребовал от генерала Кельчевского предоставить ему право закончить им же начатое дело. Штаб доказывал невозможность похода. Дроздовский настаивал. Он верил в правоту нашего дела и надеялся, что неудержимый порыв вперед и безграничная любовь к Родине сделают невозможное достижимым. Он твердо решил настоять на своем.

К этому времени обе бригады, формировавшиеся в районе Ясс и Кишинева, едва ли насчитывали 1600 офицеров. Настроение «верхов» естественно не могло остаться для них незамеченным и не отразиться на их психологии. К тому же приказ генерала Кельчевского успел дойти до Кишинева, где был оглашен во 2-й бригаде, по распоряжению ее начальника генерала <Ю.Ю.> Белозора¹⁶, сменившего к этому времени генерала Асташова, по резкости своего характера не сумевшего ужиться с «Сфатул-Церием»¹⁷ и поругав-

шегося с ним. В результате, благодаря предательству одних и нерешительности других, Кишиневская бригада, за ничтожным исключением, поспешила исполнить приказ и начала «распыляться». В это-то самое трудное и тревожное для добровольческих частей время Дроздовский решил стать во главе их. Он верил, что за ним пойдут, и не ошибся – вся 1-я бригада, зная его, пошла за ним.

Кто же был Дроздовский? Почему он, а никто иной из старших начальников, когда весь высший командный состав спасовал, смело пошел вперед по намеченному пути? На это нам дает ответ знакомство с историей частей его имени и его биографией. Став во главе добровольческих частей, полковник Дроздовский мало обращал внимания на еще существовавший штаб формирования и принялся за работу сам.

Ближайшими своими задачами он поставил:

1. Сосредоточение всех частей бригады в одном пункте – в Сколах, чтобы, в случае попыток со стороны румын обезоружить части бригады, представлять большую силу для противодействия им.

2. Потребовать и добиться от румынского правительства и штаба пропуска бригады с оружием в руках, а равно – выполнения их обещания о снабжении бригады всем необходимым.

3. В любой момент быть готовым на случай необходимости прорваться через Унгены в Бессарабию.

4. Привлечь на свою сторону офицеров из состава 2-й бригады, а также начавшиеся различные мелкие формирования в районе Болграда и Измаила.

5. Как можно скорее выйти из пределов Румынии и из района действий германских и австрийских частей.

Общая задача оставалась прежней – собрать возможно больший по численному составу и по материальной части отряд и пробиться с ним, по возможности избегая боев с крупными силами большевиков на Дон, для присоединения к Добровольческой армии генерала Корнилова.

Имея в виду, что при выполнении основной задачи возможно ожидать встречи с нашими внешними врагами – австро-германцами, Дроздовский заранее решил держаться временно в их отношении нейтрально, поставив себе при этом целью:

а) всячески избегать с ними встречи, обходя занимаемые ими районы, а при их приближении к нам – быстро уходить дальше;

б) в случае вынужденной встречи ни в какие соглашения с ними не входить, объясняя (если это будет действительно необходи-

мо) им нашу задачу борьбой исключительно с большевиками. При этом быть всегда готовыми на случай вынужденного противодействия им. В последнем случае – действия самые решительные и энергичные.

Остановившись на намеченном плане действий, Дроздовский немедленно приступил к его осуществлению. 20 февраля (5 марта) он едет в Скинтею и отдает секретное распоряжение в ближайшую же ночь всем расположенным там частям перейти в Соколы, взяв с собой возможно большее количество материальной части. Приказание это точно выполняется, и утром 21 февраля (6 марта) все части пехоты, артиллерии и технических войск, располагавшиеся в Скинтее, сосредотачиваются в Соколах, привезя с собой почти всю артиллерию, много пулеметов, три броневых машины, около 2 млн ружейных патронов и большое количество снарядов.

Предупредив, чтобы люди были в сборе и готовы на случай возможных со стороны румын попыток нас обезоружить, Дроздовский немедленно начал настойчиво хлопотать через генералов <А.В.> Геруа, <Д.Г.> Щербачева и французов перед румынской главной квартирой и румынским правительством в лице премьера <А.> Авереску о пропуске бригады по железной дороге до Кишинева и о снабжении ее необходимым различным имуществом. Французы, еще не успевшие уехать из Румынии, по-прежнему охотно помогали нам, хотя в этот период было заметно с их стороны какое-то заигрывание с большевиками. Возможно, что оно объяснялось боязнью, что большевики могут не допустить проезда по России оставшихся еще в Румынии чинов французской миссии, и в таком случае, вместо Франции они могут очутиться в плену у Германии.

Генерал Щербачев, зная настроение нашей бригады, готовой на все, в свою очередь поддерживал ходатайство Дроздовского перед румынским главным командованием и королем. Официально румынские представители были довольно любезны, на многое давали согласие, но когда дело касалось приведения в исполнение их приказаний на местах, благодаря тайным распоряжениям, Дроздовский и его представители во всем встречали отказ.

Так было 20 февраля (5 марта), когда Дроздовскому, наконец удалось получить разрешение на вывоз артиллерии и оружия, а также ему была обещана подача эшелонов и отпуск недополученных снарядов, патронов и снаряжения. Но, несмотря на то, что эшелоны действительно уже были поданы, погрузку произво-

дять не разрешали, а с отпуском обещанного вооружения и снаряжения просто «водили за нос». Видно было, что румыны к чему-то готовятся. Привыкнув к постоянному надувательству с их стороны, мы не могли надеяться на то, что на этот раз не последует приказа об отмене разрешения на право выпуска бригады с оружием в руках.

А дни бежали. С ними приближалось время разлива рек, лжавших в большом числе на нашем пути. Вместе с тем проведение в жизнь намеченного плана становилось с каждым днем все более затруднительным, ибо постоянных переправ через Днепр у Бериславля и через Буг не было, а наплавные могли быть разведены. К тому же необходимо было считаться с возможностью занятия немцами Бесарабии. Эта обстановка, естественно, вынуждала нас спешить.

Неуверенность в румынах оправдалась вновь 22 февраля (7 марта), когда кабинет министров, принимая во внимание начавшееся занятие немцами Румынии и невозможность нарушения нейтралитета Украины, постановил не выпускать бригады с оружием в руках и не разрешил ее перевозки по железной дороге. Дроздовский понял необходимость действовать решительно. В ответ с его стороны последовало заявление, что разоружение отряда добровольцев не будет столь безболезненно, как они, может быть, полагают, и что маленькая часть людей, одушевленная желанием спасти Родину, может доставить им много хлопот и неприятностей.

У участников похода сохранилось воспоминание, что Дроздовский при этом пригрозил, что при первых враждебных со стороны румын действиях, город и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем. Постановление совета министров румыны пытались провести в исполнение, но и добровольцы не отказывались при этом исполнить предостережение своего Вождя. В тот же день, 22 февраля (7 марта) после 15 часов румынские войска стали подходить и окружать Соколы. Их передовые части уже прибыли в наш лагерь и остановились вблизи барраков 3-й роты, выставив при этом свои пулеметы на главной дороге. Будучи подготовленными к этому, добровольцы не растерялись: полковник Войналович вызвал всех «в ружье», артиллеристы навели свои тяжелые и легкие орудия на Ясский королевский дворец и стали возле них... Впечатление было произведено, враг был удивлен, а «удивить – значит победить». И мы победили действительно, ибо румыны сочли необходимым лучше не связывать

ся с нами и... ушли с поникшими головами. Насмешки со стороны добровольцев провожали их...

Наши энергичные действия быстро сказались, ибо в тот же день вечером последовало новое распоряжение о подаче румынам сведений, необходимых для составления плана перевозки бригады до Кишинева, а 23 февраля (8 марта) вновь было получено официальное разрешение на отправку бригады по железной дороге, а также был дан наряд на отпуск необходимого имущества, правда, в очень ограниченном количестве. При этом румыны категорически потребовали тяжелой артиллерии совершенно не брать и дали право на провоз лишь четырех легких, двух горных и двух 48-линейных орудий. Число снарядов было также ограничено.

Но твердость и решительность Дроздовского все же сделали свое дело. 24 февраля (9 марта) началась погрузка, а 25-го – тронулись первые эшелоны. Правда, план перевозки приходилось все время видоизменять, потому что румыны не выполняли в точности наших заданий и во всех эшелонах перепутали необходимое число вагонов и платформ. Но на это уже никто не обращал внимания, все думали только о том, как бы поскорее погрузиться и уехать подальше от прежних своих союзников.

Состав эшелонов был распределен следующим образом:

- 1-й эшелон – 1-я рота и пулеметная команда;
- 2-й эшелон – 2-я рота и мортирный взвод;
- 3-й эшелон – 3-я рота и ее пулеметный взвод;
- 4-й эшелон – конный эскадрон и конно-горная батарея;
- 5-й эшелон – легкая батарея и радиостанция;
- 6-й эшелон – все обозы частей и управления бригады.

В отправке эшелонов происходила большая задержка, причем последний эшелон смог отойти лишь в 20 часов 28 февраля (13 марта). В частности:

- 1-й эшелон – 25 февраля (10 марта);
- 2-й эшелон – 25 февраля (10 марта);
- 3-й эшелон – 26 февраля (11 марта);
- 4-й эшелон – 27 февраля (12 марта);
- 5-й эшелон – 27 февраля (12 марта);
- 6-й эшелон – 28 февраля (13 марта).

До отправки последнего эшелона Дроздовский оставался в Соколах, лично руководил погрузкой и ликвидировал различные недоразумения, бывшие с румынами. Вместе с тем он предупреждал всех быть в пути в полной готовности отразить те нежелательные

для нас действия, возможные со стороны занимавших Бессарабию румынских войск.

Получив затем незначительные денежные суммы, всего 2 млн лей из 8-ми, бывших в распоряжении генерала Кельчевского*, и не имея достаточного запаса бензина, в отпуске которого всячески противодействовали некоторые чины автороты, занимавшиеся тайной распродажей казенного имущества, Дроздовский вынужден был для усиления средств отряда, продать часть машин. Только после полудня 28 февраля (13 марта) он, в сопровождении вновь назначенного начальником артиллерии, генерал-майора <Д.И.> Невадовского, отбыл на автомобиле к прежней русской границе у станции Унгены. Дорогой румынские часовые несколько раз останавливали автомобиль и требовали пропуска. У моста через Прут Дроздовский догнал следовавшую впереди автоколонну. Вечером он прибыл в Калараш, где и остановился на ночлег.

В период остановки последних эшелонов были получены сведения о занятии немцами станции Раздельной. Украинцы также пристально следили за нами. Самой же крупной неприятностью была весть о занятии большевиками Новочеркаска и Ростова и об уходе Добровольческой армии на Кубань. Эта последняя новость несколько отразилась на настроении Дроздовского. К тому же сказывалась борьба его со штабом формирования и с румынами – он сделался нервным и раздражительным. Но, несмотря на то, что задача с каждым днем становилась все более тяжелой, Дроздовский твердо решил бороться до конца и ближайшей своей целью теперь ставил удрать от немцев за линию Балта – Раздельная, а там дальше, – что Бог пошлет. Он верил, что счастье еще должно улыбнуться нам, и Вера в это счастье, несмотря на тяжесть обстановки, никогда не покидала его...

Не напрасно Дроздовский советовал всем быть в пути осторожными и готовыми в любой момент дать отпор «румынскому воинству». Румыны еще раз остались верными себе и, пользуясь разрозненностью отряда в пути, попытались вновь разоружить нас. Но мы уже чувствовали себя хозяевами положения и разговор на русской, хотя и захваченной временно ими территории, был другой. Это последнее, неудачное для румын, выступление произошло при следующих обстоятельствах.

* Остальные остались для малодушных. Здесь и далее – примечания автора.

вал повышенным тоном и вел себя явно вызывающе. Шагах в двадцати от него батальон румын по команде своих офицеров произвел какие то перестроения.

Подполковник Гран, зная уже из разговора по телеграфу в чем дело, пришел к необходимости твердых и решительных действий. Подойдя к старшему из присутствующих румынских офицеров, он спросил его о причине задержки отправки наших эшелонов. Получив грубый ответ, что «это не его, подполковника Грана, дело, и что здесь начальник он – румынский капитан, а никто другой, и что он не позволит на станции никому распоряжаться», – подполковник Гран спокойно ответил: «Вы говорите с русским офицером. Поэтому прежде всего примите воинский вид и выньте руки из карманов. Пока на станции есть хоть один русский офицер, он здесь хозяин а не Вы», – проговорил медленно подполковник Гран. Румын продолжал держать руки в карманах и что-то очень горячо возражать. Громкая пощечина была ему на это ответом.

Избитый румынский офицер отскочил на приличное расстояние... Раздалось три-четыре выстрела из пулемета... Это был предостерегающий огонь русских офицеров-пулеметчиков, быстро установивших пулемет на возвышенных местах, откуда легко мог быть расстрелян румынский батальон. Румынская пехота, с криками «митральеза руссешти», рассыпалась в разные стороны, сбросив даже свое оружие. Офицеры и солдаты в панике спешили спрятаться кто куда мог. Решительные действия достигли цели. Паровозы были в наших руках, и уже не только свои, но и румынские, отцепленные от их эшелона. Мы двинулись дальше. Румыны же остались на станции Пирлица по-прежнему «в полном сознании своей силы и власти». Больше препятствий в пути они нам уже не чинили.

Все эшелоны благополучно прибыли на станцию Кишинев и разгрузились там:

- 1-й эшелон – 27 февраля (12 марта);
- 2-й эшелон – 27 февраля (12 марта);
- 3-й эшелон – 28 февраля (13 марта);
- 4-й эшелон – 1 (14) марта;
- 5-й эшелон – 1 (14) марта;
- 6-й эшелон – 2 (15) марта.

Днем 1 (14) марта в Кишенев приехал Дроздовский и сразу, в надежде получить пополнение, отправился в штаб 2-й бригады. Но здесь, по настроению офицеров, он увидел, что результат дея-

тельности штабов уже сказался. По рассказам офицеров, руководители формирования бригады, по получении приказа о ее роспуске, сами уговаривали офицеров взять данные ими обязательства обратно, называя задуманный поход не только рискованным, но и просто авантюрой. При этом, в подтверждение сказанного ими, они приводили последние полученные сведения об изменении обстановки на Дону. Этой «работой» особенно старательно занимались генерал Астахов и начальник штаба бригады Генерального штаба подполковник Ракитин.

Сам по себе состав бригады производил на Дроздовского впечатление неидейного, мало дисциплинированного и даже распущенного и оставлявшего желать лучшего. Дроздовский ясно почувствовал, что при такой обстановке записавшихся будет очень мало, но все же счел необходимым лично поговорить с офицерами. С согласия генерала Белозора, на следующий день в помещении 4-го полка, где собрались офицеры Кишиневской бригады, Дроздовский выступил с речью, в которой охарактеризовал предварительно обстановку в России. Он говорил о долге интеллигенции, как более сознательного класса, а особенно офицеров, одно звание которых их обязывает поступать в бригаду.

При виде всей этой обстановки, сложившейся во 2-й бригаде, на душе становилось тяжело, колебание и сомнение массы и ее вечное нытье не давали покоя. Временами это настроение отзывалось на настроении путешествующих офицеров нашей бригады, в душу вкрадывалось сомнение, но оно быстро рассеивалось, ибо каждый знал, что Дроздовским все было взвешено, продуманно, а потому самые тяжелые обстоятельства не могли заставить нас врасплох. Нельзя было отказываться от намеченного решения только из-за одной мысли о возможности встретить на пути те или иные препятствия. «Только действительно неодолимая сила, – говорил Дроздовский, – могла остановить нас, но не ожидание возможности встретиться с ней». Он давно пришел к этому единственно верному решению, и никакие колебания масс не могли отразиться на нем.

Интересно отметить, что в частном разговоре некоторые офицеры Кишиневской бригады просто объясняли причины своей нерешительности: «Мы привыкли исполнять приказы, а нас, вместо приказаний, просят или даже объясняют, что действительность данным нами обязательствам уничтожается, и что мы лучше сделаем, если не пойдем на столь рискованное предприятие. Отсюда ясно,

что старшие начальники сами не верят в успех, а им виднее». В результате всех этих разговоров и деятельности штабов в 1-ю бригаду записалось всего несколько десятков офицеров. И это из всей бригады в 750 человек!.. Среди присоединившихся была группа офицеров 7-го пехотного Ревельского полка во главе с капитаном <В.В.> Манштейном в составе подпоручиков <Н.Н.> Колосовского, <И.И.> Чебана, Карпова и других.

Здесь ясно обрисовывалась разница между бригадой Дроздовского и кишиневцами. Она всем бросалась в глаза и не могла ускользнуть от наблюдений Дроздовского. И видя ее, он чувствовал еще большую ответственность перед теми, кто, доверяя ему, пошли за его призывом вперед. В Кишиневе наглядно обрисовалась и наша сила. Это было видно хотя бы по тому, как боялись и считались с нами румыны и их детище – «Сфатул-Церий». В этой малой численности, но сильной духом кучке людей они видели для себя страшную опасность и уже не приказывали, а просили нас скорее уйти из пределов оккупированной ими Бессарабии. И действительно, в районе Кишинева мы себя чувствовали много бодрее...

Теперь только, зная какую роль в истории вооруженной борьбы на юге России сыграл Отряд Дроздовского, как быстро он рос и в какую грозную силу для врага вылился, явно бросаются в глаза действительно большие ошибки командования Румынского фронта, слабая воля которого не позволила им отдать приказа всему офицерству фронта собраться в определенном районе и поступить в ряды Добровольческой армии, которой почти все офицерство сочувствовало, но, видя нерешительность и колебания высшего командного состава, само не решалось идти. А обстановка на Румынском фронте до вторжения в ее пределы германцев вполне позволяла это сделать. И тогда нас была бы не горсточка в 900 человек, а грозная сила в несколько тысяч бойцов.

* * *

Постепенное прибытие частей и просьбы румынского командования не задерживаться в Кишиневе, вынуждали Дроздовского, не ожидая полного сосредоточения отряда, отправлять части его пошелонно. Согласно плану Дроздовского, отряду предстояло перейти в город Дубоссары, расположенный по левому берегу Днестра, по ту сторону восточной границы Бессарабской губернии, и удаленный от Кишинева в северо-восточном направлении на 48 верст. Дорога лежала через деревни Башканы и Оницканы.

В голове должны были следовать 1-я и 2-я роты, пулеметная команда и мортирный взвод. Начальником этой колонны был назначен подполковник Руммель, только что прибывший с группой офицеров 118-го Шуйского и 120-го Серпуховского полков из Болграда и поступивший в бригаду. На колонну возлагалась задача – занять Дубоссары и обеспечить нам мост через Днестр до прохождения через него всех частей отряда.

В 9 часов 28 февраля (13 марта) колонна, имея во главе 1-ю роту, а за ней пулеметную команду, мортирный взвод, 2-ю роту и обозы, выступила в направлении на Дубоссары. Люди шли пешком. Вслед за колонной следовала румынская пехота. Часам к 17? колонна прибыла в Оницканы, где расположилась на ночлег, приняв меры непосредственного охранения. В 10 часов 1 (14) марта эта колонна, имея в голове ее 2-ю роту, а в хвосте 1-ю, вступила дальше на Дубоссары. В местечке Криуляны был большой привал часа на два. Около 17 часов колонна подошла к мосту через Днестр. Через три минуты мост был пройден. В 15 часов 2 (15) марта все строевые части отряда были уже в пути на Дубоссары. 3-го отбыли обозы. Позади всех шли броневики. 4 (17) марта к вечеру все части отряда благополучно сосредоточились в Дубоссарах.

По сосредоточению на левом берегу Днестра добровольцы почувствовали себя на родной территории. Всем стало как-то легко на душе. Громкое единодушное «ура» чинов отряда лучше всего говорило о переживаниях офицеров и солдат, вышедших на простор родной земли. Над стоявшим у моста украинским часовым посмеивались и спрашивали его: «ты кто, украинец или русский?» Он обиженно отвечал: «Мы всегда были русскими». Бодрое, довольное настроение чувствовалось повсюду. В городе играла музыка, на воздухе были танцы. Население, разодетое в русские малороссийские костюмы, оказывало нам во всем внимание. Чувствовалось, что душою они на нашей стороне.

* * *

В этот день позади себя мы оставили как румынскую территорию, так и захваченную румынами русскую Бессарабскую губернию. Все неприятные переживания последнего времени: обиды со стороны румын, малодушие одних и предательство других русских офицеров, остались за Днестром и временно были забыты. Впереди полная неизвестность, тяжелый поход в период первых весенних южных дней, с их распутицей, иногда снежными бурями, сменяю-

щимися проливными дождями. Поход среди подозрительного и часто недружелюбно настроенного населения, поход маленькой группы людей, окруженных со всех сторон внешними и внутренними врагами.

Но вместе с тем впереди было большое счастье – возможность борьбы с насильниками и предателями Родины, борьбы за освобождение России и утешение, что в тяжкие дни смуты, выпавшие на долю ее, мы не сидели молча и не примыкали к предателям, а с высоко поднятой головой, в сознании честно исполненного долга, выступили открыто на борьбу с ними, не боясь ни пространства, ни времени, ни численности врага.

Показавшееся на горизонте яркое весеннее солнце было предвестником ожидающих нас счастливых дней...

4. Обстановка в Малороссии. Реорганизация бригады и ее состава к моменту выступления в поход

Обстановка, предшествующая выступлению отряда из Дубосар, была нерадостной. Кругом сгушались тучи. Советская власть, проявляя твердость и решительность во всех своих действиях, постепенно овладевала Россией. Малороссия была полностью захвачена ею. Бывшие в Малороссии украинские войска большей частью разбежались, частью заявили о своем нейтралитете. Ничтожное число войск, оставшееся верным Украинскому правительству, было разбито, после чего Рада и министры бежали к Житомиру, но, не принятые там, разъехались в разные стороны. Часть уехала на поклон к немцам и пригласила их к себе освобождать «вольную Украину». Таким образом, к середине февраля Украинская Рада никакой власти в стране уже ни имела. Странников у нее также было мало, ибо украинская самостийность имела в стране слабые корни, и народ в массе своей был ей чужд. Сами украинцы спаяны между собой также не были, делились на различные партии, боролись за власть и старались вырвать ее друг у друга.

Большевики в то время имели своих сторонников не только среди ушедших с фронта русских войск и пришедших с ними наскоро сколоченных вооруженных банд, но и среди украинских частей. Рабочие были на стороне советской власти. Крестьяне, оставаясь в массе нейтральными, беднотой своей тяготили к пришедшим большевикам. Лозунг большевиков: «бери что хочешь, все твое», –

делал свое дело, и крестьяне очень энергично отбирали землю не только у помещиков, но и у большинства хуторян. Наделение крестьян землей было для них равносильно жизни. И в дальнейшем часто приходилось от крестьян слышать, что «кто даст нам землю, за тем мы и пойдем...».

Состоятельные слои населения, интеллигенция и большая часть сидевшего на местах терроризованного офицерства в массе своей были пассивны. Один только Киев насчитывал свыше 25 000 офицеров, которые ждали возможности получить от кого бы то ни было покой, порядок и защиту интересов. А в это время в Киеве было всего тысяч восемь большевиков... Одесса насчитывала до 15 000 таких офицеров. Многие из них, не рассчитывая на свои силы и средства, ждали помощи извне. И эта помощь действительно скоро пришла в лице германских и австрийских войск, появившихся в Малороссии официально по приглашению Украинской Рады.

Отлично учитывая слабость большевиков, не успевших еще сорганизоваться, их небоеспособность или просто нежелание драться, немцы стали быстро продвигаться в восточном направлении, пользуясь для этого железными дорогами, служащие которых оказывали им всяческое содействие. Много городов и железнодорожных узлов к концу февраля были уже заняты ими. В частности, на юге России немцы занимали линию железной дороги Бирзула – Одесса и продвигались далее в восточном направлении. Ближайшие австрийские части занимали район Рыбница – Слободка – Акты – Ягорлык. Вместе с немцами двигались незначительные украинские части, состоявшие из наемных бывших офицеров и солдат, безработных и авантюристов, в сумме не превышавших численности двух тысяч. Боевого значения они не имели, и немцы смотрели на них только как на декорацию, а не как на реальную силу.

К востоку от указанного выше района блуждали различные существовавшие большевикам отряды, не объединенные в крупные части и занимавшиеся грабежами, насилиями и убийствами не только помещиков, но и простых мало-мальски зажиточных крестьян. В районе намеченного пути движения отряда на местах не было совершенно никакой власти, захватившей более или менее значительную территорию. Всем распоряжались различные партии, отдельные политические авантюристы, называвшие себя атаманами, или просто бывшие каторжники, на совести которых лежа-

до немало уголовных дел. Население имело значительное количество оружия, и бывали случаи, когда велась вооруженная борьба друг с другом из-за дележа земли. В тылу отряда оставались румыны, бывшие наши союзники, ныне же – злейшие враги. В заключение были получены неутешительные вести о почти полном занятии большевиками Донской области, казачество которой разложилось и не оказывало врагу никакого сопротивления.

И вот среди сплошного кольца внешних и внутренних врагов, при столь неблагоприятной обстановке, в маленьком заштатном городке Дубоссары стоял в это время только один русский отряд из добровольцев. Их было немного, но они дали клятву до конца оставаться русскими. Врагов они не считали. Они готовы были в любую минуту пожертвовать для блага Родины самым дорогим для себя – своею жизнью. Они ждали только приказа идти вперед. И бодростью дышали их лица, верою горели сердца...

Указанная выше обстановка ясно говорила о том, что оставаться долго в Дубоссарах было нельзя и что необходимо возможно скорее выступить дальше. Ясно сознавал это и сам Дроздовский. Но все же, прежде чем выступить в поход, он счел необходимым произвести реорганизацию отряда, дабы сделать его более подвижным и легче управляемым. Этого требовала основная задача отряда и намеченный способ ее осуществления.

Собрав в 11 часов 5 (18) марта старших начальников, он ознакомил их с причинами и намеченным им планом реорганизации бригады, в результате которой, за счет уменьшения числа частей и обозов, достигалось значительное увеличение количества бойцов. Вместе с тем наименование 1-й бригады Русских добровольцев Румынского фронта было заменено наименованием Отряд русских добровольцев Румынского фронта. В течение 6 (19) и 7 (20) марта было ликвидировано излишнее для похода имущество, путем распродажи его, а намеченная реорганизация проведена в жизнь, причем весь отряд состоял из:

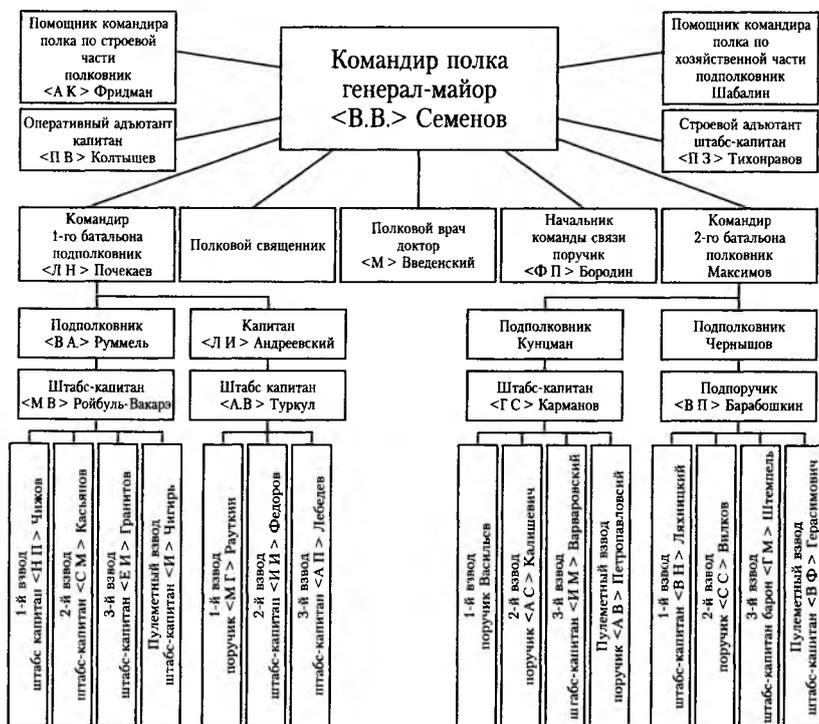
1. Штаба отряда под начальством полковника <М.К.> Войналовича;
2. Сводно-стрелкового полка под командой генерал-майора <В.В.> Семенова;
3. Конного дивизиона под командой штаб-ротмистра <Б.А.> Гаевского;
4. Легкой батареи под командой полковника <М.Н.> Ползикова;
5. Конно-горной батареи под командой капитана Колзакова;

6. Мортирного взвода под командой полковника <А.К.> Медведа;
7. Автоброневой батареи под командой капитана Ковалевского;
8. Радио-телеграфного взвода под командой подполковника <Г.Н.> Грана;
9. Артиллерийского транспорта под командой полковника Метелицына;
10. Автомобильной колонны под командой капитана Лисицкого;
11. Отрядного лазарета, подчиненного старшему врачу отряда <М.> Введенскому.

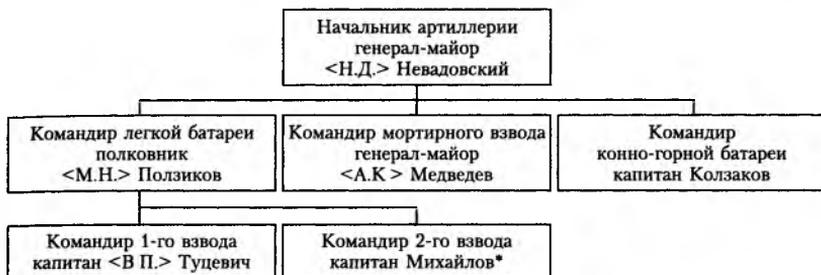
Вся артиллерия была объединена под командованием генерал-майора <Н.Д.> Невадовского, а интендантская часть была поручена полковнику Абрамову. Никаких управлений при них почти не было. Штаб состоял всего из нескольких человек. <...>

В частности организация частей отряда была такова:

Сводно-стрелковый полк:

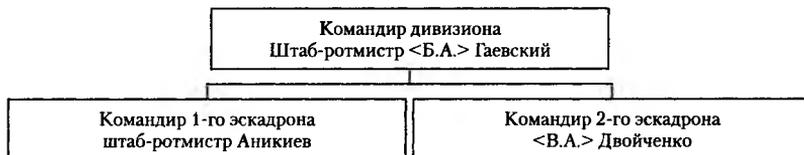

Артиллерия отряда:

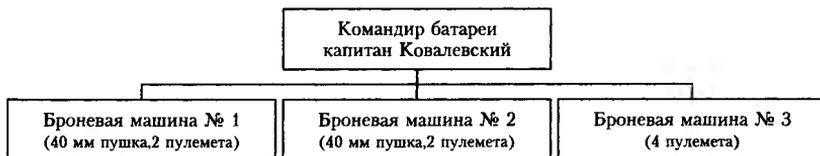
Всего: офицеров <...>**, врачей <...>, чиновников <...>, солдат <...>, лошадей <...>, орудий <...>, зарядных ящиков <...>, двуколок <...>, кухонь <...>, обозных повозок <...>.

Конный дивизион:

<...>

Автоброневая батарея:

<...>

Среди всей этой работы Дроздовский по вечерам, обходя роты и команды своего отряда, вкратце знакомил их с положением, с имеющимися перспективами и снова определенно и ясно указал на поставленную им себе задачу: не увлекаясь никакими боями и

* Взводы легкой батареи имели самостоятельное хозяйство, как в батареях.

** В том числе один генерал.

схватками с большевиками, чтобы не тратить понапрасну сил, двигаться по возможности осторожно на Дон для соединения с генералом Корниловым и оказать ему помощь как влитием живых сил, так и доставкой материальной части, в которой сильно нуждалась Добровольческая армия.

5. Выступление отряда в поход на Дон. От Дубоссар до реки Буг

Вечером 5 (18) марта от местных жителей были получены сведения о подходе с севера в район села Ягорлык австрийских разведов. Для проверки полученных сведений и выяснения группировки противника, от конного дивизиона был выслан разезд под командой штабс-ротмистра Бехтеева, от которого около 10 часов 6 (19) марта было получено донесение, подтверждающее наличие в селе Жура батальона австрийцев, прибывших туда из Рыбницы, а также сосредоточение небольших частей противника в районе села Окны. Агентурные данные указывали о прибытии австрийских эшелонов на станцию Слободка и о дальнейшем направлении их в сторону станции Мордаровки.

Не зная намерений австрийцев и их дальнейшего поведения в отношении добровольческого отряда, полковник Дроздовский счел желательным избежать с ними встречи и возможно дальше уйти от них, так как он понимал, что даже вполне успешные для нас столкновения с внешними врагами не только не принесут нам пользы, но могут вредно отразиться на предстоящем походе.

Учитывая направление дальнейшего движения отряда в сторону местечка Волегоцулово, в отношении которого австрийцы занимали выгодное фланговое положение, а также сознавая необходимость обеспечения главных сил отряда от неожиданных нападений как во время стоянки в Дубоссарах, так равно и во время движения его на Волегоцулово, Дроздовский приказал Конному дивизиону с приданными ему двумя автоброневиками перейти в район Федоровка – Григоропавловка, исполняя роль бокового авангарда. Начальником этой колонны был назначен штабс-капитан Гаевский, важнейшей задачей которому было поставлено 7 (20) марта перейти в Антоновку, пропустить по большой дороге автоколонну, а 8-го утром занять станцию Мордаровку, прикрывая движение колонны главных сил со стороны местечка Окны и железной дороги.

В 16 часов 6 (19) марта конный дивизион выступил в указанном ему направлении. Остальные части отряда были назначены в составе колонны главных сил и целый день готовились к походу: собирались обывательские подводы, приводились в порядок обозы и амуниция, обучались запряжке и седловке лошадей, чистились и обильно смазывались винтовки. Вечером многие из добровольцев успели побывать в местном кино, где по случаю нашего ухода был устроен бал. Танцы продолжались до поздней ночи. Казалось, никто не думал о предстоящем на утро выступлении и тяжелом продолжительном походе среди сплошного кольца врагов в далекое и неизвестное будущее.

Наступило утро 7 (20) марта. В небе показалось яркое весеннее солнце, что обещало хорошую погоду. По разным улицам маленького городка потянулись к восточной окраине повозки то с сидящими на них офицерами, державшими в руках винтовки с поднятыми вверх штыками, то наполненные различными грузами. Догоняя их, крупным шагом шли легкая батарея и мортирный взвод; запоздавшая конно-горная батарея спешила рысью. На главной дороге, вытянувшись вдоль нее с правой стороны, стояла колонна артиллерийского парка. Ее начальник, уже пожилой полковник Метелицын, находясь в голове колонны, громко окликал проезжавших мимо чинов штаба и спрашивал их, где ему стать. Как только вся колонна вытянулась из города, пехота сошла с подвод и выстроилась в поле около дороги. Появился полковник Дроздовский. Объехав выстроившиеся части, он поздравил всех с началом фактического похода.

В 9 часов 20 минут пехота по 4–6 человек села по повозкам, и колонна главных сил отряда тронулась в поход. Артиллерия следовала между ротами; в хвосте колонны шли обозы, прикрываемые одной из рот и броневиком. Когда вся колонна вытянулась, полковник Дроздовский обогнал ее и пошел в голове, ведя за собою отряд в далекий крестный путь на Дон, куда, как яркий огонь среди полного мрака, влекли бессмертные и славные имена вождей Добровольческой армии. За ним молча шла небольшая группа людей, сопровождаемая злыми насмешками всех тех малодушных, кто остался там, по западную сторону Днестра, предпочитая унижения от румын благородному и честному риску...

Движение колонны долго не налаживалось. Лошади не слушались неопытных дроздовцев-офицеров, многие из которых впервые имели дело с лошадьми. Они то спешили вперед, обгоняя впереди

идушие повозки, то сильно отставали, растягиваясь в глубину и задерживая движение позади идущих. Крутые подъемы и спуски еще более увеличивали растяжку. В результате на место большого привала колонна подошла только в 15 часов. О глубине всей колонны можно судить хотя бы по тому, что хвост ее подошел к месту привала спустя 2¼ часа. Солнце еще продолжало светить, когда в 17 часов 45 минут колонна тронулась дальше. Дорога стала более ровной, движение несколько наладилось. Но скоро наступила темнота, а вместе с ней нарушилась равномерность движения колонны. Вновь появились растяжки, поломалось несколько повозок, опрокинулся зарядный ящик с 48-линейными снарядами. В 20-м часу показалась луна и несколько осветила путь. Только в 23 часа голова колонны прибыла в деревню Кошарки. Высланные вперед квартирьеры в указанном районе нашли очень маленькую, скверную деревушку, в несколько десятков дворов, разместить в которых всех людей было нельзя. Большинству пришлось оставаться под открытым небом. Люди были сильно переутомлены 44-верстным переходом в течение 14 часов, наглotalись значительного количества пыли, хотели помыться и чем-нибудь наскоро подкрепиться, чтобы скорее заснуть и набраться сил для дальнейшего похода.

Штаб отряда и старшие чины полка были размещены вблизи, в имении «Анатра», в доме помещика. Напротив в слободке стала артиллерия и обозы. Имение сохраняло свой прежний вид, разграблено не было, все оставалось в целостности и исправности, земля не отбиралась и не делилась крестьянами, живой и мертвый инвентарь был в полном распоряжении помещика. Сам помещик принял генералов и некоторых штабс-офицеров довольно любезно, напоил и накормил их хорошим ужином, предоставил каждому чистую постель. Но сделано это было, по-видимому, не от доброты сердечной, а по каким-то другим непонятным причинам, так как в отношении остальных чинов отряда помещик вел себя крайне нелюбезно, не разрешив даже офицерам переночевать в прихожих, отговариваясь при этом, что «он сожалеет, что у него нет для других кроватей, а на полу предоставить спать офицерам ему неудобно». Почти целую ночь он и его служащие не спали, ходили по двору и следили за тем, чтобы никто из чинов отряда не забрал у него сено или солому для изголодавшихся лошадей. А в это время крестьяне, его окружавшие, отдавали отряду последний угол, поили людей молоком, давали лошадям зерно, сено и солому. Создавалось впечатление, что помещик, по-видимому, случайно уцелел от погрома, благодаря бли-

зости румын и немцев и страху крестьян перед ними. Но усталость давала себя знать, молодые силы брали свое, и скоро весь отряд, не приняв даже мер охранения, крепко спал, несмотря на холод, жажду и голод...

Ночью из Антоновки, куда благополучно прибыла левая колонна, были получены сведения об оставлении местечка Окны австрийцами, которые при нашем приближении ушли на север. На утро предстояло пересечь железную дорогу Бирзула – Одесса, на которой уже курсировали австрийские эшелоны. В 6-м часу все было на ногах – сказывалась ночная прохлада. Кругом были видны костры, к которым каждый спешил подойти и погреться. В кухнях и котелках приготавливали чай, составлявший вместе с хлебом утренний завтрак.

Выступление отряда было назначено на 10 часов. Но уже в 9 часов 15 минут из села Кошарки и ближайших хуторов потянулись несколько колонн, которые спешили преодолеть очень крутые подъемы и спуски с горы на гору, чтобы успеть своевременно попасть на свое место и войти в состав общей колонны. Дорога действительно была крайне тяжелой: обозные лошади еле тащили нагруженные сверх нормы повозки, легкая артиллерия, при поддержке офицеров и солдат своей батареи, с трудом, очень медленно преодолевали препятствия; на скате стояли мортирные орудия и зарядные ящики, возле которых беспомощно толпились на месте мальчишки-добровольцы (ездовые) и незначительный по числу офицерский состав. Командир взвода, подполковник Медведев, увидя проходящую вблизи одну из офицерских рот, обратился к ней за помощью. Немедленно с повозок соскочили офицеры, облепили со всех сторон 48-линейные гаубицы и тяжелые зарядные ящики и при поддержке добавленных четвертых уносов, после команды «раз, два, три», дружно потянули в гору поочередно то гаубицу, то зарядный ящик...

Только к 14 часам, пройдя всего верст 13, голова колонны главных сил отряда подошла к полотну железной дороги. Шедшие впереди две офицерских роты на повозках рысью стали проходить переезд. Несколько раньше, севернее Мордаровки прошел железную дорогу наш боковой авангард, по приказанию начальника которого, на всякий случай, была прервана телеграфная железнодорожная связь со станцией Бирзула. Вскоре были получены сведения о движении с севера Мордаровке австрийских эшелонов. Колонна главных сил отряда разделилась на две, спеша пройти линию железной

дороги. Но крутые подъемы и переутомление лошадей сказывалось – лошади рысью не хотели идти.

А в это время с севера быстро приближался поезд, давая свистки: его пропустили. В нем действительно были австрийцы. Их офицеры приветствовали нас отдаванием чести и кричали «счастливого пути». Все кончилось мирно. Но на душе было неприятно. Нелегко было видеть австрийские войска на русской земле, свободно передвигающиеся по русским железным дорогам в положении победителей. Было тяжело сознавать, что теперь они распоряжаются, как дома, богатыми русскими областями. Ведь это были те самые австрийцы, которых в течение трех лет мы легко били, и которые почти никогда не видели побед над русским оружием. Злоба закипала на душе, хотелось броситься и уничтожить их. Но от этого нам не было бы легче. Наш дальнейший путь и конечный успех намеченной цели были бы более сомнительными и менее вероятными. И действительно, при желании со стороны австро-германцев, они рано или поздно, все же могли бы разделаться с нами. Правда, это обошлось бы им дорого. Но все же, в конечном результате, наш маленький числом отряд мог бы погибнуть, не дождавшись осуществления своей ближайшей основной задачи. Погибнуть без всякой пользы... Казалось, это сознавали все. Разум брал свое, и мы молча, в тяжелом раздумье, продолжали свой путь...

Не доходя деревни Бирносолово, мы получили донесение о том, что местечко Волегоцулово занято батальоном австрийской пехоты с пулеметами. Было около 16 часов. Люди устали, лошади не хотели двигаться дальше. Дроздовский решил остановить колонну на ночлег в селениях Николаевка Заречная и Бирносолово и ждать дополнительных донесений от агентурной разведки. Только в 18 часов разместились по квартирам, сделав 14–15 верст. На сей раз квартир было достаточно. Избы в большинстве случаев чистые, хорошие и светлые. Жители, очень доброжелательно настроенные, помогали чем могли и гостеприимно принимали. Все они удивлялись приходу австрийцев и совершенно безразлично относились к ним. Приход австрийцев они объясняли исключительно желанием помещиков свести с крестьянами свои счета. В разговорах с офицерами крестьяне ругали большевиков, сожалели о разгоне Учредительного собрания, на которое возлагали надежды, что оно одно, почему-то, могло «по-хорошему дать землю крестьянам».

В руки чинов отряда попала какая-то местная провинциальная газета, где в статье «Контрреволюция в Дубоссарах» рассказы-

вали разные небылицы об отряде. Говорилось, что вывешен «старорежимный трехглавый флаг» над городом. «Банда» буржуев и офицеров, среди которой находился и бывший царь Николай II, терроризировала население, производя множество грабежей и «массовых расстрелов». В конце газетной заметки стояло гордое заявление, что крепкая советская власть сумеет быстро положить конец «этой офицерской затее».

Вскоре было получено донесение об оставлении Волегоцулово австрийцами. В связи с этим, лошади были окончательно выпряжены и получили обильный корм. Все люди разошлись и разместились по халупам, где на столах стояли заказанные квартирными молоком, вареники и ставшая уже традиционной яичница. В 20 часов свели лошадей на водопой, надавали им соломы и сена, и скоро весь отряд спал крепким сном. Только в домах священников, где размещались штабы, кипела еще работа. В одном из них Дроздовский расформировал мортирный взвод и сокращал обозы. Как те, так и другие приносили ему много хлопот, задерживали быстроту движения колонны. Но приказ о расформировании мортирного взвода не был приведен в исполнение. Дроздовского уговорили сократить вдвое число зарядных ящиков и за счет освободившихся лошадей увеличить число уносов в орудиях и число заводных. В штабе полка в это время писались распоряжения на завтрашний день. В 23 часа штабы закончили свою работу и, разослав приказы, также отдались сну. Командиры батальонов и рот, к этому времени успевшие немного выспаться, будились ординарцами, прочитывали приказы, расписывались в прочтении их, вызывали дежурных и в свою очередь отдавали им краткие словесные распоряжения на завтра. Эти распоряжения касались только часа выступления и порядка следования частей в общей колонне.

Несмотря на близкое соседство австрийцев, ночь прошла спокойно. Все успели отлично выспаться. В 9 часов 9 (22) марта выступили дальше, имея целью перейти в Волегоцулово, где было предположено остановиться на дневку. Обывательские повозки, на которых мы следовали от Дубоссар, с нами дальше не пошли. Возницы были отпущены по домам. Предварительно с ними рассчитались. Вдоволь накормленные, получив каждый по 45 рублей, они были тронуты столь, по-видимому, неожиданным к ним отношением. Старики благодарили расплачивавшихся с ними офицеров, просили скорее освободить Россию от большевиков и австрийцев, и были случаи, когда на прощанье посылали отряду свое крестное знамение...

Движение отряда совершалось двумя колоннами: правая под начальством генерала Семенова двигалась пешком по большой дороге; левая, усиленная конно-горной батареей, шла кратчайшим путем в направлении западной окраины местечка. Эта последняя колонна по-прежнему имела задачей ведение разведки и обеспечение колонны главных сил. Во главе правой колонны шел, как и все, пешком полковник Дроздовский, в своей серой шинели солдатского сукна с выцветшими погонами Замосцкого полка, с неизменным своим «винчестером» за плечами, ведя в поводу верховую лошадь. Роты шли с песнями, делая уставные привалы через 50 минут движения.

К 13 часам мы прибыли в местечко Волегоцулово и разошлись по отведенным квартирам, заняв обширный район. От Стрелкового полка были выставлены две заставы на окраине местечка, вблизи дорог, идущих на Ананьев и Мордаровку. Конница выслала новую серию разъездов. Рассчитывая на дневку, люди стали устраиваться поудобнее. Но осуществлению мечты – получить дневку, все еще не суждено было сбыться.

Вскоре было получено донесение от начальника разъезда штабс-ротмистра Пожарского, в котором докладывалось о выгрузке в 18 часов на станции Мордаровка двух австрийских эшелонов, которые, по показаниям местных жителей, «на завтра ожидают с нами боя». При этом начальник разъезда сообщал, что по занятии ими села Плосского и дальнейшем движении к железной дороге, разъезд со стороны Мордаровки был обстрелян ружейным огнем и один офицер из состава разъезда был ранен. На поддержку разъезду Дроздовский приказал выслать броневик. Одновременно сторожевое охранение было усилено пулеметами и выставлением нескольких наблюдательных постов. На всякий случай ротам было указано обеспечить себя подводами для дальнейшего похода.

Днем был разговор по телефону со станцией Мордаровкой. Из разговора выяснилось, что австрийцы нас не преследуют, и что против нашего отряда, являющегося, по их словам, блюстителем порядка и строгой законности, они ничего не имеют и лишь предлагают только не обижать жителей. Причину своего прибытия на станцию Мордаровку они объясняли просьбой со стороны жителей защитить их от власти большевиков. В свою очередь, мы заявили им о нашем нейтралитете и объясняли главную цель своего назначения также защитой жителей от большевиков и борьбу с ними. Вечером австрийский комендант станции обратился в штаб отряда

с просьбой сделать распоряжение нашему сторожевому охранению не стрелять по партиям австрийцев, которые случайно будут подходить к Волегоцулово, и не задерживать их.

Последнее обстоятельство казалось несколько подозрительным. Можно было многого ожидать, особенно если принять во внимание подход к Мордаровке нового эшелона с австрийской пехотой. Дроздовский считал необходимым и на сей раз проявить осторожность. Он приказал сторожевому охранению не пропускать в сторону Волегоцулово даже одиночных австрийцев и решил отклонить дневку. Одновременно, с целью замаскировать наши намерения, он приказал распространять слухи о том, что еще дней пять мы будем оставаться в Волегоцулово, а затем перейдем в Ананьев.

В 3-м часу от начальника разезда, действовавшего на Мордаровском направлении, было получено донесение о том, что жителям села Плоское австрийцы предложили временно оставить селение, так как они ожидают боя. К сожалению, убедиться на практике в действительности отдачи такого распоряжения не представилось возможным. Тогда на многое были бы открыты глаза. Во всяком случае, это донесение вызвало со стороны Дроздовского распоряжение о немедленном сборе отряда и выступлении его на Святотроицкое. Соответствующий приказ был разослан около 5-ти часов. Выполняя его, уже в 5 часов из Волегоцулово выступила колонна обозов под командованием подполковника Шабалина. В прикрытии этой колонны была назначена одна рота и взвод конницы, которые выполняли задачу авангарда при отступательном движении.

Голова колонны генерала Семенова, в состав которой входили главные силы отряда, выступила около 6-ти часов и следовала за авангардом по дороге на Александровку, Васильевку (Журавка) и Панкратьевку. В арьергарде были оставлены конный дивизион с конно-горной батареей и тремя автоброневиками. Задачей ему было поставлено: выступить из села в 7 часов и, следуя по дороге за главными силами, прикрывать их отход со стороны Плоское – Мордаровка. К моменту выступления главных сил колонны зашла луна. Наступившее утро было холодное и туманное, последнее обстоятельство в свою очередь затрудняло австрийцам наблюдение. В 7^{1/4} часов хвост арьергарда уже вышел из местечка. Движение колонны на этот раз было спокойное, повозки не растягивались, и колонна шла в большом порядке. Слева от дороги следовала цепь конных, специально наблюдавшая за тем, чтобы обозные и возницы не спали.

После большого привала (с обедом) в селе Васильевка, отряд продолжал движение и к 18 часам прибыл в Святотроицкое, где хорошо разместился по квартирам, встретив со стороны жителей радужное и в высшей степени доброжелательное отношение. Это доброжелательное отношение населения к добровольцам отчасти объяснялось большой дисциплиной всех чинов отряда и, в свою очередь, их вежливым и внимательным отношением к жителям. Никто не имел права воспользоваться без разрешения хозяев никакой вещью; за все полученное по просьбе офицеров и солдат от населения каждый должен был расплачиваться. Перед уходом войск из населенного пункта начальствующие лица и особо назначенные для этой цели офицеры были обязаны опрашивать население, нет ли с их стороны каких-либо неудовольствий или жалоб. Командный состав постоянно добивался, чтобы наряд повозок, необходимых для нужд отряда от населения, производился исключительно сельскими властями. И только когда замечалось нежелание с их стороны идти к нам навстречу, мы вынуждены были прибегать к высылке людей для розыска лошадей и повозок и забирать их силой. Бесплатные реквизиции категорически воспрещались. Они имели место лишь в дальнейшем, когда было необходимо как-нибудь наказать особо провинившееся население.

Вообще в отношениях к мирному населению можно было видеть большую выдержку со стороны добровольцев, определенное требование, предъявляемое начальниками, и даже частный контроль некоторых чинов отряда. В массе своей все добровольцы были этому рады и всячески старались поддерживать установленный порядок. Трудно было бороться лишь с обманом и реквизицией лошадей. Но и в этом направлении были достигнуты большие результаты, ибо бесплатные реквизиции лошадей почти не имели места. Особенно много внимания этому вопросу уделял сам Дроздовский. Он несколько раз беседовал с подчиненными ему непосредственно младшими начальниками, собирал иногда людей Конного дивизиона и лично говорил с ними. Он бранил их за самоуправство, требовал прекратить реквизиции, напоминал им о том, что мы, посвятив себя столь великому делу, как борьба с произволом, должны быть сами рыцарями в отношении слабых и служить всем примером честного и добросовестного исполнения долга. С целью удовлетворить огромное желание кавалеристов скорее обзавестись лошадьми, Дроздовский нашел возможным выделить часть имевшихся в его распоряжении денежных средств специально для покупки ло-

шадей или доплаты за обмененные по добровольному соглашению. Бесплатно отбирались лишь лошади, принадлежавшие старой Русской армии.

Несмотря на сильное переутомление людей и особенно лошадей непрерывным походом по сильно пересеченной местности, Дроздовский счел необходимым продолжать движение дальше и, отказавшись еще на один день от дневки, приказал отряду перейти в район села Веселого, отстоявшего на значительном расстоянии от железных дорог, где австрийцы не могли уже появиться неожиданно. Дорога, по которой должен был следовать отряд, проходила по степи. На десятки верст не было ни одного селения, только изредка попадались отдельные хутора. Сама дорога была гладкая, с твердым грунтом, но имела довольно крутые подъемы и спуски через овраги.

Утро 11 (24) марта было холодное, пасмурное; небо покрыто тучами, грозившими не раз перейти в дождь, и тогда была бы непролазная грязь. Несколько раз дождь уже начинал накрапывать, но каждый раз быстро прекращался – холодный сильный ветер разгонял его. В 9 часов отряд, имея в авангарде конный дивизион с Горной батареей, выступил из Святотроицкого* и к 14 часам прибыл к Новопавловску, где остановился на большой привал. Жители этого села делились на группы: кто побогаче – были очень рады нашему приходу, а кто беднее – у тех замечалось большевистское настроение. Эти последние встречали нас молча, а иногда отношение с их стороны было даже несколько враждебным. «Буржуи, на деньги помещиков содержатся, землю пришли отбирать», – шепотом говорили они. Но таких, по рассказам жителей, было очень мало. Население, само терроризированное ими, хотело от них избавиться и было крайне радо, когда конный отряд арестовал шесть вредных агитаторов-большевиков, список коих уже заранее нами был получен от офицерской организации в городе Ананьеве, представители которой, кстати сказать, в наш отряд поступать отказались**. За арестованных не только никто из жителей не заступился, но наоборот, на имя штаба отряда поступил ряд новых жалоб и документальных данных

* При уходе из Святотроицкого расстреляли одного ярого большевика-офицера, убийцу трех офицеров, и арестовали бывшего солдата за агитацию в обозе против офицеров.

** Часть из них в период 2-го Кубанского похода прибыла в Добровольческую армию.

о крупных преступлениях, которые лежали на совести арестованных и о которых сначала мы ничего не знали.

Из Новопавловки тронулись дальше и к 17 часам прибыли в район Веселая, сделав в сутки 28 верст и покрыв 130 верст без дневок от Дубоссар. На ночлег расположились: авангард – в колонии Веселая, верстах в трех впереди селения, автомобильная колонна – в соседнем хуторе, а пехота, артиллерия и штаб – в самом селении. От 1-го батальона у дороги на Ивановку была выставлена сторожевая застава. Весь внутренний наряд был выполнен согласно уставу «внутренней полевой службы». Разместившись довольно хорошо по квартирам, все чины отряда отлично поужинали, вкусив впервые после пятидневного перерыва горячую пищу.

Поздно ночью узнали приятную новость. К Дроздовскому явился офицер от полковника М.А. Жебрака, который со сформированным им в Румынии добровольческим отрядом спешил к нам на присоединение. Зная Жебрака, как твердой воли человека, храброго, с большим порывом и умом, любимого подчиненными и вообще, как крайне ценного для отряда во всех отношениях, Дроздовский счел необходимым задержаться на правом берегу Буга и ждать присоединения отряда полковника Жебрака.

Дроздовским была отправлена следующая записка к Жебраку на листе полевой книжки: «Полковнику Жебраку. 1918 год. 11 (24) марта. 23 часа 50 минут. № 4. Деревня Веселая (на реке Столбовая). На № 1. Только что был у меня Ваш начальник связи. Ваше сообщение очень обрадовало; от души приветствую непреклонную решительность и, конечно, буду ждать; завтра, 12-го именно, <проведу> здесь дневку, а послезавтра перейду небольшим переходом в пункт, который Вам назовет посланный; там в ожидании Вас снова сделаю дневку. Но ввиду обстановки, очень прошу Вас двигаться на соединение возможно скорее – лучше дать отдых уже после соединения. Автомобилей послать не могу, так как не имею бензина и принужден их бросить – должен хранить бензин для броневиков и легковых разведывательных. С нетерпением буду ждать Вашего присоединения. Оно для меня слишком ценно. Оружия и патронов для Вас найдем достаточно, пулеметчики очень нужны. Ваше личное участие для нас всегда очень ценно. До свидания. Примите уверение в совершенном уважении и преданности. М. Дроздовский».

А это решение Дроздовского улыбалось всем нам, ибо каждый хотел отдохнуть в приличной обстановке и давно ожидал дневку.

К тому же, и погода портилась, а последний переход был очень утомителен и многим не нравился. Были и другие причины, заставившие Дроздовского остановиться на время в Веселой. К числу их следует отнести необходимость произвести разведку переправ через реку Буг и жизненную необходимость отдыха для лошадей. Все эти требования и были главным основанием двухдневной остановки отряда в районе села Веселого.

За эти дни вновь была произведена «чистка обозов», в которых число повозок подверглось значительному уменьшению. Освободившихся лошадей передали в артиллерию и конницу. С первого дня дневки начались как строевые, так и тактические учения. Люди обучались бросанию гранат, производили пристрелку пулеметов и вспоминали уставы. При обучении тактике наступательного боя к людям предъявлялись требования применять жидкие цепи (на интервалах до 30 шагов), вести редкий фронтальный огонь, привлекая им на себя внимание противника, а в это время стремиться выиграть фланг противника и нанести ему решительный удар в наиболее чувствительное место.

12 (25) марта была перехвачена радиотелеграмма германцев об одержанной ими большой победе на Западном фронте. В ней говорилось о захвате 45 000 пленных и 600 орудий. Весть эта произвела на всех, кто только что узнал о ней, угнетающее впечатление. Эта победа немцев в то время казалась равносильна катастрофе наших союзников. А на последних мы возлагали большие надежды, ибо в победах союзников видели возможность скорейшего восстановления порядка в России и возрождение ее былой мощи и славы, в то время, как торжество германского оружия могло принести с собой расчленение России, потерю ею окраин и полное экономическое порабощение немцами нашей страны.

В 18 часов 13 (26) марта в селе Новопавловка состоялись переговоры Дроздовского с Жебраком об условиях соединения. Жебрак отстаивал дальнейшее сохранение самостоятельности своего отряда как отдельной части. Дроздовский на это не соглашался, настаивая на полном слиянии и влитии отряда Жебрака в ряды наших частей. В результате два патриота русского народа не сговорились, и соединение на сей раз не произошло*.

* В дальнейшем недоразумение это было ликвидировано самим Дроздовским, согласившимся с мнением и пожеланиями Жебрака и его отряда. Но эта первая несговорчивость сама по себе была неприятна.

Не придя к определенному соглашению, Дроздовский решил дальше не ждать. Необходимо было спешить с переправой через Буг, ибо погода с каждым днем становилась все хуже, а вместе с ней затруднялась и переправа. 13 (26) марта ветер совершенно затих, и пошел дождь, а за ним скоро и снег. Дороги стали портиться. Верхний слой подмок, и они сделались труднопроходимыми. Вечером наступил холод, а люди все были одеты по летнему, теплого никто не имел. Точных сведений о переправах еще не было. Имевшиеся со слов жителей данные говорили о наличии моста у Вознесенска и нескольких бродов севернее его. Но Вознесенск был занят австрийцами, значит, предстояла переправа или вброд, или при помощи речных перевозных средств.

* * *

Еще 12 (25) марта были посланы в район Вознесенска и Константиновки агенты – офицеры-разведчики для сбора сведений о группировке австрийцев и крупных большевистских отрядов. Несколько позже начальником штаба была организована разведка Буга на участке между названными выше населенными пунктами, в целях выяснения средств переправы на левый берег. Согласно его указаниям, для этой цели были отправлены вперед три разведывательных партии: правая во главе со штабс-капитаном <В.С.> Дроном, средняя с капитаном <П.В.> Колтышевым и левая – демонстративного назначения.

Произведенной разведкой было выяснено, что Вознесенск занимался батальоном австрийцев с четырьмя орудиями, и что большевики группировались в Полтаве, Харькове и Николаеве, имея какие-то отряды в районе Солоня. Что касается настроения жителей – оно было самым благожелательным в отношении наших разведов. Доходившие до них слухи о приближении с Румынского фронта какого-то офицерского большого отряда нагнали страх на тех, у кого совесть была нечиста, и они поспешили своевременно бежать. Сведения о переправах в общем были довольно приятны: помимо моста у Вознесенска имелся еще один никем не охраняемый мост у Контакузенска и два парома. Один из них, наиболее вместительный – у села Александровки, другой, требовавший ремонта и менее вместительный – у Буговского поселка. Скорость переправы у Александровки – 4–5 минут в один конец, а у Буговского – до 10 минут. На разведанном участке ширина реки не более 40 саженей, течение среднее, глубина меняется от двух до трех са-

женей. Оба берега открытые, грунт песчаный, местами каменистый. Западный берег пологий и командующий.

Еще до получения окончательных донесений от разведчиков, Дроздовский, учитывая состояние погоды и необходимость переправиться возможно скорее и во что бы то ни стало, приказал отряду 14 (27) марта перейти в Доманевку. Колонна, имея в авангарде конницу, выступила в 8½ часов. К утру мороз увеличился, дул холодный ветер, люди предпочитали идти пешком. Во время большого привала все согрелись и подкрепились молочными продуктами, любезно предоставленными населением, которое в этом районе было явно настроено против большевиков и «данной ими свободы» и охотно помогало Конному отряду их вылавливать, и даже само арестовывало и приводило в штаб комитетчиков. Но, несмотря на это, всюду замечалась полная неспособность к самостоятельной борьбе, чувствовалась загнанность, забитость и только одни сетования.

В 16 часов 30 минут отряд прибыл в Доманевку. Утром 15-го, собрав все донесения разведчиков, Дроздовский принял окончательное решение переправиться у села Александровки в ночь на 16 (29) марта. Днем вперед была выслана конница с конно-горной батареей, которая, следуя переменным аллюром, заняла селения Ахмечеть и Александровку, вышла из них и, не выжидая подхода пехоты, приступила к переправе.

Все остальные части входили в состав колонны главных сил под командованием генерала Семенова, которому было приказано при подходе к переправе в первую очередь перебросить пехоту, обеспечивая ее первоначально артиллерией с правого берега Буга. В 17 часов 45 минут голова колонны главных сил (3-я рота) двинулась по дороге на Ахмечеть. За ней следовали: легкая батарея, 1-я и 2-я роты, пулеметная рота, мортирный взвод и обозы, под прикрытием взвода 1-й роты. Погода была скверная. Холод и сильный ветер затрудняли движение. Проводники оказались неважные, колонна блуждала и напрасно сделала несколько лишних верст. И только когда луна осветила пустынные ровные пашни, изредка прорезанные узкими полосками снега, отряд вышел на правильную дорогу и в 23 часа 45 минут подошел к селу Ахмечеть и остановился в полуверсте от моста переправы. В это время часть конницы была уже на восточном берегу Буга и вела разведку в направлении Вознесенска, Трикраты и Константиновки, обеспечивая переправу пехоты, которая началась в 1-м часу и, несмотря на полное напряжение всех сил, производилась очень медленно.

С приближением ночи становилось все холоднее и холоднее, ветер усиливался, а греться можно было только в доме паромщика, ибо других жилых помещений вблизи не оказалось. Желающих попасть в него было много, но вместить в домик больше тридцати человек не представлялось возможным. Пришлось разводить костры из подручного материала: камыша, соломы, сухой травы и бурьяна. В 5-м часу началась погрузка артиллерии, а за ней обозов и броневиков. При этом нам значительно помогли жители Ахмечети. Они прислали своих плотников, принесли из деревни необходимые для укрепления помоста паромы доски, грузили обозные повозки и удовлетворяли малейшие наши пожелания.

Только к 14 часам 16 (29) марта закончилась полностью переправа отряда на левый берег Буга. Люди были сильно переутомлены, и двигаться дальше в этот день им было не под силу. Поэтому отряд остановился на отдых в селе Александровка, население которого также вполне доброжелательно относилось к нам. Со всех сторон приходилось выслушивать различные жалобы на большевистски настроенные местные и пришлые элементы. Последние своими грабежами нагнали на всех панику. Но наравне с этими жалобами и просьбами одних, приходилось видеть злобу и косые взгляды других: всех тех, у кого совесть почему-либо была не чиста.

В день 16 (29) марта было преодолено первое значительное водное препятствие на нашем пути – благополучно совершена переправа отряда через Буг. Позади остались 165 верст пройденного пути, много радостных и иногда грустных переживаний. А впереди – Днепр и тысяча верст, отделяющих нас от заветной цели. Но огромное расстояние не страшило уже никого. Привычка к походу уже понемногу вырабатывалась и укреплялась. Вера в искусство своего Вождя и в силу отряда росла с каждым днем. Доброжелательное отношение к отряду массы населения и постоянные их просьбы о помощи и защите от большевиков лучше всего говорили о правоте начатого добровольцами дела и вселяли надежду в конечное торжество его.

6. От Буга до Днепра. Бой у Каховки

Следующей серьезной преградой, которая лежала на пути Отряда Дроздовского, была река Днепр, с единственной хорошей переправой у города Бериславля. От нее добровольцев отделяла

200-верстная полоса, в которой необходимо было ожидать встречи с различными организованными партиями и отрядами противника... Движение к какой-либо другой переправе севернее Бериславской было нежелательно, ибо пришлось бы кратчайшее направление менять на более дальнее, что было невыгодно как в смысле напрасной потери времени, так равно и в смысле наиболее вероятных встреч с крупными большевистскими и иноземными силами. Учитывая это, Дроздовский счел необходимым продолжать поход первоначально строго в восточном направлении до деревни Владимировки. Затем, распространив предварительно слухи о намерении нашем свернуть к Александровску, самому неожиданно отправить отряд на Бериславль и здесь уже любой ценой пробить себе дорогу через Днепр, применив даже силу в отношении внешних врагов, если обстановка этого потребует. Из ближайших местных преград хотя и лежали на пути отряда шесть речек, но ни одна из них задерживать его надолго не могла.

В 7 часов 17 (30) марта отряд выступил в направлении на Еланец. Погода не благоприятствовала походу: дул сильный холодный северо-восточный ветер, который гнал в лицо тонкую сильную пыль. Холод проникал повсюду, коченели руки, отмораживались уши, ледяные сосульки нависали на усах, ресницы и брови покрывались инеем. Снег заносил дорогу, последняя становилась плохо видимой, с каждым шагом вперед движение было все тяжелее. Особенно доставалось артиллерии и коннице, которым приходилось спешиваться и вести лошадей в поводу. Мальчишки-добровольцы, прислуга мортирного взвода, с трудом выговаривали слова и передвигали ноги. Ясно было, что 45 верст, которые отделяли нас от Еланца, по такой дороге и в такую погоду не пройти. Необходимо было приостановить движение и переждать прекращения хотя бы ветра. В противном случае могло появиться большое число простудных заболеваний, а каждый больной был обузой отряду. Все эти соображения вынудили в тот день сделать всего 17 верст и приостановить отряд в районе Спасибовки и Петропавловки, куда части прибыли к 14½ часам и расположились на весьма тесных и неудобных квартирах у бедного населения. Некоторые из чинов отряда попали в такие хаты, где вместе с людьми помещались и телята.

С утра отряд продолжал движение. Ввиду подтверждения местными жителями сведений о наличии большевистских партий в районе Сербуловки – Солоная, дабы обеспечить колонну главных сил от неожиданных нападений, коннице было приказано высту-

пить из Петропавловки на полчаса раньше, произвести разведку Сербуловки и леса к югу от нее и принять меры к охранению флангов колонны главных сил. Но полученные сведения не оправдались. Большевики, напуганные дошедшими до них слухами о движении каких-то крупных «карательных отрядов», предпочли своевременно бежать или скрыться среди населения под видом мирных жителей.

Этот переход отряд также совершил при неблагоприятной погоде. Дул сильный южный ветер, от которого снег на дорогах успел несколько подтаять, в результате чего местами появилась липкая грязь, крайне затруднявшая движение артиллерии и обозов. К тому же, прежде чем попасть на надлежащую дорогу, пришлось немало поблуждать в степи, ибо проводник, местный житель, и тот не мог найти дорогу. Особенно тяжелой дорога оказалась для автоброневиков, которые не могли следовать за конницей и отстали даже от пехоты. Только к 18 часам отряд стал подходить к Еланцу, предварительно преодолев с трудом два ручья, лежавших на его пути. Конница первоначально выдвинулась несколько вперед, а пехота осмотрела местечко. Затем весь отряд, приняв меры наружного и внутреннего сторожевого охранения, расположился на отдых.

В этом районе бушевала анархия: постоянные налеты различных шаек, грабежи, насилия и убийства, творимые односельчанами, были обычными для края явлениями. Жаловаться было некому, найти защиту – негде. Явное большинство было радо приходу добровольцев, потихоньку просило защиты и наведения порядка. Правда, случаи выдачи большевиков были единичным явлением: страх мести со стороны друзей последних был настолько силен, что предпочитали лучше молчать и терпеть. Но разведка самого отряда делала свое дело: постепенно сведения о различных преступниках собирались, систематизировались, проверялись всевозможными способами, и скоро много лиц, на совести коих лежали очень тяжелые преступления, предстали перед судом. Часть из них была расстреляна, часть, осужденная за грабежи и хулиганства, сдана каким-то случайным украинским властям. Между прочим, сделано это было исключительно с целью посмеяться над украинцами и их фиктивной властью.

В это время слава о численно-грозном Отряде Дроздовского уже ходила кругом, наводя беспокойство на тех, у кого совесть совсем была не чиста и велик страх перед реальной силой, заставляла их очищать дорогу на пути отряда. О нем распространялись самые

невероятные вести. То говорили, что идет дивизия, то корпус, то просто 40 000 буржуев, нанятых помещиками, для отобрания у крестьян земли. А когда добровольцы появлялись сами, население часто сначала не могло хорошо разобраться в них. Многие называли их украинцами или переодетыми австрийцами, а иногда – большевиками. И только после того, как добровольцам случалось простоять день или два в селении, жители понимали, кто скрывается в лице Отряда Дроздовского и отлично сознавали, что все эти вооруженные люди есть ни что иное, как русские, любящие до конца свою Родину, которые открыто выступили на борьбу не с народом русским, а лишь с предателями и насильниками его. В эти минуты для добровольцев особенно становилось ясным, что в то еще время, в том диком хаосе, в котором находилась Россия, горсть храбрецов дерзостью, смелостью и вместе с тем честностью своей могла сделать многое...

На 19 марта (1 апреля) Дроздовский вынужден был назначить дневку, так как колонна броневых автомобилей отстала, а двигаться без нее он не считал возможным – слишком большую ценность для всех представляли броневики. В 8 часов 20 марта (2 апреля) отряд выступил в направлении Нового Буга, следуя по большой дороге через Возсиятское. Порядок движения колонны оставался прежний. Только броневой батарее было приказано перейти через Новый Буг прямо во Владимировку, где ожидать отряд. Как только хвост колонны вышел из селения, небо сделалось серым, и скоро пошел мелкий, мокрый снег. Дорога постепенно портилась еще больше, грязь облепляла ноги, лошади передвигались с трудом. В 12 часов подошли к месту большого привала в селе Возсиятское. Здесь пробыли до 14 часов, затем двинулись дальше. Только в 18^{1/2} часов голова колонны прибыла в Софиевку. Дорогой лошади конно-горной батареи стали, вследствие чего пришлось собирать бытовые подводы и перекладывать в них снаряды. Население Возсиятского и Софиевки встретило отряд молча и относилось к нему, как первоначально показалось, безразлично. Никаких арестов в Возсиятском не производилось, за что в дальнейшем пришлось жестоко поплатиться.

21 марта (3 апреля) Дроздовский предполагал сделать поход в 50 верст и перейти прямо во Владимировку, но состояние лошадей и доклады командиров конного дивизиона и конно-горной батареи о полной невозможности выполнить этот приказ, вынудили его отказаться от своего первоначального предложения и сделать малень-

кий переход только в селение Новый Буг. К этому вынуждало его в частности и состояние автоколонны, машины которой без предварительной чистки не могли двигаться и остановились не доходя до Возсятского.

В 10 часов отряд выступил и к 13 часам сосредоточился в Новом Буге. Это неизмеримо грязное местечко насчитывало до 40 000 жителей. В нем было много учебных заведений: женская и мужская гимназии, учительская семинария и несколько школ. Несмотря на это, местная интеллигенция, погрязшая в тине будничной, захолустной, беспросветной жизни, под знаком вечного страха перед насилиями, производила убогое впечатление. Население в массе было мирно и благожелательно настроено по отношению к нам. И действительно, вскоре после прихода добровольцев в штабы полка и отряда явились депутаты от населения приветствовать нас. Они объяснили, что беспорядки, кругом существовавшие, не давали никому покоя и вынудили их организовать и сформировать вооруженный отряд для защиты населения, во главе которого был поставлен бывший офицер 124-й пехотной дивизии прапорщик Мельник. Они считали его решительным, смелым и опытным человеком и просили оставить его во главе вооруженной охраны, насчитывавшей 50 человек. В твердости и решительности его сомневаться не приходилось, ибо за несколько дней до прибытия Отряда Дроздовского, когда о нем еще ничего не знали, им были расстреляны за грабежи три местных жителя. Депутация просила «убрать с дороги» еще человек 10–15, обещая их арестовать и доставить в штаб для следствия, суда и расправы. Выслушав депутацию, Дроздовский согласился с их просьбами и предложил местному комитету продолжать работу, обещая ему свою поддержку.

Принимая во внимание сочувственное настроение населения и желая вместе с тем, дожидаясь автоколонны, Дроздовский назначил на 22 марта (4 апреля) отряду дневку. С утра в штаб, под конвоем местной дружины, стали доставлять арестованных, среди которых были почти все убийцы мирных жителей. Всех их, в числе четырнадцать, приговорили к смертной казни и расстреляли. Из разговоров с крестьянами выяснилось, что представление их о большевиках связано исключительно с грабежами, насилиями и убийствами. Эти большевики так им надоели, что население готово было приветствовать кого угодно, лишь бы получить покой. На это указывали определенные данные о желании их выслать депутацию к немцам с просьбой о помощи. Зная все это, тяжело становилось на

душе при мысли о том ужасе, к которому привели русский народ его темнота и несправие.

Во время стоянки отряда в Новом Буге, с разной стороны поступали сведения о жестокости, чинимой местными и пришлыми красноармейцами в отношении населения ближайшего района и офицеров, случайно проходивших через эти селения. Так, в 12 верстах от Нового Буга была расположена деревня Малеевка, население которой имело значительное число оружия включая и пулеметы и совершало набеги с целью грабежа ближайших хуторов. Жители одного из таких хуторов*, расположенных к северу от Малеевки, организовались и примкнули к летучему партизанскому отряду, состоявшему из семи офицеров, и вели борьбу с малевскими хулиганами. При этом 21 марта (3 апреля) ими был совершен рейд на Малеевку, причем всего одиннадцать человек не только разогнали малеевскую банду, но и отобрали у нее пулеметы и часть винтовок. Благополучно совершив набег, партизаны вернулись и укрылись в хуторах, отбивая нападения малеевцев.

Так как Малеевка лежала почти на пути дальнейшего нашего следования, Дроздовский послал туда небольшой отряд под командой генерала Невадовского, в составе 3-й роты с пулеметами, 2-го эскадрона и взвода конно-горной батареи. Этот отряд, подходя к Малевским хуторам, был встречен хлебом и солью. Хуторяне называли добровольцев «избавителями», прекрасно всех накормили и ни за что не хотели брать деньги. Ночь отряд провел на хуторах, выставив небольшие сторожевое охранение и выслал вперед разведку. С рассвета 23-го Малеевка была со всех сторон окружена конными. На открытой позиции стали орудия и пулеметы. В деревню был послан ультиматум: в двухчасовой срок сдать все оружие. За неисполнение его было обещано обстрелять деревню химическими снарядами**. Ультиматум был выполнен в точности: оружие сдано, отображены краденые казенные лошади, записавшиеся в красную гвардию и служившие в ней предстали с повинной. Последние, в числе 30 человек, были наказаны розгами, причем поролы они друг друга сами. Все клялись больше не записываться и не служить в красной армии. До полудня 23 марта (5 апреля) отряд оставался в Малеевке, питаясь за счет жителей бесплатно, исключительно в карательных целях за приверженность их к большевизму.

* Хутор Красный Став.

** Их у нас не было.

Днем 22 марта (4 апреля) в Новый Буг прибыли два раненых офицера 84-го пехотного Ширванского полка*, доставленные для помещения в больницу из деревни Владимировки учителем (бывшим офицером) и фельдшером. Они рассказали кошмарную историю о мученической смерти нескольких чинов их полка во главе с временно командующим полком. Их рассказ, от которого становилось жутко людям даже с закаленными крепкими нервами и который в глубине души возмутил всех присутствовавших, свелся к следующему. Человек десять офицеров и солдат ширванцев со своим командиром пробирались на Кавказ к месту стоянки их полка в мирное время, с целью доставить туда сохраненное ими знамя и в рядах Добровольческой армии принять участие в борьбе с большевиками. В районе села Долгоруковка банды красноармейцев и местных жителей напали на них, избили и арестовали, затем всячески издевались над ними, а в заключении выкололи нескольким глаза, а двух ранили, ведя их на расстрел, но они успели под пулями добежать и скрыться во Владимировке, население которой укрывало их. «Долгоруковцы и фонтанцы»**, узнав об этом, потребовали выдать укрываемых, грозя в противном случае разделаться с владимирцами. Среди раненых был один офицер, чудом спасшийся и сохранивший знамя, бывшее у него на груди. Это знамя во время похода возилось с Отрядом Дроздовского, а затем было сдано в штаб Добровольческой армии. Ни у кого не было сомнения в том, что рассказ был чистой правдой. К сожалению, все это в дальнейшем подтвердилось, но еще в более жестоком описании действительности.

Ясно было, что подобные случаи не были единичными и что по всей Руси ежедневно их были десятки, сотни, а может быть и тысячи. О многих из них никто не знал и, возможно, никогда не узнает. Но здесь своевременно подоспела кара преступникам. Судьбе было угодно, чтобы это тяжкое кошмарное преступление не осталось безнаказанным. Все в отряде чувствовали, что расправа неминуема, что возмездие должно быть также жестоким, чтобы дети и внуки убийц надолго помнили об этом и передавали своему потомству о суде над их отцами и дедами – врагами русского народа – со стороны верного Родине добровольческого отряда, отомстившего за братскую родную офицерскую и солдатскую кровь.

* Один из них – штабс-капитан Безчастный.

** Жители другого обольшевического района.

Нельзя было не согласиться в то время с Дроздовским, который говорил: «Мы живем в страшные времена, времена озверения людского, когда такими разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон – “око за око, зуб за зуб...”, а я бы сказал, продолжал он дальше: “два ока за око, все зубы за зуб...”»*. Правда, в самом Дроздовском чувство культуры боролось со мщением к побежденному врагу. Но разум, ясный, логический присущий ему разум, торжествовал над незначительными движениями сердца. В той обстановке, которая охватила Россию, голос культуры и мягкие, податливые и уступчивые движения сердца должны были временно уступить место твердой воле и неуклонному проведению в жизнь требований жестокой действительности.

Днем было получено приказание Дроздовского, согласно которому 23 марта (5 апреля) отряду предстоял переход в село Владимировка и намечались части для Долгоруковской экспедиции. Но вечером это приказание было видоизменено, ибо от разъездов поступили сведения о высадке на станции Новый Буг нескольких сот австрийцев, которые открывали по разведчикам огонь и одного из них захватили в плен. Выслав новую серию небольших разъездов, Дроздовский приказал отряду быть готовым выступить в любой момент по тревоге. В 20 часов положение несколько разъяснилось. В штаб отряда прибыли два австрийских офицера в сопровождении разъезда конного дивизиона, с целью, как они заявили, выяснить, кто такие люди Отряда Дроздовского, куда и зачем идут. Им было отвечено, что отряд идет на город Александровск и далее на Москву бить большевиков и восстанавливать в стране порядок. Ответ этот их, по-видимому, не удовлетворил, ибо они пожелали, чтобы кто-нибудь из чинов отрядного штаба поехал с ними в Николаев, для выяснения вопроса, можно ли их пропустить дальше. Дроздовский сдержался и на сей раз, несмотря на наглость австрийцев. В Николаев он, конечно, никого не послал, а предложил австрийцам поговорить по телефону со своим штабом со станции Новый Буг, говоря при этом, что здесь его отряд простоит еще дня два-три. Австрийцы уехали.

Вслед за ними стала вытягиваться и колонна отряда... Но опасения Дроздовского и на сей раз были напрасны, ибо не успела еще колонна выйти из села, как было получено извещение о том, что на станции Новый Буг осталось всего несколько десятков австрийцев

* В своем открытом дневнике, который вел он на походе.

и что остальные спешно уехали по железной дороге, напуганные тем, что «кто-то» в их тылу взорвал железнодорожный путь. Это была работа трех офицеров отряда, секретно высланных начальником штаба. Приказ об отступлении был отложен исполнением до утра.

Ночь все части провели под открытым небом у своих повозок. В 6 часов 23 марта (5 апреля) выступили на Владимировку, а в 12 часов подошли к селу Новогорьевка, в котором и остановились на часовой привал. После полудня погода окончательно разгулялась: ветер затих, небо сделалось голубым, солнце сильно грело, дорога стала вполне проходимой. В 13^{1/2} часов колонна выступила дальше, имея в авангарде конный дивизион с конно-горной батареей; при нем находился начальник штаба полковник Войналович. Предполагалось, по прибытии во Владимировку, выслать карательный отряд в Долгоруковку, но когда в 17^{1/2} колонна главных сил подошла к Владимировке, оказалось, что она опоздала: задача была выполнена одним авангардом по инициативе Войналовича.

Долгоруковская карательная экспедиция

По прибытии авангарда в село Владимировку, начальник штаба отряда получил подробное указание о наличии в селе Александровка (или, как называли его, Долгоруковка) участников издевательства и убийства офицеров и солдат Ширванского пехотного полка. Одновременно жители Владимировки сообщали о движении из Долгоруковки красноармейского отряда, с целью наказать владимирцев за укрывательство ими «врагов народа». Силы красных определялись в 150 штыков при двух пулеметах.

Полковник Войналович решил не ждать полного сосредоточения во Владимировке отряда и дабы не выпустить бандитов, принял самостоятельное решение бить их одними силами авангарда, насчитывавшего в этот день около 80 шашек при трех пулеметах и двух конно-горных орудиях. Поставив о своем решении в известность начальника отряда, он немедленно выступил на Долгоруковку и незаметно подошел к ней. Выставив на открытую позицию артиллерию, Войналович приказал пулеметчикам открыть огонь по переправе, бывшей в селении. Одновременно взвод конницы с шашками наголо бросился в село, ворвался в него и вышел как раз очень удачно к тому дому, где заседал местный совет, спокойно обсуждавший вопрос, как лучше наказать владимирцев. В полном

своим составе он был захвачен и весь зарублен на улице около советского правления. Затем на площади были собраны все жители села, которым было предъявлено требование о выдаче всех тех, кто убивал или издевался вообще над офицерами и солдатами.

Налет был так неожидан и стремителен, что ни один из виновников преступления не успел скрыться. Все они были выданы жителями и тут же расстреляны. Принадлежавшие им дома были сожжены, а все мужское население моложе 45 лет было перепорото шомполами, причем пороли старики. Пощады никому дано не было, ибо в этом селении народ настолько озверел, что, как оказалось из произведенного дознания, когда красноармейцы хотели помиловать нескольких офицеров, все жители, включая женщин и детей, требовали обязательного расстрела. По окончании экспедиции последовало приказание отправить во Владимировку для нужд отряда даром весь лучший скот, свиней, фураж и др. Проводниками отряда и опознавателями виновных, помимо самих жителей, служили два спасшихся офицера-ширванца, укрытые владимирцами. Оба они тогда же поступили в отряд.

Во время этой экзекуции, когда в селении стоял сплошной вой, были обнаружены приближавшиеся с востока красноармейцы, по видимому, ничего не знавшие о происходившем в Долгоруковке. Увидя их, офицеры эскадрона и конно-горной батареи во главе с их командиром капитаном Колзаковым немедленно бросились на приближавшихся красноармейцев в конную атаку и, несмотря на открытый почти в упор ружейный огонь, всех зарубили, а одного тяжело раненого взяли в плен для допроса. Лишь старший, бывший на дивной, кровной лошади, успел ускакать. За ним долго гнался капитан Колзаков, но догнать не смог. Всего было истреблено 24 человека. Лошади достались отряду.

К вечеру отряд, не понеся потерь, вернулся во Владимировку. По сосредоточении всех частей отряда во Владимировке, была выслана разведка и выставлено сторожевое охранение. Так как с этого пункта началось уже действительная полоса активно действующих большевистских отрядов и банд, были приняты меры непосредственного охранения, предусмотренные уставом полевой службы. Население Владимировки встретило Отряд Дроздовского очень радушно, просило помощи в деле организации местной самооборонческой дружины и само во всем шло на встречу. Вместо разогнанного еще до прихода добровольцев большевистского комитета, во власть вступило прежнее волостное земское правление. Жи-

телям было приказано полностью сдать оружие, часть которого Дроздовский обещал выдать самооборонческой дружине.

Ночь прошла спокойно. 24 марта (6 апреля) отряд оставался на дневке, ожидая автоколонну. Днем в селение Фонтан был отправлен карательный отряд в составе 2-го эскадрона с пулеметами, двух легких орудий без зарядных ящиков с конными номерами, с целью изловить местных красноармейцев, принимавших участие в убийстве офицеров. Но экспедиция эта не увенчалась успехом: все красноармейцы скрылись заблаговременно, удалось поймать лишь одного, бывшего главарем и главным участником убийств. Его расстреляли. Квартиры бежавших сожгли.

По возвращении обратно, отряд, проходя через Долгоруковку, был встречен в ней с хлебом и солью. На всех домах были вывешены белые флаги – признак полной покорности. Все низко кланялись и явно заискивали. Было противно знать, как эти люди еще недавно были безжалостны и полны издевательства над беззащитной, невинной к тому же жертвой своей и видеть, как теперь они стали угодливы и трусливы при виде пугающей их силы. В эти минуты особенно ясно сознавался весь ужас Гражданской войны с ее последствиями: людским озверением, смертельной злобой, мстостью и жестокими расправами. Та радость, то упоение убийством, которые не чужды были в этой обстановке некоторым добровольцам, оставляли неприятное чувство на душе у большинства. Но и это большинство учитывало и ясно сознавало, что иного исхода не было. Необходимо было войти в положение и тех добровольцев, которые потеряли многих своих друзей или родных, павших от руки озверевшей черни, необходимо было понять их, подвергавшихся бесчисленным оскорблениям, жизнь коих разбита, имущество разграблено или уничтожено... Поэтому та злоба и месть, которые были присущи некоторым добровольцам, отчасти, а может быть и вполне, имели свое оправдание. Что же можно было требовать в то время от одного отличного во всех отношениях офицера, потерявшего двух или трех братьев, замученных матросами, или от других добровольцев, у которых красноармейцы вырезали целые семьи?.. Выхода иного у них, как мщение, пожалуй, не было...

Но массу надо было все же сдерживать, необходимо было в душе ее поддерживать сознание, что она борется исключительно за правопорядок и закон, а потому никаких самоуправств и вообще нарушений закона с ее стороны не могло быть допущено. В свою очередь, требовалась железная воля, к которой прислушивались и

с которой считались все. И эта железная воля нашлась в Дроздовском и в явном большинстве чинов отряда, которые все ставили в рамки закона, постоянно следили и не допускали произвола отдельных лиц. Для этого было сделано многое, чем и можно объяснить общую радость при виде добровольцев и то отношение, которое встречали дроздовцы в период дальнейшей борьбы...

* * *

В 14 часов 24 марта (6 апреля) на кладбище села Владимировки была отслужена панихида на братской могиле четырех офицеров и солдат-ширванцев, тела которых были найдены владимирцами и схоронены на их кладбище. Служил отрядный священник с местным духовенством, пел местный церковный хор. На панихиду собралось очень много народа.

Днем же 24-го удалось войти в связь с автоколонной, переговорив по аппарату с капитаном Ковалевским, который сообщил грустную весть о том, что автомобили они вынуждены были бросить, объяснив причину этого плохим состоянием дорог и загрязненностью машин, которые не могли следовать дальше. Но в тоне его голоса чувствовалось что-то неладное. Ясно было, что случилось какое то несчастье. И оно оправдалось.

Дабы дожидаться автомобилистов, Дроздовскому пришлось вновь отменить приказ о выступлении отряда и назначить на 25 марта (7 апреля) дневку. Рано утром 25-го из автоколонны прибыли офицеры, которые сообщили действительно печальную весть о гибели автоброневика и нескольких машин, а также об убийстве очень хорошего офицера прапорщика Осадчаго и о ранении двух офицеров автомобилистов и одного радиотелеграфиста из числа бывших в автоколонне для связи с отрядом.

Этот несчастный для добровольцев случай произошел 23 марта (5 апреля) во время прохождения автоколонной села Возсиятского, жители которого воспользовались самоуверенностью и вместе с тем оплошностью, а отчасти и некоторой недобросовестностью части команды автоколонны и напали на нее в тот момент, когда колонна переправлялась через речку <нрзб>, разделилась на части, не имея возможности провезти все машины через греблю. Видя, что наиболее опасная часть колонны (броневики) ушли в обход, и что легковые машины, перейдя греблю, остановились на очень крутом подъеме в гору, а возле них стояли чины команды и мирно беседовали с окружавшими их детьми, бандиты, засевшие

в укрытиях на обратном берегу речки, открыли ружейный огонь по стоявшим около машин добровольцам. Первыми выстрелами были ранены и убиты местные ребяташки, а затем был убит прапорщик Осадчий и жестоко пострадали два офицера, тяжело раненые с раздроблением костей, и один, отделавшийся легким ранением. Когда подошла обходная колонна, броневик обстрелял село, но вреда бандитам, по-видимому, не принес. Подобрал раненых и не имея возможности вытащить все машины, часть из которых оказалась испорченными, начальник автоколонны, взяв с собой всего один легковой автомобиль, поспешно двинулся дальше на Софиевку*.

В это время в ней стоял отряд полковника Жебрака, почти одновременно с автоколонной проходивший Возсиятское и предлагавший автомобилистам помощь, от которой они тогда отказались. Узнав о происшедшем случае, полковник Жебрак решил вернуться со своим отрядом к Возсиятскому и попытаться спасти машины. Дав своему незначительному отряду, переутомленному огромными переходами, отдых до 3-х часов ночи, 24 марта (6 апреля) Жебрак лично с 50-ю пешими и 12-ю конными добровольцами отправился для извлечения застрявших машин. К рассвету они приблизились к Возсиятскому и нашли на дороге один из броневиков, стоявший в полной исправности. Приняв меры охранения со стороны Возсиятского, люди взялись за работу по вытаскиванию броневика из грязи. Минут через 35 машина была вытащена и готова к бою. Другой броневик был оставлен почти у самого села. Его вытащить и спасти не смогли. Зная, что отряду необходимо спешить, дабы не отстать далеко от частей Дроздовского, Жебрак вернулся в Софиевку и через несколько часов двинулся дальше. Так была оказана первая помощь Отряду Дроздовского со стороны Жебрака.

Только к вечеру 25 марта (7 апреля) автомобилисты прибыли во Владимировку. Тяжело раненые офицеры на легковой машине были перевезены в Ново-Бугский лазарет, в надежде на то, что туда придут австрийцы и их подберут. Но так как в дальнейшем оказалось, австрийцы располагались в 40 верстах от Нового Буга и его занимать не предполагали. Пришлось по телеграфу обратиться к ним за помощью. Наши враги поступили как рыцари. Уже через полчаса после просьбы они прислали на станцию Нижний Буг паровоз с санитарным вагоном и доктором, забрали привезенных на

* Вывезенные броневики застряли в грязи в нескольких верстах от Возсиятского.

станцию раненых, прихватили с ними двух ширванцев и увезли их в безопасное место.

Случай с автомобилистами наглядно показал вновь, как опасно кому бы то ни было отделяться от колонны, а вместе с тем как тяжело было быть раненым в походе. Везти раненых с собой на повозках, да еще рысью, равносильно их смерти. Оставить в одном из населенных пунктов – та же смерть. Задерживать колонну, конечно, было нельзя – обстановка требовала спешить. Поэтому-то от всех чинов требовалась осторожность на каждом шагу. Дроздовский был прав, постоянно указывая на это. При пристальном наблюдении за крестьянской массой, ему казалось, что масса эта, вчера только буйная, издевавшаяся над случайной жертвой своей, сегодня ухаживала за ним и его отрядом и считалась с ним лишь потому, что мы были объединены и представляли силу. Особенно если принять во внимание, что слава о нас, как о большом карательном отряде, ходила впереди на всем пути, куда мы нарочно отправляли надежных лиц, которые распространяли слухи о приближении такого отряда, создавая шумиху и настораживая врагов. Но сам Дроздовский никогда не переоценивал своих сил. Он сознавал и отмечал всегда в своем личном дневнике, что на самом деле он со своим отрядом был лишь «блуждающим островком, окруженным врагами: внешними австро-германцами и внутренними – большевиками и украинцами». Островком, обитатели коего не думали делать никому зла, старались никого не трогать, но твердо и упорно шли вперед к намеченной цели – спасению Родины от большевиков и «борьбе за ее счастье».

Полковник Дроздовский, учитывая эти тяжелые условия, в которых приходилось совершать поход отряду Жебрака, незначительному по численному своему составу и к тому же сильно перегруженному заводными лошадьми, уменьшающими, естественно, его боеспособность, и принимая во внимание, какой ценный людской материал в лице Жебрака и чинов его отряда он может получить в случае, если Жебрак согласится на присоединение, отправил к нему для переговоров своего начальника штаба.

Переговоры состоялись 25 марта (7 апреля) в селе Скобелевка, куда к этому времени прибыл отряд Жебрака. Умный и спокойный Войналович легко пришел к соглашению с Жебраком, который к тому же ясно сознавал всю пользу от присоединения и, как честнейший солдат, немедленно согласился на предложение Дроздовского. Правда при этом Войналович передал обещание Дроздовского со-

хранить отряд Жебрака как отдельную, самостоятельную часть. В тот же день Жебрак приехал во Владимировку с целью представиться Дроздовскому по случаю присоединения и для получения от него дальнейших указаний. Фактическое соединение отрядов было назначено на 26 марта (8 апреля) в селении Давыдов Брод.

Что же представлял собою отряд Жебрака? К моменту присоединения он насчитывал свыше 130 человек, добрая половина которых состояла из офицеров так называемой отдельной Балтийской морской дивизии, которая, подобно остальным частям Русской армии, еще в декабре 1917 года подверглась сильному разложению, а в 20-х числах января окончательно перестала существовать. Из ее рядов вышел и полковник Жебрак, доблестно командовавший 2-м морским полком и не раз получавший благодарности в приказах по 6-й армии за личную храбрость и лихие дела полка. Этот прекрасный во всех отношениях офицер, пользовавшийся всеобщим уважением и доверием, узнав о том, что в районе Ясс формируются добровольческие части, немедленно поехал в штаб армии ходатайствовать о своем назначении в добровольческую бригаду. Но здесь неожиданно он получил от командующего 6-й армией генерала А.О. Пержхайло¹⁸ предложение заняться работой по формированию добровольческой части в районе Измаила, где собралось в то время значительное число офицеров. Жебрак охотно соглашается на полученное предложение, и 24 января (6 февраля) в горороде Измаиле он, совместно с генералом Пержхайло, выступает на собрании офицеров и призывает их записываться в добровольческие части. Те, кто знал Жебрака, немедленно дают свое согласие.

В результате, 8 (21) февраля приказом войскам 6-й армии за № 57 на полковника Жебрака было возложено формирование Морского сводного полка из остатков отдельной Балтийской морской дивизии. Имелось ввиду, что по сформировании этот полк войдет в состав одной из добровольческих бригад. В первый день формирования в распоряжение Жебрака добровольно явились 50 офицеров, почти все из состава бывшей Морской дивизии. 12 (25) февраля они были размещены в здании Измаильской пограничной бригады, где и началось фактическое формирование полка. Но формирование успехом не увенчалось. Добровольцев записывалось очень мало, оружие и различное имущество не давали румыны. Несмотря на это, Жебрак не падал духом и, узнав о выступлении из Ясс бригады Дроздовского, решил, с тем, что у него было, идти на присоединение к Дроздовскому.

24 февраля (9 марта) он со своим полком, насчитывавшим в то время около 65 человек, вооруженных всего 25 винтовками, 1200 патронами и 17 французскими гранатами, выступил в Болград, в районе которого оставался до 5 (18) марта. Здесь полку удалось получить свыше 200 кавалерийских лошадей с седлами, обоз и упряжь, принадлежавшие ранее 1-му гусарскому Белорусскому полку, а также около 30 солдат и несколько добровольцев-офицеров. 5 (18) марта полк по железной дороге был перевезен со станции Троянов-Вал на станцию Золотий, откуда 6 (19) марта выступил походом по маршруту: станция Пугай – Мирены – Вадулуй – Воды – Криуляны – Дубоссары – Раймаровка – Волегоцулово – Новопавловка – станция Головневка – Акмечеть – Фельзенбург – Садневка – хутор Куна – Скобелевка. Весь путь был пройден в 19 дней, в течение которых полк всего два раза имел дневку, несмотря на то, что в среднем делал ежедневно не менее 30 верст. К моменту присоединения он несколько увеличился численно за счет приставших по пути добровольцев. Вместе с тем было добыто достаточное для наличного числа людей в полку количество оружия, которое было отобрано у местного населения.

* * *

Ближайшей задачей, стоявшей на пути отряда, было овладение переправой через Днепр и переход на его левый берег. За последние дни отряд значительно отдохнул, а люди и лошади основательно подкрепились. Поэтому Дроздовский решил двумя большими переходами перейти к линии Днепра и овладеть переправой у Бериславля. К тому же и общая обстановка вынуждала его спешить, так как немцы также продвигались к Днепру и могли опередить отряд, а тогда разговор с их стороны мог быть другой, более решительный. Это, конечно, не улыбалось добровольцам.

И действительно, по данным агентурной разведки и по показаниям местных жителей, группировка противника к этому времени была такова: города Николаев и Херсон и железнодорожные узлы Апостолово, Кривой Рог, Долинская и линия железной дороги Долинская – Нижний Буг – Николаев были заняты германскими и австрийскими частями. Авангарды их выдвигались в сторону Александровска и Бериславля. Теснимые ими большевистские отряды и различные банды отходили на левый берег Днепра, стремясь удержать в своих руках переправы: мостовые у Александровска и Бериславля и паромную у Никополя. По показаниям прибывшего из

Большой Каховки нашего агента, прапорщика Беспалова, Бериславль и Каховка были заняты бандами Алехина и «отрядом Маруси», насчитывавшими несколько сот человек с артиллерией и пулеметами. Эти отряды готовились к бою с немцами, продвигавшимися от Херсона. Из Никольска – Козельска двигалась на юг большая банда, с целью перерезать дорогу Отряду Дроздовского в районе немецких хуторов. Кругом на пути возможно было ожидать встречи значительного числа местных банд, терроризировавших и грабивших богатые хутора. Владимирская самооборонческая дружина, после получения сведений об уходе добровольцев Дроздовского, была настроена панически и сообщала о движении через Долгоруковку отряда красных в 1000 человек; последние данные были маловероятными.

Предстояло действительно трудное время, ибо можно было ожидать уничтожения или развода большевиками Бериславского моста или столкновения с немцами. А этот мост был единственной переправой на пути отряда. Большая надежда была на то, что большевики, по-видимому, не ожидали Дроздовского и все свои взоры обращали в сторону немцев, занимавших Херсон. Это обстоятельство позволяло неожиданно напасть на большевиков и овладеть переправой. А если это решение не имело бы успеха, задача отряда могла бы значительно осложниться, так как переправа через Днепр на лодках или плотках была равносильна потере броневиков и тяжелой артиллерии. Дроздовский же знал, что и в том, и в другом Добровольческая армия Корнилова и Алексева сильно нуждалась. К тому же такая переправа могла потребовать значительной задержки отряда и отсрочила бы долгожданный час соединения с Добровольческой армией...

Все эти переживания были у незначительного числа чинов отряда, посвященных случайно в обстановку. Но у Дроздовского были и другие мысли. Он больше думал о том, как бы не понести при переходе напрасных потерь. Большевиков он не боялся. Он был уверен, что они перед нами не устоят. Но он знал, что и среди них могут найтись такие, которые не задумаются нажать на спусковой рычаг пулемета, и тысячи выпущенных пуль могут принести с собой преждевременную потерю кого-либо из чинов отряда. А каждый офицер и солдат для Дроздовского были одинаково дороги. Он отлично знал цену каждому из них, он понимал, что они, верные сыны страдающей Родины, еще нужны и пригодятся ей. Отсюда вполне понятна та осторожность в действиях Дроздовского, кото-

рая бросалась в глаза во время похода. Часто он не спал по ночам, думая об участии раненого офицера и солдата или о каком-нибудь дозоре или разъезде, от которого долго не было вестей. Отсюда же понятно и почему Дроздовский так много думал о предстоящей переправе через Днепр...

Согласно секретному приказу по отряду на 26 марта (8 апреля) был назначен переход в Давыдов Брод. В 7 часов 30 минут по улицам Владимировки началось вытягивание колонны главных сил – шли роты 1-го батальона. Обгоняя их, рысью прошла вперед конница с конно-горной батареей. Не успел еще хвост колонны уйти из села, как во Владимировке наступила настоящая паника, распространяемая в первую очередь местной самооборонческой организацией, боявшейся после нашего ухода мести со стороны красноармейцев, которые уже грозили приходом и расправой. Боязнь за жизнь перекинулась на всех жителей села, особенно на тех, у кого останавливались чины нашего отряда. Они не понимали слабости большевиков и не сознавали своей силы. Уходившие добровольцы их успокаивали чем возможно, включая... даже приход немцев.

В 8 часов вся колонна главных сил отряда была уже за селом. По сторонам ее виднелись конные обозы. Небо было чистое, синее, солнце ярко светило, дул слабый юго-восточный ветер. Дорога была ровная, хорошая. Колонна тронулась рысью. Несмотря на это, растяжки не замечались. Легкая дорога, отдохнувшие лошади и привычка к порядку сказывались. В Новопавловке остановились на двухчасовой привал, после которого выступили дальше и к 17 часам прибыли в Давыдов Брод. Еще заблаговременно было отдано распоряжение о выставлении караула к имеющемуся в селе водочному заводу из числа не пьющих. Но распоряжение это, как оказалось в дальнейшем, было напрасным, ибо водка недорого продавалась в любом доме.

Не успели части разойтись по квартирам, как показалась на горизонте другая колонна – это был Морской сводный полк Жебрака. Сам Жебрак ехал впереди. За ним с морским знаменным флагом в голове его Сводный морской полк (человек в 130). Дроздовский с чинами штаба и начальствующие лица артиллерии, конницы и пехоты стояли на дороге почти у окраины села. Еще совершенно не сыгравшийся хор трубачей, имея капельмейстером старика Котова, играл Егерский марш. Отданием чести отряды добровольцев приветствовали друг друга. На лицах собравшихся и присоединившихся можно было прочесть общее удовольствие. Было заметно и неко-

торое удивление при виде морского Андреевского флага в руках сурового офицера, да еще на лошади.

В 17 часов 20 минут Сводный морской полк прошел мимо Дроздовского. Состоялось фактическое соединение двух самостоятельных отрядов, объединенных до сего времени лишь одной идеей, в один общий под начальством Дроздовского. <...>¹⁹

В приказе на завтра Дроздовским было нарочно указано фальшивое направление – через деревню Дунино на Меловое, а о последнем говорилось, как о месте переправы. «Авось, да чья-нибудь болтливость принесет пользу», – думал он.

Около 8 часов 27 марта (9 марта) отряд выступил в направлении на Меловое. Колонна главных сил шла в следующем порядке: 2-й батальон, легкая батарея, мортирный взвод, радиостанция, обозы всех частей и 1-й батальон. В арьергарде следовал полк Жебрака. Вскоре направление движения было изменено, и авангард свернул по кратчайшей дороге прямо на Бериславль. Был ясный солнечный день, но встречный ветер несколько затруднял движение колонны рысью. Происходили значительные растяжки, вынуждавшие каждый час делать 15 минут привала для подтягивания колонны.

Когда колонна прошла верст 30, от передовых частей были получены сведения о том, что Бериславль уже занят немцами, подошедшими от Херсона. Их силы определялись человек в 350 при 4 пулеметах; артиллерии у них не было. По непроверенным сведениям, немцы занимали мост, но переутомленные большим переходом и не имея артиллерии, они двигаться дальше не решались и ожидали скорого подхода подкреплений. Данные о большевиках были очень скудны. Они говорили лишь о том, что большевики неясненными силами пехоты занимают левый берег Днепра в районе Каховки и ведут артиллерийский огонь по Бериславлю.

Таким образом, сведения были не совсем утешительны. Ясно было, что медлить нельзя и что нужно спешно идти вперед и пройти мост, пока немцев мало, и нападение Отряда Дроздовского для них опасно, либо обречь на гибель все дело, если дать возможность немцам дожидаться артиллерии и подкрепления, когда они сами смогут овладеть переправой и преградить Дроздовскому дорогу. Дроздовский принял решение не ждать и приказал всему отряду спешно двигаться дальше, не останавливаясь на большой привал. Вместе с тем вперед к Бериславлю были посланы Жебрак и Войналович (к ним присоединился и Невадовский), которым Дроздовский предложил объяснить немцам, что мы идем домой – бить

большевиков, для чего необходимо пройти через Бериславский мост и Каховку. В случае каких-либо препятствий со стороны немцев было приказано сообщить им, что мы вынуждены будем силой проложить себе дорогу.

Пройдя еще версты четыре, колонна главных сил приостановилась. Вперед, в голову ее, были выделены все стрелковые и пулеметные роты (с патронными повозками по одной на роту) и артиллерия. Обозы остались в хвосте колонны под прикрытием части полка Жебрака и польского взвода. Перестроившись, колонна двинулась дальше. Вскоре мы услышали редкие ружейные выстрелы и в наступившей темноте увидели ярко сверкающие, необычайно высокие разрывы шрапнелей. Это артиллерия большевиков безрезультатно обстреливала город. Около 20 часов к голове колонны подъехал Войналович, доложивший об обстановке у Бериславля. При нем прибыл из Херсона пешком еще один немецкий батальон (21-го полка), роты которого насчитывали человек по 50–60. Люди были сильно переутомлены, но дисциплина хорошая. Старший немецкий начальник майор Науман, учитывая, по-видимому, как свои слабые силы, так и назначение нашего отряда, конечно, согласился не препятствовать нам занять Каховку. Войналович настоял также на снятии с позиции немцев, с тем, чтобы задача была выполнена нами самостоятельно, без всякой помощи с их стороны. Майор Науман просил лишь оставить вблизи моста одну из своих рот. Наступление условились начать с рассветом.

Таким образом, для выполнения поставленной задачи и конечного торжества общего дела Дроздовскому пришлось через своих представителей вступить в разговоры с нашими на долгие времена еще врагами. Тяжелый отпечаток оставался на душе. Дроздовский, учитывая это, вызвал к себе всех начальствующих лиц и объяснил им, что он ни в какие переговоры о совместных действиях с немцами не входил, а лишь потребовал пропустить нас. Этот разговор с Дроздовским удовлетворил всех, ибо добровольцы, считая себя верными сынами старой Русской армии и Родины, не признавали позорного Брест-Литовского мира и оставались верными своим прежним союзникам. В то время мы еще рассчитывали, что реванш неминуем и что Русская, вновь возродившаяся армия, продолжит начатую войну и отомстит за все пережитое нами...

Все же у Бериславля получилось самое тяжелое для нас положение, особенно по причинам моральным. Русские, большевики, немцы... Три врага. Каждый – остальным двум. Два из них русские

по крови, но еще большие враги, чем третий, ибо одни националисты, любящие свою Родину превыше всего, а другие интернационалисты, продающие ее для торжества интернационала... Многие открыто говорили, что в ту минуту большими врагами... были все же большевики. Но, несмотря на это, необходимо было опасаться и другого нашего врага, случайным ходом обстоятельств столкнувшегося с нами. Поэтому Дроздовский строил свое развертывание с учетом возможности в любой момент противодействовать измене. Немцы также не могли не знать настроения добровольцев и располагали свои части так, чтобы, в случае опасности с нашей стороны, иметь возможность на нее реагировать.

Подойдя к Бериславлю, люди были оставлены ночевать на подводах в поле в строю поротно в две линии на 200–300 шагов одна от другой. Обозы остановились верстах в двух от города в ложине и построили «вагенбург». Штабы отряда расположились в сторожке на кладбище, на полу. Артиллерия становилась на позицию: взвод легкой, мортирный и Горная батарея шагах в 200–300 от моста, другой взвод Легкой батареи недалеко от кладбища, откуда было видно лучше артиллерию красных. Конница расположилась во дворах на окраине города. Начальник штаба у моста на наблюдательном пункте. Все были предупреждены о необходимости быть бдительными.

Наступила холодная ночь. Люди и лошади весь день ничего не пили и не ели. Большевики до 2½ часов обстреливали город. Снаряды рвались по-прежнему высоко. Лишь случайным стаканом была убита девочка и ранена одна женщина. Первоначально предполагалось с рассветом открыть сильный артиллерийский огонь по окопам противника и его артиллерии, под прикрытием которого пустить на мост броневик, а за ним 1-ю и 2-ю роты с конно-горной батареей. Одновременно началась переправа конницы на участке южнее Бериславля и действие ее в тылу противника, занимавшего Большую и Малую Каховки. Непосредственное руководство переправой Дроздовский поручил Войналовичу.

Ночь прошла спокойно. Со стороны красных иногда были слышны редкие ружейные выстрелы. Полковник Войналович, внимательно наблюдая за действиями большевиков, обнаружил в районе Малой Каховки и роши возле нее лишь небольшое сторожевое охранение красных. Поэтому, не ожидая полного рассвета и артиллерийской подготовки, он в 5-м часу во главе 1-й и 2-й рот начал переходить мост, направив вслед за ротами и конный дивизион. Пройдя мост, роты развернулись в цепь, первая вправо, а вторая влево от

дороги и, имея по одному взводу в резерве за крайними своими флангами, быстро двинулись вперед и через несколько минут вышли на западную опушку Каховской рощи, откуда раздалось всего несколько ружейных выстрелов. В 6 часов 15 минут 28 марта (10 апреля) была занята Малая Каховка. Бывшие здесь арьергардные части противника, не приняв боя, бросились бежать. Их преследовала наша конница, нагнавшая часть красных и изрубившая несколько десятков человек. В 6 часов 25 минут добровольцы вошли в Большую Каховку, так же без боя оставленную большевиками.

Получив от Войналовича донесение о занятии левого берега Днепра, Дроздовский приказал и остальным частям продолжать переход через мост. В 7 часов 10 минут снялась с позиции артиллерия и под прикрытием 3-й роты, подошедшей к мосту и остановившейся возле него, прошла мост. В 11 часов 30 минут части отряда были на левом берегу Днепра. Интересно отметить, что как только конно-горная батарея прошла через мост и бывшую за мостом дамбу, Войналович приказал поставить орудия на позицию, но... фронтом на запад...

По улицам Большой Каховки части проходили с песнями, в образцовом порядке, со стройными, строго выровненными рядами. Впереди следовал конный отряд. За ним вся пехота, а позади ее артиллерия. Население встречало нас, как своих избавителей от проклинаемой ими советской власти. Навстречу отряду высылались подводы с хлебом и различными продуктами. Тысячи народа окружали колонну. Всюду видно было полное радушие. Каждый хотел чем-нибудь угодить. Денег не только ни за что не брали, но даже были случаи, когда предлагали их отдельным солдатам.

При виде слез радости на глазах встречавших добровольцев, ясно чувствовалось, что симпатии населения на нашей стороне. Лучшим показателем этого было большое количество записавшихся добровольцев. Свыше 40 офицеров, юнкеров и учеников старших классов различных учебных заведений здесь же, во время стоянки отряда на площади, просили принять их в наши ряды. Через полчаса они уже зашагали, взвалив на плечо винтовку, возле нашей колонны в село Любимовку, где отряд предполагал остановиться на отдых. Просьбы населения остаться в Каховке удовлетворены не были, ибо добровольцы предпочитали деревню веселому, богатому, симпатично относившемуся к нам населению большого местечка, чтобы только не стоять рядом с немцами, вслед за нами отправившимися также в Большую Каховку.

Во время отдыха отряда в Большой Каховке, с одним из конных дозоров произошел интересный случай. Состоя всего из шести человек, из коих четыре добровольца, один врач и один офицер, дозор осматривал ближайшие хутора. Проходя между ними, дозор был неожиданно обстрелян сильным ружейным огнем, а затем и окружен красными. Удалось бежать лишь доктору и офицеру. Добровольцев взяли в плен и повели расстреливать. Один из красных долго просил не расстреливать захваченных пленных. Начались споры. В это время доктор успел прискакать в Каховку и предупредить о случившемся командира дивизиона. Немедленно к хуторам был выслан эскадрон. Окружив красноармейцев, эскадрон под огнем противника пошел в атаку на хутор. Хутор был взят, добровольцы освобождены, а красноармейцы частью зарублены, частью захвачены в плен, а затем все, кроме одного, просившего не трогать добровольцев, расстреляны. Успел спастись лишь начальник отряда, носившего название Приднепровского, некто Алехин. В руки эскадрона попали лошади, обоз и знамя отряда, с громкой надписью на нем: «Смерть буржуям и капиталистам...».

Таким образом, счастье на сей раз улыбнулось отряду. Днепр, переход которого накануне казался трудным и спорным, был пройден. Эта была последняя водная преграда на нашем пути. Задержись Дроздовский на том берегу еще несколько дней, и дело наше могло принять другой оборот.

Двигаясь стройными рядами на Любимовку, окруженная жителями Большой Каховки, колонна отряда, вспоминая, что Днепр уже позади, пела песни и любовалась прекрасным видом воспетой Гоголем величественной реки. Большая захваченная добыча и добровольцы, пополнившие ряды отряда, были ему наградой за те лишения и труды, которые пришлось ему преодолеть.

7. От Днепра до Мелитополя. Бой у Мелитополя

Новой ближайшей задачей Дроздовский ставил захват Мелитополя, где он надеялся получить более точные сведения об обстановке на Дону и на Кубани, а главное – о состоянии Добровольческой армии, о которой ходили самые разнообразные слухи, начиная от движения ее от Ростова к Мелитополю и кончая самыми неприятными и тяжелыми – ее полным уничтожением. В свою очередь,

в районе Мелитополя мы надеялись пополниться численно, приодеться, привести в порядок материальную часть и обозы, несколько развлечься и отдохнуть в нормальной, давно уже забытой нами, обстановке города. Но прежде, чем приступить к выполнению этой задачи, Дроздовский счел необходимым дать отряду небольшой отдых, потому что чувствовалось переутомление последними большими переходами; к тому же, Дроздовский хотел появиться у Мелитополя неожиданно для красных, а этого можно было достигнуть лишь при быстроте перехода. Расстояние же в 150 верст не позволяло быстро пройти его без предварительного отдыха.

Видя доброжелательное отношении к нам со стороны германцев, Дроздовский назначил отряду дневку в селе Любимовка. Время расположения отряда на отдыхе, вблизи Большой Каховки, напоминающей собою скорее небольшой чистенький, уездный городок, с мощеными улицами, электрическим освещением и целым рядом богатых магазинов, Дроздовский надеялся использовать для пополнения отряда различными предметами артиллерийского и интендантского снабжения. И это ему удалось сделать. Из большого артиллерийского склада добровольцы захватили 500 снарядов – столько, сколько можно было взять в дальнейший поход, не перегружая при этом отряд излишним и без того большим обозом. Кое-что достали из обмундирования.

Вместе с тем, против всяких ожиданий, были получены крайне необходимые отряду деньги в размере 600 000 рублей. Последние добыли чисто случайно, благодаря одному из чиновников Каховского отделения Государственного банка, потихоньку сообщившего о наличии в кассе 800 000 рублей, принадлежавших советскому правительству и присланных им для закупки хлеба для населения голодающих губерний. Кроме того, в кассе находилось свыше 400 000 рублей вкладов различных лиц. Для точного выяснения вопроса, кому принадлежат эти деньги, была образована комиссия под председательством генерала Семенова, в составе членов: генерала Невадовского, полковников Жебрака и Войналовича и штаб-ротмистра Гаевского. Эта комиссия, в которую были приглашены также представители от управы, выяснила полную невозможность закупки и вывоза на север хлеба из-за соглашения Германии с Украинской Радой. Также было точно установлено, что деньги принадлежали большевистской власти (вернее, высланы ею). Поэтому комиссия решила деньги временно реквизировать, обещая вернуть их, если генерал М.В. Алексеев, Верховный Вождь Добровольче-

ской армии, найдет нужным это сделать. Уполномоченные управы пытались возражать, но после заявления Жебрака, что всем служащим управы причитающееся им жалование будет уплачено за два месяца вперед, они охотно согласились и получив «на ликвидацию дел» 200 000 рублей и 400 000 – принадлежавшие частным лицам, обменялись постановлениями и рукопожатиями и разошлись... Таким образом, случайно отряд был вновь обеспечен жалованием и продовольствием почти на два месяца.

На второй день дневки во всех частях производились строевые и тактические занятия и велась учебная стрельба из пулеметов. Было осмотрено и приведено в порядок оружие, снаряжение, одежда и амуниция и обращено внимание на чистку и ковку лошадей.

Жители самым доброжелательным образом относились к нам. Со всех сторон за 50 верст приезжали крестьяне с просьбой о помощи. Слыша о том кошмарном ужасе, которым веяло от слов просителей, на своей шкуре испытавших прелести от господства большевистской власти, становилось жаль всех их, хотелось каждому помочь, но переутомление конского состава и необходимость придерживаться намеченного кратчайшего пути вынуждали отказывать просителям в помощи живой силой. Приходилось ограничиваться советами и выдачей оружия. Были случаи, когда прибывавшие старики приводили с собой сыновей и внуков, просили принять их в отряд и говорили при этом: «Я послужил честно своей Родине, пусть теперь послужат и они ей в тяжелую годину». Эти просители рассказывали о том паническом страхе, который внушали мы большевикам лишь при одном приближении к ним. По их словам, красноармейцы боялись нас больше, чем немцев, ибо на милость к ним германцев они еще могли надеяться, а на пощаду с нашей стороны они не рассчитывали. Были минуты, когда, слушая крестьян, казалось, что беспощадная война со всеми нами сопротивлявшимися была лучшим оружием при достижении намеченной цели, лучшей нашей охраной от тех бесчисленных банд, которые стояли на нашем пути.

Часто задумываясь над этим, приходилось соглашаться с тем, что Дроздовский, даже изменяя слова Библии – «око за око, зуб за зуб», был прав, ибо в Гражданской войне еще больше, чем в нормальном бою, все построено на духе войск, когда малая числом часть, но сильная духом и не боящаяся противника, может творить чудеса храбрости, невиданные еще в истории. И наоборот, противоположная сторона в 10–15 раз более сильная числом, но потеряв-

шая веру или напуганная внушенным ей страхом, всегда уступит слабому числу, но сильному духом противнику.

Соглашаясь с этим в отношении явных врагов, необходимо было однако энергично бороться с самоуправством отдельных чинов. С целью искоренить это зло, иногда имевшее место, Дроздовским были упреждены суды чести и полковые полевые суды. Трудно было бороться лишь с одним из начальников, который своей беспринципностью и явным издевательством над пленными внушил к себе вскоре неуважение всех сознательно и честно мыслящих чинов отряда²⁰. Дроздовский это видел и ждал лишь случая избавиться от него. Этот случай представился только после боя под Ростовом...

* * *

По показаниям жителей Мелитополь одно время занимался отрядом инвалидов, поддерживавших в городе некоторый порядок. Местные большевики с ними считались. Но в последние дни в город прибыли анархически настроенные большевистские части, которые бежали к Мелитополю от германцев, наступавших со стороны Александровска. Анархисты без труда захватили власть в городе в свои руки, и население немедленно почувствовало это. В городе началась непрекращающаяся одиночная ружейная стрельба. Под ее прикрытием производились грабежи, насилия и расстрелы. Население, попрятавшееся в страхе, боялось что-либо предпринять и ждало только какой-нибудь помощи извне.

В селах и хуторах Таврической губернии обстановка была не лучше. В этом богатом районе, со множеством отличных хуторов с каменными постройками и большими различными запасами, господствовали пришлые и случайные местные большевики, занимавшиеся под видом реквизиции беспощадными грабежами. Отбирались хутора, занимаемые коммунистическими комитетами бедноты, делились не только помещичьи, но и мелко-крестьянские земли. Разграблялись лавки и различное частное имущество, и делалось это под видом отмены собственности и национализации предприятий. Деревни Серогозы, Ивановка и Веселая занимались пришлыми большевистскими бандами; в последней их было свыше 300 человек под командой Голдштейна, который вместе с тем являлся заместителем вождя мелитопольских анархистов. Банды эти беспощадно убивали узанных ими офицеров, причем часто на убитых оставляли записки с предупреждением, что если кто вздумает сделать погребение их по христианскому обычаю, будет немедленно также убит. Трупы

таких офицеров были найдены нами... О нашем приближении большевики еще ничего не знали, а потому все свое внимание они обращали на север и устремляли вместе с тем свои взоры на Крым.

Дроздовский считал необходимым пересечь железную дорогу в районе Мелитополя и занять последний раньше германцев. Вместе с тем он понимал, что для большего успеха и меньших потерь, необходимо продолжить движение отряда в направлении несколько южнее Мелитополя, с тем, чтобы, появившись здесь неожиданно, разбить по частям стремившиеся в Крым большевистские отряды, после чего уже занять Мелитополь.

В 7 часов 30 минут 31 марта (13 апреля) отряд двинулся дальше и, сделав 56 верст без большого привала в 18 часов 40 минут, прибыл в деревню Торгаевка. Дорогой жители хуторов радостно встречали колонну, снабжали чинов отряда молоком, яйцами и барашками, ни за что не требуя денег. По-прежнему со всех сторон поступали просьбы о помощи. В пути присоединилось несколько добровольцев и шесть чехов, просивших спасти их от немцев и австрийцев, «вылавливающих их». Не успел весь отряд разойтись по квартирам, как прибежали из Нижних Серогоз жители с просьбой освободить их от большевиков, грабящих население, захвативших общественные деньги и наложивших 10 000-ную контрибуцию на каждый дом. Спешно туда был направлен небольшой отряд, но громилы узнали о его приближении и успели удрать.

1 (14) апреля в 10 часов 30 минут Отряд Дроздовского выступил дальше в восточном направлении и в 17 часов 40 минут без большого привала прибыл в село Калга. Это селение представляло исключение. Здесь все было в большом порядке. Власть твердо держалась в руках старосты и писаря: никаких реквизиций, грабежей и насилий не было. Сюда красноармейцы боялись заглянуть. Нас встретили сначала молча, но когда узнали, кто мы, были очень рады и счастливы, что есть еще сила, поддерживающая порядок. Это объяснялось тем, что население, напуганное слухами о зверствах вооруженных банд, в каждом вооруженном склонно было видеть большевика. Не успели устроиться, как вновь со всех сторон посылались просьбы о помощи. Просили о посылке отрядов и в Веселое, и Ивановку, и в ближайшие хутора. Видя всю ту радость, с которой измученное население встречало наш отряд, становилось легче и на нашей душе. Вера в правоту дела росла, а с ней росла уверенность, что мы не одни, что народ русский, забитый, загнанный и измученный, в массе своей нерешительный и безразличный, все же на на-

шей стороне. Просьбы населения, по возможности, исполнялись: было послано несколько небольших отрядов. Одному из них удалось окружить и ликвидировать небольшую группу большевиков.

Вечером от жителей, прибежавших из Мелитополя, были получены сведения, подтверждавшие ранее имеющиеся у нас о том, что большевики частью сил уже бегут из Веселой и Мелитополя в Крым, и что они ожидают прихода нашего отряда к Мелитополю с запада, где и рассчитывают дать нам бой. Дроздовский окончательно решает свернуть несколько с кратчайшего направления и выйти на Мелитопольскую железную дорогу в район станции Акимовки, откуда с утра 3 (16) апреля начать наступление на Мелитополь, стремясь разбить большевиков по частям. О своем решении Дроздовский никому не говорит, а наоборот – отдает приказ о движении 3 (16) апреля из Калги прямо на Мелитополь.

Вечером 1 (14) апреля пришлось узнать очень неприятную весть, сообщенную под большим секретом только нескольким чинам отряда. Весть эта пришла с Дона с одним из агентов Дроздовского поручиком <И.А.> Кудряшовым. Она подтвердила ранее ходившие слухи о том, что Донское Войско, в лице главным образом молодых казаков, изменило Дону, много офицеров погибло, а вся область занята большевиками. О Корнилове сведения были так же неутешительны: «он дерется где-то в районе Кавказской и ходят даже слухи, что Корнилов убит». Катастрофа с Доном явилась большой неприятностью. Это обстоятельство сильно осложнило наше положение. Оставалась одна надежда, что армия Корнилова еще жива. Все помыслы по-прежнему были направлены только к ней. Ее тяжелое положение вызвало еще большую необходимость скорейшей помощи с нашей стороны. Но где она? Куда идти дальше? В Крым или на Дон? Эти вопросы не давали покоя Дроздовскому и всем тем, кто знал обстановку, находясь возле него.

Дроздовский принимает принципиальное решение сохранить всеми способами отряд до лучших времен. Он верит, что они наступят. Он верит, что Дон недолго продержится под игом советской власти. А потому он останавливается на необходимости идти дальше в пределы Донской области и оттуда искать соединения с Добровольческой армией... Несколько мрачное настроение Дроздовского не ускользнуло от глаз многих чинов отряда, люди стали догадываться, что произошло что-то серьезное. Но вера в Дроздовского и его начальника штаба была так сильна, что никто не посмел задать ему вопроса и спросить, что произошло?..

2 (15) апреля в 8 часов отряд выступил из селения Калга. Порядок построения колонны был прежний. Впереди шел конный отряд. Дорогой навстречу попадались жители, ехавшие из Мелитополя и спасавшиеся от большевиков. Они сообщали о том, что город все еще занят анархистами, у которых какие-то нелады с местными большевиками, и что в городе продолжается непрерывная стрельба. После часового привала в городе Екатериновке, колонна в 12 часов 30 минут повернула на колонию Эйнгенфельд. Проходя мимо Мариенфельда, мы встретили несколько подвод с хуторянами, которые тепло нас приветствовали. В 14 часов 15 минут, подъезжая к Эйнгенфельду, мы неожиданно были поражены триумфальной встречей: все население колонии с цветами и зеленью в руках на окраине колонии ожидало нас. Въехали мы в Эйнгенфельд под звуки музыки и громкие крики «ура», радостно приветствуемые местным населением, бросавшим вверх фуражки и закидывавшим наши подводы цветами и разной зеленью. Дети обходили повозки и прикалывали к груди и фуражкам офицеров и солдат ветки кипариса.

Это население, не разбиравшееся в обстановке, полагало, что с нашим появлением большевизму пришел конец, и что большевиков они у себя больше не увидят. Поэтому, совершенно не думая об опасности, оно открыто высказывало нам свою радость. Подходя к местной кирхе, мы были встречены депутацией, в лице Дроздовского благодарившей отряд за спасение от ужасной кошмарной власти. В колонии нас ожидало прекрасное угощение, в виде дивной ветчины, колбас, сыров, яиц, молока и проч. Целые окорока клались на дорогу в наши повозки. Неожиданное появление отряда было особенно знаменательным потому, что именно в этот день и в этот же час население ожидало из Мелитополя большевиков, которые должны были захватить наложенную на жителей колонии 120-тысячную контрибуцию.

Об этих посещениях большевиками колонии крестьяне рассказывали много интересных случаев. Так, за сутки до нашего прихода на повозках и автомобилях прибыла в Эйнгенфельд полупьяная компания в несколько десятков человек. На передней повозке стоял пулемет. Все были вооружены с ног до головы. Подъехав первоначально к зданию школы, громилы потребовали выдать все оружие и всех контрреволюционеров. Получив ответ, что ни того, ни другого не имеется, красноармейцы, постреляв из пулемета по всем направлениям, поехали к сельскому правлению. Здесь они потребо-

вали представить к 12 часам следующего дня по 100 рублей царскими с каждой десятины земли, принадлежащей волости. При этом последовало предупреждение, что воля народа должна быть исполнена в точности и что за неисполнение будет пуля в лоб каждому, кто не внесет денег. Напугав сельское правление, непрошенные гости, продолжая стрельбу из пулемета, стали искать контрреволюционеров и отбирать у населения, что им было желательно. Окончив грабеж, они уехали на Акимовку, а терроризированные колонисты всю ночь собирали возложенную на них контрибуцию, боясь опоздать хотя бы на час.

Об уровне умственного развития незваных гостей можно судить хотя бы по такому анекдотическому случаю, имевшему место при посещении бандитами школы. Ожидая исполнения требования о выдаче контрреволюционеров и оружия, красноармейский главарь спросил у одного из служащих в школе:

– Ты чем здесь занимаешься?

– Работаю в лаборатории, – последовал ответ.

– Неси ее немедленно сюда...

– Да как же это можно сделать! – попытался возразить служащий. Направленный в его грудь штык заставил показать вид, что приказ «защитника народной воли» исполняется...

Наш приход в Эйнгенфельд послужил толчком к началу организации местной самообороны. Как в дальнейшем выяснилось, в колонии был организован местный добровольческий отряд, во главе которого стала очень энергичная молодая девушка, дочь пастора. Несколько дней спустя после ухода Отряда Дроздовского, на Эйнгенфельд из Крыма был совершен набег матросского отряда, приглашенного сюда несколькими местными жителями, сочувствовавшими большевикам и решившими отомстить за встречу, устроенную населением нашему отряду. Набег матросов отличался жестокостью. Одной из первых жертв его была дочь пастора, предательски выданная матросам на растерзание.

В начале 16 часов колонна главных сил стала собираться к дальнейшему переходу в Анисимовку. Впереди шел конный отряд, усиленный броневиком и конными полка Жебрака. С ними находился начальник штаба. Не успела еще колонна главных сил вытянуться из Эйнгенфельда, как от полковника Войналовича было получено донесение о появлении большевистских эшелонов со стороны Мелитополя. Немедленно вперед была выслана 3-я рота с Легкой батареей и взводом пулеметов «Кольт». Этому отряду бы-

ло приказано идти переменным аллюром на Анисимовку и оказать поддержку авангарду. Вслед спешно выступили остальные части колонны главных сил. Высланная поддержка оказалась ненужной. К ее приходу все было уже кончено частями авангарда.

Подробности этого лихого дела таковы. Заняв без боя село и станцию Акимовку, Войналович приказал по железнодорожному проводу передать в Мелитополь просьбу выслать к станции Утмог два эшелона пехоты, для ликвидации небольшой группы белогвардейцев, испортивших железнодорожный путь. Большевики обещали. А в это время полковник Войналович выставил в укрытых местах пулеметы и решил, в случае действительного подхода большевистских эшелонов, направить первый из них в тупик, а позади второго взорвать путь. Затем открыть из броневика и пулеметов сильный огонь по эшелонам и предложить сдаться. Большевики не ожидали нашего отряда со стороны Акимовки и, рассчитывая на свои силы, поспешили исполнить приказ.

Вскоре показались дымки от двух быстро приближающихся поездов. Ничего не предполагая, первый из них подошел к станции Акимовка. Здесь по нему со всех сторон был открыт ружейный и пулеметный огонь. Анархисты отвечали тем же, но пули их летели вверх и никому вреда не принесли. Минуты через три эшелон был взят штурмом спешившимися конниками, часть которых успела взобраться даже на крыши вагонов и оттуда рубила шашками по рукам большевиков, стрелявших из окон вагонов. Около эшелона осталось более 40 трупов. Внутри вагонов и на буферах так же были трупы и раненые. Остальные анархисты в числе около 150 человек сдались в плен и были отправлены для допроса и суда над ними в распоряжение генерала Семенова. Все были приговорены к смертной казни за измену Родине и в тот же день расстреляны. Среди них было несколько человек случайных жертв, но генерал Семенов не разбирался, и их настигла общая участь. После настойчивых просьб офицеров помиловали лишь двух женщин и то в последнюю минуту. Одну из них приняли в наш отряд, и в дальнейшем, в бою под Ростовом, она помогла многим раненым и спасла жизнь нескольких добровольцев. Командир 1-й роты, расстреливая анархистов, обращался к ним со словами: «Верные до конца своей Родине, русские люди вынуждены были приговорить вас к смерти за то, что вы изменили России, за ваши грабежи и насилия и те потоки невинной русской крови, которые пролиты вашими преступными руками...»

Второй эшелон захватить не удалось. Услышав стрельбу, он остановился и не дошел до того места, где предполагалось взорвать путь, и где была устроена засада. Дав задний ход, он поспешно ушел на Мариуполь. Так легко, без потерь с нашей стороны, совершенно был уничтожен один из отрядов большевиков. В наши руки попала огромная добыча: 16 пулеметов, свыше 200 винтовок, много револьверов, патроны, снаряжение, обмундирование, хорошие лошади, седла, амуниция, сукно разных цветов, бельевой материал, ботинки, калоши (включая детские), отличный шоколад и конфеты «Московской фабрики Иванова», чай, сахар и много другой добычи. «Товарищи» ехали с полным комфортом. Вагоны были только пульмановские. В классных вагонах были видны признаки весело проводимого времени: шампанское, вина, торты, кофе в серебряных кофейниках, хрустальная посуда, шелковые женские юбки, офицерские мундиры и... женщины, попрятавшиеся, кто куда мог. Все, конечно, было награбленное. Так жили те, кто громко кричал, что они борются за счастье народа!..

В 18 часов все части отряда сосредоточились в Акимовке. От 3-й роты было выставлено усиленное сторожевое охранение, причем особое внимание было обращено на пути, отходившие к Мелитополю, колонии Волканешти и Перекоп. У дорог, идущих на Эйнгенфельд и Анновку, выставили сторожевые наблюдательные посты. Станцию заняла 2-я рота. Кругом ходили дозоры. Часть артиллерии стала на позицию. Была налажена связь между всеми частями. Из Акимовки выход населению был воспрещен. Но большевики не появлялись. Попытка заманить их вновь в ловушку не увенчалась успехом. Приглашенные с юга для поддержки против наступающих украинцев, они выступили с Чонгарского полуострова, но, будучи кем-то предупреждены, остановились в десяти верстах от Акимовки и вскоре повернули обратно. Население Акимовки встретило нас молча. Настроение среди них было неважное. Много красноармейцев скрывалось в селе и вылавливалось нами. Спать легли поздно. Ночная тишина изредка нарушалась ружейными выстрелами. Наутро предстояло наступление на Мелитополь.

* * *

В 6-м часу отряд неожиданно был поднят по тревоге. Оказалось, что со стороны Мелитополя на Акимовку наступают большевики. Над селением в беспорядке рвались шрапнели, местами падали гранаты. Много снарядов совершенно не разрывалось.

Видна была стрельба скверного артиллериста. Вдали слышались ружейные выстрелы. От огня большевиков никто почти не пострадал. Была убита лишь одна еврейка, да разрушено два дома. Несмотря на это, в селении среди жителей поднялась паника. По панелям, прикрываясь домами, по разным направлениям бежали мужчины, женщины и дети. В руках своих они тащили, по растерянности, в большинстве случаев ненужные вещи. Все с криком и писком стремились укрыться в глубоких подвалах или необстреливаемых местах.

Бывшие впереди конные дозоры, по-видимому, проспали противника. Один из них, будучи обстрелянным, потерял двух лошадей. Но офицер и три добровольца, входившие в состав дозора, не растерялись. Открыв в свою очередь огонь, они отогнали передовые части противника, а сами благополучно на двух лошадях прискакали в село, предупредив по дороге сторожевое пехотное охранение. Быстро по тревоге собрались части. Пулеметная рота выдвинулась на северную окраину Акимовки и заняла позицию по западную сторону моста, имея в виду обстреливать пространство от железной дороги до северо-восточной окраины Акимовки. 1-я рота перешла в северную часть Акимовки и расположилась за левым флангом пулеметной роты. 3-я рота, снятая со сторожевого охранения, была подтянута к штабу полка в резерв. 2-я рота и полк Жебрака оставались на станции. Артиллерия сосредоточилась в северной части Акимовки. Обозы были направлены по дороге на Эйнгенфельд. Общее расположение частей было таково, что мы имели возможность, подпустив противника на близкое расстояние с фронта, встретить его сильным огнем и контратакой в один или оба фланга. Вся конница собиралась вместе, чтобы быть пущенной в тыл. Было прекрасное весеннее южное утро. Солнце весело светило. Вся обстановка напоминала первый период Великой войны...

Пехота красных, подвезенная по железной дороге ко второй от Акимовки железнодорожной будке, высадилась из эшелона и, рассыпавшись в цепь, повела наступление на Акимовку. Спустя минут пятнадцать, с нашей стороны раздались редкие артиллерийские выстрелы. Только две, метко выпущенные, наши шрапнели произвели в цепях красных беспорядок и вынудили их бежать и скрыться за перегибы местности. То же случилось и с поездом противника, на котором стояло орудие. Метким огнем нашей артиллерии орудие было подбито. Над Акимовкой воцарилась тишина. Жители стали вылезать из своих укрытий и, тогда вновь вынутые из земли

вещи, расходились по домам. Из подвалов выглядывали дети и смотрели на быстро приготовившиеся к бою наши части. Подозрительные элементы в селе, обрадовавшиеся первым выстрелам большевиков, видя, как быстро они вынуждены были замолчать, вновь притихли.

Красные же хотели еще испытать счастье. Подошедшие к ним подкрепления стали удлинять фронт отброшенной цепи и заняли таким образом участок от колонии Дармштадт через колонию Гуттерталь почти до реки Ташенак. Обнаружилось стремление их обойти нас с севера. Не желая подвергать жителей Акимовки последствиям боя около села, Дроздовский отказался от первоначального своего решения и отдал приказ Конному отряду с броневиком наступать на колонию Дармштадт и атаковать красных в их правый фланг и тыл. Пехоте было приказано быть готовой к наступлению. Обеспечение правого фланга и тыла отряда было возложено на подчиненные Жебраку части. Конный отряд выступил в 8 часов. Удар был направлен на Дармштадт. К 10 часам, при поддержке артиллерийского огня, лихой атакой цепь красных была прорвана, и конница, заняв Дармштадт и выйдя в тыл противника, разделилась на две части, грозя полным окружением всей группы красных, принялась ее уничтожать. Большую помощь своим метким огнем оказал броневик. Около 100 человек остались изрубленными и расстрелянными на поле боя. Остальные пытались спастись бегством. Часть их успела вскочить в отходивший к Мелитополью эшелон, другие, бросая оружие, шинели, сапоги и портянки, бежали по всем направлениям. Выполнив задачу, конница пошла через колонию Уоганесру на Мелитополь, имея целью обойти его с северо-запада. Ее потери в этой схватке – один раненый офицер.

В это время колонна главных сил, имея впереди 1-ю пулеметную роту, а за ними артиллерию, двигалась на Мелитополь по большой дороге. Все люди ели в большом количестве шоколад и конфеты и раздавали их жителям, которые нас радостно приветствовали. Около 15 часов мы подошли к предместью города Мелитополя – селу Песчаное, где крестьяне нас встретили хлебом и солью и благодарили за избавление. Здесь 1-я рота сошла с повозок и с броневиком двинулась по дороге на станцию Мелитополь, где еще сидели анархисты. Подойдя к самому городу, мы вновь были встречены депутатами, поднесшими хлеб и соль. Большая толпа народа окружала нас. Все кричали «ура» и «слава» и закидывали отряд цветами. Многие от радости плакали. По пути к вокзалу – тысячи людей.

На протяжении трех верст – громкое, несмолкаемое «ура» и общая радость. Разбитые магазины, горевшая тюрьма и несколько трупов на улице были немymi свидетельствами господства большевиков.

У вокзала, который к этому времени уже был занят конницей, нас встретили с национальными и белыми флагами железнодорожники. Усталые, терроризированные и озлобленные всем пережитым, но ныне вновь воспарявшие духом, они, с оружием в руках и в сознании важности выполняемой ими роли защитников города и железнодорожного района, занимали железнодорожные постройки, имевшие особенно важное значение, и высылали дозоры. На самом вокзале – новая толпа народа и депутация с приветствием от инвалидов.

В 16 часов части отряда стали расходиться по отведенным квартирам в район предместья города Кизьяр. От 1-го батальона было выставлено усиленное сторожевое охранение по северной и восточной окраинам города. Особое внимание было обращено на пути, идущие на Федоровку, Терпены и Бердянск. По улицам Кизьяра ходили дозоры. Были назначены дежурные части. Населению после 8 часов выход на улицы был воспрещен. Внутренняя охрана города была поручена инвалидам и организованной милиции. Железнодорожный район охранялся железнодорожниками, организованными инженером Кирста. В городе были расклеены объявления о свержении советской власти, об уничтожении декретов и о восстановлении в своих правах Городской думы и управы.

На станции генерал Семенов принимал арестованных. Их проводили со всех сторон под конвоем инвалидов, милиционеров и железнодорожников. Все это были убийцы, на совести которых лежало немало невинных жертв. Помощники Семенова едва успевали допрашивать арестованных. Здесь же собирались письменные показания свидетелей. Много интересных типов было среди них. Здесь были и офицеры, и солдаты, и вольные граждане, прилично и даже отлично иногда одетые, с большим количеством денег, стоявшие смиренно и с тревогой в голосе отвечавшие на предложенные им вопросы. Всех, даже добровольцев-солдат, они называли не иначе, как «Ваше Превосходительство», признавали себя невинными, темными людьми, ничего не понимающими и напрасно пострадавшими. Среди них были форменные садисты, как, например, убийца девушки, из ран которой он высасывал кровь, или называвший себя офицером Крымского конного полка, убийца нескольких офицеров того же полка, о чем он откровенно говорил сам, и много других

им подобных. Были здесь и маловиновные или вовсе невинные. Их сейчас же отпускали по домам. К числу последних принадлежали и простые красноармейцы. Делалось это по просьбе офицеров.

К вечеру в городе установился полный порядок. Открылись лавки. Через два часа на станции (после ее занятия) вовсю бойко заработал торгующий буфет. Толпы народа долго не расходились. Из ближайших сел приезжали делегации с просьбой о помощи. Общее настроение жителей в отношении нас было любовно. Офицеры и добровольцы, гулявшие по городу, нарасхват разбирались жителями, с просьбами посетить их и поужинать с ними. Все старались быть чем-нибудь полезными. Много записавшихся добровольцев были свидетелями, что нам действительно сочувствуют и верят. Лишь среди членов городского самоуправления настроение было несколько иное. Не веря в то, что мы можем удержаться в городе, они придерживались политики «К. В. Д.», то есть – «куда ветер дует...» Будучи ответственными за судьбу населения города, они отчасти были правы!..

Ночь прошла спокойно. В 14 часов было получено сведение о движении со стороны станции Сокологорной нескольких эшелонов матросов и красногвардейцев, направленных из Крыма для уничтожения нашего отряда. Сведения эти были очень разнообразные и сильно преувеличенные, вплоть до того, что на Мелитополь наступает 100-тысячная армия. Невозможность этого для нас была вполне ясна. Но измученное анархистами население верило этим слухам и было настроено тревожно. Эта тревога увеличилась еще более при виде собирающихся к месту стоянки отряда офицеров и солдат, получивших приказ вернуться из города в свои роты и батареи. Город быстро опустел. Собранная милиция, более других настроенная тревожно, не нашла сделать ничего лучшего, как бросить оружие. В 15 часов отряд был в сборе. В целях разведки, Дроздовский выслал в направлении Сокологорной захваченную нами блиндированную платформу с пулеметным взводом и решил устроить красным засаду. Во исполнение этого, в 16 часов в район оврага с садом, что на две с половиной версты западнее центральной части Мелитополя, выступил отряд под командованием полковника Почекаева в составе 2-й роты, легкого артиллерийского взвода, броневого автомобиля и 15 конных. В названном районе артиллерия и пехота выбрали позицию. Пехота немного окопалась. От конных была выслана разведка на фронт от реки Молочная через хутор Ташенак, колонию Уоганесру, столбовую дорога на Каховку. Се-

верное направление наблюдалось лишь небольшими заставами, ибо было получено донесение об оставлении большевиками Федоровки. На случай появления большевистского бронепоезда на станции был подготовлен паровоз с несколькими платформами, наполненными рельсами. Остальные части остались в сборе, готовые выступить для маневра в любом направлении. Но приготовления оказались напрасными.

Большевики не решились атаковать нас. Вышедшая вперед блиндированная платформа доходила до станции Сокологорной и здесь отогнала бронированный поезд противника. Последний пытался вести артиллерийский огонь, но стрельба эта вызвала лишь смех со стороны добровольцев, ибо снаряды красных рвались у их же поезда. Взорвав к югу от Акимовки железнодорожный путь, наша блиндированная площадка вернулась к Мелитополю. Крайние дошли только до линии Акимовка – Эйнгенфельд и занялись грабежами последней.

Ночь с 4 на 5-е прошла спокойно. На Сальковском направлении с утра была перестрелка нашей блиндированной площадки с броневиком противника. Красные активности не проявляли. В 13 часов были получены сведения о движении со станции Федоровки эшелона с германцами и украинцами. И действительно, вскоре к станции подошел их бронированный поезд, а затем и эшелон с войсками. Настроение всех чинов отряда немедленно пало. Многие стали просить увести отряд из города. Вокзал опустел. Сторожевые части были сняты из охранения. Отряд собрался в своем районе, приняв меры непосредственного охранения и готовясь на завтра к выступлению в лежащую в верстах в шести деревню Константиновку. Несмотря на вполне лояльное отношение к нам со стороны немцев и их чрезмерную предупредительность, добровольцы не могли смотреть на них иначе, как на своих врагов, и не хотели стоять рядом. Основная наша задача вынуждала нас быть осторожными и временно избегать всяких активных выступлений против немцев, дабы не расплыть напрасно свои силы. Сам Дроздовский избегал с ними встречи и, как только узнал об их подходе, немедленно уехал со станции в город.

В беседе с нашими агентами германские офицеры высказывались, что они очень симпатизируют патриотической задаче добровольцев. Что на нашем месте они поступили бы так же, как мы. Они предупреждали нас о том неблагоприятном настроении, которое царит среди украинцев в отношении нашего отряда. Вожди Украи-

ны, зная, что добровольческие отряды посвятили себя служению Единой, Великой и Неделимой России, и что интересы самостийных течений чужды нашему уму и сердцу, конечно, не могли не бояться пребывания добровольцев на территории Малороссии и всячески стремились отделаться от нас. В свою очередь, и германские офицеры не верили в прочность и долговечность существования «храброго украинского воинства». И отношение немцев к украинским офицерам было в высшей степени высокомерным и даже презрительным. На украинцев немцы смотрели в то время как на ширму, прикрываясь которой они могли спокойно проводить в исполнение все планы германского Генерального штаба.

Во всех случайных столкновениях добровольцев с украинцами немцы всегда принимали нашу сторону. Так, при попытке украинского офицера захватить наш автомобиль, случайно подъехавший к станции и снять русский национальный флажок на нем и «какие-то погоны», германские офицеры своим вмешательством ясно показали, что с украинцами они не считаются. При этом германский комендант кричал на украинского офицера и через переводчика громко, чтобы слышали наши офицеры, ему заявил: «Я не позволю, чтобы кто-нибудь впредь так разговаривал с настоящими русскими офицерами, до конца остающимся верными своей несчастной Родине. Требую, чтобы у меня это больше не повторялось!..» Стоявший рядом другой германский офицер, обращаясь к нашим и указывая на украинца, добавил: «Это не войско, а банда. Она не лучше большевиков».

Из кого же состояло это украинское войско, их же союзниками называемое бандой? Из разговоров с некоторыми из них выяснилось, что явному большинству так называемых украинских офицеров в то время украинская идея была чужда. Большею частью это были авантюристы, готовые служить кому угодно, для которых Родина была пустым местом. Часть из офицеров поступила на службу в украинские части исключительно с целью добыть средства к существованию. А вожди украинского движения пользовались этим и «обдelyвали» и «просвещали» таких офицеров по своему. Эти украинские офицеры позволяли себе ругать все русское и считали Россию своим злейшим врагом. Русский национальный флаг, возвышавшийся со времени занятия нами Мелитополя на вокзале, по прибытии туда украинцев был сорван и здесь же на платформе разорван на куски, что вызвало даже неудовольствие и отвращение к ним со стороны германских офицеров. К последним украинцы об-

ращались с советами и просьбами разоружить наш «контрреволюционный отряд». Удивленные немцы на это только отвечали: «Зачем? Они не мешают нам. Они только спасают от большевиков свою Родину». Правда, это несколько удивляло нас. Но в дальнейшем причины столь большого доброжелательства к нам со стороны германцев сделались более ясными.

Из перехваченной телеграммы старшего немецкого начальника выяснилось, что они сильно считались с нашим отрядом, сведения о численности которого у них были преувеличены в несколько раз. Они учитывали также и те последствия, которые могли произойти при попытке с их стороны разоружить нас. Они отлично сознавали, что мы без боя не сдадимся, и что в дальнейшем возродившаяся Россия не поблагодарит их за расстрел русских офицеров. Здесь была и другая причина, имевшая очень большое значение. Немцы не понимали в то время наших секретных целей и временного вооруженного нейтралитета, ибо в разговоре с мирными жителями (железнодорожниками) о Брестском мире они называли своими врагами всех, не признающих его. Но какие бы причины ни были, уважение к нам со стороны германских офицеров было естественным. Они, воспитанные на идее любви к Родине и верности ей до конца, не могли не уважать тех же чувств у других, хотя бы и у врагов своих.

Наша нетерпимость в отношении немцев была понятна. Причины ее нетрудно найти в русской истории, а особенно в период большой войны. Что же касается украинцев, мы их просто не могли видеть. Их самостоятельность, беспринципность и даже один только внешний вид вызывали отвращение и презрение. И действительно, что мог сказать любой из тех офицеров, кто по старой дружбе или каким-нибудь другим причинам приезжали к Дроздовскому, но не были им приняты, а получили лишь предложение обратиться к Семенову. Кто были они, искавшие встречи с нашим Вождем? По их же словам, сказанным Семенову, они были старые русские офицеры, один из которых бывший гвардеец и офицер русского Генерального штаба, 16 лет прослуживший верой и правдой России! А теперь?.. Теперь только он познал свои старые ошибки и, став верным сыном самостоятельной и свободной Украины (служил при гетмане), открыто борется против ненавистой ему России... С чисто русской фамилией, хотя и с оселедцем на голове, он вызвал у всех отвращение и желание пустить ему пулю в лоб. Только присутствие генерала Семенова сдерживало случайных свидетелей

этого разговора от расправы с одним из явных предателей России. Обращаясь к одному из присутствующих офицеров, у которого на плечах сохранились еще погоны с трафаретом финляндского стрелкового полка, он сказал:

– А ваши финляндские стрелки (кажется, 7-й финляндский стрелковый полк), воевал против нас вместе с большевиками.

– Прекрасный был полк и до конца честно исполнил свой долг, – неожиданно последовал ответ.

Подобное настроение «украинского воинства», в массе своей часто не подчинявшегося своим начальникам, не могло не вызвать раздражения с нашей стороны, а потому никто не был удивлен, узнав о том, что несколько украинцев были избиты, на голову одного из них в ресторане была одета миска с супом, а другому пробит бутылкой череп.

* * *

Дабы избежать всяких столкновений с германцами и украинцами, Дроздовский, считаясь с просьбами добровольцев, назначил на 6 (19) апреля переход в деревню Константиновку. Первоначально предполагалось пройти по городу в общей колонне со знаменем и оркестром музыки во главе, но затем последовало новое распоряжение – перейти пошелонно и следовать по разным улицам, дабы не дать возможность немцам, заблудившимся в наших силах, выяснить их более подробно и точно. В 9 часов вышли обозы. Строевые части выступили в 14 часов. По главной улице шла 1-я рота со знаменем и хором трубачей. Впереди ее – Дроздовский со штабом. Все население города высыпало на улицы и приветливо, со слезами на глазах, провожало колонну. Женщины и старики крестили добровольцев. Кругом раздавались голоса: «Помогите нам Господи!». Депутация от населения города с букетом цветов подошла к Дроздовскому и сердечно поблагодарила его за спасение Мелитополя от власти анархистов. Ясно было, что население действительно симпатизирует нам. Мы, а никто другой, явились фактическими избавителями их от ужасов, ими переживаемых. Немцев и украинцев они считали иноземцами, непрошенными гостями, и их появление в Мелитополе на сознательно мыслящую часть населения произвело тяжелое впечатление и горечь за оскорбленное национальное чувство. Но вместе с тем этот приход немцев в город дал массам уверенность в завтрашнем дне. Это было видно отчасти потому, что с приходом немцев число записыв-

вающихся добровольцев уменьшилось до минимума, и были случаи, когда записавшиеся не являлись в отряд. Все же Мелитополь дал нам свыше 100 добровольцев, большинство которых были офицеры и учащаяся молодежь.

В 15 часов, перейдя восточную границу Мелитопольского уезда, мы вошли в Бердянский уезд. Богатый край. Большие деревни с мирным и спокойным населением. Беспорядки производились лишь пришлыми элементами. Во время следования отряда в Константиновку со всех сторон приезжали крестьяне с просьбами о помощи. Все эти мольбы мирного населения спасти их от власти большевиков не могли пройти незамеченными теми солдатами, которые еще в Румынии были насильно взяты нами в отряд. Видя, что переживает народ и с каким доверием он относится к нам, они ясно учли, что правда на нашей стороне, и обратились с просьбой не считать их больше пленными, а зачислить в списки отряда как добровольцев. Эти солдаты до вынужденного конца вооруженной борьбы с большевиками на юге России, деля с нами и радости и тяжелые дни, безропотно и честно служили Русскому делу, вызывая всегда восхищение у всех, кто знал их и соприкасался с ними. В 16 часов весь отряд сосредоточился в Константиновке, радостно встреченный населением.

8. От реки Молочной до Мариуполя. Занятие Бердянска

Видя в высшей степени доброжелательное отношение к отряду жителей Мелитополя и Константиновки и принимая во внимание ряд других причин, Дроздовский счел необходимым использовать Константиновку для продолжительного отдыха чинов отряда.

Причины эти были следующие:

1. Необходимость получить более точные сведения о положении на Дону, в Добровольческой армии и на путях к Дону, дабы решить вопрос о дальнейших действиях отряда.
2. Желание выяснить правдоподобность слухов о движении на присоединение к нам со стороны Перекопа какого-то добровольческого отряда.
3. Необходимость дождаться выполнения сделанных в Мелитополе заказов по изготовлению различных предметов обмундирования, в котором ощущался недостаток, особенно у вновь принятых добровольцев.

Несмотря на все предпринятые меры войти в связь с Добровольческой армией, в течение трех дней не удалось получить о ней никаких новых сведений. Заблаговременно высланные для связи с ней агенты не возвращались, а на все непрерывные вызовы по радио ответа получено не было. Зато за это время удалось получить ряд благоприятных для нас данных о положении в Бердянском и Мариупольском уездах и в пределах Донской области. Эти данные говорили о начале восстаний как на Дону, так и среди крестьян Екатеринославской губернии.

И действительно, на второй день пребывания отряда в Константиновке к Дроздовскому стали являться депутации от крестьян, но уже не только с просьбами прийти освободить их от большевиков, а с просьбами... разделаться с «советчиками» и «комитетчиками», которые при этом под конвоем доставлялись в наш штаб. В доказательство преступной деятельности комитетчиков, крестьяне вместе с ними доставляли различные приказы и протоколы, изданные этими комитетчиками. Дрожь проходила по телу при чтении доставленных приказов. Какое явное издевательство, насилие и грабеж совершали над крестьянами эти, по названию только выборные, советы! Крестьянские депутации не желали обращаться за помощью к немцам и украинцам, куда мы их иногда нарочно отправляли. Они просили Дроздовского назначить в их села по одному офицеру, который мог бы организовать крестьян в самооборонческий отряд или, как выражались они, быть их «начальником». Какая ирония судьбы! Еще так недавно крестьяне в массе своей видели в офицерах своих врагов, а теперь, испытав на собственной шкуре все прелести русской свободы, они обращаются за помощью к тем же офицерам...

8 (21) апреля были получены новые данные, говорившие о том, что вспышки народного гнева против власти советов приняли более грандиозные размеры. Нижеприводимые копии телеграмм, доставленных на имя Дроздовского, служат ясным показателем настроения измученного населения Бердянского уезда:

«Начальнику штаба генерала Щербачева (нас называли армиями Румынского фронта под командованием генерала Щербачева) экстренно, вне всякой очереди, вручить немедленно. Власть большевиков свергнута нами – инвалидами и фронтовиками. Комиссары арестованы и находятся в тюрьме. С моря подошли суда с матросами и требуют освобождения комиссаров. Ведем переговоры. У нас вполне достаточно пехоты, но артиллерии абсолютно нет.

Прошу немедленно подмоги артиллерией. Начальник штаба восставших Абальянц».

Содержание полученной телеграммы вызвало некоторое сомнение в правдоподобности изложенного в ней. Большинство считало, что большевики хотят устроить нам ловушку. Часа через полтора была получена новая телеграмма, доставленная Дроздовскому вместе с разговором, происшедшем при передаче телеграммы между назначенным выше начальником штаба восставших и дежурным офицером нашего отряда, оставленным в Мелитополе на телеграфе.

– Я Бердянск. Экстренно пригласите офицера Щербачева.

– Я у аппарата. В чем дело?

– А фамилия?

– Корнет Критский.

– Ага... Говорит начальник штаба подпоручик <А.А.> Абальянц. Экстренно. Власть большевиков свергнута. Комиссары сидят в тюрьмах. Пришлите артиллерию. Пехоты у нас вполне достаточно. Уже пришли теплоходы с матросами и двумя шестидюймовыми пушками. Требуют отпуска арестованных и восстановления советов. Мы сопротивляемся. Ведем переговоры. Дали два часа срока или будут стрелять по городу. Продолжаем вести переговоры. Возможно они затянутся часа на два–три. Пехоты, пулеметов имеем достаточное количество, артиллерии нет. Предлагали мы им открытый бой в поле, дабы сохранить город. Дали гарантию высадки десанта. Ответа еще нет.

– Виноват. Я не верю. Знаете, что мы в плен не берем, а расстреливаем. Прошу сообщить вашу фамилию.

– Подпоручик Абальянц. Что за ответ – мы в плен не берем?

– Мы в плен не берем большевиков.

– Мы же не большевики, а Союз инвалидов. Совет весь арестован и находится в тюрьме. Власть находится в руках инвалидов, фронтовиков и мирного восставшего населения. Я их начальник штаба.

– Будьте добры вызвать нас вновь часа через два–три...

– Время не терпит, ибо собираются город бомбардировать.

Пришлите экстренно артиллерию.

– Еще раз повторяю: доложу в свой штаб, держитесь до последней возможности.

– Держаться будем. Сделайте надлежащее распоряжение о немедленной высылке артиллерии. Наша мирная делегация нахо-

дяться в Нижнем Токмаке и уже в контакте с гайдамаками и немцами. Экстренно пришлите артиллерию.

- Довольно лишних разговоров. Доношу начальнику штаба.
- Ага... Мы ждем и надеемся. До свидания.
- Мужайтесь.

* * *

Это обстоятельство, в случае его оправдания, служило новым предвестником радостных дней. Еще лишний раз оно подтвердило, что многие познали «прелести советского рая», измучились ими и готовы идти с большевиками на открытый бой.

Одновременно Дроздовским были получены точные агентурные данные, указывавшие на желание немедленно идти дальше и занимать не только всю Украину, но и часть Таганрогского округа Донской области, который вожди украинского движения или германский Генеральный штаб считали необходимым включить в состав «вольной Украины». Принимая во внимание вышеизложенное, Дроздовский счел необходимым использовать благоприятно складывающуюся для нас обстановку и продолжать с отрядом движение вперед. Всячески избегая встречи с германскими войсками и используя тот страх, который они внушали большевикам, быстро идти дальше к намеченной цели, стремясь опередить германцев и первыми прийти на Дон – вот новая задача, которую ставил Дроздовский своему отряду. Другого выхода и решения у Дроздовского не было.

Тяжелый Ростовский бой, который самостоятельно вел отряд при самых неблагоприятных условиях, несмотря на наличие вблизи крупных германских войск и ту помощь, которую при нашем желании, они могли оказать, и много других фактов, служат лучшим доказательством верности добровольцев Дроздовского своей идее и политическому credo Добровольческой армии.

К этому времени были закончены все работы по изготовлению для нужд отряда нового обмундирования, сшитого из захваченного у большевиков огромного количества отличного сукна защитного цвета. Каждый офицер, доброволец и солдат получили сшитые по меркам лучшими мелитопольскими портными френч и брюки типа полугалифе. В организационном отношении необходимо отметить лишь формирование 4-й роты, командиром которой был назначен капитан <Н.Н.> Ханыков, а фельдфебелем – капитан <В.В.> Манштейн. На формирование новой роты были выделены от 1-й, 2-й, 3-й стрелковых и пулеметной рот по одному взводу.

Вечером 8-го вернулись разъезды, ходившие в направлении Перекопа. Сведения о движении на присоединение к нам добровольческого отряда, о котором ходили слухи, не подтвердились. Возможно, что слух этот был пущен немцами, в надежде, что мы можем в ожидании отряда задержаться в районе Мелитополя, что отчасти, как потом выяснилось, было им желательно, по-видимому, в целях не допустить нас прежде их занять Бердянск.

Весть о нашем уходе из Мелитопольского района быстро распространилась среди жителей, вызывая во всех слоях крайнее сожаление этому. По случаю занятия нами города во вновь вышедших газетах появилось много статей, посвященных Отряду Дроздовского и его вождям. В них высказывалась искренняя благодарность населения города за освобождение их от ужасной, кошмарной власти и выражался восторг по поводу той дисциплины, порядка и прекрасного отношения к мирному населению, которое они видели со стороны всех чинов отряда. Самая организация наша была названа «последнюю улыбкою России». Вечером 8 (21) апреля на прощанье в Константиновке играл наш оркестр. Из Мелитополя собрались гости, которые своим присутствием хотели скрасить нашу походную жизнь. Высказывая искренне сожаление по случаю ухода добровольцев, они очень неодобрительно отзывались об украинцах, называя их взяточниками, изменниками и предателями России...

В 8 часов 9 (22) апреля отряд выступил в направлении Бердянска. В авангарде следовала конница с конно-горной батареей и броневик. Порядок построения колонны главных сил был следующий: 3-я, 4-я и пулеметная роты, команда связи, легкая батарея, мортирный взвод, обозы, 1-й батальон. Арьергард – полк Жебрака. Погода была хорошая, но сильный восточный ветер несколько затруднял движение, нагоняя большую пыль, покрывшую собою всю шестиверстную колонну отряда. После часового привала в селе Покровка, колонна продолжила движение и в 16 часов 10 минут, сделав 40 верст, остановилась на ночлег в районе колоний Богдановки – Владимировки.

Дорогой подтвердились сведения о событиях в Бердянске. Выехавшая навстречу делегация в составе представителей от инвалидов, фронтовиков и рабочих сообщила о том, что матросы беспощадно обстреливают город тяжелыми снарядами и умоляла выслать немедленно артиллерию. Дроздовский, выяснив, что восставшими командует полковник Черков, написал ему записку, в кото-

рой, указывая, что одну артиллерию он выслать не может, обещал спешно прийти на помощь со всем отрядом.

С 8 часов 10 (23) апреля отряд продолжал движение, имея ввиду перейти в район Ногайска. Не доходя до последнего несколько верст, к Дроздовскому подъехал полковник Черков, доложивший обстановку в Бердянске и обрисовавший тревогу среди населения города и свою собственную неуверенность в массе. Принимая во внимание настроение жителей, а также то, что дорога в Бердянск идет вдоль моря, откуда колонна днем может обстреливаться огнем морских орудий, Дроздовский отдает распоряжение отряду не останавливаться в Ногайске и решает дойти до Бердянска в один переход (72 версты), заняв его при этом небольшими частями с артиллерией, а главные силы отряда расположить в селе Ивановке, дабы обеспечить таким расположением свободу дальнейших действий отряда. Поддержание порядка в самом городе он возлагает на отряд Черкова. Дабы ободрить население, как видимый признак скорой и действительной помощи, Дроздовский высылает вперед броневик с мотоциклистами.

В 15 часов колонна подошла к Ногайску, на окраине которого встречались лишь одиночные люди, молча приветствовавшие нас поклоном. Но как только колонна главных сил стала выходить на центральную площадь маленького городка, мы увидели ее сплошь заполненную населением, радостно настроенным и тепло приветствовавшим нас. Со всех сторон офицерам задавались бесчисленные вопросы: «Много ли вас? Куда идете? Каковы ваши цели и намерения? Правда ли что из Румынии вас вышло всего шесть человек, а остальных задержали и арестовали румыны? Оставьте ли вы нам вашего коменданта и охранную команду?» и проч. По возможности, ответы давались на все вопросы. Касаясь цели отряда, населению было объяснено, что задача добровольцев – восстановить в стране такой порядок, при котором Русский народ сможет вывить в Учредительном собрании свою волю и установить новую законную власть, которую мы обязуемся всячески поддерживать. В заключение было добавлено, что в нашем отряде место есть каждому, кроме лишь большевиков и анархистов. Объяснения офицеров удовлетворили всех. С разных сторон слышались голоса: «Нам совсем другое про вас говорили. Нам говорили, что идут сторонники старого режима, пригласившие в Россию немцев и работающие с ними заодно». На это одним из офицеров было отвечено, что в России, действительно, есть много предателей и шкурников,

которые ради своих интересов пригласили немцев, но что к числу этих предателей верные своей Родине добровольцы Дроздовского не принадлежали и принадлежать не будут...

Колонна двинулась дальше. Толпа провожала ее, посылая вслед различные добрые пожелания. Мужчины снимали шапки, дамы и барышни махали платочками и подносили офицерам цветы. В 16½ часов отряд сосредоточился в селении Обиточное, где до 21½ часа люди оставались на отдыхе. В момент прихода авангарда в Ногайск, местными инвалидами был арестован нагайский совет и в числе 17 человек сдан нам на суд и расправу. Для более беспристрастного суда, помимо генерала Семенова и его незаменимого помощника военного следователя поручика Зеленина, при разборе дела присутствовали начальник штаба полковник Войналович и полковник Жебрак. На суде выяснилось, что часть арестованных почти невиновны. Они были освобождены. Несколько позже из Ногайска прибыла депутация от населения просить о помиловании некоторых арестованных, вина коих, по их словам, состояла лишь в том, что они были членами совета. К общей радости чинов отряда и некоторому удивлению прибывших просителей, им было сообщено, что не только все те лица, за которых они приехали просить, но и многие другие уже освобождены...

В 22 часа отряд выступил дальше на колонию Ивановку, куда и прибыл в 5 часов 11 (24) апреля. Ночной марш и сильный порывистый ветер сильно утомили людей и особенно лошадей. Но, несмотря на это, по подходе к Ивановке, вперед в Бердянск был выслан небольшой отряд под командой подполковника Кунцмана, в составе 3-й роты, взвода легкой и мотирной артиллерии. Этому отряду было приказано поступить в распоряжение полковника Жебрака, назначенного комендантом города. Еще до выступления отряда из Обиточного, Дроздовский с генералом Невадовским уехали в Бердянск, с целью личного ознакомления с обстановкой и выбора на случай боя артиллерийских позиций. Выбрав позиции, Дроздовский посетил штаб восставших. Там царил полный хаос. В нем было много военных и штатских, и каждый из них хотел не только все знать, но и распоряжаться. В 6-м часу Дроздовский вместе с начальником штаба восставших подпоручиком Абальянц объехал позиции инвалидов и фронтовиков. Позиции были выбраны, конечно, неудачно. Но это уже не играло роли, ибо матросы, узнав о подходе отряда, в течение ночи поспешили уйти.

Нашему передовому отряду, прибывшему в Бердянск, население устроило радостную встречу. Бронеавтомобиль был встречен овациями. Рота поместилась в здании мужской гимназии. Днем для всех добровольцев, бывших в городе, был предложен представителями населения обед. Много офицеров и учащейся молодежи стали записываться в отряд.

Сам по себе город, расположенный в бухте, окруженный с трех сторон горами, несмотря на хозяйничанье большевиков, представлял собой прекрасный уголок. Прежде всего бросалась каждому в глаза его безупречная чистота, а затем красивое место расположения на берегу Азовского моря, на горизонте которого еще были видны дымки уходящих в юго-восточном направлении большевистских судов, которые в течение двух дней безжалостно расстреливали мирное население города. При въезде в город начинался фабричный рабочий район. Навстречу на каждом шагу попадались здоровые, загорелые, но хмурые лица рабочих. В их взглядах чувствовалось полное безразличие ко всему происходившему. Но стоило только приблизиться к рабочим и спокойно и приветливо заговорить с ними, лица их становились оживленными и доброжелательными. Они охотно обо всем рассказывали и откровенно говорили, что «советская власть для них не подходит». В центре города на главной улице только и были слышны разговоры о пережитых страшных днях. По адресу добровольцев слышались мимолетные фразы: «Душки военные... Опять в погонах... Слава Богу!..» Каждый старался быть чем-нибудь полезным.

В это время в разных частях города разыскивались пулеметы, винтовки, снаряды и патроны. Кое-что удалось достать. Дроздовский хлопотал о получении для отряда части денег из оставленных красными 23 млн рублей. Но в этом направлении он встретил большие препятствия. Местный «министр финансов» не только не желал идти отряду навстречу и поделиться с нами, но делал даже вид, что он по-русски не понимает, и просил говорить «по-украински». Его быстро и своевременно осадили, и он спасовал. Скоро узнали причины. Выяснилось, что вместе с нами представители города пригласили к себе и австрийцев. В это время их эшелоны подходили к городу, что и было главной причиной «шатания» представителей города, почувствовавших, что они могут более спокойно укрыться за спинами австрийцев. Попытки Дроздовского уговорить Абальянца просить австрийцев не входить в город успехом не увенчались, несмотря на то, что инвалиды и исполнительный комитет были на нашей стороне.

Украинцы по-прежнему настраивали против нас австрийцев. Последние, хотя и сохраняли наружное спокойствие, на всякий случай посылали телеграммы с просьбой присылки германских подкреплений. С прибытием в Бердянск австрийцев, Дроздовский, не желая связываться с ними, отдал приказ всем нашим частям оставить город и присоединиться к отряду. В городе временно осталось бюро записи. Но и здесь с приходом австрийцев положение изменилось. Запись добровольцев свелась на нет, а записавшиеся ранее, находя более спокойным для себя сидеть за австрийскими штывками, прятались, и многие предпочитали не являться на сборный пункт.

В день прибытия отряда в Ивановку, туда были доставлены для суда все арестованные комиссары, в числе 16 человек. Среди арестованных были и женщины, одна из которых, по партийной кличке «Зоя», по показаниям жителей, была самой яркой сторонницей зверств. Ее призывы к населению города – «больше крови буржуев и офицеров» – можно было слышать постоянно на каждом шагу. На совести почти всех арестованных лежало много невинных жертв. Часть арестованных была помилована, большинство приговорено к смерти. Некоторые представители города просили о помиловании комиссаров, но исполнительный комитет и инвалиды настаивали на казни всех арестованных. При этом члены исполнительного комитета ругали представителей города за двуличную политику.

Утром 12 (25) апреля Дроздовский посетил собрание инвалидов, бывшее в здании театра. Театр был полон. Дроздовскому было оказано большое внимание. По его приходу почти все встали. Место ему было предложено за столом президиума. Один из наших офицеров сделал доклад о целях и задачах отряда, при этом очень неодобрительно отозвался о немцах и австрийцах, и о всех тех, кто приглашал иноземцев или предался им. Некоторые лица, бывшие среди публики, задавали различные вопросы, часто явно провокационного характера, стараясь вызвать против нас настроение массы. Эти попытки в корне были пресечены председателем, и прения допущены не были. Наши представители вышли из театра, провожаемые аплодисментами.

В это время были получены сведения о приходе в город германских частей. Этим окончательно воспользовались украинцы и всячески стали нам мешать. В результате денег получить не удалось. Урвали лишь 1000 горных снарядов, патроны, немного шине-

лей, амуниции и 100 пудов сахара. Из записавшихся 300 добровольцев явилось всего человек 75... Поздно вечером были получены радостные вести о восстании на Дону, причем сообщалось о захвате <М.А.> Фетисовым Новочеркасска. Судьба как будто снова благоприятствовала нам. Мелитопольское решение Дроздовского о неуклонном движении на Дон оказалось правильным. Нужно было теперь только как-нибудь оторваться от немцев, число которых с каждым днем увеличивалось около нас. Нужно было принять все меры, чтобы опередить их...

* * *

В 11 часов 13 (26) апреля отряд выступил из Ивановки и, пройдя верст 18, остановился на ночлеге в селе Новоспасское. Дорогой мы были встречены крестьянами села Цареводаровки, которые привезли с собой к нам «на суд и расправу» всех членов арестованного ими совета и двух матросов. В Новоспасском отряд отлично разместился по квартирам и был радушно встречен крестьянами, из числа которых к отряду присоединилось несколько добровольцев.

С 8 часов 13 (26) апреля отряд продолжал движение и после 40-верстного перехода остановился в большом греческом местечке Мангуш. Жителям этого богатого, совершенно уцелевшего от погромов, селения большевизм был чужд, и все попытки различных комиссаров насадить в Мангуш советы успехом не увенчались. Этот переход омрачился печальной вестью. От прибывшего с Кубани разведчика капитана <Д.В.> Бологовского мы узнали о мученической кончине генерала Л.Г. Корнилова и о тяжелом положении, в котором очутилась ослабленная большими потерями под Екатеринодаром Добровольческая армия. Но остатки ее, несмотря на полное окружение бесчисленными врагами, не сдавались и продолжали героическую борьбу без снарядов и ружейных патронов под руководством новых вождей. Кто были эти новые вожди – мы в то время точно не знали. Но одно лишь упоминание капитаном Бологовским об именах генералов М.В. Алексеева и А.И. Деникина, которые разделяли с армией ее участь, вселяло во всех уверенность, что Добровольческая армия, несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на ее долю, с честью выйдет из безвыходного, как казалось в то время, положения. Оба эти имени были известны русскому офицерству.

Генерала Алексеева каждый офицер отлично знал еще по Великой войне. Имя генерала Деникина для нас, вышедших с Ру-

мынского и Юго-Западного фронтов, также было хорошо известно. Мы знали его по тем бесчисленным подвигам, которые творила руководимая им «железная дивизия», та дивизия, которая в октябре 1915 года совершила свою знаменитую Чарторийскую операцию, а в мае 1916 года – блестяще выполнила главную задачу по прорыву ряда прекрасно укрепленных позиций противника на путях к Луцку и Владимиру-Волынкскому, захватив более 25 000 пленных, несколько десятков орудий и «другую военную добычу, которую считать было некому и некогда». Мы знали его по славным делам 8-го армейского корпуса, когда во главе этого корпуса он спасал остатки разбитой Румынской армии, остановив продвижение германцев и дал возможность главному командованию фронта выиграть необходимое для организации новой армии время. И, наконец, мы знали генерала Деникина по той бесстрашной борьбе, которую он вел с разрушителями и предателями армии, как человека и генерала, из уст которого на всю Россию впервые были произнесены горячие слова в защиту многострадального русского офицерства. В душу каждого из нас глубоко запали такие заключительные слова его речи, произнесенные 22 мая (4 июня) 1917 года в Могилеве в день закрытия Офицерского съезда: «Берегите офицера! Ибо от века и до ныне он стоит верно и бесшумно на страже Русской Государственности. Сменить его может только смерть». Мы отлично помнили эти слова генерала Деникина. А потому, когда узнали, что он находится в рядах армии, в добровольцах укрепились вера, что не все еще потеряно. К этим великим русским патриотам, генералам Алексееву и Деникину, и были в то время устремлены наши взоры...

Из того же источника указывалось на наличие на Северном Кавказе других добровольческих и казачьих частей, под командой генералов <Н.Н.> Баратова, <И.Г.> Эрдели, <П.Х.> Попова, которые вели упорную борьбу где-то в районе Армавира и Тихорецкой*. Показания разведчика, несмотря на то, что они принесли с собою печальную весть о смерти Корнилова, все же показывали и ясно говорили о том, что мы не одни, что там, вдали от нас, на Кубани, в еще более тяжелой обстановке, в унисон с нами бьются сердца корниловских чудо-богатырей...

Вечером 14 (27) апреля стало известно о занятии австрийцами Мариуполя. Таким образом, надежды, которые возлагались нами

* Сведения эти не соответствовали действительности.

на этот город, не оправдались. С утра 15 (28) апреля отряд выступил далее в восточном направлении и в 13 часов головой подошел к Мариуполю. Не останавливаясь в городе, мы прошли по северной его окраине. Население о нашем приходе ничего не знало. Навстречу попадались лишь рабочие, которые молча приветствовали нас. Когда колонна главных сил появилась у моста через реку Кальмиус, к последнему быстро подошел взвод австрийской пехоты, пытавшийся остановить колонну. На него внимания не обратили и продолжали двигаться дальше. В 15 часов колонна прибыла в поселок Успенский, перейдя восточную границу «Украины» и очутившись на земле Донского войска. Все вздохнули как-то легко. «Слава Богу, теперь мы немцев и украинцев увидим не скоро», – слышались голоса. Проезжая мост, многие крестились.

9. На Донской земле. Движение к Ростову

Пройдя Кальмиус, конница с конно-горной батареей расположилась по квартирам впереди колонны главных сил в поселке Троицком. Здесь Дроздовский предполагал задержаться на несколько дней, рассчитывая за это время получить из Мариуполя пополнение добровольцами. Но надежды Дроздовского не увенчались успехом – число добровольцев было ничтожно. Причины те же – приход австрийцев. Посещение Дроздовским Союза офицеров, объяснение им целей и задач Добровольческой армии и приглашение офицеров поступить в наши ряды – также остались безрезультатными. Вечером 15 (28) и утром 16 (29) апреля из станицы Ново-Николаевкой приехали казаки с просьбой о спешной помощи от большевистских банд, которые угрожали казакам из района Антоновки, Вознесенской и Кривой Косы. С целью поддержать казаков, Дроздовский послал им 80 винтовок и несколько тысяч ружейных патронов. Ободренные «подарком», казаки в тот же день от пассивной обороны перешли к активности и немедленно разбили одну из большевистских банд, захватив у нее винтовки, патроны и даже снаряды. Но, боясь выступления иногороднего населения станицы, казаки умоляли Дроздовского непосредственным приходом отряда в станицу оказать им более реальную помощь. Дроздовский обещал прибыть 17 (20) апреля.

Перед выступлением из района Успенского, отряду пришлось похоронить двух офицеров. Один из них – кавалерист, в нетрезвом

виде нанесший оскорбление пехотному офицеру и в результате вынужденный драться, по постановлению суда чести, на дуэли. Непонятно и обидно было то, что сам оскорбитель требовал более суровых условий дуэли. С точки зрения многих офицеров, дуэль эту вообще не следовало допускать, а просто нужно было выгнать из части офицера буяна. Дуэль все же состоялась. К счастью, невинный остался невредимым, а виновный был убит...

Другой офицер, изуродованное тело которого мы при торжественной обстановке предавали земле, был поручик 1-й роты князь <М.П.> Шаховской. Самовольно отправившись с поручиком Поповым из Мангуша в село Петровское, они подверглись нападению со стороны хулиганов, которые поймали защищающегося до последнего патрона поручика Шаховского, избили его, а затем издевались над ним, переколов все тело его штыками и разбив голову. Тело князя Шаховского было найдено на улице села Петровского спешно прибывшим туда взводом офицеров 1-й роты, которому удалось задержать виновника этой гнусной расправы – секретаря местного совета. Он был казнен. Поручику Попову удалось избежать участи своего товарища. Он успел бежать и предупредить о случившемся роту. Но офицеры усмотрели в его действиях отсутствие у него понятия о долге офицера в отношении своего товарища, попавшего в тяжелые условия и не вырученного им. Постановлением общества офицеров, поручику Попову было предложено оставить полк...

В 8 часов 17 (30) апреля отряд выступил в станицу Ново-Николаевскую – первую станицу Донского войска, на территории которой с первых дней нашего похода мы надеялись встретить ласковый приют, рассчитывали пополниться численно, немного отдохнуть и, приведя себя в порядок во всех отношениях, рука об руку с Добровольческой армией и плечо к плечу с Донским казачеством идти по новой дороге, по пути к сердцу России – Москве. Была ясная солнечная погода. Отличная дорога проходила мимо богатых хуторов с фруктовыми цветущими садами, пересекая на своем пути ряд довольно глубоких балок; справа то скрывалось ненадолго, то появлялось вновь Азовское море, на горизонте которого слегка обрисовывался берег Северного Кавказа.

К 14 часам колонна подошла к западной окраине богатой донской станицы Ново-Николаевской. Здесь донцы устроили торжественную встречу отряду. Шпалерами стояли выстроенные пешие и конные части. Навстречу неслись казаки для связи, по пути с ко-

ня стреляя из винтовок в воздух. Входим в станицу. Население окружает колонну и радостно приветствует нас. Проходим шагов сто дальше. Слышим громкая команда: «Шашки вон, пики на бедра!..» Казаки отдают честь отряду. Мы отвечаем также отданием чести. Со стороны казаков раздается долго несмолкаемое «ура», под звуки которого казачий офицер с булавой в руках подходит к Дроздовскому с рапортом. Дроздовский приветствует казаков. Следует ответ: «Здравие желаем Ваше...ство», и вновь – «Ура». Колонна отряда проходит вдоль фронта донцов, после чего все конные казаки с гиком и шумом проносятся мимо нас по квартирам и к зданию станичного правления, вновь оказавшемуся в руках казаков.

Роты, а за ними артиллерия и конница, направляются по отведенным им квартирным районам. В иногороднем населении, которого больше, чем казачьего, чувствуется к нам некоторое недоброжелательство и большой страх перед казаками, которые, обрадованные приходом отряда, воспрянули духом, сплотились и организовались вновь и начинали уже сводить свои старые счета с крестьянами. И действительно, казаки, которые до этого времени в отношениях с иногородними придерживались выжидательной политики, с приходом добровольцев принялись за работу, арестовывая бывших комитетчиков и ряд других лиц, которые были не по душе тем или иным казакам. «Довольно вы кровушки нашей попили, пора и честь знать. Пожалуйте под суд и расправу», – слышалось на каждом шагу. Не успели еще части отряда разойтись по квартирам, как можно было уже видеть казаков, которые, держа винтовки или пики наперевес, вели впереди себя арестованных ими лиц, многие из которых часто были ни в чем невиновны. В воздухе чувствовалась неминуемая расправа. Крестьяне отлично учитывали это и частью начали разбегаться.

Всех арестованных вели к зданию тюрьмы, которая была переполнена. Одновременно организовавшийся суд делал свое дело. Суд, по-видимому, как всякий местный суд в Гражданской войне, выносил быстрые решения, решения эти были вполне справедливы, с точки зрения казаков. Но они настолько были тяжелы, что вызывали удивление и неудовольствие со стороны добровольцев. В результате, наказание постигло почти всех арестованных. Часть из них были наказаны розгами, другие – спешно расстреляны. Эта чрезмерная жестокость и непримиримость казачьего населения и иногородних возможно послужила в дальней-

шем одной из причин долгого взаимного непонимания друг друга, вражды и предательства...

Богатая, прекрасная станица вся в зелени. Кругом цветы и фруктовые сады. Добровольцам отведены лучшие дома. Много каменных хороших построек. Поражает чистота обстановки и широкое гостеприимство. «Вот где бы хорошо было встретить праздник Святой Пасхи!» – думало большинство офицеров и добровольцев. Но обстановка снова повелевает нами. Сейчас мы всецело в ее власти. Общую радость вызвала весть о совпадшем с приходом отряда на землю Донского войска восстаний казаков Таганрогского, Ростовского, 1-го Донского, Верхне-Донского и Сальского округов против опознанной ими теперь советской власти. Восставшие казаки вели бой в районе своей столицы – города Новочеркаска. Еще большую радость вызвали сведения о том, что Добровольческая армия не умерла, что она еще живет и что, пройдя через горнило тяжелых испытаний, она с честью вынесла на своих плечах светлое знамя любви к Родине и верности ей до конца. Эти вести говорили о том, что Добровольческая армия, благодаря доблести ее чинов и искусству ее нового вождя генерала Деникина, прорвалась из сплошного кольца большевистских войск и из района Тихорецкой двигается к Батайску. Перехваченная панически составленная большевистская телеграмма также говорила о том, что они, отрезанные от Ростова, должны спешно уходить в море. Все это бодрило добровольцев Дроздовского и вселяло в них уверенность в скором осуществлении задуманного плана по соединению с Добровольческой армией.

Но, помимо добрых хороших вестей, мы получили и неприятные сведения. К последним относились полученные нами телеграфные извещения о подходе к Ростову немцев и слухи об их намерении занять Ростов, куда якобы они приглашены на помощь Донскому казачеству. Дроздовский сознавал трудность для нас взятия Ростова, а особенно его удержания, но он вместе с тем отлично учитывал психологическое и моральное значение занятия нами первыми столь крупного и важного центра, как Ростов. Он думал также о тех последствиях, которые ожидают Донское войско, если оно, не выдержав ниспосланных ему испытаний, вынуждено будет просить руки помощи у немцев. Принимая во внимание все вышеизложенное, Дроздовский решил идти напролом.

Но прежде, чем двинуться дальше, он счел необходимым и вполне возможным значительно пополнить ряды отряда добро-

вольцами, приток которых был значителен. Он собрал казаков, объяснил им обстановку в России и в Донской области в частности, рассказал, какие задачи мы поставили себе, напомнил казакам об их прежних славных делах на пользу Родины и закончил свою речь уверенностью, что и в нынешние тяжкие дни, выпавшие на долю России, казаки испытывавшие уже на своей спине все прелести «советского рая», как один поднимутся на борьбу с общим врагом во имя спасения России. Его призыв нашел полный отклик в сердцах казаков, и они все предложили свои услуги и себя в полное распоряжение Дроздовского. В то же день было сформировано два отряда – один из стариков, а другой из молодежи.

18 апреля (1 мая) вместе с нами они двинулись в поход. Вечером 17 (30) апреля были получены сведения, присланные с нарочным из слободы Платовской, о движении двух колонн большевиков: одной от переправы через Миус у Меленьтьева (вдоль правого его берега), а другой – вдоль моря. Численность этих колонн сообщалась столь значительной, что вообще вызывала сомнение в правдивости полученных сведений. Но не обратить внимание на направления было нельзя. Одновременно было получено официальное донесение агента-разведчика о занятии германскими передовыми частями города Таганрога и об их желании в ближайшие дни двигаться к Ростову с целью его занятия и полного очищения Таганрогского округа.

Итак, обстановка вынуждала Дроздовского спешить, ибо помощь с нашей стороны донцам могла пригодиться в любой момент. К тому же, для осуществления нашей главной задачи, необходимо было опередить германцев и постараться занять Ростов раньше них, ибо только через него мы могли войти в непосредственную связь с Добровольческой армией и фактически присоединиться к ней. Расстояние, отделявшее нас от Ростова, было около 180 верст. С целью избежать встречи с немцами, Дроздовский решает обойти Таганрог с севера и форсированным маршем, двигаясь через слободу Федоровку, Николаевку и Недвиговку, в три–четыре перехода подойти к Ростову и атаковать занимающих город большевиков с запада. Одновременно, принимая во внимание наличие в Таганрогском округе большевистских банд, угрожающих колонне в любой момент с флангов, Дроздовский решил двигаться первоначально несколькими колоннами, привлекая для этой цели и донских казаков.

В 8 часов 18 апреля (1 мая) все колонны выступают в указанных им направлениях, причем правая колонна под начальством

полковника Максимова (3-я рота со своими пулеметами, взвод легкой артиллерии, взвод конницы и вспомогательная сотня стариков казаков Ново-Николаевской станицы, к которым в Платовской должны были присоединиться еще одна или две казачьих сотни) следует через станицы Весело-Вознесенскую – Наталиевскую и переходит в слободу Николаевку; средняя колонна под начальством генерала Семенова (все остальные части отряда) двигается на большевистскую слободу Федоровку, где по имевшимся сведениям находились штабы и какие-то большевистские отряды; левая колонна (отряды донских казаков вспомогательного назначения) двигалась по реке Елапчик вверх по течению. Задачей колонны генерала Семенова, которая имела впереди себя особый авангард из Конного отряда, было поставлено занятие Федоровки и ликвидация в ней большевистских отрядов. На правую колонну возлагалась задача по обеспечению с востока колонны главных сил и прикрытие направления на Ново-Николаевку вдоль моря и далее со стороны Миуса.левой колонне Дроздовским задача не ставилась, ибо она выступила по указанию атамана станицы для выполнения какой-то частной задачи. Движение колонны главных сил было задержано броневиком, задней своей частью провалившимся под небольшой не выдержавший его тяжести мостик.

Только около 16 часов колонна, сделав крюк в несколько верст, прибыла в станицу Федоровку. Все бывшие в ней небольшие большевистские отряды успели своевременно скрыться и частью распылиться. Шедший в голове колонны отряд произвел обыск и разрушение населения, окружив предварительно слободу и выставив для страха на позицию горную батарею. Обыск дал некоторые результаты – было много арестованных, а также найдено зарытое в землю в нескольких местах оружие и награбленные в значительном количестве лошади. Среди арестованных попался один бывший офицер, прапорщик, заведовавший контрреволюционной разведкой в отряде Антонова, убийца донского полковника, нескольких офицеров и казаков, какой-то важный комиссар и много других. Трое из них были повешены, часть расстреляна, некоторые наказаны розгами. Среди последних был один священник, вместе с ними грабивший, закрывший «за ненадобностью» одну из местных церквей и устроивший из нее место для митингов. Необходимо отметить, что Федоровка считалась самой хулиганской деревней во всем округе. Все окрестные хутора были разграблены и уничтоже-

ны ею. Пошады никому не давалось. Много убийств, особенно офицеров, лежало на совести населения этой деревни. Она служила гнездом красной гвардии и местом, где долго помещался штаб Антонова*. Помимо непосредственного наказания виновных, их имущество было конфисковано в пользу пострадавших, а собственные дома сожжены.

С наступлением темноты было выставлено сторожевое охранение и выслана конная разведка. При помощи автомобиля была установлена связь с правой колонной, которая двигалась на Николаевку, не встретив противника. Переночевав в Федоровке, отряд с утра следующего дня (19 апреля (2 мая)) выступил дальше. Всем частям отряда пришлось проходить по площади, на которой еще продолжали висеть три трупы. Эта жуткая, неприятная картина надолго оставалась в памяти, вызывая неодобрение к действиям генерала Семенова, как председателя суда, за его чрезмерную жестокость.

У села Ефремовки колонна главных сил несколько задержалась, ожидая окончания чистки села от большевиков. Во время стоянки к начальнику колонны привели арестованного красноармейца, комиссара юстиции Ефремовского района, оказавшегося германским военнопленным, состоявшим добровольцем на службе у большевиков. Он прожил несколько месяцев в Ефремовском районе, успел жениться и теперь был защитником населения «родной области». После беглого опроса Семенов приказал задержанного арестовать. Когда к арестованному подошли два офицера, он бросился бежать, перепрыгнув через ближайший каменный забор. Караульный медленно прицелился и выстрелил. Убегавший свалился, намертво раненый в голову. В Ефремовке задержали большевика – интенданта одного из красноармейских отрядов.

Поздно вечером распространился слух о получении Дроздовским письма от одного из украинских начальников, <А.> Натиева²¹, который сообщал о разгоне немцами Рады, об испортившихся отношениях между украинскими и немецкими войсками, о контроле последних над Натиевым и о его желании с дивизией в составе 1000 офицеров и 2000 солдат присоединиться к нам. Натиев просил Дроздовского задержаться. Дроздовский ответил, что мы будем их ждать в Ростове или Новочеркасске. В дальнейшем выяснилось, что случай получения подобного письма действ-

* Показания казаков станицы Ново-Николаевской.

вительно имел место. Весть эта, как казалось нам в то время, служила хорошим предзнаменованием. Лучше поздно раскаяться, чем никогда*.

Ночью были получены сведения о том, что немцы из Таганрога временно дальше не двигаются. Это благоприятствовало нам. Нужно было только спешить. А потому, несмотря на страшное переутомление лошадей, с утра следующего дня колонна выступила на Синявку. Встречный ветер затруднял движение. Дорога была пыльная и тяжелая. Когда колонна главных сил проходила железную дорогу, с севера показался быстро приближающийся поезд. Несмотря на поданные ему сигналы остановиться, он продолжал движение и остановился лишь пройдя переезд. В нем оказались германцы. Вышедшие из поезда солдаты стали заниматься починкой телеграфных линий, но при этом все, как будто машинально, вынимали часы и смотрели то на них, то на колонну отряда. Ясно было, что они желали выяснить глубину колонны и ее состав. Один из немецких офицеров проделывал это очень откровенно, остановившись у самого переезда. Проезжавшего мимо адъютанта он спросил, обращаясь к нему по-русски:

– Вы, конечно, украинцы?

На это последовал ответ:

– С такой сволочью мы дела не имеем...

Немец, по-видимому, остался доволен ответом, ибо добавил:

– Я тоже так думаю.

Двигаясь вдоль колонны, адъютанту пришлось от многих офицеров слышать просьбы взять немца с собой и пустить его «в расход». Немец ясно слышал эти просьбы и поспешил уйти. Через полтора часа, когда большая часть колонны прошла переезд, из Таганрога подошел паровоз, который, поравнявшись с переездом, загородил ей дорогу. Полковник Жебрак, ехавший в хвосте колонны, будучи спешно предупрежденным о случившемся, немедленно выехал вперед к переезду, около которого стоял германский майор. На вопрос Жебрака о причине задержки колонны, немец ответил, что до той поры, пока он не получит разрешения от своего командования, пропустить колонну он не сможет. Жебрак немедленно вызвал вперед арьергардную роту и послал о случившемся донесение генералу Семенову. Генерал Семенов отдал распоряжение оперативно-

* Предложение Натиева в жизнь проведено не было. Он продолжал «служить на Украине».

му адъютанту взять с собой два взвода пулеметной роты и рысью идти на поддержку Жебраку. Одновременно была направлена 2-я рота и взвод артиллерии. Но помощь эта оказалась ненужной, ибо Жебрак ликвидировал недоразумение своими средствами. Вызванная им арьергардная рота, зарядив винтовки и имея при себе ручные гранаты, вышла к полотну железной дороги и остановилась возле него, выставив вдоль полотна пулеметы. Когда необходимые приготовления были закончены, Жебрак вновь обратился к майору, который стоял со своим адъютантом и семью солдатами и пристально глядел на север, чего-то ожидая, с требованием пропустить колонну. Майор ответил, что пошлет в Таганрог в штаб корпуса узнать, может ли нас пропустить. На заявление Жебрака, что ему, как начальнику арьергарда, ждать долго нельзя, майор сказал, что он пошлет своего адъютанта. Жебрак посоветовал для скорости воспользоваться паровозом. Майор согласился. А нам это только и было нужно.

Не успел паровоз скрыться из вида, Жебрак, улыбаясь, спокойно скомандовал: «Рысью марш...» Колонна быстро проходила полотно. Оказавшийся в неприятном положении майор, видя к тому же насмехающиеся лица добровольцев, когда прошла последняя повозка, раздраженно сказал:

– Вы поступили не по-джентельменски.

– Кому-кому судить об этом, но только не Вам, майор, – спокойно, на отличном немецком языке, ответил Жебрак.

– У нас с вами мира еще не заключено. Кто нам мешает, тот враг нам, – добавил Жебрак. Назвав затем друг другу свои чины и фамилии, Жебрак и майор расстались. Жебрак сел в экипаж и в сопровождении конного взвода рысью поехал догонять колонну. А майор Гудерман стоял у переезда и долго глядел ему в след...

Дальше колонна следовала благополучно. Подойдя к Синявке, мы узнали, что она занята немцами. Это вынудило нас продолжать движение. В 18 часов голова колонны прибыла в Недвиговку. Здесь нас совершенно не ожидали, ибо еще утром в Недвиговке происходили митинги большевиков и заседал революционный комитет. По сосредоточении всего отряда, было выставлено усиленное сторожевое охранение, а с наступлением темноты были высланы дозоры и назначены дежурные части. Пропуск немцев в Недвиговку был воспрещен.

В это время Генерального штаба полковник <Г.Д.> Лесли и несколько агентов разведчиков были в Таганроге, где им удалось за-

хватить 150 седел, автомобиль, бензин и даже один аэроплан. Кроме того, потихоньку, от Союза фронтовиков получили пулеметы и винтовки. Отряд пополнился несколькими десятками добровольцев...

10. Ростовский бой

Ночь на 21 апреля (4 мая) прошла спокойно. С утра ходили слухи о решении большевиков отдать город без боя. Но слухам этим мы не верили. В 10-м часу было получено неожиданно приказание о выступлении отряда на Ростов. В авангарде, как и всегда, пошел конный дивизион с конно-горной батареей. Ему был придан броневик. С конным отрядом следовал начальник штаба полковник Войналович.

Остальные части, назначенные в составе колонны главных сил, подчиненной генералу Семенову, стали вытягиваться лишь в 11-м часу. Задержка произошла из-за отсутствия подвод, которые своевременно не успели собрать. Колонна главных сил шла в следующем порядке: 2-й батальон, 1-я рота, вся артиллерия, радио, обозы и 2-я рота. Тыл колонны охранялся частью полка Жебрака. При прохождении колонной северо-восточной окраины Недвиговки вновь произошла задержка, ибо пришлось 1-ю роту направить для тушения пожара, случайно, по нашей вине, загоревшегося дома казака, пламя на который перекинулось с соседнего двора, принадлежавшего убийце многих офицеров и нами подожженного. Только в 12 часов вся колонна вышла из села на открытую дорогу. Было холодно, дул сильный восточный ветер.

Когда колонна прошла верст восемь, Дроздовский получил от Войналовича донесение о первом успехе, одержанным конницей, которая, обнаружив к западу от Ростова большевистские части, несшие, по-видимому, службу охранения, не обращая внимания на их численное превосходство, бросилась в конном строю в атаку. Красные, ошеломленные неожиданным появлением конницы, да еще с броневиком и артиллерией, оставили окопы и бежали. Часть удрать не успела, была нагнана и порублена. Первый успех нашей конницы, по-видимому, напугал большевиков. В городе началась паника. Артиллерия красных открыла беспорядочный огонь. Со станции один за другим стали уходить на Батайск поезда. Заработал усиленно телеграф. Комиссары требовали из Новочеркасска немедленной помощи...

Учитывая необходимость поддержать конницу и развить достигнутый ею успех, Дроздовский отдал распоряжение всей колонне ускорить движение, а вперед выслал головную 3-ю роту с легкой батареей, которым приказал следовать рысью. Командир 3-й роты, не имея достаточного количества подвод, вынужден был часть людей посадить на передки и зарядные ящики. В 17 часов 30 минут 3-я рота с легкой батареей, а вслед за ними вскоре и остальные части отряда подошли к кургану (верстах в двух от Ростова), с которого открывался вид на город. Редкие ружейные и артиллерийские выстрелы временами нарушали тишину. Впереди наша легкая батарея выезжала на позицию. В это время Дроздовскому одним из офицеров кавалеристов была доложена обстановка, при чем выяснились дальнейшие действия нашего Конного отряда.

Развивая достигнутый первый успех, конница преследовала бегущего противника и ворвалась в город. В разных местах города завязалась перестрелка с отдельными группами красноармейцев, стремившимся отойти за Дон к Нахичевани. Небольшое число всадников 1-го эскадрона, увлекаемые доблестным начальником штаба отряда, ворвались на станцию, где стояли эшелоны с красной гвардией. Красные, пораженные смелостью всадников, безмолвно поднимали руки и сдавались почти без сопротивления в плен. Настроенные панически, они, по-видимому, не разобрались в наших силах или ожидали вслед за всадниками более крупных частей. Уже были сданы пулеметы и много винтовок, но поддержка к нам не подходила. Часть красных, опомнившаяся в это время, неожиданно открыла ружейный и пулеметный огонь, стреляя с броневых и из окон вагонов. Одним из первых выстрелов napовал был убит полковник Войналович. Понеся тяжелую утрату и не дождавшись поддержки, всадники 1-го эскадрона вынуждены были отойти. Вслед за ними отошли и остальные части дивизиона, после чего весь конный отряд сосредоточился на юго-западной окраине предместья города, не теряя из вида противника и ведя с ним перестрелку.

Выслушав доклад, Дроздовский вызвал вперед mortarный взвод и приказал открыть огонь по вокзалу. В это время вся пехота вышла на линию артиллерии, подойдя, таким образом, к самому городу. В прикрытии к обозам временно оставалась 2-я рота. В 19 часов 10 минут раздались выстрелы легкой батареи, вслед за которой открыл огонь и mortarный взвод. Первыми же выстрелами на станции был произведен взрыв. Как в дальнейшем выяснилось, столь

меткая стрельба нашей артиллерии окончательно подорвала дух большевистских войск, и они, не желая рисковать, предпочли оставить станцию и город. Одновременно со стрельбой нашей артиллерии, конники вновь вошли в город. Несколько севернее их вошла в предместье города и 3-я рота, предварительно осмотревшая заводские здания, расположенные за городом. В 19 часов 25 минут вперед была выслана 2-я рота, около двух взводов которой направились для разведки вокзального района.

Все рвались в город. Но Дроздовский, учитывая трудность борьбы в незнакомом большом городе, да еще в темноте, не желал рисковать людьми и удерживал все части в кулаке, ожидая донесений от разведчиков пехоты и конницы. В 20 часов 20 минут кругом наступила полная тишина. Изредка раздавались отдельные ружейные выстрелы. Был холодный ветер. Люди были одеты по летнему. Многие оставили свои шинели в обозе. С целью укрыться от ветра повырывали себе окопчики. Около батареи стояла группа начальников, обмениваясь полученными сведениями о смерти полковника Войналовича и высказывая Дроздовскому свои соболезнования в понесенной им и всем отрядом тяжелой утраты... Около 23 часов было получено от конницы донесение об оставлении красными западной части Ростова. Несколько позже из города ясно донеслись звуки церковного трезвона, напоминавшего о приближающемся Воскресении Христа...

Дроздовский отдает распоряжение всей 2-й роте собраться на станции. 2-й батальон направляется к северо-западной части города, где большая часть людей почти всю ночь проводит под открытым небом. 1-я рота со штабом полка занимают постройки фабрики Панченко. Здесь же вблизи располагается артиллерия. Обозы подтягиваются к ближайшим постройкам на гору перед Темерником; часть из них спускается на площадь перед гвоздильным заводом. От 2-й роты, занявшей вокзал, было выставлено сторожевое охранение в виде трех отдельных полевых караулов, расположенных по берегу реки Темерник, фронтом на город. Дроздовский с чинами штаба были любезно приняты в своем доме директором завода.

Ровно в 12 часов ночи офицер конного дивизиона привозит письменное донесение об очищении красными всего города. В донесении сообщается об огромной военной добыче, захваченной нами. Одновременно наша 24-линейная гаубица выпускает вдалеке снаряд, извещающий всех о наступившем Великом празднике. Город

освещается электричеством. Вокруг всех церквей большое количество народа со свечами в руках... Совершается крестный ход... Кругом поют «Христос Воскресе!..»

* * *

Около часа получается новое донесение об оставлении красными Нахичевани. Дроздовский решает с рассветом начать подробный осмотр предместья города, с целью розыска оружия и вылавливания посправившихся красноармейцев. По окончании осмотра все части должны были сосредоточиться у трамвайного моста через Темерник, откуда пройти по главной улице в Нахичевань. При этом намечалось одну роту оставить на станции, а другую направить в гостиницу «Асторию» в распоряжение Жебрака, назначенного комендантом города. Соответствующий приказ в 2 часа 10 минут был подписан и разослан для исполнения.

В 3-м часу, когда заканчивалась служба в церквях, и народ расходился по домам, одновременно с колокольным перезвоном орудейные выстрелы большевиков напомнили о себе населению города. Говорили, что стреляла большевистская канонерская лодка «Колхида», вошедшая в Дон. В свою очередь пехота красных открыла беспорядочный огонь. Снаряды летели по всем направлениям, но главным образом ложились у трамвайного моста, гвоздильного завода и станции, где загорелись несколько вагонов с ружейными патронами и снарядами. От их огня у нас потерь не было. Напрасная стрельба несла жертвы лишь мирного населения. В дальнейшем выяснилось, что в это время к большевикам из под Новочеркасска и со стороны Куцевки подошли большие подкрепления.

В 5-м часу роты приступили к очистке железнодорожного района и Темерника. Участок был распределен следующим образом: 2-й батальон от железной дороги до Долмановского переуллка (восточная сторона). С юга район ограничивался садом Максимова и еврейским кладбищем. 2-я рота – район железнодорожной станции. 1-я рота – район, ограниченный с севера гвоздильным заводом Панченко, с востока рекой Темерник, с юга проспектом Коцебу и с запада христианским кладбищем и окраиной города. Во время осмотра обнаружилась полная наша беспечность и пренебрежение к врагу. Стоило для этого только взглянуть в сторону, где располагались обозы отряда. Часть повозок стояла на крутом спуске горы, обращенном в сторону Ростова, среди узкой выемки, так что ни одна повозка не могла повернуть обратно. Вместе с тем они не могли

быть спущены и вниз на площадь перед заводом, ибо последняя сплошь была занята другими обозами. Таким образом, обоз со всех сторон был хорошо виден большевикам. Возле обоза, стуча зубами и трясясь, как в лихорадке, от холода, бегали по всем направлениям обозные и подводчики-крестьяне. Многие стояли и грелись возле разведенных костров. А в это время новый начальник штаба, Генерального штаба подполковник Лесли, ни на что не обращал внимания, не отдал ни одного распоряжения и был занят исключительно своими семейными делами. Все обращенные к нему для разъяснения вопросы он оставлял без ответа или, в лучшем случае, обращавшихся посылал в штаб полка.

Около 6 часов с севера показался дымок паровоза с несколькими платформами и вагонами, медленно подвигавшегося в нашу сторону. Спустя минуту, с поезда вдруг блеснул огонек, за ним другой, третий... и над районом расположения обозов появились белые дымки от загоравшихся высоко шрапнелей. Вскоре эти белые дымки расплылись в облако, а затем сменились столбами черного дыма, в различных местах появившегося точно из-под земли. Только тогда стало ясным, что стрельбу эту вел бронепоезд противника, подошедший к обозам на расстояние до версты. Стрельба продолжалась минут 20–25 и все учащалась. Казалось, что снаряды ложатся хорошо. Также чувствовалась и умелая рука опытного артиллериста. От огня повозки частью повернули назад и, рассыпавшись по полю, стали уходить в разные стороны, частью спустились на площадь к заводу. Возчики – местные жители – рубили постромки, бросали повозки и удирали верхом. Особенно панически были настроены армяне – жители села Чалтырь. Вскоре к северу от главной дороги Ростов – Чалтырь, угрожая обозам, появились разъезды противника. Паника в обозе усилилась. Не растерявшиеся пытались восстановить порядок. Делопроизводитель полка, чиновник Форстберг, собрал возле себя несколько вооруженных и их огнем отогнал разъезды красных. Жена командира Конного дивизиона, сестра милосердия Гаевская, проявила особенную доблесть. Помимо самоотверженной помощи раненым, она останавливала удиравшие повозки, задерживала и успокаивала носившихся по полю лошадей и решительными действиями призывала к порядку молодых добровольцев и... офицеров. Только спустя часа два, в обозе окончательно восстановился порядок. Но бездействие начальника штаба и начальника колонны обозов стоило отряду дорого. Погибло много раз-

ного имущества, в том числе и вся полковая канцелярия. Офицеры лишились своих послужных списков. В завершении всего несколько раненых и убитых. Среди последних всеми уважаемый старший врач полка, доктор Введенский («дядя Миша»), прибывший в наш отряд еще в Румынии в должности дивизионного врача 2-й стрелковой дивизии.

В то время, когда бронированный поезд противника обстреливал с близкой дистанции наши обозы, артиллерия, видевшая его, была беспомощна и не могла открыть огня. Стоя на площади, окруженной каменным забором, она оттуда не имела возможности ни стрелять, ни выйти, ибо выйти ей долго мешали обозы частей. К тому же на сей раз и артиллеристы не проявили должной инициативы и ожидали приказаний. Только в 7 часов батарея, под прикрытием дыма от горевшего завода, выехала, стала на позицию и открыла огонь. Последний был очень удачен. После нескольких выстрелов поезд противника был разбит на две части, одна из которых без паровоза покатила назад. В это время пехота, производившая осмотр города, прекратила его и стала собираться первоначально в районе кладбища, а затем по приказу Дроздовского была направлена к заводу, где ночевал штаб. Огонь со стороны противника постепенно усиливался. Стрельба теперь уже велась и из наземных батарей, к которым вскоре присоединился и ружейный огонь. Попрятавшиеся в городе во время вечернего боя красноармейцы стали обстреливать из домов проходящих по улицам одиночных чинов отряда.

Вскоре стало известно, что к противнику за ночь подошли из Новочеркасска большие подкрепления, и что красные решили вернуть город. Дроздовский, учитывая трудность борьбы малыми силами в городе, с большим числом рабочих, к тому же недоброжелательно настроенных к нам, решил вывести все части из города и, обороняясь пехотой временно на высотах к северо-западу от него, конным отрядом, усиленным артиллерией, обойти правый фланг противника и атаковать красных с севера, в их тыл в общем направлении на Нахичевань. В связи с этим 3-я рота быстро заняла гребень высоты, лежавшей впереди завода. Правый фланг ее подходил почти к городу, левый немного не доходил до железной дороги, на которой курсировал бронированный поезд противника. 4-я и 1-я роты располагались в выемке полотна железной дороги, шагах в 80-ти от завода. Во дворе завода находилась пулеметная рота. 2-я рота была в пути от вокзала к заводу.

Дроздовский уехал к коннице, оставив вместо себя подполковника Лесли и дав ему необходимые указания. Генерал Семенов «на ходу» получил приказ «во что бы то ни стало удерживать высоту и ожидать выхода конницы в тыл красных».

В 10-м часу перед 3-й ротой появились густые цепи противника, раскинутые на широком фронте, которые открыли жестокий ружейный и пулеметный огонь. Правый фланг роты обстреливался огнем из домов города. К счастью, люди 3-й роты были раскинуты на больших интервалах (20–25 шагов), что и спасло их от больших потерь. Как только цепи противника приблизились шагов на 800–1000, рота в свою очередь открыла сильный пулеметный и ружейный огонь. Из цепи было ясно видно, как один за другим падали убитыми и ранеными красноармейцы и матросы. Несмотря на меткий огонь наших пулеметчиков и большие потери красных, противник проявлял особую настойчивость и, вводя в бой новые и новые части, к 11 часам обошел оба фланга 3-й роты.

Это вызвало распоряжение о высылке из резерва одного взвода 1-й роты с пулеметами к правому флангу 3-й роты, с задачей занять уступную позицию и обеспечить 3-ю роту от обхода справа. Одновременно 4-й роте и остальным взводам 1-й роты было приказано занять позицию по гребню высоты, расположенной к северу от завода, несколько позади и левее позиции 3-й роты. Роты двинулись в указанном направлении, но противник открыл по ним настолько сильный огонь, что они были вынуждены перебежать по отделениям, звеньям и даже по одному, и то при этом несли серьезные потери. Только к 14 часам 4-я и 1-я роты заняли указанную им позицию. Это вполне обеспечило левый фланг 3-й роты. В 13 часов 10 минут 2-я рота подошла к заводу и поступила в резерв генерала Семенова.

Огонь со стороны противника все усиливался. В бой вводились новые части пехоты и артиллерии. Вновь обнаружился обход нашего правого фланга, потребовавший вторичного усиления его взводом резервной 2-й роты и пулеметами. Продвижение бронепоезда противника сдерживалось редким огнем двух орудий легкой батареи, которая берегла снаряды «для большей необходимости».

Скоро доблестные бойцы 3-й роты начали испытывать недостаток ружейных патронов и особенно наполненных ружейных лент. Рота несколько осадилась назад. Командир 2-й роты или его помощник по собственной инициативе выдвинули ротные пулеметы, которые своим сильным и метким огнем несколько облегчили участь пе-

реутомленных бойцов. В свою очередь, из полкового резерва на поддержку 3-й роты были выдвинуты пулеметы полковой пулеметной команды и отправлены ружейные патроны. Но положение от этого не улучшилось. Нужно было принимать какое-нибудь решение. Генерал Семенов медлил, ожидая выхода в тыл противнику нашей конницы. Штаб дивизии бездействовал. Начальник штаба отказывался дать свое согласие на отвод 3-й роты на новую позицию, расположенную несколько северо-западнее, откуда был очень хороший обзор и обстрел, ссылаясь на необходимость дожидаться результатов действия Конного отряда. А от конницы сведений никаких не было. Попытки установить с ней и с Дроздовским связь успехом не увенчались – ни один связной не вернулся. К 15 часам 3-я рота оказалась окруженной с трех сторон и лишь новая высылка пулеметов 2-й роты к ее флангу несколько задержала противника.

Дальнейшее промедление с отходом угрожало не только потерей остатков 3-й роты, но и ставило в тяжелое положение 2-ю роту, ибо противник, продвинувшись еще шагов на 300, имел возможность обстреливать прицельным огнем и завод, и единственный путь отхода в тыл – балку, подходившую к заводу. Необходимо было принять самостоятельное решение и, считаясь с действительной обстановкой, отдать приказ об отходе. И генерал Семенов согласился с этим. Приказ был отдан. При этом было указано первоначально отойти всем тылам, затем 2-й роте, под прикрытием которой отходить 3-й роте. 2-й роте ставилось задачей, отойдя за город, занять позицию по хребту, что южнее главной, отходящей в тыл, балки. Как только части начали отход, огонь со стороны противника достиг наивысшего напряжения. Казалось, что не было ни одного не обстреливаемого места. Пули ложились по всем направлениям. Артиллерия противника, меняя позиции, вела огонь по нашему тылу, стремясь создать что-то вроде огневой завесы. Намеченный постепенный отход рот получился почти одновременным, ибо остатки 3-й роты, не ожидая отхода 2-й, постепенно отошли на завод.

Один из офицеров-пулеметчиков, тяжело раненый в голову, до последнего момента оставался на позиции, облегчая своим огнем отход 3-й роты. И только когда противник вплотную приблизился к нему, он застрелился из «Нагана». Таким образом, прикрытия отхода легло на 2-ю роту, которая в полном порядке повзводно отходила через гать и далее по балке, неся при этом потери от флангового огня со стороны противника, к этому времени полностью занявшего город.

Поддержанная затем броневым автомобилем, она заняла указанную ей позицию. Но к этому времени обстановка на всем фронте полка складывалась для нас так неблагоприятно, что дальнейшее сопротивление было бесполезно. Поэтому части полка получили приказ продолжать отход. Пройдя версты полторы от города, мы заметили конную лаву. Это наш конный дивизион присоединился к пехоте и теперь прикрывал ее отход. Отдельные его взводы и эскадроны, под сильным артиллерийским огнем противника, носились то вправо, то влево в направлении пытавшихся зарваться вперед большевиков.

На пятой приблизительно версте от города цепи вошли в состав общей колонны, которая собиралась у дороги к селению Чалтырь, и продолжали дальнейший отход. Настроение было подорванное. Никто еще не знал причин неудачи. Люди шли молча. Чувствовалось переутомление и полное отсутствие пищи. Верстах в шести от Чалтыря встретили немецкие дозоры. Немцы приветствовали нас отданием чести. У маленького холмика, вблизи дороги, стояла группа германских офицеров, смотревших в бинокль в сторону Ростова. Один из них, капитан, держа руку у головного убора, обратился к адъютанту с просьбой показать ему последние отступающие части, чтобы иметь возможность своевременно отличить приближающихся большевиков и открыть по ним огонь. При этом немец добавил: «Как храбро вы дрались со столь превосходным в силах противником. Мы не рискнули бы с нашими, много большими силами, идти против них». На ответ адъютанта, что еще должен пройти 4-й эскадрон, немецкий капитан возразил, что «ведь 4-й эскадрон у вас еще будет формироваться...».

В 18½ часов колонна подошла к Чалтырю. Обозы наши были уже там. Только в Чалтыре мы узнали, что он занят немцами, в составе полка пехоты, полка конницы, легкой и тяжелой артиллерии. Это был германский авангард главных сил, расположенных в районе Таганрога, где для взятия Ростова сосредотачивалось около корпуса. Часть Чалтыря была уступлена нам, но офицеры, не желая оставаться в одном селе с немцами, просили увести их оттуда. Несмотря на сильную усталость, они двинулись дальше, и к вечеру все сосредоточились в селении Крым.

Здесь мы узнали о действиях конницы. Оказалось, что она при выполнении поставленной ей задачи встретила сильное сопротивление со стороны значительных сил противника и преодо-

леть его не смогла. В свою очередь Дроздовский, ожидая развязки боя у пехоты и не желая рисковать конницей, не предпринимал решительных действий. Но действия эти, по-видимому, были вообще невозможны, ибо разбить столь крупные силы, которые собрали большевики против нас, нам было не под силу. Из одного только Новочеркасска к Ростову было переброшено более 10 эшелонов. Кроме того, подошли подкрепления и из Батайска. Силы противника превышали 12 000 бойцов. Мы имели всего одну тысячу.

* * *

Так неудачно, как казалось в первое время, окончился для добровольцев Дроздовского Ростовский бой. Вместо освобождения от большевиков Ростова, мы принесли его населению в первый день праздника Воскресения Христова тяжелое испытание. Это мирное население впервые так сильно почувствовало все последствия боя в Гражданской войне. Разрушенные здания, сгоревшие дома, разбитые стекла, раненые и трупы на улицах – случайные жертвы – вот что получили они вместо ожидаемого действительного спасения! Мы понесли значительные потери: 12 убитыми, 5 без вести пропавшими и 60 офицеров ранеными... В руках большевиков мы оставили несколько пулеметов, патроны и часть обоза. Невольно напрашивается вопрос: нужен ли был этот бой? Нельзя ли было его избежать?

Только внимательное ознакомление с обстановкой, бывшей в Донской области в эти дни, даст вполне определенный и положительный ответ: этот бой действительно был необходим. Тяжелый по своим временным переживаниям, он имел крайне важное значение в конечном результате. Как в дальнейшем оказалось, неожиданным для большевиков захватом 21 апреля (4 мая) города Ростова мы поставили в крайне тяжелое положение крупные их силы, которые занимали Новочеркасск и вели бой с наступающими донскими казаками под начальством походного атамана <П.Х.> Попова и добровольцами <Э.Ф.> Семилетова.

Находящаяся под сильной угрозой с фронта и с флангов, Новочеркасская группа противника, благодаря захвату нами Ростова, оказалась к тому же отрезанной от переправ через Дон у Ростова и Нахичевани. Таким образом, получалось полное ее окружение. Красное командование не могло не учитывать всех естественных последствий подобного положения своих войск. Оно должно было

понимать, какое огромное значение имел для них Ростов и переправы через Дон около него. И вполне естественно, что, зная общую обстановку (подход немцев, восстание Верхне-Донского округа и приближение Добровольческой армии), красное командование все свое внимание сосредотачивало на удержании Ростова. В лучшем случае оно должно было пожертвовать Новочеркасском, для обратного возвращения Ростова и обеспечения себе и своим войскам пути отступления за Дон.

По-видимому, красное командование так и сделало, ибо в течение ночи с 21-го на 22-е и целого дня 22 апреля (5 мая) оно перебрасывало к Ростову значительные силы пехоты и артиллерии. Получив явно численный перевес над нами, большевики развернули против добровольцев не менее восьми батальонов и пустили вперед красу и гордость революции – матросов и латышей и не менее 10 000 красноармейцев. Прекрасно вооруженные и снабженные бесчисленным количеством патронов и снарядов, красные наступали густыми цепями в несколько линий, имея в цепи на каждые сто бойцов не менее четырех–пяти пулеметов.

Офицеры 3-й роты, выдержавшие главную тяжесть боя, рассказывали, что за всю германскую войну им не разу не приходилось быть под таким огнем. И вот только это численное и огневое превосходство противника дало в их руки обратно Ростов. Но и он обошелся недешево большевикам. По документальным данным, полученным в дальнейшем в Ростове, большевики определяли свои потери в 3000 человек, а жители Ростова говорили, что потери большевиков превышали 6000*.

Принимая во внимание, что наша артиллерия почти не стреляла, эти потери служат лучшим показателем меткости и выдержки в бою пулеметчиков и стрелков и вообще доблести всех чинов Отряда Дроздовского, принимавших участие в бою. Но самый главный успех, одержанный нами, заключается не в потерях большевиков, а в последствиях переброски ими войск из Новочеркасска к Ростову. Эта переброска войск стоила красным потери столицы Дона – Новочеркасска, ибо казаки воспользовались ослаблением большевиков в районе Новочеркасска и заняли его 23 апреля (6 мая). Захватив Новочеркасск, донцы упрочили свое положение и положили начало сплошному восстанию казаков против власти советов.

* Городом на погребение трупов было ассигновано 25 000 рублей.

Лоб 1

Новым титулом
выданъ на руки
Дроздовскому
М.Г. 1914

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ.

Генеральнаго Штаба подполковн. ДРОЗДОВСКАГО.

Составленъ *Дроздовским* 30 янв. 1914 г.

268-707

Титульный лист послужного списка подполковника М.Г. Дроздовского. 1914 г. (РГВИА)

*Спасская церковь в Киеве,
в которой был крещен
Михаил Дроздовский*

*Кадет Михаил Дроздовский
(из журнала «Вестник
Галлиполийцев в Болгарии»)*

*Подпоручик М.Г. Дроздовский
(из журнала «Вестник
Галлиполийцев в Болгарии»)*

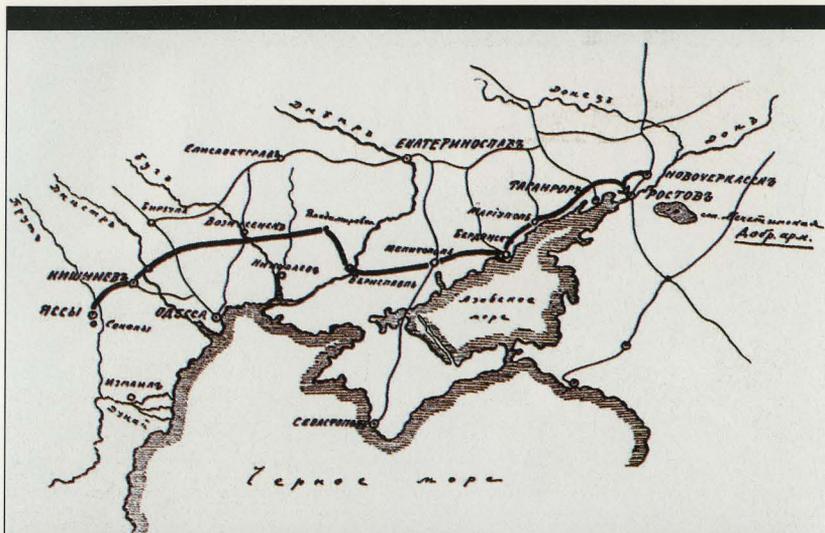
*Поручик М.Г. Дроздовский
(из журнала «Вестник
Галлиполийцев в Болгарии»)*

Боевые ордена Михаила Гордеевича Дроздовского (ГА РФ)

*Командир 1-й отдельной бригады русских добровольцев,
начальник 3-й дивизии Добровольческой армии,
генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский*

Поход Яссы – Дон

Памятная медаль участникам похода
(из коллекции В. Чичерюкина-Мейнгардта)

Погрузка 1-й отдельной бригады русских добровольцев в г. Яссы (ГА РФ)

Соединение отряда полковника Дроздовского с Добровольческой армией (из журнала «Часовой»)

Генерал-майор А.В. Туркул,
начальник Дроздовской дивизии
(с августа 1920 г.) (ГА РФ)

Генерал-лейтенант
В.К. Витковский, начальник 3-й
(затем Дроздовской) дивизии
(февраль–март 1919 г.)
(из коллекции А. Соколовского)

Полковник М.А. Жебрак-Русанович,
командир 2-го Балтийского мор-
ского полка, первый командир 2-го
офицерского полка Добровольчес-
кой армии (апрель–июнь 1918 г.)
(из фотоальбома «Белая Россия»)

Полковник П.В. Колтышев,
начальник штаба 3-й пехотной
дивизии (июнь 1918 г.), старший
оперативного отдела штаба
Добровольческой армии (ГА РФ)

Генерал-майор В.Г. Харжевский,
командир 2-го офицерского
стрелкового генерала Дроздовского
полка (декабрь 1919 г.)
(ГА РФ)

Полковник В.А. Руммель, командир
1-го офицерского стрелкового
генерала Дроздовского полка
(январь 1919 г.)
(из коллекции А. Соколовского)

Генерал-майор В.В. Манштейн
(младший), командир
3-го офицерского стрелкового
генерала Дроздовского полка
(октябрь 1919 – август 1920 г.)
(из коллекции А. Соколовского)

Генерал-майор В.К. Манштейн
(старший)
(из коллекции А. Соколовского)

Полковник А.К. Фридман, помощник командира 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка (1919 г.) (из журнала «Вестник Галлиполийцев в Болгарии»)

Подполковник Дроздовского автобронедивизиона И.А. Кудряшов (фото 1915 г.) (из коллекции В. Чичерюкина-Мейнгардта)

Дроздовцы-артиллеристы. Командиры 1-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады (справа-налево): полковник С.К. Гулевич – командир 1-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады (февраль 1919 г.), полковник Л.С. Думбадзе – командир батареи (апрель 1919 г.), полковник Н.А. Косицкий – командир батареи (1920 г.), полковник Н.В. Чесноков – командир батареи (декабрь 1919 г.) (из коллекции А. Соколовского)

Команда
броневедомости
«Верный»
(1918 г.)
(из журнала
«Вестник
Галицкой
в Болгарии»)

Командир броневедомости
«Верный» капитан С.Р. Нилов
(1918 г.)
(из коллекции А. Соколовского)

У штабного вагона 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. Ст. Ворожба. В центре – комендант г. Харькова полк. Руммель, второй слева – полк. Маништейн (старший), второй слева в третьем ряду – капитан И.В. Виноградов (1919 г.) (из коллекции А. Соколовского)

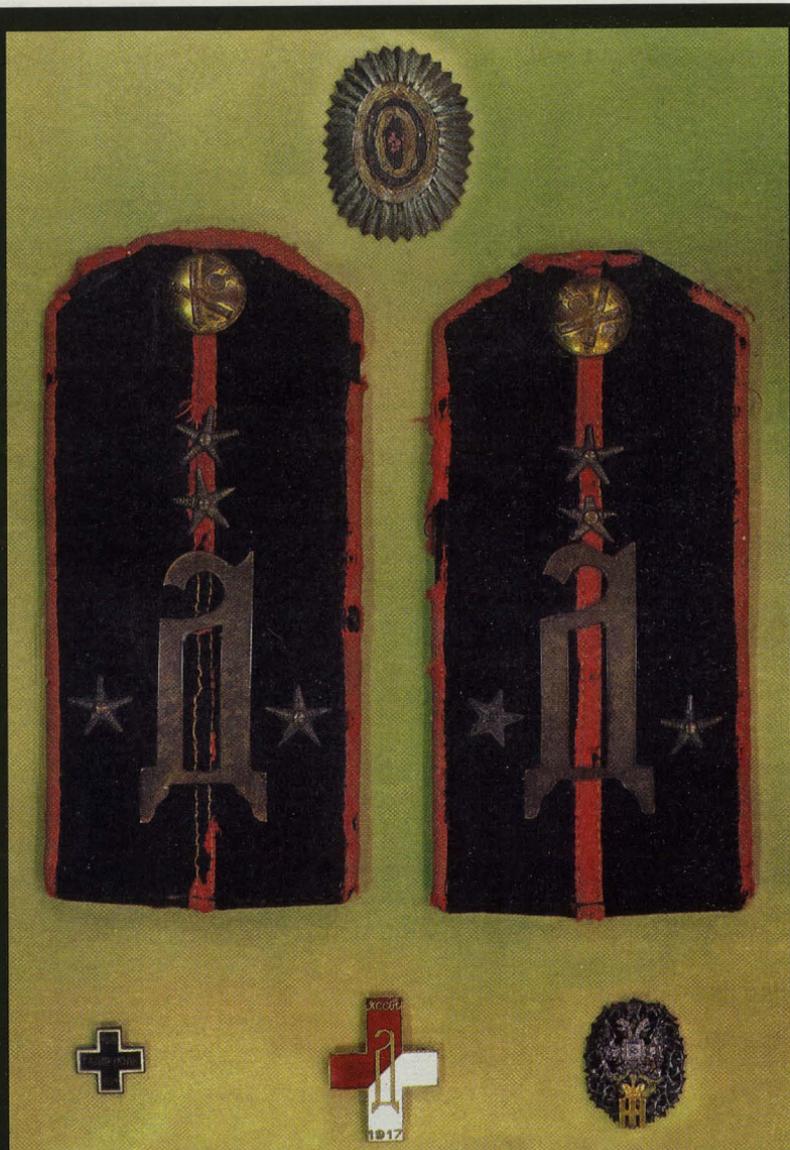
*Генерал от инфантерии
А.П. Кутенов в форме
Дроздовской стрелковой
дивизии (1921 г.)
(из коллекции В.Г. Чичерюкина)*

*Генерал-лейтенант
В.З. Май-Маевский, началь-
ник 3-й пехотной дивизии
в декабре 1918 – марте 1919 г.
(из коллекции А. Соколовского)*

*Чины 4-й Дроздовской гаубичной батареи. Сидят в первом ряду
(слева направо): подполковник Жуков, полковники Нилов и
А.К. Медведев, подполковники Прокопенко и И.К. Камлач
(из коллекции А. Соколовского)*

Погоны, кокарда и нагрудные знаки штабс-капитана
Дроздовской артиллерийской бригады М.Н. Соколовского
(из коллекции А. Соколовского)

Штаб 1-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. Стоят (слева направо): капитаны Ващенко и Кречетов, подполковник Турусов и капитаны Степанищев и Алексеев. В первом ряду – подполковник Елецкий, генерал Туркул, его мать Софья Антоновна Туркул и полковник Дрон (1919 г.)
(из коллекции А. Соколовского)

Команда самокатчиков 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка, 1919 г. (из коллекции А. Соколовского)

Команда танка «Генерал Дроздовский» (сентябрь – 1919 г.).
Примечательная деталь: на правом рукаве одного из офицеров
экипажа пришит шеврон в виде английского танка МК V.
(ГА РФ)

Легкий бронепоезд «Генерал Дроздовский» на вокзале в Ростове-
на-Дону, 1919 г. (ГА РФ)

аа

Офицер
Дроздовской
стрелковой
дивизии

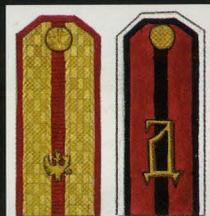
аа

Офицер
Дроздовской
артиллерийской
бригады

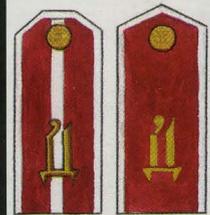
аа

Офицер
2-го конного
генерала
Дроздовского полка

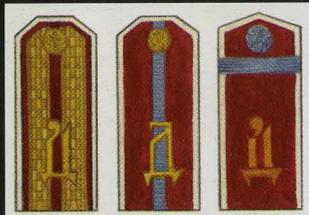

Погоны
чинов
Дроздовской
стрелковой
дивизии

Погоны
чинов
Дроздовской
артилле-
рийской
бригады

Погон чинов
2-го конного
генерала
Дроздовского
полка

ЭП

Николаевское знамя полков Дроздовской стрелковой дивизии

Значок 1-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка

Нагрудный знак 2-го офицерского генерала Дроздовского полка

Нарукавные знаки 2-го конного генерала Дроздовского полка

ГЕНЕРАЛЬ-МАИОРЪ
МИХАИЛЬ ГОРДЪЕВИЧЪ
ДРОЗДОВСКІЙ

(+ 1 ЯНВАРЯ 1919 Г.)

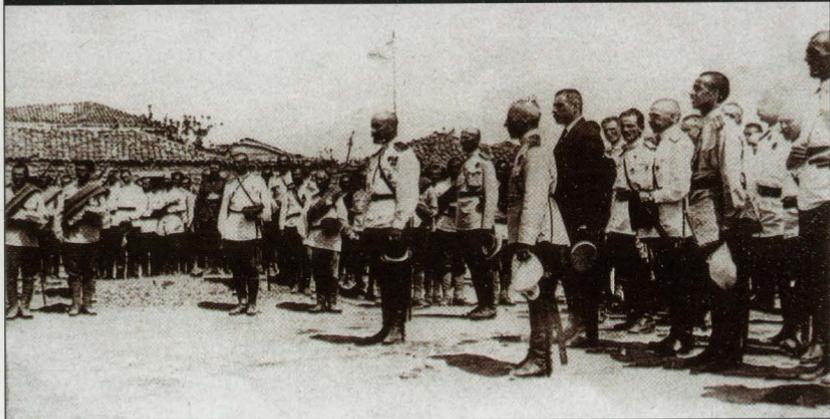
„Не мщенье, а государственная необходимость ведет нас по пути борьбы; мы знаем мѣру отвѣтственности, и если вождямъ и дѣятелямъ большевизма нѣтъ ни прощенья, ни пощады, то рядовымъ борцамъ, отречшимся во имя Родины отъ прежнихъ преступныхъ заблужденій, мы найдемъ мѣсто въ нашихъ рядахъ.“

(Изъ письма ген. ДРОЗДОВСКАГО).

*Полковник Кабаров, ген. Туркул, председатель Высшей комиссии
правительственного надзора в Русской армии генерал от
инфантерии Э.В. Экк, начальник штаба Дроздовской дивизии
полковник Ф.Э. Бредов, полковник Колосовский и ген. Харжевский
(из коллекции А. Соколовского)*

*Ген. Кутепов, ген. Витковский и председатель Русского
национального комитета профессор А.В. Карташев на молебне
(из коллекции А. Соколовского)*

Приезд Главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля в Галлиполи, февраль 1921 г. (слева направо): ген. Кутепов, ген. Врангель, ген. Витковский, генерал-лейтенант В.А. Карцов, представители французского командования (из коллекции А. Соколовского)

Знамена Дроздовской дивизии рядом с выложенным на земле орлом. Слева направо: три Николаевских знамени, значок 1-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка и Андреевский флаг 1-го морского полка Балтийской дивизии (из коллекции А. Соколовского)

Ген. Кутепов, ген. Витковский, ген. Туркул среди командиров частей 1-го армейского корпуса. Болгария, 1922 г. (ГА РФ)

Дроздовский полк на параде в Галлиполи перед отъездом в Болгарию, 1921 г. (ГА РФ)

В Югославии. Сидят (слева направо): ген. Туркул, командир тяжелого артиллерийского дивизиона генерал-майор П.Н. Эрдман, командир Дроздовской артиллерийской бригады генерал-майор М.Н. Ползиков, начальник Константиновского военного училища генерал-майор Е.А. Российский, командир 8-го Донского казачьего полка генерал-майор Г.Е. Шведов, начальник Корниловского военного училища генерал-майор М.М. Зинкевич, генерал-майор И.И. Сниткин, помощник начальника Дроздовской дивизии полковник К.А. Кельнер. Стоят (слева направо): поручик Думбадзе, подполковник Червинов, полковник Алексеевского полка А.Ю. Кривошей, ген. Манштейн (младший), полковник Кабаров, командир Марковской артиллерийской бригады генерал-майор Л.Л. Илгяшевич, начальник артиллерийской школы генерал-майор С.Н. Власенко, капитан Бровкович и подполковник Федоровский (из коллекции А. Соколовского)

Группа дроздовцев в Болгарии. В центре – ген. Харжевский, справа от него полк. Фридман, слева – дивизионный благочинный о. Федор Каракулин, 1922 г. (из коллекции А. Соколовского)

Галлиполийское собрание в Париже. Встреча Главкома Восточного фронта Вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина и ген. Кутепова с ветеранами дроздовских частей (из коллекции В. Чичерюкина-Мейнгардта)

Группа дроздовцев в Болгарии. В центре полк. Колтышев, 1922 г. (из коллекции В. Чичерюкина-Мейнгардта)

*Поручик М.М. Ситников
и о. Исаакий
(капитан И.В. Виноградов),
Алма-Ата, 1958 г.*

*Прапорщик Дроздовского
Стрелкового полка
Виноградов, 1919 г.
(РКАКФД)*

*О. Исаакий (капитан
И.В. Виноградов). Прага,
1930-е гг. (из коллекции
В. Чичерюкина-Мейнгардта)*

Капитан
Г.А. Орлов и
Г.А. Губин. Прага,
1930-е гг.
(из коллекции
В. Чичерюкина-
Мейнгардта)

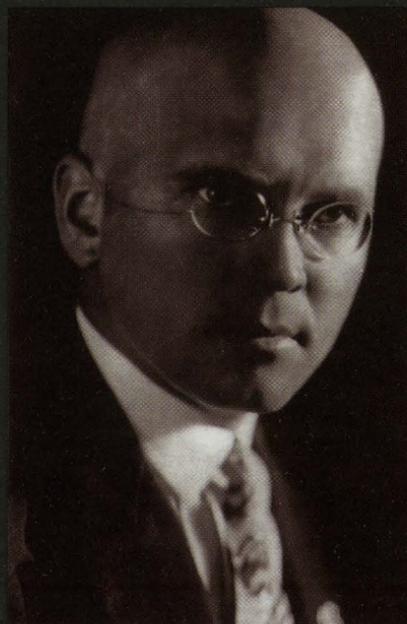
Полковник
Д.А. Силкин на
работе
в парижском такси
(из коллекции
В. Чичерюкина-
Мейнгардта)

Дроздовец Высоклян —
офицер Парагвайской
армии, 1930-е гг.
(из коллекции
В. Чичерюкина-Мейнгардта)

Подполковник
Н.А. Раевский — солдат
французского
Иностранного легиона.
Начало 1920-х гг.
(из коллекции
В. Чичерюкина-
Мейнгардта)

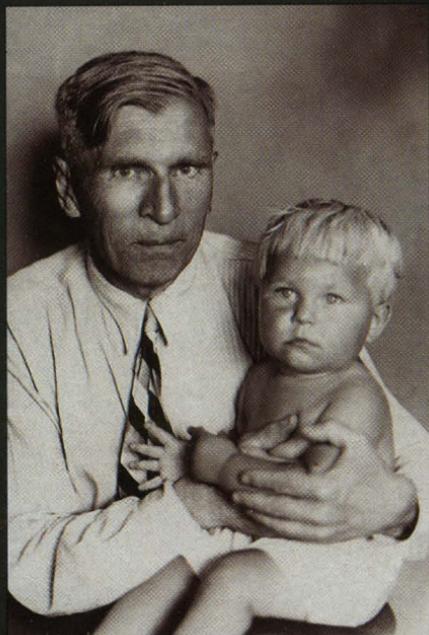
*Дроздовец Лушенко. Прага
(из коллекции В. Чичерюкина-
Мейнгардта)*

*Капитан А.К. Павлов. Прага,
1930-е гг. (из коллекции
В. Чичерюкина-Мейнгардта)*

Группа офицеров-дроздовцев в Париже. В центре полковник А.Г. Ягубов, справа от него штабс-капитан М.Н. Соколовский, слева – капитан А.Д. Браун, второй слева – поручик Н.В. Григорьев, третий слева – полковник Шейн. В первом ряду в центре – подпоручик Н.Я. Галай, слева от него – полковник Шинкевич (из коллекции А. Соколовского)

Инженер-поручик
П.Ф. Умрихин. Бельгия,
1947 г. (из коллекции
В. Чичерюкина-
Мейнгардта)

Пасхальная открытка
дроздовцев (из коллекции
В. Чичерюкина-Мейнгардта)

Киот Дроздовской дивизии (фото предоставлено В.Н. Бакшиным, Общество русской иконы в Париже). У правого юго-восточного столпа собора Святого Александра Невского в Париже стоит напольный, резной деревянный киот с иконой Архангела Михаила, сооруженный в 1950 году в память Дроздовской дивизии, в честь 33-летия Дроздовского похода. На табличке под иконой, обрамленной беломалиновыми дроздовскими крестами, написаны слова: «Вечная память доблестному военачальнику Михаилу Гордеевичу Дроздовскому и всем воинам и офицерам имени генерала

Дроздовского стрелковых и конных полков, всех соединений Дроздовской дивизии, всех артиллерийских броневых инженерных его имени частей». На нижнем краю иконы написано: «Полковой образ Первого офицерского Генерала Дроздовского стрелкового полка».

Архангел Михаил особо почитался на Руси, был защитником древнего Киева, ему были посвящены многочисленные храмы и монастыри, очень часто его изображения помещались на воинских доспехах и знаменах. Исполнение его образа на знаменах считалось «лучшим знаком победы над неверием». На шлеме Великого Князя Ярослава Всеволодовича (XIII век) был изображен в рост Архангел Михаил.

В православных храмах чудотворные почитаемые иконы часто сохраняются под стеклом в киотах, как бы ящичках, из уважения к ним и для их сохранения. Иконы из киота могут быть вынуты перед молебном.

Деревянный резной киот дроздовцев был исполнен по проекту Альберта Н. Бенуа, икона была написана иконописцем Т.А. Ельчаниновой.

Общий вид киота. Храм Св. Александра Невского. Париж

Памятник генералу
М.Г. Дроздовскому
и дроздовцам.
Сен-Женевиев де Буа
(из коллекции
М. Славинского)

Мемориальные доски на памятнике
(из коллекции М. Славинского)

Кинотеатр на месте Докова оврага, где на кладбище героев обороны Севастополя был похоронен М.Г. Дроздовский (из коллекции И. Руденко-Миниха)

Вот в этой-то помощи Донскому Войску и кроется первая и главная заслуга Отряда Дроздовского, своевременно прибывшего на Дон и принявшего неравный Ростовский бой с грозным по численности врагом.

* * *

23 апреля (6 мая) отряд простоял в селении Крым. Все приводилось в порядок: разыскивались лошади и повозки, собирались остальные люди. В общем настроении чувствовалась усталость от больших переходов, беспокойных ночей и недоедания и некоторая неудовлетворенность. Многие были кем-то или чем-то недовольны. А кем и чем – никто не знал или не хотел говорить. Непосредственные участники боя понимали, что с их стороны сделано все, чтобы с честью выполнить возложенные на них задачи. Другие, непосредственного участия в боях не принимавшие, занимались лишь тем, что целый день ворчали и всех и вся хулили. Одновременно выяснились все наши слабые стороны. О них также говорили откровенно:

1. Одной из главных причин нашей кажущейся неудачи считали отсутствие надлежащих старших начальников, малую инициативу одних и полную нераспорядительность других.

2. Отсутствие надлежащей ориентировки со стороны штаба, а особенно его начальника, совершенно ничем не напоминавшего о своем существовании даже там, где это вызывалось насущной необходимостью.

3. Полное пренебрежение к противнику вообще, и в связи с этим постоянная работа «втемную».

4. Пренебрежение связью и невозможность столь малыми силами пассивно решать задачи, особенно в боях с более значительными силами противника.

Учитывая это настроение отряда Дроздовский решил собрать всех добровольцев и лично поговорить с ними. Беседа его, спокойная и уверенная, затронула все больные вопросы. Он говорил о причинах нашей неудачи, о том, что необходимо не падать духом, а подбодриться и набраться новых сил для дальнейшей трудной, но жизненно необходимой борьбы, борьбы за существование России, борьбы за возрождение Единой, Великой и Свободной Родины нашей. Конец своей беседы он посвятил вопросу о переменах в командном составе, причем заявил:

«Реорганизация необходима. Смена некоторых начальников, проявивших отсутствие с их стороны распорядительности, инициа-

тивы и личного примера – также необходима. О себе же отчет я дам своему начальнику, тому, к кому направлены все наши помыслы, наши стремления. Если он признает мои действия неправильными, я отвечу за них. Начинается Воскресение России. Мы должны его поддержать. Вновь обращаюсь к вам, не падайте духом!..»

Беседа с Дроздовским успокоила всех. В этот день произошла «чистка», некоторыми давно уже заслуженная. Так был отрешен от должности генерал <В.В.> Семенов, уход которого был давно необходим, хотя бы за его жестокость в отношении арестованных красноармейцев, а иногда ни в чем неповинных мирных жителей. Вместе с ним был отрешен и командир 3-й роты подполковник Кунцман и некоторые другие лица. Командиром Сводно-стрелкового полка был назначен всеми уважаемый полковник Михаил Антонович Жебрак-Русанович.

11. Занятие Новочеркаска

Утром 24 апреля (7 мая) было получено официальное известие о занятии накануне донскими казаками города Новочеркаска, причем одновременно сообщалось о том, что красноармейцы ведут с севера контратаки, стремясь вернуть в свои руки столицу Дона. Несколько позже стало известно, что Добровольческая армия действительно вернулась с Кубани в южные пределы Донской области и заняла район Егорлыкской и Мечетинской станиц. Что касается германских войск, то они, по-видимому, готовились к наступлению на Ростов, ибо число их, по данным агентурной разведки увеличивалось, а немецкая конница, занимавшая район Салы, и пехотные части расположенные по ручью Сухой Чалтырь, вели разведку подступов к Ростову и противника, его занимавшего; последний после боев с нами 21 и 22 апреля (4 и 5 мая), ожидая наших повторных атак, бездействовал.

В связи с этой обстановкой и необходимостью оказать поддержку донцам у Новочеркаска, ожидаемый добровольцами некоторый отдых в Крыму был нарушен, и отряд получил приказание перейти в район станицы Грушевской и хутора Каменнобровского, с задачей обеспечения левого фланга войск южной группы войск полковника <С.В.> Денисова. Согласно этому приказу, конный отряд выступил в 13 часов 45 минут и, следуя через село Большие Салы, выполнял роль авангарда. Остальные части отря-

да, составляя колонну главных сил, должны были в 14 часов головой пройти северо-восточную окраину Крыма и двигаться за авангардом в следующем порядке: 1-й батальон, 3-я и пулеметная роты, легкая батарея, мортирный взвод, радиостанции, парк, окоп, обозы и 4-я рота. В арьергарде следовали части Морского полка и прибывший на присоединение к отряду эскадрон подполковника Лангальмера, сформированный им в Румынии и прибывший по железной дороге (частью). Сводно-стрелковый полк вытянулся по дороге на Большие Салы на час раньше и, сойдя с подвод, построился в поле, правее дороги в ожидании вновь назначенного командира полка полковника Жебрака, который здесь в 14 часов и принял полк. После краткой его речи, в которой он, между прочим, упомянул о том, что нельзя допускать никаких насилий и произвола, все были удовлетворены, что назначение на должность командира полка пало именно на полковника Жебрака. В 19½ часов колонна прибыла в хутор Каменобродский. Авангард и части Морского полка перешли в станицу Грушевскую. Здесь нас ожидала такая же радостная встреча казаков. В 20½ часов от 1-й роты было выставлено сторожевое охранение в виде двух полевых караулов с пулеметами у дороги на Ростов и хутор Грибцов и двух наблюдательных постов у дороги на хутор Протопоповский и станицу Аксайскую. Была назначена дежурная часть. Ночью командир полка лично проверял сторожевое охранение. Служба неслась отлично.

Утром 25 апреля (8 мая) были получены сведения о том, что красноармейцы, наступавшие на Новочеркасск с севера и отбитые 23 и 24 апреля (6 и 7 мая), с утра 25-го, собрав последние силы, вновь решили во что бы то ни стало завоевать город. Эта новая попытка красных наступать объяснялась безвыходностью их положения, ибо им в тыл выходили немцы и украинцы с поднявшимися на защиту Дона казаками Мигулинской станицы и иного выхода, как овладеть Новочеркасском и пробиться к своим товарищам, доживавшим в Ростове последние дни, у них не было. Начавшееся с утра энергичное наступление большевиков под прикрытием бронированного поезда первоначально имело успех, и донские части, измученные непрерывными боями, подались назад и уже отошли к самому городу. К счастью Новочеркаска, бронированный поезд красных не мог продвинуться в этот день далее Персияновки, ибо железнодорожный путь в районе последней предупредительно был разобран на протяжении двух верст.

Кроме того, для удержания города донцы мобилизовали все, что только было возможно. Все бывшие в Новочеркасске орудия были выдвинуты на позиции, и из них был открыт сильный артиллерийский огонь. Большевики временно приостановили наступление. Для удара в левый фланг красных был направлен отряд Семилетова. По просьбе донского командования, в целях непосредственного обеспечения их левого фланга, в северо-восточном направлении, вдоль реки Грушевки, был направлен из нашего отряда один эскадрон с двумя орудиями и броневиком. Посланная поддержка подоспела как нельзя лучше, ибо в это время положение у Новочеркаска становилось критическим – большевики занимали северную окраину города.

Как раз в эти минуты подошел наш броневик, бросившийся вдоль шляха на большевиков. В атаку на правый фланг красных пошел наш конный эскадрон, поддержанный стрельбой почти в упор нашей горной артиллерии. Противник дрогнул и обратился в бегство. Конница бросилась его преследовать. Наперерез бегущим на Персияновку спешили семилетовцы... Новочеркасск был спасен. В городе на всех углах расклеивались объявления, призывавшие население быть спокойным и верить, что большевики больше в город не вступят... В тот момент, когда положение у Новочеркаска было еще критическим, походный атаман вновь обратился за помощью к Дроздовскому, на имя которого часов в 8^{1/2} – 9 была послана полковником <В.И.> Сидориным (начальник штаба походного атамана) почто-телеграмма за № 645, которой Дроздовскому передавалось приказание походного атамана спешно прибыть со своим отрядом в Новочеркасск. По получении этой почто-телеграммы, отряд немедленно выступил к Новочеркасску. Пехота, за неимением повозок, следовала пешком. Впереди шел конный отряд, а позади верстах в четырех от колонны главных сил двигались обозы, имея прикрытием эскадрона подполковника Лангальмера. В голове колонны главных сил следовало знамя и хор музыки.

Около 17 часов колонна прибыла на площадь у Краснокутской роши, где вскоре собрался весь отряд. Здесь пехота перестроилась в порядок номеров рот. Подъехал Дроздовский. Его встретили с развернутым знаменем. Винтовки и шашки были в положении на караул. Дроздовский обратился к отряду с глубокой, дышащей истинным патриотизмом речью, в которой кратко напомнил все пережитое отрядом на пути от Румынии до Новочеркаска. Он сказал: «Вот та обетованная земля, Тихий Дон, тот город, к которому мы

так стремились и, наконец, дошли!» Точно взрыв, из тысячи молодых ртов раздалось громкое долго несмолкаемое «ура». У многих на глазах появились слезы.

Поздравив с благополучным завершением похода, Дроздовский продолжал: «Наш путь еще долог, наша конечная цель еще впереди. Еще не одна сотня идейных бойцов ляжет костями за счастье Родины на этом пути, прежде чем мы достигнем сердца России – Москвы. Это не должно нас смущать. Правда нашего дела и конечное торжество его да послужат всем нам наградой за честно исполненный до конца наш священный долг перед Родиной». Далее Дроздовский благодарил отряд, в ответ на что последовало дружное громкое «ура».

После речи Дроздовского колонна двинулась в город. В 19 часов 27 минут, когда были уже сумерки, Отряд русских добровольцев Румынского фронта под громкое, радостное несмолкаемое «ура» тысячной массы народа и звуки вышедшего навстречу казачьего оркестра вступил в столицу Дона – Новочеркасск. Дивная картина представилась нам. Огромная площадь была запружена несколькими тысячами зрителей, впервые после продолжительного большевистского царствования вышедших на улицу и чувствовавших себя вне опасности от насилий и грабежей красного воинства. Здесь были и походный атаман генерал <П.Х.> Попов с чинами своего штаба, и представители гражданского управления области, прибывшие приветствовать нас от имени донского казачества. Возле них стояло много офицеров и казаков, рабочих и крестьян и «недорезанных буржуев», пришедших сюда посмотреть на давно невиданную ими картину прохождения церемониальным маршем тысячного отряда и своим присутствием выразить нам их благодарность.

Пехота проходит церемониальным маршем. Войска закидываются цветами и разной зеленью. Со всех сторон слышатся «Христос Воскресе!», «Спасибо вам, наши спасители!..» Справа стоит отлично выровненный наш конный отряд. Походный атаман приветствует отдельно каждую роту. Прекрасно марширует пехота. Офицеры и добровольцы, немного усталые, с лицами, загоревшими от южного солнца и от всего виденного и пережитого несколько возбужденными, производят сильное, долго забываемое впечатление. Несмолкаемое «ура» заглушает приветствие атамана... За пехотой не менее стройной колонной проходят пулеметные команды, артиллерия и вновь пехота, прикрывавшая артиллерию на подходе. Затем следует конница с конной артиллерией.

Народу прибавляется все больше и больше. Огромная площадь не может уже вместить всех желающих. Быстро заполняются окружающие площадь улицы и переулки. Теперь здесь собрались не тысячи, а десятки тысяч людей. Вдали слышны артиллерийские выстрелы. Но на них никто уже не обращает внимания – население чувствует, что в городе большевикам не бывать. И действительно, в это время на всех углах наклеиваются объявления, говорившие о прибытии в город «очень сильного добровольческого отряда с могучей артиллерией, для которого большевистские банды не страшны».

Полчаса маршировала пехота. Атаман долго не хотел расставаться с нею. Он просил полковника Дроздовского показать «дивные части» всему населению города. Он хотел, чтобы казаки фактически убедились, что они не одни, что есть еще на Руси русские люди, верные Родине до конца. Он просит Дроздовского провести войска по улицам города. Несмотря на усталость пехота и артиллерия направляется по Баклановскому проспекту, а атаман вновь пропускает мимо себя конный отряд. На Баклановском не менее величественная картина. Народу так много, что колонна со всех сторон сжимается им. Кругом чувствуется праздничное настроение: бросаются в глаза костюмы дам и барышень, по русскому обычаю одетых во все белое и закидывающих войска сиренью. Теперь они уже не боятся, что «товарищи» на улицах снимут с них ботинки или отрежут серьгу вместе с ухом...

Колонна сворачивает на главную Московскую улицу. Темнеет. Моросит небольшой дождь... Зажигается электричество. В квартирах появляются огни. Видны накрытые пасхальные столы... Жители решили сегодня разговеться, ибо сегодняшней только день был для них действительно днем Воскресения. Раздаются просьбы населения разговеться с ним. Здесь те же пытливые взгляды, те же цветы и объятия совершенно незнакомых лиц. Какой-то старик бросается к знаменщику и целует его. Сворачиваем на Платовский. Стройными рядами и с высоко поднятыми штыками голова колонны подходит к Новочеркасскому собору²², золотой купол которого был виден еще за 30 верст. Прекрасная, но вместе с тем тяжелая картина. Главный купол собора пробит большевистским снарядом. Западная сторона его изрекошечена пулями и осколками шрапнелей и гранат. Во мраке ночной тишины, прерываемой лишь криками «ура», молча стоит он, этот вечный памятник, свидетель проявления дикого большевизма, окру-

женный постоянно молящейся в нем паствой... На одну минуту задерживается здесь пехота. Затем по Ермаковскому и Баклановскому она движется дальше по отведенным ей квартирам, расположенным на северной стороне, откуда была наиболее вероятная угроза городу.

Только в 11 часов вечера мы расположились по квартирам. Нервная усталость давала о себе знать... Все легли спать, и скоро отряд погрузился в крепкий сон... Таким образом, в этот день Отряд полковника Дроздовского вновь оказал большую помощь Донскому Войску. Приняв участие в бою под Новочеркасском, отряд дал возможность казакам удержать в своих руках столицу и спасти население ее от жестокой расправы, которая была бы неминуема в случае захвата красными города.

* * *

25 апреля (8 мая) – один из памятных каждому дроздовцу дней – день осуществления первой заветной мечты добровольцев Румынского фронта. Молча и безропотно, с полной верой в искусство своего Вождя, пройден тяжелый, далекий и опасный 1200-верстный путь, на котором стояли недруги: большевики, немцы и австрийцы. В этот день отряд твердо вступил на Донскую землю, куда в течении нескольких месяцев влекли всех добровольцев Румынского фронта бессмертные имена вождей Добровольческой армии...

* * *

Еще до выступления отряда из хутора Каменнобродского полковником Дроздовским была послана на имя генерала Л.Г. Корнилова следующая телеграмма*:

«Отряд, сформированный на Румынском фронте, выступивший под моей командой из Дубоссар 7 (20) марта, походным порядком прибыл в Ваше распоряжение.

В настоящее время отряд стоит в хуторе Каменнобродском (16 верст западнее Новочеркаска), куда прибыл 24 апреля (7 мая) поздно вечером, для совместных действий против большевиков с походным атаманом генерал-майором Поповым, в чье распоряжение временно до Ваших приказаний поступил.

Отряд в составе пяти рот пехоты, трех с половиной эскадронов, одной легкой, одной горной (каждая по четыре орудия) и одной

* Официальных сведений о его смерти мы не имели.

мортирной 48-линейной батареи (две мортиры), броневого автомобиля с четырьмя пулеметами, одного аэроплана, двух искровых станций радиуса 250 верст (с недостаточным числом слушачей), команды связи с телефонными и телеграфными аппаратами и подрывной команды с подрывными средствами. Состав отряда в круглых цифрах: пехоты – 600 человек, конницы – 300, орудий – 10, пулеметов – 25 (не считая броневых). Преимущественно офицеры (75%). Потери в боях за все время похода около – 100 человек. Отряд утомлен непрерывным походом и не имеет времени вести строевые занятия и прочно организовать, но в случае необходимости готов к бою и сейчас. Ожидая приказаний Вашего Высокопревосходительства.

25 апреля (8 мая) 1918 года. № 7. Полковник М.Г. Дроздовский».

В тот же день, по сосредоточении отряда в Новочеркасске, было отправлено на имя Главнокомандующего Добровольческой армией и другое донесение:

«По вызову генерала Попова прибыл 25-го вечером для содействия по обороне города в Новочеркасске, где и стал по квартирам. 25-го днем в обороне города принимали участие только броневой автомобиль, действовавший очень лихо и оказавший большую услугу, и эскадрон с двумя конно-горными орудиями. Аэроплан 24-го при подъеме разбился совсем. Сейчас стал на отдых. Комплектуюсь и организуюсь, начну систематические учения, так как в бесконечных передвижениях не имел времени закончить организацию отряда. Новочеркасск.

25 апреля (8 мая) 1918 года. № 9. Полковник М.Г. Дроздовский».

* * *

По случаю осуществления похода на Дон полковником Дроздовским 26 апреля (9 мая) был отдан следующий приказ:

«25 апреля (8 мая) части вверенного мне отряда вступили в Новочеркасск.

Вступил в город, который с первых дней возникновения отряда был нашей заветной целью, целью всех наших надежд и стремлений, обетованной землей.

Больше 1000 верст пройдено Вами походом, доблестные добровольцы, немало лишений и невзгод перенесено, немало опасности встретили Вы лицом к лицу, но, верные своему слову и долгу,

верные дисциплине, безропотно, без празднословия шли вы упорно вперед по намеченному пути, и полный успех увенчал Ваши труды, Вашу волю. И теперь я призываю Вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания и запугивания окружающих вас малодушных.

Пусть же послужит это Вам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славу и гибель позорному отказу от борьбы; другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру.

Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вами исторического похода.

Полковник Дроздовский».

12. Пребывание в Новочеркасске

С 26 апреля (9 мая) по 23 мая (5 июня) отряд простоял в Новочеркасске, встречая к себе самое внимательное и сердечное отношение как со стороны мирного населения города, так и со стороны атамана, войскового штаба и правительства.

Первую неделю войскам был предоставлен почти полный отдых. Расквартирован отряд был в северной, наиболее бедной части города. Объяснялось это, прежде всего, близостью ее к фронту, а также тем, что в ней скрывалось значительное число подозрительного элемента, которые вели агитацию в пользу большевиков, распространяя слухи об их успехах и о скором занятии ими вновь столицы Дона. В целях прекращения этой агитации, задержания подозрительных лиц и отобрания у населения оружия, отряд, по просьбе войскового штаба, принял участие в организованных этим штабом обысках и осмотре города, разбитого на несколько районов. Один из них приказано было осмотреть полковнику Жебраку, в распоряжение коего, помимо частей, ему подчиненных, была назначена от артиллерии сводная рота в 120 человек, вооруженных карабинами. Другой рай-

он – местность около бактериологической станции и кладбища – был поручен для очистки Конному дивизиону, усиленному для этой цели 2-й ротой. Центральная и южная часть города осматривались донцами. В результате обысков удалось найти не только винтовки, но и пулеметы, и задержать немало подозрительных лиц.

По-видимому, это произвело некоторое впечатление на большевистски настроенные элементы, ибо вслед за осмотром прекратилась вредная агитация, и имевшие ранее место случаи стрельбы из-за угла по офицерам и добровольцам более не повторялись. Одновременно с принятием мер по внутренней очистке города велась некоторая подготовка чисто боевого характера на случай возможных неудач. Так, с утра 26 апреля (9 мая) всеми начальствующими лицами во главе с командирами частей была произведена рекогносцировка позиций по окраине города и в Хотунке. Были намечены места для артиллерии и пулеметов и составлен план обороны города. Вся эта подготовка не могла пройти незамеченной для населения, которое, в связи с распространением большевиками различных провокационных слухов, несколько нервничало и побаивалось возвращения красных.

Походный атаман и старшие начальники учитывали это и принимали ряд мер к успокоению населения. Помимо объявления об успехах казаков на всех фронтах и оперативных сводок, выпускаемых два раза в день, было решено продемонстрировать перед населением наличие в распоряжении походного атамана значительного количества свободных резервов. С этой целью на 27 апреля (10 мая) был назначен большой парад. Парадом командовал полковник Денисов.

Парад действительно получился грандиозным. Десятки тысяч народа со всех сторон наблюдали величественную картину построения войск на большой площади у собора, служения благодарственного молебна при участии значительного числа духовенства во главе с епископом Аксайским Гермогеном, обход войск походным атаманом и церемониальный марш. Парад оставил сильное впечатление. Особенно все были восхищены могуществом и прекрасной выправкой нашего отряда, полностью бывшего на параде, под командой полковника Жебрака. Со всех сторон слышались возгласы одобрения...

Спустя приблизительно неделю, пехотные части отряда перешли на новые квартиры в здание Мариинского института и дома возле него. С этого момента началась организационная во всех отношениях работа, причем Дроздовский решил использовать время пребывания отряда в Новочеркаске в целях:

а) Наибольшего его пополнения добровольцами за счет Ростова и других крупных городов юга России – Харькова, Киева, Одессы, Полтавы, куда немедленно были направлены вербовщики.

б) Пополнения и приведения в порядок имеющейся материальной части и создания запасов ее на случай будущего разворачивания частей и боевой деятельности.

в) Систематического обучения всех воинских чинов отряда, как офицеров, так и добровольцев в различных познаниях военного дела, которые не только были забыты, а многие совершенно не были знакомы с ними.

г) Помощи Войску Донскому, правительство и атаман которого, опираясь на нас, как на реальную силу, более спокойно и решительно проводили в жизнь различные мероприятия по мобилизации и созданию новых воинских частей.

Намеченный план работ мог быть проведен в жизнь лишь в случае согласия на временное оставление отряда в районе Новочеркаска со стороны командующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, в высшем подчинении коему находились все части отряда, и который один только имел право распоряжаться им в полной мере. В связи с этим, Дроздовским 30 апреля (13 мая) отправляется командующему Добровольческой армией донесение, в котором излагаются все причины его ходатайства о временном оставлении отряда в Новочеркасске.

«Доношу, что в настоящее время в отряде идут важные работы организационного характера, работы, которые при непрерывном походе раньше нельзя было выполнить. Приходят пополнения, ожидаются таковые из Одессы, Харькова, Полтавы и Киева; пополняется материальная часть, чинится обоз; лошади нуждаются в отдыхе, люди – в кратковременном хотя бы обучении; собирается отовсюду, где имеется, имущество, и устраивается в Новочеркасске база, причем походный атаман оказывает всякое, возможное с его стороны, содействие.

Убедительно прошу предоставить мне остановку на две недели, так как преждевременное выступление воспрепятствует закончить организацию и пополнение материальной части и помешать обучению, что, конечно, отразится на боевой силе отряда. Было бы очень жаль после таких трудов, положенных на формирование отряда, оставить это дело незаконченным. Докладывая об изложенном, прошу не отказывать в этом.

Новочеркасск. 30 апреля (13 мая). 23 часа. № 10. Полковник М.Г. Дроздовский».

Это ходатайство было поддержано перед генералом Деникиным письмом походного атамана, в свою очередь просившего, для пользы Дона и общего дела, о временном оставлении отряда. Командующий Добровольческой армией генерал Деникин, несмотря на то, что части армии, принимавшие участие в 1-м Кубанском походе, были чрезмерно переутомлены, ослаблены численно, несколько подорваны морально и крайне нуждались в отдыхе, все же дал согласие на просьбу Дроздовского.

Началась лихорадочная и систематическая работа по проведению в жизнь намеченного плана. По многим городам поехали офицеры для вербовки добровольцев. В Ростове было открыто бюро записи, сделано объявление о целях существования отряда, об отношениях его к главному командованию Добровольческой армии, к Донскому правительству и к немцам, о деятельности отряда до прибытия на Дон и о тех задачах, которые отряд себе ставил в дальнейшем. Вместе с тем, в целях борьбы с провокациями и с неосведомленностью, понапрасну подозрительными, а большей частью сознательно враждебными всякой попытке установления порядка лицами, было притуплено к изданию особого печатного органа, получившего наименование «Вестника Добровольческой армии», редактируемого штабом отряда (1-й Добровольческой бригады). Выпущенное Дроздовским небольшое воззвание к русским гражданам, носившее название «За Родину, свободу и закон», нашло отклик в сердцах молодежи и на него немедленно откликнулись добровольцы. Начиналось это воззвание так: «Граждане! В переживаемый момент, когда борьба с анархией, бесправием и прочими явлениями большевизма достигла крайнего напряжения, каждый из нас должен приложить все свои силы для спасения бьющейся в агонии Родины и водворения в ней правового порядка. Особенно это касается офицеров, уклонение которых от исполнения своего долга – защиты Родины – является дезертирством». Далее воззвание говорит: «Начало победы положено. Отряд русских добровольцев, пройдя из Румынии походом более 1200 верст, достиг Дона. Всех офицеров, юнкеров, солдат, всех граждан, любящих Родину, призываю записываться в Отряд русских добровольцев для воссоздания армии...» Заканчивалось воззвание указанием, какие части формируются при отряде, где принимается запись, и на каких условиях могут поступать добровольцы.

Запись была открыта особо командированными для этой цели в Ростов лицами на Московской улице № 16 в помещении офицерского собрания. Кроме того, 2 (15) мая сам Дроздовский счел необходимым поехать в Ростов, чтобы войти в связь с некоторыми общественными деятелями и сделать сообщение на тему о целях и задачах Добровольческой армии. Эта поездка оказала большую помощь отряду, ибо приезд Дроздовского произвел на массу населения города благоприятное впечатление, а его сообщение в клубе приказчиков, при переполненном зале, имело огромный успех. Попытки провокаторов и немецких офицеров, присутствовавших в зале переодетыми в штатское платье, задавать различные обоюдоострые вопросы, вроде того, «Что мы будем делать, если немцы пожелают разоружить нас?» или «Каковы вообще наши взаимоотношения с ними?», вызывали по адресу задававших вопросы шикарные публические и овации Дроздовскому. Его появление на улицах города немедленно собирало возле него толпу народа и приветствия по его адресу.

Результат работы полковников Дроздовского, Жебрака и назначенных ими лиц был самый положительный – число добровольцев прибывало большими партиями, доходившими до 200 человек не только из Ростова, но и из других городов. Так, например, 13 (26) мая прибыла из Харькова рота добровольцев под командованием полковника Двигубского, привезшая с собой шесть пулеметов (три «Максима» и три «Кольта») и много подрывного имущества. Рота эта сформировалась, несмотря на препятствия со стороны украинских властей и генерала Семенова, бывшего командира Стрелкового полка, который, будучи командирован в Харьков, кажется, штабом Добровольческой армии, занялся там вредной для армии агитацией и вербовкой добровольцев в так называемую Южную армию, которую усиленно старались создать в противовес Добровольческой армии германцы и которая в дальнейшем основательно дискредитировала борьбу белых армий...

Одновременно с притоком людского пополнения, раздобывалось и в значительном количестве различное оружие, патроны, снаряды и пушки. Все это вместе взятое позволило не только усилить численный состав ранее существовавших частей, но и приступить к их развертыванию. В результате, в организации частей были произведены следующие изменения:

а) Сводно-стрелковый полк, состоявший из четырех стрелковых и одной пулеметной роты, был развернут в семь стрелко-

вых и две пулеметные роты с командами конных ординарцев и телефонистов.

б) Конный дивизион, состоявший из двух эскадронов, развернулся в 1-й конный полк (в дальнейшем переименован во 2-й конный полк), состоявший из пяти эскадронов и трех команд.

в) Легкая батарея из четырех орудий была развернута в шестиорудийную, в скрытом виде разделенную на две батареи трехорудийного состава, имевшие самостоятельное хозяйство.

г) Мортирный взвод пополнился одной шестидюймовой гаубицей.

Кроме того, отряд значительно усилился за счет пулеметов одного броневика, лошадей, седел и огромного количества запасов, которые, будучи собраны в одно место, образовали так называемую тыловую базу, во главе коей был поставлен полковник Сосионков. Большинство этого имущества было, между прочим, выкрадено из различных складов, захваченных немцами в Ростове и ими охраняемых. Для этой цели 2 (15) мая в Ростов в распоряжение коменданта гостиницы «Петроград» полковника Ильина был отправлен взвод пехоты. Санитарная часть ставилась на должную высоту. В Новочеркасске был открыт хорошо оборудованный бригадный лазарет. Общая численность отряда достигла внушительной цифры – 3000 человек.

В целях уравнивания содержания офицеров и солдат отряда с чинами Добровольческой армии в 11 часов 29 апреля (12 мая) в штабе дивизии состоялось собрание старших начальников, на котором были установлены новые оклады содержания.

Таблица окладов содержания для офицеров

Наименование должностей	Получаемые оклады		Примечание
	холостым	женатым	
Командир полка	600	700	Старшему врачу – как батальонному командиру; священнику и младшему врачу – как ротному командиру; сестрам милосердия – по 150 рублей
Помощник командира полка и командиры батальонов	450	500	
Командир роты	400	450	
Фельдфебель	350	400	
Командир взвода, адъютант и начальник команды	300	350	
Отделенный командир	250	300	
Не занимающий командной должности	200	250	

Солдаты делились на добровольцев и не добровольцев. Добровольцы, по прослужении известных сроков, переводились в высшие разряды, по коим были установлены большие разряды.

Таблица окладов содержания для солдат

Наименование должностей	1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	Примечание
Рядовой	35	30	25	Офицеры, занимающие должности унтер-офицеров, специалисты получали особые оклады
Ефрейтор	45	40	35	
Младший унтер-офицер и вольноопределяющийся 2-го разряда	55	50	45	
Старший унтер-офицер, вольноопределяющийся 1-го разряда, студенты и кадеты	65	60	55	
Фельдфебель	80	75	70	
Юнкера и подпрапорщики	100	95	90	
Каптенармусы, артельщики и инструктора	200-250			

С переходом Стрелкового полка в здание Мариинского института для офицеров и добровольцев как во внутренней службе, так и вне ее был установлен самый строгий воинский порядок, во всех отношениях напоминающий собой юнкерский режим Павловского военного училища мирного времени. Прежде всего, было обращено внимание на размещение людей. На каждую роту, а иногда и взводы были особые помещения, возле которых отдельные комнаты занимались ротными командирами и их помощниками. Почти каждый офицер-доброволец получил кровать. Одновременно для всех, кроме начальствующих лиц, которые поднимались за четверть часа раньше, утренняя общая молитва и утренний чай сменялись с 8-ми, а иногда 7-ми часов различными строевыми, стрелковыми, пулеметными и тактическими занятиями.

Занятия эти начинались со стойки и поворотов и велись одинаково как с солдатами, так и с офицерами. Выделялись лишь прибывшие позже в качестве добровольцев различные пополнения, с которыми занятия велись отдельно назначенными для этой цели лицами – офицерами-инструкторами. Курс обучения был намечен четырехнедельный. Особенное внимание было обращено на физическое развитие добровольцев, в смысле укрепления их здоровья и

привития им поворотливости, храбрости и ловкости* и на знание офицерами уставов и инструкторских обязанностей.

Все начальствующие лица, включая командира полка, постоянно присутствовали на занятиях и лично проверяли успешность обучения. Полковник Жебрак, отлично зная уставы, сам требовал такого же знания и от офицеров. Те, кто не знал наизусть параграфа 4-го Устава дисциплинарного – «О пользе службы, требующего от начальника...» и т.д., немедленно подвергались дисциплинарному взысканию, которое налагалось на офицеров, как на солдат, согласно статьям, Уставом дисциплинарным предусмотренных.

По прохождении начальных упражнений по стрелковому делу и по изучению оружия, каждый доброволец должен был лично пристрелять свою винтовку и пройти одно или два упражнения по стрельбе. Все эти занятия велись часов до 11^{1/2}, после чего люди возвращались с институтского сада или кадетского плаца, где происходили занятия в «казармы» и строем по очереди велись в институтскую столовую на обед, во время которого, после пропетой молитвы, институтки разносили по столам миски с супом, а затем часто подавалось второе блюдо и чай. После обеда до 2-х часов был послеобеденный отдых, большинством офицеров используемый для прогулок по городу. От 2-х до 6-ти часов продолжались занятия. В 6 часов был ужин, а в 9 – вечерняя переключка и молитва, после которой выход в город разрешался в особых случаях и лишь с увольнительными записками, каждый раз с разрешения командиров рот.

Такова была внутренняя жизнь для каждого добровольца. В этом чувствовалось, конечно, некоторая тяжесть, особенно для офицеров, но зато в дальнейшем подобный режим принес большую пользу отряду, общей всегдашней дисциплинированностью, выносливостью и внешнему виду которого поражались все, не только мирное население, но и старые корниловские добровольцы, приходившие в восторг от всего ими у нас увиденного. Воспитанные в строгой дисциплине и добросовестном исполнении при любой обстановке своего долга перед Родиной, добровольцы Дроздовского, храня его и его ближайших помощников Войналовича и Жебрака заветы, всегда с честью в дальнейшем выполняли возложенные на них задачи и своей доблестью, боевой работой стяжали себе славное имя и заслужили симпатии населения.

* Гимнастические вольные упражнения и упражнения на снарядах.

Главной причиной этому были те старые добровольцы, которые положили на Румынском фронте начало воссозданию Русской армии, а в дальнейшем, будучи в массе своей глубоко идейными и честными, они своим примером направили по надлежащему руслу общую жизнь и действия всего отряда, уже в Новочеркасске более чем на половину разбавленного новыми лицами, а во 2-м Кубанском походе даже мобилизованными и пленными большевиками. Эта же совместная, чисто юнкерская жизнь офицеров и солдат, послужила одной из основ той всегдашней сплоченности и дружбы, которая на протяжении всей истории существования дроздовцев бросалась в глаза каждому наблюдателю. «Один за всех и все за одного», – вот тот девиз, которому свято были верны в массе своей первые добровольцы Дроздовского и явное большинство из тех, кто прошел через дружные ряды Дроздовской семьи.

Помощь атаману и правительству Дона, помимо поддержания ближайшего порядка в городе Новочеркасске и несения в течение недели караульной службы на главной городской гауптвахте, выразилась в посылке в Ростов на три дня в распоряжение главнокомандующего Ростовским военным округом генерала <П.Т.> Семенова 2-й и 4-й рот с пулеметным взводами, каждая под командой капитана <Л.И.> Андреевского. Роты эти оказали содействие казакам по очистке города от большевиков и разного преступного элемента.

* * *

Помимо этой чисто внутренней поддержки, была оказана значительная помощь донцам в борьбе их с большевиками в Сальском округе и в Новопавловском районе. Так, в 10 часов 30 минут 6 (19) мая на помощь восставшим казакам Сальского округа был направлен отряд под командой подполковника <В.В.> Кушелева в составе двух эскадронов, двух взводов конно-пулеметной команды и конно-горного взвода*. Этот отряд 8 (21) мая перешел у хутора Брончиха реку Донец и вступил в станицу Константиновскую, где был торжественно встречен духовенством и населением. 11 (24) мая отряд переправился через Дон и двинулся к селу Большая Орловка, занятой группой большевиков под командой Сафронова и Ковалева и осаждаемой многочисленными, но плохо вооруженными и неорганизованными отрядами местных казаков и кал-

* Сношение командующего Южной группой генерала <С.В.> Денисова от 5 (18) мая за № 344

мыков, попытки которых к овладению районом Большой и Малой Орловки были безуспешными, так как район этот, кроме естественной преграды – реки Сал, был укреплен несколькими рядами окопов. Сверх ожиданий, операция под Орловкой затянулась надолго. Несмотря на неоднократные попытки со стороны конного отряда, поддержанного донцами, овладеть Орловкой, добровольцы не в состоянии были это сделать, и слобода Орловка пала лишь тогда, когда общая обстановка на Царицынском направлении, под влиянием успехов Добровольческой армии у Великокняжеской, сложилась для донцов благоприятною.

Первую серьезную поддержку добровольцы оказали донцам в этом районе 17 (30) мая, когда наступавшие и имевшие первоначально некоторый успех донцы, под влиянием контратаки противника, были обращены в поспешное отступление, преследуемые красными. Неожиданное появление нашего конного отряда и проявленная им стойкость остановили противника и прикрыли отход казаков. До первых чисел июня дивизион оставался в районе Орловки, непрерывно нес сторожевую и разведывательную службу, и не раз в чистом поле, под палящими лучами солнца, часто без пищи и воды, отбивали атаки превосходных сил красных. 9 (24) июня, перейдя в наступление, дивизион при поддержке артиллерии легко сбил противника и занял хутор Четырехярский. Но, не поддержанный казаками и калмыками и атакованный в свою очередь пехотой и конницей противника, дивизион был вынужден отойти в исходное положение.

Красные перешли в наступление. Часть конницы, спешившись, заняла окопы, имея на флангах у себя казаков. Большевики быстро приближались к нашим окопам. Казаки стали отходить вновь. Добровольцы остались в окопах, и только когда красные подошли шагов на 200–300, по ним был открыт жестокий пулеметный огонь. Противник понес большие потери, обратился в бегство и больше активности не проявлял.

На следующий день, под влиянием настойчивых требований Дроздовского, отряд был отозван (оттянут) в хутор Топилин и после непродолжительного отдыха двинулся через мало населенные калмыцкие степи на присоединение к дивизии*, бывшей в это время в районе Шаблиевки. Часто без хлеба и фуража, кочуя в степи и

* Отряд переименован приказом по Добровольческой армии первоначально в бригаду, а затем в дивизию.

не зная окружающей обстановки, отряд, сделав несколько переходов, 16 (29) июня прибыл в район Торговой.

* * *

17 (30) мая из Войскового штаба были получены* сведения о наличии в районе Казенного моста, что к юго-западу от деревни Новопавловки, отряда красноармейцев в 500 человек. Одновременно сообщалось, что в восточной части Таганрогского округа также скрывается значительное количество банд. В целях очистки указанного района и ознакомления населения с новыми законами Войска Донского и различными распоряжениями правительства и командного состава, Донской атаман просил полковника Дроздовского выслать небольшой отряд. Во исполнение просьбы атамана, было назначено две стрелковых роты, часть команды связи и взводы легкой артиллерии. Начальником отряда был назначен подполковник <Л.Н.> Почекаев, а начальником его штаба – штабс-капитан <П.В.> Колтышев.

В 10 часов 45 минут 18 (21) мая отряд в составе 1-й и 4-й рот, 2-го взвода легкой батареи и команды связи Стрелкового полка построился у здания Мариинского института, откуда выступил на станцию для погрузки. Впереди отряда следовал хор трубачей. Большое количество населения, привлеченного музыкой, провожало до станции уходящие части. На станции к отряду присоединились Грушевская пешая и Мариинская конная сотни, поступившие в распоряжение подполковника Почекаева. В 16 часов 50 минут эшелон отошел со станции Новочеркасск в направлении на станцию Ровеньки, где была намечена высадка отряда.

Дорога проходила мимо мест недавних лихих дел казаков в боях с большевиками. Быстро промелькнули Персияновка, Александр-Грушевский и другие места, которые надолго останутся в памяти казаков. В 6 часов 50 минут 19 мая (1 июня) отряд прибыл на станцию Ровеньки. Во время выгрузки к станции подъехал германский генерал, как в дальнейшем оказалось, начальник 16-й ландверной дивизии, потребовавший объяснения неизвестной ему причины прибытия столь многочисленного отряда, а также предъявления ему письменного разрешения Донского или Украинского правительства. Цель выгрузки отряда ему была объяснена, что же касается письменного разрешения, было отвечено, что такого не име-

* Непроверенные.

ется. Инструкцию, полученную от Войскового штаба, в которой был указан весь маршрут следования от Новопавлówki, начальник отряда счел необходимым скрыть от немцев, отношение которых с первого момента было не предупредительным. К тому же, легко было заметить некоторое волнение в их штабе дивизии, к зданию которого быстро собрались вооруженные германские солдаты и выставляли на улицах пулеметы. Германский генерал не хотел пропускать отряд. Только минут через 30 происшедшее недоразумение было улажено начальником штаба, причем со стороны германского генерала последовало даже предложение воспользоваться для выполнения поставленной отряду задачи его частями. На это было отвечено, что отряд слишком силен и в посторонней помощи не нуждается. Небольшие команды приступили к сбору для нужд отряда обывательских повозок. При этом не обошлось без небольших инцидентов. Так, на вопросы немецкого генерала, почему наши офицеры не отдают ему воинской чести, со стороны добровольцев следовали ответы: «А почему Ваши солдаты и офицеры не отдают нам – русским офицерам честь?» или: «А Вы кто такой, мы Вас знать не желаем».

В 14 часов отряд выступил походом из Ровеньки и, следуя севернее полотна железной дороги через Каменно-Миллеровскую, к 18 часам 40 минутам прибыл в Малое Крепинское, где остановился на ночлег, сделав переход в 35 верст. В селе Малом Крепинском была расположена 6-я рота одного из германских полков, которая еще до прихода отряда находилась здесь и производила очистку селения от большевиков. Крестьяне относились к добровольцам доброжелательно и выдали нескольких большевиков, рабочие же с ближайших рудников были недовольны приходом отряда.

В 6 часов 20 мая (12 июня) отряд выступил в Новопавлówку, куда прибыл к 8-ми часам 30 минутам. Здесь сведения о наличии в лесах красноармейцев не подтвердились: имелись лишь указания, что там скрываются небольшие группы различных хулиганов. Начальник отряда все же счел необходимым осмотреть лес. Предварительно было отобрано оружие у жителей Новопавлówki и произведено несколько арестов. Часть из арестованных были наказаны розгами, часть, принадлежавшая к числу убийц, расстреляна. В Новопавлówке также стояла германская рота, прибывшая туда несколько раньше из Хрустального. Осмотр лесов результата не дал. В селениях Снежный, Яблоновский, Ореховский и Андреевка было отобрано значительное количество оружия и краденого скота.

В 1 час 21 мая (3 июня) весь отряд сосредоточился на ночлег в селе Андреевка, пройдя 42 версты. В 6 часов 21 мая (3 июня) отряд выступил обратно на Новопавлровку, куда прибыл в 10 часов. Здесь германский офицер дважды обращался с просьбой сообщить ему дальнейший маршрут следования отряда, на что ему было отвечено, что «сегодня мы произведем очистку Есауловки, а что будет дальше – и сами не знаем». В 13 часов после обеда выступили в Есауловку, куда и прибыли в 15 часов.

Почти одновременно со стороны Дмитриевки туда вошла немецкая рота. В Есауловке настроение спокойное. Оружие быстро сдали. После десятиминутного отдыха отряд двинулся дальше на село Бобриково-Петровское. Вслед за ним шла германская рота. Но отряд быстро отделился от нее и ушел вперед. Дорогой германский офицер спрашивал начальника штаба отряда, может ли он не беспокоиться за участь своих солдат, которых он оставил в Есауловке. Его заверили, что он может не беспокоиться. По пути к Бобриково-Петровскому были очищены селения Алексеев-Кагольчинский и Исаевка, где крестьяне сдали более 60 винтовок, весь награбленный скот и другое имущество. В имении и хуторе в районе Алексеева-Кагольчинского были разграблены и совершенно уничтожены дома и разрушены разные постройки, фруктовые деревья срублены. В 2 часа 22 мая (4 июня) отряд прибыл в Бобриково-Петровское. Суточный переход в 40 верст. Почти одновременно с нами в Бобриково прибыли три немецкие роты. 22-го отряд имел дневку. Около селения находилось большое, но разграбленное и почти совершенно уничтоженное имение генерала <М.А.> Свечина.

Близкое соприкосновение с немцами, число коих с каждым днем увеличивалось около нас, вынудило отряд, несмотря на переутомление, продолжать с утра 23 мая (5 июня) дальнейший поход. Следуя через Миллерово, отряд к 14 часам прибыл в Лысогорскую, к этому времени уже занятую немцами. Часть отряда (казачков) пришлось расположить в хуторе Крюкове. 24 мая (6 июня) отряд перешел в Крепкую. Здесь отрядом был судим и расстрелян «помещик» Мазаев, просивший принять его в Добровольческую армию, но в дальнейшем оказавшийся убийцей своего отца, предводителем шайки «Черного автомобиля» (действовавшей в Мелитопольском уезде) и начальником какого-то большевистского отряда. Он был выдан своими братьями, просившими расстрелять его. Эти очень богатые помещики, являвшиеся обладателями мно-

гих имений на Дону, Кубани, Кавказе и в Малороссии, производили впечатление совершенно неинтеллигентных людей, чисто случайно уцелевших от погрома. Показания жителей были также против Мазаева. Все сведения, первоначально полученные о нем, были подтверждены крестьянами, показавшими, что Мазаев был действительно убийцей своего отца, сосланным на каторгу, но освобожденным по какому-то приказу Керенского. Со своей стороны, Мазаев во всем сознался, отказавшись лишь от обвинения его в службе в Красной армии...

25 мая (7 июня) в 7 часов отряд выступил на хутор Гребцов. Подойдя к последнему, узнали, что как он, так и весь ближайший район с утра занят немцами. Это вынудило отряд, несмотря на переутомление, после двух часов привала следовать дальше. В 17½ часов отряд выступил из хутора и в 23 часа 10 минут прибыл в Новочеркасск. Суточный переход – 70 верст. Подходя к городу, было получено известие, что Отряд Дроздовского, переименованный в 1-ю добровольческую бригаду, уже выступил из Новочеркасска на присоединение к Добровольческой армии. В Новочеркасске расположились на прежних квартирах, радостно встреченные новыми знакомыми.

* * *

В общем, в осмотренном и очищенном районе настроение населения можно было назвать спокойным. Все ожидали порядка и законной власти. Красноармейцы выдавались охотно. Оружие давали только по принуждению, говоря при этом по секрету, что его необходимо оставить у крестьян для расправы с немцами, которые уже успели насолить крестьянам своими бесцеремонными реквизициями. Так, например, в районе Новопавловки немцы обязали крестьян доставлять им ежедневно по одному яйцу и половине фунта масла с каждого дома и по одной курице раз в неделю. Овес и сено отбирали, сколько кто хотел. Все это вызывало сильное раздражение среди крестьян, которые «только и ожидали приказа напасть на немцев». В осмотренном районе наиболее развращенными и распропагандированными большевиками являлись те села, вблизи коих были угольные шахты, как, например, Новопавловка и Алексеев Нагольчинский. Все награбленное крестьянами имущество и скот по приказу донского штаба было возвращено законным владельцам. Население было ознакомлено с приказами Войску и с событиями на Дону.

Несмотря на пройденные 240 верст в течение шести суток, час-то при дождливой погоде, не менее чем как при 18-часовом рабочем дне, больных и отставших в отряде не было. Настроение у всех было отличным.

С 26 (8 июня) по 30 мая (12 июня) отряд простоял на отдыхе в Новочеркасске, где все прекрасно провели время. 28 мая (10 июня) в благодарность институткам за их внимание к добровольцам было решено устроить прощальный танцевальный вечер. Вечер посетил генерал С.Л. Марков. Всех приглашенных с хозяевами было около 380 человек. Начав с приглашения гостей к столу, где им был предложен ужин, закончили вечер веселым балом. Танцы продолжались до 5 часов. Несмотря на то, что за ужином было выпито 480 бутылок донских вин, много шампанского и ликеров, вечер прошел отлично и вызвал искреннее удовольствие и благодарность со стороны всех присутствующих гостей. На этом вечере добровольцы впервые познакомились с молодым полковником <В.К.> Витковским, поступившим добровольцем в нашу бригаду.

30 мая (12 июня) отряд выступил из Новочеркаска на станицу Аксайскую. Небольшая колонна, состоявшая из взвода артиллерии, пулеметных взводов, 1-й и 4-й рот и всех обозов, следовала походом. Остальные части в 9 часов построились у здания Мариинского института, откуда, провожаемые населением с песнями, прошли на вокзал, где погрузились в эшелон и в 13 часов 40 минут отбыли на станицу Аксай. С грустью покинули добровольцы гостеприимный Новочеркасск, оставив о нем много интересных воспоминаний...

Ночь провели в станице Аксайской. В 6 часов 31 мая (13 июня) роты и артиллерия приступили к погрузке на две баржи и закончили ее в 9 часов 30 минут, когда отбыли в станицу Манычскую. В 17 часов прибыли в Манычскую и расположились в ней на отдых. Здесь об отряде ходили самые невероятные слухи – говорили, что в бою у Новопавловки он был разбит. В 7 часов 1 (14) июня выступили через хутор Антропов, где останавливались на ночлег, в станицу Егорлыкскую, куда прибыли в 18 часов 2 (15) июня. В Егорлыкской мы были радостно встречены Дроздовским, Жебраком, корниловскими добровольцами и казаками.

* * *

Из периода новочеркасской жизни необходимо отметить установление надежной связи со штабом Добровольческой армии, куда в начале мая была отправлена одна из имеющихся в отряде радио-

станций, для переговоров по которой был установлен специальный шифр, присланный из штаба Добровольческой армии. Вместе с тем, после 10 (23) мая в штаб армии для личного доклада был вызван полковник Дроздовский. Этот период совпал с усиленными разговорами о возможности дальнейшего оставления нашего отряда в Новочеркасске, в распоряжении донского атамана, о чем он усиленно ходатайствовал, а также на то, как будто, был согласен и сам Дроздовский. Донским войсковым атаманом был в это время выбран (3 (16) мая) известный генерал <П.Н.> Краснов, с самого начала своей атаманской деятельности очень сочувственно и радушно относившийся к Отряду Дроздовского.

Что атаману было желательно дальнейшее пребывание нашего отряда в Новочеркасске, это было вполне естественно, и это он не только не скрывал, но даже открыто просил не уходить с Дона до тех пор, пока все донцы не станут твердо на ноги и не организуют надежной конной армии. Об этом он говорил во время большого парада 5 (18) мая на площади у Краснокутской роши, когда теплыми душевными словами атаман благодарил нас за помощь Дону и всей России, восторгался видом отряда и той образцовой дисциплиной, которая царила в нем. «Для вас, конечно, не секрет, – говорил он, – что одним видом своим вы поднимаете настроение казаков, а врагам России внушаете страх». Также было вполне естественным желание Дроздовского дать лишний, вполне заслуженный отрядом отдых и, что особенно важно, пополнить возможно больше ряды его за счет прибывающих со всех сторон по нашему зову добровольцев.

Но непонятны были кем-то распускаемые слухи о нежелании Дроздовского вообще присоединиться к Добровольческой армии. Дабы положить конец этим ложным слухам, некоторыми офицерами полка была возбуждена перед полковником Жебраком просьба переговорить с Дроздовским и выяснить причины подобных сведений.

В результате, конечно, оказалось, что все эти слухи ни на чем не были основаны, ибо выяснилось, что Дроздовский только и ожидал упрочения обстановки в районе Батайска, чтобы проехаться с личным докладом к генералу Алексееву* и Деникину. Эта поездка вскоре действительно состоялась. Дроздовский представился генералу Деникину и был принят генералом Алексее-

* Занимал пост Верховного руководителя Добровольческой армии.

вым. После доклада его об обстановке, в которой происходило формирование добровольческих частей на Румынском фронте и в каких целях был совершен 1200-верстный поход его отряда, Дроздовский, как говорили в дальнейшем чины штаба Главкома, затронул вопрос об условиях, на которых для него желательно воссоединение отряда с Добровольческой армией. При этом говорили, что одним из условий присоединения он ставил сохранение целостности и неприкосновенности отряда, как совершенно самостоятельного войскового соединения. На это одним из генералов было сделано заявление, что «признавая пожелания Дроздовского вполне приемлемыми, он полагает, что боевая обстановка иногда повелительно может потребовать усиления одного участка за счет другого и тогда временная передача частей из одной бригады в другую должна быть произведена лишь согласно воле старшего начальника, без всяких предварительных запросов, желательно ли это кому бы то ни было другому». Против этого Дроздовский, конечно, ничего не возражал.

Таким образом, давно желанное соединение состоялось. Дроздовский вернулся в Новочеркасск. Вскоре был опубликован приказ о переименовании отряда в 3-ю отдельную бригаду Добровольческой армии. Эта весть произвела на всех крайне благоприятное впечатление. До 20-х чисел мая отряд продолжал оставаться в Новочеркасске. Повседневная жизнь добровольцев не изменилась. По-прежнему велись систематические занятия, и поддерживалась строгая дисциплина; по-прежнему в свободное от занятий время добровольцы отдыхали, посещая часто симпатичное учреждение местного дамского кружка, носившего название «Чашка чаю», где иногда устраивались танцевальные вечера, в которых чины отряда принимали деятельное участие.

Успех добровольцев среди населения города, благодаря выдержанности, корректности и строгой дисциплине, а также аполитичности чинов отряда и уважения их к чужому мнению, не представлял ничего удивительного и не только не угасал, а наоборот возрастал с каждым днем. Население долго не могло примириться с мыслью, что мы можем уйти. И не только атаман, но и председатель правительства <Г.П.> Янов упрашивал Дроздовского повременить с выступлением отряда, объясняя, что правительство стремится ввести «твердый курс», но еще не чувствует себя окончательно прочно, и что оно, опираясь на нас, надеется сформировать новую регулярную армию. Атаман Краснов не раз откровенно говорил:

«Дайте мне создать прочный фронт, и вы исполните этим свой долг и будете свободны идти, куда захотите».

Но обстановка у Добровольческой армии требовала подкрепления ее силы и дать возможность некоторого отдыха измученным, обескровленным жестокими боями славным частям, легендарным героям, участникам 1-го Кубанского похода. Наш долг перед ними звал нас туда, где еще горел огонек беспредельной любви к Родине. Некоторые данные скромно указывали нам на то, что им действительно нелегко. Назревали бои, а патроны и снаряды были на исходе.

Так, 20 мая (12 июня) от начальника штаба Добровольческой армии генерала <И.П.> Романовского было получено две кратких телеграммы: «Спешно вышлите в Манычскую не менее 50 000 ружейных патронов» и «Вышлите в Манычскую 60 000 ружейных патронов и 150 пушечных легких снарядов...» Эти цифры красноречиво говорят о том, в каком тяжелом положении находилось снабжение армии артиллерийскими припасами...

Отряд стал готовиться к походу...

13. Соединение с Добровольческой армией. Итоги Дроздовского похода

19 мая (1 июня) Дроздовским была получена за подписью генерала <И.П.> Романовского следующая телеграмма:

«Командарм приказал произвести смену частей Добровольческой армии, находящихся в Новочеркасске 1-м офицерским полком и 1-м конным полком, оставив из настоящего гарнизона Новочеркасска там два конно-горных орудия. Смену произвести следующим порядком: 20 мая (2 июня) отправить из Новочеркасска через Манычскую, Мечетинскую в Егорлыкскую один батальон пехоты, восемь орудий и броневой взвод, по прибытии же в Новочеркасск 1-го офицерского и 1-го конного полков должны быть отправлены все остальные части 3-й бригады. Перевозку совершить до Манычской на пароходе, далее походным порядком, пехотой на подводах.

18 (31) мая 1918 года. Мечетинская».

Принимая во внимание участие некоторых частей отряда (бригады) в экспедициях и желание Дроздовского не оставлять их в отделе, а присоединиться к Добровольческой армии вместе с ними,

Дроздовский просил командующего Добровольческой армией изменить дату выступления отряда из Новочеркаска и в тот же день послал на имя генерала Деникина следующую телеграмму:

«Доношу, что до сего времени никаких ориентировок из штаба не получал. По просьбе Войскового атамана два эскадрона и два горных орудия находятся в районе слободы Орловка на реке Сал, где ведут операцию против большевиков. Две роты пехоты с двумя орудиями направлены 18 сего мая в район Новопавловки, для той же цели. Ввиду изложенного, прошу изменить дату выступления, дабы собрать отряд».

В ответ, около 12 часов 21 мая (3 июня), была получена телеграмма генерала Романовского, которой командующий армией предписывал Дроздовскому со всеми частями, находящимися в Новочеркасске, выступить утром 22 мая (4 июня). Части же, находящиеся в командировке по наряду атамана, по возвращении отправить вторым эшелоном.

Одновременно на имя Донского атамана была получена от генерала Деникина радиотелеграмма за № 82:

«Мною назначена смена Бригады полковника Дроздовского. Вместо этого бригада вводится по частям в бой для частных операций. Это препятствует организационному слиянию бригады с Добровольческой армией, нарушает все мои расчеты и не дает возможности подготовить основную операцию, о которой мы условились 15 (28) мая. Мною отдано распоряжение полковнику Дроздовскому со всеми находящимися в Новочеркасске частями выступить утром 22 мая (4 июня), части же, находящиеся в командировке по наряду атамана, по возвращении отправить вторым эшелоном. Несомненно, к этому времени частная операция под Орловкой будет закончена».

Принимая во внимание, что к утру 22-го отдел путей сообщения не мог успеть приготовить эшелоны и баржи, необходимые для перевозки отряда, Дроздовский отдал приказ всем частям быть готовыми к выступлению к утру 23 мая (5 июня). Одновременно были разосланы телеграммы и конные, призывавшие всех чинов отряда, находящихся в различных командировках, немедленно вернуться в бригаду. Люди спешили закончить сделанные ими в городе различные заказы и проститься со своими знакомыми. Вечером в здании Мариинского института был устроен прощальный вечер, во время которого Дроздовским и Жебраком были произнесены речи, в которых говорилось о наступившем, наконец, счастливым мо-

менте – фактическом соединении бригады с доблестными частями Добровольческой армии.

Наступило утро 23 мая (5 июня). На площади у Мариинского института строились стрелковые части. Конница, артиллерия, пулеметные роты и ротные пулеметные взводы, артиллерийский парк, автомобили, все конные и все обозы собирались на площади у Краснокутской рощи*. В 6 часов походная колонна под командой полковника Ползикова выступила в станицу Аксайскую. В это время перед фронтом Стрелкового полка появилось развернутое знамя – Андреевский флаг. Отец Федор отслужил молебен. Около 8-ми часов Стрелковый полк с хором музыки двинулся к станции Новочеркасск для погрузки в эшелон. Много жителей, следуя возле колонны, провожали ее. При подходе к вокзалу колонна встретила генерала П.Н. Краснова. Было видно, что атаман что-то хотел сказать. Но Жебрак не заметил этого и не остановил колонну. Генерал Краснов успел только пожелать отряду счастливого пути...

К 14 часам вся бригада собралась у пристани Аксайской. Началась погрузка. С первой баржей, которую тащил за собой скверный буксир – какая-то пыхтелка, отправились 3-я, 6-я и 9-я роты. <...>²³

Среди казаков появились, правда, отдельные случаи разговоров о безуспешности продолжения борьбы. Стали раздаваться просьбы о выходе из состава армии. Как говорили оставлявшие ряды ее, уже было созвано совещание старших начальников, которое должно было обсудить вопрос о дальнейших действиях командного состава в этом направлении... И вот в это-то время, как яркое солнышко, неожиданно была получена весть о подходе к Ростову с Румынского фронта крупного добровольческого отряда, богато снабженного различными техническими средствами, почти совершенно отсутствовавшими в то время в Добровольческой армии.

Сильная артиллерийская стрельба, доносившаяся из под Ростова в ночь на Светлое Христово Воскресение, подтвердила полученные сведения. Помощь эта, действительно подоспела в лице нашего отряда, в жестоком бою у Ростова пытавшегося прорваться туда, куда влекло всех чинов отряда их Русское сердце... Эта радостная весть подкрепила моральные силы бойцов к продолжению жестокой, но славной борьбы, и вселила в них уверенность, что они еще не всеми забыты.

* В помещении Дворянского собрания развешивался тыловой лазарет нашей бригады.

К этому времени Добровольческая армия насчитывала в своем составе несколько более 2000 штыков и 2500 шашек и имела всего семь орудий и небольшое количество пулеметов. Броневых машин в армии не было. В артиллерийских снарядах и ружейных патронах был полный недостаток. Санитарная и интендантская части почти не существовали. В организационном отношении армия состояла из двух отдельных пехотных и двух конных бригад. 1-й отдельной пехотной бригадой командовал генерал-лейтенант <С.Л.> Марков, 2-й – генерал-майор <А.А.> Боровский; 1-й конной – генерал от кавалерии <И.Г.> Эрдели; 1-й кубанской казачьей – генерал-майор <В.Л.> Покровский.

Присоединившаяся в это время к Добровольческой армии Бригада полковника Дроздовского насчитывала в своем составе свыше 3000 человек (включая различные управления и учреждения), из которых штыков было 1340, шашек – 400. Общее число пулеметов различных систем доходило до 70, а орудий было: легких – 6, горных – 4, 48-линейных – 2, шестидюймовых – 1, зарядных ящиков – 14, и, кроме того, два броневика («Верный» и «Доброволец»). Вместе с тем бригада привезла с собой значительное число снарядов и ружейных патронов, которые были использованы для нужд всяких частей армии. Санитарная часть и снабжение бригады обувью, обмундированием и снаряжением было отличным. Всевозможные запасы артиллерийского, инженерного и интендантского снабжений были временно оставлены на Новочеркасской базе. Если принять во внимание вышеизложенное, а также указанный состав Добровольческой армии до присоединения к ней отряда полковника Дроздовского, и состав последнего, и высокое моральное состояние отряда, насчитывавшего в своих рядах 70% офицеров-фронтовиков, станет ясным, что дали своим присоединением Добровольческой армии дроздовцы и какую роль в дальнейшем ходе борьбы сыграло наше прибытие в ее ряды.

В заключении, подводя итоги походу, полагаю необходимым еще раз кратко и определенно отметить, что с самого начала возникновения отряда предполагалось соединиться с Добровольческой армией, организовавшейся на Дону. Поэтому и конечной точкой маршрута явился Новочеркасск, как исходный пункт соединения с Добровольческой армией. Первоначальные средства отряду были отпущены генералом <Д.Г.> Щербачевым из сумм, имевшихся у командного состава Румынского фронта и предназначенных законными властями на содержание армии. Ни к каким реквизици-

ям и принудительным поборам отряд в пути не прибегал, считая, что всякие такие действия не уходят далеко от грабительства и мародерства. Расчеты за все потребное для отряда от населения производились наличными деньгами. Работа отряда на всем пути от Ясс до Ростова заключалась в борьбе с более или менее организованными отрядами вооруженных грабителей, называвших себя «солдатами советских войск», а также с тайными и явными организациями, имевшими целью поддерживать режим советской власти и расстраивать тем или иным путем организацию Добровольческой армии. Поддержка каких-либо политических течений или партий в задачи отряда не входили. Все чины отряда были вне политики.

Ни в какой связи с немецким командованием отряд не находился, и действия тех или других сил были вполне самостоятельны, ибо конечные цели их различны: отряд пришел на Дон для соединения с Добровольческой армией, а немецкие войска были приглашены украинскими властями уже после заключения мира между Украиной и Советом народных комиссаров. Мы боролись за восстановление Единой и Неделимой России, а немцы имели в виду лишь расчленение России. Наша идея была – водворение на Руси правового порядка своими собственными русскими руками, без чьей-либо посторонней помощи.

В результате этого похода, помимо оказания помощи мирному населению в их борьбе с различными большевистскими отрядами, действовавшими в районе деревень и хуторов, добровольцами полковника Дроздовского были освобождены от кошмарной советской власти города Мелитополь и Бердянск. В дальнейшем, своим боем у города Ростова мы оказали первую большую помощь Донскому Войску, оттянув на себя из Новочеркасска крупные силы красных и дав этим возможность казакам захватить город, а затем при нашей поддержке и удержать его. Самое же огромное значение прибытия отряда на соединение с Добровольческой армией это то, что своим приходом Отряд Дроздовского отчасти создал благоприятные условия для организации Донской армии, дал ей возможность возобновить активную борьбу с большевиками на Северном Кавказе и начать так называемый 2-й Кубанский поход...

*Свищов, Болгария
1921 год*

**Путь следования Отряда русских добровольцев
Румынского фронта под командованием
Генерального штаба полковника М.Г. Дроздовского
с 25 февраля (10 марта) 1918 года по 25 апреля (8 мая)
того же года с указанием мест, дней и величины перехода**

Сосредоточение всего отряда в местечке Соколы – 21 февраля (6 марта).

Сосредоточение всего отряда в Кишиневе – 2 (15) марта*.

Сосредоточение всего отряда в Дубоссарах – 4 (17) марта**.

Выступление отряда из Дубоссар – 7 (20) марта.

Даты	Наименование населенного пункта, где останавливался на ночлег отряд
7 (20) марта	Кошарки
8 (21) марта	Николаевка Заречная – Бириосовка
9 (22) марта	Волегоцулово
10 (23) марта	Святотроицкое
11 (24) марта	Веселая
12 (25) марта	Дневка
13 (26) марта	Дневка
14 (27) марта	Доманевка
15 (28) марта	Переправа через Буг. Александровка
16 (29) марта	– " –
17 (30) марта	Спасибовка – Петропавловка
18 (31) марта	Еланец
19 марта (1 апреля)	Дневка
20 марта (2 апреля)	Софиевка
21 марта (3 апреля)	Новый Буг
22 марта (4 апреля)	Дневка
23 марта (5 апреля)	Владимировка (Мальевская и Долгоруковская экспедиции)
24 марта (6 апреля)	Дневка. <нрзб.> на ст. Фонтан
25 марта (7 апреля)	Дневка
26 марта (8 апреля)	Давыдов Брод
27 марта (9 апреля)	В поле у Бериславля

* Следовали по железной дороге шестью эшелонами.

** Путь следования через Оницканы, Кругляны.

28 марта (10 апреля)	Переправа через Днепр. Любимовка
29 марта (11 апреля)	Дневка
30 марта (12 апреля)	Дневка
31 марта (13 апреля)	Торгаевка
1 (14) апреля	Калга
2 (15) апреля	Акимовка. Бой
3 (16) апреля	Мелитополь. Бой
4 (17) апреля	Дневка
5 (18) апреля	Дневка
6 (19) апреля	Константиновка
7 (20) апреля	Дневка
8 (21) апреля	Дневка
9 (22) апреля	Богдановка – Владимировка
10 (23) апреля	Бердянск – Ивановка
11 (24) апреля	– " –
12 (25) апреля	Дневка
13 (26) апреля	Новоспасское
14 (27) апреля	Мангуш
15 (28) апреля	поселок Успенский – Троицкий
16 (29) апреля	Дневка
17 (30) апреля	станция Ново-Николаевская
18 апреля (1 мая)	слобода Федоровка
19 апреля (2 мая)	Николаевка
20 апреля (3 мая)	Недвиговка
21 апреля (4 мая)	Ростов. Бой
22 апреля (5 мая)	Ростовский бой. Крым
23 апреля (6 мая)	Дневка
24 апреля (7 мая)	Грушевская – Каменнородский
25 апреля (8 мая)	Новочеркасск. Бой
26 апреля (9 мая)	Отдых в Новочеркасске и участие
с 26 апреля (9 мая)	в двух экспедициях
по 22 мая (4 июня)	Аксайская
23 мая (5 июня)	Сосредоточение в станции Маньчской
24 мая (6 июня)	– " –
25 мая (7 июня)	хутор Полячки
26 мая (8 июня)	Мечетинская. Соединение с Добровольческой
	армией
27 мая (9 июня)	

**Путь следования Отряда русских добровольцев
Румынского фронта под командованием полковника
М.А. Жебрака-Русановича до момента соединения его
с Отрядом полковника М.Г. Дроздовского**

Даты	Наименование населенного пункта, где останавливался на ночлег отряд
с 24 февраля (9 марта)	Болград
по 4 (17) марта	Формирование, в Болграде
4 (17) марта	По железной дороге на станцию Злотий
5 (18) марта	село Пугай (Бессарабская губерния)
6 (19) марта	село Мирены
7 (20) марта	село Вадулуй Воды
8 (21) марта	Дубоссары
9 (22) марта	Реймаровка
10 (23) марта	Волегоцулово
11 (24) марта	Новопавловка
12 (25) марта	Дневка
13 (26) марта	Дневка
14 (27) марта	станция Головневка
15 (28) марта	Дневка
16 (29) марта	Дневка
17 (30) марта	Дневка
18 (31) марта	Акмечеть
19 марта (1 апреля)	Фельзенбург
20 марта (2 апреля)	Дневка
21 марта (3 апреля)	Дневка
22 марта (4 апреля)	Софиевка
23 марта (5 апреля)	Скобелевка
24 марта (6 апреля)	Дневка
25 марта (7 апреля)	Давыдов Брод
26 марта (8 апреля)	

Алфавитный список господ офицеров и добровольцев Сводно-стрелкового полка Отряда русских добровольцев Румынского фронта, выступивших из Дубоссар.

Объяснительная записка

Настоящий список чинов Сводно-стрелкового полка Отряда русских добровольцев Румынского фронта составлен на основании следующих данных:

1. Выписок из алфавита 2-го офицерского стрелкового полка за 1918 год.
2. Списка чинов 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка, имеющих право на медаль за поход «Яссы – Дон», составленного в 1919 году.
3. Такого же списка чинов 1-го стрелкового генерала Дроздовского полка, состоявших на лицо в полку летом 1920 года или до того времени убитых в составе названного полка.
4. Ротных списков Сводно-стрелкового полка Отряда русских добровольцев Румынского фронта, составленных по памяти участников похода в 1922 году.

Упомянутый алфавит 1918 года составлен уже после похода в Новочеркасск, так как первоначальный алфавит и списки Сводно-стрелкового полка были утеряны в бою под Ростовом. Поэтому в имеющийся алфавит внесены не все участники похода, а относительно внесенных не всегда даются все нужные сведения, и они требуют поправок и дополнения. Также не полон список лиц, представленных к получению медали за поход в 1919 году. Хотя, по небрежности составителей его, он повторяет по несколько раз одни фамилии, но все же в конечном результате дает сумму живых и умерших участников похода вместе с влившимся на пути отрядом полковника Жебрака всего в 285 человек, тогда как при самом скромном подсчете из Дубоссар вышло без жербаковцев свыше 400 человек в составе лишь одного Сводно-стрелкового полка. Список, составленный в Крыму летом 1920 года, ограничивается лицами, принадлежавшими к составу только 1-го стрелкового генерала Дроздовского полка и поэтому полностью отличаться не может.

Таким образом, наиболее ценными являются списки, составленные оставшимися в живых участниками похода, по памяти восстановивших состав тех рот, с которыми они выступили из Дубос-

сар. Однако чтобы на будущее время не было нареканий на небрежность и пристрастие при составлении настоящего списка, составители его нашли нужным оговорить каждую помещенную здесь фамилию – на основании чего она внесена в список.

Знаком (1) обозначены лица, которые помимо внесения их по памяти их сослуживцами, отмечены в полковом алфавите за 1918 год. Относительно лиц, не опознанных оставшимися участниками похода, но помещенных в списке, в каждом случае делается отдельное подстрочное примечание. Лица, не имеющие никаких отметок – внесены единственно по показаниям сослуживцев. Отметки в графе о времени поступления в отряд сделаны главным образом на основании алфавита за 1918 год, остальные отметки – большей частью по показаниям сослуживцев.

В составлении и проверке списков принимали участие следующие лица:

Штаба полка: полковник <А.К.> Фридман и <П.В.> Колтышев, капитан <Д.П.> Старостин.

оманды службы связи: подполковник <Ф.П.> Бородин.

Музыкантской команды: список составлен еще 1920 году в Крыму.

1-й роты: капитан <Н.П.> Чижов, Куликов, полковник <Н.Н.> Ханыков.

2-й роты: генерал-майоры <А.В.> Туркул и <В.Г.> Харжевский, капитан <П.М.> Трофимов, капитан <С.А.> Холмогоров.

3-й роты: капитаны <Д.П.> Старостин, <П.Г.> Челак, <В.К.> Никольский и <И.В.> Виноградов.

Пулеметной роты: полковник <Н.Н.> Колосовский, подполковник <Н.Ф.> Кулаковский, капитан <Г.Е.> Федоренко.

Список составлен и проверен 1 августа нового стиля 1922 года. В дополнение к нему помещается еще 36 фамилий лиц, не опознанных при последней поверке, но числящихся в полковом алфавите 1918 года.

Алфавитный список господ офицеров и добровольцев Сводно-стрелкового полка Отряда русских добровольцев Румынского фронта, выступивших из Дубоссар

№ п/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	Время поступления в отряд	С какой частью выступил из Дубоссар	В какой должности	Убит	Где находится в настоящее время
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Подпоручик	Фон Адеркас	-	2-я рота	-	-	Ушел из полка в Севлиево
2.	Доброволец	Акатьев Илья Афанасьевич (1)	-	2-я рота	-	<...> декабря 1919 года под Батайском	
3.	Прапорщик	Аксенов	-	1-я рота	-	-	-
4.	Подпоручик	Акуленок Семен Степанович (1)	26 февраля (11 марта)	1-я рота	-	26 октября (9 ноября) 1920 года на Чувашском п.	-
5.	Прапорщик	Александров П.А. (1)	-	3-я рота	Командир 2-го отделения 2-го взвода	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновском	-
6.	Подпоручик	Алексеев Михаил Григорьевич (1)	18 (31) января	2-я рота	-	-	На лицо
7.	Доброволец	Аленушкин Владимир Федотович (1)	11 (24) февраля	2-я рота	-	-	-
8.	Капитан	Андреевский Леонид Иванович (1)	13 (26) января	2-я рота	Командир роты	-	На лицо
9.	Прапорщик	Анненков Борис Павлович (1)	9 (22) февраля	2-я рота	-	-	Без вести пропал в июне 1918 года
10.	Прапорщик	Антонов Алексей	-	3-я рота	-	-	На лицо

1	2	3	4	5	6	7	8
11. Подручник	Лицев Алексей Матвеевич (1)	26 января (8 февраля)	3-я рота	-	-	-	-
12. Поручик	Али Владимир Васильевич (1)	2 (15) февраля	3-я рота	-	-	-	-
13. Доброволец	Арзамов Иван Ефимович	20 января (2 февраля)	Хозяйственная часть	Остался в Крыму при эвакуации в 1920 году	-	-	-
14. Доброволец	Арменко Алексей Михайлович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-	-
15. Доброволец	Асанов Ахмадула С.	11 (24) февраля	2 ротой	-	-	-	-
16. Доброволец	Асланов Иван Савельевич (1)	11 (24) февраля	Пулеметная рота	Бежал	-	-	-
17. Младший унтер-офицер	Асмолов Петр Филиппович (1)	25 января (7 февраля)	2-я рота	Без вести пропал 14 (27) марта 1920 года в Новороссийске	-	-	-
18. Доброволец	Атаманчук Иван	-	Хозяйственная часть	Остался в Крыму при эвакуации в 1920 году	-	-	-
19. Поручик	Афанасьев Александр Ильич (1)	9 (22) января	Пулеметная рота	-	-	-	-
20. Прапорщик	Афанасьев Борис Петрович (1)	4 (17) февраля	2-я рота	На лицо	-	-	-
21. Поручик	Багинов П.И. (1)	-	2-я рота	В техническом полку	-	-	-
22. Штабс-капитан	Бажанов Владимир Петрович (1)	21 января (3 февраля)	2-я рота	Командир отделения 2-го взвода Бахмутом	24 января (6 февраля) 1919 года под Бахмутом	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
23.	Прапорщик	Байтодоров Григорий Христович (1)	17 февраля (2 марта)	2-я рота	-	-	На лицо
24.	Прапорщик	Бакин Михаил Иванович (1)	1 (14) февраля	3-я рота	-	<...> декабря 1919 года	-
25.	Ефрейтор	Балашов Матвей Васильевич (1)	-	3-я рота	-	-	-
26.	Поручик	Барабашкин Виктор Павлович (1)	-	Пулеметная рота	-	-	Бежал из полка в Галлиполи
27.	Поручик	Баранов Тимофей Константинович (1)	28 января (10 февраля)	3-я рота	-	17 (30) сентября 1918 года под Курганной	-
28.	Доброволец	Безлуцкий Петр Иванович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	Умер в госпитале	-
29.	Прапорщик	Безляк Николай Леонтьевич (1)	2 (15) января	1-я рота	-	-	-
30.	Прапорщик	Бердников Лев Иванович (1)	8 (21) января	2-я рота	-	29 октября (12 ноября) 1920 года под Карповой балкой	-
31.	Прапорщик	Бердников Михаил	-	3-я рота	-	-	-
32.	Прапорщик	Березниковский Михаил Иванович (1)	4 (17) января	1-я рота	-	16 (29) июля 1918 года под Кореновской	-

1	2	3	4	5	6	7	8
33.	Младший унтер-офицер	Бешлега Василий Тимофеевич (1)	22 января (4 февраля)	2-я рота	-	-	Ушел на службу на бронепоезд «Вперед за Родину» в 1920 году
34.	Доброволец	Бирюков Марк * (1)	-	-	-	-	Уволен со службы
35.	Ефрейтор	Богданов Исаак Александрович (1)	-	Пулеметная рота	-	В 1920 году под Молоцным	-
36.	Поручик	Бобрицкий Николай Михайлович (1)	-	3-я рота	-	†	-
37.	Прапорщик	Бобров А. Т. (1)	1 (14) января	3-я рота	-	В Крыму в 1920 году в составе инженерной роты Дроздовского дивизиона	-
38.	Доброволец	Бойко А.И.	27 февраля (12 марта)	3-я рота	-	-	Уволился со службы по истечению срока подписки в августе 1918 года
39.	Капитан	Бологовский Дмитрий Борисович (1)	-	2-я рота	-	-	В контрразведке 1-го армейского корпуса
40.	Штабс- капитан	Борисович Семен Михайлович (1)	-	1-я рота	-	28 февраля (13 марта) 1919 года под станцией Доломит	-

* Числится «на лицо» в списке 1919 года

1	2	3	4	5	6	7	8
41.	Прапорщик	Борисов	-	3-я рота	-	29 июля (11 августа) 1918 года под Усть-Лабой	-
42.	Поручик	Бородин Федор Петрович (1)	15 (28) января	Команда связи	Начальник команды связи	-	В Дроздовской инженерной роте
43.	Доброволец	Братков Н. И.	-	2-я рота	-	-	-
44.	Прапорщик	Бржезовский	-	2-я рота	-	-	-
45.	Прапорщик	Бриздис Роберт Давидович (1)	1 (14) февраля	3-я рота	-	-	При эвакуации в 1920 году остался в Константинополе
46.	Прапорщик	Брызгалов Сергей	-	1-я рота	-	-	Убыл в Бразилию из Галлиполи
47.	Прапорщик	Броханов Н. Ф. (1)	12 (25) февраля	1-я рота	-	-	-
48.	Поручик	Будж Алоизий Яковлевич (1)	18 февраля (3 марта)	1-я рота	-	-	Убыл в Латвию из Галлиполи
49.	Поручик	Бунин Николай Васильевич (1)	-	Пулеметная рота	-	-	На лицо
50.	Прапорщик	Букин Евгений Николаевич (1)	-	Пулеметная рота	Фельдфебель роты	†	-
51.	Прапорщик	Букс Фриц Яковлевич (1)	17 (30) января	1-я рота	-	-	-
52.	Старший унтер-офицер	Буксеев Георгий Порфирьевич (1)	-	2-я рота	-	Застрелился 11 (24) июля 1920 года в Молочной	-

1	2	3	4	5	6	7	8
53.	Сестра милосердия	Буланова Мария Федоровна	-	Штаб полка	-	-	Осталась при эвакуации в 1920 году в Константинополе
54.	Прапорщик	Безсонов Александр Петрович (1)	5 (18) февраля	Пулеметная рота	-	-	-
55.	Прапорщик	Булычев Михаил Михайлович (1)	14 (27) января	1-я рота	-	-	-
56.	Доброволец	Бурда	-	1-я рота	-	-	-
57.	Прапорщик	Бухмарев А.А. (1)	17 (30) января	1-я рота	-	-	-
58.	Прапорщик	Беликов А.Т. (1)	-	1-я рота	-	В 1919 году в составе Донской армии	-
59.	Доброволец	Белов Павел Иванович (1)	19 февраля (4 марта)	Пулеметная рота	-	-	Остался в Крыму в 1920 году
60.	Поручик	Белопольский А.Н. (1)	8 (21) января	1-я рота	-	-	-
61.	Подпоручик	Белопольский И.Н. (1)	8 (21) января	1-я рота	-	-	-
62.	Доброволец	Беляев (1)	-	Пулеметная рота	-	-	Остался в Новороссийске в 1920 году
63.	Прапорщик	Вальден В.М. (1)	16 (29) января	2-я рота	-	-	-
64.	Штабс-капитан	Варваровский Николай Мартынович (1)	-	3-я рота	Командир 3-го взвода	-	В офицерской инженерной школе
65.	Прапорщик	Василенко Иван Михайлович (1)	18 (31) января	3-я рота	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
66.	Поручик	Васильев Василий Васильевич (1)	-	3-я рота	Командир 1-го взвода	В 1919 году, осенью в составе 2-го полка; по непроверенным слухам умер от тифа в конце 1919 года	-
67.	Младший унтер-офицер	Ватман Иван Ильич (1)	27 февраля (12 марта)	2-я рота	-	-	-
68.	Старший унтер-офицер	Вашук Алексей Степанович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
69.	Доктор	Введенский Михаил (1)	-	Штаб полка	Полковой врач	22 апреля (5 мая) 1918 года под Ростовом	-
70.	Прапорщик	Введенский Николай Петрович * (1)	-	-	-	†	-
71.	Подпоручик	Вловиченко Фока Иванович (1)	-	3-я рота	-	29 октября (12 ноября) 1920 года под Карповой балкой	-
72.	Поручик	Вейгельт	-	1-я рота	-	-	-
73.	Прапорщик	Велигоненко И.Т. (1)	25 февраля (10 марта)	3-я рота	-	-	На лицо
74.	Доброволец	Великорода Григорий Михайлович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-

* Числится «на лицо» в списке 1919 года и «убит» в списке 1920 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
75.	Поручик	Вербицкий Федор Иванович (1)	19 января (1 февраля)	2-я рота	Командир отделения 3-го взвода	24 января (6 февраля) 1919 года под Бахмутом	-
76.	Доброволец	Бесселовский Григорий Федорович (1)	21 февраля (6 марта)	2-я рота	-	24 января (6 февраля) 1919 года под Бахмутом	-
77.	Прапорщик	Вечерков К.С.	-	2-я рота	-	-	Дезертировал 20 июня (3 июля) 1918 года
78.	Прапорщик	Вивьен де Шатобрен Георгий Иосифович (1)	-	2-я рота	-	В апреле 1919 года под станцией Батманка	-
79.	Поручик	Вилков Сергей Степанович (1)	-	Пулеметная рота	Командир 2-го взвода	-	-
80.	Прапорщик	Виноградов Владимир Иванович (1)	-	1-я рота	-	-	Без вести пропал 13 (26) марта 1920 года в Новороссийске
81.	Прапорщик	Виноградов Иван Васильевич (1)	26 января (8 февраля)	3-я рота	-	-	На лицо
82.	Поручик	Виткевич Евгений Игнатьевич (1)	21 января (3 февраля)	1-я рота	-	В Крыму в 1920 году	-
83.	Прапорщик	Болков Виктор Александрович (1)	13 (26) февраля	1-я рота	-	-	-
84.	Писарь	Болодин	-	Хозяйственная часть	-	-	Эвакуирован в 1920 году из Новороссийска в Египет

1	2	3	4	5	6	7	8
85.	Прапорщик	Волощенко	-	1-я рота	-	-	-
86.	Подпоручик	Вольский (1)	-	2-я рота	-	1 (14) июля 1918 года под Тихорецкой	-
87.	Старший унтер-офицер	Воробьев	-	Команда связи	-	-	-
88.	Прапорщик	Воробьев Иван Иванович * (1)	9 (22) января	-	-	-	-
89.	Доброволец	Вошкин Яков Ефимович ** (1)	-	-	-	-	-
90.	Прапорщик	Вшивцев Алексей А. (1)	16 (29) января	3 ротой	-	†	-
91.	Штабс-капитан	Ветров Николай Петрович (1)	18 февраля (3 марта)	1-я рота	-	В октябре 1918 года под Ставрополем	-
92.	Штабс-капитан	Гакичко Всеволод Михайлович (1)	21 января (3 февраля)	2-я рота	-	-	На лицо
93.	Доброволец	Герасимов Иван Демидович *** (1)	-	-	-	-	-
94.	Штабс-капитан	Герасимович Валериан Фадеевич (1)	-	Пулеметная рота	Командир 4-го взвода	Умер в Галипполи в 1921 году	-
95.	Ефрейтор	Главацкий Федор Николаевич (1)	-	2-я рота	-	-	-

* Числится «на лицо» в списке 1919 года и «убит» в списке 1920 года.

** Числится «на лицо» в списке 1919 года.

*** Числится в списках 1919 года «на лицо».

1	2	3	4	5	6	7	8
106.	Штабс-капитан	Гранитов Евгений Иванович (1)	12 (25) января	1-я рота	Командир 3-го взвода	Умер от ран 21 сентября (4 октября) 1918 года в Екатеринодаре	-
107.	Прапорщик	Гребенкин Герман Васильевич (1)	-	3-я рота	-	31 июля (13 августа) 1920 года под Гейдельбергом	-
108.	Подпоручик	Гржибовский Д.А. (1)	5 (18) февраля	1-я рота	-	-	-
109.	Поручик	Григорьев Георгий Константинович (1)	-	Пулеметная рота	-	В феврале 1920 года под Гниловской	-
110.	Прапорщик	Грозных	-	1-я рота	-	-	-
111.	Поручик	Грошев Н.С. (1)	9 (22) февраля	1-я рота	-	-	-
112.	Поручик	Гуличев	-	1-я рота	-	1 (14) июля 1918 года под Тыхорецкой	-
113.	Подпоручик	Гусиков Михаил Николаевич (1)	-	Пулеметная рота	-	-	-
114.	Поручик	Давидик Александр Бонифатьевич (1)	2 (15) марта	Пулеметная рота	-	-	На липо

1	2	3	4	5	6	7	8
115.	Подпоручик	Далечин* (1)	-	-	-	В октябре 1918 года под Ставрополем (зарублен)	-
116.	Подпоручик	Данкер* (1)	-	2-я рота	-	-	Убыл в 1918 году в Астраханскую армию (самовольно)
117.	Штабс-капитан	Даннбаум Александр Константинович (1)	-	2-я рота	-	29 июля (11 августа) 1918 года под Усть-Лабой	-
118.	Младший унтер-офицер	Дегтярев Адриан Николаевич (1)	15 (28) февраля	Музыканская команда	-	-	-
119.	Подпоручик	Демарчик (1)	-	1-я рота	-	-	-
120.	Прапорщик	Дементьев Михаил (1)	6 (19) февраля	1-я рота	-	-	-
121.	Прапорщик	Дзеконский Владимир Антонович (1)	6 (19) февраля	2-я рота	-	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской В Горловке	-
122.	Младший унтер-офицер	Дивенко Дмитрий Г. (1)	10 (23) февраля	2-я рота	-	-	-
123.	Штабс-капитан	Дикарев П.М. (1)	16 (29) января	1-я рота	Командир 2-го отделения 3-го взвода	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-

* Подпоручик Далечин и Данкер были удостоены как участники похода при проверке списков 1 августа нового стиля 1922 году, но не выяснено, в составе какой роты они выступили из Дубоссар.

1	2	3	4	5	6	7	8
124.	Поручик	Димитраш Мелентий Павлович (1)	20 февраля (5 марта)	2-я рота	Командир пулеметного взвода	24 января (6 февраля) 1919 года под Бахмутом	-
125.	Поручик	Дмитриев А.И. (1)	9 (22) января	1-я рота	-	20 июня (3 июля) 1918 года под Песчаноконской	-
126.	Прапорщик	Дмитриев	-	2-я рота	-	В марте 1918 года во время разведки на походе у Берислава	-
127.	Прапорщик	Добрынин Павел Николаевич (1)	10 (23) февраля	2-я рота	-	-	На лицо
128.	Прапорщик	Досужков Николай Алексеевич (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	Командир 1-го отделения пулеметного взвода	-	На лицо
129.	Доброволец	Дротьев	-	Команда связи	-	-	-
130.	Прапорщик	Дражаков Александр Матвеевич (1)	23 января (5 февраля)	2-я рота	-	-	На лицо
131.	Подпоручик	Дубейгис Николай Антонович (1)	4 (17) февраля	2-я рота	-	-	На лицо
132.	Прапорщик	Дубец Давид Филиппович	-	1-я рота	-	-	На лицо
133.	Прапорщик	Дунаев Николай Антонович (1)	28 февраля (13 марта)	3-я рота	-	-	На лицо
134.	Старший унтер-офицер	Евдокимов Павел Александрович (1)	6 (19) февраля	2-я рота	Ротный фельдшер	В 1918 году кончил жизнь самоубийством в Екатеринодаре	-

1	2	3	4	5	6	7	8
135.	Прапорщик	Еременко Арсений Васильевич (1)	2 (15) февраля	2-я рота	-	-	В Галлиполи
136.	Прапорщик	Евгеев	-	3-я рота	-	22 апреля (5 мая) 1918 года под Ростовом	-
137.	Прапорщик	Егоркин Павел Семенович (1)	1 (14) января	1-я рота	-	-	В Галлиполи убыл в беженцы
138.	Поручик	Егоров К.Ф.	-	2-я рота	-	-	-
139.	Прапорщик	Егоров Николай	-	1-я рота	-	-	В Галлиполи убыл в беженцы
140.	Доброволец	Егоров С.В. (1)	21 января (4 февраля)	2-я рота	-	†	-
141.	Прапорщик	Емцов Иван Семенович (1)	1 (14) февраля	3-я рота	-	-	-
142.	Прапорщик	Еранцев Константин Васильевич (1)	7 (20) февраля	3-я рота	-	-	В Марковском пехотном полку
143.	Прапорщик	Еремеев Михаил Васильевич (1)	-	1-я рота	-	-	В Галлиполи убыл в беженцы
144.	Старший унтер-офицер	Ермолаев Михаил Степанович (1)	-	Пулеметная рота	-	-	Во время отступления на Кубани остался в станции Минской (1919 год)
145.	Прапорщик	Жеймс Иосиф Иосифович (1)	6 (19) января	2-я рота	-	†	-
146.	Священник	Желбаков о. Кирилл (1)	-	Штаб полка	Полковой священник	-	Ушел во 2-й конный полк в 1918 году

1	2	3	4	5	6	7	8
147.	Подпоручик	Живилев А.А. (1)	10 (23) февраля	1-я рота	-	†	-
148.	Прапорщик	Жуков	-	Пулеметная рота	-	-	-
149.	Чин. в врем.	Заборский (1)	-	Штаб полка	-	-	-
150.	Прапорщик	Заботкин Александр Иванович (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	-	-	В Польше
151.	Прапорщик	Завадский (Краснопольский) П. (1)	15 (28) февраля	Команда связи	-	-	Дроздовская инженерная рота
152.	Прапорщик	Зануци Борис Александрович (1)	-	2-я рота	-	31 октября (13 ноября) 1918 года под Ставрополем	-
153.	Доброволец	Захаров	-	Штаб полка	Вестовой капитана Колтышева	-	-
154.	Поручик	Зверев Александр Михайлович (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	-	†	-
155.	Прапорщик	Зехов Федор Андреевич (1)	28 января (10 февраля)	3-я рота	-	Октябрь 1918 года под Ставрополем	-
156.	Прапорщик	Золотарев Константин	-	3-я рота	-	-	-
157.	Подпоручик	Золотарев Павел Семенович (1)	-	1-я рота	-	-	На лицо
158.	Подпоручик	Знаменский Сергей Иванович (1)	25 января (7 февраля)	Команда связи	Командир отделения	-	-
159.	Поручик	Зыков Николай Дмитриевич (1)	10 (23) февраля	2-я рота	-	-	Эвакуирован из Новороссийска на Кипр в 1920 году

1	2	3	4	5	6	7	8
160.	Прапорщик Иванов		-	3-я рота	-	-	Уволился со службы в 1918 году
161.	Поручик Иванов Федор Александрович (1)	18 (31) января		2-я рота	-	-	-
162.	Доброволец Иванов		-	3-я рота	-	-	Уволился со службы в 1918 году
163.	Доброволец Иванов Петр Иванович *		-	-	-	-	-
164.	Прапорщик Игнатович		-	1-я рота	-	1 (14) января 1919 года под Розовкой	-
165.	Доброволец Игнатьев Федор		-	Хозяйственная часть	-	-	Остался в Крыму при эвакуации в 1920 году
166.	Подпоручик Избаш Николай Всеволодович (1)	12 (25) января		2-я рота	-	26 октября (8 ноября) 1918 года под Ставрополем	-
167.	Ефрейтор Ильин Владимир Георгиевич ** (1)	17 (30) января		-	-	-	-
168.	Подпоручик Ильяшенко		-	3-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-

* Был «на лицо» в Крыму (Колжамбак, май 1920 года) в хозяйственной части.

** Числится «на лицо» в списках 1919 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
169.	Доброволец	Кабир-Каримов	-	Штаб полка	-	-	Перешел на службу в лазарет города Тьрноу
170.	Прапорщик	Кабчиевский Е. В. (1)	26 февраля (11 марта)	3-я рота	-	-	-
171.	Капитан	Кавтардзе (1)	-	2-я рота	-	Расстрелян в Тифлисе в 1919 году	-
172.	Ефрейтор	Кабров И. Я. (1)	2 (15) марта	2-я рота	-	Под Сумами	-
173.	Подпоручик	Казачков	-	1-я рота	-	-	-
174.	Поручик	Калишевич Александр Семенович (1)	-	3-я рота	Командир 2-го взвода	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской	-
175.	Доброволец	Каменев Василий Андреевич (1)	-	-	-	-	-
176.	Фельдфебель	Камеристый Н. Е.	-	2-я рота	-	-	Уехал в отпуск в 1919 году и в полк не возвращался
177.	Штабс-капитан	Каплин Константин Павлович	-	1-я рота	Командир 2-го отделения 2-го взвода	Умер от сыпного тифа в феврале 1919 года в Екатеринодаре	-
178.	Ефрейтор	Караганов Михаил Тимофеевич (1)	-	-	-	†	-
179.	Штабс-капитан	Карманов Георгий Сергеевич (1)	2 (15) февраля	3-я рота	-	В октябре 1918 года под Ставрополем	-
180.	Капитан	Карпов Борис Иванович (1)	18 февраля (3 марта)	Пулеметная рота	-	†	-

1	2	3	4	5	6	7	8
181.	Прапорщик	Карлов Василий	-	3-я рота	-	†	-
182.	Подпоручик	Каспаревич Евстафий А. (1)	5 (18) февраля	3-я рота	-	-	-
183.	Штабс-капитан	Касьянов С.М. (1)	4 (17) января	1-я рота	Командир 2-го взвода	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
184.	Младший унтер-офицер	Качалов Андрей Павлович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
185.	Подпоручик	Качанов Иван Иванович (1)	-	3-я рота	-	В 1919 году	-
186.	Поручик	Квасников Александр Петрович (1)	11 (24) января	1-я рота	-	-	На лицо
187.	Доброволец	Кейсберг Эрнст Петрович (1)	30 декабря 1917 года (12 января 1918 года)	3-я рота	-	-	В Константинополе
188.	Прапорщик	Киселев	-	Пулеметная рота	-	-	-
189.	Прапорщик	Кирианов Константин Александрович (1)	17 (30) января	1-я рота	-	-	На лицо
190.	Штабс-капитан	Китаря-Китарюглу Хрис. Герас. (1)	-	2-я рота	Командир отделения 2-го взвода	24 января (6 февраля) 1919 года под Бахмутом	-
191.	Младший унтер-офицер	Клембовский Михаил Антонович (1)	2 (15) февраля	Пулеметная рота	-	-	-
192.	Прапорщик	Книга Виктор Константинович (1)	21 февраля (6 марта)	1-я рота	-	3 (16) декабря 1919 года под станцией Борки	-

1	2	3	4	5	6	7	8
193. Прапорщик		Кобылин	-	1-я рота	-	-	-
194. Доктор		Коваленко Евгений Васильевич	-	Штаб полка	Младший врач	-	Остался в Крыму при эвакуации в 1920 году
195. Старший унтер-офицер		Ковлер Иона (1)	19 февраля (4 марта)	Пулеметная рота	-	-	Попал в плен в ноябре 1919 года под Рогозянкой
196. Подпоручик		Кожухарев Леонид Ефимович (1)	-	2-я рота	-	29 октября (11 ноября) 1918 года под Ставрополем	-
197. Прапорщик		Козин Г.М. (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	-	15 (28) июня 1918 года под Великокняжеской	-
198. Прапорщик		Козловский Иван Васильевич (1)	-	3-я рота	-	-	Без вести пропал в бою под Ростовом 22 апреля (5 мая) 1918 года
199. Прапорщик		Козлов Константин Иванович (1)	5 (18) февраля	2-я рота	-	†	-
200. Подпоручик		Козырев Николай Ефимович (1)	15 (28) января	3-я рота	-	Умер от ран осенью 1919 года в Харькове	-
201. Капитан		Колосовский Николай Николаевич (1)	-	Пулеметная рота	-	-	На лицо
202. Прапорщик		Колосов Алексей	-	3-я рота	-	†	-
203. Капитан		Колтышев Петр Владимирович (1)	-	Штаб полка	Оперативный адъютант	-	На лицо
204. Прапорщик		Колупаев Александр Михайлович (1)	-	2-я рота	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
205.	Прапорщик	Колычев Владимир Николаевич (1)	5 (18) февраля	Пулеметная рота	-	-	-
206.	Прапорщик	Кольский Павел	-	1-я рота	-	18 сентября (1 октября) 1918 года под Михайловкой	-
207.	Младший унтер-офицер	Кондратов Петр Демьянович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
208.	Доброволец	Кондря	-	3-я рота	-	-	-
209.	Доброволец	Константинович	-	2-я рота	-	22 апреля (5 мая) 1918 года под Ростовом	-
210.	Прапорщик	Коровин Николай Васильевич (1)	5 (18) января	2-я рота	-	-	Эвакуировался из Галлиполи как инвалид
211.	Прапорщик	Королев Павел Прокофьевич (1)	11 (24) января	1-я рота	-	-	Бежал из полка в Галлиполи
212.	Старший унтер-офицер	Корюхов Николай Евграфович *	-	-	-	-	Остался на Кубани во время отступления в 1920 году
213.	Титулярный советник	Котов Сергей Николаевич (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	Полковой капальмейстер	-	Ушел из полка в Севлиево в 1922 году
214.	Прапорщик	Кравцов Василий Евтхивич (1)	9 (22) января	1-я рота	-	25 мая 1920 года под Первоконстантинской	-

* Числится «на лицо» в списках 1919 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
215.	Подпоручик	Крапивин Александр Николаевич (1)	24 января (6 февраля)	3-я рота	-	В Краму, осенью 1920 года	-
216.	Прапорщик	Кривошеин Дмитрий Иванович (1)	24 февраля (9 марта)	3-я рота	-	-	-
217.	Прапорщик	Кропачев Герман Андреевич (1)	-	1-я рота	-	-	В Алексеевском пехотном полку (разжалован)
218.	Прапорщик	Кубасов Анатолий Порфирьевич (1)	25 января (7 февраля)	3-я рота	-	-	Остался в Екатеринодаре в 1920 году
219.	Ефрейтор	Кублицкий Василий Филиппович (1)	19 февраля (4 марта)	Пулеметная рота	-	-	-
220.	Прапорщик	Кудрин П.А.*	-	-	-	-	Разжалован в Галлиполи в 1921 году
221.	Подпоручик	Кудрявцев Иван Владимирович (1)	17 (30) января	1-я рота	Командир 1-го отделения 2-го взвода	25 мая (7 июня) 1920 года под Первоконстантинской	-
222.	Прапорщик	Кудрявцев Иван Дмитриевич (1)	14 (27) февраля	3-я рота	-	†	-
223.	Поручик	Кудряшев <Ипполит Александрович> (1)	-	2-я рота	-	-	В Дроздовском артиллерийском дивизионе
224.	Штабс-капитан	Кужелев Всеволод Александрович (1)	-	3-я рота	-	-	-

* Был «на лицо» в полку в Галлиполи в 1921 году.

1	2	3	4	5	6	7	8
225. Прапорщик	Кузькоков Александр А. (1)	3 (16) января	1-я рота	-	-	После ранения 19 июня (2 июля) 1918 года под Николаевской в полк не возвращался	
226. Доброволец	Кузнецов Иван Григорьевич (1)	25 января (7 февраля)	Пулеметная рота	-	-	-	
227. Прапорщик	Кузнецов Иван Федорович (1)	25 января (7 февраля)	3-я рота	-	-	На лицо	
228. Поручик	Кулаковский Николай Федорович	-	Пулеметная рота	-	-	На лицо	
229. Прапорщик	Кушелев Алексей Павлович	13 (26) января	3-я рота	-	-	В Крыму в 1920 году	
230. Прапорщик	Куликов Александр Григорьевич (1)	-	1-я рота	-	-	На лицо	
231. Подполковник	Кунцман	-	3-я рота	Командир 3-й роты	-	Убыл из полка в апреле 1918 г.	
232. Прапорщик	Курчевский Болеслав Константинович (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	-	-	В Польше	
233. Прапорщик	Лабанов А.О.	-	-	-	-	-	
234. Поручик	Лазуткин Георгий Иванович (1)	1 (14) февраля	Пулеметная рота	-	-	На лицо	
235. Штабс-капитан	Лебедев Алексей Петрович (1)	10 (23) февраля	2-я рота	Командир 3-го взвода	29 октября (11 ноября) 1918 года под Ставрополем	-	

1	2	3	4	5	6	7	8
236.	Подпоручик	Леонов Евгений А. (1)	29 января (11 февраля)	3-я рота	-	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской	-
237.	Доброволец	Леонтьев	-	Пулеметная рота	-	-	-
238.	Штабс-капитан	Линстром Леонид Константинович (1)	19 января (1 февраля)	1-я рота	Командир 1-го отделения 3-го взвода	-	В резерве штаб-офицеров 1-го армейского корпуса
239.	Прапорщик	Линьков Иван Кузьмич (1)	25 января (7 февраля)	3-я рота	-	-	Бежал из полка в Севлиево в 1922 году
240.	Штабс-капитан	Лозовской Э.А. (1)	21 февраля (6 марта)	2-я рота	-	-	Уехал в отпуск 24 июня (7 июля) 1918 года и в полк не возвращался
241.	Прапорщик	Ломан А.М. (1)	2 (15) февраля	3-я рота	-	-	В Египте
242.	Прапорщик	Лопатин Дмитрий Семенович (1)	24 января (6 февраля)	3-я рота	-	-	Остался в 1920 году на Куба- ни будучи болен сыпным тифом
243.	Прапорщик	Лопырев Александр Павлович *	-	-	-	-	-
244.	Прапорщик	Лукин Иван Иванович (1)	-	Пулеметная рота	-	-	-

* Был «на лицо» в полку в Крыму (май 1920 года).

1	2	3	4	5	6	7	8
245.	Поручик	Лушкарев Дмитрий Константинович (1)	5 (18) февраля	1-я рота	-	-	Будучи болен сыпным тифом остался в Новороссийске в 1920 году
246.	Штабс-капитан	Лютик Иван Иванович (1)	14 (27) февраля	1-я рота	-	-	В резерве штаб-офицеров 1-го армейского корпуса
247.	Доброволец	Ляпин	-	Штаб полка	-	-	-
248.	Штабс-капитан	Ляхницкий Всеволод Николаевич	-	Пулеметная рота	Командир 1-го взвода	Умер от ран, полученных 23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
249.	Поручик	Мазурек Владимир Лаврентьевич (1)	4 (17) февраля	2-я рота	-	11 (24) октября 1918 года под Новокатериновкой	-
250.	Подпоручик	Мазуркевич	-	2-я рота	-	-	-
251.	Прапорщик	Макаренко	-	1-я рота	-	-	-
252.	Прапорщик	Макаров Яков Логвинович (1)	19 января (1 февраля)	Команда связи	-	-	-
253.	Полковник	Максимов	-	-	Командир 2-го батальона	-	-
254.	Поручик	Макс	-	Пулеметная рота	-	-	-
255.	Штабс-капитан	Максеев Александр Сергеевич (1)	-	2-я рота	Командир отделения 3-го взвода	-	На лицо

1	2	3	4	5	6	7	8
256.	Подпоручик	Малахов (1)	10 (23) февраля	Команда связи	Командир отделения	-	-
257.	Подпоручик	Малиновский	-	3-я рота	-	22 апреля (5 мая) 1918 года под Ростовом	-
258.	Подпоручик	Малышин Стефан Христофорович (1)	20 января (2 февраля)	2-я рота	Командир отделения 1-го взвода	В 1919 году под станцией Доломит	-
259.	Поручик	Малых Иван Никифорович (1)	20 января (2 февраля)	1-я рота	-	-	На лицо
260.	Прапорщик	Маляревский М.П. (1)	1 (14) января	2-я рота	-	-	-
261.	Капитан	Манштейн Владимир Владимирович (1)	21 февраля (6 марта)	1-я рота	-	-	На лицо
262.	Доброволец	Марков Александр Афанасьевич (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
263.	Прапорщик	Марков Евгений Николаевич (1)	16 февраля (1 марта)	1-я рота	-	-	На лицо
264.	Подпоручик	Мацукевич Викентий Иванович (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	-	-	-
265.	Подпоручик	Мацько Василий Георгиевич (1)	16 февраля (1 марта)	2-я рота	-	Убит махновцами в 1919 году при следовании в Крым с эшелоном 2-го полка	-
266.	Штабс-капитан	Медведев Александр Николаевич (1)	16 (29) января	1-я рота	-	-	В Галлиполи
267.	Прапорщик	Медведев Георгий Иванович (1)	-	Хозяйственная часть	-	-	В плену у красных

1	2	3	4	5	6	7	8
268.	Прапорщик	Медведев М.Ф. (1)	2 (15) января	2-я рота	-	-	-
269.	Прапорщик	Мельников Николай Иванович (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	-	-	-
270.	Фельдфебель	Мессинский А.А. (1)	21 января (3 февраля)	2-я рота	-	Умер на станции Тихорецкой от ран, полученных 29 июня (12 июля) 1918 года	-
271.	Ефрейтор	Мизин Михаил Федорович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
272.	Прапорщик	Минервин Николай Николаевич (1)	5 (18) февраля	Пулеметная рота	-	В сентябре 1918 года под Гулькевичами	-
273.	Подпоручик	Митг	-	2-я рота	-	†	-
274.	Подпоручик	Мищенко Борис Ильич (1)	17 (30) января	1-я рота	-	30 октября (12 ноября) 1919 года под Дмитриевым	-
275.	Прапорщик	Молников Владимир Иванович (1)	2 (15) марта	3-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
276.	Прапорщик	Можерин В.И. (1)	24 января (6 февраля)	Пулеметная рота	-	-	-
277.	Доброволец	Мосеев Максим Сергеевич (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
278.	Прапорщик	Муравьев Федор Алексеевич (1)	25 декабря 1917 года (7 января 1918 года)	Хозяйственная часть	-	-	Уволился из полка по суду чести

1	2	3	4	5	6	7	8
279.	Прагорицк	Муралко Иван Алексеевич (1)	5 (18) февраля	3-я рота	-	29 июля (11 августа) 1918 года под Усть-Лабинской	-
280.	Поручик	Навалихин Александр Михайлович (1)	9 (22) января	1-я рота	-	-	В Галлиполи, убит в беженцы
281.	Доброволец	Навроцкий	-	Пулеметная рота	-	-	-
282.	Младший унтер-офицер	Нагибин Сафрон Иванович * (1)	-	-	-	-	-
283.	Прагорицк	Нелюбин Д.Ф.	-	3-я рота	-	-	В управлении Штаба корпуса
284.	Подпоручик	Нефедьев А.С. (1)	9 (22) февраля	2-я рота	Командир отделения 1-го взвода	19 июня (2 июля) 1918 года под Николаевкой	-
285.	Подпоручик	Никитин Владимир А. (1)	12 (25) февраля	3-я рота	-	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской (застрелен)	-
286.	Подпоручик	Никитин Михаил Прокофьевич (1)	10 (23) февраля	2-я рота	-	В октябре 1918 года под Ставрополем	-
287.	Прагорицк	Никольский Василий Константинович (1)	23 января (5 февраля)	3-я рота	-	-	На лицо

* Числится «на лицо» в списках 1919 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
288.	Поручик	Никонов	-	2-я рота	-	22 апреля (5 мая) 1918 года под Ростовом	-
289.	Поручик	Никонов Михаил Владимирович (1)	3 (15) февраля	Пулеметная рота	-	-	-
290.	Подпоручик	Николин Александр Александрович (1)	1 (14) января	1-я рота	-	В феврале 1919 года	-
291.	Капитан	Нилов <Сергей Родионович>	<декабрь 1917 года>	2-я рота	-	-	В Дроздовском артиллерийском дивизионе
292.	Кадет	Новицкий Николай <Евгеньевич> (1)	-	Штаб полка	Ординарец генерала <В.В > Семенова	-	В офицерской инженерной школе
293	Прапорщик	Носович Евгений Силуанович (1)	16 февраля (1 марта)	2-я рота	-	-	Убыл в Крыму в инженерные войска (1920 год)
294	Прапорщик	Овчинников Михаил Алексеевич (1)	2 (15) февраля	3-я рота	-	-	-
295.	Подпоручик	Одноволдов Л.С	-	2-я рота	-	†	-
296.	Поручик	Олетов	-	2-я рота	-	11 (24) октября 1918 года под Новокатериновкой	-
297.	Подпоручик	Орлов	-	2-я рота	-	В июле 1920 года	-
298.	Прапорщик	Осипов Степан Григорьевич (1)	8 (21) февраля	3-я рота	-	-	Бежал из полка в Севлиево

1	2	3	4	5	6	7	8
299.	Доброволец	Османец И.	-	3-я рота	-	-	На лицо
300.	Доброволец	Остапенко Андрей Владимирович * (1)	-	-	-	-	-
301.	Прапорщик	Палин Ю.С. (1)	9 (22) января	1-я рота	-	18 сентября (1 октября) 1919 года под Михайловкой	-
302.	Доброволец	Пастухов (1)	4 (17) марта	3-я рота	-	-	-
303.	Ефрейтор	Патугин Тихон Никитович (1)	2 (15) марта	2-я рота	-	-	На лицо
304.	Подпоручик	Пермяков П.А. (1)	20 февраля (5 марта)	1-я рота	-	-	-
305.	Штабс-капитан	Петров Александр Николаевич (1)	10 (23) февраля	1-я рота	-	-	-
306.	Поручик	Петров А.Н.	-	2-я рота	-	-	-
307.	Младший унтер-офицер	Петров М.Г. (1)	21 февраля (6 марта)	2-я рота	-	-	-
308.	Поручик	Петров Сергей Александрович (1)	27 января (9 февраля)	3-я рота	Командир 1-го отделения 1-го взвода	В 1919 году под станцией Воты	-
309.	Прапорщик	Петров Сергей Петрович (1)	-	Пулеметная рота	-	-	-
310.	Поручик	Петроглавловский Андрей Владимирович (1)	15 (28) февраля	3-я рота	Командир пулеметного взвода 3-й роты	-	Будучи болен сыпным тифом остался на Кубани в 1920 году

* Числится «на лицо» в списках 1919 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
311.	Доброволец	Петрусевич Владимир Михайлович * (1)	19 февраля (4 марта)	-	-	-	-
312.	Подпоручик	Пикин Константин Николаевич (1)	10 (23) февраля	3-я рота	Командир 2-го отделения пулеметного взвода	-	В Марковском пехотном полку
313.	Подпоручик	Писарев Николай Евгеньевич (1)	8 (21) января	1-я рота	-	-	Будучи болен сыпным тифом остался в Новороссийске в 1920 году
314.	Доброволец	Письмеров	-	Хозяйственная часть	-	-	Остался в Новороссийске в 1920 году
315.	Старший унтер-офицер	Подгорный Иван Иванович (1)	19 февраля (4 марта)	Пулеметная рота	-	-	Остался на Кубани в 1920 году
316.	Прапорщик	Подобедов Павел Павлович (1)	-	3-я рота	-	-	Остался в Севастополе в 1920 году
317.	Штабс-капитан	Пожидаев Алексей Кириллович (1)	-	3-я рота	-	-	В Тырново
318.	Прапорщик	Поздин	-	1-я рота	-	-	-
319.	Доброволец	Поздняков Михаил	-	Хозяйственная часть	-	-	Умер от тифа на станции Новая Бавария в 1919 году

* Числится «на лицо» в списках 1919 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
320. Прапорщик	Покрышкин Сергей (1)	-	3-я рота	-	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской	-	-
321. Подпоручик	Политко А.В. (1)	7 (20) февраля	2-я рота	Командир отделения 1-го взвода	-	-	-
322. Подпоручик	Политов Федор Александрович (1)	17 февраля (2 марта)	1-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-	-
323. Подпоручик	Поляков Т.А. (1)	20 января (2 февраля)	3-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-	-
324. Поручик	Пониковский Ф.А. (1)	28 января (10 февраля)	3-я рота	Командир 2-го отделения 1-го взвода	+	-	-
325. Прапорщик	Пуффаль А.Ю. (1)	-	3-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-	-
326. Подпоручик	Пономарев (1)	2 (15) февраля	Команда связи	Помощник начальника команды	-	-	-
327. Прапорщик	Попович Никанор Васильевич (1)	21 января (3 февраля)	3-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-	-
328. Прапорщик	Попов Геннадий Алексеевич (1)	-	Пулеметная рота	-	29 октября (11 ноября) 1918 года под Ставрополем	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
329.	Штабс-капитан	Попов Матвей Иванович (1)	9 (22) января	1-я рота	Командир 2-го отделения 1-го взвода	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
330.	Прапорщик	Порошин Анатолий (1)	9 (22) февраля	3-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
331.	Прапорщик	Постников В.В. (1)	16 (29) января	3-я рота	-	-	-
332.	Подполковник	Почкаев Лев Николаевич (1)	-	-	Командир 1-го батальона	-	-
333.	Прапорщик	Прогосов Сергей Данилович (1)	21 января (3 февраля)	3-я рота	-	-	В Сербии
334.	Прапорщик	Прелов А.И. (1)	24 января (6 февраля)	3-я рота	-	-	-
335.	Прапорщик	Пчельников Петр Иванович (1)	19 января (1 февраля)	2-я рота	-	-	В Гвардейском батальоне (разжалован)
336.	Прапорщик	Ровак П.Я. *	-	-	-	-	-
337.	Прапорщик	Раевский < Николай Алексеевич >	-	1-я рота	-	-	-
338.	Доброволец	Райлин Михаил Иванович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
339.	Штабс-капитан	Ракитин	-	1-я рота	-	-	-
340.	Прапорщик	Рагнов	-	Пулеметная рота	-	-	-

* Был «налицо» в Галипполи в 1921 году.

1	2	3	4	5	6	7	8
341.	Поручик	Рауткин Михаил Григорьевич (1)	25 января (7 февраля)	2-я рота	Командир 1-го взвода	29 октября (11 ноября) 1918 года под Ставрополем	—
342.	Прапорщик	Робу Стефан Федорович (1)	7 (20) февраля	2-я рота	—	†	—
343.	Доброволец	Рогуленко Григорий Федорович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	—	—	—
344.	Прапорщик	Родченко Александр Федорович (1)	—	1-я рота	—	В марте 1920 года под Поговчесской	—
345.	Прапорщик	Рождественский П.Ф. (1)	16 февраля (1 марта)	3-я рота	—	В октябре 1918 года под Ставрополем	—
346.	Штабс-капитан	Ройбул-Вакарэ Михаил Вениаминович (1)	10 (23) января	1-я рота	Фельдфебель 1-й роты	—	На лицо
347.	Прапорщик	Романско Николай Андреевич (1)	—	2-я рота	—	Умер от тифа в конце октября 1918 года	—
348.	Поручик	Рубчев	—	Пулеметная рота	—	—	—
349.	Поручик	Румельский Николай Федорович (1)	26 января (8 февраля)	3-я рота	Командир 1-го отделения 3-го взвода	—	В Галлиполи ушел в беженцы
350.	Подполковник	Руммель Владимир Адольфович (1)	11 (24) февраля	1-я рота	Командир 1-й роты	Умер от сыпного тифа 9 (21) февраля 1920 года в Новороссийске	—
351.	Доброволец	Русов	—	3-я рота	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8
352.	Доброволец	Рухмалев Александр Артемьевич (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
353.	Поручик	Рябинин Н.П. (1)	13 (26) января	3-я рота	Офицер-ординарец при командире 2-го батальона	-	-
354.	Младший унтер-офицер	Рязанов	-	Хозяйственная часть	-	-	Остался в Крыму при эвакуации в 1920 году
355.	Доброволец	Савва Аввакум Иосифович (1)	-	Штаб полка	Вестовой полковника Фридмана	-	Остался в Крыму при эвакуации в 1920 году
356.	Прапорщик	Савинов Петр Алексеевич (1)	19 января (1 февраля)	3-я рота	-	-	-
357.	Подпоручик	Савин Александр Ильич (1)	8 (21) февраля	2-я рота	-	-	На лицо
358.	Доброволец	Савин Кузьма Иванович (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	-	-
359.	Чиновник военного времени	Савицкий	-	Хозяйственная часть	Делопроизводство	-	Бежал во время похода из Владимировки
360.	Младший унтер-офицер	Садович Валериан Илларионович (1)	21 февраля (6 марта)	2-я рота	-	-	Уехал в Бессарабию из Севлиева в 1922 году
361.	Прапорщик	Сандалов Е.С. (1)	8 (21) января	1-я рота	-	-	Без вести пропал
362.	Доброволец	Секачев Игнат Евдокимович (1)	19 февраля (4 марта)	Пулеметная рота	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
363.	Подпоручик	Семачкин Федор (1)	19 февраля (4 марта)	Пулеметная рота	-	-	Без вести пропал
364.	Прапорщик	Семененко П.Д. (1)	5 (18) января	1-я рота	-	†	-
365.	Генерал-майор	Семенов Валериан <В.>	-	Штаб полка	Командир полка	-	Убыл из отряда после Ростова в апреле 1918 года
366.	Прапорщик	Семенов Илларион Илларионович (1)	-	3-я рота	-	-	-
367.	Доброволец	Сенкевич Иван * (1)	1 (14) февраля	2-я рота	-	-	-
368.	Подпоручик	Сергеев	-	2-я рота	-	-	-
369.	Подпоручик	Сергиенко	-	2-я рота	-	-	Ушел на службу на бронепоезд
370.	Прапорщик	Серебряков Георгий Александрович (1)	13 (26) января	2-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
371.	Поручик	Сидоренко Георгий Сергеевич (1)	-	Пулеметная рота	-	-	-
372.	Старший унтер-офицер	Синюткин Владимир Михайлович (1)	-	2-я рота	-	†	-
373.	Поручик	Скворцов Алексей Сергеевич (1)	1 (14) января	1-я рота	Командир 1-го отделения 1-го взвода	6 (19) февраля 1919 года под Кузнецовкой	-
374.	Поручик	Скородумов Василий Арсеньевич (1)	3 (17) января	1-я рота	-	-	На лицо

* При проверке списков 1 августа нового стиля 1922 года удостоверен как участник похода, служивший впоследствии в 4-й роте. Не выяснено, в составе какой роты он вышел из Дубоссар.

1	2	3	4	5	6	7	8
375.	Доктор	Скуя	-	Штаб полка	Младший врач	-	-
376.	Штабс-капитан	Смирнов Сергей Сергеевич (1)	-	2-я рота	-	1 (14) июля 1918 года под Тихорецкой	-
377.	Поручик	Соболев Иван Апполонович (1)	8 (21) февраля	2-я рота	-	†	-
378.	Прапорщик	Соколовский Анатолий Владимирович (1)	-	2-я рота	-	-	Бежал на походе из Нового Буга
379.	Вольноопределяющийся	Соколов П.	25 февраля (10 марта)	Пулеметная рота	-	-	-
380.	Поручик	Соколузов Владимир Константинович (1)	15 (28) декабря 1917 года	3-я рота	-	-	В Чехословакии
381.	Прапорщик	Соловьев Василий Иванович (1)	-	-	-	-	На лицо в 5-й роте
382.	Прапорщик	Соловьев Василий Федорович (1)	-	1-я рота	-	В марте 1920 года под Поповической	-
383.	Доброволец	Слиней Павел Федорович (1)	20 февраля (5 марта)	Пулеметная рота	-	-	Уехал в Севастополь из Севлиско в 1920 году
384.	Прапорщик	Спирidonов Флегонр Петрович (1)	-	3-я рота	-	-	-
385.	Поручик	Старостин Дмитрий Павлович (1)	18 (31) января	Хозяйственная часть	Командир нестроевой роты	-	На лицо
386.	Прапорщик	Смирнинский Сергей Васильевич (1)	1 (14) февраля	3-я рота	-	В июле 1920 года под Н. Куркулаком	-

1	2	3	4	5	6	7	8
387.	Подпоручик	Степанищев Константин Александрович (1)	9 (22) февраля	2-я рота	-	-	В Буграсе
388.	Прапорщик	Столповский В.А. (1)	15 (28) февраля	3-я рота	-	†	-
389.	Прапорщик	Струков Василий Н. (1)	9 (22) января	1-я рота	-	В сентябре 1918 года под Отрадой Кубанской	-
390.	Прапорщик	Страполк	-	2-я рота	-	-	Переведен в авто- броневой отряд в 1918 году
391.	Поручик	Стасюк Митрофан Иванович (1)	-	1-я рота	-	Расстрелян большевиками в апреле 1920 года	-
392.	Поручик	Таланов <Иван>	-	2-я рота	-	Умер от испанки в станции Темужбекской в ноябре 1918 года *	-
393.	Прапорщик	Тамыковский Владимир Иванович (1)	19 января (1 февраля)	2-я рота	-	-	В Галлиполи ушел в беженцы
394.	Доброволец	Тихахин Андрей Павлович **	-	-	-	-	-
395.	Штабс- капитан	Туркул Антон Васильевич (1)	4 (17) января	2-я рота	Фельдфебель 2-й роты	-	На лицо

* Похоронен в Ставрополе.

** Числится «на лицо» в списках 1919 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
396.	Штабс-капитан	Титков Макар Романович (1)	-	1-я рота	-	-	В Красной армии
397.	Сестра милосердия	Тихонова Вера Арсеньевна	-	Штаб полка	-	-	Осталась в Крыму в 1920 году
398.	Штабс-капитан	Тихонравов Павел Зиновьевич (1)	-	Штаб полка	Полковой адъютант	Зарублен красными в июне 1919 года под Краснокутском	-
399.	Подпоручик	Толмачев Павел	-	Пулеметная рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
400.	Поручик	Толстой Семен Васильевич (1)	10 (23) января	1-я рота	-	-	В Галлиполи
401.	Вольноопределяющийся	Топоркин Алексей	-	1-я рота	-	-	Остался в Новороссийске в марте 1920 года
402.	Доброволец	Топоровский Филипп Николаевич *	4 (17) февраля	-	-	-	-
403.	Прапорщик	Топоров Павел Матвеевич (1)	27 января (9 февраля)	3-я рота	-	-	-
404.	Прапорщик	Торшилов А.В. (1)	27 февраля (12 марта)	3-я рота	-	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской	-
405.	Прапорщик	Трегубов Е.П. (1)	27 февраля (12 марта)	1-я рота	-	-	-

* Был «на лино» в полку в Крыму (май 1920 года).

1	2	3	4	5	6	7	8
406.	Старший унтер-офицер	Тренев Петр Никитич (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	-	Покочил жизнь самоубийством 26 февраля 1922 года в Севлиево	-
407.	Поручик	Третьяков Николай Николаевич (1)	4 (17) марта	3-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
408.	Подпоручик	Трофимов Павел Михайлович (1)	13 (26) января	2-я рота	-	-	На лицо
409.	Капитан	Трубников Леонид Михайлович (1)	20 февраля (5 марта)	2-я рота	-	-	На лицо
410.	Поручик	Туркин Николай А. (1)	4 (17) марта	1-я рота	-	-	В Грузии
411.	Подпоручик	Турланов Михаил Петрович (1)	10 (23) февраля	2-я рота	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
412.	Подпоручик	Тюрин Сергей Михайлович (1)	28 января (10 февраля)	3-я рота	-	-	-
413.	Прапорщик	Удачин А.Н. (1)	25 января (7 февраля)	3-я рота	-	-	-
414.	Поручик	Узун Запер-бек	-	2-я рота	-	-	Убыл на службу в броневотоотряд
415.	Вольноопределяющийся	Усатенко Л.М. * (1)	-	-	-	Умер?	-
416.	Прапорщик	Усиков И.И.	-	-	-	В октябре 1919 года под Дмитриевом	-

* Помечен умершим в алфавите 1918 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
430. Прапорщик	Цветков Алексей Васильевич (1)	14 (17) февраля	3-я рота	-	-	В лагере интернированных в городе Ордаса-Марс в Румынии	
431. Чинovníк военного времени	Цибульский Тадеуш	-	Хозяйственная часть	-	-	Убыл в 1918 году из Егорыцкой в Одессу	
432. Подпоручик	Циглер Г.Ф. (1)	20 февраля (5 марта)	Пулеметная рота	-	-	-	
433. Поручик	Цыплаков Иван Алексеевич (1)	2 (15) февраля	Команда связи	-	-	Из 2-го Дроздовского полка убыл в Армавир в запасной полк в ноябре 1919 года и не возвращался	
434. Прапорщик	Чадович Стефан С. (1)	18 (31) января	1-я рота	-	-	-	
435. Прапорщик	Чалпыгин Гавриил Михайлович (1)	-	2-я рота	-	-	Уволен со службы по ранению 22 июня (5 июля) 1918 года	
436. Подпоручик	Чарковский Адольф Б. (1)	5 (18) февраля	2-я рота	-	-	Уехал в Польшу в мае 1920 года	
437. Подпоручик	Чарухин Константин	-	Штаб полка	Писарь	Убит на дуэли в январе 1921 года в Галиполи	-	
438. Прапорщик	Чарушников П.Е. (1)	9 (22) января	1-я рота	-	15 (28) июня 1918 года под Великокняжеской	-	

1	2	3	4	5	6	7	8
439.	Подпоручик	Чебан Иван Иванович (1)	27 февраля (12 марта)	1-я рота	-	18 сентября (1 октября) 1918 года под Михайловкой	-
440.	Доброволец	Чеботарев Андрей Ефимович (1)	25 февраля (10 марта)	2-я рота	-	-	Убыл домой 17 (30) июня 1918 года по малолетству
441.	Прапорщик	Чекмарев Александр Иосифович (1)	4 (17) февраля	3-я рота	-	-	В Галиполи ушел в беженцы (разжалован)
442.	Подпоручик	Челак Петр Григорьевич (1)	21 (14) января	3-я рота	-	-	На лицо
443.	Доброволец	Чепурков Ф. * (1)	1 (14) февраля	-	-	-	-
444.	Подпоручик	Черепнин Василий Алексеевич (1)	8 (21) февраля	2-я рота	-	17 (30) июля 1920 года под Ореховом	-
445.	Прапорщик	Чернухин Петр (1)	18 (31) января	2-я рота	-	-	-
446.	Подполковник	Чернышев	-	Пулеметная рота	Командир пулеметной роты	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
447.	Штабс-капитан	Чигирь Николай	-	1-я рота	Командир пулеметного взвода	В ноябре 1919 года под Львовом	-

* Числится «на лицо» в списках 1919 года.

1	2	3	4	5	6	7	8
448.	Штабс-капитан	Чижов Николай Павлович (1)	—	1-я рота	Командир 1-го взвода 1-й роты	—	На лицо
449.	Подпоручик	Чистяков В.А. (1)	2 (15) января	3-я рота	—	—	В Дроздовской инженерной роте
450.	Прапорщик	Чичеткин	—	Хозяйственная часть	—	—	Бежал на походе из Нового Буга
451.	Поручик	Чичиков М.Б. (1)	—	3-я рота	—	1 (14) июля 1919 года под Львовом	—
452.	Поручик	Чурина (1)	—	Пулеметная рота	—	29 октября (11 ноября) 1920 года под Карповой Балкой	—
453.	Подполковник	Шабалин	—	Штаб полка	Начальник хозяйственной части	—	—
454.	Ефрейтор	Шаврин Иван Васильевич (1)	15 (28) февраля	Музыкантская команда	—	—	—
455.	Подпоручик	Шагин В.И. (1)	5 (18) февраля	1-я рота	—	—	Без вести пропал
456.	Поручик	Шадрунов Сергей В. (1)	26 января (8 февраля)	3-я рота	—	—	Остался в Севастополе в 1920 году
457.	Прапорщик	Шаширо Донат Николаевич (1)	5 (18) января	2-я рота	—	†	—
458.	Прапорщик	Шапошников Александр Кириллович (1)	1 (14) февраля	3-я рота	—	—	В Сербии

1	2	3	4	5	6	7	8
459.	Прапорщик	Шаталин Иван Федорович	-	Пулеметная рота	-	-	Убыл из Галиополи в Константинополь в 1921 году
460.	Поручик	князь Шаховской Михаил Петрович (1)	-	1-я рота	-	В апреле 1918 года в селе Петровское под Мариуполем	-
461.	Ефрейтор	Шанохин Анатолий Яковлевич (1)	19 (22) февраля	2-я рота	-	-	-
462.	Прапорщик	Швецов Александр Иванович (1)	9 (22) января	3-я рота	-	-	-
463.	Прапорщик	Шевлюк И.Т. (1)	3 (17) марта	3-я рота	-	-	-
464.	Доброволец	Шевченко Емельян Яковлевич (1)	-	Пулеметная рота	-	-	-
465.	Прапорщик	Шепелев	-	3-я рота	-	-	-
466.	Поручик	Шидловский	-	2-я рота	-	-	Убыл в радиостанции в 1918 году
467.	Вольноопределяющийся	Шиманский В.Г.	-	2-я рота	-	-	-
468.	Младший унтер-офицер	Широкин Антон Ильич	19 (22) февраля	2-я рота	-	Убит в Горловке	-
469.	Прапорщик	Шитов	-	1-я рота	-	18 сентября (1 октября) 1918 года под Михайловкой	-
470.	Прапорщик	Шмелев Иван Иосифович (1)	26 января (8 февраля)	3-я рота	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
471.	Прапорщик	Шнярок Зиновий Ильич (1)	20 января (2 февраля)	3-я рота	–	–	–
472.	Штаб-капитан	барон Штемпель Георгий Михайлович (1)	10 (23) февраля	Пулеметная рота	Командир 3-го взвода	–	В Сербии
473.	Чиновник военного времени	Штрасбург Алексей Иванович	–	Штаб полка	Полковой казначей	–	Убыл из полка в декабре 1919 года
474.	Прапорщик	Шубин Николай Иванович (1)	25 января (7 февраля)	1-я рота	–	В июле 1918 года снарядом в хате в хуторе Романовском	–
475.	Прапорщик	Шульгайс Константин (1)	18 февраля (3 марта)	1-я рота	–	–	Остался как инвалид в Константинополе
476.	Прапорщик	Шуман Николай Петрович (1)	–	Пулеметная рота	–	На броненосце	–
477.	Доброволец	Шурыгин Александр Емельянович (1)	15 (26) февраля	Музыкантская команда	–	–	–
478.	Прапорщик	Юзефович А.И. (1)	3 (16) марта	Пулеметная рота	–	–	–
479.	Юнкер	Юлов	–	Пулеметная рота	–	–	–
480.	Поручик	Юрченко Федор Федорович (1)	17 февраля (2 марта)	2-я рота	–	–	На лыжи
481.	Прапорщик	Якимас Ян Антонович (1)	27 января (9 февраля)	3-я рота	–	–	В Польше

1	2	3	4	5	6	7	8
482	Подпоручик	Янковский Феоноген Дмитриевич (1)	-	2-я рота	-	-	21 сентября (4 октября) 1920 года попал в плен к красным под Дмитриевкой (Северная Таврия)
483.	Доброволец	Ярыч Алексей Ефимович *	-	-	-	-	-
484	Прапорщик	Федоренко Валериан Илларионович (1)	27 января (9 февраля)	3-я рота	-	9 (22) сентября 1920 года под Синельниково	-
485	Подпоручик	Федоренко Георгий Евсеевич	2 (15) февраля	Пулеметная рота	-	-	На лицо
486	Штабс-капитан	Федоров Иван Илларионович (1)	19 (22) января	2-я рота	Командир 2-го взвода	-	-
487.	Поручик	Федоров Михаил Васильевич (1)	24 (17) февраля	3-я рота	-	-	На лицо

* Числиться «на лицо» в списке 1919 года

**Дополнительный список лиц, внесенных в полковой алфавит 1918 года и «не опознанных»
на собрании участников похода 1 августа нового стиля 1922 года
(с отметками по тому же алфавиту)**

№ п/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	Время поступления в отряд	С какой частью выступил из Дубоссар	В какой должности	Убит	Где находится в настоящее время
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Прапорщик	Алексеев Леонид Михайлович	9 (22) января	-	-	-	-
2.	Подпоручик	Алексенко Иван Степанович	Яссы	-	-	-	-
3.	Поручик	Афанасьев Н.М.	2 (15) января	-	-	-	-
4.	Солдат	Белбасов Н.Г.	28 января (10 февраля)	-	-	-	-
5.	Рядовой	Белбасов П.	15 (28) января	-	-	-	-
6.	Прапорщик	Блей Александр	18 (31) января	2-я рота	-	-	Без вести пропал 22 апреля (5 мая) 1918 года
7.	Рядовой	Буренко Е.Д.	15 (28) января	-	-	-	-
8.	Вольноопределяющийся	Белов В.Г.	23 февраля (8 марта)	-	-	-	-
9.	Доброволец	Головинов С.	1 (14) февраля	2-я рота	-	-	-
10.	Прапорщик	Доброницкий Д.П.	5 (18) февраля	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
11. Шгабс-капитан	Еремеев Сергей	-	-	-	-	Убит	-
12. Поручик	Каменцев Василий Романович	7 (20) февраля	-	-	-	-	-
13. Рядовой	Карамов	-	-	-	-	-	-
14. Поручик	Кардаш Порфирий Иванович	1 (14) февраля	-	-	-	-	-
15. Ефрейтор	Кишкин Владимир	1 (14) февраля	-	-	-	-	-
16. Прапорщик	Лалаханов А.Н.	8 (21) февраля или 8 (21) апреля *	-	-	-	-	-
17. Прапорщик	Магченко А.И.	15 (28) января	-	-	-	-	-
18. Доброволец	Мороненко	3 (16) марта	-	-	-	-	-
19. Старший унтер-офицер	Могсулин	18 (31) января	-	-	-	-	-
20. Прапорщик	Нарвацкий Евгений Г.	4 (17) марта	-	-	-	-	-
21. Подпоручик	Николаев Владимир Николаевич	Яссы	-	-	-	Убит (по отметке в 1919 году)	-
22. Доброволец	Новак Алексей	-	-	-	-	-	-
23. Подпоручик	Ножвич С.Г.	14 (27) января	-	-	-	-	-
24. Подпоручик	Оболенский В.Ф.	16 (29) января	-	-	-	-	-

* Указан также в списках прибывших в Мелитополь, на пути.

1	2	3	4	5	6	7	8
25.	Прапорщик	Павлов Михаил Николаевич	-	-	-	-	-
26.	Подпоручик	Плотников И.А.	15 (28) января	2-я рота	-	-	-
27.	Прапорщик	Прокофьев Д.И.	9 (22) января	2-я рота	-	†	-
28.	Ефрейтор	Прокоп Г.	4 (17) февраля	-	-	-	-
29.	Прапорщик	Семенов Филипп Дмитриевич	-	-	-	-	-
30.	Доброволец	Турчин Игнат	25 февраля (10 марта)	-	-	-	-
31.	Подпоручик	Тудевич <Вячеслав Платонович>	26 февраля (11 марта)	-	-	-	<Убит 2 (15) июня 1919 года под Лозовой>
32.	Прапорщик	Терлигорьев В.М.	-	-	-	-	-
33.	Поручик	Чупринов Т.Ф.	1 (14) марта	-	-	-	-
34.	Поручик	Ширин Остап	-	-	-	Убит (по отметке в 1919 году)	-
35.	Прапорщик	Шевняков И.П.	26 февраля (11 марта)	-	-	-	-
36.	Прапорщик	Языченко	5 (18) января	-	-	-	-

Список чинов Конного дивизиона Отряда русских добровольцев Румынского фронта

№ п/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	Время поступления в отряд	Какую занимал должность	Убит	Где находится в настоящее время
1	2	3	4	5	6	7
1.	Штабс-ротмистр	Гавеский <Борис Анагольевич>	-	Командир дивизиона	-	-
1-й эскадрон						
2.	Штабс-ротмистр	Анкиев	-	Командир эскадрона	-	-
3.	Поручик	Алексеев	-	-	-	-
4.	Поручик	Азарьев	-	-	-	-
5.	Штабс-ротмистр	Бектев	-	Командир 4-го взвода	† ?	-
6.	Поручик	Блажич	Дубоссары	-	-	-
7.	Прапорщик	Бабаев	-	-	† ?	-
8.	Младший унтер-офицер	Беньковский	-	-	-	-
9.	Штабс-капитан	Васильев Клавдий Васильевич	-	-	-	-
10.	Корнет	Верховский	-	-	† ?	-
11.	Кадет	Вирановский	-	-	† ?	-
12.	Штабс-ротмистр	Городицкий	-	Командир 1-го взвода	-	-
13.	Прапорщик	Годлевский	-	-	-	-
14.	Поручик	Дейхман	-	-	† ?	-
15.	Ефрейтор	Даньков	-	-	-	-
16.	Поручик	Жалнин	-	-	-	-
17.	Поручик	Замороко	-	-	-	-
18.	Поручик	Кобылин	-	-	-	-
19.	Поручик	Кспоржницкий	-	-	† ?	-
20.	Поручик	Казачков	-	-	† ?	-
21.	Поручик	Красиков	-	-	† ?	-

1	2	3	4	5	6	7
22.	Прапорщик	Кромасов	-	-	†?	-
23.	Вольноопределяющийся	Каменский	-	-	-	-
24.	Доброволец	Константинович	-	-	†?	-
25.	Доброволец	Кравец	-	-	†?	-
26.	Прапорщик	Логает	-	-	-	-
27.	Корнет	Мясоедов	-	-	†?	-
28.	Прапорщик	Макаренко	-	-	†?	-
29.	Прапорщик	Молчанов Дмитрий Иванович	-	-	-	-
30.	Рядовой	Мингалев	-	-	-	-
31.	Штабс-ротмистр	Новиков	-	Командир 2-го взвода	-	-
32.	Штабс-ротмистр	Назаров	-	Трубаач	-	-
33.	Кадет	Новицкий	-	-	-	-
34.	Поручик	Обухов	-	-	-	-
35.	Рядовой	Овдейчук	-	-	-	-
36.	Штабс-ротмистр	Потарский	-	Командир 3-го взвода	-	-
37.	Поручик	Панков	-	-	-	-
38.	Поручик	Полонский	-	-	-	-
39.	Корнет	Патек	-	-	-	-
40.	Прапорщик	Почуев Гурт Алексеевич	-	-	-	-
41.	Поручик	Рева	-	-	-	-
42.	Штабс-ротмистр	Спицын Иван Николаевич	-	Каптернамус	-	-
43.	Поручик	Селивановский	-	-	-	-
44.	Поручик	Стоянов	-	-	-	-
45.	Прапорщик	Смирнов	-	-	-	-
46.	Прапорщик	Селифонов	-	-	-	-
47.	Ефрейтор	Савицкий	-	-	-	-
48.	Поручик	Турбин	-	-	†?	-
49.	Поручик	Троцкий	-	-	-	-
50.	Корнет	Тырышкин	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7
51.	Прапорщик	Танаевский	-	-	†?	-
52.	Поручик	Хренов	-	-	-	-
53.	Поручик	Хесин	-	-	-	-
54.	Младший унтер-офицер	Цветкович	-	-	-	-
55.	Поручик	Черкасов	-	-	-	-
56.	Штабс-ротмистр	Шитников	-	Вахмистр	-	-
57.	Прапорщик	Шмит	-	-	†?	-
58.	Юнкер	Шереметьев	-	-	-	-
59.	Ефрейтор	Федоренко	-	-	-	-
60.	Прапорщик	Беззин Владимир Иванович	-	-	-	-
2-й эскадрон						
61.	Поручик	Александров	-	-	-	-
62.	Прапорщик	Бекаревич	-	-	-	-
63.	Прапорщик	Болтухин Александр Андреевич	-	-	-	-
64.	Хоружий	Беляков	-	-	-	-
65.	Юнкер	Барвинский	-	-	†?	-
66.	Вольноопределяющийся	Борисов	-	-	-	-
67.	Поручик	Губочкин	-	-	-	-
68.	Прапорщик	Гетманцев	-	-	†?	-
69.	Штабс-ротмистр	Двойченко Владимир Авраамович	-	Командир эскадрона	-	-
70.	Прапорщик	Еремин	-	-	-	-
71.	Поручик	Иванов Павел	-	-	-	-
72.	Поручик	Иванов Иван	-	-	-	-
73.	Прапорщик	Казанский	-	-	-	-
74.	Прапорщик	Климиниченко	-	-	-	-
75.	Поручик	Каламанов	-	-	-	-
76.	Поручик	Мишин	-	-	-	-
77.	Поручик	Манаков	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7
78.	Поручик	Полешук	-	-	-	-
79.	Прапорщик	Подольский	-	-	-	-
80.	Вольноопределяющийся	Сергеев Константин И.	-	-	Застрелился в Галлиполи	-
81.	Поручик	Сандульский	-	-	-	-
82.	Вольноопределяющийся	Стадницкий	-	-	-	-
83.	Поручик	Тюльпанов	-	-	-	-
84.	Поручик	Терзиев	-	-	-	-
85.	Корнет	Хризьман	-	-	-	-
86.	Вахмистр	Щеликов	-	-	-	-
87.	Прапорщик	Чижев	-	-	-	-
Пулеметная команда						
88.	Сотник	Блинов	-	-	-	-
89.	Прапорщик	Волощенко	-	-	-	-
90.	Поручик	Гулькин	-	-	† ?	-
91.	Штабс-ротмистр	Гурский	-	Начальник команды	-	-
92.	Поручик	Иванов	-	-	-	-
93.	Прапорщик	Иванов	-	-	† ?	-
94.	Рядовой	Кандыба	-	-	-	-
95.	Прапорщик	Красс	-	-	-	-
96.	Прапорщик	Маковкин	-	-	-	-
97.	Поручик	Охупкин	-	-	-	-
98.	Прапорщик	Полцов	-	-	-	-
99.	Прапорщик	Скляров	-	-	† ?	-
100.	Прапорщик	Хохлов	-	-	-	-
101.	Сестра милосердия	Гаевская	-	-	-	-
102.	Сестра милосердия	Марта	-	-	-	-

Список чинов отряда полковника М.А. Жебрака-Русановича

№ п/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	Время поступления в отряд	Какую занимал должность	Ранения	Убит	Где находится в настоящее время
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Подпоручик	Алексеев Николай Арсеньевич	8 (21) февраля	—	—	В 1920 году под Первоконстантиновкой	—
2.	Подпоручик	Алексеев Николай Николаевич	8 (21) февраля	Командир пулеметно роты «Максим»	—	—	Бежал 27 февраля (12 марта)
3.	Прапорщик	Алексеевко	Февраль	—	—	Убит	—
4.	Подпоручик	Бикс Петр Иванович	8 (21) февраля	Полковой адъютант	—	—	Отстал в Варне
5.	Подпоручик	Богоршвили Пермен Филиппович	8 (21) февраля	—	—	—	На лицо
6.	Прапорщик	Богданов Николай Иванович	—	Пулеметная команда	—	—	На лицо
7.	Прапорщик	Бойко	—	—	—	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	—
8.	Прапорщик	Бойко	—	—	Ранен	—	—
9.	Поручик	Булгаков Ф.И.	15 (28) января	—	—	—	—
10.	Подпоручик	Будрин Анатолий Алексеевич	8 (21) февраля	Полковой казначей	—	—	Пропал без вести в Крыму
11.	Фельдфебель	Бурмистров	—	—	—	Умер от тифа	—

1	2	3	4	5	6	7	8
12.	Подпоручик	Быков Сергей Ефимович	8 (21) февраля	Начальник пулеметной команды	-	В марте 1920 года умер от тифа в Новороссийске	-
13.	Прапорщик	Власенко	Февраль	-	-	-	-
14.	Подпоручик	Гавлицкий Николай Трофимович	-	-	-	-	-
15.	Старший унтер-офицер	Георгиев Петр Васильевич	-	Пулеметная команда	-	-	-
16.	Подпоручик	Гвоздинский Филипп	Февраль	-	-	-	Освобожден от службы в станице Плотническая
17.	Прапорщик	Греков	8 (21) февраля	Командир 1-го взвода 3-й роты	-	-	-
18.	Прапорщик	Денисенко Василий Тимофеевич	-	-	-	-	На лицо
19.	Прапорщик	Димов Георгий Степанович	8 (21) февраля	Пулеметная команда	-	-	Остался в Измаиле
20.	Штабс-капитан	Димов Диомидий Степанович	8 (21) февраля	Командир 1-й роты	-	-	Остался в Измаиле
21.	Подпоручик	Дмитриев Александр Андреевич	8 (21) февраля	-	-	-	В Корниловском уларном полку (разжалован)
22.	Подпоручик	Дмитриев Павел Александрович	8 (21) февраля	Пулеметная команда	-	-	В лазарете в Константинополе
23.	Прапорщик	Ефимов Никита Никитич	Февраль	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
24.	Прапорщик	Жек Михаил Николаевич	8 (21) февраля	-	-	-	Уехал из Галлиполи в Польшу
25.	Полковник	Жебрак-Русанович Михаил Антонович	8 (21) февраля	Командир полка	-	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	-
26.	Подпоручик	Жнов	-	-	-	-	-
27.	Чинovníк военного времени	Жуков Семен	8 (21) февраля	Полковой делопроизводитель	-	-	Освобожден по болезни под Бердянском
28.	Прапорщик	Журавский Дмитрий Андреевич	8 (21) февраля	-	-	-	В марте 1920 года остался больным в Феодосии
29.	Подпоручик	Иванов Петр Алексеевич	8 (21) февраля	Пулеметная команда	-	-	Остался в городе Килия
30.	Священник	Каракулин о. Федор Васильев	8 (21) февраля	Полковой священник	-	-	На лицо
31.	Подполковник	Колдобский Сергей Николаевич	8 (21) февраля	Начальник хозяйственной части	-	-	На лицо
32.	Подпоручик	Котляр Федор Семенович	8 (21) февраля	-	-	-	-
33.	Прапорщик	Корейша	-	-	-	-	Бежал 4 (17) марта

1	2	3	4	5	6	7	8
34.	Подпоручик	Кречетов Лев Александрович	8 (21) февраля	Пулеметная команда	-	-	В штабе 1-й пехотной дивизии (Свищев)
35.	Доброволец	Ланевский	-	-	-	-	-
36.	Подпоручик	Лебенко	-	-	-	-	-
37.	Доброволец	Маджаров Степан	-	-	-	-	-
38.	Подпоручик	Малыгин Вячеслав Иванович	8 (21) февраля	Начальник команды конных разведчиков	-	-	Штаб-офицер резерва
39.	Поручик	Маурин Эдуард Иванович	-	-	-	-	Из Галиполи уехал в Латвию
40.	Штабс-капитан	Михайлов Николай Александрович	8 (21) февраля	Командир 1-й роты	-	Умер от ран в Екатеринодаре	-
41.	Прапорщик	Мишин	-	-	-	-	В конном дивизионе
42.	Подпоручик	Низовцев Арсений Михайлович	14 (27) января	-	-	-	На лицо
43.	Поручик	Овчинников	Февраль	-	-	Убит	-
44.	Подпоручик	Павлов Александр Константинович	8 (21) февраля	Старший офицер пулеметной команды	-	-	На лицо
45.	Прапорщик	Паппазогло Георгий Арсеньевич	8 (21) февраля	-	-	-	-
46.	Прапорщик	Пермагентский Александр Семенович	8 (21) февраля	-	-	-	Остался в Крыму
47.	Сестра милосердия	Пермогенская Мария Федоровна	8 (21) февраля	-	-	-	Осталась в Крыму
48.	Подпоручик	Перверзев Николай Петрович	8 (21) февраля	-	-	-	Пропал без вести в Крыму

1	2	3	4	5	6	7	8
49.	Прапорщик	Петров Сергей Петрович	-	-	-	-	-
50.	Прапорщик	Петрушкевич Иван Иосифович	8 (21) февраля	-	-	Под Львовом	-
51.	Подпоручик	Покровский Андрей Гаврилович	8 (21) февраля	-	-	-	-
52.	Подпоручик	Рюмин Алексей Петрович	8 (21) февраля	-	-	25 мая (7 июня) 1920 года под Первокон- стантиновкой	-
53.	Штабс-капитан	Селиванов Николай Николаевич	-	Командир 1-го батальона	-	-	На лицо
54.	Подпоручик	Скворцов Константин	-	Командир пулеметной роты «Кольт»	-	В 1918 году под Песчано- окопской	-
55.	Штабс-капитан	Скавровский Северин Людвигович	8 (21) февраля	Командир нестрелковой роты	-	-	В Польше
56.	Подпоручик	Скоринин Григорий Филиппович	8 (21) февраля	Начальник команды связи	-	-	Был назначен комендантом Джанкоя
57.	Поручик	Соляник Иван Данилович	8 (21) февраля	-	-	-	На лицо
58.	Прапорщик	Тангер	-	-	-	-	-
59.		Такачка	-	-	-	-	-
60.	Подпоручик	Таранчук Александр Антонович	8 (21) февраля	-	-	-	-
61.	Капитан	Тимофеев	-	-	-	-	Переведен в Солдатский полк

1	2	3	4	5	6	7	8
62.	Прапорщик	Толмачев Георгий Порфирьевич	8 (21) февраля	-	-	-	На лицо
63.	Старший унтер-офицер из вольноопределяющихся	Федоров Матвей (произведен)	8 (21) февраля	-	-	25 мая (7 июня) 1920 года под Первоконстантинской	-
64.	Сестра милосердия	Федорова Мария Николаевна	8 (21) февраля	-	-	-	На лицо
65.	Коллежский ассессор	Федоров Владимир Павлович	8 (21) февраля	-	-	-	На лицо
66.		Цибульский	-	-	-	-	-
67.	Стрелок	Челурко	-	-	-	-	-
68.	Подпоручик	Чередов	-	-	-	-	4 (17) марта 1919 года пропал без вести
69.	Чинovníк военного времени	Щукин	-	-	-	-	-
70.	Поручик	Юнгер	-	-	-	22 апреля (5 мая) 1918 года убит под Ростовом	-
71.	Прапорщик	Якимов	Февраль	Командир взвода 1-й роты	-	Убит	-

Список господ офицеров и добровольцев, поступивших в Отряд русских добровольцев Румынского фронта во время похода Яссы – Дон

№ п/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	Где поступил	Когда	В какую часть	На какую должность	Убит	Где находится в настоящее время
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Подпоручик	Решников Павел Алекс.	село Святотроицкое	10 (23) марта	3-я рота	Рядовой	–	В инвалидном доме в Сербии
2.	Подпоручик	Зорин Иван	село Святотроицкое	10 (23) марта	1-я рота	Рядовой	В 1918 году расстрелян в Белой Глине	–
3.	Штабс-капитан	Безчетный Василий Петрович	Новый Бут *	21 марта (3 апреля)	1-я рота	Рядовой	–	Убыл в Ширванский полк
4.	Штабс-капитан	Черемис Григорий Парфеньевич	село Еланец	Март	1-я рота	Рядовой	–	–
5.	Штабс-капитан	Горенко Михаил	Каховка	28 марта (10 апреля)	2-я рота	Рядовой	–	–
6.	Юнкер	Панченко	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
7.	Юнкер	Корень Александр	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–

* Поступали добровольцы в Каховке, сколько не выяснено.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
8.	Юнкер	Пугач Георгий	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	3-я рога	Рядовой	-	-
9.	Прапорщик	Станишевский Георгий Андреевич	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	На лицо
10.	Прапорщик	Орел Георгий Николаевич	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	-
11.	Подпоручик	Пурель Михаил Христофорович	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	На лицо
12.	Поручик	Баранов Валентин	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	-
13.	Доброволец	Баранов Николай	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	-
14.	Прапорщик	Довгаль	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	В августе 1920 года под Гейдель- бергом	-
15.	Прапорщик	Чернов	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	-
16.	Доброволец	Земляницкий Алексей Леонидович	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	-
17.	Доброволец	Земляницкий Леонид Леонидович	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	22 апреля (5 мая) 1918 года под Ростовом	-
18.	Вольноопре- деляющийся	Солошенко Игорь	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рога	Рядовой	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
19.	Поручик	Осадченко Сергей Емельянович	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	3-я рота	Рядовой	–	На лицо
20.	Прапорщик	Егоров Василий *	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	–	–	–	–
21.	Прапорщик	Тристанов Павел Иванович	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	–	–	22 апреля (5 мая) 1918 года под Ростовом	–
22.	Прапорщик	Щербак Михаил	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	–	–	–	–
23.	Прапорщик	Шитиков Николай	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	–	–	–	–
24.	Прапорщик	Егоров Иван **	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	–	–	–	–
25.	Доброволец	Лалаханов Варган	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	–	–	–	–
26.	Доброволец	Городынский Александр	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	3-я рота	Рядовой	–	–
27.	Доброволец	Рофе Самуил Аменович	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	1-я рота	Рядовой	–	–
28.	Доброволец	Никитин	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
29.	Доброволец	Комаров	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	В Корниловском ударном полку

* Поступали добровольцы в Торгаевке, сколько не выяснено.

** Поступали добровольцы в Эйгенфельде.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
30.	Доброволец	Сорока	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
31.	Штабс-капитан	Стрельцов	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской	–
32.	Поручик	Далаханов	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	Пулеметная рота	Рядовой	–	–
33.	Доброволец	Егоров	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
34.	Прапорщик	Богданович Семен	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	–	Рядовой	–	–
35.	Доброволец	Мысков Антон	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	19 июля (1 августа) 1918 года под Кореновской	–
36.	Доброволец	Деев Василий	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
37.	Доброволец	Гребенюк	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
38.	Доброволец	Бурган Николай	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
39.	Доброволец	Слесарев Георгий	Мелитополь	3 (16) – 6 (19) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
40.	Штабс-капитан	Друщич	Бердянск	11 (24) – 12 (25) апреля	3-я рота	Рядовой	В 1919 году в Донском бассейне	–
41.	Прапорщик	Новаковский	Бердянск	11 (24) – 12 (25) апреля	2-я рота	Рядовой	11 (24) августа 1920 года	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
42.	Прапорщик	Симахин	Бердянк	11 (24) – 12 (25) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
43.	Прапорщик	Кобылянский	Бердянк	11 (24) – 12 (25) апреля	2-я рота	Рядовой	–	–
44.	Прапорщик	Бедюх	Бердянк	11 (24) – 12 (25) апреля	Пулеметная рота	Рядовой	–	–
45.	Прапорщик	Грязных	Бердянк	11 (24) – 12 (25) апреля	–	Рядовой	В 1920 году	–
46.	Штабс-капитан	Горячкин Николай	Недвиговка	21 апреля (4 мая)	3-я рота	Рядовой	23 июня (6 июля) 1918 года под Белой Глиной	–
47.	Подпоручик	Кукушкин Владимир	Недвиговка	21 апреля (4 мая)	2-я рота	Рядовой	–	–
48.	Доброволец	Залогин Михаил Федорович	Мелитополь	7 (20) апреля	1-я рота полковник Жебрера	Рядовой	–	На лицо

Приложение № 7

Список господ офицеров и добровольцев Кониого дивизиона Отряда русских добровольцев Румынского фронта, поступивших в дивизион на походе из Румынии на Дон

№ п/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	Место поступления	В какой эскадрон	Занимаемая должность	Убит	Где находится в настоящее время
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Штабс-капитан	Галицкий	Каховка	1-й эскадрон	-	† ?	-
2.	Поручик	Еременко	Каховка	1-й эскадрон	-	† ?	-
3.	Поручик	Матиев	Каховка	1-й эскадрон	-	† ?	-
4.	Поручик	Красовский	Мелитополь	1-й эскадрон	-	-	-
5.	Корнет	Федоровский Михаил	Мелитополь	1-й эскадрон	-	-	-
6.	Вольноопределяющийся	Петров	Мелитополь	1-й эскадрон	-	-	-
7.	Поручик	Асеев	Мелитополь	2-й эскадрон	-	-	-
8.	Чиновник	Васильев	Мелитополь	2-й эскадрон	-	-	-
9.	Вольноопределяющийся	Кригаль Василий Алексеевич	Мелитополь	2-й эскадрон	-	-	-
10.	Поручик	Бауэр *	Мелитополь	?	-	-	-
11.	Подпоручик	Бакалов **	Мелитополь	?	-	-	-
12.	Поручик	Балафатов Георгий ***	Мелитополь	?	-	-	-
13.	Мичман	Снегоцкий ****	Мелитополь	Польский эскадрон	-	-	-

* Из списка.

** Из списка.

*** Из списка.

**** Из списка.

1	2	3	4	5	6	7	8
14.	Доброволец	Снеговой Станислав *	Мелитополь	Польский эскадрон	-	-	-
15.	Штабс-ротмистр	Тиханов	Бердянск	1-й эскадрон	-	-	-
16.	Штабс-ротмистр	Поспелов	Бердянск	1-й эскадрон	-	-	-
17.	Подполковник	Кушелев Вадим Владимирович	Бердянск	2-й эскадрон	Вахмистр эскадрона	-	-
18.	Поручик	Текстер	Бердянск	2-й эскадрон	-	-	-
19.	Штабс-ротмистр	Сыкалов	Бердянск	2-й эскадрон	-	-	-
20.	Прапорщик	Локин	Мариуполь	1-й эскадрон	-	-	-
21.	Прапорщик	Софронов	Ново-Николаевская	1-й эскадрон	-	† ?	-
22.	Казац	Софронов	Ново-Николаевская	1-й эскадрон	-	-	-
23.	Казац	Колесников	Ново-Николаевская	1-й эскадрон	-	-	-
24.	Казац	Чижев	Ново-Николаевская	1-й эскадрон	-	-	-
25.	Поручик	Федоров	Ново-Николаевская	2-й эскадрон	-	-	-
26.	Юнкер	Барсуков	Ново-Николаевская	2-й эскадрон	-	-	-
27.	Прапорщик	Борисов	Ново-Николаевская	2-й эскадрон	-	-	-

* Из списка.

Приложение № 8

Список потерь (убитые), понесенных Отрядом русских добровольцев Румынского фронта во время похода Яссы – Дон

№ п/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	Какой части	Какую занимал должность	Когда убит	Где	Когда и где похоронен
1.	Прапорщик	Осадчий	Броневая батарея	-	-	село Вознятское	-
2.	<...>	<...>	Конно-горный взвод	-	-	На вокзале Мелитополя	В Мелитополе
3.	Поручик	князь Шаховской <Михаил Петрович>	1-я рота	-	-	село Петровское (под Мариуполем)	В селе Успенском
4.	<...>	<...>	Конный дивизион	-	-	На дуэли в селе Успенском	В селе Успенском
5.	Ген. штаба полковник	Войналович <Михаил Кузьмич>	Штаб отряда	Начальник штаба	21 апреля (4 мая)	Под Ростовом	-
6.	Поручик	Никонов Михаил Владимирович	2-я рота	Рядовой	22 апреля (5 мая)	Под Ростовом	-
7.	Подпоручик	Малиновский	3-я рота	Рядовой	22 апреля (5 мая)	Под Ростовом	-
8.	Доктор	Введенский Михаил	Штаб полка	Полковой врач	22 апреля (5 мая)	Под Ростовом	22 апреля (5 мая) в селе Чалтырь
9.	Доброволец	Земляничский Леонид Леонидович	2-я рота	Рядовой	22 апреля (5 мая)	Под Ростовом	-
10.	Прапорщик	Тристанов Павел Иванович	3 роты	Рядовой	22 апреля (5 мая)	Под Ростовом	-
11.	Поручик	Мацкевич	4-я рота (пулеметная)	Рядовой	22 апреля (5 мая)	Под Ростовом *	-
12.	Подпоручик	Нестеров	4-я рота	Рядовой	22 апреля (5 мая)	Под Ростовом **	-

* Застрелился сам.

** Застрелился сам.

Дополнительный список господ офицеров и добровольцев участников похода Яссы – Дон

№ н/п	Чин	Фамилия, имя и отчество	С какой частью выступил из Дубоссар	В какой должности	Дальнейшая судьба
	2	3	4	5	6
1.	Полковник	Абрамов	–	Интендант отряда	В 1918 году перешел на службу в Донскую армию
2.	Капитан	Андреев Василий Александрович ²⁴	–	Рядовой, позднее командир багарен	Скончался в 1938 году в Париже
3.	Подполковник	Гран Георгий Николаевич	–	Начальник радиотелеграфных частей	–
4.	Капитан	Гуныко Игорь Дмитриевич	Бронеотряд	–	Погиб 31 октября 1918 года у села Пелагиада Ставропольской губернии
5.	Поручик	Зелерт Ганс	В мас-марте в Отряде М.Г. Дроздовского	–	Погиб в 1919 году в рядах Северо-Западной армии
6.	–	Иванов Виктор Михайлович ²⁵	Офицер-артиллерист	–	Скончался в 1953 году
7.	Капитан	Иванов Петр Иванович	Сводно-стрелковый полк	–	Погиб в Дмитриеве 31 октября 1919 года
8.	Поручик	Камлач Иван Климентьевич	Артиллерист	–	Скончался 5 марта 1979 года в Сан-Паулу (США)
9.	Полковник	Кельнер Константин Александрович	Сводно-стрелковый полк	–	Скончался после 1959 года в Венесуэле

* Дополнительный список не входит в рукопись П.В. Колтышева. Приводится авторами-составителями книги.

1	2	3	4	5	6
10.	Штаб-ротмистр	Кобаров Михаил Алексеевич	Конный дивизион	-	Скончался 10 июня 1962 года в Веллингтоне (Новая Зеландия)
11.	Капитан	Колзаков Борис Яковлевич ²⁶	Артиллерист	-	Похоронен на кладбище Сент-Женеьев де Буа в Париже
12.	Полковник	Косицкий Николай Андреевич	Артиллерист	-	-
13.	Капитан	Кураев Павел Дмитриевич ²⁷	Пулеметная рота	-	-
14.	Капитан	Лазарев	Артиллерист	-	Убит 20 февраля 1920 года на Кубани
15.	Полковник	Лесли Георгий Дмитриевич	-	Помощник начальника штаба отряда, с 21 апреля - начальник штаба	Скончался 2 февраля 1927 года в Нью-Йорке
16.	Поручик	Маслов Лев Львович	Артиллерист	-	или Флориде Скончался 12 сентября 1959 года в Розенхайме (Германия)
17.	Полковник	Медведев Александр Константинович	Артиллерист	Командир гаубичного взвода (позднее батареи)	Скончался 12 февраля 1964 года в Шартре (Франция)
18.	Капитан	Мей ²⁸	Артиллерист	-	-
19.	Подполковник	Мусин-Пушкин Александр Владимирович	Артиллерист	-	Погиб в 1920 году под Фридрихсфельдом в Северной Таврии
20.	Генерал-майор	Невадовский Николай Дмитриевич	-	Рядовой, позднее начальник артиллерии отряда	Погиб в октябре 1939 года под Парижем
21.	Штабс-капитан	Переслени Владимир Михайлович	Артиллерист	-	Скончался 14 февраля 1985 года в Лилле (Франция)

1	2	3	4	5	6
22.	Полковник	Ползков Михаил Николаевич	Легкая батарея	Командир легкой батареи	Скончался в 1938 году в Вассербиллинге (Люксембург)
23.	Капитан	Понкин Петр ²⁶	–	–	–
24.	Прапорщик	Рончевский Ростислав Петрович	–	–	Скончался в 1966 году во Франции
25.	Капитан	Рипке Владимир Владимирович	Артиллерист	–	Застрелился в сентябре 1919 года
26.	Подпоручик	Рутченко Николай Алексеевич	–	–	Расстрелян в Крыму в ноябре 1920 года
27.	Капитан	Тер-Азарьев Лев Сергеевич	Артиллерист	–	Скончался в 1973 году во Франции
28.	Подъесаул	Фролов	Конный дивизион	–	Убит 12 июня 1918 года у села Капустино под станцией Торговой
29.	Подполковник	Чертков Александр Алексеевич	Сводно-стрелковый полк	–	Скончался 26 сентября 1938 года в Париже
30.	Капитан	Шапиловский Владимир Павлович	Конно-горная батарея	Командир орудия	–
31.	–	Шатагин (Шаталин?) Иван Федорович	–	Офицер в пулеметной роте	–
32.	Полковник	Ягубов Александр Георгиевич	Артиллерист	–	Скончался 25 августа 1955 года в Париже

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417. 287 л.
- 2 Примечательно, что 14-й стрелковой «железной» дивизией (в начале Великой войны – бригадой) командовал в 1914–1916 годах один из основоположников Белого движения генерал А.И. Деникин. Начальником же ее штаба (1914–1915) и командиром входившего в ее состав 13-го стрелкового генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка (1915–1916) был другой легендарный герой Белого дела – генерал С.Л. Марков.
- 3 11 (24) января 1918 года Центральная Рада Украинской народной республики Четвертым универсалом провозгласила независимость Украины.
- 4 Речь идет о знаменитом Приказе № 1 «О демократизации армии», отданным Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 (14) марта 1917 года, вводившего в частях армии широкие «демократические» начала и положившего начало развалу русских вооруженных сил. После прихода к власти большевиков «демократизация» армии была продолжена. В конце ноября по фронтам было разослано «Временное положение о демократизации армии» (упразднявшее чины и все знаки отличия), а в декабре – опубликованы декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и организации власти в армии». По сути, эти документы окончательно устранили офицеров от власти и уничтожили офицерский корпус Русской армии как таковой.
- 5 **Сафронов Г.П.** Прапорщик. Большевик. 9 (21) августа 1917 года на заседании исполкома Совета солдатских депутатов 9-й армии Румынского фронта был избран командующими армией вместо смещенного генерала А.К. Кельческого.
- 6 **Сытин Павел Павлович (1870–1938).** Окончил Академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Великой войн.

На фронте последней командовал бригадой и дивизией, генерал-майор (1917). В декабре 1917 года был избран солдатским съездом командующим 18-го армейского корпуса, вместе с которым перешел на сторону советской власти. С марта 1918 года – военный руководитель Брянской группы Западного участка отрядов завесы. В мае возглавлял делегацию при ведении мирных переговоров с германским командованием в Харькове. С июля 1918 года – начальник 2-й Орловской пехотной дивизии, с сентября по октябрь командовал войсками красного Южного фронта. В 1920–1921 годах – военный атташе в Грузии, с 1934 года – в отставке. Расстрелян в 1938 году как член контрреволюционной организации.

7 Рошаль Семен Григорьевич (1896–1917). Большевик, студент Психоневрологического института. Активный участник революционного движения. В 1915 году арестован, в феврале 1917 – освобожден. В октябре 1917 года – комиссар Сводного отряда солдат и матросов при подавлении выступления Керенского – Краснова под Петроградом. Участник захвата Ставки Верховного Главнокомандующего и убийства генерала Н.Н. Духонина. В ноябре 1917 года назначен Советом народных комиссаров правительственным комиссаром Румынского фронта; один из организаторов фронтового военно-революционного комитета. 8 (21) декабря 1917 года был убит членами офицерской подпольной организации, вошедшей в состав Отряда М.Г. Дроздовского.

8 В данном случае П.В. Колтышев проводит прямую аналогию, сравнивая формирование Добровольческой армии и Отряда добровольцев М.Г. Дроздовского. Однако, несмотря на декларировавшуюся при поступлении в ряды дроздовцев надпартийность (как и в Добровольческой армии), в отряде действовала тайная монархическая организация, в которую, по сведениям ротмистра Д.Б. Бологовского, входило до 90% записавшихся офицеров-добровольцев. По словам последнего, дроздовцы не скрывали, что их «Отряд представляет из себя политическую организацию монархического направления...», и, несмотря на то, что он «входит в армию Алексеева», его «политическая организация остается самостоятельной» (подробнее см. 1-ю часть книги).

9 Леонтович Евгений Александрович (1862–1931). Генерал-лейтенант Генерального штаба. В декабре 1917 – январе

1918 года формировал в Одессе Добровольческие части. В первой половине 1918 года – начальник формирований Одесского вербовочного центра Добровольческой армии. Летом 1919 года – в штабе Войск Юго-Западного края (Одесса).

- 10 Кельчевский Анатолий Киприанович (1869–1923).** Генерал-лейтенант Генерального штаба. Участник Великой войны. Командир 6-го Финляндского полка. В 1917 году – начальник штаба 9-й армии; с сентября по ноябрь – командующий 9-й армией. Отрицательно отнесся к октябрьскому перевороту, был смещен с должности. С конца января 1918 года – инспектор по формированию добровольческих частей на Румынском фронте. Сыграл негативную роль в формировании добровольческих частей, отдав приказ об аннулировании подписок, данных офицерами, после заключения Украинской Радой мира со странами Центрального блока. С ноября 1918 года – в Донской армии, начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта. В феврале 1919 – марте 1920 года – начальник штаба Донской армии; позднее военный и морской министр Южнорусского правительства. В марте – апреле 1920 года – начальник штаба Донского корпуса. В апреле 1920 года, вместе с генералом В.И. Сидориным, был снят с поста и отдан генералом П.Н. Врангелем под суд за сепаратистские казачьи устремления. В мае 1920 года – выслан за границу.
- 11 Заболотный Аркадий Моисеевич (1870–1928).** Генерал. В службе с 1890 года (офицер с 1893). Участник Великой войны. С начала 1918 года – в гетманской армии. С осени 1919 года – в резерве чинов при штабе Главнокомандующего Вооруженными силами юга России (позднее – войск Киевской области и Войск Новороссийской области). В эмиграции в Югославии.
- 12 Алексеев Анатолий Николаевич (1865–1922).** Генерал-майор. Из дворян Всевеликого Войска Донского, окончил Академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Великой войн. В августе 1915 года произведен в генерал-майоры. С января 1916 года – начальник штаба Сибирской казачьей дивизии, позднее – начальник 3-й Туркестанской дивизии. С сентября 1917 года – командир 6-го кавалерийского корпуса. В конце 1917 – начале 1918 года – начальник штаба 9-й армии. Георгиевский кавалер. Смещен с должности с началом украинизации армии. С мая 1918 года – в Донской армии и Воору-

женных силах юга России. С февраля по октябрь 1920 года – командующий 2-й армией Русской армии. В Белом Крыму до эвакуации. В эмиграции в Югославии.

- 13 Асташов.** Генерал-майор. Участник Великой войны. В январе 1918 года, с началом формирования на Румынском фронте Корпуса русских добровольцев, назначен командиром 2-й бригады в Кишиневе. Неудачно вел комплектование бригады. Из-за конфликта с молдавским парламентом уступил свою должность генералу Ю.Ю. Белозору. Впоследствии агитировал офицеров-добровольцев против выступления из Ясс на Дон. Осенью 1918 года – в Добровольческой армии. После смерти начальника 3-й пехотной дивизии генерала М.Г. Дроздовского был назначен командовать дроздовцами. Не был принят личным составом, отозван с должности командованием.
- 14** 27 января (9 февраля) 1918 года в Брест-Литовске делегация Украинской народной республики заключила мир с представителями Четверного союза, пригласив австро-германские войска в страну для борьбы с большевиками и водворения порядка. Румыния, рискуя остаться один на один со странами Центрального блока, еще в декабре 1917 года заключила перемирие с противником. 24 февраля (9 марта) 1918 года под Бухарестом начались мирные переговоры Румынии со странами Четверного союза. 5 (18) марта был подписан предварительный мирный договор, согласно которому Румыния уступала Добруджу и обязалась содействовать перевозке германских и австрийских войск через Молдавию и Бессарабию в Одессу. Завершились переговоры 7 (20) мая новыми территориальными уступками румын.
- 15** Приказ был отдан А.Г. Кельчевским 24 февраля (9 марта) 1918 года.
- 16 Белозор (Бязозор) Юлиан Юлианович (1862–1942).** Генерал-лейтенант (1915). Участник Русско-японской и Великой войн. С ноября 1914 года – начальник санитарного отдела 9-й армии; с февраля 1915 года – временно командующий бригадой 3-й гренадерской дивизии, позднее – начальник 2-й стрелковой бригады (дивизии). Георгиевский кавалер. В сентябре 1917 года – временно исполняющий обязанности командующего 9-й армии Румынского фронта. В январе 1918 года – начальник формировавшейся в Кишиневе 2-й бригады русских добровольцев. После приказа командования,

- подчинился и распустил ее. С сентября 1918 года – в резерве чинов при штабе Добровольческой армии (позднее – при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии).
- 17 «Сфатул-Церий» («Совет края», «Совет страны»).** Был сформирован в ноябре 1917 года представителями либеральных и мелкобуржуазных партий и групп Бессарабии. 2 (15) декабря объявил Бессарабию Молдавской народной республикой, взяв на себя верховную власть. В борьбе против большевиков ориентировался на поддержку стран Антанты, Румынии и Украинской народной республики. 5 (18) января в Бессарабию вошли украинские войска, 6 (19) – румынские. 27 марта (9 апреля) и 1918 года «Совет края» принял решение о присоединении Молдавской народной республики к Румынии.
- 18 Пержхайло Августин Оттонович (1864 – после 1933).** Генерал-лейтенант. С августа 1917 года – командир 7-го армейского корпуса; позднее – командующий 6-й армией (?). Один из инициаторов создания добровольческих частей на Румынском фронте. С февраля 1919 года – в резерве чинов при штабе Главнокомандующего Вооруженных сил юга России.
- 19** В деле пропущен лист.
- 20** Речь идет о командире Сводно-стрелкового полка генерал-майор В. Семенове.
- 21 Натиев Александр (1873–1919).** Генерал-майор. Участник Великой войны. С начала 1918 года – в гетманской армии. С весны до октября 1918 года – командир Запорожской дивизии. С осени – в Добровольческой армии, инспектор формирования войск на Северном Кавказе. Убит летом 1919 года в Батуми.
- 22** Свято-Вознесенский кафедральный собор города Новочеркасска.
- 23** В деле пропущен лист.
- 24** Волков С.В. Первые добровольцы. М., 2001. С. 20.
- 25** Часовой. 1953. № 330.
- 26** Волков С.В. Указ. соч. С. 147.
- 27** ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 79.
- 28** Походы и кони. Записки поручика Сергея Мамонтова. 1917–1920. М., 2001
- 29** Первые бои Добровольческой армии / С.В. Волков. М., 2001. С. 539.

ФОРМИРОВАНИЕ
СВОДНОГО МОРСКОГО
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО
ПОЛКА И СПАСЕНИЕ
ЗНАМЕННОГО
АНДРЕЕВСКОГО
ФЛАГА 1-го МОРСКОГО
ПОЛКА БАЛТИЙСКОЙ
ДИВИЗИИ¹

В ноябре месяце 1915 года из мобилизованных сверх нормы матросов были окончательно сформированы две отдельные морские бригады: Балтийская и Черноморская. Каждая бригада состояла из четырех отдельных батальонов трехротного состава. Балтийская бригада служила для охраны побережья Балтийского моря и для десантных операций. В марте 1916 года бригада пополнилась маршевыми ротами пехотных запасных батальонов, и батальоны были переформированы в полки восьмиротного состава, по два батальона в каждом полку. Со дня формирования бригады она располагалась на островах Балтийского моря: Эзель, Даго и Моон. В 1916 году 23 апреля всем четырем полкам были пожалованы Государем Императором знаменные Андреевские флаги, которые были освящены в Ревеле.

В октябре месяце 1916 года Балтийская бригада была перебросена в Херсонскую губернию и прибыла в город Николаев 16 октября, где пополнилась и развернулась в отдельную Балтийскую морскую дивизию, была отправлена на Румынский фронт и уже 10 января 1917 года занимала позиции по Дунайским рукавам: Килийскому и Георгиевскому, от Черного моря до города Тулча включительно. Отдельная Балтийская морская дивизия состояла из четырех полков: 1-го, 2-го, 3-го и 4-го. Каждый полк состоял из четырех батальонов четырехротного состава. Дивизией командовал адмирал князь <В.В.> Трубецкой².

Полки, занимая позиции, построились обычным порядком и заняли участки, базируясь: один – в городе Сулине, другой – в деревне <нрзб.>, третий – против города Тулча и <нрзб.> и резервом в городе Измаиле, а четвертый – в Килия. Штаб дивизии был в Измаиле.

Февральский переворот не так резко отразился на дивизии, как это было в других частях, за исключением разве только небольших отдельных недоразумений между офицерами и солдатами, вследствие провокационных выходов матросов Дунайской военной флотилии. Большевистский переворот застал дивизию почти боеспособной.

В это время 1-й морской полк стоял в Сулине, где, следуя приказу других полков, солдаты отказались занимать позиции и были сменены румынами. Полк на транспортах прибыл в Измаил, где он стоял и раньше, и занимал все позиции у Тулчи. 2-й, 3-й и 4-й морские полки оставили свои позиции сейчас же, как только стало известно, что власть перешла в руки советов, и тоже прибыли в Измаил, откуда в скором времени стали разъезжаться на транспортах и на подводах, захватив с собою знаменные Андреевские флаги, а полковые деньги и все имущество поделили между собой. Но куда именно они выезжали – ничего не известно, до нас дошли только жалобы жителей прибрежных сел на грабежи солдат морских полков, ехавших на транспортах.

Остался в Измаиле лишь 1-й морской полк. Я был начальником хозяйственной части этого полка. Командир полка полковник Киркин, с переходом власти в руки советов, выехал в отпуск в Петроград, за ним выехал и помощник его по строевой части подполковник Тарасович, тоже в отпуск в Одессу. Остался в полку лишь я один из офицеров: и исполнял свои обязанности по хозяйству, и в то же время командовал полком.

В начале января 1918 года полковым комитетом был выбран на должность командира полка К. Тимофеевич, но вся его деятельность выразилась лишь в том, что он все имеющиеся в полку запасы продуктов, обмундирования, белья, а также и товары полковой лавки поделил между офицерами и солдатами. Хотел поделить и деньги, но я, как начальник хозяйственной части, просил этого не делать и сдал деньги в сберегательную кассу.

1-й морской полк по своему возвращению в Измаил никакой службы не нес, кроме своих караулов, а в январе месяце 1918 года солдаты отказались нести и караульную службу. Тогда в караул к денежному сундуку и к знамени назначались офицеры полка. Числа 10 (23) января, часов в 10 вечера, полковой комитет скрылся, взяв с собой и все комитетские деньги, о чем дали мне знать около 11–12 часов ночи. Боясь на следующий день больших беспорядков, я в ту же ночь с поручиком Стариковым, адъютантом подпоручиком Лагиным и с караулом перенесли знамя на частную квартиру, где оно и находилось под наблюдением подпоручика Лагина, на чердаке. На следующий день солдаты обратились ко мне с требованием выдать им все деньги и знамя, так как они решили ехать домой. На эти требования я сказал им, что получите кормовые деньги, а знамя ночью взято комитетом и увезено. Много было шума и крику, грозили мне даже оружием. Но только тем и кончилось.

20 января (2 февраля) солдаты должны были ехать по домам, но помешало наступление румынской армии на Измаил. Румынские войска заняли Измаил 21 января 1918 года в 14 часов, после недолгой артиллерийской перестрелки с канонерками Дунайской военной флотилии, которые в это время находились в руках матросов, хотя накануне советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было решено сдать город без боя. Но наши матросы около 10–11 часов утра открыли огонь по наступающим румынам, и румыны отвечали.

По занятии города румынами немедленно был назначен начальник гарнизона и коменданты: русский и румынский, а затем было разрешено одеть офицерские погоны и была предоставлена на первый взгляд полная свобода, была даже утверждена русская комендатура при румынском штабе, фактически не пользующаяся никакой властью. В этот же день вечером я был приглашен в штаб, где спросили меня о положении дивизии и тут же при мне отдали приказ об утверждении меня командиром полка.

25-го числа я получил приказ уволить людей по домам. 26-го числа был отслужен молебен, затем всем солдатам были выданы кормовые деньги, и 27-го числа все солдаты выехали по домам; уехали и некоторые офицеры. Из полка осталось в городе до 50 человек офицеров, в том числе и я. Остались также и чины хозяйственного управления, которые немедленно приступили к ликвидационной деятельности, что и было ими закончено к 2 (15) февраля. По уходу людей по домам знаменый Андреевский флаг был перенесен в комендантское управление, причем от румын были назначены роты. Знамя в комендантском управлении охранялось оставшимися офицерами.

Освобождение румынами Бессарабии от большевиков застало в Измаиле еще добрую половину офицерского состава. Всего в это время насчитывалось, считая офицеров из других частей, бывших на Румынском фронте, до 1000 человек. Они старались всевозможными способами оставаться здесь в это сложное время. Офицерство это питалось всевозможными слухами, с жадностью набрасывалось на попадавшиеся в городах газеты. Так, прошел туманный слух о движении на Дону, но вскоре упорно стали говорить о формировании генералом <Д.Г.> Щербачевым на Румынском фронте Добровольческой армии, параллельно сформированной такой же армии и на Дону.

Вскоре слухи перешли в реальную действительность, так как представители формирования этой армии при штабе 6-й армии, которая ликвидировала свои дела в Болграде, в 40 верстах от Измаила, прислали сюда некоторую информацию. Заинтересованные офицеры 1-го морского полка послали в Яссы, где располагался штаб вновь формируемой армии, своего представителя для получения некоторых нужных сведений. Все измайльское офицерство было заинтересовано принять участие в формируемой добровольческой армии. Офицеры собирались в городскую управу для обсуждения некоторых вопросов, открывали запись в армию, но, не имея ничего определенного, почти никто не записывался. Офицеры продолжали оставаться в Измаиле, все ожидали чего-то определенного о формировании армии, хотя многие уже начали разъезжаться.

Командир бывшего 2-го полка Отдельной Балтийской морской дивизии полковник Михаил Антонович Жебрак-Русанович успел со времени распада своего полка побывать в Петрограде и у себя на родине, в Белоруссии, где все это время усиленно готовился к независимости этого края. Ему даже предлагали на родине пост

военного министра. Из вынесенных о своей поездке впечатлений Михаил Антонович говорил только одно: «Большевизму не бывать, а будет только одна Единая, Великая, Неделимая Россия». Эти слова были сказаны им по прибытии из Ясс и на параде 24 февраля (9 марта) перед выступлением в поход, на котором собралась почти вся измаильская публика.

Полковник Жебрак-Русанович военный юрист по образованию, участник Русско-японской войны, где потерял одну ногу. За совершенный подвиг был вызван в Петроград, где был лично награжден Государем Императором орденом Св. Георгия 4-й степени. Затем Михаил Антонович перешел в Морское ведомство и служил по Адмиралтейству. По сформировании Отдельной Балтийской морской бригады, он был назначен командиром 2-го батальона, а затем при реформировании бригады в дивизию – командиром 2-го морского полка, где его застала революция. Занимал <с полком> позицию по берегу Дуная. Он родился героем, бесстрашным и храбрым, не мог быть пассивным и рвался на подвиги. Под его личным командованием полком было сделано несколько удачных налетов в расположение болгаров. Набег на <город> Тулча дал имя 2-му полку и этим выдвинул на вид нескольких героев-офицеров, а Жебрак-Русанович был награжден румынским королем орденом Св. Михаила Храброго. Истинный патриот, герой, честный солдат, Михаил Антонович верил в Великую Россию и русский народ, не щадя своей жизни, он горячо принялся за объединение измаильского офицерства.

По возвращении в Измаил из Петрограда и Белоруссии, узнав о формировании добровольческой армии, он отправился в Яссы к командующему Румынским фронтом генералу Щербачеву и привез 31 января (13 февраля) 1918 года от него предписание, в котором было приказано ему и мне сформировать в Измаиле Сводный морской добровольческий полк, командиром которого и был назначен, как старший чин, полковник Жебрак-Русанович. При этом он получил от командующего фронтом некоторые указания и материальные средства. Румынские власти обещали ему даже свое содействие. 31 января (13 февраля) вечером Михаил Антонович прибыл ко мне на квартиру, где мы сговорились о формировании полка и обо всем, что необходимо полку, а также о выступлении в поход и проч.

1 (14) февраля прибыл Михаил Антонович в канцелярию 4-го морского полка, где хозяйственный чин уже заканчивал ли-

квидацию дел полка и просил всех офицеров полка собраться на следующий день. 2 (15) февраля после нескольких прочувственных слов, сказанных им офицерам, он открыл запись на поступление добровольцев во вновь формируемый полк, при этом просил меня быть своим помощником по строевой части и начальником хозяйственной части нового полка. В этот же день почти все офицеры 1-го морского полка, находившиеся в это время в Измаиле, записались на службу в Сводный морской добровольческий полк. Затем записались в этот же полк несколько офицеров 2-го, 3-го и 4-го полков и других частей. 8 (21) февраля был отдан первый приказ по полку, которым было зачислено в полк до 50 офицеров.

12 (25) февраля командир полка полковник Жебрак-Русанович привез от командующего Румынским фронтом мне предписание о передаче сохранившегося Андреевского флага 1-го морского полка в Сводный морской добровольческий полк, что и было мною исполнено. 14 (27) февраля был парад новому полку и состоялась торжественная передача знаменного флага. Об этом было изложено в приказе по полку. Андреевский флаг я хотел отправить в Петроград в Главный Морской штаб к офицерам, туда должны были прибыть три или четыре офицера. Об этом я подробно доложил полковнику Жебрак-Русановичу. И тогда он поехал к Командующему Румынским <фронтом> и привез мне от него предписание, в котором было приказано передать знамя во вновь сформированный Морской добровольческий полк, так как пути на Петроград все закрыты, что мною и было исполнено. За время службы в Морском ведомстве Михаил Антонович сроднился с моряками, а потому хранил и не оставил знаменный флаг, даже будучи командиром Офицерского стрелкового полка, где хранилось знамя старого 81-го пехотного Апшеронского полка.

Первым приказом по Сводному морскому добровольческому полку, а именно 8 (21) февраля, были назначены офицеры на строевые и хозяйственные должности:

1. Я, в то время подполковник <С.Н.> Колдобский – помощником командира полка по строевой части и начальником по хозяйственной части;
2. Подпоручик <П.И.> Бикс – адъютантом;
3. Подпоручик <А.А.> Будрин – казначеем;
4. Подпоручик <Н.Н.> Алексеев – начальником пулеметной команды («Максим»);

5. Подпоручик <К.> Скворцов – начальником пулеметной команды («Кольт»);
6. Штаб-капитан <Н.Н.> Селиванов – командиром 1-го батальона;
7. Штабс-капитан <Н.А.> Михайлов – командиром 1-й роты;
8. Штабс-капитан <Д.С.> Димов – командиром 2-й роты;
9. Поручик <Г.Ф.> Скоринов – начальником команды службы связи;
10. Поручик <В.И.> Малыгин – начальником команды конных разведчиков;
11. Чиновник <С.> Жуков – делопроизводителем;
12. Священник – Федор Каракулин.

Как командир полка, так и должностные чины работали с раннего утра до поздней ночи: шло усиленное формирование полка и продолжалась запись добровольцев. Всем поступившим и поступающим добровольцам выдавалось небольшое пособие и жалование за февраль месяц по 150 румынских лей.

К концу февраля выяснилось недоброжелательное отношение к нам румын. Полк, имея в своем составе 76 офицеров, 24 февраля (9 марта) построился в полном снаряжении на церковной площади. В 9 часов утра священник Федор Каракулин отслужил напутственный молебен, после чего полк со знаменем прошел церемониальным маршем, а затем, уложив знамя на подводу с денежным сундуком, полк в 11 часов тронулся в поход в Румынию, а затем через Болград – в Дубоссары и дальше на Дон. В этот же день, вечером полк прибыл в Болград.

На день выступления из Измаила офицерство полка было одето и обуто. Полк имел обоз, состоящий из восьми парных повозок и одной двуколки, имел запас обмундирования, обуви, белья и продуктов. Имелись и деньги, хотя немного: 8500 рублей, переданные мною из сумм 1-го морского полка, оставшихся после выдачи кормовых денег, и около 4000 румынских лей. Все необходимое для полка было получено частью из остатков <имущества> 1-го морского полка и больше всего из Измаильского отделения Красного Креста, который в это время ликвидировал свои дела.

До прибытия нашего полка в Болград здесь был подполковник <В.А.> Руммель из Отряда полковника Дроздовского. Он привлек в отряд массу офицеров. Остались в Болграде, как ротные, четыре офицера: поручики <Ф.И. Булгаков> и <Г.А.> Паппазогло и прапорщики Мишин и <Н.И.> Богданов – которые и записались в наш

полк. Кроме того, в Болграде ликвидировал свои дела штаб 6-й армии, и по распоряжению этого штаба полку были выданы на всех винтовки, револьверы и патроны. Кроме того, по его распоряжению, были получены полком от 6-го конного пограничного Таврического полка 150 верховых коней с полным снаряжением, 14 парных повозок, 28 обозных лошадей с полной запряжкой, походная кухня, немного обмундирования и белье. По распоряжению начальника штаба 6-й армии были приняты в полк из Таврического полка 21 солдат, которые были распределены по собственному желанию частью в строй, а частью в обоз.

Ввиду того, что в Румынии везде всеми способами препятствовали не только формированию, но даже движению добровольческой армии, полковник Жебрак-Русанович торопился на соединение с Отрядом полковника Дроздовского. Для дальнейшего движения румыны обещали немедленно предоставить полку солидный состав, но после долгих переговоров состав был подан лишь в ночь на 4 (17) марта. Полк прибыл на станцию железной дороги Трояново-Воль и начал погрузку, которая была закончена к полудню. Но поезд двинулся лишь 5 (18) марта после долгих переговоров. Причем было разрешено двигаться лишь до станции Злотий, что в двух перегонах от станции Трояново-Воль. Поезд прибыл на станцию Злотий в полдень того же числа, где немедленно разгрузился и двинулся походным порядком в дальнейший путь на Дубоссары. На станции Злотий присоединилось к полку несколько офицеров, в том числе и прапорщик Стрежевский. Здесь было получено от питательного пункта и Красного Креста немного обмундирования, белья и продуктов.

Выяснилось, что продолжается формирование добровольческой армии в Кишиневе под командованием полковника Дроздовского. Узнав об этом, полковник Жебрак-Русанович с несколькими офицерами выехали в Кишинев для получения необходимой информации, но, как оказалось, румыны и в Кишиневе воспретили формирование добровольческой армии. Поэтому полковник Дроздовский со своим отрядом перешел в Дубоссары, что на границе Бессарабии и Херсонской губернии.

6 (19) марта Морской полк прибыл в село Пугай, пройдя 30 верст. 7 (20) марта прибыл в село Мирены, пройдя 20 верст. 8 (21) марта прибыл в село Вадулуй Воды, где в одной из квартир был арестован агитатор, который агитировал население грабить и уничтожать помещиков и зажиточных крестьян.

9 (22) марта полк прибыл в Дубоссары, пройдя 29 верст, а Отряд полковника Дроздовского выступил из Дубоссар три дня тому назад на Владимирскую. Для сокращения обоза все излишествовавшее имущество было отдано в городскую управу. Офицерам было разрешено иметь при себе не более 20–25 фунтов имущества, все лишнее было оставлено в Дубоссарах, а частью было отправлено в Измаил.

В Дубоссарах наш полк пробыл только до утра и 10 (23) марта прибыл уже в село Реймаровку, пройдя 35 верст. 11 (24) марта прибыл в село Волегоцулово, пройдя 47 верст. 12 (25) марта полк прибыл в село Новопавловку, пройдя 52 версты. В этом селе <полк> пробыл два дня. В этом же селе 13-го числа было первое свидание полковника Жебрака-Русановича с полковником Дроздовским³.

15 (28) марта полк прибыл в село Головневку, пройдя 35 верст, где пробыл до 17-го числа, а затем 19-го числа прибыл в село Ахмечеть, пройдя 30 верст. 20 марта (2 апреля) полк прибыл в Фельзенбург, где пробыл до 23-го числа, затем перешел в село Софиевку, куда прибыл 23-го числа в полдень. 24-го числа полк, переходя в Скобелевку, утром у деревни Возсиятское оказал помощь застрявшему броневладельческому отряду полковника Дроздовского.

25-го числа в селе Скобелевка полку была дана дневка. Отряд полковника Дроздовского в этот день прибыл в село Владимировку. В полдень в Скобелевку прибыл автомобиль с адъютантом из Отряда полковника Дроздовского и просил полковника Жебрака-Русановича прибыть в отряд для переговоров. По возвращению из села Владимировки было решено соединить отряды. Командир полка распределил офицеров по собственному их желанию для дальнейшей службы в пехоту, кавалерию и в пулеметную команду.

Утром 26 марта (8 апреля) полк выступил в село Давыдов Брод. Отряд Дроздовского в это время был уже построен у входа в Давыдов Брод для встречи Сводного морского добровольческого полка, который под начальством своего командира и с распущенным знаменным Андреевским флагом в 16 часов подошел к селу, прошел мимо полковника Дроздовского и всего отряда церемониальным маршем и затем в этот же день, 26 марта (8 апреля), вошел в состав 1-й бригады русских добровольцев. Полковник Жебрак-Русанович принял 2-й офицерский стрелковый полк⁴.

Сводный морской добровольческий полк к этому дню уже имел роту пехоты, две пулеметные команды (<пулеметы> «Максим» и «Кольт») и команду конных разведчиков – всего до 200 офицеров. Со дня выхода в поход из Измаила и дальше, в обозе солдат было не больше пяти, между тем число повозок в обозе доходило до 60 и больше, а потому обязанности обозных рядовых исполняли офицеры и чиновники, которым немало стоило труда выучиться запрягать повозки, распрягать и ухаживать за лошадьми.

С присоединением Сводного морского добровольческого полка к Отряду полковника Дроздовского был отдан приказ: знаменный Андреевский флаг считать знаменем 1-й бригады русских добровольцев. Затем с 4 (17) июня того же 1918 года оно стало знаменем 2-го офицерского стрелкового полка. С апреля 1920 года оно считалось знаменем 1-го стрелкового Дроздовского полка и, наконец, с 18 ноября (1 декабря) 1920 года, считается знаменем Сводного стрелкового генерала Дроздовского полка. 1-й стрелковый генерала Дроздовского полк вместе со знаменем оставил пределы европейской России 1 (14) ноября и прибыл в Галлиполи 9 (22) ноября 1920 года.

27 марта (9 апреля) 1918 года Сводный морской добровольческий полк в составе 1-й бригады русских добровольцев двинулся на Дон, идя походным порядком на Бериславль, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь, и в страстную субботу, под праздник Святой Пасхи, 21 апреля (4 мая) отряд прибыл в Ростов, а на третий день Святой Пасхи (24 апреля (7 мая)) – в Новочеркасск.

* * *

Во время всего похода знаменный флаг возился на подводе с денежным сундуком, а грамота лежала всегда в отдельном ящике в денежном сундуке. 15 (28) ноября 1919 года, сдавая должность начальника хозяйственной части полковнику <Я.А.> Пашкевичу, <я> сдал ему и грамоту, которая и оставалась в денежном сундуке. По прибытии в Галлиполи я грамоту не видел, спрашивал многих, но никто ничего определенного сказать не мог, но от кого-то я слышал, что грамота завернута со знаменным флагом в чехлы, но опять-таки, правда это или нет, сказать не могу.

В 1921 году Сводный стрелковый генерала Дроздовского полк прибыл из Галлиполи в Болгарию в город Севитево, откуда знамена были отправлены в Белград и туда же был отправлен и знаменный Андреевский флаг 1-го морского полка, потом Сводного мор-

ского добровольческого полка и в конце Сводного стрелкового генерала Дроздовского полка. В настоящее время все эти знамена хранятся в Русской церкви в Белграде⁵, причем знамя 1-го морского полка хранится в 12-й группе. Полный список всех знамен и регалий Русской армии, хранящихся в названной церкви, приложен к книге В. Даватц «Годы. Очерки 5-летней борьбы»⁶.

В походе несколько раз знаменный флаг находился в опасности, но благодаря распорядительности и энергии господ офицеров, он остался цел и невредим. Таких случаев при мне было три, и один при полковнике Генцберге.

1. На третьей станции от местечка Болгарики на переезде полк был задержан немецкой ротой. Полковник Жебрак-Русанович немедленно выставил против них пулемет, приказал мне порвать телефонные провода, и только после угроз полк с обозом был пропущен. Проехав около 20 верст, обоз, в том числе подводы с денежным сундуком и знаменем, остановились на ночлег на хуторе, полк же остановился на ночлег в соседней деревне. Ночью я был разбужен патрулем, который доложил мне, что немецкий разъезд спрашивал подробно об обозе, полку и даже о знамени. Обоз был немедленно запряжен и ночью же прибыл к полку. На другой день крестьяне заговорили, что приезжала кавалерия и, не застав никого, возвратилась обратно.

2. В 1918 году в ночь под праздник Святой Пасхи, с 21 на 22 апреля (с 4 на 5 мая), Ростов был взят нашим отрядом. <...> Комендантом города был назначен полковник Жебрак-Русанович, от которого рано утром получил приказание отправить весь обоз в Нахичевань, а знамя и строевую канцелярию – в город, в управление коменданта. Переложили знамя на подводу вместе со строевой канцелярией, на этой же подводе сидела жена поручика Пермагенского, Мария Федоровна, которая исполняла обязанности писаря. Все распоряжения по отправке обоза были сделаны, но по какому-то обходному пути подошел большевистский бронепоезд и открыл сильный артиллерийский огонь по обозу. Подводчики ударили по лошадям и рассыпались по всему полю, паника была ужасная. Загромождали дорогу и овраг. Показалась вдали неприятельская цепь. Видя серьезное положение, я приказал жене Пермагенского взять знамя и бежать с ним в овраг и там передать его на подводу и ожидать меня. Командиру нестроевой роты штабс-капитану <С.Л.> Скавронскому и прапорщику <Н.Н.> Ефимову приказал с оружием в руках собрать наши обозы и двинуться через овраг

в деревню Чалтырь. Сам же я собрал всех свободных людей с винтовками и рассыпался в цепь. Стрельбы не открывали, хотя со стороны противника и было несколько выстрелов. Не больше как через час цепь противника отошла, и когда обозы прошли овраги, я собрал цепь и отправился в Чалтырь, где уже был наш обоз и знамя. Мария Федоровна Пермагенская за то, что вынесла знамя на безопасное место, находясь сама под огнем, была награждена серебряной медалью на Георгиевской ленте. Благодаря только распорядительности капитана Скавронского и помощника его, прапорщика Ефимова, которые под сильным артиллерийским огнем противника сумели собрать весь обоз и, несмотря на большое количество повозок, в полном порядке привели его в Чалтырь. Не хватало лишь двух повозок, но и те на следующий день были разысканы и приведены. Приведено было и шесть повозок артиллерийского парка, а также около 10 человек пленных красноармейцев, за что фельдфебель нестроевой роты Бурмистров получил серебряную медаль на Георгиевской ленте.

3. Подходя с обозами к деревне Кореновки, я получил приказание остановиться с обозом на ночлег в этой деревне. Такое приказание получил и обоз Самурского полка. Ночью дали знать, что большевистская кавалерия ночует в 25 верстах от Кореновки. Я и командир нестроевой роты, ныне подполковник <Глушко>, решили выехать на соединение с полком в 4 часа утра вместо 9 часов, как было приказано. Так и было сделано. Обоз же Самурского полка выехал в 9 часов утра и подвергся нападению большевистской кавалерии, которая действительно ночевала в двух верстах от Кореновки. Наш же обоз, в том числе и подвода со знаменным Андреевским флагом, были уже весьма далеко от Кореновки.

4. В 1920 году при отступлении из Новороссийска в Крым, когда все пути к пристани были загромождены и туда нельзя было ни пройти, ни проехать, с большим трудом возможно было отыскать что-либо, а между тем, стрельба с судов уже шла по наступающим большевикам. Полк наш с утра начал погрузку и посадку людей на транспорт, а знаменного флага не было. Начальник хозяйственной части полковник Генцберг лично с командой ходил на розыски подводы с денежным сундуком и знаменным флагом. Много потратили времени на розыски, и подвода была найдена. Полковник Генцберг лично принес на транспорт знаменный флаг и сдал под охрану караула.

* * *

В Дубоссары Сводный морской добровольческий полк прибыл только 9 (22) марта в ночь, и 10 (23) марта выступил дальше в поход. Штабс-капитана <Н.Н.> Селиванова полковник Жебрак-Русанович командировал в Яссы с тремя пакетами: один пакет – генералу <Д.Г.> Щербачеву, другой – генералу <А.В.> Геруа, третий – во французскую миссию. Получив расписки, штабс-капитан Селиванов должен был догнать полк, собирая по пути добровольцев. И действительно, он догнал полк в Новочеркасске и привез с собой 34 добровольца, которые тут же и влились в полк. Из станицы Егорлыцкой по приказу генерала Дроздовского капитан Селивачев с подпоручиком Бочарниковым были отправлены в города Екатеринослав, Елизаветград и Бессарабию по организационным делам дивизии.

В станицу Егорлыцкую была доставлена новая партия добровольцев в количестве 68 человек. В Тирасполе было организовано бюро, куда являлись добровольцы из Бессарабии, а оттуда переправлялись в Одессу, где было главное бюро под руководством адмирала <Д.В.> Ненюкова⁷. С приходом немцев на Украину вербовки добровольцев были затруднены, и добровольцы отправлялись одиночным порядком, поэтому <они> не все попадали в Офицерский стрелковый полк, многие перехватывались агентами в Ростове и отправлялись в Южную армию. Всего добровольцев, прошедших через бюро в Тирасполе и Одессу, было до 2000 человек. Добровольцы, прибывшие в наши отряды, привозили с собой пулеметы, винтовки, гранаты; и все они это укладывали в свои чемоданы и вещевые мешки, чтобы скрыть от немцев, а еще больше – от чинов Украинской армии.

Много офицеров Сводного морского добровольческого полка ездили в Совдепию, в Харьков, где распространяли воззвания и возили добровольцев.

Из всего Сводного добровольческого полка, выступившего 24 февраля (9 марта) 1918 года из Измаила через Румынию на Дон, в Галлиполи прибыло лишь 20 человек, а именно:

1. Священник Ф. Каракулин;
2. Полковник <С.Н.> Колдобский;
3. Подполковник <Н.А.> Алексеев;
4. <П.И.> Бикс;
5. <В.И.> Малыгин;
6. Капитан <С.Л.> Скавронский;

7. <Н.Н.> Селиванов;
8. <М.Н.> Жек;
9. <А.М.> Низовцев;
10. <А.К.> Павлов;
11. <П.Ф.> Бочоришвили;
12. <А.А.> Тарганчук;
13. Кобец;
14. <Л.А.> Кречетов;
15. <И.Э.> Маурин;
16. <И.Д.> Соляник;
17. Штабс-капитан Руткевский;
18. Поручик <В.Т.> Денисенко;
19. Ротмистр Терзиев;
20. Коллежский асессор <В.П.> Федоров.

Все сведения о совершенном походе, о боях Дроздовского отряда, в составе которого был и Сводный морской добровольческий полк, имеются в штабе Дроздовского стрелкового полка.

23 июня (6 июля) 1918 года был бой под деревней Белая Глина. В этом бою был убит первый командир 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка полковник Жебрак-Русанович и 90 офицеров.

12 ноября 1930 года

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 416. Лл. 1–14.
- 2 **Трубецкой Владимир Владимирович, князь (1868–1931).** Окончил Морской корпус (1891). Участник Русско-японской войны, командир подводной лодки «Сом» (1904–1906). Окончил курс военно-морских наук в Николаевской академии (1904) и курс подводного плавания (1907). В 1906–1912 годах служил на Балтике, командовал эсминцами «Сильный» (1907–1909) и «Донской казак» (1909–1912). С 1912 года командир дивизиона эсминцев на Черном море: 3-го (1912–1913) и 1-го (с декабря 1913 года). Капитан 1-го ранга (1913). В Великую войну командовал дивизионом миноносцев Черноморского флота, линкором «Императрица Мария» (1915–1916). В августе 1916 года по представлению нового командующего флотом – вице-адмирала – был назначен начальником Минной бригады Черноморского флота. Контр-адмирал (1916). Участвовал в минных операциях и боях, отличаясь храбростью и инициативой. По окончании Великой войны – в эмиграции (Париж).
- 3 Речь идет о первых, неудачных переговорах о соединении двух добровольческих отрядов.
- 4 Командиром Сводно-стрелкового офицерского полка (позднее 2-го офицерского стрелкового полка) полковник М.А. Жебрак был назначен позднее, после неудачного штурма Ростова в конце апреля 1918 года. В данном случае речь, видимо, идет о сохранении под его командой Сводного морского полка в составе Отряда полковника М.Г. Дроздовского.
- 5 Речь идет о Свято-Троицком соборе в Белграде, построенном в 1924–1925 годах по проекту архитектора В.В. Сташевского. В октябре 1928 года в соборе был похоронен генерал П.Н. Врангель, над которым были склонены знамена многих полков Русской Императорской и Добровольческой армий. Храм долгое время был своеобразным символом Русского Бе-

лого дела в Зарубежье. Все знамена исчезли из храма в 1944–1945 годах. Судьба их печальна: большая часть была сожжена СМЕРШем, единицы попали в СССР (значок Корниловского ударного полка в Центральном музее Вооруженных сил и Николаевское знамя Марковского полка в Государственном историческом музее). Дроздовцам удалось сохранить свои знамена: Андреевский флаг и Николаевское знамя 1-го Дроздовского стрелкового полка, а также полковой значок (малиновый ромб с литерой «Д») хранятся в Париже в Храме Св. Александра Невского. Одно из Николаевских знамен дроздовцев попало в США. Ныне в Свято-Троицком соборе в Белграде находится только саркофаг генерала Врангеля (храм едва не был разрушен, когда во время бомбардировок НАТО сербской столицы в 1998 году в находящийся рядом с ним телецентр попала бомба).

6 Даватц В. Годы. Белград, 1926.

7 Ненюков Дмитрий Всеволодович (1869–1929). Вице-адмирал. Участник Русско-японской и Великой войн. Георгиевский кавалер. С апреля по декабрь 1918 года – начальник Одесского вербовочного центра Добровольческой армии. С марта 1919 года – управляющий военно-морской базой Одессы; с 20 августа – командующий Черноморским флотом. В феврале 1920 года уволен генералом А.И. Деникиным за поддержку генерала П.Н. Врангеля. Сыграл выдающуюся роль в деле восстановления Черноморского флота при Врангеле, а также способствовал успешной эвакуации белых из Крыма в ноябре 1920 года. В эмиграции в Югославии.

ДНЕВНИК ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КАМЕННОУГОЛЬНОМ БАССЕЙНЕ

(с 24 марта (6 апреля) по
29 мая (11 июня) 1919 г.)¹

24 марта (6 апреля) 1919 года. Криничная. Положение старое. После полудня <через> Батмановку и Скотоватую противник пытался наступать в составе полутора – двух сотен конницы, но огнем гаубицы, высланной туда, после 3–5 снарядов был рассеян. Генерал <А.Г.> Шкуро от Очеретино двинулся на Юзовку и Волноваху. Справа 1-я дивизия в районе Енакиево ведет бой с наступающими красными. Получил доверенность на получение пушки для «Полковника Жебрака»².

25 марта (7 апреля). Криничная. Утром налет на Криничную четырех аэропланов. Красные со стороны Горловки повели наступление. Целый день встречный бой. К вечеру наши части заняли шахту № 8 вправо от Горловки и двинулись на Горловку, куда и вошли к наступлению темноты. Части 1-й дивизии сдерживали наступление на район Енакиево. Генерал Шкуро очистил район Юзовка – Волноваха. Туда <ожидается> приход Партизанского генерала Алексея полка, а к нам – «Легиона чести» (остаток Особого корпуса из Франции), 900 штыков которого сейчас отдыхает в Ростове, а остальные в Новороссийске³. Семилетовский отряд⁴ в составе 2000 человек вышел к генералу <В.Л.> Покровскому, на фронт которого напирают значительные силы красных. Его конные

части занимают Фашевку – Красный хутор. Генерал <П.И.> Коновалов (донцы), занимает Луганск.

26 марта (8 апреля). Криничная. Опять, в 14 часов, налет трех аэропланов на Криничную. Бомбы – без результата. Большевики начали наступать на Горловку. Во время артиллерийского боя ранено на наблюдательном пункте гаубичной батареи три офицера, а в броневике «Офицер» – два⁵. Красные стали отлично стрелять. Месяца через полтора ждем соединения нашего правого фланга с левым адмирала <А.В.> Колчака, который подходит к Царицыну.

27 марта (9 апреля). Криничная. С утра красные <нрзб.> силы повели наступление на Бахмутовку, Скотоватую и Батмановку. Наши три роты были несколько раз обойдены и к вечеру отошли от этой линии. Белозерцы⁶ оголили вдобавок еще наш левый фланг, отчего 7-я и 9-я роты потеряли до половины своего состава. 7-ю роту оттянули. Осталось всего 18 штыков.

28 марта (10 апреля). Криничная. Наступление для ликвидации противника у Скотоватой при поддержке двух свежих рот <успешно> закончилось взятием Батмановки и Скотоватой. В 12-й роте много раненых. Пропал один взвод, участь которого к ночи не установлена. Прибыл эшелон Партизанского генерала Алексеева полка. Мало офицеров, много мобилизованной сволочи.

29 марта (11 апреля). Криничная. День – спокойно.

30 марта (12 апреля). Криничная. То же. День неудачен для красных. На Хацпетовке броневик «Офицер» подбил их броневик «2-й Сибирский бронепоезд» с четырьмя пушками и 19 пулеметами. Сгорел пулеметный вагон с девятью пулеметами и прислужгой. Два орудия повреждены. Прислуга вся уничтожена. «Офицер» из одной пушки из 30 снарядов попал 21. Торжественно <важно> привезли его на Криничную. Под Луганском донцы также взяли броневик «Смерть врагам трудового народа». Французы ушли. Одесса пала. Помощь «союзников» слабовата⁷.

31 марта (13 апреля). Криничная. Панихида по <Л.Г.> Корнилову – день его смерти*.

1 (14) апреля. Криничная. День – спокойно.

* «Рассуждение, во что обратились наши пять месяцев борьбы в Донском бассейне... Надежды на Колчака, союзников и другое» – прим. документа (здесь и далее – комментарий В.Г. Харжевского, приводящего текст П.И. Бикса в изложении).

2–5 (15–18) апреля. Криничная. Сравнительно спокойно. Уезжаю в отпуск в Екатеринодар⁸.

8 (21) апреля. Криничная. У Колчака огромные успехи. Самара и Казань взяты⁹. Красные прорвались на стык нашего и Корниловского полка в районе Корсуни и подошли к путепроводу. Наступление было ликвидировано при участии всех последних резервов полка, и к утру 9-го положение восстановлено.

9 (22) апреля. Криничная. Ничего особенного на фронте не происходит.

18 апреля (1 мая). Криничная. Официально Колчак взял Казань и Самару¹⁰. Из прибывших вчера четырех рот пленных красных бывшей Таманской армии сформирован 4-й батальон <Дроздовского стрелкового> полка и в <ночь> назначенного на утро наступления выдвинут в район Скотоватой. При начавшемся наступлении половина 13-й, 14-я и 15-я роты перешли на сторону красных и открыли огонь по оставшимся нашим офицерам. Мера, принятая на случай повторения – расстрел человек 20, <как результат> – выдано оставшимися три агитатора. 2-й взвод <команды> 4-й роты при 1-м батальоне стоит в хуторе Берестовом, между Пантелеймоновкой и Корсунью, а 1-й взвод – у водокачки на левом фланге полка, левее – алексеевцы¹¹.

Колчак на Саратов двинул 80-тысячный корпус для связи с нами и совместных наших действий на Царицын¹².

19 апреля (2 мая). Хутор Берестовый. С утра наступление <противника> на Корниловский и Марковский полки. Софиевский и Варовский рудники им заняты. Часом к 15-ти, контратакой и огнем нашей и корниловской артиллерии они выбиты из рудников и бежали на рудник № 8. На команду (два взвода) со стороны хутора Матарского около 100 красных повели наступление, но нашим огнем были до сумерек задержаны у ветряной мельницы, шагов на 1600 от нас. Артиллерия противника частым огнем засыпала занимаемое нами кладбище. Присланный на поддержку взвод 7-й роты (11 человек) не понадобился, и в 12 часов ночи, когда разведка выяснила, что красные от мельницы отошли – ушли к 1-му батальону. Ночь – спокойно.

20 апреля (3 мая). Хутор Берестовый. Часов около 8-ми, со стороны рудника № 8 на левом фланге корниловцев, двинулись две цепи и на Берестовый, со стороны Матарского хутора цепь около 100 человек – особой активности не проявляют. Прибыл «взвод» 6-й роты (9 человек) при одном пулемете «Льюиса» и <был> мною

переброшен на правую сторону лощины в отдельный <отряд> для наблюдения за лощиной и фланкирования нашего расположения. Цепь против нас спустилась к 10 часам в овраг и не показывалась оттуда, будучи обстреливаема со стороны кладбища. Со 2-й ротой (вправо) и 4-й (влево) зрительной связи нет. К ним – прорыв на две-три версты. С 9 часов на участке 4-й роты в районе Михайловского хутора красные пытались наступать, но огнем 4-й роты были отбиты. Обстрел нас артиллерией противника. Из лощины, куда спустилась цепь – ни звука. К ночи на всем фронте тишь.

21 апреля (4 мая). Хутор Берестовый. Ночью, около 1 часа на водокачке <нрзб.> – конные босяки, прошедшие лощиной со стороны Скотоватой, числом 40–50 человек, перерезали телефонный провод и окружили оба домика, не замеченные ни постами, ни часовым для самоохранны. < нрзб.> Старший унтер-офицер Бондарев заметил их, когда они подошли вплотную, и поднял крик. Первым услышал поручик Лученко и вскоре разбудил офицеров. Стали высказывать из домов встреченные ружейными выстрелами в упор и ручными гранатами в окна. Благодаря темноте, ушли все, за исключением четырех человек (два команды пеших разведчиков <были> зарублены и два рядовых пулеметной команды), раненые и ушибленные прикладами.

С 13 часов красные наступали на Корсунь и 2-ю роту и потеснили 2-ю роту. Левый их фланг попал под фланговый ружейный и пулеметный огонь из хутора Берестового, они бежали на хутор Майоровский, что севернее хутора Берестового. В то же время сильный артиллерийский обстрел противника участков 3-й и 4-й рот и одновременно наступление на эти роты и посты команды и на прорыв левее нас до Партизанского Алексеевского полка. 3-я рота, обойденная, отходит. Пришлось и мне оттянуть свои посты. Тут подошла 5-я рота, и часов в 15, я со взводом (8 человек) 5-й роты и частью разведчиков, 5-я и 3-я роты в наступлении и почти без потерь восстановили положение и выдвинулись вперед к Скотоватой. Потом оттянули людей, оставив посты. Ночь – спокойно, только на 2-ю роту пробовали наступать, но были отброшены огнем. Холодный ветер.

22 апреля (5 мая). Водокачки – Берестовый. С утра красные начали возиться на окраине хутора Берестовый. Перестрелки. Пронизывающий восточный ветер. На всех участках 1-го батальона до 16 часов – тихо, а в 16 часов большими силами наступление на 4-ю роту, обход правого фланга. Приданный мне на хуторе Бе-

рестовом взвод 12-й роты (12 человек) с одним пулеметом «Максим» к наступлению сумерек приказано двинуть во фланг наступающему противнику. На поддержку 4-й роте пошли 5-я и 6-я роты. Наступление этих рот на бугры началось около 22 часов. 4-ю противник подпустил на 80 шагов и открыл огонь из четырех пулеметов. 4-я рота потеряла убитыми и ранеными более 50% состава и осталась под буграми вместе с остальными наступающими. Ночь – спокойно.

23 апреля (6 мая). Хутора Берестовые. Решено взять бугры, предварительно очистив хутор Михайловский, левее железной дороги. Красные с бугров спустились и залегли. К 9-ти часам хутор Михайловский очищен. На левом участке завязалась перестрелка – оказалось, ложная тревога. В 11 часов наши части перешли в решительное наступление при поддержке двух легких орудий, одной гаубицы и «Лели» – 4^{1/2} орудия платформы бронепоезда «Единая Россия». К 12 часам красные в панике бежали, оставив три пулемета, шесть перебежчиков, винтовки, патроны. Наступаю на 62-й и «Коммунистический» полки. У нас серьезные потери. В 5-й роте – пять убитых. Красные потеряли убитыми человек 20 (остались на поле сражения).

4-я, 5-я и 6-я роты сильно изнурены. На моем участке с 13 часов постреливает пулемет противника вдоль улицы хутора и по кладбищу. Мои люди устали до того, что, сидя на наблюдательном пункте, засыпают днем. Смены не дожدهшься, а охранять пятнадцать человеками и восемью пулеметами участок в 2–3 версты – слишком утомительно.

Сведения об успехах донцев, взявших Луганск и другие пункты. Донцы двигаются на Славяносербск. Шкуро взял Фашевку, <нрзб.>, Колпаково. Красные бежали к северо-западу. Сведения, что марковцы левее от нас оставили станцию Ясиноватую. Со стороны Скотоватой красные цепями и колоннами двинулись по Ясиноватой балке к Ясиноватой, не обращая внимания на огонь полкоманды (поручик Труба), принимавшей всей левее. С сумерками сведения: красные заняли и село Ясиноватое. Для нас приказ: отойти на линию Калиновка – Марьевка – балка вправо от железной дороги перед Ханжонково, но затем оно изменено; и к 22 часам мы отошли к Криничной, заняв линию верстах в трех-четырёх впереди от Криничной: Ясиноватая балка – путепровод. Левее, на Ясиноватой линии – 1-й батальон Марковского пехотного полка. В 11 часов я с командой и шестью конными разведчиками выступил по на-

правлению Ясиноватой, но стало темно, и я до рассвета оставался в балке верстах в полутора от села Улановка.

24 апреля (7 мая). Балка Ясиноватая. На рассвете двинулся по дороге к селу Ясиноватое. У мельницы, около одной версты перед станцией Ясиноватой, оказались отошедшие марковцы. Я повернул обратно к оврагу, выбрал позицию вправо и влево по балке и донес капитану <А.В.> Туркулу. Вскоре на буграх влево от балки показались одиночные красные. До 13 часов все было спокойно. На левом моем фланге переполюх: отходившие марковцы обстреляли нас, приняв за красных. Не зная обстановки, я оттянул свою цепь версты на полторы, заняв следующий гребень. Подошла половина 9-й роты марковцев и заняла гребень влево от балки, уступом за мной, фланкируя все мое расположение. Приданный мне «Максим» (прапорщик Золотарев) я поставил на правом фланге марковской полуроты для обстрела балки, невидимой с правой стороны. Вправо от меня стоял взвод (11 человек) при одном пулемете «Льюиса» 3-й роты, по Горловскому полотну – 7-я рота, а правее нее, впереди станции путепровода – 12-я рота. Днем – редкие перестрелки с постами противника. К вечеру, выставив два поста, я оттянул команду на Улановку.

25 апреля (8 мая). Балка Ясиноватая. К 8-ми часам утра заняли прежнюю позицию, окапываемся. Команда (29 человек) растянулась на две версты. Правее 12-й роты стоит 2-я рота, так как на участок вправо (Корниловский полк) красные двое суток ведут натиск. Перед моим правым флангом противника как будто бы накапливается 100–150 человек. Около 16 часов противник упорно, при сильной артиллерийской поддержке, нажал на корниловцев, которые начали отходить, бросив даже правее 2-й роты орудие. 2-ю роту начали обходить слева, но командир роты нажал на красных – они бежали.

В этот момент на моем участке около 18½ было обнаружено, что противник с бугров правее балки оттягивает части. Ушло три-четыре колонны и много подвод на Ясиноватую. 2-ю роту в то же время начали обходить справа, поэтому доблестный командир капитан <Е.Б.> Петерс, бросив преследование и удирающих на бугры красных, завернул свою цепь левым плечом вперед и двинулся на обходящего справа противника. 12-я рота, заметив перемещение, отошла, обнажив левый фланг 2-й роты, а корниловцы, приняв 2-ю роту за красных, открыли по ней сильный огонь шрапнелью. Артиллерия красных тоже не отставала. Таким образом, огонь по 2-й ро-

те <велся на оба> фронта. Обходящие справа красные остановились на дне лощины, залегли, подпустили 2-ю роту на 800 шагов и – огонь. 2-я рота: «ура». Красные удирать. 12-я рота тогда заняла прежнюю позицию. Капитан Петерс преследовал противника, занял часть брошенных позиций противника, спас их (корниловцев. – Р.Г.) пушку. Красные, видя, что и корниловцы начали наступать, в панике сняли свою батарею, подожгли сложенные штабеля ящиков со снарядами и бросились бежать на село Корсунь, взрывая пути по Горловской железной дороге.

Когда положение на правом фланге было окончательно восстановлено, на участке от взвода 3-й роты до железной дороги на Ясиноватую внезапно появились густые цепи красных и одновременно с этим атаковали взводы 3-й роты, впереди которой в шагах 400-х была лощина, в которой красные «накопились». Начал отходить мой 1-й пулемет – испортившийся. На правом фланге <нрзб.> был выставлен кордон пулеметного взвода (с прапорщиком Семеновым). Команда отстреливается. К марковцам (влево) на <помощь> подошла полурота, и они совместно перешли в контратаку. Мы тоже перешли вперед (со мною семь человек и один пулемет). Уже темно. Мы крикнули «ура», и красные повернули назад. Красные открыли по нам огонь, остановившись. Марковцы отошли.

Я тоже стал отходить на бугры <возле> Криничной. Взвод 3-й роты отошел к путепроводу. Бывший в моем распоряжении на хуторе Улановка полуэскадрон гусар ждал моего подхода с командой. Собрав всех людей, в темноте <я> стал отходить к Криничной. В это время 12-я и 7-я роты были также атакованы и стали отходить к Криничной. В Криничной я нашел командира марковского батальона, переговорив с Туркулом, который <был> за путепроводом и получил приказ двигаться к нему. Около 21^{1/2} прибыли туда. Подтянули 12-ю, 7-ю, 3-ю, 2-ю и 8-ю роты. 7-я, 8-я и 12-я роты стали на позицию верстах в полутора от будки. Марковцы, оставив Криничную, отошли по другой ветке и стали на высоте нашей будки. Из штаба получен приказ – на рассвете восстановить положение. Не улыбается нам это – все крайне измучены. Я должен был двигаться левее 8-й роты на Криничную, Улановку, < нрзб.>. В 1^{1/2} часа ночи приказано из штаба – наступление отменить, а затем отойти на Ханжонково, заняв линию: завод – хутора – высота 923 перед Ханжонково. Команда стала в батальонный резерв, 8-я рота ушла в Ханжонково. В 3 часа 20 минут эшелон тронулся. Броневику противника с путепровода принялся обстреливать его, но безрезультатно.

День на нашем участке прошел спокойно. «Единая Россия» несколькими выстрелами подбила броневик противника на станции путепровода, который почти весь сгорел. В отместку артиллерия противника (гаубицы) принялась громить по вокзалу Ханжонково и поселку. Еще утром наши части были вынуждены оставить Макеевку, почему к вечеру нам и марковцам приказано отойти к Харцызску. На марковцев слева красные, со стороны Ясиноватой – Криничной, весь день пробовали <наступать>, и к вечеру они отошли за франко-русский завод.

27 апреля (10 мая). Харцызск. Батальон занимает позицию на высоте севернее Харцызска, верст на четыре-пять. С 25 апреля (8 мая) установилась более теплая погода, и мои люди, несмотря на тесноту в вагонах, успели малость отдохнуть. В 16 часов приехал генерал-лейтенант <П.Н.> Врангель, наш командарм и объехал фронт¹³. Через 1½ красные повели наступление на корниловцев, стоявших влево от деревни Зуевки, и на наш правый фланг. Команду срочно вызвали в ружье – на правый фланг, расположиться правее 3-й роты. Вышли с одним пулеметом «Льюис» и одним «Максимом». Бугры за оврагом впереди наших позиций были сильно покрыты густыми цепями красных, начавшими уже теснить левый фланг корниловцев.

Когда команда развернулась, заняв исходное положение, подскочил командир корниловского батальона и стал просить поддержать наступлением. Я двинулся вперед, но, видя, что 3-я рота не двигается, остановился у ручья в овраге и открыл огонь по цепи противника. Особенную пользу принес «Максим», оставленный много сзади на бугорке, так как в случае неудачи его едва ли вытащили бы обратно в гору по пахоте. Красные остановились, залегли и открыли огонь по нам. Несколько тяжелых снарядов с «Единой России» и легкой батареей, угодивших по самой гуще цепей, заставили красных отойти за горизонт, и дрогнувшие корниловцы стали приводить себя в порядок. У нас несколько раненых. В таком положении я оставил команду до наступления сумерек, непрерывно обстреливая бугры и не давая противнику вновь на них сосредоточиться. В сумерки оттянул команду шагов на 800 и оставил в овраге два поста по три человека. Правее остались посты корниловцев. В 21 час получил приказание сняться и отойти к эшелону. Генерал Врангель на смотре обещал скоро сменить полки Семеновской дивизией¹⁴. Ночь прошла спокойно.

28 апреля (11 мая). Харцызск. Подошедший ночью ближе броневик красных с рассветом начал обстреливать наш состав эшелона, очевидно, принимая паривший паровоз за броневик. Часов около 9-ти осколками ранено двое – мой юнкер Гункевич и офицер 2-й роты. Командир 1-го батальона сменился, начальником участка вступил командир 2-й роты полковник Чернов.

Опять мало надежды на смену, так как подошедший резерв полка в Харцызске – 8-й пластунский батальон ушел после полудня на Иловайскую и влево. Настроение немного пало. Штыков в команде осталось 16, пулеметов – 6. С 14 (27) апреля из 49 боевых чинов выбыло 13 ранеными, 3 убитыми и 2 без вести, не считая заболевших. Красные целый день сидели сравнительно спокойно. Около 12 часов они завозились было на руднике № 17, но пушка «Единой России» несколькими снарядами зажгла там бараки, и там наступило спокойствие. Позднее на левом фланге против 4-й роты видно было оживление – только недолго. Стоят чудные лунные ночи... <нрзб.>

29 апреля (12 мая). Харцызск. Ночь – спокойно. Приказано покончить с группой красных у Криничной. Генерал Шкуро к 6-ти часам утра вышел на хутор Н. Марьевский и должен выйти дальше в тыл красным, <в направлении> на Криничную. Корниловцы должны двигаться своим правым флангом, который выйдет на заводскую вышку севернее малой Липовой балки. Наши роты 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 12-я, 3-я и 8-я – в указанном порядке – слева наступают в лоб.

Часов около 15-ти одною из рот было донесено командиру 2-го батальона, что в тылу противника слышны ружейная и артиллерийская стрельба. Вслед за этим было отдано приказание ротам двигаться вперед, причем и нам двигаться только правым флангом. Команде и 2-й роте быть в батальонном резерве. Часов около 16-ти на левом фланге в 6-й, 7-й и 12-й ротах произошло смятение. Появилось два бронеавтомобиля. В 6-й роте перебежало взвода полтора к красным, и она бросила не только перед тем взятые у противника два пулемета, но даже свои собственные два «Максима». На всем левом фланге роты начали поспешно отступать. Команда отошла к концу посадки, что перед Харцызском и заняла окопы, что занимала 3-я рота. Через полчаса подошла 3-я рота, и мы отошли к составу эшелона. Все роты – кроме левого фланга – 5-й, 4-й, 7-й, 12-й и 6-й, заняли прежде исходное положение. Прибыл командир Корниловского полка, и выяснилось, что корниловцы занимают

бугры, прежде занятые красными. Команде приказано стать влево от железной дороги. Противник их занимал небольшими силами – до 150 человек, при 1–2 пулеметах и 1–2 взводах кавалерии.

К 18^{1/4} часам я получил приказание, объединив под своею командой все действующие роты левее железной дороги наступать в 19 часов на бугры, занять старые окопы и их удерживать. В 18^{1/2} начал двигаться левым флангом, начиная с 5-й роты, которая вышла на завод и оттуда в правый фланг противнику. К 19-ми часам двинулся и я. Пройдя шагов 600, получил приказание отставить наступление и отойти в исходное положение. В сумерки 12-й роте приказано было принять правее, а команду оттянуть в резерв командира батальона. Это кстати: начался сильный ливень... Расположились в трубном заводе.

30 апреля (13 мая). Харцызск. Всю ночь – дождь. День – спокойно. Красные занимают бугры перед нами незначительными силами. Держат зато сильные сторожевые резервы. Корпус наш, видно, решил перейти к обороне.

1 (14) мая. Харцызск. Ночь – спокойно. Корпус сменится, когда дивизия генерала <Н.С.> Тимановского получит от нас обоз, для чего из всех частей корпуса сделаны выделения¹⁵. В 16 часов снова пробовали занять бугры, но безуспешно. Команда подошла вовремя, чтобы огнем остановить общий отход.

2 (15) мая. Харцызск. Ночь – спокойно. С самого утра красные немного стали копошиться на нашем левом фланге против завода, на участке 8-й роты. Дни дождливые. Сменились 3-я и 6-я роты 10-й.

3 (16) мая. Харцызск. С 7 часов утра появились цепи красных против наших правофланговых рот: 10-й и 12-й – ружейная перестрелка. С 12-ти часов заработала и наша артиллерия. По буграм против нас молчат конные. Часам к 12-ти противник незначительными силами повел наступление на участке 10-й роты, но ружейным и артиллерийским огнем отбит. По-видимому, противник накапливается на всем нашем фронте. По буграм то и дело – конные и появляются пешие уже влево от железной дороги. Вызван гаубичный взвод, который обстрелял в 16 часов батарею противника, стоявшую открыто против участка 10-й роты. Ружейная перестрелка затихла к 17-ти часам. Получены сведения, что к нам идут танки – дай Бог!

4 (17) мая. Харцызск. С 3-х часов ночи красные повели наступление на 1-й партизанский генерала Алексева полк. Сильнейшая

перестрелка продолжалась часов до 9-ти утра. Почти одновременно красные атаковали правый фланг корниловцев. К полудню пошел дождь, и перестрелки везде стали затихать, кроме артиллерийского огня у партизан – и могли судить об успехе (канонада удалялась). Против 10-й роты в балке, как и вчера, залегла цепь красных. На станцию Харцызск прибыли части Терской дивизии, и один полк направлен на наш левый фланг. Орудийные и ружейные перестрелки вновь (слева) возобновились и затихли только в сумерки. Перед этим дальнобойное орудие красных обстреливало расположение 10-й роты (причем убито три наблюдателя), а также завод. На нашем участке день – совершенно спокойно.

Что происходило слева? Красные со стороны Мостино повели наступление превосходящими силами на Иловайскую и к 16-ти часам были верстах в четырех от нее. Подоспевшими частями генерала Шкуро положение было восстановлено к вечеру частично. Артиллерией крупного калибра вся была брошена на этот участок, так как иначе Харцызск и все бронепоезда были бы обрезаны.

5 (18) мая. Харцызск. Ночь – спокойно. Днем – слабая перестрелка. Алексеевцы и марковцы слева при поддержке Шкуро восстановили положение. Команда отошла в полковой резерв (в 14–17 часов), в вагоны 6-й роты при эшелоне штаба полка (верстах в двух от Харцызска) на посадку. Наше место на заводе заняла половина 7-й роты, оттянутая с позиций.

6 (19) мая. Харцызск. Генерал <В.З.> Май-Маевский принимает армию. Корпус – генерал <А.П.> Кутепов. Генерал-майор <К.А.> Кельнер уходит на бригаду, поэтому командовать полком будет полковник <В.А.> Руммель. Это приятно для всех¹⁶.

На фронте – тихо. Танки (10) пришли в Иловайскую¹⁷. Части 4-й дивизии скоро сменят полк, и его оттянут на отдых в район Иловайской – Амвросиевки. Получена часть английского обмундирования – пока комплектов десять на роту. Шкуровцы и части марковцев и алексеевцев гонят красных слева. Заняты Караванная и Ларино. Сведения о взятии Петрограда начинают подтверждаться¹⁸.

7 (20) мая. Харцызск. Ночь – сравнительно спокойно. Был небольшая перестрелка. День – спокойно. Ждем танки. Левее уже участвуют 2–3 штуки, и нами уже заняты Еленовка – Караванная – Мушкетово.

8 (21) мая. Харцызск. Ночь – спокойно. В 14 часов красные, накопившись против 6-й и 8-й рот по линии железной дороги и в овраге левее ее, внезапно атаковали эти роты. Подошедшей

2-й ротой и огнем артиллерии, красные, несмотря на присутствие у них на правом фланге двух броневедомостей, были стремительной контратакой названных рот при поддержке 4-й и 5-й рот слева быстро сбиты и бежали на бугры. К 17-ти часам бой закончился. У красных много убитых. Нашли убитого комиссара и командира 2-й роты (поручика Апшеронского полка). Вечером в 20 часов получена телеграмма о высылке к утру 9 (22) мая трех тяжелых танков в Харцызск для действий на стыке нашего и Корниловского полков. Завтра получаем английское обмундирование – на все роты и команды полностью. Настроение бодрее, чем в конце апреля: отдохнули, оделись, пришли, наконец, танки. Смена полка будет, видно, нескоро, так как 4-я дивизия¹⁹ не торопится с формированием своих обозов, пока только от нашего полка приняли лошадей.

9 (22) мая. Харцызск. По некоторым данным, было замечено, что противник собирается наступать. В 1-м часу ночи прибыло три средних танка. Днем в 13 часов вновь против будки появились цепи противника, но нашим огнем были сбиты. На завтра назначено всеобщее наступление. Слева заняты уже Макеевка и юго-западнее Селидовка.

10 (23) мая. Харцызск. Три танка, 2-й и 3-й батальон – в резерве 3-я и 2-я роты – выступили в 5 часов. Танки на интервале двух-трех верст. Красные подпустили танки до одной-полутора верст и открыли ружейный и артиллерийский огонь. Наши потери: до 33 раненых и 3 убитых. При дальнейшем продвижении красные в панике бежали, оставив в Ханжонково канцелярию 12-го советского полка. Из документов видно, что красные на нашем участке собирались сами наступать бригадой. К 10 часам Ханжонково было занято.

Вправо корниловцы с трудом, но все же продвинулись, заняв к 13-ти часам Монахово, но атакой красных, при поддержке двух броневедомостей были отбиты и правым флангом отошли почти в исходное положение у Зуевки.

Влево 8-й пластунский батальон и части Шкуро, захватившие село Ясиноватое и станцию, поймали состав из 63-х вагонов, вышедший из Криничной на Ясиноватую. Огнем шестидюймовой пушки из «Иоанна Калиты» был разбит путь впереди стоявшего между Ханжонково и путепроводом большевистского бронепоезда, и таковой в полной исправности захвачен с двумя гаубицами, 100 снарядами и пулеметами. Конные разведчики и полуэскадрон

драгун-архангелогородцев²⁰, порубили много бежавших ложиной между Марьевкой и Франко-русским рудником. Взято в плен до 30 человек.

До поздней ночи – до 12-ти часов – броневик был поднят, так как, думая удрать, сошел с рельсов разбитом пути. Два танка ввиду неопытности команд отказали, но быстро были приведены в порядок.

Захвачено много документов большевиков – газеты и прочее, из коих видно, что бьют тревогу, особенно из-за успехов Колчака и восставшего в районе Елизаветграда – Екатеринослава атамана <Н.А.> Григорьева²¹.

Ночью начался сильный дождь.

11 (24) мая. Харцызск. Ночь прошла спокойно. Льет дождь. Наши части занимают <позицию> лишь по хребту бугров возле Ханжонково. К полудню красные пытались наступать, но, увидев выдвинувшийся на линию наших цепей один танк*, быстро отошли. Мокрая погода сильно затрудняет движение танков.

Сменяется 2-й батальон 1-м, а 3-й батальон (капитан <В.В.> Манштейн) занимает отдельный участок до Марьевки от полотна железной дороги – вправо капитан Туркул с 1-м батальоном.

Завтра в 2 часа ночи придут три легких танка на смену тяжелым, и назначено наступление на фронте нашего корпуса. Команда в полковом резерве в вагонах эшелона штаба на станции Харцызск. 10 человек пополнения.

12 (25) мая. Харцызск – Ханжонково. В 9 часов утра начато наступление. Участвуют три легких и три тяжелых (средних) танка. При первом же их появлении красные начали бежать. Одному лишь 3-му батальону пришлось тяжелее. 1-й батальон почти без боя выдвинулся на Ханжонково. Здесь их встретил спрятавшийся в посадке бронепоезд противника «Либкнехт № 2» картечью, и один легкий <танк> чуть не подбит гранатой с него. Удачным попаданием трех снарядов пушки «Князя Пожарского» путь отступления этому бронепоезду был отрезан (разбиты рельсы), и, отходя, он сошел с рельс. Несмотря на отчаянные попытки противника отстоять его и починить путь, он нами был захвачен.

В 12 часов наши части заняли линию Калиновка – Марьека – высота 927**. Левее заняты Ясиноватая – Галушкино – Очеретино. Генерал Шкуро продвинулся на Константиновку. У красных пани-

* «Тэнк – пишет Бик» – прим. документа.

** «Может быть 727» – прим. документа.

ка и раскол. Коммунисты уходят от большевиков, которым коммуна стала уже поперек горла²².

13 (26) мая. Ханжонково. Задача: занять линию Скотоватая – Батмановка – Корсунь – Берестовые хутора – Енакиево. Три легких танка идут на село Корсунь, обходя его справа и перерезают железную дорогу Пантелеймоновка – Горловка. Три средних идут на Батмановку.

В 9 часов утра Криничная и путепровод заняты. 3-й батальон продвигается на Ясиноватую балку. Шкуро к 12-ти часам занял станцию Ясиноватую. Состав красных и три бронепоезда из Криничной удирают на Ясиноватую, причем 3-й батальон им завалил дорогу и задний броневик сошел с рельс. Красные пытаются сбить часть 3-го батальона, зашедшего в тыл состава, но напрасно. К 18-ти часам стоящие ближе к нам части эшелонов уже выведены: два бронепоезда, 60 вагонов и 8–9 паровозов. К этому же времени без боя заняты Корсунь, Берестовые хутора, Пантелеймоновка и Скотоватая. К 10-ти часам вытянули и сошедший с рельс третий броневик красных. На нашем участке у них тоже остался всего лишь один – «Молния». В числе прочей добычи красные потеряли еще два броневых автомобиля – один был подбит, второй сдался после остановки машины. Шкуро работает в районе Очеретино – Железная. У красных полнейшая паника, масса раненых, самострелов и дезертирство с фронта. Штаб полка переехал на Криничную.

14 (27) мая. Берестовые хутора. По прибытию 1-й роты в Криничную команда выехала в 1 час ночи на Пантелеймоновку и пешим порядком на Берестовые хутора, сменить половину 4-й роты (18 человек), стоящую на линии ветряков в середине хутора. Смена произошла к 5-ти часам. В 14 часов приказание – наступать на Горловку по Корсуньской балке. Двинулись одновременно с 4-й ротой, колонной до самой Горловки. К 18-ти часам подошли к вокзалу, где получили приказание выйти к кладбищу и двигаться правее 4-й роты, выйдя на линию железной дороги из Хацепетовки – Байрака, развернулись цепью и заняли невысокую гряду с ямами каменоломни. Противник – местные никитовские и горловские бандиты – засели за полотном и в будках линии на станцию Трудовую, и несколько человек в хуторке в шагах 200, откуда выстрелом был убит младший унтер-офицер Барбуков. Правее нас занимал лесистый бугорок полуэскадрон архангелогородцев, которые в пешем строю охватили к наступлению сумерек левый фланг засевших за железнодорожным полотном бандитов и

при поддержке моих двух пулеметов выбили оттуда всю банду, которая отошла на Трудовую, так как Никитовка уже была занята пластунами слева.

15 (28) мая. Горловка – Доломит – будка 30-й версты. Ночь – спокойно. Отдыхали на бугорке по Байраковской ветке. В 7 часов утра приказание – двигаться правее 4-й роты на Трудовую и дальше на Доломит. Часть команды на подводах, часть пешком. Дошли до Трудовой и остановилась, чтобы дать выравняться частям, двигающимся справа – 2-й и 8-й ротам и 3-му батальону и слева – 3-й роте и пластунам. Через полчаса двинулись вперед. С нами – полубатарея полковника <В.П.> Туцевича, другая – при 3-м батальоне. К 12-ти часам подошли к Доломиту. Влево от железной дороги на 3000 шагов отходит цепь противника до 1000 человек. Пулеметом 4-й роты выпустили несколько очередей, после чего огонь открыло и первое орудие (наше), и весьма удачно. Красные начали поспешно отходить на Кодемские хутора. После короткой остановки команда заняла высоту вправо от будки 35-й версты по неприступному гребню, при ней 1/2 батареи. 4-я рота выдвинула заставу на будку 33-й версты. После 3-х часов остановки, данными разведки выяснено, что противник оставил Кодемские хутора, а 3-й батальон взял Луганское, захватив часть обоза красных (60-го советского полка), ротную канцелярию и пленных (китайцев). 4-я рота повзводно занимает три хутора влево по балке от будки 30-й версты, а 3-я – Кодемские хутора. Команда – будку 30-й версты. Перешли к сторожевому охранению – охранялись тремя секретами по два и три человека.

16 (29) мая. Будка 30-й версты от Попасной. Ночь спокойно. По сведениям от проходящих со станции Роты и Попасной железнодорожных служащих, Роты, Логвиново, село Покровское не заняты. На Попасной остались составы хозяйственных частей 10-го и 12-го советских полков, штаб дивизии, аэропланы и броневые автомобили. К 10 часам подошел бронепоезд «Единая Россия» и, выйдя к Логвиново, обстрелял подходящий паровоз, на котором на <станцию> Роты приезжал какой-то комиссар и взял телеграфный аппарат. Отойдя за Логвиново, он остановился, после чего последовало шесть взрывов на путях. Мои разведчики выяснили, что село Покровское еще вчера было оставлено. На Роты приезжал лишь разезд в шесть коней, в то время как наши бронепоезда продвинулись до <станции> Роты под Логвиново и оттуда обстреляли Попасную и эшелон красных, шедший от Дебальцево на Попасную. К вечеру

корниловцами и марковцами занята Вергелеевка и станция Дебальцево. Село Троице противником тоже оставлено – красные бежали от нашего разезда. Шкуро, очевидно, перерезал линию Бахмут – Краматорская, так как эшелоны красных были оттуда возвращены. По сведениям – Славянск эвакуируется. Подтверждаются слухи о сильнейшем разладе между коммунистами и большевиками, бросающими все и уходящими на Купянск. Также получены сведения, что эвакуируется Попасная.

17 (30) мая. Будка 30-й версты, Кодемские хутора, Бахмут. В 12 часов 30 минут приказание – двигаться на Кодемский поселок. В 1 час 20 минут на подводах выступили – прибыли около 3-х часов – по квартирам. 3-й батальон принял влево по линии железной дороги на Попасную. Левее его – конная сотня князя Муратова (бывший конвой генерала <М.Г.> Дроздовского). В 7 часов 30 минут 1-й батальон, 5-я и 8-я роты двинулись на Бахмут на подводах. Верст за шесть до Бахмута приняли боевой порядок – на правом фланге я с командой – двигаться на северо-восточную окраину Бахмута и занять узел дороги на Покровскую и Попасную. Левее 5-я рота, по другую сторону балки – 4-я рота и на левом фланге 8-я рота по столбовой дороге. В резерве 2-я и 3-я роты при артиллерии (полубатарея полковника Туцевича). По сведениям от жителей, красные ушли из Зайцовских хуторов еще вчера и остатки их за бугром в хуторах Ивангородских. На станции Бахмут видны три-четыре дымка паровозов. Против 4-й и 5-й рот появились к 9-ти часам разезда противника, удравшие при первых выстрелах. После удачного попадания снаряда с броневика «Иоанн Калита», попавшего прямо по перрону, броневик красных и три эшелона удрали. Команде пришлось при движении перебираться через десяток крутых оврагов, после чего, поравнявшись с окраиной города, стали видны громаднейшие цепи противника, отходящие на 3500–4000 шагов на север. К 12 часам 30 минутам подошли уже на узел указанных нам дорог и, выставив посты на бугор 725, расположились на отдых – в домиках по окраине. Устали страшно – пахоть, овраги в дождь.

Жители передают, что красные три дня назад совсем оставили Бахмут, а вчера пришло два полка пехоты с намерением наступать. Но после удачного попадания тяжелого снаряда по вокзалу, уложившему человек десять, они в панике бросили <вокзал> и сады, бросив садиться даже в эшелон. Только на буграх привели себя в порядок и стали отходить цепями. Тут якобы подошли два конных полка с приказанием остановить пехоту и наступать вновь на

город. Для того, чтобы остановить пехоту, пришлось атаковать ее в конном строю, но и конные, услышав, что идут танки – повернули и ушли на станцию Соль²³. К 23-м часам прибыли разъезды для связи от сотни Муратова, занявшей село Покровское без боя.

18 (31) мая. Бахмут. Ночь – спокойно. Занята станция Ступки и бронепоезд вышел к станции Соль. Дневка.

19 мая (1 июня). Бахмут. 3-й батальон приходит на наш левый фланг, а попасненское направление получают марковцы, которым задача – взять Попасную при поддержке 3-го батальона и 5-й роты, прикрывающей наш правый фланг со стороны Покровского. К вечеру Попасная взята. Прибыл дивизион кавалерии, за ним идут еще два эшелона и подтягивается из Таганрога Якутский полк Тимановского²⁴.

Приезжал Май-Маевский со штабом армии. Смотр двум ротам. Часов около 19-ти бронепоезд красных обстреливал Ступки.

20 мая (2 июня). Бахмут. Ночь – спокойно. С 12-ти часов красные повели наступление на станцию Ступки, поддержанные местными рабочими и мобилизованными из села Покровского, численностью до 7000. Наши фланги одно время были охвачены и поставлены в довольно тяжелое положение. К 16-ти часам вызвали команду, но наша помощь не понадобилась, так как дружной контратакой красные были сбиты и поспешно отступили на север – северо-восток, за Соль.

21 мая (3 июня). Бахмут. Ночь и день – спокойно. Подошли еще четыре эскадрона (конные и пешие) 12-й дивизии. Вечером перешли в эшелон 1-го батальона на станции Бахмут. На завтра назначено наступление по всему фронту.

22 мая (4 июня). Бахмут – Соль – Яма. Задача полку и частям дивизии – занять переправы <у> станции Северский Донец. Влево – дивизион кавалерии полковника <Г.Н.> Псиола²⁵, 2-я рота, по полотну – 5-я рота и «Единая Россия», вправо на Подгоровку – 1-я рота 2-го батальона и конными разведчиками, команда и остальные роты 1-го и 2-го батальона в составе эшелона 1-го батальона.

Конница, бронепоезда, пешие эскадроны (две пушки при них), 2-я рота и роты 2-го батальона на подводах выступили в 12 часов, эшелон двинулся на два часа позже, за ним подводы на батальон, два легких <орудия> и две гаубицы, три легких танка.

1-й дивизии приказано занять переправу и <нрзб.> – разграничительная линия справа – Нырково – М. Рязанцево – Шипиловка; влево Грузская – Рай – Александровка – Пискуново. Дойдя до

Ямы должны: 1-й батальон пойти влево от железной дороги, 2-й – вправо, включительно железная дорога. Конница <должна> выйти на Лиман и взорвать там пути, переправившись у Бакатного.

Подойдя к селу Ямы, наши роты 1-го батальона встретили довольно упорное сопротивление трех полков противника и двух броневиков – один из них на линии к Нырково, другой – на пути к Яме. Первый едва не удалось обрезать, но, к сожалению, не было подрывных средств. Уходя, броневики взорвали за собой пути, обстреливаемые нашими гаубицами и легкими английскими пушками. К 19^{1/2} часа заняли станцию Ямы, разграбленную дочиста. Здесь получили сведения, что два полка (<нрзб.>) остались у нас в тылу, в Никифоровке. Туда были посланы 1-я и 2-я роты 3-го батальона с артиллерией, но никого там не нашли, так как они через Закотный, уже занятый нашей конницей, и Кривую Луку ушли на Пискуновку, где, прикрываясь цепями, засевшими на меловом кряже, тянувшимся вдоль Донца, переправлялись по парому. Я с командой выступил при 1-м батальоне в 2 часа из Ямы к Закотному. Среди красных – полнейшая паника, бегут сами не зная куда (по их собственным словам). Мобилизованная молодежь до 16–17 лет разбегается по домам, бросая винтовки. Уходя, красные сожгли мост через Донец.

23 мая (5 июня). Яма – Кривая Лука (21-я верста). В 5 часов 30 минут прибыли в Закотный. Отсюда, на подводах на Кривую Луку, куда прибыли в 7 часов. По словам разъезда, встретившего нас в Кривых Луках, красные все еще переправляются, прикрываясь арьегардом-пехотой. Часам к 12-ти переправу закончили и уничтожили паром. Драгунами²⁶ <нрзб.> в Закотном были пойманы комиссар и командир полка, одного из переправившихся трех полков, общей численностью до 400 человек. Так как команда сильно устала, я не стал препятствовать переправе, а конных частей 12-й дивизии там тоже еще не было.

24 мая (6 июня). Кривая Лука. Эскадрон 12-й дивизии наступает через мост на Ямполь и после упорного боя овладел селением, потеряв до 30 человек убитыми и ранеными. Пластуны заняли еще вчера Славянск и двинулись на Лиман, который заняли к вечеру 24 мая. Красные еще до 12 часов маячили против нас, но затем быстро ушли.

26 мая (8 июня). Кривая Лука – Лиман (Св. Троица) (19 верста). В 9 часов получили приказание выступить через Закотный на станцию Ямполь, где присоединиться для дальнейшего следования к 1-му батальону. В 12-м часу из Ямполья выступили на село Лиман.

Движение на подводах сильно затруднялось – сплошной песок, тянущийся до самого Лимана. Пришлось подводы освободить и идти пешком. В Лиман прибыли часам к 18-ти. Занят Изюм. 2-й батальон, направленный на Поповку, встретил довольно упорное сопротивление противника и к вечеру в Поповку еще не вошел. Ночь до 24 часов прошла спокойно.

27 мая (9 июня). Лиман (Духов день). С 1 до 2-го часа ночи под Поповкой сильная пулеметная и артиллерийская стрельба. Оказалось, красные, преследуемые 2-м батальоном, оставили Поповку. Полк наш стягивается весь в Лиман. Эшелон отправлен сюда через Славянск (ибо мост еще не починен). Полк наконец-то станет в резерв – нас сменяют белозерцы.

28 мая (10 июня). Лиман. Ночь – спокойно. С утра красные ведут наступление на белозерцев. Лишь поздно вечером они были сбиты и отошли к северу на Редьковские пески. Впереди Изюма наши части в 25-ти верстах к западу.

Вспыхнуло восстание против коммунистов в Харьковской губернии, севернее и восточнее Купянска, где попали в переделку три советских полка²⁷.

Григорьевым, по слухам, взята Одесса, и район действий сильно увеличился на север. По сведениям, полученным при поимке посланного из ставки Троцкого (среди документов) – Петроград взят <Н.Н.> Юденичем²⁸.

29 мая (11 июня). Лиман – Шандриголова. Для рекогносцировки местности 1-й батальон выступил в 12 часов в район <нрзб.>, Жуковка, Шандриголова, хутор Средний, Господский двор, Карповка, Редкодуб, Ивановка, Рычаковка, <нрзб.>. Дойдя до Шандриголова, под проливным дождем, портившим и без того скверную дорогу, получили донесение от эскадрона 19-го Архангелогородского полка о том, что красных в Редкодубе нет, и ушли <в> 3 часа дня на Редьковку. Остановились на ночлег по квартирам в Шандриголова в 19 часов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 36. Лл. 1–11. Копия. Оригинальный текст «Дневника военных действий» полковника П.И. Бика был переписан В.Г. Харжевским. На момент описываемых событий автор командовал пулеметной командой Дроздовского стрелкового полка 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии.
- 2 Возможно, автор пишет о неизвестном бронев автомобиле белых.
- 3 Речь идет о прибывшем в марте 1919 года в Новороссийск из Франции «Легионе чести», составленным из солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса во Франции. Это пополнение оказалось неблагонадежным и недолго просуществовало в качестве самостоятельной части. По прибытии на Донецкий фронт большая часть «легионеров» сдалась в плен красной армии. Остатки «Легиона» были рассредоточены по другим белым частям, имевшим устойчивое ядро. Так, пополнение из «легионеров» получил 1-й офицерский генерала Маркова полк.
- 4 Партизанские отряды Донской армии под командованием генерала Э.Ф. Семилетова.
- 5 Броневиком в данном случае автор называет бронепоезд. Далее в тексте в ряде случаев это название по отношению к бронепоездам повторяется.
- 6 Чины 13-го Белозерского полка (сформирован в марте 1919 года), входившего на тот момент в состав 3-й пехотной дивизии.
- 7 Одесса была внезапно эвакуирована французским командующим генералом д'Ансельмом 20 марта (2 апреля) 1919 года. В связи с этим в крайне тяжелое положение попала Одесская стрелковая бригада под командованием генерала Н.С. Тимановского (вела формирование с начала 1919 года), которой было отказано в погрузке на суда и пришлось двигаться в Бессарабию, занятую румынскими войсками. По прибытию туда бригады, французским командующим генералом Бертело был

- отдан приказ румынским войскам разоружить бригаду. Вынужденная бросить все свое вооружение (включая броневики и артиллерию), бригада в 20-х числа апреля прибыла в Новороссийск. Части бригады приняли участие в боях в Донецком бассейне, о чем П.И. Бикс упоминает ниже по тексту.
- 8** Речь идет о краткосрочном недельном отпуске – на этот срок прерываются дневниковые записи автора.
- 9** Данные автора о занятии Колчаком Самары и Казани ошибочны и, очевидно, связаны с большими надеждами, возлагавшимися на Юге на Колчака. Наступление белых армий на Востоке России в мае 1919 года остановилось на подступах к этим городам.
- 10** Те же слухи, вновь воспроизводимые автором.
- 11** Чины Партизанского генерала Алексея полка, входившего в состав 2-й пехотной дивизии.
- 12** Очевидно, речь идет о Западной армии Восточного фронта, которой в качестве стратегической задачи ставилось соединение с Вооруженными силами Юга России.
- 13** В апреле 1919 года генерал П.Н. Врангель был командующим Кавказской добровольческой армии, в состав которой входили и добровольческие полки, действовавшие в Донецком бассейне в составе отряда генерала В.З. Май-Маевского, который вскоре был развернут в Добровольческую армию.
- 14** Очевидно дивизия, о которой говорит автор, не была сформирована.
- 15** Отдельная Одесская стрелковая бригада под командованием Н.С. Тимановского, прибыла из Бессарабии в Новороссийск в апреле 1919 года. 18 (31) мая она была развернута в 7-ю пехотную дивизию.
- 16** Автор описывает образование Добровольческой армии в мае 1919 года, командование которой принял генерал В.З. Май-Маевский. Генерал А.П. Кутепов принял командование 1-м армейским корпусом, в состав которого входил и Дроздовский стрелковый полк.
- 17** Легкие английские танки MkA и тяжелые – MkV.
- 18** Слухи о взятии Петрограда Северо-Западной армией генерала Н.Н. Юденича довольно характерны для 1919 г. и возникали на Юге России на протяжении года неоднократно.
- 19** Очевидно, автор пишет о 4-й пехотной дивизии, входившей на тот момент в состав Крымско-Азовской Добровольческой армии.

- 20 Чины эскадрона одного из возрожденных полков Русской Императорской армии – 19-го драгунского Архангелогородского полка.
- 21 **Григорьев Николай Андреевич (1894–1919)**. Бывший штабс-капитан. В 1919 года был комиссаром украинской советской дивизии. Поднял восстание против советской власти, охватившее территорию Херсонской и Екатеринославской губерний. Убит махновцами.
- 22 Автор не отождествляет большевиков и коммунистов, из-за переименования в начале марта 1918 года РСДРП(б) в РКП(б). Подобное различие, делавшееся между членами одной партии, было характерно для этого периода Гражданской войны – с большевиками связывалось большинство мероприятий новой власти.
- 23 Автор пишет о созданных в Красной армии заградительных отрядах, основной задачей которых было любой ценой не допустить отступления находившихся на фронте частей.
- 24 Возрожденный 42-й пехотный Якутский полк Русской Императорской армии из состава Одесской стрелковой бригады генерала Н.С. Тимановского.
- 25 **Псиол Георгий Николаевич (?–1920)**. Офицер с 1909 г. Полковник 12-го гусарского полка. Участник Белого движения на Юге России. С 13 (26) марта 1919 г. – командир Сводного дивизиона, к октябрю – Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии. С января 1920 г. – командир 3-го кавалерийского полка. Убит 20 июня (3 июля) 1920 г. в хуторе Шматове в Северной Таврии.
- 26 Очевидно, чины 19-го драгунского Архангелогородского полка.
- 27 Речь идет об одном из локальных крестьянских восстаний на Украине, вспыхнувших весной–летом 1919 года.
- 28 Автор вновь приводит в записках слухи о взятии Петрограда.

ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗГРОМЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ КРАСНОЙ АРМИЕЙ ПОД ОРЛОМ В ОКТЯБРЕ 1919 года²

К концу сентября 1919 года на фронте Добровольческой армии создалось следующее положение: Корниловская дивизия, выдвинувшаяся слишком вперед (несколько верст севернее города Орла), имела к юго-западу от себя прорыв в 35–40 верст, так как Дроздовская дивизия к этому времени вела бои лишь севернее города Дмитриева. Красные, воспользовавшись этим прорывом, повели контрнаступление вновь сформированной дивизией, состоящей из латышских и эстонских частей, имея целью захват железнодорожной линии Орел – Курск.

Начальник группы генерал-майор <Н.С.> Тимановский, обеспокоенный этим маневром красных и не имея в своем распоряжении никаких резервов, все же решает их остановить, для чего приказывает: 1) 2-му Корниловскому полку двигаться из-под Орла в город Кромы; 2) выслать туда же батальон 3-го пехотного генерала Маркова полка (еще не закончившего свое формирование в Курске). К утру 2 (15) октября 2-й батальон 3-го пехотного генерала Маркова полка (в коем я занимал должность помощника командира батальона) подошел к деревне Большое Рыжково и остановился, ведя разведку на деревню Шумаково.

Выяснилось, что город Кромы уже занят противником. По ту сторону реки Оки слышался ружейный огонь, а из деревни <Легошь> были видны вспышки артиллерии. Было очевидно, что бой ведется 2-м Корниловским полком. Командир батальона для связи с корниловцами высылает взвод, который был обстрелян ими и связи установить не смог. Стемнело, пришлось отойти на деревню Малое Рыжково. В круговую <были высланы> офицеры с несколькими солдатами для связи с корниловцами.

С утра 3 (16) октября командир батальона повел наступление на деревню Кривчиково, дабы облегчить наступление 2-го Корниловского полка. Весь день шел бой с частями 3-го Латышского полка. Были взяты пленные. Продвигаться всем батальоном через Оку командир батальона не хотел, ожидая распоряжения командира 2-го Корниловского полка, в подчинении коего должен был поступить. До ночи связи не установилось, и передовые части батальона, отойдя с северо-западного берега Оки, присоединились к батальону.

Остановились на ночлег в деревне Большое Рыжково, выставив две роты в сторожевое охранение. Вечером прибыл крестьянин из села Плоты и сообщил, что их деревня, находившаяся у нас в тылу, занята латышами и просил прислать войска, дабы выбить красных.

В 8 часов вечера в нашей деревне послышались разрывы гранат и пулеметный огонь – оказалось, что латыши, перейдя Оку севернее Большого Рыжково, напали врасплох с тыла на наш обоз, стоявший за деревней. Командир батальона с боем пробился с двумя ротами резерва из деревни и ночью отошел к северу верст на десять. Две же роты, находившиеся в сторожевом охранении, частью разбегались, частью пробрались вдоль Оки и к утру 4 (17) октября достигли Орла.

На другой день нам удалось соединиться со 2-м Корниловским полком. 5 (18) октября <мы> целый день вели бой с латышами, занимавшими деревню Шахово. К вечеру обнаружился глубокий обход левого фланга, вследствие чего пришлось начать отход, совершая <обходное> движение. Одновременно начался отход всей Корниловской дивизии.

2-му батальону 3-го пехотного генерала Маркова полка совместно со 2-м Корниловским полком пришлось двигаться форсированным маршем, переходя вброд реки Оку и Рыбницу, и лишь 7 (20) октября мы прибыли в село Становой Колодезь, будучи прикрыты с фронта частями Корниловской дивизии.

Эта операция была началом нашего конца периода Добровольческой армии.

Выводы:

1. Считаю, что занимать город Орел, выдвигаясь одной дивизией вперед и образуя разрыв в 34–40 верст, было недопустимо.

2. Нельзя было закрыть прорыв полком корниловцев и батальоном 3-го Марковского полка (еще не сформированного и состоявшего из только что взятых пленных).

3. По обнаружении движения Латышской дивизии полагаю, что более рациональным было бы оставить Орел и всей Корниловской дивизией обрушиться во фланг и тыл Латышской дивизии, что повело бы к разгрому латышей и ликвидации прорыва.

4. Начальник группы, ведя бой на большом фронте, обязан был иметь в своем распоряжении резерв – в действительности этого не было.

*Марковского пехотного полка
полковник П.Я. Сагайдачный*

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сагайдачный Петр Яковлевич (1899–1964). Полковник. Родился 10 апреля 1899 года в Петербурге. По окончании Владимирского пехотного училища в 1912 году вышел в 95-й пехотный Красноярский полк. В годы Великой войны в составе полка участвовал во всех его сражениях. В середине 1916 года переведен в 94-й пехотный Енисейский полк. В июне 1917 года командирован во Францию, в состав Русского экспедиционного корпуса, где оставался до окончания войны. Награжден орденом Святого Владимира и Георгиевским оружием. В Добровольческой армии с 1918 года, участник 1-го и 2-го Кубанских походов в составе 1-го офицерского генерала Маркова полка. К маю 1919 года – капитан. С 15 (28) по 18 (31) мая 1919 года – временно командовал ротой генерала Маркова. В 1920 году – командир одного из батальонов 3-го офицерского генерала Маркова полка, подполковник. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца с производством в полковники. С октября 1920 года – командир 3-го Марковского полка. 16 (29) октября принял командование бригадой из 1-го и 3-го Марковских полков, которой руководил в последних боях Русской армии в Крыму. Эмигрант. Из Галлиполи переехал в Болгарию, где проживал до начала Второй мировой войны. Во время войны вступил в Русский корпус (3-й полк), откуда был командирован в состав Русской освободительной армии. После расформирования РОА проживал в лагере в Германии. В 1949 году переселился в США, в Лос-Анджелес (Калифорния). С сентября 1949 по сентябрь 1964 года работал на деревообделочной фабрике. Параллельно сотрудничал в составе редколлегии лос-анджелесского журнала «Родные Дали». Скончался в Лос-Анджелесе 31 декабря 1964 года.

2 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 744. Лл. 3–4.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ВОЗЗВАНИЕ 1-й БРИГАДЫ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ РУМЫНСКОГО ФРОНТА¹

Офицеры и солдаты!

Учредительное собрание разогнано. Грабежи и насилия большевиков кровавыми волнами заливают русскую землю. Армии не существует: она погибла на радость ликующему врагу.

Отчаянное положение нашего отечества вызвало необходимость создания добровольческих войск. Приказом по Румынскому фронту № 1344 объявлено о формировании
1-й ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Бригада принимает всех желающих, не считаясь с политическими взглядами, но при условии беспрекословного повиновения начальникам и соблюдения полной дисциплины.

Бригада просит штабы, начальствующих лиц и всех офицеров выбрать в частях достойнейших из солдат. При их согласии на перевод в 1-ю бригаду русских добровольцев необходимо сообщить их фамилии штабу фронта по адресу: Штаб Румынского фронта, капитану Генерального штаба Федорову.

При возможности нужно посылать их прямо в Яссы, улица (страда) Музилер, 24.

Офицеры и солдаты! Вы спешите домой, но там вам не будет ни отдыха, ни покоя. У порогов ваших домов братоубийственная война, внутри их – голод и слезы. Если вам дороги ваши родные очаги, ваши дети, матери, жены и сестры, если мысль о них сжимает вам сердце – ваше место под знаменем добровольческих войск; хотите их защитить и спасти – идите к нам в

1-ю ОТДЕЛЬНУЮ БРИГАДУ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Условия службы в 1-й бригаде русских добровольцев.

1. В частях бригады господствует абсолютная дисциплина, никаких комитетов не существует.

2. От поступающих требуется подписка в беспрекословном подчинении начальникам.

3. Содержание офицерам начинается с 200 рублей в месяц, при полном пищевом, вещевом довольствии, солдатам – от 25 рублей в месяц до 100 в зависимости от времени службы, поведения и звания.

4. Производство в чины, награды, ранения, пенсии засчитываются на общих основаниях с армией.

Запись добровольцев производится в Яссах, улица (страда) Музилер, № 24.

На станции Унгены специальный агент для пропуска прибывающих из России.

ПОДПИСКА О ПОСТУПЛЕНИИ НА СЛУЖБУ В 1-Ю БРИГАДУ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ РУМЫНСКОГО ФРОНТА²

Я, _____, поступаю добровольно в Национальный корпус русских добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию Российской армии, причем за все время пребывания в корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и проч. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, Родину, жителей ее, без различия классовых и партийных, и их имущество от всякого на них посягательства.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т.д.

5. Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям и распоряжениям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами не были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартирования, как то: теснота, холод, грязь и проч.

10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени.

(подпись)

1918 г.

(число месяц)

ВОЗЗВАНИЕ ОТРЯДА М.Г. ДРОЗДОВСКОГО, РАСПРОСТРАНЯЕМОЕ В МАЕ 1918 года В РОСТОВЕ И НОВОЧЕРКАСКЕ³

ВОЗЗВАНИЕ

За Родину, свободу и закон

Граждане!

В переживаемый момент, когда борьба с анархией, беспорядком и прочими явлениями большевизма достигла крайнего напряжения, каждый из нас должен приложить все свои силы для спасения бьющейся в агонии Родины и водворения в ней правового порядка.

Особенно это касается офицеров, уклонение которых от исполнения своего долга – защиты Родины – является дезертирством.

Начало победы положено, перед Добровольческой армией открываются широкие горизонты, но все дело в людях.

Отряд русских добровольцев, пройдя из Румынии походом более 1200 верст, достиг Дона.

Всех офицеров, юнкеров, солдат, всех граждан, любящих Родину, призываю записываться в Отряд русских добровольцев для воссоздания армии.

При конном полку формируется конная казачья сотня и мусульманский взвод, при пехотном полку – пешая казачья (пластун-

ская) сотня; при морском полку – рота из чинов морского ведомства. В состав отряда входят польские части.

Приглашаются врачи, фельдшеры, санитары, музыканты.

Условия: содержание офицеров от 200 рублей (в зависимости от занимаемой должности), солдатам от 25 рублей до 95 рублей в месяц, полное казенное содержание. Специалистам особые оклады.

Запись принимается: в Ростове-на-Дону – Казанский переулок, гостиница «Петроград», комната № 116 и в Новочеркасске – Московская улица, № 16, в помещении Офицерского собрания, ежедневно от 7 часов утра до 8 часов вечера.

*Начальник отряда
Полковник М.Г. Дроздовский*

ПРИКАЗ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МЕДАЛИ ЗА ПОХОД ЯССЫ – ДОН⁴

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Добровольческой армией
№ 191

25 ноября (8 декабря) 1918 года
город Екатеринодар

В воздаяние мужества и решимости 1-й бригады русских добровольцев, вышедшей 26 февраля (11 марта) 1918 года под командой Генерального штаба полковника Дроздовского из города Яссы и прибывшей, совершив исторический 1200-верстный поход, 25 апреля (8 мая) 1918 года на Дон, на соединение с Добровольческой армией, устанавливаю медаль.

Медалью этой награждаются все действительные участники похода, выступившие из города Яссы или города Дубоссары, прибывшие на Дон и отбывшие шестимесячный подписной срок службы.

Лица, вышедшие из города Яссы и города Дубоссары и оставившие ряды названного отряда по случаю ранения, контузии или тяжкой болезни, удостоверенной подлежащим начальством, пользуются правом на награждение медалью наравне с совершившими весь поход, при условии возвращения их в дальнейшем в строй 3-й дивизии* или Добровольческой армии.

* Бывшая Бригада русских добровольцев.

Медали, заслуженные павшими на поле брани, передаются потомству их или ближайшим родственникам для сохранения в памяти их, но без права ношения.

Награжденным медалью выдаются именные удостоверения за подписью лица, пользующегося правами не ниже начальника дивизии, с приложением соответствующей казенной печати.

Удостоверения на погибших в боях выдаются тем лицам, коим передается для сохранения в памяти и самая медаль.

Списки лиц, награжденных медалью, по представлении их подлежащим начальством, объявляются в приказ Главнокомандующего Добровольческой армией.

Чины армии, виновные в самовольном присвоении и ношении медали, подлежат ответственности по статье 1416 «Уложения о наказаниях» с усилением наказания по приказу Добровольческой армии от 25 сентября (8 октября) сего года № 500.

Медаль носится на груди левее всех степеней Георгиевского креста и Георгиевской медали и правее всех прочих знаков отличий и медалей.

Приложение: описание медали.

Подлинный подписал: генерал-лейтенант Деникин

Приложение

ОПИСАНИЕ

медали, установленной в память похода 1-й бригады русских добровольцев

Медаль устанавливается серебряная, матового цвета, овальной формы и имеет ушка два скрещенных серебряных же меча. По окраинам медали на лицевой ее стороне располагаются две ветви: справа – дубовая, как символ непоколебимого решения, и слева – лавровая, символизирующая решение, увенчавшееся успехом. На поле этой же стороны медали изображен выпуклый рисунок: Россия, в виде женщины в древнерусском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск, с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссозданию Единой, Неделимой, Великой России. Фон рисунка – восходящее солнце.

На оборотной стороне медали на верхней части ее полукругом по краю выгравировано: «Яссы – Дон», следующая строка «1200 верст», затем дата «26/II – 25/IV», «1918», и в последней строчке – фамилия награжденного с инициалами его имени и отчества.

Ширина медали – один дюйм, длина – полтора дюйма. Размер каждого меча один дюйм.

*Начальник Штаба
Главногокомандующего Добровольческой армией,
генерал-лейтенант <И.П.> Романовский
дежурный генерал,
генерал-майор <С.М.> Трухачев*

**ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА 3-й ПЕХОТНОЙ
ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА В.К. ВИТКОВСКОГО
О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ
НА 1 (14) ОКТЯБРЯ 1919 года⁵**

Командиру бригады Офицерской, командиру полка Самурского, начальнику штаба корпуса 1-го, начальнику штаба дивизии 1-й, начальнику штаба корпуса 5-го кавалерийского, начальнику штаба дивизии 1-й кавалерийской, генералу <М.Е.> Оленичу, полковнику <Н.В.> Скоблину	Штаб дивизии № 1943 30 сентября (13 октября) 1919 года
--	--

Орел взят 1-й <пехотной> дивизией. На фронте нашей дивизии противник ввел в дело свежие части, и по всему фронту дивизии идут бои. Части противника, подвезенные к станции Горасово, отеснив наши части в районе Бабинца и переправившись через реку Неруса западнее Дмитровска, распространились по долине Нерусы в тылу наших передовых частей и временно занимали даже город Дмитровск.

На завтра, 1 (14) октября приказываю:

Первое. Генералу <К.А.> Кельнеру принять меры к уничтожению отрядов противника в районе Бабинец – Дмитровск и восстановить связь с передовыми частями полков.

Второе. Всем частям дивизии энергично выполнять поставленную задачу приказом № 789.

Третье. Самурскому полку войти в самую тесную связь с левым флангом 1-й дивизии, а офицерской бригаде – с <3-й кавалерийской> бригадой генерала <М.Е.> Оленича.

Четвертое. 11-я и 12-я роты направлены со станции Льгов II в город Дмитриев в распоряжение генерала Кельнера.

Пятое. Доставку этого приказа командиру полка Самурского возлагаю на генерала Кельнера.

Шестое. О получении донести.

*1 (14) октября 1919 года, 10 часов 35 минут, Льгов
Генерал <В.К.> Витковский*

ПРИКАЗ О ПЕРЕВОДЕ САМУРСКОГО ПОЛКА ИЗ СОСТАВА ДРОЗДОВСКОЙ ДИВИЗИИ В АЛЕКСЕЕВСКУЮ ДИВИЗИЮ⁶

ПРИКАЗ

Дроздовской дивизии
4 (17) декабря 1919 года
№ 18
село Тарановка

§ 1

Переведенный в состав Алексеевской дивизии Самурский полк полагать выбывшим из дивизии 4 сего декабря.

Основание: приказ командира 1-го армейского корпуса от 28 ноября (11 декабря) 1919 года № 06342.

§ 2

Временно приданный с 27 (10 декабря) ноября с.г. дивизии 1-й партизанский Алексеевский полк, отправленный в свою дивизию, полагать выбывшим из состава дивизии 3 сего декабря.

Основание: приказ командира 1-го армейского корпуса от 28 ноября (11 декабря) 1919 года № 06342.

§ 3

Доблестные самурцы! Сегодня вы уходите из рядов родной вам Дроздовской дивизии.

Я, водивший вас в бой, как первый командир Солдатского батальона, ныне Самурского полка, а затем как Ваш начальник дивизии, всегда видел в вас мужественных, неутомимых, стойких воинов, прославивших имя Самурского полка, бывшего украшением вверенной мне дивизии.

В течение продолжительной и тяжелой войны, которую мы ведем, ни разу не дрогнули ваши ряды.

Ни превосходство сил противника, ни трудности походной и боевой жизни, ни потери, наносимые вам оружием врага, не остановили вас на вашем пути, священном пути к освобождению и возрождению нашей поруганной и истерзанной большевиками Родины.

Не раз приходилось вам бороться одному против двадцати, но бестрепетно встречали вы жестокие удары врага, нанося ему еще более грозные удары.

Редели ваши ряды, но вы вновь смыкали их и, непоколебимой стеной оцетинившись штыками, оставались все той же грозной силой для врага. В тяжелое время расстаюсь я с вами, доблестные самурцы, но я глубоко уверен, что мы сумеем стойко перенести временные затруднения, и что недалек день, когда, собравшись с новыми силами, нанесем мы красному врагу последний сокрушительный удар.

С искренней грустью расстаюсь я с вами, но расстаюсь в убеждении, что, верные долгу чести и совести, вы везде и всегда сохраните заветы доблести родной вам ДРОЗДОВСКОЙ дивизии, которая надеется скоро услышать о новых ваших подвигах.

Командира полка полковника <Е.И.> Зеленина, всех господ офицеров и солдат благодарю за долгую, верную и славную службу и желаю вам здоровья, удачи и новых боевых успехов.

*Начальник Дроздовской дивизии,
генерал-майор <В.К.> Витковский*

*Начальник штаба,
Генерального штаба полковник <Ф.Э.> Бредов*

ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА 3-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА В.К. ВИТКОВСКОГО О МОБИЛИЗАЦИИ В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ ОТ 9 (22) ДЕКАБРЯ 1919 года⁷

Горловка, полковнику <А.В.> Туркулу,
<...>, капитану <В.С.> Титову,
капитану Черноногову и поручику Гуревичу,
Новая Павловка, полковнику Енькову, <...>,
полковнику Соколову

<Штаб дивизии>
№ 860
9 (22) декабря
1919 года

Противник вновь напрягает последние усилия, чтобы <проникнуть> в наш <Каменно>угольный район. Командир корпуса категорически требует упорного удержания занятых позиций, не-

смотря на утомление, чтобы иметь время для подачи пополнения и приведения <в порядок запасных> частей, памятуя, что от упорства и энергии войск зависит будущий успех, требующий напряжения всех усилий для удержания занимаемых позиций и нанесения противнику всюду, где можно <...>, ударов, задерживая его на каждом рубеже и не отходя без сопротивления.

Приказываю:

Первое. Немедленно собрать из запасного полка <Дроздовской> дивизии и запасных батальонов <дроздовских> полков всех годных для боя обученных и вооруженных людей и отправить их в строй. <Командиру Запасного батальона дивизии> полковнику Енькову предварительно срочно телеграфировать в штаб дивизии о количестве людей, годных для постановки в строй.

Второе. После чего, поскольку есть ему особое приказание начальника <дивизии>, с получением сего приступить к постепенному переводу всех запасных батальонов полков в район Ясиноватой, совершая перевозку по возможности по железной дороге. Кадр запасных батальонов с оставшимися неготовыми к строю людьми, по переводу расположить <в селах>: 1-го полка – Александровка, 2-го полка – Григорьевка, 3-го полка – Яковлевка.

Третье. Командирам полков и их временным заместителям немедленно приступить к энергичному производству мобилизации всех лиц, не занимающихся физическим трудом, в возрасте от 17 до 35 лет без всякого изъятия и лиц крестьянского сословия в возрасте от 17 до 35 лет за исключением льготных 1-го разряда. <...>

Четвертое. О ходе мобилизации доносить дважды в неделю по субботам и средам.

Пятое. Командирам запасных батальонов донести о времени прибытия и отбытия в назначенные для их кадров и необученных места расположения, установив связь на станцию Ясиноватая, немедленно выставив в Барвенково распоряжением полковника Соколова и в Ясиноватая распоряжением полковника Енькова контрольные пункты для строгой проверки документов всех без исключения проезжающих и проходящих лиц и немедленного направления в строевые части лиц, подлежащих мобилизации категорий.

Шестое. Все отряды государственной стражи прикомандировать к строевым частям, не вливая в части. Всех одиночных стражников немедленно зачислять в строй.

*9 (22) декабря 1919 года, 15 часов, село Мечубелово
Генерал <В.К.> Витковский*

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ВЛАДИМИРА КОНСТАНТИНОВИЧА ВИТКОВСКОГО⁸

Родился 21 апреля 1885 года в Псковской губернии.

Из дворян Петербургской губернии.

Сын генерал-майора К.Ф. Витковского.

Окончил 1-й кадетский корпус в 1903 году.

Окончил Павловское военное училище по 1-му разряду и 1-й категории.

Высочайшим приказом 22 апреля 1905 года произведен в подпоручики в Лейб-гвардии Кексгольмский полк.

Непрерывно служа в полку, в 1914 году, в чине штабс-капитана и в должности командира нестроевой роты, с полком выступил в поход против австро-германцев.

С сентября месяца 1914 года по сентябрь 1915 года занимал должность помощника командира полка по хозяйственной части.

В сентябре 1915 года был назначен командиром 1-го батальона полка.

В означенной должности, принимая участие во всех боях полка, пробыл до июля 1917 года, когда был назначен помощником командира полка, а в августе того же года – временно командующим Лейб-гвардии Кексгольмским полком.

В конце сентября был назначен командующим 199-го пехотного Кронштадского полка, в каковой должности оставался до декабря 1917 года – до развала фронта вследствие революции.

В апреле месяце 1918 года пробрался на Дон, где, по приходу из Румынии Отряда русских добровольцев полковника Дроздовского, вступил в его ряды.

В начале июня 1918 года в рядах 2-го офицерского стрелкового полка выступил с Добровольческой армией во 2-й Кубанский поход.

Вскоре был назначен командующим 3-м батальоном 2-го офицерского стрелкового полка, а 23 июня (6 июля) – и командующим названного полка.

В ноябре месяце 1918 года был назначен командующим бригады 3-й дивизии и в декабре того же года произведен в генерал-майоры.

13 (26) февраля 1919 года – назначен начальником 3-й дивизии.

Позднее 3-я дивизия была переименована в Дроздовскую стрелковую дивизию.

После долгого периода защиты Каменноугольного бассейна, в мае, во главе дивизии принял участие в наступлении на север, 11 (24) июня 1919 года – во взятии Харькова и наступлении далее на Москву. Направление дивизии на Брянск. В октябре – начало нашего отступления, причем в декабре мы подошли к Ростову. После Рождества – отход за Дон и занятие оборонительной позиции вдоль Дона, штаб дивизии в городе Азове.

В феврале 1920 года – отход к Новороссийску и в марте эвакуация в Крым.

В начале апреля – десантная операция дивизии под Хорлами.

4 (17) апреля 1920 года – производство за боевые отличия в генерал-лейтенанты.

В мае – начало наступления из Крыма в Северную Таврию.

В июле – назначен временно командующим 1-м армейским корпусом.

В последних числах октября 1920 года – отход к Севастополю и эвакуация через Константинополь в Галлиполи.

С ноября 1920 по сентябрь 1921 года – Галлиполийское сидение, где 1-я армия была сведена в 1-й армейский корпус, а 1-й, 2-й и 3-й армейские корпуса – в 1-ю пехотную дивизию. Генерал <А.П.> Кутепов был назначен командующим 1-м армейским корпусом, а я – начальником 1-й пехотной дивизии.

В период сентября–декабря 1921 года произошло расчленение частей 1-го армейского корпуса по славянским странам, причем штаб корпуса и 1-я пехотная дивизия прибыли в Болгарию, а Кавалерийская дивизия – в Сербию.

С весны 1922 года в Болгарии правительство Стамболийского под влиянием большевиков начало сперва притеснения, а затем и гонения на Русскую армию. В мае 1922 года был арестован и выслан из Болгарии в Сербию генерал Кутепов. Я был назначен временно командующим 1-м армейским корпусом. В течение лета притеснения и гонения еще усилились, и в начале октября были высланы из Болгарии в Сербию я и другие начальственные лица.

Во время нашего пребывания в Сербии, до июля 1923 года, когда пало правительство Стамболийского, мы продолжали поддерживать связь со своими частями, расположенными в Болгарии. В июле все высланные начальники вернулись в Болгарию, причем генералом Врангелем я был поставлен во главе 1-го армейского корпуса.

Пребывание в Болгарии <длилось> до июня 1926 года, когда с разрешения генерала Врангеля я переехал во Францию, куда и перенес с собою центр управления 1-м армейским корпусом.

В 1927 году я был назначен приказом Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича председателем всего Общества галлиполийцев, с оставлением меня одновременно и в должности командира 1-го армейского корпуса.

С этого времени я продолжаю непрерывно жить во Франции, руководя жизнью разбросанных по многим странам частям 1-го армейского корпуса и отделами Общества галлиполийцев.

25 декабря 1933 года

Генерал-лейтенант В.К. Витковский

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

А.И. ДЕНИКИН
ДРОЗДОВЦЫ⁹
(1918–1928)

Конец 18 года – начало 19-го полны трагического значения для России, для Русской армии. Внешний фронт рухнул. И волны демобилизованных, деморализованных армий катились по всем направлениям, оставляя за собой следы насилия и разрушения.

На севере, в отложившейся Финляндии, германская дивизия <Рюдигера> фон дер Гольца, совместно с генералом <К.Г.> Маннергеймом, очищала страну от финских и русских большевиков. Прибалтийский край, Литва и Польша находились во власти немцев, и канцлер Бетман Гольвег говорил в Рейхстаге, что «Германия никогда не вернет освобожденных (?) ею народов господству реакционной России...»

От Нарвы и далее по Днепру стояли передовые части германских войск, прикрывая оккупированную ими Псковскую губернию и Белоруссию, в то время как другие немецкие корпуса шли поспешно на отторгнутую от России и поработенную ими Украину.

Бесарабия была занята румынами и обращена ими в «независимую Молдавскую республику» – как переходную ступень к насильственному захвату ее Румынией...

В Закавказье держались кое-где слабые национальные части, думавшие только о своем горящем доме и бессильные сдержать турецкое нашествие...

А вся остальная Россия от края и до края залита была большевизмом и анархией... Подымались кое-где в далекой Сибири глухие шумы, но до нас еще не долетали.

И были тогда, десять лет тому назад, на всей Русской земле, полоненной врагами, две точки, где развивалось открыто русское национальное знамя: в глухой кубанской станице, по пути Добровольческой армии к Екатеринодару, и в городишке Херсонской губернии – Дубоссарах, откуда Дроздовский отряд собирался выступить на соединение с нею. Мы тогда не знали ничего про Ваш отряд. Вы очень мало и смутно знали про нашу армию. Но невидимые нити духовной близости связывали нас крепко. Вы откликнулись горячо на раздавшийся зов вождей, что на Донской и Кубанской земле зажгли «светоч среди охватившей Россию тьмы».

Большая решимость и мужество нужны были, чтобы при тогдашних обстоятельствах создать отряд и добиться фактического соединения его с Добровольческой армией.

Правда, едва ли где-либо до прихода немцев существовали более подходящие условия для добровольческих формирований, чем на бывшем Румынском фронте. И отданный вовремя ясный приказ свыше мог бы поднять там большую и грозную силу... Но не было на верху дерзания, не было и приказа... И за дело это взялся человек малого чина, но большой души и сильной воли.

Полковник Михаил Гордеевич Дроздовский.

Он мог только звать, а не приказывать.

Казалось, непреодолимые трудности стали на его пути: движение немцев в пределы северной Румынии и, как результат его, враждебность румынских властей, потребовавших разоружения русских добровольцев; всеобщая растерянность в русских военных кругах; наконец – приказ русского Главнокомандующего фронтом о расформировании разрешенного было отряда...

Казалось, было отчего пасть духом. Ибо если легко идти на подвиги среди всеобщего подъема и сочувствия, то бесконечно труднее, когда кругом – равнодушие, неверие, маразм. Полковник Дроздовский и та тысяча воинов, что пошли за ним, преодолели все преграды и самую трудную – моральную. В этом большая и незабываемая заслуга его и дроздовцев.

Так началась новая сказка. Ибо разве не сказкой был 1-й Кубанский поход добровольцев? Разве не сказкой кажется теперь и поход отряда дроздовцев, которых впереди ждала полнейшая неизвестность?.. Впереди – тысяча верст пути, широководные преграды, весенние разливы, столкновения с врагами внешними и внутренними, и край, взбаламученный до дна...

Впереди – двигавшиеся наперерез с северо-запада к Черному и Азовскому морям эшелоны австро-германцев. И со всех сторон – ползущие слухи о падении Дона и гибели Добровольческой армии...

И все-таки пошли...

После двухмесячного похода, сыграв своим чудесным появлением у Новочеркасска решительную роль в освобождении донской столицы, отряд Дроздовского соединился с Добровольческой армией.

Значение этого события было весьма велико. Не говоря уже о том, что ко 2-му <Кубанскому> походу наши силы возросли без малого в полтора раза, утомленные тяжестью 1-го похода и, главное, сознанием своего одиночества, добровольцы увидели, что они не одни. И не даром в день нашей встречи в станице Мечетинской старый вождь – генерал Алексеев, обнажив свою седую голову, отдал низкий поклон «рыцарям духа, пришедшим издалека и влившим в нас новые силы». Мне ли забыть этот яркий солнечный день, когда по дороге, среди бесконечных донских полей, часть за частью, подчеркнуто стройно подходили запыленные и загорелые дроздовцы – долгожданная братская сила...

С тех пор дроздовцы влились прочно в Добровольческую армию, заняв в ее рядах блестящее место. Страдный путь к Екатеринодару, Ставропольское сражение, кровавые, упорные бои в Каменноугольном районе и далее – на путях к Харькову, к Орлу... Потом – тяжелое отступление опять к Кубани, прорываясь сквозь сплошное кольцо большевистской конницы... Наконец – Крымская операция...

Таков их путь.

Сколько жгучих переживаний связано с ним, сколько могильных холмов усеяло его, какие незабываемые картины боевых подвигов развернулись на его протяжении...

Не многие вернулись с поля... Не вернулся и тот, кто создал Дроздовскую дивизию.

Я не знал личной жизни генерала Дроздовского; но в его последние дни, когда я навещал его раненого в госпитале, у него, как будто, ее не было вовсе. Все мысли и заботы он отдавал сво-

ей дивизии. Говорил о ней, о своем детище, с юношеской горячностью и любовью.

Судьба не судила ему увидеть новый расцвет дивизии – тогда, в декабре 18 года, поредевшей и расстроенной после тяжелого Ставропольского сражения. Судьба вообще была сурова к нам... В течении первого года нашей борьбы на Юге смерть унесла генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, Дроздовского, Маркова – людей, воплощавших Белую идею в самом чистом ее отражении...

Вечная им память!

Каждый раз, когда вспоминаешь старое – такое яркое, бурное и страшное, подчас невольно приходит в голову сравнение с его настоящим, таким сырым и бледным...

Ну, что же! То был подвиг бранный. Теперь – для огромного большинства оставшихся добровольцев – подвиг труда и терпения, тяжких лишений, заедающих мелких забот. Жизнь кружит нас в своем бешеном водовороте, и все слабое, потерявшее сердце, идет ко дну. Всплывают только сильные. И я от души желаю дроздовцам хранить традиции 1-го их похода, чтобы ко дню, когда откроется путь в Россию, вооруженные опытом, сохранившие силы и дух живой, закалившие волю и характер, они могли бы приобщиться к новому подвигу, быть может, самому трудному из всех свершенных, к строительству новой русской жизни.

Да будет же путь ваш светел и свершение его радостно.

Г. ШАВЕЛЬСКИЙ

ПАВШИМ СЛАВНЫМ ВОЖДЯМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ¹⁰

«Пришел к своим, и свои его не приняли»

(Иоанн. 1, 11)

Многие из них вышли из низов народных, и все они горячо, самоотверженно, безгранично любили свой народ. Они жили для народа; они все силы отдавали на служение народу; они не могли представить своего личного счастья без общего народного счастья. Жизнь их полна доблести, подвигов и мученически-мужественного стояния за правду. Геройская смерть на своем посту, в борьбе с безрассудством, ложью и подлостью людскою, увенчала полные великой красоты их жизни.

Они всегда были искренни и честны, мудры и даже прозорливы. Взявшиеся в 1917 году устраивать новое русское счастье безумцы, шуты и проходимцы не смогли ни усыпить, ни подкупить их чистую солдатскую совесть. Непроходимая пропасть разделяла их и тех. Те были или мечтатели или преступники, дотоле не знавшие народа, кричавшие о благе народа и готовившие ему зло; вся жизнь этих чистая, полная благородного труда, была отдана народу. Те, чтобы достичь своей утопической цели, не страшились сделать народ безрассудным, пошлым, языческим, даже разложить и загубить Россию, ибо ничего святого не было у них; а эти хотели видеть народ свой не только свободным, но и великим, сильным, честным, христианским. Вожди не пошли за теми, кто шаг за шагом разорял и уничтожал все, чем жила и чем сильна была прежняя великая Родина. Когда вожаки революции и разные революционные лжепророки и проходимцы сулили легковерному народу небывалое счастье и приволье, и народу уже снился грядущий рай на земле, их светлых ум видел впереди горе, нищету, позор и тяжкие цепи, которые сам себе ковал обезумевший народ. И они, забыв себя, свои семьи, жертвуя всем, бросились спасти свой родной зарвавшийся, погибающий народ. С мужеством древних пророков они изрекли правду и перед новыми безумными правителями, перед потерявшей разум толпой народной; с отвагой древних мучеников, не страшась смерти, они смело шли на страдания и мучения. Они все свое несли на алтарь народного счастья. «Шли они к своим, но их не приняли». Они среди нас жили подвижниками, а отошли в мир иной мучениками. Много тяжчайших преступлений за эти два с половиной года совершил русский народ. Но самое тяжкое из них то, что он сам убил лучших друзей своих, страдальцев за его же счастье – этих вдохновенных, мужественных, самоотверженных и мудрых своих вождей, наглумившись над их подвигом и над их святою памятью.

«Но свет во всем светит и тьма не может объять его» (Иоанн. 1, 5).

С каждым днем все больше и больше вырастает правда из мысли, слова и дела, как все больше обличаются ложь и неправда «революционных» лжепророков. И по мере этого все священнее становится память тех, кто в тяжкую годину народного безумия не потерял разума и на вражду и ненависть народную ответил самоотверженным подвигом, запечатлев его мученической смертью.

Да будут навеки священны их память, их безграничная любовь к своему народу и их беспримерно мужественное служение своей и в страданиях великой Родине!

Протопресвитер Георгий Шавельский

В.Х. ДАВАТЦ
ДРОЗДОВЦАМ¹¹

«Дрозд»...

На фоне нашей белой борьбы звучит это слово как-то особенно интимно, как-то особенно глубоко.

На карте нашей борьбы есть места, испещренные черными линиями славных походов.

Есть трагическая петля на Кубани – это первый Кубанский поход. Будто кто-то роковой начертил эти ломаные линии, испытывая волю и храбрость.

Но есть другая черная полоса. Точно кто-то начертил проект железной дороги. Упрямо и смело с запада на восток пронизан этой линией весь юг России – это путь Дроздовского похода.

И с тех пор слились дроздовцы историей Белого дела. И сколько бы дальше ни чертила судьба новых линий на нашей карте скорби и подвигов, на каждом пути, на каждом участке неизменно встретится наш родной «дрозд».

Прошло десятилетие. А имя «дрозда» так же свято и дорого каждому участнику белого дела. Не умерло это дело. Не сломилось оно десятилетним юбилеем советской власти. Разбросанные по миру, спаяны участники его общей идеей, общей дружбой, общей готовностью к борьбе.

И в этом рыцарском ордена на почетном месте продолжают оставаться славные «дрозды».

Не может Россия погибнуть.

А живая Россия не может позабыть своих верных сынов.

И когда-нибудь русский школьник будет изучать по карте путь Дроздовского похода, и, слушая рассказы учителя, будет черпать в них любовь к Родине, сознание долга и чувство чести.

Н.А. ЦУРИКОВ
ДОБРОВОЛЬЦЫ¹²

Как чекань и рисунок на монете, так и наши слова – стираются от времени. «Захвачанные» человеческими руками, затертые безразличным и холодным произнесением, они теряют свою начальную четкость, выпуклость и жизнь. И мы перестаем их чувствовать. И потому, и именно теперь мы должны вновь углубиться всей на-

шей мыслью, нашей памятью и нашей волей в то «слово», которым 10 лет тому назад мы определили свое отношение к Родине, и которым когда-нибудь будет назван целый период нашей истории.

Это «слово» – Добровольчество.

Обновление и воскрешение добровольчества – такова задача настоящего.

«Видя Родину в море крови, я не мог продолжать свое прямое дело – учение, и с винтовкой в руках пошел я с отрядом белых биться за честь и за благо России» («Дети эмиграции», стр. 20), – так с определенной правдивостью и ясно определил свое поведение русский мальчик-гимназист, один из тех, кто был подхвачен и вознесен волной добровольчества и, уйдя из дома весной 1918 года, вступил в Отряд генерала Дроздовского.

И вот теперь, когда –
И реже все, и туманней
Встают уже перед умом
Картины молодости ранней –

Нам надо встряхнуть свою память, вновь духовно пережить свое прошлое и ясно и прямо посмотреть в глаза настоящему...

Мы боролись, мы отступили, но мы не сдались и не примирились: враг не свергнут, враг не побежден, но и мы живы! Тому есть свидетельства! И ныне наступает уже пора произвести окончательный расчет, пора «посчитаться». И для этого, прежде всего, надо вспомнить и осознать свое прошлое.

По доброй воле, по свободному произволению пошли те первые, которые создали Белое движение. Пусть теперь, пусть даже и справедливо, нам говорят, что в запоздалом переходе на принудительную мобилизацию был источник наших неудач. Пусть так. И все же, для того чтобы заставлять, надо было, чтобы в самом начале, при зарождении (да и потом!) в минуту страшного исторического падения и забвения, кто-нибудь гордый и властный, по своей воле, вышел вперед и сказал, как сказал генерал Дроздовский в Румынии: «Я иду – кто за мной!?» И чтобы на его и вызов, и на такой же призыв генералов Корнилова и Алексеева, по всей России, обезумевшей и забывшей, в разных местах ее, сквозь грохот бегущих с фронта домой эшелонов, пронесся тысячеустный шорох тайного для врагов ответа «Мы!».

Когда говорят о добровольчестве, то всегда говорят о долге. О принятии на себя обязанности, о жертве и подвиге. Да, это так. Говорят, что разнузданной вольнице «голому человеку на голой

земле», «освободившему» себя от всяких обязанностей, и от Родины, и от чести, что России, заплеванной бесчинствами революции, противостали верные и обреченные люди долга, люди, жаждавшие не свободы, а долга и подчинения. Да, это так. Но часто забывают, что предельно и истинно свободен не каторжник, бежавший из тюрьмы, не холоп и раб, сорвавший свои кандалы и убивший своего господина, а лишь тот, кто может и смеет, как хозяин взять сам в свои руки жизнь и распорядиться ею, как он хочет; забывают, что и не было и нет на свете большей свободы, как свою волю, свою добрую волю, сделать господином и подчинить ей не других, а себя; забывают, что не палачи с «развязанными» руками, а те мученики, которые добровольно шли в цепях (человеческих!) умирать за веру Христову, в первые дни христианства были подлинно свободны, и что истинно свободными и истинными свобододолюбцами в 1917 году в России были прежде всего те, кто навсегда связал свое имя с делом освобождения России от большевистского рабства.

Это надо знать, и осознать.

Прошло десять лет. Не новая, а старая борьба продолжается и вновь разгорается. Ее сущность и прежде не покрывалась только той формой армейской борьбы, в которую она тогда исторически вылилась; прежде всего, она была в том знамени, на котором стояло одно немеркнувшее имя – Россия! И потому и не странно, а понятно, что среди имен тех новых наших героев, которые пали недавно в дрящейся борьбе с нашим врагом, мы находим имена тех людей, которые доблестно участвовали и в армейской борьбе. Та же идея, то же дело и те же люди! Но, если тогда, пусть и не сразу, можно было, однако, принуждать, то теперь не только внешние условия, но и характер внешне измененной борьбы требуют предельного добровольчества. Ибо если можно было приказать и заставить стать в строй, то нельзя «приказать» пойти в Россию и взорвать осиное гнездо на Лубянке.

Добровольчество не умерло. Оно не только живо, но и ожило. Через десять лет оно вновь ярко засияло нам светом подвига и осветило тьму нашего безвременья, разбудив нашу совесть!

Есть и будут люди, верные своему прошлому, не изменившие и не забывшие дела жизни и смерти наших павших вождей, верные и послушные призыву нашего старого Вождя!

Старое – новое Добровольчество.

В этом и наша задача, и наша программа, и наше вдохновение.

А. ФИЛИПШОВ
НА ЗАРЕ БОРЬБЫ¹³

В суতোлке сырых будней, захлестнувших русскую эмиграцию, нет-нет да и всплывают яркие моменты недавнего прошлого... Того прошлого, когда еще верилось, что можно без особенного труда сразить поднявшую голову красную гадину, вернуть России ее благоденствие, закрепить на прочных национальных основах ее могущество, пошатнувшееся под ударами измены, предательства и, увы, непонимания создавшейся исторической обстановки...

Нежданно-негаданно вспоминаешь, что прошло десять лет с тех пор, как в южной России зародилось то движение, которое преследовало чистые, бескорыстные стремления служения родной земле...

И, вспомнив это, разумеется, тотчас же вспоминаешь о тех, которые с далекого Румынского фронта совершили через уже охваченный смутой край легендарный переход на Дон, на соединение с белыми силами...

Это был знаменитый Отряд Дроздовского...

Десять лет тому назад он пронесся живительной струей по южнорусским степям, пересек Днепр, подкатился к тихому Дону и там влился в общую массу добровольцев...

Много было в ту знаменательную пору и героизма, и самоотречения, и самопожертвования... Люди, верные своим заветам, своим символам, отдали себя целиком на борьбу за национальную Россию... В изумительно-прекрасном порыве своем они показывали пример другим, притягивали к себе все больше и больше борцов за Родину, за ее светлое будущее...

И не их вина, если впоследствии сложилось иначе, если десять лет спустя после их подвигов, их кровавых жертв, Россия еще стонет под тяжеловесной пятой красного, большевистского чекиста...

Они, эти люди, они – символ!..

Покрывая своими орлиными взлетами необозримые степи Приднепровья и донщины, они, и в первую голову славные дроздовцы, своими актами вписали дивную страницу в историю родной земли, увековечили подвиг русского, цельного национализма, запечатлели яркий пример потомству, как надо любить родину, как надо жертвовать собой для нее, как надо сражаться и... порой умирать...

Но не все славные дроздовцы легли костями в боях за Россию... Некоторые из них уцелели и привезли с собой в эмиграцию веру в будущее, твердую решимость не складывать оружия, упорство в борьбе стойкий закал истинного бойца, которого временные неудачи неспособны утратить, который терпеливо ждет наступления часа решительной победы...

Отдадим же им должную дань уважения, преданности и признательности за все, ими содеянное, в день празднования десятилетия их славного отряда...

Будем верить, что дроздовцы не раз еще послужат русскому национальному делу... Будем верить, что не заржавели их сабли, не отсырели винтовки, не ослабли мускулы...

Слава славным дроздовцам!..

В.Г. ХАРЖЕВСКИЙ

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПОЛЗИКОВ¹⁴

6 июня с.г. (1938. – *Р.Г.*) в городе Вассербиллиге (Люксембург) скончался командир Дроздовского артиллерийского дивизиона генерал-майор Михаил Николаевич Ползиков.

Русский общевойсковой союз и дроздовцы потеряли в его лице виднейшего своего представителя. Он давно страдал сердечным недугом, который и свел в могилу этого редкого русского офицера, выдающегося русского патриота, вся жизнь которого была ярким олицетворением напряженного и непрерывного служения долгу и России. На этом пути своего служения долгу М.Н. Ползиков и стогрел, ибо в работе своей никогда не щадил своих сил, до самых последних дней своей жизни.

«В воскресенье, 29 мая, и на Вознесение Господне, 2 июня, – пишет дроздовец капитан Афонин, – М.Н. Ползиков присутствовал на Богослужении; а вечером в этот же день вел занятия в группе; но к концу занятий почувствовал усталость и недомогание в области сердца...»

И сам М.Н. Ползиков в письме своем от 30 мая, за неделю до смерти, писал мне: «Последние события, правда, подбодрили меня; но зато я вновь почти уже выбыл из строя. Мое напряжение уже тревожно для меня самого, а я не привык жалеть себя...»

Те, кто знает скромность М.Н. Ползикова, поймут из этих слов его, что в своем служении нашему общему делу он уже выбивался

из своих последних сил... И таким он был в течение всей своей жизни: на службе в Русской Императорской армии и в годы борьбы за освобождение России. Повинуясь велению долга, он одним из первых вступил добровольцем в формирующийся в Румынии Отряд полковника Дроздовского. Участник Дроздовского похода, Михаил Николаевич всю свою службу в Гражданской войне провел в рядах Дроздовского отряда и Дроздовской дивизии, где он занимал должность командира артиллерийской бригады.

Отошел от нас старейший дроздовец, бесценно стоявший на своем посту белый воин, давший нам яркий пример понимания долга и служения России.

Мягкий и сердечный в обращении и в личных отношениях, он был строг и к себе и к другим в вопросах чести, морали, воинской дисциплины и выполнения долга. В этом смысле он не знал компромиссов. Подвижник в жизни и на службе, он обладал исключительным мужеством; правдивый до конца, он всем и всегда говорил правду, как бы горька и неприятна не была она. И начальники его, и подчиненные, и соратники, знают его именно таким правдивым и безукоризненно честным. Он не искал популярности и не боялся потерять ее, утверждая те основные принципы воинского служения, которые в наше большое время многими забываются. Преданный Белому делу до конца, он был предан Русскому общевойсковому союзу; М.Н. Ползиков резко осуждал все попытки его ослабления.

Письма его последнего времени, а писал он много и многим, обрисовывает яркий облик его: русского патриота и белого воина – честного и стойкого.

И пусть последние слова его, сказанные им при жизни своей, будут для нас, дроздовцев, его завещанием.

Генерал-майор Ползиков умер 63 лет: он родился 26 октября 1875 года в городе Орле, в военной семье. Отец его, генерал Н.П. Ползиков, был воспитателем Орловского Бахтина кадетского корпуса, в котором учился и Михаил Николаевич. В 1895 году, окончив Павловское военное училище, он был произведен в первый офицерский чин и вышел в артиллерию. Участвовал в Великой и Гражданской войнах. В конце Великой войны был произведен в полковники и назначен командиром 2-го отдельного сербского артиллерийского дивизиона.

Был несколько раз ранен; имеет все русские ордена до Георгиевского оружия включительно и некоторые иностранные.

М.Н. Ползиков похоронен 8 июня на кладбище в городе Васербиллиге. Вся русская колония отдала последний долг почившему. Гроб его утопал в венках и живых цветах. Среди венков: от Русского общевойскового союза, от V отдела РОВСа, от дроздовцев, от ряда других организаций и от друзей покойного. На кладбище прощальное слово было произнесено местным русским священником о. Евгением.

Н.А. ЦУРИКОВ

ПАМЯТИ ГЕРОЯ-ДРОЗДОВЦА¹⁵

В декабре 1929 года, выполняя ответственное поручение, полученное от организации генерала Кутепова, в СССР погиб капитан 1-го Дроздовского полка и бывший председатель Правления галлиполийского землячества в Праге Павел Михайлович Трофимов.

В течение долгого времени обстоятельства не давали возможности писать о его героической смерти.

Эти строки лишь короткий и сжатый отрывок из долженствующей быть написанной полной биографии этого замечательного человека.

П.М. Трофимов родился в городе Сенно Могилевской губернии 2 сентября 1894 года. Он происходил из интеллигентной штатской семьи: отец его был нотариусом в городе Сморгони, дядя – известный врач, гласный Городской думы и приват-доцент Киевского университета (он скончался после ареста большевиками в 1918 году). В 1913 году Павел Михайлович кончает Виленскую классическую гимназию и поступает на экономическое отделение Петербургского политехнического института.

В 1916 году он оставляет институт, поступает в Киевское Николаевское пехотное военное училище, блестяще его кончает и остается в нем некоторое время в качестве помощника курсового офицера. При училище в этой должности Павел Михайлович находился, однако, не долго. В июле 1917 года он идет на фронт и до момента полного развала фронта остается там в рядах 14-го стрелкового полка, входившего в состав <14-й стрелковой> «железной» дивизии. После упорной, но тщетной борьбы, сперва с украинизацией, а потом и большевизацией полка, услышав, что в Яссах будто бы формируются какие-то части для продолжения борьбы за Россию, Павел Михайлович вместе с группой офицеров, во главе с ка-

питаном Л.И. Андреевским (впоследствии помощником командира 2-го Дроздовского полка) 2 (15) января 1918 года покидает 14-й стрелковый полк и в течение нескольких дней, обходя узловые станции, пешком пробирается в Яссы.

9 (22) января он уже записывается в формирующиеся части полковника Дроздовского. И сразу же после записи всей душой отдается делу формирования и восстановления веры в себя в рядах морально убитого развалом фронта офицерства. Начинает он свою службу в формирующемся отряде во 2-й роте. В рядах славной Дроздовской дивизии Павел Михайлович остается до конца. Его участие в Гражданской войне – это ряд блестящих боевых подвигов, не раз спасавших в трудную минуту положение. Еще в училище Павел Михайлович специализируется в пулеметном деле и, в совершенстве его изучив, ведет в перерывах между боями занятия даже с офицерами. Необыкновенное спокойствие и выдержка Павла Михайловича сделали его однако не только знатоком, но и настоящим виртуозом пулеметного боя. В ряде боев, когда капитан Трофимов был уже командиром пулеметной роты 1-го <Дроздовского> полка, например, в одном из самых страшных боев дроздовцев – под Ореховым, губительный огонь трофимовских пулеметчиков решает исход дела. В одном из последних боев 1920 года, Трофимов в качестве командира 1-го батальона принял на себя главный удар, целый день своим огнем отбивал конные атаки красных, чем облегчил отход наших частей в Крым. Несколько раз он был ранен. В августе 1920 года был ранен в грудь, но в тыл не эвакуировался.

После Галлиполи, в составе Дроздовского стрелкового полка, в котором он играл, часто внешне, по скромности, незаметную, но очень большую роль и в боевой обстановке, и во внутренней жизни полка, неизменно избираясь членом Суда чести, Павел Михайлович едет в Болгарию. И только после начала расселения армии, в конце 1923 года Трофимов приезжает в Прагу. В это время уже труднее было получить стипендию в одном из чешских высших учебных заведений с продолжительным курсом, и он поступает в двухгодичное Русское высшее училище техников путей сообщения. Как и везде, где он появляется, Павел Михайлович играет и в студенческой жизни училища очень большую роль, постоянно избираясь председателем студенческих собраний и неизменно борясь за блюение достоинства в студенческой среде. В период пребывания Павла Михайловича в Железнодорожном училище и немного

позднее он отдает много времени и сил Галлиполийскому землячеству в Праге, в течение года, с 1926 по 1927 год, будучи председателем его Правления.

Здесь и позднее, в своей уже более ответственной работе, он с удивительной ясностью обнаруживает некоторые свои основные свойства. Не чувствуя никакого вкуса к так называемой общественной деятельности и не будучи по своему характеру типом общественного деятеля, Павел Михайлович тем не менее выявляет себя как настоящий талантливый организатор, строитель и созида- тель. Человек скорее замкнутый, скрытный, нелегко сходящийся с людьми и совсем не «демократичный» по своим манерам, Павел Михайлович достигает этого двумя свойствами своего характера: тем покоряющим обаянием, которое излучалось из него, как большой нравственной личности, обаянием, подчинявшем ему и соби- равшим вокруг него, притягивавшим к нему людей такой же ду- ховной природы, как он сам, и напряженнейшим, неизменным, всегда обостренным чувством долга. Это сочетание и определило как его внешнюю манеру держаться, так и его способ поведения и отношения к людям, и сделало то, что и до его геройской гибели было очень много людей, и старых общественных деятелей и моло- дых соратников, которые глубоко его уважали и искренне его лю- били. Спокойный, вежливый, любезный, предупредительный, все- гда обходительно-благожелательный, внимательный собеседник, с большим чувством достоинства, но органически лишенный вся- кого тщеславия, П.М. Трофимов был человеком одной и до конца всецело владевшей им идеи. Умный, очень хорошо – ясно и силь- но – говоривший, культурный, с наружностью, удивительно гар- монировавшей с его духовной природой, высокий, стройный, под- тянутый – он сам себя рассматривал как слугу своих идей и так же подходил к другим людям. Лично он спокойно выслушивал по своему адресу нападки, но в вопросах принципиальных был не- примирим (работая в землячестве, он вел упорную борьбу с влия- нием евразийцев, пытавшихся в то время разложить землячество). Служение национальной России, блюдение за рубежом русского национального достоинства и, в частности, офицерской чести и упорная непримиримая борьба с врагами России! И отсюда его об- думанная и с удивительным упорством и успехом проводимая «тактика», продиктованная его патриотической и белой одержи- мостью: все честное, искреннее, прямое, «не мудрствующее лука- во» должно быть поставлено на службу Белой борьбы. Для фрон-

та нужен здоровый тыл. И Павел Михайлович до последнего дня ведет работу для организации и того, и другого. Осторожно, изда- лека, часто не открывая своей конечной цели, он беседует с опыт- ными публицистами, вдохновляя их на нужные статьи, заражает своим настроением, своим немного строгим, но ясным благородст- вом старого писателя-беллетриста, пишущего после разговора с Павлом Михайловичем рассказ из жизни борцов за Родину. И так, неуклонно собирая и строя все в одном и том же направле- нии, все время расширяя свою работу, упорно и самозабвенно он идет к своей цели.

Начиная с 1925 года, Павел Михайлович постепенно все глуб- же уходит в специальную работу, играя все большую роль в органи- зации генерала Кутепова. Имея возможность по своим исключи- тельным личным данным прекрасно устроиться, он живет как от- шельник и иногда даже голодает, бросая выгодную службу, если она мешает его работе. Он выполняет ряд серьезных и иногда рис- кованных поручений, разъезжает по многим странам, но одновре- менно не бросает любимых им занятий по изучению военного дела, состоя одним из активных участников Кружка по изучению миро- вой войны. 10 мая 1928 года в Праге, на многолюдном собрании па- мяти Главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля, Павел Михай- лович произносит большую речь, в которой дает блестящий, насы- щенный фактами полный обзор участия генерала Врангеля в Белой борьбе. Он не только в курсе всех политических настроений эми- грации, но и сам имеет весьма определенные взгляды и даже вкусы, очень далекие и от мракобесия и от лево-нигилистической ради- кальщины. «Советчина» не только политическая, но и культурно- эстетически-бытовая – вызывает у него омерзение.

В этот период его работы, проверяя свое впечатление и не пре- дупреждая о нем Павла Михайловича, генерал Кутепов поручает ему встретиться для производства «морально-политической экс- пертизы» с главным деятелем «Треста» Якушевич-Федоровым. Бел- ый инстинкт Павла Михайловича сразу же после первой беседы безошибочно показывает ему, что это провокатор. Он докладывает об этом генералу Кутепову, и тот благодарит Трофимова, открывая ему, что он и сам того же мнения о главе «Треста». В 1927 году, на границе Польши, возвращаясь из Москвы, погибает в бою М.В. За- харченко-Шульд. В 1928 году, после взрыва ГПУ, в Москве убит Г.Н. Радкович. Обоих их Павел Михайлович знал лично и поклон- ялся им. Когда в его присутствии упоминали их имена, он как-то

менялся в лице, как по команде «на молитву». И, наконец, он не в силах уже удержаться и сам от роли исполнителя; он идет туда же, в страждущую, окровавленную, израненную Россию для борьбы за ее свободу и честь. Ему известно было то, что известно лишь человеку, находившемуся в самом центре организации. Он, совершенно чуждый какого-либо авантюризма или молодечества, глубокий, совсем не поверхностно-эмоциональный человек «холодной ковки», лучше, чем кто-либо, отчетливо и до конца представляет себе всю страшную, смертную опасность того, на что он идет. Прощаясь с одним другом, он, спокойно улыбаясь, говорит ему: «психологии самоубийцы у меня нет».

Но другому лицу, быть может, зная, что его знакомый, если и не будет отговаривать капитана Трофимова от того, на что он уже решился, чтобы его напрасно не волновали, то во всяком случае будет страдать от его решения, он пишет спокойное, но грустное письмо, извиняясь за воздержания от личного свидания и кончая его словом: «Прощайте!». Может быть, в глубине души капитан Трофимов и сам сознавал то, в чем был уверен его знакомый: никакой маскировкой, при своей наружности, он не скроет себя среди царства подавленного, прибитого и спрятавшегося благородства и господствующей на поверхности, торжествующей «советчины»!

«Свидетельствуем вам, что он доблестно исполнил свой долг», — писали люди, осведомленные о его задаче и ее выполнении... Живым он в руки врага не дался. Тому есть и прямые и косвенные доказательства.

Каждое сообщение красной прессы о поимке того или другого белого бойца, или о борьбе, ведущейся против красных из за рубежа, т.е. сообщение, исходящее от ГПУ, всегда преследует какую-нибудь скрытую и иногда очень искусно замаскированную цель. Русской Праге ГПУ многократно уделяло вообще внимание. В «Большой советской энциклопедии» (Т. 64. М., 1933) в очерке, посвященном эмиграции, ГПУ утверждало, например, что командир 2-го Дроздовского полка «генерал-майор В.Г. Харжевский руководит одной из террористических групп». В 1937 году ГПУ сперва дало информацию «Роте Фане», «Юманите» и «Руде Право», а потом, сделав вид, что перепечатывает из этих газет данные им же самим сведения, назвало ряд русских пражан, будто бы принадлежащих к активной русской организации. Рядом с именами стояли «для верности» и адреса (с грубыми ошибками в чешском языке). И нельзя здесь, кстати, не рассказать, что по этим адресам, явно

взятым именно из советских газет, так как в письмах повторялись дословно те же ошибки в чешском языке, из СССР стали приходить в Прагу приветственные письма!.. В этом же сообщении капитану Трофимову, так же как и при гибели в бою Захарченко-Шульц и Радковича, было посвящено только несколько злобных строк. При поимке живыми, как это было с Балмасовым, Сольским, Самойловым, Строевым и другими – ГПУ пишет много длиннее!..

Вся недолгая, но такая ясная жизнь Павла Михайловича Трофимова – это одна прямая линия. Никаких отклонений в ней не было. Блестящий боевой офицер, вдумчивый, инициативный, ответственный, самоотверженный строитель-организатор, ничего лично не искавший и все время непрерывно себя затрачивавший, и мужественный, бесстрашный герой – служитель долга и чести. Таков был этот подлинный и чистейший белый рыцарь. Для многих и многих, кто его по-настоящему знал, гибель капитана Трофимова была тяжелым ударом и лично переживаемым горем. Такой она остается и сейчас. Но жизнь П.М. Трофимова была так содержательна, так ярка, так прекрасна, что последняя черная смертная туча не может заслонить собой его ясной жизни.

Все, во что он верил, все, над чем он так неизменно, так лично скромно, так подвижнически работал, за что так спокойно, так величественно отдал свою жизнь – все это живо, все это живет и не может умереть. И не потому, что за рубежом таких людей, как он, много, и даже не потому, что подвигами своих героев живет каждый народ и страна, что идея подвига – идея вечная. Нет. А потому, что Павел Михайлович оставил после себя в душах многих и многих, перед кем он прошел и с кем общался, навсегда оставил глубокий, яркий и неизгладимый след. И даже больше этого: те, кто сумел его оценить, а потому и полюбить, те неизбежно должны были воспринять от него его белую сущность, ставшую частью их самих. И поэтому духовное наследство Трофимова не уменьшается, а живет, все время растет и множится, передаваясь от одних к другим. Это наследство, оставшееся с нами и в нас, прежде всего, обязывает, но кроме того оно возвышает, поднимает, вдохновляет, поддерживает и утешает. Трудно было бы жить вне Родины, если бы не было у нас таких людей.

Русское Зарубежье может быть оправдано в своем бытии только тем, что среди него были незабываемые им Белые Вожди, павшие на своем посту, и такие борцы за Россию и честь, как М.В. Захарченко-Шульц, Г.Н. Радкович и Павел Михайлович Трофимов.

ФРОНТОВЫЕ ПЕСНИ И СТИХИ

МАРШ ДРОЗДОВЦЕВ

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк.
Для спасения народа
Нес геройский трудный долг.

Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закаленных
Путь далекий не страшил.

Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед,
Как герой, он верил твердо,
Что он Родину спасет.

Ведал он, что Русь родная
Истомилась под ярмом,
Словно свечка догорая,
Угасает с каждым днем.

Верил он – настанет время
И опомнится народ,
И он сбросит свое бремя
И за нами в бой пойдет.

Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг пред натиском бежал,
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал!

2-й ОФИЦЕРСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ДРОЗДОВСКИЙ ПОЛК

Завет священный выполняя
Того, чей глас давно умолк,
Идет, Россию избавляя,
Вперед идет Дроздовский полк.

Господь послал нам испытанья
И бремя тяжкого труда,
Но, несмотря на все страданья,
Мы не сдадимся никогда!

Услышим вновь мы приказанье:
«Вперед, дроздовцы, в добрый путь!»
И боевое нам заданье,
Свободу Родине вернуть.

Значок малиновый взовьется
Пред фронтом нашего полка,
И сердце радостно забьется,
В груди у каждого стрелка.

Вперед поскачет Туркул славный,
За ним Конради и конвой,
Услышим вновь мы клич наш бранный,
Наш клич дроздовский боевой:

Смелей, дроздовцы, удалые,
Вперед без страха, с нами Бог!
Поможет нам, как в дни былые,
Чудесной силою помог! – Да сам Бог!

* * *

...И взором души мы стремились вдаль.
На новую славную битву,
Где жертвы погибших в бою роковом
Отмстить мы сурово решили.
И в тихом молчанье, со скорбным челом
Мы все от могил уходили...

Дроздовец

ДРОЗДОВЦЫ¹⁶

Смело проходят рядами
Армии белой полки,
Грозно сверкают штыками
Матушки Руси сыны.

Тяжко и мерно шагает
Армии белой краса.
Лица отвагой пылают,
Как искры сияют глаза.

Кто ж эти грозны вояки?
Мрачен их взор и суров.
Это лихие рубаки –
Полк разудалых дроздов.

Эти дроздовцы ходили
С песнями в гуль боевой,
Эти дроздовцы громили
Наших врагов мощный строй.

Стройно проходят ряды
Полка разудалых дроздов,
Грозно сверкают штыки
Смело идущих бойцов.

Мишин, ученик Русской гимназии Белграда

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923. С. 176–177.
- 2 Там же. 178–179.
- 3 Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 15.
- 4 *Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923. С. 180–182
- 5 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39751. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
- 6 РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 1. Лл. 166–166 об.
- 7 Там же. Лл. 175 а, 175 б, 176, 177.
- 8 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 16. Лл. 2–3.
- 9 *Деникин А.И.* Дроздовцы (1918–1928) // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 2–3.
- 10 *Шавельский Г.* Павшим славным вождям Добровольческой армии // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 10.
- 11 *Даватц В.* Дроздовцам // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 17–18.
- 12 *Цуриков Н.* Добровольцы // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 19–20.
- 13 *Филитов А.* На заре борьбы // Вестник общества Галлиполийцев в Болгарии. София, 1928. № 10–11. Февраль–март. С. 23.
- 14 *Харжевский В.Г.* Генерал-майор Михаил Николаевич Ползиков // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 61. С. 28–30.
- 15 *Цуриков Н.* Памяти героя-дроздовца // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57. С. 20–29.
- 16 Галлиполийский вестник. № 61. София, 1938. С. 31.

часть третья

**К ИСТОРИИ
ДРОЗДОВЦЕВ**

Третью часть книги – «К истории дроздовцев» – составили статьи и материалы современных авторов, посвященные истории дроздовцев. Раздел открывается материалом Р.Г. Гагкуева, рассказывающим об участии дроздовцев в Гражданской войне. Наряду со сведениями о численности и переформировании дроздовских частей, автор приводит данные об изменении их социального состава. В публикации, подготовленной К.М. Александровым, впервые приводятся неизвестные ранее воспоминания одного из видных участников Белого движения на Юге России, корниловца генерала Е.Э. Месснера, рассказывающие о деятельности М.Г. Дроздовского в период формирования им отряда в Яссах.

Статья Н.А. Кузнецова посвящена одному из наиболее видных дроздовцев – полковнику М.А. Жебраку. Автор впервые приводит сведения о жизни знаменитого офицера до начала Гражданской войны, его боевой работе во время Русско-японской и Великой войн. Материал М. Гололобова повествует об одном из самых героических эпизодов боевой деятельности дроздовцев – знаменитом десанте в Хорлы в 1920 году.

В статье «Дроздовцы в Галлиполи» В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт продолжает рассказ о судьбах дроздовцев оказавшихся по окончании Гражданской войны и Галлиполийского сидения в рассеянии за рубежом. Материалы ранее вышедшей книги существенно дополнены новыми сведениями. Статья И.И. Руденко-Миниха повествует о судьбе захоронения М.Г. Дроздовского в Севастополе.

Отдельную раздел третьей части книги составляет биографический справочник командного состава дроздовцев, составленный Р.Г. Гагкуевым и В.Г. Чичерюкиным-Мейнгардтом, продолжающий традицию серии «Белые Воины» по публикации биографических данных участников Белой борьбы.

ДРОЗДОВЦЫ ДО ГАЛЛИПОЛИ

Начало формированию будущих дроздовских частей было положено в декабре 1917 года. После прибытия в ноябре 1917 года генерала А.А. Алексеева на Дон и начала развертывания Алексеевской организации (позднее – Добровольческой армии), между ним и штабом Румынского фронта была налажена связь. Ее результатом стало возникновение на Румынском фронте идеи о создании Корпуса русских добровольцев для последующей его отправки на Дон. В ноябре–декабре в Яссах, где располагался штаб Румынского фронта, находилось немало офицеров, покинувших свои части ввиду их разложения.

Формирование Отряда полковника М.Г. Дроздовского началось 16 декабря. Первыми добровольцами стали девять офицеров 61-й артиллерийской бригады, намеревавшиеся ранее пробираться на Дон самостоятельно. В декабре 1917 года в Яссах было открыто бюро записи для поступавших в 1-ю бригаду Русских добровольцев. Записывавшиеся давали подписку сроком на 6 месяцев. В целях ускорения комплектования своей бригады полковником Дроздовским были направлены офицеры-вербовщики в Одессу, Киев и другие крупные города Юга России (в Одессе было основано вербовочное бюро). Был также организован сбор оружия у разлагающихся фронтовых частей. В начале января 1918 года для этих целей была создана особая команда разведчиков¹.

Первоначально командование Румынским фронтом открыто не поддерживало формирование отряда. В середине января 1918 года обстановка на фронте резко изменилась. Главнокомандующий русскими армиями фронта генерал Д.Г. Щербачев после провозглашения 11 (24) января 1918 года Центральной радой IV Универсалом независимости Украины и начала переговоров с Германией открыто поддержал формирование бригады. 24 января (6 февраля) генерал Щербачев отдал приказ № 1413 по рус-

ским армиям Румынского фронта, согласно которому было начато формирование Отдельного корпуса русских добровольцев в составе штаба и трех бригад. Штаб получил наименование Управления по формированию добровольческих частей. Инспектором по формированию добровольческих частей был назначен бывший командующий 9-й армией генерал-лейтенант А.К. Кельчевский; начальником штаба стал бывший начальник 3-й Туркестанской стрелковой дивизии Генерального штаба генерал-майор А.Н. Алексеев. Началось развертывание 2-й Кишиневской бригады, которую последовательно возглавляли генералы Асташов и Ю.Ю. Белозор. Создание 3-й бригады планировалось в городке Болграде. Полковник Дроздовский был назначен начальником 1-й Скитейской бригады².

27 января (9 февраля) Центральная рада Украинской народной республики подписала мирный договор со странами Четверного союза, начавшими оккупацию Украины «для поддержания порядка». Когда ситуация приняла явно неблагоприятный для Румынии характер (она рисковала остаться один на один в войне со странами Центрального блока), ее правительство, несмотря на протесты союзных миссий, 24 февраля (9 марта) также вступило в мирные переговоры с противником (перемирие с ним Румыния заключила еще в декабре 1917 года). При этом румынские войска оккупировали часть русской территории – Бессарабию. С этого времени румынские власти начали препятствовать дальнейшему формированию добровольцев.

В результате после ряда совещаний генерал Кельчевский, принимая во внимание оказываемое румынами давление, начавшееся вторжение в пределы России немцев, общую неудачу добровольческих формирований и отсутствие необходимой для похода на Дон конницы, признал задуманный план неосуществимым, рискованным и обреченным на неудачу. С ведома генерала Щербачева, 24 февраля (9 марта) (в день начала под Бухарестом мирных переговоров между Румынией и странами Четверного союза) он издал приказ об аннулировании данных офицерами обязательств и о роспуске частей добровольческого корпуса.

Полковник Дроздовский отказался подчиниться приказу и, сумев пробиться сквозь заслоны румынских войск, пытавшихся разоружить отряд, выступил 26 февраля (11 марта) 1918 года в поход на Дон со своей бригадой и присоединившейся частью офицеров 2-й бригады (около 60 человек)³.

5 (18) марта в Дубоссарах, после совещания старших начальников, была проведена реорганизация частей отряда, после которой он принял следующий вид: штаб, Сводно-стрелковый полк, конный дивизион, артиллерия, конно-горная и легкая батареи, мортирный взвод, команда связи, конная и автомобильная радиотелеграфные станции, автоколонна, броневой отряд, команда разведчиков особого назначения, полевой лазарет и интендантство⁴.

Согласно данным полкового историка дроздовцев В. Кравченко, приведенным в 1970-х годах, Отряд Дроздовского в Дубоссарах насчитывал около 1050 человек, из которых не менее 650 (2/3) были офицерами⁵. По свидетельству капитана Андреянова, в отряде было до 700 добровольцев, а еще около 300 военнопленных большевиков находились в обозе⁶. Архивные документы позволяют уточнить и несколько скорректировать эти данные. Согласно «Алфавитному списку чинов Сводно-стрелкового полка Отряда русских добровольцев, выступивших в поход из Румынии» только в пехотной части полка было 460 человек (при этом доли рядового и офицерского кадра составляли 22 и 78% (102 и 358 человек соответственно)⁷. Еще более подробные сведения содержатся в списке, составленном в 1922 году полковой комиссией дроздовцев, позднее приложенному к воспоминаниям полковника П.В. Колтышева⁸. Согласно этим данным, численность Сводно-стрелкового полка составляла 523 человека; еще 102 чина было в конном дивизионе.

На протяжении похода отряд неоднократно пополнялся, но приток добровольцев не был значительным: Каховка дала около 40 человек, Мелитополь – около 70, Бердянск – 70–75, Таганрог – 50, большая группа офицеров из Одессы осталась на месте, дезориентированная ложным известием о гибели отряда⁹. Среди пополнявших отряд Дроздовского, помимо офицеров, были учащиеся старших классов (гимназисты, семинаристы), юнкера, чиновники и др.¹⁰

Преодолев с боями около 1200 верст, Отряд полковника М.Г. Дроздовского 21 апреля (3 мая) взял Ростов. Однако уже на следующий день добровольцы, под давлением превосходящих сил противника, вынуждены были оставить город. Соединившись затем с восставшими казаками, дроздовцы, 25 апреля (8 мая) освободили от большевиков столицу Войска Донского – Новочеркасск. С его занятием поход Яссы – Дон был завершен. Приказом по Добровольческой армии № 288 от 12 (25) мая 1918 года в станице Мечетинской Отряд (бригада) М.Г. Дроздовского был включен в состав армии¹¹.

После соединения с Добровольческой армией Отряд полковника М.Г. Дроздовского составил 3-ю пехотную дивизию. Сводно-стрелковый полк стал называться 2-м офицерским стрелковым полком, а конный дивизион – 2-м конным полком. Всего через десять дней после занятия Новочеркасска полк смог развернуться из одного батальона в три (столь велико было число добровольцев поступавших в него)¹². Командование отряда (как и других частей Добровольческой армии) посылало своих людей для вербовки добровольцев во многие города юга России¹³. Благодаря пополнениям во 2-м офицерском полку была сформирована офицерская рота численностью свыше 300 штыков, почти полностью состоящая из офицеров (в ее состав входило до 20 георгиевских кавалеров)¹⁴. Общая численность отряда в Новочеркасске в мае–июне 1918 года составила около 2500–3000 человек¹⁵.

Летом–осенью 1918 года 3-я дивизия приняла участие во 2-м Кубанском походе, пройдя через ожесточенные бои за Ставрополь и Армавир. Уже в начале 2-го Кубанского похода 2-й офицерский стрелковый полк в существенной степени пополнялся пленными красноармейцами. Только в июне месяце 3-й пехотной дивизией было захвачено в плен свыше 3000 человек¹⁶. Из военнопленных была образована отдельная воинская часть: 21 июня (4 июля) по приказанию начальника 3-й пехотной дивизии полковника М.Г. Дроздовского был сформирован Солдатский батальон трехротного состава. На командные должности в нем были назначены офицеры из 2-го офицерского полка¹⁷. Полковой историк дроздовцев В. Кравченко писал о Солдатском полке: «Среди его состава не было старых солдат из дивизии Дроздовского, а одни заводские парни, чернорабочие, крестьяне и красноармейцы»¹⁸. В июле в станице Ново-Донецкой была сформирована 4-я рота, а батальон был переименован в полк (позднее в нем были образованы 5-я и 6-я роты). Пополнялся полк, как правило, бывшими красноармейцами¹⁹. 14 (27) августа в станице Усть-Лабинской, Солдатский полк был соединен с прибывшим из Ставрополя батальоном, сформированным из офицеров и солдат 83-го Самурского полка (180 человек), и получил название Самурского пехотного полка. Численность его рот увеличилась до десяти. В 1919 году полк входил в состав 1-й, 3-й и Алексеевской пехотных дивизий. Позднее, после эвакуации Вооруженных сил Юга России в Крым 16 (29) марта 1920 года он был расформирован, а его остатки влиты в полки Дроздовской дивизии²⁰.

Комплектование пленными красноармейцами приводило к дезертирству. Так, начальник 3-й дивизии полковник М.Г. Дроздовский в рапорте на имя командующего Добровольческой армии писал: «В Самурском полку на почве неудач и утомления появилось много перебежчиков, чего раньше совершенно не было, и сейчас этот полк уже не внушает мне доверия – над ним необходима большая работа»²¹.

2-й офицерский стрелковый полк, как и другие части Добровольческой армии, существенно пополнился в августе, после взятия белыми Екатеринодара. Большой процент в пополнении составили кубанские казаки²².

После смерти от ран 1 (14) января 1919 года генерал-майора М.Г. Дроздовского 2-й офицерский стрелковый 4 (17) января приказом Главнокомандующего Вооруженных сил Юга России получил его имя (10 (23) октября 2-й конный полк также был переименован во 2-й генерала Дроздовского полк). По окончании 2-го Кубанского похода в составе 1-го корпуса Добровольческой армии полк участвовал в боевых действиях в Донецком бассейне. К 30 марта (12 апреля) его численность, включая вспомогательные команды, составляла 1438 человек (из них офицеров – 370 человек (26%), стрелков – 684 (48%); кроме того, при полку находилось 315 обучаемых стрелков)²³.

Комплектовался полк в основном мобилизованными и пленными красноармейцами. Как и другие добровольческие части, дроздовцы в начале 1919 годаполнили свои ряды мобилизованными шахтерами²⁴. По свидетельству одного из командиров дроздовцев полковника К.А. Кельнера, численность бывших красноармейцев в полку в начале 1919 года доходила до 40%. Пленные «первое время не были безусловно надежны, но массовых измен не было... Превысить указанный процент красноармейцев в полку представлялось опасным...»²⁵. По свидетельству дроздовцев «мобилизованные местные жители оказались ненадежными бойцами и постоянно дезертировали, уходя назад в свои деревни, которые занимались красными». Так, в ночь на 31 марта (13 апреля) из полка дезертировало 23 мобилизованных стрелка²⁶.

Потери в ходе боев вели к уменьшению доли офицерства в составе полка. К 8 (21) апреля численность полка с учетом вспомогательных команд составляла 1245 человек (из них офицеров – 242 человека (19%), стрелков – 580 (47%); обучаемых стрелков, направляемых на пополнение рот – 191 человек)²⁷. Несмотря на по-

полнения, численность полка в ходе боев неуклонно снижалась. К 20 мая (2 июня) она составила всего 593 штыка и 110 шашек (703 человека)²⁸.

4 (17) апреля на базе 3-й отдельной легкой и гаубичной батареи, входивших ранее в состав Отряда полковника Дроздовского, была образована 3-я артиллерийская бригада, вошедшая в состав 3-й пехотной дивизии.

Развертывание дроздовских частей продолжилось летом–осенью 1919 года во время похода на Москву. Большие пополнения 2-й офицерский генерала Дроздовского стрелковый полк (позднее – 1-й полк) получил в июне 1919 года в Харькове, где он простоял около двух недель. При взятии города 11 (24) июня к полку присоединилось около 50 офицеров Харьковского офицерского партизанского отряда. После полученных пополнений полк выделил кадр для формирования номерных дроздовских полков²⁹. Большое пополнение 1-й полк получил в Севске (до нескольких сотен добровольцев)³⁰. За время стоянки в этом городе был заново образован 3-й батальон полка, ранее выделенный на формирование 3-го полка, численностью около 250 человек³¹.

Приказом по 1-му армейскому корпусу Добровольческой армии № 215 от 29 июля (11 августа) на базе 3-го батальона 1-го полка, мобилизованных и пленных красноармейцев был сформирован 4-й (2-й) офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк³². Одновременно с его образованием тем же приказом создавалась Офицерская стрелковая генерала Дроздовского бригада в составе 3-й пехотной дивизии³³. 25 августа (7 сентября) во время наступления Добровольческой армии на Курск – Орел 2-й и 4-й полки были переименованы в 1-й и 2-й соответственно³⁴. Из кадра 3-го батальона 1-го полка 21 сентября (4 октября) в Харькове был сформирован и 3-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк³⁵. 14 (27) октября приказом Главнокомандующего Вооруженных сил Юга России на базе 3-й пехотной дивизии была сформирована Офицерская генерала Дроздовского стрелковая дивизия в составе 1-го, 2-го и 3-го полков, запасного батальона, Дроздовской инженерной роты и Дроздовской артиллерийской бригады (бывшая 3-я артиллерийская бригада). Позднее были образованы запасные батальоны дроздовских полков³⁶.

В полках Дроздовской дивизии, как и в большинстве других добровольческих частей, существовал институт прикомандирова-

ния. Так, в Харькове мобилизованные офицеры первоначально зачислялись в дроздовские полки на правах прикомандированных рядовыми без права ношения полковой формы, и только по прошествии определенного испытательного срока переводились в списки полка. Зачисление офицеров проводилось не только в офицерские, но и в обычные роты³⁷.

На протяжении второй половины 1919 года дроздовские полки комплектовались в основном за счет пленных. Так, 4-я рота 1-го Дроздовского полка практически полностью состояла из бывших красноармейцев³⁸. С мая по октябрь 1919 года дроздовцы неоднократно брали в плен до нескольких сотен красноармейцев, многие из которых незамедлительно вливались в состав дроздовских полков³⁹. Немало пленных было захвачено и в разгар отступления Вооруженных сил Юга России. Так, в середине января 1920 года под станицей Елизаветинская 1-й полк взял в плен 138 человек, 3-й полк – 150 человек⁴⁰. В начале февраля у хутора Петровского 3-й полк взял до 200 пленных, а 7 (20) февраля Дроздовская дивизия захватила в плен несколько сот человек⁴¹.

К середине сентября 1919 года численность дроздовских полков, входивших к тому времени в состав 3-й пехотной дивизии, составляла: 1-й полк (2 батальона) – около 1600 человек, 2-й полк (3 батальона) – около 900, 3-й полк (формировавшийся в районе Ворожбы, позднее в городе Белополье) – около 800 человек⁴². На 5 (18) октября численность полков составляла: 1-й полк – 1352 человека, 2-й полк – 1309 и 3-й – 1130 человек⁴³ (по другим данным – 1-й полк около 1900 человек, 2-й полк – около 900)⁴⁴. В ходе боев осени–зимы 1919 – начала 1920 года полки Дроздовской дивизии понесли тяжелые потери. В конце октября во время начавшегося отступления Вооруженных сил Юга России большие потери понес только закончивший свое формирование 3-й Дроздовский полк, сведенный после разгрома в шесть рот⁴⁵.

Пополнение пленными и мобилизованными вызвало дезертирство в рядах дроздовцев. Во время отступления осени–зимы 1919–1920 годов командир 1-го полка А.В. Туркул, опасаясь дезертирства, разделил 1-й полк на две части: на старых бойцов и на сводный батальон из пленных красноармейцев⁴⁶. Размеры дезертирства подчеркивают полковые историки дроздовцев. К 27 февраля (12 марта) 1920 года в 1-м батальоне 2-го Дроздовского полка осталось в строю всего 50 человек, «да и то в это число вошло человек

двадцать из тех, которых подловили по дороге из числа отставших от других частей»⁴⁷. Тем не менее, во время Новороссийской эвакуации запасной батальон 1-го Дроздовского полка, в отличие от многих других разложившихся запасных частей, эвакуировался в Крым вместе с остальными частями своей дивизии⁴⁸.

В Крыму 28 апреля (11 мая) 1920 года дивизия была переименована в Стрелковую генерала Дроздовского (Дроздовскую), а полки – в 1-й, 2-й и 3-й генерала Дроздовского (Дроздовские) полки. В ходе реорганизации Вооруженных сил Юга России, проводимой новым Главнокомандующим генералом П.Н. Врангелем, полки дивизии пополнились кадром расформированных частей. Согласно приказу Главнокомандующего от 25 апреля (8 мая), 1-й сводный полк Отдельной бригады 12-й пехотной дивизии, был расформирован и направлен на пополнение Дроздовской дивизии⁴⁹. В результате этой реорганизации полки дивизии пополнило 207 рядовых (79%) и 56 офицеров (21%)⁵⁰. В мае в ряды дроздовцев были влиты пополнения из числа чинов Русского экспедиционного корпуса во Франции⁵¹.

В целом, на протяжении 1920 года дроздовцы, как и другие части Русской армии генерала П.Н. Врангеля, комплектовались в основном пленными, что было вызвано ограниченностью людских ресурсов Крымского полуострова. Об этом свидетельствуют приказы по 1-му Дроздовскому полку. Согласно имеющимся данным, на протяжении августа 1920 года полк пополнило 583 человека, из которых 106 были мобилизованными (18%), 440 – пленными (75%), 21 – добровольцами (4%) и 16 – перебежчиками (3%)⁵².

Из числа пополнивших 1-й Дроздовский полк за указанный период 39 офицеров (7% от всего пополнения) 7 человек были добровольцами (13%), 4 – мобилизованными (23%), 10 – пленными (32%) и 10 – перебежчиками (32%)⁵³. Численность офицеров в 1-м Дроздовском полку, в сравнении с другими добровольческими полками, была в это время достаточно велика. Согласно требовательным ведомостям на жалование офицерам 1-го Дроздовского стрелкового полка, за август 1920 года в полку было 599 офицеров (с учетом офицеров из вспомогательных команд, запасного и учебного батальона, а также находящихся в командировке в штабе дивизии)⁵⁴.

За указанный период полк пополнило также 544 рядовых (93% от пополнения), из которых 14 человек были добровольцами (3%), 102 – мобилизованными (19%), 422 – пленными (77%) и

6 – перебежчиками (1%)⁵⁵. За тот же период из 1-го Дроздовского полка дезертировал 21 человек (18 рядовых (86%) и 3 офицера (14%))⁵⁶.

Недостаток пополнений, присылаемых в полки из запасных батальонов, приводил к проведению дроздовцами самостоятельных мобилизаций. Так, в апреле офицеры 1-го Дроздовского полка проводили самочинные мобилизации офицеров в Севастополе⁵⁷.

Однако основным источником комплектования для Дроздовской дивизии на протяжении 1920 году оставались пленные. Об этом свидетельствуют имеющиеся в распоряжении неполные данные о числе взятых в плен дроздовцами красноармейцев: в июне – около 1500 человек, в августе–сентябре – не менее 3000, в сентябре – до 4000, в октябре, в последних боях под Перекопом – около 1500 человек⁵⁸. Согласно оперативной сводке за 4 (17) июля, только за этот день дроздовцами, при помощи кубанцев, было взято в плен 880 человек⁵⁹.

Пленные красноармейцы отправлялись как в запасные батальоны, так и напрямую в строевые части полков (зачастую в тот же день, когда они брались в плен). Такие вливания не могли не сказаться на боеспособности полков. По словам полкового историка, «...это слишком поспешное пополнение (в некоторых ротах оказалось до 60% только что взятых в плен красноармейцев) было чревато тяжелыми последствиями»⁶⁰. Об этом позднее вспоминал командир 3-го Дроздовского полка генерал-майор В.В. Манштейн, по словам которого в мае «за счет пополнения из пленных красноармейцев... <полк> много потерял в качественном отношении, так как в его строю стало до 50% бывших красноармейцев»⁶¹. Среди пленных, включаемых в состав полков были и «интернационалисты» – летом 1920 года в состав рот 1-го Дроздовского полка были влиты пленные латыши⁶².

В тоже время, участники боевых действий в 1920 году в своих воспоминаниях свидетельствовали о достаточно высоком качестве пополнения из пленных: «...пленные красноармейцы, взятые только утром... и перед обедом влитые к нам, уже отлично дрались в наших рядах. Среди них не было ни одного перебежчика»⁶³. Некоторые вчерашние красноармейцы, взятые в плен Красной армией, обратно переходили на сторону белых⁶⁴.

Увеличение доли комплектования пленными тем не менее привело к росту дезертирства. В числе перебежавших в Красную

армию был даже командир 4-й роты 1-го Дроздовского полка капитан Барабаш. Массовые сдачи в плен наблюдались во время последних боев дроздовцев в Крыму в октябре 1920 года, когда в полном составе (без офицеров) на сторону красных перешел 2-й батальон 1-го полка⁶⁵.

Для обучения и подготовки пополнения из мобилизованных и пленных в Дроздовской дивизии были созданы запасные батальоны дивизии и полков. Численность запасного батальона Дроздовской дивизии на 21 сентября (4 октября) составляла около 600 человек⁶⁶. Запасной батальон дивизии, участвовавший в боях во время Заднепровской операции Русской армии и полностью состоявший и пленных красноармейцев, приказом Главнокомандующего за отличие в боях был переименован в 4-й Дроздовский стрелковый полк⁶⁷.

Численность полков Дроздовской дивизии в 1920 году в среднем составляла около 1000 человек. В начале августа в 1-м полку насчитывалось более 1000 человек, во 2-м – около 300, в 3-м оставался только один батальон (численность не известна)⁶⁸. На 21 сентября (4 октября) численность полков составляла: 1-го полка – свыше 1500 человек, 2-го – около 900 и 3-го – свыше 700⁶⁹. В октябре, незадолго до эвакуации Русской армии из Крыма, численность Дроздовской стрелковой дивизии в составе четырех полков составляла свыше 3000 человек⁷⁰.

Дроздовские части были одними из наиболее надежных и боеспособных соединений белых на Юге России. Направляемые на наиболее тяжелые участки фронта они нередко несли большие потери. За всю Гражданскую войну потери дроздовцев исчисляются в 15 000 убитых (среди них – около 4500 офицеров) и 35 000 раненых.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин, 1923. С. 45; Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. С. 23–24.
- 2 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 25.
- 3 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 28–30.
- 4 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 39–40; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 33–34; Поход Дроздовцев / Сост. А.П. Капустянский. М., 1993. С. 11.
- 5 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. М., 2005. С. 326; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 33–34.
- 6 Поход Дроздовцев... С. 12, 18–19.
- 7 ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 79. Лл. 9–16.
- 8 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 417.
- 9 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 82, 110, 121, 123, 133; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 86, 93, 100.
- 10 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 67.
- 11 Российской государственный военный архив (РГВА). Ф. 39720. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.
- 12 Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Белград, 1937. С. 24–25; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 114.
- 13 Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 119.
- 14 Туркул А.В. Указ. соч. С. 20–22 (говорится об офицерской роте численностью 320 человек); Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 122 (упоминается об офицерском батальоне, без указания численности).
- 15 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 139; Туркул А.В. Указ. соч. С. 24–25; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 120, 126.
- 16 Туркул А.В. Указ. соч. С. 31; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 131 (у хутора Грязнушкин в начале июня было взято в плен около 300 человек); Туркул А.В. Указ. соч. С. 34–36; Кравченко В. Указ. соч. Т. 1. С. 141; Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. Берлин, 1924. С. 168 (у села Белая Глина 23 июня (6 июля) было взято в плен около 3000 человек).

- 17 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 36; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 139.
- 18 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 152–153.
- 19 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 35–36; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 151; Т. 2. С. 353.
- 20 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 139–140.
- 21 *Дроздовский М.Г.* Указ. соч. С. 148.
- 22 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 162–163.
- 23 РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 24. Лл. 104–105.
- 24 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 71–72, 96–97; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 231.
- 25 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 394. Лл. 13–14.
- 26 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 71–72; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 227.
- 27 РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 24. Лл. 120–122.
- 28 Там же. Л. 203 об. – 204, 205–205 об.
- 29 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 121–122, 125; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 260.
- 30 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 128.
- 31 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 171. Л. 21 об.
- 32 РГВА. Ф. 39687. Оп. 1. Д. 1. Лл. 6–6 об.
- 33 Там же.
- 34 Путеводитель по фондам Белой армии / Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова. М., 1998. С. 299.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 *Венус Г.Д.* Война и люди // *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. *Венус Г.Д.* Война и люди. – М., 1996. С. 208–209.
- 38 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 97.
- 39 Там же. С. 133, 137, 139, 143, 158.
- 40 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 358.
- 41 Там же. Т. 1. С. 367, 371.
- 42 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 171. Лл. 7 об. – 8, 28.
- 43 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 35. Л. 159.
- 44 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 171. Л. 27 об.
- 45 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 148.
- 46 Там же. С. 168.
- 47 *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 1. С. 377.
- 48 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 176; *Кравченко В.* Указ. соч. Т. 2. С. 354.
- 49 РГВА. Ф. 39684. Оп. 1. Д. 12. Лл. 68–68 об.

- 50 РГВА. Ф. 39684. Оп. 1. Д. 12. Лл. 66 об. – 69 об.
- 51 Венус Г.Д. Указ. соч. С. 329.
- 52 РГВА. Ф. 40066. Оп. 1. Д. 1. Приказы по 1-му Дроздовскому стрелковому полку за 1920 год. Август: приказы № 214, 218, 222–223, 227–228, 232, 235, 237, 239, 241 (1–5, 9–10, 14–15, 19, 22, 24, 26, 28 августа); РГВА. Ф. 40066. Оп. 1. Д. 1. Лл. 8–12, 19–21, 30–34, 41–45, 52–56, 62–67, 70–73, 76–77, 80–82.
- 53 Там же.
- 54 РГВА. Ф. 40066. Оп. 1. Д. 1. Лл. 177–230.
- 55 Приказы по 1-му Дроздовскому стрелковому полку за 1920 год.
- 56 РГВА. Ф. 40066. Оп. 1. Д. 1. Приказы по 1-му Дроздовскому стрелковому полку за 1920 год. Август: приказы №№ 217, 221, 225, 227, 239, 241 (4, 8, 12, 14, 26, 28 августа); РГВА. Ф. 40066. Оп. 1. Д. 1. Лл. 17–18, 27–29, 37–38, 41–42, 76–77, 80–82.
- 57 Туркул А.В. Указ. соч. С. 181; Венус Г.Д. Указ. соч. С. 320–321.
- 58 Туркул А.В. Указ. соч. С. 264, 270, 272, 277, 280, 284, 321; Кравченко В. Указ. соч. Т. 2. С. 65, 162.
- 59 РГВА. Ф. 39687. Оп. 1. Д. 15. Л. 90.
- 60 Кравченко В. Указ. соч. Т. 2. С. 42.
- 61 Там же. С. 68.
- 62 Венус Г.Д. Указ. соч. С. 352.
- 63 Туркул А.В. Указ. соч. С. 199.
- 64 Там же. С. 202–205.
- 65 Туркул А.В. Указ. соч. С. 297–306, 320; Кравченко В. Указ. соч. Т. 2. С. 68.
- 66 Кравченко В. Указ. соч. Т. 2. С. 177.
- 67 Туркул А.В. Указ. соч. С. 315; Кравченко В. Указ. соч. Т. 2. С. 54–55, 180–181; Битенбиндер А.Г. Действия Марковской дивизии на правом берегу реки Днепра в районе западнее города Александровска в период с 24.09 по 01.10.1920 г. // Марков и марковцы. – М., 2001. С. 370.
- 68 Кравченко В. Указ. соч. Т. 2. С. 127.
- 69 Там же. С. 177.
- 70 Там же. С. 197.

«Я ЗНАЮ, ЧТО ОФИЦЕРЫ ВЫПОЛНЯТ СВОЙ ДОЛГ...»

(из воспоминаний
о М.Г. Дроздовском Генерального
штаба полковника Е.Э. Месснера)

Памяти петербургского историка
Виктора Георгиевича Бортневского –
автора первых публикаций о М.Г. Дроздовском
и дроздовцах, трагически ушедшего из жизни в 1996 году

Евгений Эдуардович Месснер родился 3 сентября 1891 года в Одессе Херсонской губернии в семье коллежского асессора. Семья Евгения Эдуардовича принадлежала к той редкой категории русских немцев, которые, обрусев, сохранили все традиционные черты немецкого национального характера и внесли неоценимый вклад в создание Российской государственности. Прапрадед Месснера – вюртембергский дворянин – переселившись в Россию, с безразличием отнесся к собственному сословному положению, и отец Евгения Эдуардовича, по его собственным словам, «не находил нужным возобновить вюртембергское дворянство»¹. И хотя, будучи офицером, Е.Э. Месснер искал через германского адвоката доказательства баронского звания своих немецких предков, Великая война положила конец его поискам. Отец служил архитектором по Ведомству Императрицы Марии Федоровны, строил и ремонтировал ведомственные сиротские приюты в Одессе, благодаря чему получил чин коллежского асессора.

В семье Месснеров царил подлинный религиозный мир, о чем сам Евгений Эдуардович вспоминал так: «Отец мой был лютеранской религии, мать – католической, а нас, моего младшего брата и меня, воспитывали по-православному, справляя дома все православные праздники; и имена нам дали – Евгений, Виктор² – такие, чтобы мы могли принять православие, не меняя имени»³. К Православной Русской Церкви автор мемуаров присоединился 23 августа 1915 года накануне венчания в Одесской Скорбященской при Стурдзовской общине сердобольных сестер церкви. Венчался Е.Э. Месснер с Людмилой Эммануиловной Калниной⁴ – дочерью Генерального штаба генерал-лейтенанта, с которой был обручен с 1913 года. Как и большинство представителей кадрового русского офицерства, ни Месснер, ни его жена недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имели. Прямого потомства Месснеры не оставили.

С детства Евгений мечтал стать офицером. Но, окончив 3-ю городскую Одесскую гимназию, два года подряд из-за болезни, а затем футбольной травмы не мог поступить в избранное Михайловское артиллерийское училище и до военной службы окончил 1-й курс математического отделения физико-математического факультета Новороссийского университета. В Одессе Месснер снискал известность как один из основателей местного футбольного клуба и тонкий ценитель этой модной и новой тогда для России игры. В службу Евгений Месснер вступил 30 сентября 1910 года вольноопределяющимся 1-го разряда в 5-ю батарею 15-й артиллерийской бригады. Окончив курс бригадной учебной команды, 1 сентября 1911 года выдержал экзамен на чин прапорщика запаса и Высочайшим приказом от 22 ноября был произведен в прапорщики запаса легкой артиллерии. Твердо решив держать экзамен экстерном за курс училища, Евгений Эдуардович проявил незаурядные трудолюбие и работоспособность при подготовке, так как успешная сдача столь сложного экзамена представляла собой редкий случай.

22 апреля 1912 года Месснер экстерном выдержал экзамен за три класса на чин подпоручика легкой артиллерии при Михайловском артиллерийском училище и Высочайшим приказом от 25 сентября был произведен в подпоручики со старшинством в чине от 3 октября 1910 года. Поскольку офицерское производство в данном случае осуществлялось «без расходов для казны», Месснеру пришлось спешно «строить» обмундирование, прибегнув к помощи трех одесских портных: «Надо было “построить” мундир, сюртук,

два зимних кителя (один для казармы, другой для города), два летних кителя, пальто зимнее и летнее, к тому же несколько пар сапог и ботинок, несколько фуражек летних и зимних; купить оружие – шашку, револьвер; эполеты и несколько пар погон; купить комплект уставов; купить несколько пар белых замшевых перчаток и коричневых лайковых. За все платил отец, чувствовавший себя счастливым, что я стал офицером отличной артиллерийской бригады»⁵.

10 октября 1912 года подпоручик Месснер был зачислен в списки 5-й батареи 15-й артиллерийской бригады, в которую прибыл через восемь дней. Служба, за которую он взялся «с энтузиазмом человека, мечтавшего об офицерском служении Родине»⁶, началась в бригадной учебной команде. 30 января 1914 года служебная ревность молодого обер-офицера оказалась отмечена начальством назначением исполняющим должность адъютанта 2-го дивизиона, с которым подпоручик Месснер и выступил на Великую войну 29 июля 1914 года. За время Великой войны до своего возвращения в Одессу 7 марта 1918 года Е.Э. Месснер провел в делах и походах против неприятеля 969 суток, в том числе 574 суток находился в боевом соприкосновении с противником и 140 дней – в тяжелых боях, участвовал в 32 сражениях⁷, дважды получил контузию. После производства в поручики (15 апреля 1915) занимал должности адъютанта 2-го дивизиона (с 20 апреля 1915) и бригадного адъютанта (с 31 декабря 1915). С производством в штабс-капитаны (12 февраля 1916) служил старшим офицером 1-й, 6-й и 3-й батарей. 23 октября 1916 года штабс-капитан Е.Э. Месснер был откомандирован в Петроград на подготовительные академические курсы 1-й очереди при Императорской Николаевской военной академии⁸.

Атмосферу, царившую в предреволюционные месяцы в столице, молодой офицер очень интересно постарался передать в собственных записках: «Мы, армейские офицеры, почти не имели возможности соприкоснуться со столичным населением, но гвардейцы, прибыв в Петроград, возвращались в среду своих родных и знакомых; поэтому они приносили в Академию вести о настроении в столице. Они рассказывали, что по селам и городам России скрывается 1,5 млн уклоняющихся от призыва в войска и дезертиров⁹. Они нам сообщили слух, будто бы один раненый офицер стрелял в Государыню¹⁰ при посещении ею госпиталя; они шепотом передавали о существовании среди гвардейцев заговора, имеющего целью устранить Императрицу¹¹. Великий Князь Гавриил Константино-

вич одним утром принес известие об убийстве Распутина, что вызвало в офицерах столь радостное волнение, что в тот день на лекциях все были невнимательны, а на практических занятиях – бездельны <...>. Нам казалось неподобающей атмосфера, в которой жила столица; словно в мирное время прогулки по Невскому и поездки по Крестовскому, балы, переполненные театры и т.п.»¹². 21 января 1917 года по окончании академических курсов штабс-капитан Месснер убыл в штаб Румынского фронта и, прибыв 2 февраля в штаб 15-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса 4-й армии, получил назначение исполняющим должность старшего адъютанта Генерального штаба¹³.

К первым числам февраля 1917 года и относится знакомство штабс-капитана Е.Э. Месснера с Генеральным штабом полковником М.Г. Дроздовским, занимавшим тогда должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии. Свои сильные впечатления от облика одного из самых ярких будущих вождей Белого движения на Юге России Месснер передал в подробных и интересных мемуарах, машинопись которых хранится в коллекции материалов Бахметьевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке. О бунте солдат запасных батальонов в Петрограде в последних числах февраля 1917 года сослуживцы Месснера знали лишь по слухам. Штабс-капитан высказал начальнику штаба собственные опасения по поводу положения столицы, переполненной расхристанной солдатской массой: «2,5 млн жителей, 200–300 тысяч распущенных солдат (запасные полки и команды выздоравливающих), около 10 тысяч надежных солдат (казаки и учебные команды запасных полков) и полицейские». Дроздовский возразил: «Вы забываете 9 военных училищ – пехота, артиллерия, пажы, моряки, топографы... Впрочем, военный министр генерал Беляев¹⁴, эта “мертвая голова”¹⁵, не догадается использовать юнкеров». «А командующий войсками генерал Хабалов?»¹⁶ – «Он еще большая шляпа», – ответил Дроздовский¹⁷. Об отречении императора Николая II от престола Дроздовский, по свидетельству Месснера, узнал только 3 марта 1917 года – кто-то из телефонистов сообщил ему по секрету. На следующий день Дроздовскому донесли, что Великий князь Михаил Александрович не принял власти. Приказ Петроградского совета № 1 смутил не только Дроздовского, но всех офицеров штаба дивизии.

В этой связи Е.Э. Месснер вспоминал: «Генерал Ломновский, когда возвратился из отпуска, который он провел в Киеве, рассказал полковнику Дроздовскому и мне, что Государь принял свое решение

(об отречении. – К.А.), будучи в штабе генерала Рузского¹⁸. «Не могу понять, как Рузский не убедил Государя, что полки Северного фронта подавят бунт в столице», – сказал генерал Ломновский. «Как ни слаба дисциплина в войсках на всех фронтах, но нашлись бы полки, которые бы поставили на колени запасных в Петрограде. Не сомневаюсь, что все полки нашей дивизии для такой задачи были бы пригодны». И генерал Ломновский был для такой задачи пригоден. Пригодно было много генералов, которые бы не усомнились в своих полках. Но генералу Ломновскому и его волевому начальнику штаба не могла придти в голову мысль о движении на Петроград, удаленный от нас на 1750 км (по прямой линии). Не могла придти такая мысль и генералам дивизий, не столь удаленных от очага революции: это можно было сделать только в порядке «революционной инициативы», а генералы не были революционерами, и они были связаны по рукам и ногам приказом Государя повиноваться Временному правительству»¹⁹.

Большинство сослуживцев Месснера в марте 1917 года надеялись, что еще «все образуется». «Дроздовский был дальновиднее меня, – вспоминал Месснер. – Он опасался, что «не образуется». Это его опасение происходило оттого, что он только что возвратился на фронт после длительного лечения ранения руки в госпитале в России. Будучи не лежачим пациентом, он ходил по городу, встречался с людьми и пришел к заключению, что Россия устала воевать. Как я, он думал: «Дотянуть бы до победы!» <...> С 6 мая по конец ноября 1917 года Дроздовский командовал Замосцким полком. Он придерживался того же мнения, что и мы, офицеры, в вопросе о нашем долге оставаться на позиции. И он, вероятно, долго бы остался при этом решении, если бы «товарищи» не вздумали его арестовать и не побудили бы этим уехать в Яссы»²⁰. Интересно, что, по версии Е.Э. Месснера, Дроздовский первоначально формировал знаменитую 1-ю национальную бригаду русских добровольцев не для похода на Дон, а «для наведения порядка на Румынском фронте, для принуждения разболтанных дивизий к продолжению выполнения оборонной задачи. И лишь заключение Румынией мира освободило полковника Дроздовского от стояния на посту против германцев»²¹.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА Е.Э. МЕССНЕРА²²

Начальником штаба дивизии был теперь Генерального штаба полковник М.Г. Дроздовский. Он, будучи начальником штаба 64-й пехотной дивизии на Северном фронте²³, получил ранение руки с раздроблением кости в обстановке необычной для штабного офицера: непосредственно перед неприятельским проволочным заграждением во время разведки²⁴ вражеской позиции. Так как 64-я дивизия была дочерью нашей 15-й (мы ее выделили по мобилизации) и так как между офицерами этих двух дивизий сохранялась тесная связь, то мы немедленно узнали о подвиге Дроздовского.

Через несколько дней мы узнали его и лично: не вполне оправившись от тяжелого ранения, он прибыл к нам и стал начальником штаба 15-й пехотной дивизии. Мне нелегко было служить при нем старшим адъютантом: требовательный к себе, он был требовательным и к подчиненным, а ко мне, его ближайшему помощнику, в особенности. Строгий, необщительный, он не вызывал любви к себе, но уважение вызывал: от всей его статной фигуры, от его породистого, красивого лица веяло благородством, прямоотой и необыкновенной силой воли.

Эту силу воли он проявил, когда, передавши мне штаб дивизии²⁵, вступил в командование 60-м Замосцким полком (нашей же дивизии). Революционная расшатанность не помешала ему быть властным командиром своего полка и в резерве, и в позиционной обстановке, и в бою. Сила воли полковника Дроздовского проявилась и на съезде РУМЧЕРОДа²⁶: ему пришлось противопоставить свои офицерские понятия красным бредням Генерального штаба полковника Верховского²⁷ (прибывшего на этот съезд, помнится из Севастополя), сделавшего потом, как известно, карьеру в Красной армии. В Комиссии съезда по военным вопросам Дроздовский прижал к стенке Верховского, и тот под каким-то предлогом уехал из Одессы, не дождавшись завершения съезда.

В моих ушах еще и сейчас звучат слова Михаила Гордеевича: «И комитеты, и начальство препятствуют мне в формировании Офицерского отряда, но я его сформирую. И я знаю, что офицеры выполнят свой долг».

Мне он давал распоряжения так, словно я имел долгий опыт в работе Генерального штаба. К начальству он меня не «ревновал» и приказал мне лично делать начальнику дивизии²⁸ утренний и вечерний доклады (предварительно, конечно, я шел с докладом к полковнику Дроздовскому).

КОМАНДНАЯ ВОЛЯ ГЕНЕРАЛА ДРОЗДОВСКОГО²⁹

О генерале Дроздовском написано уже много, о его непреклонной командной воле, о его способности влиять на подчиненных ему воинов, привлекать их к себе, увлекать их за собой. Я же хочу поведать о расширенной этой способности: о подчинении его воле людей, ему враждебных, и о его влиянии на них.

Полковник Дроздовский в январе 1917 года принял штаб 15-й пехотной дивизии, прибыв в действующую армию с незалеченным ранением руки, полученным им в сентябре 1916 года, когда он, будучи начальником штаба 64-й пехотной дивизии, лично вел в атаку один из ее полков.

Недолго Михаил Гордеевич пробыл начальником штаба дивизии: передав мне штаб, он вступил в командование 60-м Замосцким пехотным полком той же дивизии. Немного спустя, он, я и еще один полковник были делегированы на съезд РУЧЕМОДа в Одессе. На съезде он боролся с президиумом, сплошь состоявшим из социал-революционеров – грузин-медиков. В комиссиях и в пленуме съезда он провел свою резолюцию о запрещении солдатским комитетам вмешиваться в оперативные распоряжения командного состава. Пленум съезда – двухтысячеголовая чернь – подчинился силе воли и логике мышления явного контрреволюционного полковника и голосовал за резолюцию.

Больше того, к концу съезда у румчеродовцев возникла мысль сформировать в Одессе из делегатов (чтобы им не возвращаться на фронт) «полк Румчерода», и они обратились к полковнику Дроздовскому с предложением стать командиром этого полка – революционеры признали авторитет офицера и контрреволюционера, и хотели ему подчиниться. Михаил Гордеевич ответил, что командует полком по назначению Верховной власти и не может стать командиром полка по солдатскому избранию.

Он возвратился в Замосцкий полк, но через несколько месяцев был назначен начальником 14-й пехотной дивизии (того же 8-го ар-

мейского корпуса, что и 15-я). Там у него возникли такие конфликты с комитетом дивизии, что ему грозил арест. Он приехал ко мне в штаб, чтобы я помог ему уехать в Яссы, где был штаб Румынского фронта. Я выдал ему «липовый документ»: от начальника штаба 15-й дивизии начальнику 14-й дивизии предписание отправиться в командировку в штаб фронта.

С этим «документом» он благополучно доехал до Ясс и там стал формировать офицерскую бригаду, чтобы вести ее на Дон к генералу Алексееву. Такую же вторую бригаду начал организовывать в Кишиневе генерал Белозор³⁰. Дроздовский телеграммой вызвал меня в Яссы и предложил стать в его штабе старшим адъютантом Генерального штаба. Я, конечно, согласился, но должен был возвратиться на короткое время в дивизию, чтобы сдать кому-нибудь штаб и передать мои дела в двух русско-румынских комиссиях, в которые я был назначен штабом фронта³¹.

Этот штаб чинил Дроздовскому большие препятствия, чем румыны (с которыми у него едва не дошло до боевого столкновения): штабные генералы опасались, что солдаты фронта устроят офицерам «Еремеевскую ночь» (Варфоломеевскую ночь) из-за формирования офицерской бригады. Штабом фронта был отдан приказ, освобождавший офицеров от взятого на себя обязательства состоять в бригаде. И тут снова проявилась сила влияния Дроздовского на сотрудников, на подчиненных: никто из бригады не вышел по этому приказу. Бригада же Белозора сразу же развалилась.

Таким исполином духа, воли, ума был Дроздовский.

В заключение позволяю себе сказать несколько слов о себе.

Выступление офицерской бригады из района Яссы в поход к Ростову-на-Дону³² было столь поспешным, что Михаил Гордеевич не успел дать мне телеграммой знать, а когда я слухами узнал, было уже невозможно догнать бригаду. Я был очень огорчен, что не стал членом офицерской бригады, а затем Дроздовской дивизии. Утешило меня то, что генерал Врангель назначил меня в Корниловскую ударную дивизию, где я выполнял обязанности начальника штаба... И все-таки жаль, что я не стал близким сотрудником Михаила Гордеевича, с которым меня, несмотря на разницу лет, связывала воинская дружба и память о котором жива во мне, как о великом российском родинолюбце и воине такого духа, такой командной воли, какой нигде не встречалось ни в Великую, ни в Гражданскую войны, кроме генерала Корнилова.

* * *

Великую войну штабс-капитан Е.Э. Месснер закончил начальником штаба 15-й пехотной дивизии. Боевые отличия и служба Евгения Эдуардовича были отмечены многочисленными наградами – орденами Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (19 февраля 1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (20 марта 1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (8 сентября 1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (12 августа 1916) и тем же орденом вторично (30 августа 1916), Георгиевским крестом 4-й ст. (23 ноября 1917), румынским орденом «Звезда Румынии» с мечами ст. кавалера (1917) и Георгиевским оружием (24 февраля 1918)³³. Незадолго до демобилизации³⁴ в марте 1918 года Е.Э. Месснер получил представление к производству в чин капитана.

Летом 1918 года штабс-капитан Месснер участвовал в вербовке в Одессе офицеров для Добровольческой армии. После недолгого пребывания с семьей в Одессе, он вновь вступил на военную службу и 5 ноября 1918 года был зачислен в списки 1-й офицерской батареи Добровольческой армии. Месснер участвовал в формировании войск Одесского центра и с 28 декабря 1918 года числился временным исполняющим должность старшего адъютанта по строевой части штаба войск Добровольческой армии Одесского района, а с апреля 1919 года служил в штабе отдельной Одесской стрелковой бригады (с 18 мая 1919 года – 7-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса ВСЮР). Здесь Месснер вернулся к прежней должности – исполняющего должность старшего адъютанта по части Генерального штаба, совмещающая ее с аналогичной должностью в штабе Полтавского отряда. Производство в капитаны состоялось 25 декабря 1919 года, а 20 января 1920 года капитан Месснер был причислен к Генеральному штабу³⁵.

Свершив в 1920 году в составе войск Новороссийской области знаменитый Бредовский поход, капитан Е.Э. Месснер 25 июля прибыл в Феодосию. Пробыв некоторое время членом ликвидационной комиссии бредовского отряда и начальником штаба Евпаторийского тылового района, 16 сентября Месснер для усиления офицеров службы Генерального штаба убыл в Корниловскую ударную дивизию на должность старшего адъютанта. Но, по прибытии в Мелитополь, был назначен командующим 1-й армией генерал-лейтенантом А.П. Кутеповым начальником штаба дивизии. 20 сентября Месснер явился в штаб дивизии в Кронсфельд и вступил в должность³⁶. Его

участие в боевых действиях против большевиков формально завершилось 29 октября (по ст. ст.) 1920 года³⁷. Уже во время эвакуации Крыма в ноябре 1920 года состоялось его производство в подполковники с переименованием в полковники, поэтому Месснер эвакуировался через Константинополь не в Галлиполи, а в Королевство сербов, хорватов и словенцев, куда штаб Главнокомандующего направлял генералов и штаб-офицеров службы Генерального штаба. За годы Гражданской войны полковник Е.Э. Месснер участвовал в 593 походах и делах против большевиков, в том числе – 35 дней провел в больших боях, а всего находился в боевом соприкосновении с противником около 100 дней³⁸.

Весной 1921 года Е.Э. Месснер поступил на службу в городской кадастр Белграда, затем работал начальником землемерной секции, представителем по продаже пишущих машинок фирмы «Ремингтон», работал в фирме «Маваг», торговавшей сталью и, в конце концов, приобрел широкую известность как журналист, автор постоянных корреспонденций и публицистических статей, публиковавшихся на восьми языках. Печататься Месснер начал еще в 1910 году в одесской газете «Футболист» и петербургской газете «К спорту». Затем публиковался в газетах «Голос народа» (Одесса, 1917), «Полтавский вестник» (1918), «Киевская жизнь» (Киев), «Южный край» (Одесса, 1919–1920) и «Новое время» (Феодосия, 1920). Военно-политические статьи, очерки и обзоры Месснера периодически появлялись в русской («Русский вестник», «Царский вестник» и др.) сербской («Време» и др.), а также немецкой, французской, испанской, болгарской, греческой, итальянской и шведской печати. Всего к концу 1950-х годов он опубликовал примерно 4,8 тысячи статей.

В 1925–1935 годах Месснер участвовал в конспиративной деятельности генерал-майора Б.А. Штейфона³⁹, пытавшегося наладить собственные контакты в СССР и в развитии в 1936–1940 годах Русского национального союза участников войны. С 1931 года он преподавал на Белградском отделении Зарубежных высших военнаучных курсов систематического изучения военного дела Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина⁴⁰. Был лауреатом премий конкурса военно-научных трудов⁴¹ и в 1942 году после успешной защиты в Белграде диссертации на тему «Маневренная война» удостоился звания профессора военных наук.

В 1940 году Е.Э. Месснера призвали на сборы в Королевскую армию Югославии, фактически он служил командиром взвода в ба-

тальоне ПВО. 1 апреля 1941 года Месснер получил повестку с требованием явиться в оперативное отделение штаба ПВО в окрестностях Белграда и уже 6 апреля попал под первую серьезную бомбежку. Германо-югославская война 1941 года оказалась скоротечной, 16 апреля для югославов все закончилось общей капитуляцией. От сдачи в плен Месснер отказался и вернулся к журналистике, продолжая писать обзоры для сербской белградской газеты «Обнова», в которой руководил отделами вестей и военным. Чуть позже Евгений Эдуардович стал директором службы «Немецкое бюро сообщений», снабжая всю сербскую печать военно-политическими публикациями о положении на разных театрах военных действий, пользовавшихся большой популярностью. Писал он под псевдонимом «Вегетиус». Лондонское радио объявило «немца Вегетиуса» вне закона, вменяя в обязанность каждому сербу убить его при первой возможности⁴². Осенью 1941 года Месснер оказывал помощь генерал-майору Б.А. Штейфону в формировании Русского корпуса, затем редактировал «Ведомости Русской охранной группы» (1941–1944) и сменившие их в 1944–1945 годах газеты «Русское дело» (Белград) и «Борьба» (Вена). Официальным местом службы Е.Э. Месснера до весны 1945 года считалось военно-пропагандное отделение Вермахта «Юго-Восток», где он руководил русской секцией⁴³. После провозглашения 14 ноября 1944 года Пражского манифеста и начала формирования Вооруженных сил Комитета освобождения народов России Месснер всячески популяризировал идею создания и развития владимирской армии, со старшими офицерами которой неоднократно встречался в Берлине и Вене. С середины марта 1945 года в чине майора Е.Э. Месснер числился начальником пропагандного отдела так называемой «1-й русской национальной армии», к которой относился достаточно критично, вообще отказывая ей в праве считаться воинским формированием⁴⁴.

В период с мая 1945 по ноябрь 1947 года вместе с другими русскими беженцами Месснер находился на положении интернированного в Лихтенштейне, откуда через Геную отплыл в Аргентину, прибыв в Буэнос-Айрес 24 декабря 1947 года. Из прибывших в Аргентину 84 офицеров и солдат «1-й русской национальной армии» лишь 48 пожелали стать членами «Суворовского союза», ряды которого Месснер скоро с разочарованием покинул. Евгений Эдуардович активно участвовал в научной и общественной жизни русской военной эмиграции, состоял представителем на Южную Америку Объединения чинов Корниловского ударного полка⁴⁵. Характерные портрет-

ные зарисовки деятелей русской эмиграции, сделанные Месснером в Буэнос-Айресе в конце 1950-х годов во время работы над мемуарами, интересны и любопытны, несмотря на известную долю субъективности. Особой страницей его аргентинского периода жизни стала научная деятельность в рамках Южно-Американского отдела Института для исследования проблем войны и мира имени профессора Н.Н. Головина, продолжавшего традицию Зарубежных высших военно-научных курсов.

Перу Евгения Эдуардовича принадлежит более 30 печатных работ, часть из которых сегодня переиздается в России. К наиболее известным трудам полковника Е.Э. Месснера относятся: «Заднепровская операция Русской армии» (совместно с Ю.В. Сербинным). Белград, 1921; «Конница сабельная или огневая». Белград, 1923; «Лик современной войны». Буэнос-Айрес, 1959; «Российские офицеры» (участие в коллективной монографии). Буэнос-Айрес, 1959; «Мятеж – имя Третьей Всемирной». Буэнос-Айрес, 1960; «Современные офицеры». Буэнос-Айрес, 1961; «Рыцари России» (участие в коллективной монографии). Буэнос-Айрес, 1963; «Мир без мира». Исторический и геополитический обзор. Нью-Йорк, 1966; «Великая Луцко-Черновицкая победа 1916 г.» (совместно с И.А. Эйхенбаумом). Буэнос-Айрес, 1966; «Луцкий прорыв. К 50-летию великой победы». Нью-Йорк, 1968; «Всемирная мятежвойна». Буэнос-Айрес, 1971.

Умер Евгений Эдуардович Месснер, соратник Михаила Гордеевича Дроздовского по Великой войне, 30 сентября 1974 года в Буэнос-Айресе.

Автор публикации благодарит общественную организацию Конгресс русских американцев (КРА) и его президента Г.Б. Ависова за предоставленную возможность занятий в русских архивах США в 1995 и 2003 годах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Цит. по: *Месснер Е.Э.* Судьба русского офицера. Библиотека журнала «Новый Часовой». СПб., 1997. С. 23.
- 2 **Виктор Эдуардович Месснер** (20 мая 1893 – 27 мая 1938, Белград). Архитектор. В эмиграции после 1920 года в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС). Его сын, **Георгий Викторович Месснер** (10 апреля 1928, Скопле, Королевство СХС – 24 января 1996, Си Клифф на Лонг-Айленде (штат Нью-Йорк, США)). Племянник Е.Э. Месснера, инженер, общественно-политический деятель. Учился в Белграде в немецкой начальной школе, затем – в русской гимназии, где познакомился с русскими скаутами и членами Народно-трудового союза (НТС). В 1944 года при приближении Красной армии стал беженцем. В 1944–1945 годах – в Судетах и Австрии, затем поступил в офицерскую школу власовской армии в Мюнзингене (Германия). Окончание войны встретил со школой в Чехии, подпоручик ВС КОНР (производство 12 мая 1945). После демобилизации переехал в Мюнхен. Участвовал в деятельности Организации российских юных разведчиков (ОРЮР), НТС и центра «Милосердный самарянин» о. Александра Киселева. Член НТС с 1946. В 1950 переехал с матерью в США. Работал на заводе, вечерами учился на электротехническом факультете Нью-Йоркского городского университета. По окончании университета (1960) – инженер в фирме «Photocircuits», в которой разрабатывал печатные схемы для электронной аппаратуры. В 1961 наладил первую в мире линию по производству многослойных печатных схем. Директор по разработке процессов в «Photocircuits» (1963–1971), затем – управляющий технической информации «РСК Technology». Автор более 150 статей и докладов, представленных на международных конференциях. Состоял членом и председателем ряда профессиональных объединений в области микроэлектроники, получил несколько наград и участвовал в установлении международных стандартов

для печатных схем. Выступал с докладами в Москве и Санкт-Петербурге (1994–1995). Участвовал в работе ОРЮР и в деятельности благотворительной организации «Дар жизни», занимавшейся обеспечением приезда из России детей, нуждающихся в операции на открытом сердце. Поддерживал деятельность скаутов-разведчиков в Санкт-Петербурге (дружина ОРЮР «Крым») и исследования по истории Власовского движения (1994–1995). По инициативе и при его финансовом участии в России состоялось издание книги полковника Е.Э. Месснера «Судьба русского офицера» (СПб., 1997). До своей скоропостижной кончины продолжал участвовать в деятельности НТС. *Родственники*: жена (урожденная **Лукашук**) Елена Георгиевна (21 июня 1931, Брест – 6 октября 1993, Нью-Йорк) – дочь священника ПЦА Георгия Лукашука, в США с 1949 года, член НТС с 1952 года; дети: Павел, Анна. Похоронен 27 января 1996 года на русском кладбище в Лейквуде (штат Нью-Джерси) рядом с преждепочившей женой.

- 3 Цит. по: *Месснер Е.Э.* Указ. соч. С. 23.
- 4 Жена Е.Э. Месснера разделила вместе с мужем тяготы эмигрантской жизни и скончалась в Буэнос-Айресе 25 февраля 1966 года.
- 5 Цит. по: *Месснер Е.Э.* Указ. соч. С. 27–28.
- 6 Цит. по: *Месснер Е.Э.* Указ. соч. С. 28.
- 7 Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive (далее VAR). Коллекция Е.Э. Месснера. *Месснер Е.Э.* Мои воспоминания. Папка III. Великая война. Лл. 325–329.
- 8 Послужной список Полтавского отряда исполняющего должность старшего адъютанта по части Генерального штаба штабс-капитана Евгения Эдуардовича Месснера. Составлен 27 ноября 1919 года // *Месснер Е.Э.* Указ. соч. С. 10–12.
- 9 По данным одного из лидеров Петроградского Совета И.Г. Церетели, в первые месяцы 1917 года в стране насчитывалось 1,5 млн дезертиров, а к середине сентября 1917 года, по данным военного министра генерал-майора А.И. Верховского, число дезертиров возросло до 2 млн (*Френкин М.С.* Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 196).
- 10 Не подтвердился.
- 11 Сравним: «В начале января 1917 года я уехал в отпуск в Петербург. Вернулся на фронт к 1 февраля под самым ужасным впе-

чаглением от всего виденного и слышанного в столице. Везде и всюду только и говорили о Государыне, о Распутине (я приехал вскоре после его убийства), о близости и «необходимости» дворцового переворота. На эти темы болтали решительно все. Война отошла на задний план – прискучила». (Цит. по: Личный архив Александра К.М. *Дневник Лейб-гвардии капитана 1-й артиллерийской бригады Н.И. фон Бурмейстера за 1917 год*. Л. 1).

12 Цит. по: ВАР. Месснер Е.Э. Воспоминания. Указ. соч. Л. 306.

13 Послужной список... С. 12.

14 **Беляев Михаил Алексеевич** (23 декабря 1863, Санкт-Петербург – 1918, Петроград). Генерал от инфантерии (1914). Окончил 3-ю Петербургскую классическую гимназию (1883) и Михайловское артиллерийское училище (1886) и вышел подпоручиком в 29-ю артиллерийскую бригаду. Позднее переведен в Лейб-гвардию, во 2-ю артиллерийскую бригаду. Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1893). Служил старшим адъютантом штаба 24-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса (1893–1895), командовал ротой Лейб-гвардии Измайловского полка 1-й гвардейской пехотной дивизии (1895–1896), обер-офицером для особых поручений при штабе 18-го армейского корпуса (1897), затем – на разных должностях в Главном штабе. Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов на штабных должностях. Последняя должность – исполняющий должность начальника канцелярии штаба Главнокомандующего на театре военных действий (1905). Золотое оружие за боевые отличия (1905). С декабря 1906 года – вновь на разных должностях в Главном штабе. После мобилизации 1914 года – исполняющий должность начальника Генерального штаба (с 2 апреля 1916 – начальник). С 23 июня 1915 года – помощник военного министра. С 3 января 1917 года – военный министр. 1 марта 1917 года арестован и посажен в Петропавловскую крепость. 2 апреля 1917 года уволен в отставку, в июле вторично арестован и давал показания Чрезвычайной комиссии Временного правительства. После Октябрьского переворота 1917 года освобожден. Расстрелян Петроградской ЧК.

15 Традиционное прозвище М.А. Беляева в офицерской среде.

16 **Хабалов Сергей Семенович** (1858–1924). Генерал-лейтенант (1910). Главный начальник (1916–1917) и командующий войсками (февраль 1917) Петроградского военного округа. После 1920 года – в эмиграции. Оценку М.Г. Дроздовского нельзя на-

звать бесосновательной. Бывший начальник дворцовой охраны (1906–1916) генерал-майор А.И. Спиридович так оценивал качества командующего войсками Петроградского военного округа накануне Февральской революции 1917 года: «Хабалова Протопопов (Александр Дмитриевич, министр внутренних дел в 1916–1917 годах – К.А.) расхваливал Их Величествам, как энергичного человека, что совершенно не соответствовало истине. То был довольно старый, не разбиравшийся в политике генерал солдатского типа, когда-то отличный начальник Павловского военного училища, но теперь человек усталый. Боевая работа ему была уже не по плечу, а пост ему вверили боевой». (Цит. по: *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Т. III. Нью-Йорк, 1962. С. 47).

17 Цит. по: ВАР. *Месснер Е.Э.* Воспоминания. Указ. соч. Л. 349.

18 **Рузский Николай Владимирович** (6 марта 1854 – 18 октября 1918, Пятигорск Терской области). Генерал от инфантерии (1909). Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1870), Константиновское военное училище (1872), прикомандирован к Лейб-гвардии Гренадерскому Его Величества полку 2-й гвардейской пехотной дивизии. Командиром роты участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, был ранен. Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Служил на должностях службы Генерального штаба (1881–1887) в штабах Казанского и Киевского военных округов, командовал батальоном 131-го Тираспольского полка 33-й пехотной дивизии (1887). Начальник штабов 11-й кавалерийской (1887–1891) и 32-й пехотной (1891–1896) дивизий. Командир 151-го Пятигорского полка 38-й пехотной дивизии, генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа, начальник штаба Виленского военного округа (1896–1904). Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов, начальник полевого штаба 2-й Маньчжурской армии (1904). Командир 21-го армейского корпуса (1909), член Военного совета. С 7 февраля 1912 года – помощник командующего войсками Киевского военного округа. После начала Великой войны – командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, войска которой взяли Львов 21 августа 1914 года. 23 августа за успешные действия вверенных войск награжден сразу орденами Св. Георгия 4-й и 3-й ст. С 3 сентября 1914 года – Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Генерал-адъютант (1914). За Галицийскую

- битву 25 октября 1914 года награжден орденом Св. Георгия 2-й ст. Отказался доводить до победного конца Лодзинскую операцию 1914 года, позволив противнику вырваться из окружения. Своими неуклюжими действиями способствовал поражению 10-й армии (февраль 1915). 13 марта 1915 года по болезни оставил должность. С 17 марта 1915 года – член Государственного Совета. Командовал 6-й отдельной армией (1915), с 18 августа 1915 года – Главнокомандующий армиями Северного фронта. По болезни оставил должность (декабрь 1915), затем возвратился на нее (с 1 августа 1916). Сыграл решающую роль в отречении императора Николая II от престола 2 марта 1917 года. 25 апреля 1917 года оставил должность и уехал на лечение в Кисловодск, где был арестован местными большевиками в сентябре 1918 года. В составе большой группы заложников заживо изрублен шашками у братской могилы на городском кладбище.
- 19** Цит. по: ВАР. *Месснер Е.Э.* Воспоминания. Указ. соч. Лл. 349–350.
- 20** Цит. по: там же. Лл. 360, 356.
- 21** Цит. по: там же. Л. 356.
- 22** Там же. Лл. 308–309.
- 23** В сентябре 1916 года 64-я пехотная дивизия входила в состав 18-го армейского корпуса 9-й армии Юго-Западного фронта (см.: Дневник генерала М.Г. Дроздовского. Историческая библиотека. Берлин, 1923. С. 16).
- 24** Точнее, во время атаки 5 сентября 1916 года (См.: Там же. С. 17–18).
- 25** Штабс-капитан Е.Э. Месснер был назначен исполняющим должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии 25 апреля 1917 года (См.: Послужной список... С. 12).
- 26** Съезд РУМЧЕРОДа – съезд делегатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа, состоявшийся в Одессе (1917).
- 27** **Верховский Александр Иванович** (27 ноября 1886 – 19 августа 1938). Генерал-майор (1917). Учился в Пажеском корпусе, из которого был исключен и отправлен солдатом на фронт Русско-японской войны. Служил наводчиком в артиллерийском дивизионе, награжден Георгиевским крестом 4-й ст. (Знаком отличия Военного ордена). За отличия произведен в офицеры. Окончил по 1-му разряду Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Великой войны. Служил старшим

адъютантом 3-й Финляндской стрелковой бригады, начальником оперативной части 22-го армейского корпуса 8-й и 11-й армий (1914–1915). Исполняющий должность старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии Юго-Западного фронта (1915), исполняющий должность помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии Юго-Западного фронта (1915–1916), помощник по оперативной части русского представителя при Румынской главной квартире, помощник флаг-капитана по сухопутной части штаба начальника высадки Черного моря (1916). В феврале–мае 1917 года – исполняющий должность начальника штаба отдельной Черноморской дивизии. Активный сторонник Февральской революции. С марта – член и товарищ председателя Севастопольского совета рабочих депутатов. С 31 мая – полковник, командующий войсками Московского военного округа. Участник подавления выступления генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова в августе 1917 года. С 30 августа – генерал-майор и военный министр. После Октябрьского переворота временно участвовал в деятельности эсеровской партии. В РККА вступил добровольно в 1919 году, член Особого совещания при Главкоме РККА (с мая 1920). С 1922 года – главный руководитель Военной академии РККА, затем на преподавательской работе. С 1930 года – начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. По обвинению в участии в подпольной антибольшевистской организации снят с должности, арестован и 18 июля 1931 года приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу. 2 декабря 1931 года расстрел заменен 10 годами лагерей. 17 сентября 1934 года досрочно освобожден. Комбриг РККА (1936). В 1938 году вторично арестован органами НКВД по старому обвинению и 19 августа 1938 года осужден к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян.

- 28 В тот момент начальником 15-й пехотной дивизии был Георгиевский кавалер, генерал-лейтенант (1916) **Петр Николаевич Ломновский** (1871–1956), принявший 7 апреля 1917 года командование 8-м армейским корпусом 4-й армии, будущий представитель Добровольческой армии при Гетмане всея Украины П.П. Скоропадском (1918).
- 29 Опубликовано: *Месснер Е.Э.* Командная воля генерала Дроздовского // Первопоходник. Лос-Анджелес, 1972. Февраль. № 5. С. 17–18.

- 30 Речь идет о генерал-лейтенанте **Белозоре Юлиане Юлиановиче** (1862–1942).
- 31 Штабс-капитан Е.Э. Месснер в феврале 1918 года состоял в комиссии генерала от инфантерии Ф.М. Вебеля (См.: Послужной список... С. 13).
- 32 Е.Э. Месснер считал, что М.Г. Дроздовский привел в Ростов 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей, священников и военных чиновников, 12 сестер милосердия (См.: VAR. *Месснер Е.Э.* Мои воспоминания. Папка III. Часть IV. Гражданская война (фрагмент в этой папке). Л. 121).
- 33 Послужной список... С. 10–13.
- 34 Официально уволился от службы 9 мая 1918 года (см.: Послужной список... С. 14).
- 35 Там же. С. 14, 17–19.
- 36 VAR. *Месснер Е. Э.* Мои воспоминания. Папка IV. Гражданская война. Лл. 306.
- 37 Там же. Л. 327.
- 38 Там же. Лл. 327–328.
- 39 **Штейфон Борис Александрович** (6 декабря 1881, Харьков – 30 апреля 1945, Загреб, Хорватия). Генерал-лейтенант (1943). Окончил Харьковское реальное училище (1898), по 1-му разряду Чугуевское военное училище (1902), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Георгиевский кавалер, участник Русско-японской и Великой войн, Белого движения на Юге России, монархических легитимистских организаций в эмиграции, командир Русского корпуса на Балканах в 1941–1945. Подробнее о нем см.: *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. Биографический справочник. СПб., 2001. С. 297–301.
- 40 **Головин Николай Николаевич** (6 марта 1875, Москва – 10 января 1944, Париж). Педагог русской высшей военной школы, военный теоретик, стратег и историк, Генерального штаба генерал-лейтенант (1916). Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус (1894) и Николаевскую академию Генерального штаба (1900). По окончании корпуса вышел Лейб-гвардии в Конно-артиллерийскую бригаду, в которой служил до 1897 года. В Петербурге служил: в 37-й 18-го армейского корпуса и 2-й гвардейской пехотных дивизиях (1901–1903), в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа

(1903–1904) – обер-офицером для особых поручений и помощником адъютанта. Начальник строевого отделения Варшавской крепости (1905). В 1905–1909 годах – исполняющий должность заведующего передвижением войск Петербургского-Двинского района. Одновременно был деятельным участником Общества ревнителей военных знаний. В чине подполковника 7 февраля 1908 года удостоен звания экстраординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба по итогам защиты диссертации «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца». В 1908–1909 годах – в командировке во Франции при Академии Генерального штаба, во время пребывания в которой испытал сильное влияние взглядов и идей начальника Академии бригадного генерала Ф. Фоша, став горячим поклонником его теории «прикладного метода». Возвратившись в Петербург, представил программу коренной реорганизации системы военного обучения путем настойчивого внедрения учебно-воспитательного «прикладного метода». Собственные взгляды обосновал в 1909 году в защищенной на звание ординарного профессора диссертации и в лекции «Опыт применения прикладного метода обучения при обучении тактике в Императорской Николаевской военной академии» (1912). В 1910–1912 годах новаторские инициативы Головина встретили сильную оппозицию. Главную роль в разгроме «кружка» Головина в стенах Императорской Николаевской военной академии сыграл заведующий обучающимися офицерами полковник М.Д. Бонч-Бруевич – брат будущего управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича. В 1912–1913 годах главные популяризаторы «прикладного метода» (Д.Г. Щербачев, Н.Л. Юнаков) постепенно были удалены из академии и Санкт-Петербурга, а полковник Головин в начале 1914 года получил вне очереди должность командира отдельного 20-го драгунского Финляндского полка из состава 22-го армейского корпуса и отбыл к месту расквартирования полка в Вильманstrand Выборгской губернии. Великую войну встретил в должности командира Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Отдельной гвардейской кавалерийской бригады генерал-майора барона К.Г. Маннергейма. За боевые отличия в 1914 году произведен в генерал-майоры, награжден Георгиевским оружием и четырьмя орденами, на фронте ранен и контужен. С ноября 1914 года – генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии Юго-За-

падного фронта. На том же фронте с октября 1915 года – исполняющий обязанности начальника штаба 7-й армии. С апреля 1917 года – исполняющий должность начальника штаба Румынского фронта. Участвовал в разработке и осуществлении более 30 армейских операций, за отличия отмечен пятью боевыми наградами. После развала Румынского фронта в 1918 году уехал через Одессу за границу. Помощник по военным вопросам С.Д. Сазонова – полномочного представителя Главкомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А.И. Деникина и Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака в Париже и Лондоне. Летом – осенью 1919 года – на службе в белых войсках Восточного фронта, автор успешной Петропавловской наступательной операции (1919). В октябре 1919 года эвакуирован в Токио по обострению последствий контузии. В 1920 году переехал из Японии во Францию. В эмиграции зарекомендовал себя как крупный мыслитель, ученый, автор многих трудов по русской военной истории, военному искусству и социологии, аналитических сочинений, инициатор популяризации военного образования в Русском Зарубежье. С 22 марта 1927 года – главный руководитель Зарубежных высших военно-научных курсов систематического изучения военного дела, которые действовали в Париже (до осени 1939) и в качестве филиала – в Белграде (до 1944). Редактор журнала «Осведомитель» (1936–1938). Деятельный чин РОВСа. После оккупации Франции в 1940 году активно участвовал в работе Комитета взаимопомощи русских эмигрантов (с 1942 года – Управление по делам русских эмигрантов во Франции), горячо поддерживал развитие Власовского движения, автор Устава внутренней службы РОА (1943). В последние годы жизни тяжело болел. Умер от сердечного приступа, по одной из версий – получив предупреждение от представителей французского Сопротивления о вынесенном ему смертном приговоре.

41 ВАР. *Месснер Е.Э.* Мои воспоминания. Коробка 4. Часть VI. На чужбине. Лл. 204–251.

42 Там же. Часть V. Лл. 201–203.

43 Там же.

44 Там же. Часть V. 1-я РНА. Лл. 403–413.

45 Там же. Часть VI. Лл. 321–326.

МИХАИЛ АНТОНОВИЧ ЖЕБРАК

Михаил Антонович Жебрак¹ родился 29 сентября 1875 года в Гродненской губернии. Происходил он из крестьян (как и многие другие известные участники Белого движения)². 9 сентября 1894 года Жебрак подал прошение на Высочайшее имя и был определен на службу в 103-й Петрозаводский пехотный полк на правах вольноопределяющегося 2-го разряда. Меньше чем через год – 11 августа 1895 года он был произведен в младшие унтер-офицеры и уже через двадцать дней зачислен в младший класс Виленского пехотного юнкерского училища, которое успешно окончил по 1-му разряду через три года и был произведен в подпоручики (Высочайшим приказом от 1 ноября 1898 года). Первым местом службы молодого офицера стал 188-й пехотный Введенский полк³. Столь успешное начало карьеры для выходца из крестьянской семьи, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о его незаурядных способностях и врожденной любви к военной службе. Впрочем, и дальнейшая судьба М.А. Жебрака подтверждает данный факт.

Получив офицерские погоны, Михаил Антонович стремился продолжить свое образование. 20 сентября 1902 года он был командирован в Военно-топографический отдел Генерального штаба, а через восемь дней – прикомандирован к Военно-топографическому училищу для изучения черчения и съемки. 15 апреля 1903 года Высочайшим приказом М.А. Жебрак был произведен в поручики. В дальнейшем он предполагал поступить в Академию Генерального штаба. Но для этого офицеру, окончившему училище по 1-му разряду и имеющему пятилетний опыт службы, необходимо было сдать экзамены за полный курс кадетского корпуса, что он и сделал в апреле–мае 1903 года при 1-м кадетском корпусе⁴.

12 мая 1904 года поручик Жебрак был командирован в Штаб Виленского военного округа «...для держания предварительного экзамена на предмет поступления в Николаевскую Академию Гене-

рального штаба»⁵. Но, начавшаяся Русско-японская война помешала реализации этих планов. С 9 ноября 1904 года М.А. Жебрак командует 4-й ротой 20-го Стрелкового полка. В его составе он принял участие в Русско-японской войне.

Полк, в котором служил поручик Жебрак, входил в состав Сводно-Стрелкового корпуса, входившего, в свою очередь, в состав 2-й армии. Михаилу Антоновичу довелось принять участие в ожесточенных боях, развернувшихся в районе деревни Сандепу. Уже в одном из первых боев М.А. Жебрак совершил подвиг, отмеченный высшей военной наградой Российской Империи – орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Правда награда эта нашла своего героя лишь через... 10 лет.

Впрочем, обо всем по порядку. Вот как описан подвиг офицера в Высочайшем приказе о награждении: *«18 ноября 1904 года ...во время атаки деревни Чжантанхенань, в районе Сандепу, заметив опасность для левого фланга нашего боевого расположения от анфиладного огня неприятеля из занятых им фанз, в сознании гибельной опасности промедления каждой минуты, по собственному почину личным примером поднял одну полуроту 20 стрелкового полка, повел ее на фанзы, выбил из них неприятеля и прекратил его губительный огонь, чем обеспечил на этом фланге свободу действий нашего отряда и тем оказал решительное содействие к занятию означенной укрепленной деревни»*⁶. Однако, во время тяжелых боев, а также из-за последовавшего тяжелого ранения (о котором мы расскажем ниже), М.А. Жебрак не очень задумывался о том, что совершенный им поступок является подвигом, достойным высшей награды. Впервые ходатайство о награждении было возбуждено начальником Военно-юридической академии 19 ноября 1911 года. Сведения и свидетельства о событиях ноября 1904 Жебраку удалось собрать лишь к 1912 году. Однако, тогда ему было отказано в награждении, со ссылкой на Высочайший указ от 6 мая 1912 года о «безусловном воспрещении» ходатайств о подобных награждениях⁷. Однако, 8 марта 1915 года Михаил Антонович Жебрак все же был удостоен ордена Святого Георгия.

В послужном списке М.А. Жебрака также отмечено участие в боях у деревни Ванцзяуопу с 13 по 16 января 1905 года⁸. Вот как описан один из дней этого сражения в официальной истории войны. *«На участке 19-го и 20-го полков, в центре расположения <Сводно-Стрелкового> корпуса, японцы с утра <15 января> открыли сильный ружейный и артиллерийский огонь, который причинил весь-*

ма чувствительные потери, в особенности 20-му стр<елковому> полку, занимавшему невыгодную позицию. Чтобы сколько-нибудь улучшить условия своего расположения, полк выдвинулся вперед на расстояние около 800–1000 шагов, где оказалось возможным занять позицию более выгодную, прикрываясь местными предметами. Выдвижение вперед 20-го полка увеличило интервал между ним и расположенным рядом 4-м стр<елковым> полком. Обстоятельство это сейчас же было замечено японцами, которые усилили свое наступление в этом направлении. Опасаясь прорыва со стороны в этом направлении, командир полка вынужден был усилить свой правый фланг двумя ротами, вызванными из резерва. Скоро, однако, оказалось, что в такой же опасности находится и левый фланг полка, благодаря его выдвинутому положению, тем более что левофланговая рота выдвинулась еще и перед фронтом всего полка на 300–400 шагов вперед. Пришлось поэтому и левый фланг усилить насчет резерва, так что к полудню весь полк находился в боевой линии, не имея ничего в резерве. В таком положении полк поддерживал перестрелку до вечера»⁹.

21 августа 1905 года приказом командующего 2-й Маньчжурской армии № 156 за отличия в боях с 12 по 15 января М.А. Жебрак был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (утвержден Высочайшим приказом от 29 октября 1906 года)¹⁰.

Участвовал Жебрак и в боях близ деревни Чжантанхэнань 18–20 января 1905 года. Вновь обратимся к официальной истории войны. «Едва лишь части <Сводно-Стрелкового> корпуса прибыли в Чжантань, как разгорелся бой у д<еревни> Чжантанхэнань, которая оказалась занятой японцами. В 2 часа дня начальником 1-й стр<елковой> брига<ады> отдано было словесное приказание 4-му стр<елковому> полку овладеть д<еревней> Чжантанхэнань и выбить оттуда противника. Высланной для разведки охотничьей командой было выяснено, что окраина деревни, обращенная в нашу сторону, укреплена и сильно занята неприятельскими цепями.

Для атаки указанного пункта 4-й стр<елковый> полк, в составе 7 рот, перестроился в боевой порядок и, выделив от себя 2-й батальон в боевую линию, двинулся вперед; 5-я и 6-я роты на ходу рассыпались в цепь, за ними 8-я рота. 1-й батальон поротно уступами со взводными рядами следовал по оврагу. Пройдя около 300 шагов, стрелки были встречены из деревни сильнейшим ружейным огнем, вследствие чего приказано было ложиться и начать наступление пе-

ребежками поодиночке, так называемым накапливанием. Продвинувшись таким образом шагов около 400, весь полк под градом пуль быстро бегом ринулся вперед на деревню; частый и беспорядочный огонь японцев вреда уже не приносил, так как все пули летели через головы. Роты, ворвавшись в деревню, немедленно, следуя по пятам японцев, заняли противоположенную ее опушку и открыли огонь пачками по отступавшему в беспорядке неприятелю, которого, приблизительно, было в деревне около 3 батальонов пехоты, а также по показавшимся вдали у деревни густым боевым цепям и колоннам, очевидно спешившим на поддержку. Японцы быстро очистили деревню, понеся большие потери при отступлении. Заняв ближайшую деревню Ванцзяуопу, находящуюся в 500 шагах, а также скрывшись за складками местности, они открыли сильный огонь, от которого в особенности начал нести большие потери ближайший к Ванцзяуопу наш правый фланг. Находя этот фланг наиболее уязвимым местом со стороны д<еревни> Ванцзяуопу, было решено немедленно атаковать эту деревню; для чего, послав к начальнику бригады ординарца с просьбой о присылке подкрепления, 5-й и 6-й ротам было приказано двинуться вперед и начать наступление перебежками на указанную деревню.

Выдвинувшись приблизительно шагов на 100 вперед окраины д<еревни> Чжантаньхэнань, роты, продолжая поддерживать беспрерывный учащенный огонь, остановились. В это время в д<еревне> Ванцзяуопу появились японские пулеметы, которые нанесли ротам значительные потери: в продолжение каких-нибудь двух минут, более половины людей выбыли из строя убитыми и ранеными <...> Держаться дольше при таком положении не представлялось никакой возможности, поэтому роты подались назад и заняли снова южную долину д<еревни> Чжантаньхэнань, открыв частый огонь. В это же самое время на правом фланге, развернутые в боевой порядок, появились три роты прибывшего подкрепления, по которым японцы не замедлили также пустить в ход пулеметы, заставившие их отойти в овраг с большими потерями.

В ночь с 18 на 19 января японцы снова атаковали д<еревню> Чжантаньхэнань. При первом натиске они захватили селение, вытеснив оттуда наших стрелков, но вслед за тем подоспели резервы, и японцы были выбиты из деревни с большими для них потерями. Тем не менее небольшая часть противника засела в отдельной группе фанз и оттуда поддерживала оживленный ружейный огонь с нашими стрелками. В таком положении японцы продержались до

полудня 20 января, когда окончательно были выбиты из Чжантаньхэнаня»¹¹.

Меньше чем через месяц – 16 февраля 1905 года, при обороне деревне Чжантан, М.А. Жебрак был ранен в ногу разорвавшимся японским снарядом¹². Ранение было тяжелым и последствия его Михаил Антонович ощущал всю оставшуюся жизнь. За этот бой он был награжден чином штабс-капитана (приказом Главнокомандующего всеми морскими и сухопутными вооруженными силами, действующими против Японии от 10 марта 1905 года, Высочайше утвержденным 20 сентября 1906 года)¹³. После ранения Жебрак был отправлен на лечение в один из госпиталей тыла армии, а оттуда эвакуирован в Россию.

12 июня 1906 года М.А. Жебрак был переведен в 178-й пехотный Венденский полк. Однако последствия ранения не могли позволить ему нести строевую службу и 20 июля следующего года военный министр, на основании решения главной эвакуационной комиссии, «...разрешил признать его без освидетельствования не способным к службе в строю и включить в списки признанных <годными> на административные должности...»¹⁴. Несколько поправив здоровье, М.А. Жебрак сразу же стал задумываться о продолжении карьеры. С июня 1908 года он стал вольнослушателем Александровской военно-юридической академии, которую окончил через четыре года по 2-му разряду¹⁵.

Примерно в это же время Михаил Антонович женился на дочери германского подданного Софии-Христиане-Елене Эдуардовне-Фердинандовне Пейффер. 21 июня 1908 года в семье родился первенец – сын Николай, а 17 апреля 1911 года – Михаил. Супруга М.А. Жебрака была римско-католического вероисповедания, сыновья же – Православного¹⁶.

19 апреля 1912 года М.А. Жебрак был произведен в чин капитана и 24 апреля он перешел на службу в Морское ведомство с зачислением по Адмиралтейству¹⁷. Дальнейшая его служба проходила в Кронштадтском военно-морском суде, где Михаил Антонович исполнял обязанности защитника подсудимых (в 1913–1914 годах). Однако спокойная должность явно тяготила боевого храброго офицера. Об этом свидетельствуют аттестации на капитана Жебрака за 1913–1914 годы, подписанные председателем суда генерал-лейтенантом Алабышевым. В них говорится следующее: «Способности к судебной службе весьма посредственные. <...> Не представляет из себя ничего особенного. К дальнейшей службе в военно-мор-

ском судебном ведомстве не вполне пригоден»¹⁸. В той же аттестации также отмечено следующее: «Ранен на войне в ногу, почему хромает и ходит с палкой. В остальном здоровье удовлетворительное. Характера и нравственности хороших. Достаточно воспитан и вполне дисциплинирован. Знает языки: французский, немецкий и английский»¹⁹. 3 ноября 1914 года М.А. Жебрак был переведен в состав Военно-морского судебного ведомства и назначен штатным кандидатом на военно-морские судебные должности при Кронштадском военно-морском суде. 3 декабря того же года он был произведен в подполковники «по линии»²⁰.

Естественно, что начавшаяся Великая война не могла оставить равнодушным М.А. Жебрака. Человек, «ничего не представлявший из себя» на судебной должности рвался в свою родную стихию — в бой. 7 января 1916 года он был назначен командиром 2-го морского полка Отдельной морской бригады²¹, первоначальной задачей которой была охрана подступов к Морской крепости Императора Петра Великого. Приказом от 6 октября 1916 года бригада была развернута в Отдельную Балтийскую морскую дивизию. Несколько ранее, 1 октября 1916 года началась переброска бригады на Черное море. В дальнейшем, вплоть до окончательного развала армии, она действовала на Румынском фронте, входя в Отряд обороны устья Дуная и Дунайских гирл. Дивизия активно участвовала в боевых действиях; довелось принять в них участие и полковнику Жебраку (он был произведен в этот чин 6 декабря 1916 года).

Приказом командующего Черноморским флотом от 5 июня 1917 года М.А. Жебрак был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами «за отличие в делах против неприятеля в феврале 1917 года»²². А уже летом того же года командир дивизии контр-адмирал князь В.В. Трубецкой писал представление к награждению М.А. Жебрака орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами (полковник Жебрак был представлен к награде «через орден» ввиду выдающегося подвига). Вот что написано в документе. «*Полковник Жебрак, узнав от захваченных рыбаков, что на полуостровах Янчина и Долошман имеются орудия и пулеметы, 22 июня с. г. неожиданно прибыв в село Св<ятой> Георгий и взяв с собою трех офицеров полка и некоторое количество солдат — всех по желанию, отправился на трех катерах в указанное место для захвата орудия и пулеметов и уничтожения неприятельского вооруженного катера, который по донесению прапорщика Жегалова и рыбаков должен быть в деревне Журиловке.*

Высадив на Долошмане около 30 человек пехоты, сам на катерах пошел к дер<евне> Журиловке. Пройдя против Копул-Долошман-Частый-Касс, он увидел у Долошмана какой-то силуэт и, заподозрил, что это и есть неприятельский катер, который ожидался у Журиловки. Лично отдавая приказания, уничтожил этот катер, будучи сам обстрелян неприятельской артиллерией и гидроаэропланов. <Подчеркнуто в оригинале. – Н.К.> В это время высадившиеся части пехоты уничтожили одно орудие и пулемет, захватив пленных.

В общем за эту операцию, прекрасно разработанную полковником Жебрак и по собственной его инициативе, в глубоком тылу неприятеля, было захвачено два болгарских солдата живыми в плен, уничтожено одно орудие, стрелявшее по ним, взяты винтовки, бинокль и другие трофеи...»²³. Помимо того, что сама операция была весьма незаурядным предприятием, нельзя забывать, что полковнику Жебраку, который в ней непосредственно участвовал было уже 42 года, и, кроме того, он был тяжело ранен и передвигался с помощью палки.

Еще одно свидетельство храбрости Михаила Антоновича мы находим в воспоминаниях вице-адмирала Д.В. Ненюкова, посвященных боевым действиям на Дунае в 1916–1918 годах. «Одиночные смельчаки находились во всех частях, но особенно много увлекал за собой командир 2-го полка полковник Жебрак. Несмотря на свою раненую ногу, он всегда сам участвовал во всех вылазках, и всегда они сопровождалась успехом. Интереснее всего, что Жебрак, будучи военным юристом, в мирное время не служил в строю, но и на Японской и на Великой войне отправлялся в самые опасные места и брал любые назначения в самом центре военных действий. Одну из его операций я позволяю себе привести, как образец находчивости и умения в это тяжелое время.

Пункт Х²⁴ – пологое сухое место на правом берегу Георгиевского гирла, был занят ротой болгарской пехоты. Ближайшие к нему части болгар были расположены в 2-х километрах западнее пункта С. Полковник Жебрак вызвал охотников из своего полка и отобрал из них 150 человек. Половина из них должна была открыть огонь в условленный час по болгарам с противоположенного берега, а другая половина была разделена на 2 части. Одна, на рыбацких лодках, по каналу Д должна была прибыть в пункт В и высадиться в тыл болгарам, а вторая, на броневом катере, по фарватеру, известному только рыбакам, должна была высадиться в пункте С. Сам Жебрак

был с этой последней частью. Все вышло согласно плану: часов в 6 вечера охотники с левого берега открыли сильный огонь по болгарам из ружей и пулеметов, чем привлекли их внимание. Одновременно взвод, высадившийся незаметно пункте В, зашел им в тыл и тоже открыл огонь. Болгары сейчас же начали, отстреливаясь, отступать к пункту С, но здесь уже ожидал их полковник Жебрак, взявший с броневого катера 2 пулемета. Привлеченные стрельбой болгарские подкрепления, также начали подходить к пункту С с запада и Жебрак обратил на них огонь пулеметов. Наши охотники, бывшие на левом берегу, сейчас же после отступления неприятеля переправились на левый берег на рыбацких лодках и в результате вся болгарская рота, потеряв 15 человек убитыми и 40 ранеными, попала к нам в плен. Наши потери состояли всего в 3-х человеках раненых. Жебрак покинул свой опасный пункт только тогда, когда убедился, что все наши люди и пленные покинули правый берег Дуная»²⁵.

21 октября 1917 года за описанный выше князем В.В. Трубецким подвиг М.А. Жебрак был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами и бантом (приказ по Армии и флоту № 259)²⁶. Однако, уже через четыре дня власть в стране, которой верой и правдой служил полковник Жебрак, захватили узурпаторы – большевики. Вскоре Михаилу Антоновичу пришлось принять участие в войне, ставшей для него последней – войне Гражданской...

Дальнейшие события, связанные с биографией М.А. Жебрака, изложены на страницах воспоминаний С.Н. Колдобского, озаглавленных «Формирование Сводного морского добровольческого полка и спасение знаменного Андреевского флага 1-го морского полка Балтийской дивизии», которые опубликованы в данной книге.

Погиб полковник Михаил Антонович Жебрак 23 (по другим данным – 24) июня 1918 года во время 2-го Кубанского похода в кровопролитном бою у деревни Белая Глина. По воспоминаниям А.В. Туркула, смерть его была мученическая... Остается лишь добавить, что, несмотря на то, что М.А. Жебрак не был Белым вождем, а лишь Солдатом, до последних дней сохранявшим верность своей Родине, он остался одним из немногих деятелей Белого движения, памяти которых посвящены целых две песни, написанные в годы Гражданской войны (автором является прапорщик И. Виноградов – первый историограф дроздовцев). Их словами и хотелось бы завершить данную работу²⁷.

Полковник Жебрак²⁸

Вьется над нашим отрядом
Белый Андреевский стяг.
Вынул палаш пред парадом
Славный полковник Жебрак.

Вот он по фронту шагает,
Нашу обходит семью.
Сам он заметно хромает,
Был он поранен в бою.

Крест его грудь украшает,
Крест тот – символ храбрецов
Взгляд наш его провожает,
Верим ему мы без слов.

В бой он ходил с нами вместе,
Пулям не кланялся он.
В самом рискованном месте
Он появлялся пешком.

Храбрость его погубила,
Дерзкой та храбрость была.
Вражия сила лишила
Нас командира полка.

Над телом его надругалась
Злых негодяев рука.
Но им дорого далась
Смерть храбреца Жебрака.

Похоронный марш²⁹

Уж сумрак вечерний повис над селом,
Когда мы своих хоронили
Сраженных в несчастном бою роковым.
И молнии с неба светили.

Играли «Коль славен», и полк на краул
Держал в честь героев сраженных.
И музыке вторил торжественный гул
Раскатов громов отдаленных.

Причудливой тучи сплетали узор
И сумрак унылый стгущали.
И мы, в темноту устремляя свой взор,
Гробы удальцов провожали.

Полсотни гробов перед фронтом прошли,
Сам вождь во главе шел к могиле.
И в лоно сырое чужой нам земли
Мы прах Жебрака опустили.

Росла в нашем сердце немая печаль,
И губы шептали молитву.
И взором души мы стремилися в даль
На новую славную битву.

Где жертвы погибших в бою роковым
Отметить мы сурово решили.
И в тихом молчанье со скорбным челом
Мы все от могил уходили.

Автор выражает благодарность С.Ю. Гордееву и А.Ю. Емелину за предоставленные материалы и помощь в работе над статьей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В разных мемуарных источниках, относящихся к периоду Гражданской войны, М.А. Жебрак упоминается под двойной фамилией – Жебрак-Русакевич (Русанович). Происхождение этого факта выяснить пока не удалось, поэтому мы приводим фамилию нашего героя в том виде, в каком она была написана в его послужном списке.
- 2 Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 1301. Л. 14.
- 3 Там же. Лл. 14 об. – 15.
- 4 Там же. Л. 15.
- 5 Там же. Л. 15 об.
- 6 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3961. Л. 12.
- 7 Там же. Лл. 4–5.
- 8 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1301. Л. 18 об.
- 9 Русско-Японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910. Т. IV. Ч. 2. С. 299.
- 10 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1301. Л. 16.
- 11 Русско-Японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии... С. 326–327.
- 12 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1301. Л. 18.
- 13 Там же. Л. 15 об.
- 14 Там же. Л. 16 об.
- 15 Там же. Лл. 16 об. – 17.
- 16 Там же. Л. 18.
- 17 Там же. Л. 17.
- 18 РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6236. Лл. 19 об., 22.
- 19 Там же. Л. 19 об.
- 20 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1301. Л. 17.
- 21 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3962. Л. 3 об.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 4.

- 24** В рукописи воспоминаний Д.В. Ненюкова, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации, имеются кроки местности с условным обозначением географических названий. В настоящей работе они не воспроизводятся.
- 25** Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 534. Лл. 64–66.
- 26** РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3962. Л. 6. Помимо наград, упомянутых в тексте статьи, в послужном списке М.А. Жебрака также отмечены: светло-бронзовая медаль с бантом «В память Русско-японской войны»; знак за окончание Александровской военно-юридической академии; светло-бронзовая медаль «В память 300-летия Дома Романовых» и светло-бронзовая медаль «В память 200-летия победы Гангутской победы» (Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916. С. 767).
- 27** Текст публикуется по источнику: Неизвестные песни Гражданской войны. Публикация, введение и комментарии: А.В. Аранович, В.Б. Лобанов // Марсово Поле. Санкт-Петербургский военно-исторический сборник. Вып. II. СПб., 1997. С. 34–36.
- 28** Песня написана на мотив «Плещут холодные волны...».
- 29** Песня написана на мотив «Вы жертвою пали...».

ДЕСАНТ В ХОРЛЫ

13–14 марта 1920 года* после тяжелейшей новороссийской эвакуации Вооруженные силы Юга России прибыли в Крым, ставший последним оплотом Белого движения на Юге России¹. 22 марта генерал А.И. Деникин, стоявший у истоков Белого дела, передал командование ВСЮР генералу П.Н. Врангелю.

Новый Главнокомандующий, понимая всю тяжесть создавшегося положения, отчаянно пытался найти из него выход. В частности, весной 1920 года белыми был предпринят ряд вылазок за пределы полуострова, ставивших своей целью не только достижение боевых успехов, но и поднятие успешными операциями духа армии. Одна из таких операций была проведена 30 марта – 4 апреля частями Дроздовской дивизии². Речь идет о знаменитом десанте в порт Хорлы: «Порт Хорлы расположен в мелководной части Каркинигского залива. Фарватер, ведущий между отмелями к Хорлам, оканчивается прямым и узким каналом около трех километров длиной, по которой суда могли идти лишь в кильватерной колонне. Акватория порта была очень мала и имелось всего лишь две пристани, одна параллельно высокому берегу, другая – ей перпендикулярно»³.

29 марта генерал В.К. Витковский, начальник Дроздовской дивизии, был вызван в штаб Главнокомандующего, где ему была поставлена боевая задача. Вот что пишет в своих воспоминаниях генерал П.Н. Врангель: «2 апреля наши части овладели южными предместьями Геническа. Одновременно в район Хорлов была произведена высадка нашего левого десанта – полков Дроздовской дивизии. Высадка производилась при чрезвычайно трудных условиях: красные занимали Хорлы двумя полками с большим количеством пулеметов и четырьмя орудиями, хорошо пристреленными по единственному ведущему в порт каналу. Славные дроздовцы с помощью моряков преодолели все препятствия»⁴.

* Все даты приведены по старому стилю.

Утром 31 марта эскадра в составе вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий» (бывший пароход общества РОПИТ; три 75 мм орудия; капитан 2-го ранга М.В. Домбровский), на котором разместились штаб дивизии и часть 2-го Дроздовского полка, паровой шхуны «Павел» – оставшаяся часть 2-го полка, пароходов «Веста» и «Крым» – 1-й Дроздовский полк, «Россия», на которой разместились 4 орудия, в сопровождении миноносца «Беспокойный» (три 100 мм орудия, капитан 2-го ранга В.П. Романовский) под общей командой капитана 1-го ранга И.К. Федяевского вышли в море.

К вечеру эскадра прибыла на внешний рейд. 1 апреля тральщик «Скиф» (тральщик «Скиф» и «Березань», а также буксир «Смелый» присоединились к эскадре на внешнем рейде Хорлов) был послан на разведку. При подходе к порту он был обстрелян красными из орудий и пулеметов. Для десанта это было неожиданно, так как по имевшимся сведениям, красных в Хорлах быть не должно⁵.

И тут возникает первый вопрос: были или не были красные в Хорлах? Кто пишет правду, Главнокомандующий в своих воспоминаниях, или же генерал А.В. Туркул в своей книге? При обстреле «Скифа» был убит его командир мичман Ковалевский. Артиллерия, расположенная на судах, и пулеметчики открыли ответный огонь. Судя по всему, им удалось накрыть батарею противника. Вся перестрелка длилась минут 50. К вечеру отряд ушел на внешний рейд и стал на якорь. Был собран совет и послано донесение Главнокомандующему, в котором сообщалось о создавшемся положении. После получения приказа продолжить операцию, было принято решение о высадке десанта.

Второй вопрос – о задержке проведения десанта. Будучи обстрелянными, суда отошли. Фактически операция была «засвечена». В штаб был послан запрос о ее продолжении, и только после подтверждения десантирование было осуществлено. Но почему операция не была проведена сразу? Да, безусловно, были бы потери, но ведь они были и при высадке 2 апреля. Однако за день до этого была возможность сохранить элемент внезапности для красного командования, что не позволило бы противнику подтянуть резервы.

На рассвете 2 апреля батальон 1-го полка начал высадку: «Первый батальон полковника Петерса в 600 бойцов, пулеметная команда и штаб полка перегрузились по шатучим мосткам на морской катер “Скиф”. В потемках, с погашенными огнями и заглушенной ма-

шиной “Скиф” тронулся к берегу. Мы стояли вплотную, прижавшись локтями, штык к штыку»⁶.

Появление катера было для противника неожиданным. Начался бой, красные были выбиты из порта. Потери 1-го батальона составили около 40 убитых офицеров и солдат. Началась высадка основной группы. После успешной атаки дроздовцев красные оставили Хорлы. Дроздовцы заняли высоты перед поселком и выдвинули заставы на север. «Под вечер у Витковского собрался военный совет. Генерал, несмотря на все трудности, настаивал на выполнении боевой задачи до конца: прорваться до перешейка по тылам противника к Перекопу. Военный совет решил: наутро наступление»⁷. Всех раненых, а также захваченные в Хорлах трофеи погрузили на транспорт «Россия».

Наутро 3 апреля началось наступление на деревню Адамань. Перед 2-м Дроздовским полком была поставлена задача отбросить противника на север, что и было успешно выполнено. Правда, перед этим частям дивизии пришлось пережить ряд неприятных моментов: «Около часа ночи красные внезапно атаковали на юг к порту Хорлы. Эта неожиданная ночная атака красных создала грозное положение, малейшая неустойка грозила гибелью. Без промедления мы перешли в контратаку, причем двинулись вперед с оркестром музыки, под марш. Красные не выдержали и откатились назад»⁸.

При походе к Адамани конная разведка обнаружила восточнее нее движение конницы красных. Командир дивизии генерал В.К. Витковский, двигавшийся вместе с разведкой, провел стремительную атаку. В результате были захвачены трофеи и пленные. Около четырех часов красная кавалерия начала стягиваться к Адамани с трех сторон. Подпустив атакующих поближе, дроздовцы открыли убийственный огонь. Атака была отбита. Через некоторое время красные открыли по Адамани артиллерийский огонь. Ближе к ночи в охранение были выставлены подразделения 2-го Дроздовского полка. В три часа утра дивизия выступила по направлению деревни Преображенка: «В голове колонны 2-й Дроздовский полк, снятый с охранения, затем штаб дивизии, раненые, артиллерия и в арьергарде – 1-й Дроздовский полк»⁹.

При подходе к Скотному Двору дивизия была обстреляна красными, занимавшими этот населенный пункт. После атаки частей 2-го полка противник оставил Скотный Двор. Около шести утра в нескольких направлениях появились массы красной кавале-

рии, пытавшиеся прижать дроздовцев к морю. Одновременно красными был открыт массированный артиллерийский и пулеметный огонь. Вот что пишет об этом А.В. Туркул: «Колонна идет вперед. В глазах у всех блеск огня, смертельные молнии. Теперь над колонной невнятно трепещет смутный стон тех страшных мгновений боя, когда залпы, команды, взрывы, бормотание, вой раненых, топот шагов, сильное дыхание – все смешивается в один трепетный человеческий ропот. Нам круто до последней духоты»¹⁰.

Под непрерывным огнем, ведомые своим отважным командиром, отбивая бешеные атаки кавалерии, дроздовцы двигались вперед по направлению к Перекопу. «Проносится на “Форде” Витковский. Красные на мгновение сосредоточили на нем огонь. Взрывы кругом. Снаряд угодил в машину. Владимир Константинович невредим, наш маленький, вылитый из стали генерал»¹¹.

Пройдя по тылам противника более 60 верст, дроздовцы вышли к Перекопу. И вот тут возникает еще один вопрос: почему не было помощи со стороны войск, занимавших укрепления Перекопа? И генерал А.В. Туркул, и историк дроздовцев В. Кравченко утверждают, что войска, занимавшие позиции на Перекопе, не знали о десантной операции дроздовцев. Это странно, ведь план операции был утвержден в штабе Главнокомандующего, и там не могли не знать, в каком положении окажется десант при прорыве к своим.

Если вернуться к воспоминаниям П.Н. Врангеля, мы узнаем, что 31 марта на Перекопе начался крупный бой с красными, пытавшимися прорвать Перекопские укрепления и ворваться в Крым¹².

Посмотрим, что же происходило 1–3 апреля на Перекопе. Для этого обратимся к работе М.М. Голеевского: «На первое апреля было назначено наше наступление по всему фронту для захвата деревень Преображенка и Первоконстантиновка. В пять часов утра Сводно-Гвардейский отряд перешел для наступления в боевой порядок. В первой линии была расположена Волынская рота, во второй – 2-я сводная рота; для обеспечения правого фланга, уступом сзади, был выдвинут эскадрон гвардейской конницы, долженствовавшей действовать вдоль Сиваша... Сводно-Гвардейский батальон, приготовившись к атаке, выслал два разезда к высоте 7.1, так как наше сторожевое охранение донесло, что красных на ней нет. Однако высланные разезды при приближении к высоте тот час же были обстреляны ружейным огнем. После этого Гвардейский отряд и 136 пехотный Таганрогский полк перешли энергично в наступление»¹³. Далее автор описывает бои в районе Перекопа.

Кстати, в эти же дни была предпринята еще одна десантная операция, осуществленная Алексеевской бригадой. Об этом десанте можно прочитать в книге Бориса Павлова «Первые четырнадцать лет». О боях 1–3 апреля упоминает и Виктор Ларионов в книге «Последние юнкера».

Итак, десант дроздовцев в Хорлы был частью плана по попытке выхода белых из Крыма и разгрому войск красных, скопившихся в районе Перекопа и некоторых других населенных пунктов с целью захвата Крымского полуострова.

В чем же причина того, что дроздовцы в своих книгах пишут о незнании частями, занимающими Перекоп, о предпринятом ими десанте? И вот тут появляется фигура генерала Я.А. Слащева, очень своеобразная и самобытная. Судя по всему, речь может идти о противоречиях между высшими белыми командирами. Подобный пример, безусловно, не красит историю Белого движения. Ведь именно такие конфликты во многом и послужили причиной поражения белых в Гражданской войне.

Сам же десант дроздовцев в Хорлы – один из героических эпизодов Белого дела, явивший для потомков примеры доблести и мужества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Часовой. 1955. № 353. С. 6.
- 2 *Усаров Г.В.* Три похода в Хорлы в 1920 году // Военная быль. 1972. № 119.
- 3 *Варнек П.А.* Действия флота в Северо-Западном районе Черного моря в 1920 году // Военная быль. 1971. № 108. С. 18.
- 4 *Врангель П.Н.* Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920). Ч. 2. // Белое Дело. Берлин, 1928. Кн. 6. С. 56–57.
- 5 *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. М., 1996. С. 126–127.
- 6 Там же. С. 126.
- 7 Там же. С. 127.
- 8 Часовой. 1955. № 353. С. 7.
- 9 Там же. С. 8.
- 10 *Туркул А.В.* Указ. соч. С. 130.
- 11 Там же. С. 131.
- 12 *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 56–57.
- 13 *Голеевский М.Н.* Материалы по истории гвардейской пехоты и артиллерии в гражданскую войну с 1917 по 1922 г. Кн. 3. Белград, б.г. С. 19–22.

НЕ СКАЖУТ НИ КАМЕНЬ, НИ КРЕСТ...

«Мертвые сраму не имут!» – гласит народная мудрость. Русский солдат с мертвыми не воевал. Павший враг погребался по воинским традициям. Справедливо будет отметить, что и противоположная сторона часто отвечала нам тем же. Лучший пример уважения к павшему противнику – памятник на Малаховом кургане в Севастополе на могиле русских и французских воинов с удивительной по силе воздействия эпитафией: «Сошедшиеся для победы, объединены смертью. В этом – слава солдат. И судьба храбрых». В Российской Империи даже преступник, приговоренный к казни, мог рассчитывать на похороны по христианскому обычаю.

Другое дело большевики. Прожженные материалисты, видевшие в людях лишь материал для реализации своих идей и планов, в душу они не верили, а в мертвых видели либо повод для пропаганды (если это были «свои»), либо... мусор. Глумление над телом павшего врага, который при жизни был им страшен, зачастую носило у красных организованный характер. Достаточно вспомнить, как после взятия Екатеринодара революционные солдаты под предводительством своих комиссаров разрыли могилу генерала Л.Г. Корнилова и целый день таскали изуродованное раздетое тело по городу, а затем, разрубив топорами и саблями, сожгли.

Белые воины, отступая, вынуждены были хоронить своих павших под безымянными крестами, а то и вовсе погребать их тайно, дабы уберечь от поругания. Они запоминали место, чтобы потом, после победы вернуться и почтить память павших друзей. Победить им было не суждено. Хранившие память о павших друзьях офицеры и солдаты погибали сами, уносили тайну в эмиграцию. Именно так возникла загадка места захоронения одного из самых известных вождей Белого движения, чье имя было принято его бойцами, как принадлежность к особой когорте белых воинов – генерал-майора Михаила Гордеевича Дроздовского.

Стараниями историков-энтузиастов жизненный путь Дроздовского сегодня уже неоднократно описан в книгах и журналах, дос-

тупных нашим соотечественникам, поэтому пересказывать его здесь мы не будем. Напомним лишь, что боевой офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн, в феврале 1918 года вышел с Румынского фронта с Бригадой русских добровольцев для соединения с Добровольческой армией генерала Корнилова на Дону. Пройдя 1200 верст через пылающую страшным «русским бунтом» Украину, бригада Дроздовского влилась в ряды белых. Меньше полугода жизни и борьбы в рядах Белого движения было отведено судьбой Михаилу Гордеевичу. Но за это время его имя стало известно и среди единомышленников, и среди врагов. «Обреченный и обрекающий», все время бросающий вызов смерти и побеждающий превосходящего врага – таким был белый генерал Дроздовский.

31 октября 1918 года Дроздовский был ранен. Легкое ранение переросло в заражение крови. 1 января 1919 года Михаил Гордеевич скончался. Вместе с начальником 1-й Дроздовской артиллерийской батареи, полковником В.П. Туцевичем, Дроздовского погребли в Екатеринодаре, в Кубанском войсковом соборе Св. Александра Невского. 4 января 1919 года 2-й офицерский стрелковый полк, бывший ядром Отряда М.Г. Дроздовского, был переименован во 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк.

В начале 1920 года, во время отступления белых армий на юг, специальный отряд дроздовцев ворвался в уже занятый красными Екатеринодар и вывез останки своих командиров. Во время Новороссийской катастрофы, когда пароходы брались отступающими штурмом, а на берегу оставались орудия и обозы, офицеры-дроздовцы вывезли цинковые гробы с телами Дроздовского и Туцевича в Севастополь. Не зная, устоит ли белый Крым, четверо старых дроздовцев во главе с генералом Туркулом тайно захоронили тела на кладбище в Доковом овраге недалеко от Малахова кургана.

Над могилами они установили кресты с чужими именами. Туркул рассказал об этом в своих воспоминаниях «Дроздовцы в огне». В 1942 году двое оставшихся в живых офицеров-дроздовцев попытались найти место захоронения, но ожесточенные бои Второй мировой войны сделали местность неузнаваемой.

В 1960-х годах кладбище в Доковом овраге было уничтожено. Его не просто сравняли с землей, а засыпали многометровым слоем камней и земли, соорудив сверху кинотеатр «Севастополь», сквер Героев СССР и стадион. Советские власти не остановило и то, что на кладбище находилась могила Дарьи Михайловны – первой русской сестры милосердия Даши Севастопольской, скончавшейся в 1910 году, участника обороны Севастополя графа Наленча, других воинов,

оборонявших город в Крымскую войну. Точно также коммунисты срыли Михайловское кладбище на Северной стороне Севастополя, где покоились останки тысяч воинов периода Крымской войны.

Недавно англичане заявили, что хотят поставить в Балаклаве памятник первой английской медсестре времен Крымской войны Флоренс Найтингейл. У них – благодарная память. Память постсоветских чиновников и политиков короче. Никто из них не вспоминает ни о могиле героини Крымской войны Даши Севастопольской, ни о герое трех войн генерале Дроздовском.

По информации некоторых газет, весной 1997 года к местным властям был направлено обращение об установлении мемориального знака в память генерала Дроздовского в районе бывшего кладбища. Но инициатива эта так и осталась тогда благим намерением.

Реализовать ее в жизнь твердо намерены сегодня лидеры Севастопольской общественной организации «Эпоха». Сколько раз во время визитов почетных гостей из Киева, Москвы, ближнего и дальнего зарубежья звучат у памятников Севастополя слова «никто не забыт, ничто не забыто», заверения в том, что Севастополь – город с особым отношением к истории. Но кортежи гостей каждый раз проносятся мимо безвестного сквера и громады стадиона, под которыми в безвестности покоятся могилы дорогих для нас людей. Лидеры «Эпохи» считают, что без увековечивания памяти Даше Севастопольской и генералу Дроздовскому на месте их последнего приюта Севастополь не достоин называться «городом с особым отношением к истории». Вместе с известным историком Владимиром Георгиевичем Шавшиным, немало сделавшим для восстановления севастопольских некрополей, активисты организации ведут сбор исторических материалов, готовят интернет-сайт проекта.

Недалеко от засыпанного Докового оврага утопает в зелени Малахов курган. В дни памяти Крымской войны у братской могилы русских и французских солдат салютуют в почетном карауле молодые люди из военно-исторических клубов в форме противоборствовавших сторон. В знак примирения и уважения к павшим возлагают цветы русские и французские моряки.

Кое-кто желал бы видеть в Севастополе или ином городе Крыма памятник примирения белым и красным. Но покаяться тех, кто переписывал саму историю, уничтожал память народа, воевал с мертвыми, нет и по сей день. Нет и памятников, уничтоженных за годы беспамятной власти. А значит, борьба за возрождение исторической памяти народа продолжается.

ДРОЗДОВЦЫ ПОСЛЕ ГАЛЛИПОЛИ

Под звездами Балканскими

История пребывания Русской армии генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля, включая дроздовцев в Галлиполи, достаточно подробно изложена как самими участниками «галлиполийского сидения», так и отечественными исследователями. Это книга генерал-лейтенанта В.К. Витковского «В борьбе за Россию» (б/м, 1963), сборник Д. Пронина, Г. Александровского, Н. Ребикова «Седьмая гаубичная. 1918–1921» (Нью-Йорк, 1960), мемуары В.М. Кравченко, вошедшие в сборник «Русская армия в Галлиполи», вышедшие в серии «Белое Движение» – «Россия забытая и неизвестная» (М., 2003). Из работ отечественных историков последних лет здесь можно назвать книгу Л. Карпова «Крым – Галлиполи – Балканы» (М., 2002), в которую включены архивные документы и дневники галлиполийцев, в том числе дроздовца штабс-капитана Г.А. Орлова.

Переезд дроздовцев из Галлиполи в Болгарию ярко и талантливо описал в своем «Дневнике галлиполийца» капитан Дроздовского артиллерийского дивизиона Николай Алексеевич Раевский. Эпизоды, описываемые молодым офицером-артиллеристом яркими, живыми красками, отмечены литературным даром. И не случайно, когда в Галлиполийском лагере был налажен выпуск «Устной газеты», одним из инициаторов ее издания был капитан Раевский. Насколько важным представлялось это начинание командованию 1-го армейского корпуса Русской армии, говорит следующий факт. В марте 1921 года на выпуске «Устной газеты» присутствовали генералы А.П. Кутепов, Б.А. Штейфон, полковники С.Н. Ряснянский, Савченко, поручик В.Х. фон Даватц и архимандрит Антоний.

Вот зарисовка с натуры, сделанная Н.А. Раевским в Галлиполи, относящаяся к лету 1921 года: «Видел около лагеря своеобраз-

ную картину нашего галлиполийского быта. Кампания офицеров и солдат косит пшеницу. Совсем это необычно, но ничего страшного нет. Один здоровый, загорелый офицер-корниловец в рубашке-безрукавке так ловко орудует косой, что, вероятно, и прежде этим делом немало занимался. Другой косарь с офицерской кокардой, до пояса совсем разделся. Спина у него цвета бронзы. Цикады звенят, какие-то огромные красные крылья, прямо десятками вырываются из-под ног и с громким шумом несутся по воздуху»¹.

Далеко не всегда Н.А. Раевский в своем «Дневнике» называет по фамилиям сослуживцев. Обычно он не делал этого в тех случаях, когда опасался за судьбы своих родных и близких, оставшихся в Советской России. Так, неоднократно им упоминаются полковники Я. и С. Очевидно, что это А.Г. Ягубов и А.А. Самуэлов. Хотя возможно, Раевский упоминал о полковнике Соловьеве. Приводит автор «Дневника» и свидетельства своих однополчан о событиях 1918 года, относящихся ко времени Румынского и 2-го Кубанского походов. Сам Н.А. Раевский в 1918 году служил сначала в армии Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского, а позднее в Южной армии. В Дроздовский артиллерийский дивизион он попал после того, как части Южной армии вошли в состав Вооруженных сил Юга России. Поэтому о событиях 1918 года он приводит лишь свидетельства своих боевых товарищей. «Интересный человек этот полковник Т. Он самый молодой полковник в артиллерии (24 года), причем был произведен в этот чин в 21 год. Человек с огромным порывом. Его рассказ. Во время Дроздовского похода неожиданным налетом захватили Бердянск. Там в полном составе попался комитет (очевидно, местный совдеп. – В.Ч.-М.) во главе с председательницей товарищем Зоей. Баба выдержала 272 шомпола, потом повесили на главной площади. Попа, который проповедовал большевистские идеи, выпороли и заставили рыть яму для виселицы. Но затем оставили на свободе»². О том, что священника оставили на свободе, Н.А. Раевский дает как отдельное пояснение, к рассказу полковника Т., еще одно свидетельство о боях времен 2-го Кубанского похода. «Вчера капитан Д. вспоминал бой под Белой Глиной в 1918 году во время второго Кубанского похода. Шли по-добровольчески – без разведки и охранения. Совершенно неожиданно напоролись на большевиков. Те открыли страшный пулеметный огонь. Началась паника, и погибло больше 250 человек. На следующий день после нашей контратаки полковника Жебрака, не имевшего одной ноги, нашли замученным. Красные отрезали

ему другую ногу, выкололи глаза. Одного кадета живым сожгли на костре. С нашей стороны расплата была жестокая – из пулеметов расстреляли больше 3000 человек пленных». Примечание Н.А. Раевского: впоследствии генерал-майор А.В. Туркул подтвердил мне этот факт – глумление над М.А. Жебраком и сожжение кадета-дроздовца. Цифра в 3000 человек преувеличена³. Факт расстрела пленных упоминает генерал А.И. Деникин. Подводя итог подобным мрачным эпизодам Гражданской войны, Раевский пишет в «Дневнике»: «Сегодня вечером мы долго спорили – было различие между нами и большевиками в смысле расстрелов или нет. Все-таки большинство нашло, что издевались мы меньше и реже. Впрочем, всякое бывало. “Чека” не было, но отдельные чекисты были»⁴.

Впрочем, сам Раевский вспоминает об одном эпизоде, участником которого ему пришлось стать в бытность его на службе в Лубнах, в 1918 году. В апреле 1918 года в этом малороссийском городе по приговору военно-полевого суда был расстрелян матрос, который при красных сам рассказывал о своем участии в убийствах морских офицеров в Севастополе. Он помогал бросать жертвы живыми в топки котлов. Преступления сторонников советской власти в Севастополе – т.н. «еремеевская ночь», стали предметом расследования Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем ВСЮР. Расправы эти носили массовый характер. И об этом наверняка знал, хотя бы понаслышке, и капитан Раевский. Хотя прошло уже несколько месяцев с тех пор, как дроздовцам в последний раз скрестили свое оружие с большевиками у Армянского Базара и Карповой балки, прошлое не отпускало их и, по большому счету, не отпустило до конца дней.

Но вернемся к августовскому дню 1921 года, когда дроздовцы-стрелки, артиллеристы, конники покидали Галлиполи.

«“Флаг поднят, ярмарка открыта, народом площадь вся покрыта...”, – такое впечатление создается от набережной. Яркими малиновыми пятнами мелькают дроздовские фуражки. Пронзительно рывкают автомобили, осторожно пробирающиеся в толпе. Дружно и весело работают офицеры и солдаты. Вагонетки целыми поездами с визгом катятся к дамбе, где идет погрузка на фелюги. Громадный “Решид-Паша” не может подойти к берегу. С песнями проходят инженерные юнкера. Загорелая, бодрая публика, винтовки выровнены как по ниточке. Один за другим, точно больных, проносят пулеметы»⁵.

«Музыка. Снова застывает людское море. Сквозь расступающиеся группы ожидающих своей очереди артиллеристов малиновым потоком проходят дроздовцы. Знамена, офицерские роты... Словно лучший гвардейский полк мирного времени, идет учебная команда. Сегодня можно и нужно подводить итоги. Дроздовцев – 1700 человек после 9 месяцев сидения в Галлиполи»⁶.

«Молебн. Ярко горит золото погон. Генералы поздравляют нас, отъезжающих, точно именинников»⁷.

«15 часов. Проводим последние минуты на галлиполийской земле. Сейчас кончают грузиться алексеевцы. За ними наша очередь. “Решид” облеплен фелюгами. Погрузка людей идет очень быстро и аккуратно. Алексеевцы грузились 45 минут»⁸.

«30 августа. 19 часов. Пишу уже в битком набитом трюме “Решид-Паши”. Тесно так же, как было на “Херсоне”. Пехотинцы, впрочем, расположились гораздо свободнее артиллеристов. Мешает писать дым от затопленных на палубе походных кухонь.

После большой сутолоки, наконец, разместились. У меня оригинальное ощущение – точно мы снова попали на “Херсон” и все начинается сначала. Долго ли еще будут продолжаться наши странствия?

31 августа. Ночью весь пароход был завален скрюченными телами. В нашем трюме сейчас приходится балансировать, чтобы не отвалить руки или ноги. Опять можно повторить – совсем как на “Херсоне”. Только не стонали во сне раненые, и нет бредящих больных»⁹.

«1 сентября. Ночь провел отвратительно. Отвык уже от тесноты и пыли. Зато сейчас опять люблюсь Константинополем. Стоим на рейде против Айя-София. Опять перед нами лес минаретов, дворец султана, кипарисы, казармы, многоэтажные дома Пера.

Погода великолепная. Ярко светит солнце. Среди голубого моря виднеются темно-зеленые силуэты Принцевых островов. Настроение радостное. Все веселы и довольны. На левом борту, окруженный толпой офицеров и солдат, старик генерал В.К. Манштейн рассказывает, как он бывал в Константинополе сорок четыре года тому назад, когда армия стояла в Сан-Стефано. Дам кругом нет, и “дедушка Манштейн” говорит подробно и обо всем. Слушателям становится все веселее.

С нетерпением ждем встречи с Главкомандующим. Наконец подняли якоря и идем дальше. Перед нами вся союзная эскадра»¹⁰.

«Ну вот, наконец-то. Поодаль, ближе к берегу – крохотный “Лукулл”. На “Решиде” торжественная, взволнованная тишина.

Дроздовская учебная команда выстраивается по борту. От яхты к нам бежит моторный катер под Андреевским флагом. На носу знакомая громадная фигура. Генерал Врангель стоит во весь рост. Он в форме Корниловского полка. Катер подходит к корме. Сквозь шум ветра слышим: “Здравствуйте орлы...” Ответ оглушительный, а затем начинается такое ура, что, наверное, оно слышно и в Европе, и в Азии. Ветер мешает нашей встрече с Главнокомандующим. С носа плохо слышно, что он говорит, но все его видят, и этого довольно. Опять “ура”. Катер под Андреевским флагом отчаливает от “Решид-Паши”. Пароход трогается. С палубы “Лукулла” нам машут платками. Идем по Босфору. Ослепительно блестит вода Босфора. На спардеке дроздовский оркестр играет Преображенский марш. С обоих берегов пролива машут платками. Должно быть, русские... Боже мой, сколько их! На палубах пароходов, в окнах домов и отелей... На набережных собираются целые толпы, и чем дальше идет “Решид”, тем они больше...»¹¹.

Дальнейший путь «Решид-Паши» можно проследить по карте. Пройдя по Босфору, пароход вышел в Черное море, где взял курс на северо-запад, к берегам Болгарии.

Дроздовцы высадились в портовом городе Варне, расположенном в северной части черноморского побережья Болгарии. Оттуда они проследовали вглубь страны в первых числах сентября 1921 года. В книге генерала В.К. Витковского «В борьбе за Россию» приводится текст документа – «Выписка из Договора о приеме Русских войск в Болгарию». В нем перечисляются болгарские города, в которых размещались части 1-го армейского корпуса Русской армии, включая дроздовцев. Как известно Болгария, вступившая в Великую европейскую войну на стороне Центральных держав, оказалась в лагере побежденных. Болгарская армия подверглась кардинальному сокращению. Поэтому в опустевших казармах болгарских войск можно было разместить русских солдат и офицеров. Причем не только солдат. В мемуарах П.Н. Буткова, младшего сына протоиерея Николая Буткова, служившего в 1920-х годах благочинным Марковской дивизии, свернутой в полк, упоминается о том, что здания казарм болгарской армии использовались и под русские гимназии.

Чины Дроздовской стрелковой дивизии, еще в Галлиполи свернутой в полк, были размещены главным образом в трех городах: Севлиево и Свищов – стрелки, Орхание (переименован позднее в Ботевград. – В.Ч.-М.) – артиллеристы. Поскольку в послед-

них боях у Карповой Балки дивизия понесла серьезные потери, а некоторые чины дивизии по тем или иным причинам остались в Крыму, как, например шофер генерала А.В. Туркула, или поручик Пермагентский со своей супругой, то она была сведена в полк. Командный состав полка выглядел следующим образом: командир полка – генерал-майор А.В. Туркул, помощник командира полка – генерал-майор В.В. фон Манштейн, адъютант полка – числен- ный к Генеральному штабу полковник П.В. Колтышев, командир 1-го стрелкового батальона – генерал-майор В.Н. Чеснаков, коман- дир 2-го стрелкового батальона – подполковник Н.В. Елецкий, коман- дир офицерского батальона – генерал-майор В.Г. Харжевский, командир сводной команды стрелков – полковник Тихменев, коман- дир Дроздовского конного дивизиона – полковник М.А. Кабаров, командир Дроздовского артиллерийского дивизиона – гене- рал-майор М.Н. Ползиков, командир Дроздовской инженерной роты – подполковник Ф.П. Бородин.

В первые месяцы своего пребывания в Болгарии, в ожидании скорого, как им казалось, «весеннего похода», части 1-го армей- ского корпуса продолжали сохранять себя как воинские. Об этом свидетельствует приказ по Дроздовскому стрелковому полку от 18 января 1923 года за № 18 по строевой части, отданный в горо- де Севлиево.

«В День Богоявления Господня 18 января сего года назначает- ся церковный парад». Приказ о проведения парада подписал гене- рал-майор Кельнер. Командующим парадом назначался генерал- майор Манштейн П. Приказ о параде по Дроздовскому полку под- писал генерал-майор Туркул. К приказу о параде прилагается спи- сок чинов 2-го батальона, имеющих право на ношение Галлиполий- ского креста: генерал-майор Владимир Григорьевич Харжевский, полковник Леонид Иванович Андреевский, капитан Александр Иванович Альбоций, полковник Евгений Борисович Петерс, под- полковник Михаил Христофорович Пурель, полковник Сергей Никандрович Рязанцев, поручик Владимир Андреевич Торговиц- кий, подпоручик Николай Михайлович Юрасов, стрелок Михаил Дмитриевич Матасов¹².

Однако уже в это время чинам 1-го армейского корпуса все ча- ще приходилось покидать расположение своих частей с тем, чтобы обеспечить себя «хлебом насущным». С 1923 года начинается отъ- езд чинов Дроздовского стрелкового полка, а также и других частей Русской армии, во Францию и в Бельгию на заработки. В числе уе-

хавших во Францию в 1923 году был дроздовец А.М. Рунков. В связи с тем, что рабочие группы или артели, созданные самими дроздовцами, разъезжались по всей Болгарии, встал вопрос о судьбе дроздовских знамен. Было решено доставить эти реликвии в Софию. 20 апреля 1923 года генерал-лейтенант И.А. Ронжин в Софии от подполковника Дроздовского стрелкового полка Куравца принял: Николаевское знамя 1-го Дроздовского стрелкового полка без древка, 2-го Дроздовского стрелкового полка (то же), 3-го Дроздовского стрелкового полка (то же), Георгиевское знамя Самурского пехотного полка, Андреевское знамя 1-го морского полка, Георгиевские трубы Самурского батальона. Знамена и трубы надлежало доставить из Севлиево в Софию, а из Софии в Белград – столицу соседней Сербии. Эту часть важной миссии предстояло выполнить генералу Харжевскому¹³.

О ситуации в Дроздовском стрелковом полку говорилось в рапорте на имя генерал-майора Туркула следующее:

«1. Особых изменений во внутренней жизни нашей за истекшее месяцы не произошло. Значительное число прибывших с работ, за окончанием их, заставило расширяться в смысле помещений, и для большего внутреннего порядка, части полка сведены в три команды, соответствующих 1-му, 2-му командному батальонам, каждая из команд имеет отдельное помещение. Служба несется нормально, и заключается она в минимальном внутреннем наряде и периодических нарядах на работу, из которых работа на кухне – ежедневна.

2. Дух наш несколько понизился с отъездом генерала Туркула. Явление, доказательств не требующее. Но, вместе с тем, имеется еще ряд причин, влияющих на наше настроение и создающие впечатление некоторой безнадежности положения и обрисовывающих наше бессилие. К этим причинам можно отнести, во-первых: отсутствие средств или их незначительное количество на наше дальнейшее существование; каждый думает о том, и думает с уверенностью, что средства эти скоро кончатся, и мы будем предоставлены самим себе; во-вторых, травля наших частей в Болгарии, и полное бессилие наше и Ваше улучшить в этом отношении условия нашей жизни здесь. Предполагающийся отъезд Петряева произвел чрезвычайно неприятное впечатление (в рапорте упомянут А.М. Петряев – русский посол в Болгарии. – В.Ч.-М.). Сознание нашей беспомощности проникает все глубже и глубже. Его влиянию приписывается здесь то смягчение тяжелых условий, которое имело место

в период высылки и прочего. Вместе с тем, чувствуется новый нажим большевиков в нашем направлении через болгарские власти. Запрос коммунистической группы в Народном собрании относительно нашего Красного Креста и наших денег, находящихся в Болгарском банке, и ответ на этот запрос заместитель министра-председателя подтверждает это. Такой откровенности по вопросам насущной потребности раньше не наблюдалось. Отсюда, по-видимому, идущие нити довольно ясно проявляются в арестовании складов в Тырново (второй город Болгарии – Велико Тырново, в нем в 1921–1923 годах помимо русских складов дислоцировался штаб 1-го армейского корпуса во главе с генералом А.П. Кутеповым. – В.Ч.-М.)»¹⁴.

«Союз возвращенцев», ведя агитацию среди дроздовцев, как отмечается в документах, добился мизерного результата. В 1923 году в СССР из Болгарии уехали исключенный из списков Дроздовского стрелкового полка полковник Горбацевич и не исключенный из списков полка капитан Львов»¹⁵.

Здесь же, в Болгарии, дроздовцы пережили в 1923 году драматические события, о которых генерал Витковский писал в своей книге «В борьбе за Россию» следующее:

«Не достигнув желаемых результатов, во время пребывания армии в Галлиполи и на Лемносе, большевики обратили особое внимание на Болгарию, куда прибыла наибольшая часть Русской армии и где они считали более подходящими условия возможности воздействовать на Болгарское правительство, развить коммунистическую пропаганду в стране и вместе с тем добиваться разложения частей Русской армии.

Для достижения своих гнусных целей большевики не стеснялись в деньгах и применении обычных для них средств – обмана, клеветы, подкупа и т.п.

Уже через несколько месяцев нашего пребывания в Болгарии, с весны 1922 года, стали сказываться результаты большевистской работы, – начались всякого рода недоразумения, осложнения и придирки со стороны болгарских властей.

На 2 апреля в Штабе корпуса (Велико Тырново) генерал Кутепов назначил съезд старших начальников. Предварительно некоторые из них прибыли ко мне в Свищов, и мы вместе выехали в Тырново. Со мною были: генерал-майоры Фок, Буров, Зинкевич, Ползиков, Баркалов, Пешня, Скоблин, Туркул, Бредов и полковник Христофоров. На рассвете 2 апреля, когда поезд наш приближался

к станции Павлекени, произошло крушение поезда, вследствие того, что были развинчены рельсы. Дело это было рук коммунистов, узнавших о поездке русских начальников. К счастью, никто из нас не пострадал».

«16 мая генералы Кутепов, Шатилов и наш военный представитель генерал-лейтенант Вязьмитинов были высланы из Болгарии».

«15 мая болгары оцепили расположение Корниловского полка в Горно-Паничерево, произведя обыск.

Со всех концов Болгарии стали поступать донесения о всевозможных трениях, обысках и арестах. Затем последовало распоряжение болгарских властей о воспрещении чинам Русской армии проезда по железным дорогам без особого на то разрешения властей.

3 июля был произведен обыск в Горн.-Джумая в Корниловском военном училище и затем были арестованы и высланы из Болгарин – начальник училища Генерального штаба генерал-майор Георгиевич со старшими чинами училища, в числе 7 человек.

6 июля обыск в городе Белоградчике, в Марковском полку, арест и высылка командира полка генерал-майора Пешня с 12-ю старшими офицерами. По донесению вступившего во временное командование полковника Емельянова, население города Белоградчика отнеслось очень сочувственно к нам, пыталось даже протестовать, и, провожая наших арестованных на вокзал, бросало им цветы.

16 июля в Тырново Болгарские жандармы напали на группу юнкеров Сергиевского артиллерийского училища. В результате нападения – юнкер Лабода был убит и 4 юнкера было ранено.

В таких тяжелых условиях приходилось проводить устройство наших чинов на частные работы. Чины корпуса устраивались, главным образом, на тяжелые работы, преимущественно на шахты, наибольшая из которых была угольная шахта “Мина Перник” к югу от Софии»¹⁶.

Все перечисленные генералом Витковским факты оказались лишь прелюдией к событиям 1923 года. 9 июня того года правительство А. Стамболийского пало. Однако провокация со стороны местных коммунистов, поддержку которым оказывал из Москвы Коминтерн, не прекращались.

31 августа в Новой-Заторе были избиты 9 молодых офицеров Николаевского инженерного училища.

2 сентября в Велико Тырново был арестован инспектор классов Сергиевского артиллерийского училища полковник Безак с несколькими офицерами без предъявления какого-либо обвинения, и все были отправлены в Варну.

6 сентября был арестован болгарскими полицейскими и сам генерал В.К. Витковский с чинами штаба 1-го армейского корпуса в Велико Тырново, а помещение штаба опечатали¹⁷.

Делалось все это неспроста. Болгарские коммунисты готовились к вооруженному восстанию с целью свержения режима царя Бориса III и создания Республики советов. Восстание вспыхнуло 8 сентября. Коммунистические повстанцы атаковали казармы, занимавшиеся русскими военными. Как рассчитывали мятежники, «врангелевцы», дезорганизованные предшествовавшими этому мятежу провокациями не смогут оказать им сопротивления, тем более что в ряде случаев незадолго до выступления болгарские власти путем арестов изолировали русских военачальников от их подчиненных. Как записал ветеран РОВСа П.Н. Бутков со слов своего отца, бывшего в то время полковым священником Марковского пехотного полка, во время коммунистического восстания, хорошо организованного Георгием Димитровым и Василием Коларовым, происходили жесточайшие сражения коммунистов с марковцами, которые дислоцировались в районе Белоградчика, на северо-западе Болгарии. Очевидно, то же происходило и в местах дислокации дроздовцев, в окрестностях Свищова, Севлиево, Орхание. Коммунистический мятеж был подавлен. По некоторым сведениям, было убито около 20 000 коммунистических повстанцев. Руководители болгарских коммунистов Георгий Дмитров и Василий Коларов бежали за границу. Отношение болгарских властей к Русской армии переменилось в лучшую сторону. Однако русские воинские части к тому времени уже не могли себя сохранять в прежних организационных формах. В этих условиях Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. Врангель отдал распоряжение о преобразовании армии в воинскую организацию – Русский общевоинский союз – РОВС.

Незадолго перед преобразованием армии в РОВС, в мае 1924 года, кадр Дроздовского стрелкового полка переехал из Севлиево в Софию. К сожалению, ничего не известно о судьбе памятника дроздовцам, сооруженного чинами полка в Севлиево в 1920-х годах. На 1 августа 1924 года в списках Дроздовского стрелкового полка и его подразделениях числилось: офицеров и чинов-

ников 740 человек, солдат 375; всего – 1115 человек. Дроздовский конный дивизион: офицеров и чиновников 92 человека, солдат 88 человек; всего – 180. Дроздовская инженерная рота: офицеров и чиновников 30 человек, солдат 4; всего – 34¹⁸.

В середине 1920-х годов болгарская столица София становится одним из главных центров русской военно-политической эмиграции в Европе. Ее штаб располагался в доме на улице Оборище. Там разместилось руководство III (болгарского) отдела РОВСа. На бульваре Царя-Освободителя располагалось Галлиполийское собрание. Центром духовной жизни русской эмиграции в Софии была Никольская церковь (бывший домовый храм Российского Императорского посольства), там же, на бульваре Царя-Освободителя. В Софии в середине 1920-х годов обосновались генерал А.В. Туркул со своей семьей, «дедушка Манштейн» со своими сыном и невесткой, капитан И.В. Виноградов, который продолжал нести свои обязанности адъютанта штаба и другие чины полка. Генерал-майор В.Н. Чеснаков уехал в соседнюю Сербию. Туда же переехал и генерал-майор К.А. Кельнер. Генерал-майор В.Г. Харжевский до 1925 года проживал в Севлиево, откуда отбыл в Чехословакию с целью продолжить свое образование в Горной академии в Пшибраме.

В 1925–1926 годах отъезд русских военных с Балкан в другие страны, главным образом, во Францию и Бельгию, принял массовый характер. Из различных болгарских городов к генералу Туркулу поступали рапорты от его подчиненных, собирающихся покинуть эту страну. Вот сведения о чинах Руцукской рабочей партии Дроздовского стрелкового полка изъявивших желание переехать во Францию в 1925 году:

Полковник Ханыков Николай Николаевич, родился в 1889 году, в Петрограде.

Подполковник Павленко Алексей Григорьевич, родился в 1889 году, в городе Изюм Харьковской губернии.

Подполковник Гамаль Николай Федорович, Дроздовский артиллерийский дивизион, родился в 1892 году, в Полтавской губернии.

Поручик Хорошун Иосиф Иванович, родился в 1895 году, в городе Ахтырка.

Его жена Александра Тимофеевна, родилась в 1896 году, в Ялте.

Его сын Константин, родился в 1918 году, в Одессе.

Подпоручик Тиссен Генрих Готгардович, родился в 1897 году, в колонии Блюменталь Таврической губернии¹⁹.

Примерно в это же время выехала во Францию для работ на угольных шахтах еще одна группа чинов Дроздовского полка из состава Рушукской рабочей группы. В ее составе были: полковник Рухлин, капитан Олейников, штабс-капитан Овсянников, поручик Павлов, подпоручик Капустянский, младший унтер-офицер Витковский, ефрейтор Карпихин²⁰.

В газете «Русский военный вестник» № 13 от 15 июля 1925 года сообщалось о том, что за последние месяцы к генералу Шатилову начали поступать от офицеров, находившихся во Франции, многочисленные просьбы получить обратные визы в Сербию, ибо их расчеты на лучшее устройство жизни во Франции оказались в корне ошибочными.

Поскольку проводить переключку чинов полка на поверке, как этого требовал устав, было невозможно, то штабом полка в Софии составлялись списки дроздовцев, проживавших в разных странах и не утративших связи со своим полком. Выдержка из такого документа дается ниже.

Именной список Дроздовского стрелкового полка:

Капитан Алексеев Михаил Григорьевич, умер.

Капитан Амброзевич Григорий Владимирович, Франция.

Подпоручик Амосийский Яков, Болгария.

Штабс-капитан Альбоций Алексей Иванович, Болгария.

Полковник Андреевский Леонид Иванович, Болгария.

Полковник Алексеев Михаил Иванович, Болгария.

Штабс-капитан фон Адеркас Михаил, Франция.

Капитан Бураковский Михаил Иванович, Сербия.

Капитан Букс Фриц Яковлевич, Латвия.

Капитан Бюро Александр Михайлович, Франция.

Полковник Бородин Федор Петрович, Франция.

Поручик Бычинский Александр Георгиевич, Франция.

Штабс-капитан фон Витте Николай Михайлович.

Поручик Веремей Федор Михайлович, Сербия.

Капитан Гоженко Николай Николаевич.

Капитан Долаков Игнатий Афанасьевич, Америка.

Капитан Дауэ Борис Арнольдович.

Штабс-капитан Замбржицкий Степан Викторович, Франция.

Священник Каракулин Федор Васильевич, Франция.

Полковник Колосовский Николай Николаевич, Франция.

Капитан Конради Морис Морисович, Франция.

Полковник Колтышев Петр Владимирович, Франция.

Генерал-майор Чеснаков Николай Владимирович, Франция.
Подполковник Чебанов Сергей Георгиевич.
Капитан Чижов Николай Павлович, Франция.
Подполковник Чебышев Борис Владимирович.
Капитан Щеглов Николай Дмитриевич, Франция.
Поручик Юрасов Николай Михайлович, Чехия.

Всего по списку проходит генералов, офицеров, чиновников, священников 556 человек, прикомандированных 343 нижних чина и 4 генерала. Список составлен 4 декабря 1926 года в Софии. Позднее в него вносились уточнения, от руки, или на пишущей машинке, как это видно с именами В.В. фон Манштейна или подпоручика З.С. Новицкого²¹.

По-разному сложились судьбы дроздовцев из этого списка. Капитан М. Конради в середине 1920-х годов записался во Французский иностранный легион и спустя несколько лет умер, проходя службу в одной из африканских колоний. Его имя прогремело на весь мир в 1923 году, когда в швейцарском городе Лозанне застрелили советского полпреда В.В. Воровского. Воровский был видным деятелем большевистской партии. В частности, в годы Великой европейской войны 1914–1918 годов, когда М. Конради сражался в рядах Русской армии против австро-германцев, В.В. Воровский был связующим звеном в цепи, по которой германский Генеральный штаб снабжал деньгами ленинскую партию, стремившуюся к поражению России в войне. В ходе судебного процесса в Лозанне по делу Конради и его единомышленника А. Полунина, защита представила документы, убедительно рисующие преступную роль большевиков, установивших в России диктатуру, опирающуюся на террор, насилие, ложь. В итоге суд оправдал русских офицеров, совершивших акт возмездия над большевиком Воровским. Спустя несколько лет на страницах европейских газет и журналов замелькало имя другого дроздовца – подполковника Федора Петровича Бородина. Приехавшего в австрийскую столицу Вену, русского офицера арестовала местная полиция, обвинив его в подготовке покушения на жизнь советского полпреда.

Как сообщала выходившая в Белграде газета «Русский военный вестник», «В сентября 1925 года, в Вене, по провокаторскому оговору неким Е. Щеченко, состоявшим ранее в чине поручика в Русской армии, ныне исключенным, были арестованы и преданы суду по обвинению в подготовке покушения на жизнь советского посла Берзина, Дроздовского стрелкового полка подполковник Бородин и воль-

ноопределяющийся Алексеевского пехотного полка Пихно. Вся вина подполковника Бородина заключалась в том, что он принял близкое участие в судьбе приехавшего в Вену Щеченко, как чина армии, и старался облегчить ему жизнь в новом месте на первых порах. Пихно оказался спутником Щеченко при переезде из Болгарии в Вену и первое время жил вместе с ним в одной гостинице.

Дело было назначено к слушанию в конце января месяца и окончилось оправданием того и другого. Защиту обоих взял на себя один из крупных местных адвокатов. Для сбора средств на ведение этого дела и на оказание пособия находящемуся в чрезвычайно тяжелом положении, из-за примененного к нему тюремного режима, подполковнику Бородину, генерал-лейтенантом Витковским была объявлена подписка в Болгарии, Королевстве СХС и Франции. Результаты сбора выразились в сумме левов 12 173, динар 540 и франков – 5. Как видно, русские воины чрезвычайно отзывчиво отнеслись к судьбе своих соратников, пострадавших от большевистских происков, и кто мог, пришел им на помощь своею посильною лептою»²².

Выпущенный на волю австрийскими властями подполковник Бородин уехал в Сербию. Спустя некоторое время дроздовцы собрали некоторую сумму ему на лечение. Предположительно вплоть до Второй мировой войны этот дроздовец жил в Сербии, дальнейшая его судьба не известна.

Так же по подписке дроздовцы собирали деньги на погребение генерал-майора В.В. фон Манштейна. Переехав в Софию бывший командир 3-го Дроздовского стрелкового полка очень бедствовал. Самостоятельно зарабатывать себе на жизнь он не мог из-за тяжелого ранения, полученного еще осенью 1918 года, в результате чего лишился левой руки. Отправиться в Русский инвалидный дом в той же Софии он по каким-то причинам не пожелал. Болгарское правительство назначило пенсию его отцу – «дедушке Манштейну», как его называли дроздовцы. Однако болгарская пенсия рассчитывалась лишь на самого ветерана Освободительной войны, каковым и был «дедушка Манштейн», но никак не на членов его семьи. Новый «Кубанский поход», ожиданием которого жило большинство чинов Русской армии, осевших в Европе, становился все более призрачным. Мысль об этом угнетала генерала В.В. фон Манштейна-младшего. Вдобавок его жена стала требовать развода. 19 сентября 1928 года генерал пришел вместе со своею супругой в парк Борисова градина, что находится в болгарской столице. Там

из револьвера он застрелил свою жену, после чего застрелился сам. Отпевали генерала в церкви Св. Николая-Чудотворца – бывшем храме Российского Императорского посольства, что и по сей день стоит на бульваре Царя-Освободителя в центральной части Софии. Место погребения генерала В.В. фон Манштейна-младшего не известно. Его отца, скончавшегося пятью годами позже, похоронили на Софийском городском кладбище, на участке № 91, специально выделенном болгарскими властями для погребения русских ветеранов Освободительной войны 1877–1878 годов.

Кое-кто из офицеров-дроздовцев фигурирующих в списке за 1925 год принял участие в Русском освободительном движении в годы Второй мировой войны.

Во второй половине 1930-х годов окончательно закрепились в тех или иных европейских городах действующие группы галлиполийцев, включая и дроздовцев. Переезды из страны в страну случались, но уже не так часто, как в предыдущие годы. В Чехословакии расселились относительно молодые дроздовцы, как правило те, кто получил или пытался получить высшее образование в чехословацких вузах. Среди них были генерал-майор В.Г. Харжевский, который параллельно с учебой в Горной академии в Пшибраме руководил галлиполийскими организациями в этой стране и еще ряд офицеров-дроздовцев. Те дроздовцы, кто не собирался учиться дальше, в большинстве своем так и остались на Балканах – в Болгарии и Югославии. Из тех, кто в середине 1920-х годов эмигрировал во Францию и Бельгию, а отчасти в Люксембург, большинство сумело приспособиться к местным условиям. Лишь меньшая часть чинов Русской армии вернулась на Балканы. Эти центры сохранялись вплоть до окончания Второй мировой войны. С ними продолжал поддерживать связь А.В. Туркул, равно как и с руководством РОВСа, чья штаб-квартира располагалась в Париже. Активно работал и III (болгарский) отдел РОВСа, возглавлявшийся генерал-лейтенантом Ф.Ф. Абрамовым. В этом отделе работали сам генерал Туркул и ряд других офицеров и генералов, проживавших в те годы в Софии. В частности, в болгарской столице в 1928 году проживали чиновник Погожев (после того как адъютант штаба Дроздовского стрелкового полка капитан Виноградов в середине 1920-х годов оставил воинскую службу, дабы посвятить себя служению Богу в духовном сане, должность адъютанта полка исполнил чиновник Погожев), полковник Медведев (Корниловский ударный полк), капитан Медведев (Марковский пехотный полк), полковник

Терлецкий (Алексеевский пехотный полк), полковник Гетц (Корниловский ударный полк), капитан Борисов (Марковский пехотный полк), подполковник Дылевский (Дроздовский стрелковый полк), полковник Карпинский (6-й артиллерийский дивизион), полковник Климович (Гвардейский отряд), полковник Фоменко (технический батальон), полковник Безак, подпоручик Чеботарев, подпоручик Назаров, генерал-майор Карабанов, капитан Игнатьев, капитан Алексеев, инвалид (Дроздовский стрелковый полк).

Дроздовские группы существовали в те годы в болгарских городах Габрово, Русе, Бургас, Варна, Мездра и других. Например дроздовская группа в Мездре объединяла в своем составе штабс-капитана А.И. Альбоция, капитана Хренова, штабс-ротмистра Хренова, корнета Лаврова и подполковника Жуковского.

В те годы многие дроздовцы обращались в своих письмах к своему командиру с просьбой подтвердить чинопроизводство, или помочь восстановить те или иные документы, погибшие при эвакуации из Крыма или при последующих переездах. Сам же А.В. Туркул также проявлял внимание и заботу в отношении своих подчиненных. В частности в 1920-х годах он переписывался с подпрапорщиком Валерианом Садовичем, тем самым «баклажкой», о котором говорится в книге «Дроздовцы в огне». После распыления армии, дроздовец В.Л. Садович вернулся в свои родные края – в Бессарабию, которая в то время входила в состав Румынии. В 1929 году он проживал в Кишиневе. Позднее Садович отправился из Румынии на Дальний Восток. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Еще несколько документов, отражающих жизнь дроздовцев в разных странах на рубеже 1920–1930 годов.

«20 марта 1929 года. Город Сухиндол, Болгария.

...Жизнь наша протекает тихо, скучно, однообразно. Работ почти нет. Сезонные работы еще не начались и начнутся не раньше апреля. Помня заветы наших великих вождей, завещавших нам любить Родину, все невзгоды мы сносим терпеливо»²³.

«Командиру полка

Рапорт

Доношу Вашему превосходительству, что в марте месяце никаких изменений в личном составе партии чинов полка в городе Сливен не произошло.

Поручик Коваленко. 4 марта 1929 года»²⁴.

«Ваше превосходительство!

Судьба нас, русских воинов, разбросала по всей вселенной за эти девять лет странствования, очень многие один другого потеряли из виду. Вероятно, и Вы меня не помните, но я постараюсь описать себя, может быть, и сможете вспомнить. Фамилия моя Скрыль, имя Поликарп. Почти с самого начала Гражданской войны я был Вашим товарищем и учеником. Последнее время занимал должность исполняющего должность командира 3-й роты 1-го Дроздовского полка. Во время Хорловской операции был тяжело ранен и эвакуирован в Севастополь. Больше в строй не возвращался.

Подумываю о том, что бы принять подданство, ибо надоело быть второстепенным гражданином, а если Бог даст, Вавилонская башня (жидовская) в Москве рухнет, легко будет отказаться от нового подданства и пойти служить своей Отчизне.

Очень уж не хочется, чтобы мою военную обязанность регулировали, сделав из меня рядового. А потому покорнейше прошу выдать удостоверение в том, что я в Севастополе был в чине штабс-капитана.

27 марта 1929 года. Пирот, Югославия»²⁵.

В ответ на это письмо генерал Туркул выслал удостоверение о производстве Поликарпа Скрыля в чин капитана в Севастополе в 1920 году.

Еще один документ из переписки генерала А.В. Туркула:

«Командиру полка

Рапорт

Доношу, что в миновавший период никаких существенных изменений в составе рабочих партий чинов вверенного Вам полка во Франции не произошло.

11 декабря в помещении Союза галлиполийцев был устроен благотворительный вечер, доход которого выразился в сумме 1240 франков, постановили обратить исключительно на поддержку нуждающихся в лечении инвалидов и больных чинов полка. Вечер посетил генерал Кутепов. Подписные листы на покрытие расходов по погребению генерал-майора Манштейна будут отправлены как только получу деньги с большинства.

Начальник группы чинов Дроздовского стрелкового полка во Франции штабс-капитан Булгаков.

4 января 1929 года»²⁶.

Увы, спустя годы после окончания боевых действий на территории России, дроздовцы продолжали терять своих боевых товарищей. Это и упоминавшейся только что генерал-майор В.В. фон Манштейн-младший, и застрелившийся в 1926 году в Болгарии полковник Е.Б. Петерс. О смерти подчиненных также докладывали командиру полка. Поскольку эти сведения из рапортов или информационных бюллетеней не публиковались, то имеет смысл привести здесь хотя бы часть имен дроздовцев, умерших или погибших в 1920-е годы, т.е. до того, как начал выходить в Париже журнал «Часовой».

18 февраля 1924 года в полковом околотке умер от туберкулеза легких вольноопределяющийся Бредихин, инвалид Красного Креста.

Подпоручик Дроздовского стрелкового полка Павел Чистяков умер 30 ноября 1925 года от увечий, полученных на работах на фабрике Аспарух в Габрово, и погребенный там же на местном кладбище. Исключен из списков полка согласно приказу генерала Туркула.

Подпоручик Дроздовского стрелкового полка Капустин умер в Праге 10 января 1925 года. Похоронен в Праге.

Дроздовец поручик Сергиевский погиб под колесами поезда в городе Зимуне (Сербия) в феврале 1925 года.

Подпоручик Дроздовского стрелкового полка Шуберт окончил жизнь самоубийством на mine Перник (Болгария) 28 декабря 1924 года.

Капитан Дроздовского стрелкового полка Муратов умер в ночь с 5 на 6 января 1925 года в городе Севлиево (Болгария) от разрыва сердца.

Подполковник Н.З. Елецкий, проживавший с середины 1920-х годов в городе Антиб на юге Франции, в рапорте на имя своего командира сообщал о смерти и похоронах их сослуживца полковника Голубятникова, последовавшей в июле 1930 года.

В 1928 году генерал-майор А.В. Туркул выезжал из Софии в Белград, где участвовал в похоронах Председателя РОВСа генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля.

В следующем, 1929 года, в усадьбе Тенар на юге Франции скончался Великий Князь Николай Николаевич младший.

В январе 1930 году советские агенты похитили генерала от инфантерии А.П. Кутепова в Париже. Незадолго до своего «исчезновения» генерал Кутепов обратился с почтограммой к генералу Туркулу.

«Почтограмма

Генерал-майору Туркулу

Поздравляю дорогих мне дроздовцев со знаменательным для них днем – 11-й годовщиной начала незабываемого Дроздовского похода – 26 января 1918 – 26 февраля 1929 года.

Шлю всем дроздовцам мой душевный привет.

Всегдашняя память о незабвенном шефе генерале Михаиле Гордеевиче и о всех дроздовцах, павших в борьбе за честь и достоинство русского народа, да послужит нам к облегчению перенесения нынешнего лихолетий и да даст нам силы дожидаться воскресения Родины в прежнем Ея величии и славе.

Генерал Кутепов

15 февраля 1929 года. Париж»²⁷.

По мнению генерала А.В. Туркула, после похищения агентами ОГПУ генерала А.П. Кутепова РОВС оказался в значительной степени обезглавленным, и теперь именно он должен играть одну из главных ролей в работе союза. Париж к тому времени стал едва ли не самым главным центром Зарубежной России. Одновременно Париж был и одним из главных центров мировой политики. В этих условиях у генерала Туркула созрело решение покинуть Болгарию. В сентябре 1931 года он вместе со своей семьей эмигрировал во Францию. В Болгарии оставался генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, во главе III (болгарского) отдела РОВСа. Перед отъездом генерал А.В. Туркул назначил старшим над всеми дроздовскими группами в Болгарии полковника В.П. Конькова.

Можно сказать, что с отъездом генерал-майора А.В. Туркула из Болгарии была перевернута «балканская» страница в истории дроздовцев, точнее, ее первая часть. Ибо после отъезда генерала Туркула в Париж оставшиеся в той же Болгарии и в соседней Югославии дроздовцы продолжали вести работу. Среди оставшихся в Болгарии дроздовцев следует отметить полковника В.П. Конькова, подполковника А.М. Низовцева, капитана К.А. Фосса. О последнем из них оставили интересные воспоминания братья Владимир и Павел Бутковы, ветераны РОВСа и Русского освободительного движения периода Второй мировой войны.

Чехословакия: от 1-й республики к протекторату

По данным международных организаций, в начале 1920-х годов в молодой Чехословацкой республике нашли убежище от 30 до 40 тысяч беженцев из России. Здесь они с разрешения местных властей создали отделы своих организаций, включая и военные. С начала 1920-х годов действовали Галлиполийское землячество, у истоков которого стоял поручик Г.И. Ширяев, Союз первоходников, Союз участников Великой войны, Союз русских военных инвалидов, объединение военных моряков – «Кают-кампания», казачьи организации – отдел Казачьего союза и Общеказачья студенческая станция.

Согласно «Вестнику общества галлиполийцев», к 1924 году всего в страну прибыло, преимущественно из Болгарии, около восьмидесяти галлиполийцев, что составляет более половины общего числа приехавших студентов. Большинство галлиполийцев поступило в высшие учебные заведения в Праге. Человек двадцать пять уехало в Брно и трое в Горную академию в Пшибрам²⁸.

Галлиполийскими организациями в Чехословакии руководил генерал-майор Владимир Григорьевич Харжевский, приехавший в страну в 1924 году для завершения образования из Софии. В Праге старшим галлиполийской группы был капитан Дроздовского стрелкового полка Павел Михайлович Трофимов. Союз Инвалидов возглавлял генерал-лейтенант Генерального штаба Михаил Григорьевич Михеев (председатель). Его заместителем был генерал-майор Леонтий Николаевич Черкес. Военных моряков в Праге возглавлял лейтенант М.С. Стахевич.

Большинство этих организаций входило в структуры VI отдела РОВСа, возглавлявшегося жившим в Праге генералом от инфантерии Николаем Александровичем Ходоровичем. Не игравший активной роли в Белом движении в годы Гражданской войны, этот пожилой русский генерал пользовался большим уважением среди чешских военных, в недавнем прошлом служивших в рядах чешских легионов в России. Именно генерал Ходорович, служивший в годы Великой европейской войны в Киеве, занимался формированием чехословацких добровольческих дружин.

Галлиполийцы стали прибывать в Чехословакию, начиная с 1921 года. Это были главным образом офицеры и добровольцы военного времени, в недавнем прошлом студенты или гимназисты. Одним из первых студентов-галлиполийцев в Прагу приехал инже-

нер-поручик Павел Федорович Умрихин. До войны он учился в Харьковском политехническом институте, окончив артиллерийское училище в Киеве, участвовал в Великой войне. После развала армии вернулся в Харьков, где пытался продолжить учебу. После освобождения Харькова Добровольческой армией, он вступил добровольцем в Дроздовский артиллерийский дивизион, позднее перевелся в железнодорожный батальон. В Галлиполи он служил в составе Технического полка²⁹.

В конце 1921 года с разрешения командования П.Ф. Умрихин уехал с женой и сыном в Прагу, чтобы закончить образование, прерванное войнами и революциями.

В конце октября того же 1921 года в Прагу на средства командования убыл из Болгарии штабс-капитан 3-й батареи Дроздовского артдивизиона Георгий Алексеевич Орлов. Здесь он успешно закончил Политехнический институт по специальности инженер-строитель. Все эти годы он был активистом русской студенческой организации, а позднее, работая инженером-строителем, обзаведясь семьей, играл активную роль в пражском Галлиполийском землячестве³⁰.

После переезда в Брно первого председателя – поручика Ширяева, возглавителем Галлиполийского землячества в Праге был назначен уже упоминавшийся капитан П.М. Трофимов. Он тоже был офицером военного времени. В Великую войну воевал в 14-м стрелковом полку прославленной «Железной» дивизии. В дальнейшем – участник всех боев и походов Дроздовской дивизии. Был неоднократно ранен. В Прагу капитан Трофимов приехал в 1923 году. Участь в Железнодорожном училище, руководя Галлиполийской группой в Праге, он одновременно состоял в боевой организации генерала А.П. Кутепова.

В конце 1929 года, выполняя боевое задание РОВСа, капитан Трофимов нелегально перешел советскую границу, был схвачен чекистами и погиб. Как вспоминал спустя много лет подпоручик Дроздовского артдивизиона Д.Ф. Пронин, перед самым переходом советской границы он имел возможность предупредить своего однополчанина о предполагаемом предательстве со стороны иностранной разведки. Но скромный и храбрый капитан Трофимов только ответил: «Я имею приказ...»³¹.

Несколько лет тому назад мне довелось ознакомиться с извлечением из списка Дроздовского стрелкового полка, сведенного в кадр и включенного в списки Русского общевойскового союза.

Итак, чины Дроздовского полка, проживавшие в Чехословакии в 1925 году:

Фридман Александр Карлович, полковник, Чехия, Прага.

Трофимов Павел Михайлович, капитан, Чехия, Прага, старший группы.

Харжевский Владимир Григорьевич, генерал-майор, Чехия, Пшибрам.

Юрасов Николай Михайлович, поручик, Чехословакия.

Санин Петр Ильич, вольноопределяющийся, Чехия, Прага.

Бычихин Алексей Афанасьевич, подпоручик, Чехия, Прага.

Дроздов Борис Васильевич, доктор, Чехия, Прага.

Добрянский Владимир Андреевич, ветеринарный врач, Чехия.

Дмитриев, подпоручик, Чехия.

Иванов Дмитрий Михайлович, капитан, Брно, Моравия.

Лупенко (Луценко?) Иван Леонтьевич, подпоручик, Чехия.

Раевский Николай Алексеевич, капитан, Чехия, Прага.

Шапиловский Владимир Павлович, полковник, Чехия, Прага.

Шариков Семен Сергеевич, штабс-капитан, Чехия, Прага.

Терехов Степан Тихонович, канонир, Чехия, Прага.

Попов Николай Александрович, лекарь, Чехия.

Никольский Василий Константинович, капитан, Чехия, Прага.

В фондах Дроздовского стрелкового полка в Государственном архиве Российской Федерации сохранился интересный документ, характеризующий капитана П.М. Трофимова. В письме от 3 августа 1929 года офицер-дроздовец просил о содействии в получении стипендии Уитмора для продолжения образования во Франции вольноопределяющегося-дроздовца Стороженко Леонида Максимовича, родившегося 3 августа 1903 года, уроженца Киевской губернии, окончившего в 1929 году русскую гимназию в Чехии. Неизвестно, помогли хлопоты капитана Трофимова, но доподлинно известно, что в конце 1930-х годов инженер Строженко состоял в Галлиполийском землячестве Праги. Значит, высшее образование он получил.

Как видно из приведенного списка, в составе чехословацкой дроздовской группы были представлены как ядро дроздовских частей – первопоходники, участвовавшие в Румынском походе, так и последующие пополнения, поступавшие в ряды дроздовцев в 1918–1920 годах. Из ветеранов Румынского похода в Праге обосновались генерал Харжевский, полковники Фридман и Шапиловский, капитаны Павлов и Трофимов. Пополнение «харьковского призыва»

было представлено капитаном Студенцовым, поручиками Умрихиным и Юрасовым, подпоручиком Диким. Капитан Раевский попал в Дроздовский артиллерийский дивизион в начале 1919 года, после того как Южная армия была объединена с Добровольческой армией. В Южной армии Раевский воевал с осени 1918 года. В Праге Н.А. Раевский блестяще закончил естественный факультет Карлова университета. В 1930 году защитил докторскую диссертацию. В том же году он подготовил свой «Дневник галлиполийца», который передал в Пражский архив. Не замыкаясь на науке и на своих пушкиноведческих изысканиях, Н.А. Раевский сотрудничал в русской гимназии и организацией «витязей». В 1928 году генерал А.В. Туркул написал письмо Раевскому в Прагу с просьбой собрать деньги на венки от дроздовцев для похорон генерала барона П.Н. Врангеля. Из Чехословакии в 1930-х годах Раевский выезжал во Францию и в Австрию. Он состоял в РОВСе и Галлиполийском землячестве.

После гибели капитана Трофимова, Галлиполийскую группу в Праге возглавил штабс-капитан Орлов, со временем произведенный в капитаны.

Следует отметить, что среди галлиполийцев, приехавших в Прагу, включая дроздовцев, преобладали чины, имевшие технические специальности, в первую очередь артиллеристы. Правда, в дальнейшем некоторые из них освоили новые профессии, далекие от точных наук. Например, полковник Владимир Павлович Шапиловский участвовал в Румынском походе, будучи в чине капитана по артиллерии, командуя орудием в составе конно-горной батареи. В Праге он стал преподавателем русского языка и литературы. В Чехословакию он приехал со своей супругой – Елизаветой Александровной, урожденной Андреевской. Е.А. Шапиловская, по специальности зубной врач, в войну стала сестрой милосердия, а в дальнейшем и врачом Дроздовской стрелковой дивизии. Артиллеристами были и другие дроздовцы, например подполковник Николай Алексеевич Раевский и капитан Виктор Михайлович Иванов. Артиллерист Н.А. Раевский, вместе со своим однополчанином Шиловым еще в Галлиполийском лагере вел у дроздовцев занятия французским языком³². В.М. Иванов, получив диплом инженера-строителя, перед Второй мировой войной служил инженером в Брно, в строительных фирмах³³.

В Пильзене жил и работал на заводе «Шкода» Георгий Александровский, в прошлом мичман флота, позднее в чине подпоручика он участвовал в летних боях в Северной Таврии, в составе офи-

церской роты Дроздовского стрелкового полка³⁴. По словам знавших его русских, даже среди бывших офицеров инженер Александровский выделялся своим решительным характером и выправкой.

С 1924 года в Чехословакии жил генерал-майор Владимир Григорьевич Харжевский. Великая война застала его студентом Екатеринбургского горного института в Санкт-Петербурге. Харжевский был призван в 1914 году на военную службу вновь, будучи прапорщиком запаса армейской пехоты. В 1920 году, уже в Крыму, генерал барон П.Н. Врангель произвел его в генеральский чин. Он же, будучи дипломированным инженером-горняком, обращаясь к своему подчиненному – студенту-горняку, в шутку величал его коллегой, напоминая себе и ему о годах учебы в Горном институте.

Именно генерал В.Г. Харжевский возглавил Дроздовскую дивизию во время последних боев в Крыму, на Юшуньских позициях, когда ее начальника, генерала А.В. Туркула, свалил с ног приступ возвратного тифа. Тогда, в октябре 1920-го года, дроздовцы, изможденные, голодные, промерзшие, трое суток сдерживали у Караджая красных, после чего они еще нашли силы двинуться в последнюю контратаку под командованием генерала Харжевского.

Можно сказать, что за десять лет, т.е. с начала Великой войны, Владимир Григорьевич стал профессиональным военным. И вот теперь он снова стал студентом³⁵.

Снова стал учиться в Праге и однополчанин В.Г. Харжевского, капитан Дроздовского стрелкового полка, пулеметчик, Александр Константинович Павлов. В 1914 году он тоже был студентом – познавал точные науки на математическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета³⁶.

Однако у большинства галлиполийцев учеба, профессиональные, бытовые, семейные заботы, как правило, отходили на второй план по сравнению с главной целью, ради которой они приехали в дружественную Чехословакию. Эта цель заключалась в надежде на возобновление вооруженной борьбы против советов. Они стремились не стать кем-то, а остаться русскими. Они считали себя не отставниками, а всего лишь находящимися в длительном отпуске. Что же касается знаний, полученных в чехословацких вузах, то они будут непременно востребованы, когда они вернутся в Россию, освобожденную от гнета Совдепии.

Как уже говорилось, Галлиполийскими организациями в Чехословакии руководил генерал-майор Харжевский, успешно окончивший Горную академию в Пшибраме, маленьком городе, пример-

но в ста километрах от Праги. Получив диплом и устроившись работать по специальности, он постоянно жил в Праге. Здесь его ближайшими помощниками были офицеры-дроздовцы Г.А. Орлов, А.К. Павлов, Г.В. Студенцов, А.К. Фридман и некоторые другие. О последнем из них хотелось бы здесь сказать особо.

Пражские галлиполиейцы относились к нему с большим уважением – многим из них, включая и генерала Харжевского, он по возрасту годился в отцы. Александр Карлович Фридман, уроженец Полтавской губернии, происходил из обрусевших немцев. Окончив гимназию, он поступил в Чугуевское военное училище, решив, таким образом, связать свою судьбу с Русской Императорской армией. Совсем молодым офицером одного из Сибирских стрелковых полков, он принял участие в походе на Пекин при подавлении восстания «большого кулака» в 1900–1901 годах. Спустя несколько лет после пекинского похода, поручик Александр Фридман принял участие в Русско-японской войне в рядах Маньчжурской армии. В Великую войну Александр Карлович воевал в рядах 12-го стрелкового полка на Юго-Западном, Северо-Западном и Румынском фронтах. Был награжден всеми орденами, которыми награждались офицеры-фронтовики, до ордена Св. Владимира 3-й ст. включительно. Левый рукав его офицерского кителя украшали четыре галуна золотистого цвета – за два серьезных ранения и две контузии. Последний чин и должность на Великой войне – полковник, командир 494-го Верейского пехотного полка³⁷. Осенью 1917 года, подлечившись в Ялте, он выехал из Крыма вместе со своим денщиком в свой полк. По дороге на фронт он узнал, что части Румынского фронта «украинизируются» и «молдавизируются». В частности, 494-й Верейский пехотный полк «молдавизируется». В прифронтовой полосе у полковника Фридмана приключился инцидент с группой разложившихся русских солдат, которые, в полном соответствии с нововведениями «главковерха» товарища Н.В. Крыленко, потребовали от боевого офицера снять погоны. С трудом, благодаря находчивости денщика, конфликта удалось избежать. Выяснив обстановку в районе Румынского фронта от знакомого офицера полковника Николая Карловича Кельнера, полковник Фридман со своим денщиком направился в Яссы, где присоединился к полковнику М.Г. Дроздовскому³⁸.

Во время Румынского похода Александр Карлович служил в составе штаба полковника Дроздовского, во 2-м Кубанском походе командовал ротой стрелков, в дальнейшем был помощником командира 1-го генерала Дроздовского стрелкового полка.

После того, как началось «распыление» Русской армии из Болгарии, полковник Фридрих со своей супругой Верой Александровной, урожденной Андреяновой, уехал в Чехословакию. Почему была выбрана именно эта страна? Супруга Александра Карловича была сестрой милосердия Дроздовской дивизии. Возможно после Крымской эвакуации, в Константинополе, или в Болгарии, она получила профессиональную подготовку в качестве воспитательницы детского сада. В начале 1920-х годов, в рамках «Русской акции» чехословацкого правительства во главе с премьер-министром доктором К.П. Крамаржем, детские учреждения Земгора переехали из Константинополя в Чехословакию. Они были организованы еще летом 1920 года, когда в Турции оказались многие русские гражданские беженцы, в том числе и дети, потерявшие своих родителей.

Организованными в Праге русскими детскими садами и яслями руководила уроженка Москвы О.А. Мейнгардт, родная сестра судейского генерала Г.А. Мейнгардта – товарища министра юстиции правительства Юга России и члена парижского русского Национального комитета. Среди сотрудниц и помощниц О.А. Мейнгардт были жены галлиполийцев – инженер-поручика Умрихина и полковника Фридриха³⁹. Согласно книге Постникова «Русские в Праге», в конце 1920-х годов Вера Александровна Фридрих руководила русским детским садом в пражском пригороде Голешовицы⁴⁰. Причем в книге Постникова отмечалось, что все руководительницы и воспитательницы детских садов имеют специальную педагогическую подготовку. На этом поприще супруга полковника Фридриха проработала буквально до последних дней своей жизни.

Ее старшая сестра – Елизавета Александровна со своим супругом полковником Шапиловским, поселилась в Страшницах под Прагой. Она стала работать по своей основной специальности – зубной врач. К ней за помощью обращались многие русские, жившие как в самой Праге, так и в ее пригородах. Зачастую русские пражане привозили к ней лечиться и своих детей.

Сам же полковник В.П. Шапиловский, потерявший на войне ступню и часть голени, устроился работать преподавателем русского языка и литературы. Со временем он получил звание профессора. Несмотря на свое увечье, Владимир Павлович состоял в РОВСе и был членом Правления Чехословацкого отделения Союза русских военных инвалидов⁴¹.

Проблемы с трудоустройством были у Александра Карловича Фридриха. Кадровый офицер-строевик, он не мог поступить на во-

енно-преподавательскую работу, как профессор Военной академии, генерал-майор Генерального штаба П.Ф. Рябиков, или полковник-генштабист А.М. Шкеленко, принятый в офицерском чине на службу в чешский Военно-топографический институт. На строевую должность, как полковники К.Л. Капнин, или князь С.Д. Гегелашвили, он также претендовать не мог. Становиться студентом, как его молодые однополчане, он не мог по причине преклонного возраста – родился в 1876 году. Поэтому когда знакомые русские пражане предложили ему какую-то мелкую должность, не требовавшую специальной профессиональной подготовки в Русском зарубежном архиве, он охотно согласился.

Несмотря на преклонный возраст, полученные на войне ранения и контузии, старый полковник-дроздовец по мере сил и здоровья участвовал в работе Галлиполийского землячества в Праге. Его супруге – Вере Александровне, состоявшей в Дамском комитете Землячества, неоднократно объявлялась благодарность за организацию Рождественских елок для детей. Благодарности объявлялись неоднократно и другим дамам-галлиполийкам – матери князя С.Д. Гегелашвили княгине Анне Еноховне и сестре князя госпоже К.Д. Асеевой.

Спустя много лет, русская пражанка, дочь профессора П.Ф. Милويدова Н.П. Мейнгардт, хорошо знавшая чету Фридманов, писала в частном письме: «Это были милейшие люди. Когда во время войны детский сад был переведен в район на запад от Дейвиц, он расположился в большой вилле, где проживали и Фридманы. У них была большая комната, с образами в красном углу, портретом Государя на стене и воинскими отличиями и регалиями самого Александра Карловича за стеклом в рамках. Александр Карлович был небольшого роста, худощавый, с седыми усами, закрученными по-немецки вверх»⁴². В книге дроздовца-артиллериста С. Мамонтова «Походы и кони» дан словесный портрет полковника Шапиловского, женатого на старшей сестре Веры Александровны Елизавете Александровне: «Шапиловский, рыжий, маленького роста, косоглазый, походил на лихого пирата. Но его ценили и уважали за его храбрость».

Иначе складывалась жизнь в Праге дроздовца капитана А.К. Павлова. В Прагу он приехал из Болгарии вместе с женой и маленьким сыном, родившимся в Севастополе накануне эвакуации. Сам офицер-дроздовец был привезен в Севастополь на телеге тяжело раненым в одном из последних боев, очевидно, у Карповой Балки. Так они вместе эвакуировались из Крыма.

Супруга капитана Павлова – Нина Григорьевна Коваленская, будучи старше его на несколько лет, успела еще до революции состояться как драматическая актриса на сцене Санкт-Петербургского Александринского театра.

Вскоре после переезда их семьи из Болгарии в Чехословакию, Нина Григорьевна с маленьким сыном уехала в Латвию, где два сезона играла на сцене русского театра в Риге⁴³. Несомненно, в Латвии в те годы был значительный интерес к русской культуре, который поддерживался как русскими, живущими в Латвии, так и пророссийски настроенными латышами. Ведь не прошло и десяти лет с тех пор, как Курляндия и Лифляндия были российскими губерниями.

В середине 1920-х годов Нина Григорьевна по настоянию супруга вернулась в Прагу. Вскоре у них родилась дочь Ирина. Их семья, как и семьи многих русских беженцев, жила в пражском пригороде Страшницы. Многие русские жили в пражском районе Дейвицы. В этом районе русскими инженерами в 1920-е годы было построено шесть жилых домов для своих же соотечественников. Два назывались «Патриотика», в одном из них жил со своей семьей галлиполиец инженер Георгий Антонович Губин, принимавший участие в их строительстве. Два других дома в шутку назывались «У трех жуликов». И, наконец, два «Профессорских».

В подвале одного из «Профессорских» домов был оборудован лекционный зал. Там же проводились и занятия для детей русских пражан. Уроки Закона Божия вел Архимандрит Исаакий. Об этом удивительном человеке я впервые узнал из публикации в журнале «Юность», в далеком теперь «перестроечном» 1990 году. Тогда, читая очерк «Последние из Тшебовы», я и не мог предположить, что спустя несколько лет буду стоять на службе в домовый церкви на Рузвельтовой улице, где когда-то вел свои уроки отец Исаакий, и буду расспрашивать старых русских пражан, тех, кто в 1930-х годах эти уроки посещал. В старых эмигрантских изданиях «Часовом», «Вестнике общества галлиполийцев», в те годы его имя встречалось неоднократно⁴⁴.

Архимандрит Исаакий – в миру Иван Васильевич Виноградов, родился в 1895 году в Санкт-Петербурге. Его семья, многодетная и бедная, была близка к Св. и Пр. Иоанну Кронштадтскому. Очевидно, это обстоятельство повлияло на выбор будущего пастыря – он поступает в столичную Духовную академию. Учебу прервала начавшаяся в 1914 году Великая война. После окончания 2-го курса в

1916 году студент Виноградов был призван на военную службу⁴⁵. Октябрьский переворот застал его на Румынском фронте, в чине прапорщика армейской пехоты. Там он вступил в Отряд полковника М.Г. Дроздовского и рядовым стрелком в составе офицерской стрелковой роты проделал Румынский поход. В 1918–1920 годах он участвовал во всех боях и походах Дроздовской дивизии. Был трижды тяжело ранен. Военную службу закончил в чине капитана. В перерывах между боями Виноградов находил время, силы и вдохновение для сочинения стихов, которые он и его однополчане пытались переложить на музыку. За это его в шутку называли «лейб-поэтом полка».

После «Галлиполийского сидения» в составе Дроздовского стрелкового полка Иван Виноградов переехал в Болгарию. В составе штаба Дроздовского стрелкового полка он прибыл в Софию, где в течение некоторого времени продолжал выполнять обязанности адъютанта штаба полка. Документы штаба за 1925–1926 годы заверены подписями генерала Туркула и капитана Виноградова. В 1926 или в 1927 году капитан Виноградов оставил военную службу. На должности адъютанта штаба полка его сменил чиновник Погожев. Сам же он уехал из Софии в Париж.

В Париже, приняв монашеский постриг с именем Исаакия, он успешно закончил Православный Богословский институт и в 1929 году, по благословению митрополита Евлогия, отправился в Прагу в помощь владыке Сергию архиепископу Пражскому. Вскоре отца Исаакия узнала и полюбила вся русская Прага. Владыка Сергей по праву считал его своею правой рукой. «Умница, дипломат, самоотверженный работник», – так отзывались о нем знавшие его люди. Ко времени приезда в Прагу отцу Исаакию было немногим более 30 лет. Сохранивший офицерскую выправку и стройность, в черной монашеской рясе и клобуке, он невольно привлекал к себе внимание прихожан, а в особенности прихожанок.

Помимо пастырского служения и преподавания Закона Божия, отец Исаакий вошел в состав Совета храма Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах, который начал сооружаться русскими эмигрантами в 1924–1925 годах. Несмотря на усилия наших соотечественников и помощь, которую оказывал премьер-министр Чехословакии К.П. Крамарж, строительство и украшение храма затягивалось, и полностью работы над украшением были завершены лишь в начале 1940-х годов. Свою лепту в это Богоугодное дело внес и отец Исаакий⁴⁶.

Участвовал он и в общественной жизни русской колонии. По некоторым сведениям, он был духовником пражского Галлиполийского землячества. Так, в 1933 году, при открытии в Праге съезда представителей Галлиполийских организаций в Чехословакии, отец Исаакий и отец Михаил (в миру – офицер-галлиполиец, сын знаменитого русского художника В.М. Васнецова) отслужили молебен. При открытии съезда отец Исаакий прочитал проповедь⁴⁷.

В 1936 году в Успенской церкви на Ольшанах была открыта памятная доска Королю-Рыцарю. Так русские эмигранты называли Сербского монарха Александра I Карагеоргиевича, друга России, погибшего двумя годами раньше от пуль хорватского террориста. Торжественный чин освящения доски был сослужен Его Преосвященством епископом Пражским Сергием, в сослужении с Игуменом Исаакием и отцом Михаилом Васнецовым. Отец Исаакий при освящении доски в память Александра I сказал глубоко прочувствованное слово. При упоминании имени Короля Александра, последнего друга России, многие не могли удержаться от слез⁴⁸.

Вместе со своими боевыми товарищами отец Исаакий участвовал в Днях непримиримости и скорби, ежегодно проводившихся в 1930-х годах по всему Русскому Зарубежью. На торжественно-траурных мероприятиях служились панихиды по бесчисленным жертвам советского режима, а затем выступали ветераны – белые войны, с оружием в руках сражавшиеся с поработителями России. В частности, одно из таких собраний состоялось в ноябре 1933 года в Праге. Присутствовавшим особенно запомнилось выступление капитана Дроздовского артдивизиона Георгия Алексеевича Орлова, председательствовавшего на этом собрании. В своем выступлении он в частности сказал:

«Мы должны постоянно и непрерывно укреплять в себе дух абсолютной непримиримости к большевистскому режиму, не меняя свое отношение к нему под впечатлением его призрачных “успехов”».

Далее Г.А. Орлов указал на задачи второго и третьего эмигрантского поколения. Этим поколениям предстоит преемственно взять на свои плечи ответственность за судьбы русских за рубежом в условиях наиболее трудных, наиболее неблагоприятных. По окончании собрания в храме Св. Николая, что на Староместской площади, была отслужена панихида по всем жертвам большевистского режима⁴⁹.

С тех пор прошло уже более шестидесяти лет. Давно нет в живых ни самого капитана Г.А. Орлова, ни его верной супруги Ната-

лии Владимировны. В тихой, уютной и благополучной Швейцарии живет и работает сын офицера-дроздовца Вадим Георгиевич Орлов. Помнит ли он заветы своего отца?

Во второй половине 1930-х годов Дни непримиримости и скорби в европейских странах стали проводиться с меньшим размахом. Это произошло как вследствие демаршей со стороны советских дипломатов, так и под воздействием времени, которое русских эмигрантов мирило с эмигрантской долей, кого в большей, а кого в меньшей степени, и отодвигало возвращение на Родину на все более неопределенный срок.

В связи с этим интересно будет вспомнить, что одно время в Праге полпредом СССР был видный деятель большевистской партии А.Я. Аросев (1890–1938). Именно он отдал приказ об обстреле из артиллерийских орудий Московского Кремля в октябре 1917 года. Как писала его дочь Н.А. Аросева в своих воспоминаниях об отце, когда в большевистском ВРК встал вопрос о том, кто возьмет на себя ответственность за приказ об обстреле Кремля, большевик А.Я. Аросев сказал: «Ладно. Я возьму»⁵⁰. Последствия этого варварского обстрела теперь хорошо известны благодаря книге владыки Нестора Архиепископа Камчатского «Как был расстрелян Московский Кремль».

В годы Гражданской войны Аросев служил в Красной армии на комиссарских должностях и в военных трибуналах. В середине 1920-х годов, он, как и некоторые другие видные деятели большевистской партии, оказался в рядах троцкистской оппозиции. Тот раунд борьбы за власть троцкисты проиграли, и некоторые из них попали в почетную дипломатическую ссылку. На берега Влтавы попал А.Я. Аросев. Здесь он развернул кипучую деятельность, стараясь натравить чехословацкие власти на русские эмигрантские организации, в первую очередь, воинские.

Для этого использовались как официальные дипломатические каналы, так и просоветски настроенные круги чешского общества, в первую очередь коммунисты. Порой действия А.Я. Аросева приобретали вид прямого вмешательства во внутренние дела независимой и суверенной Чехословацкой республики. Так, например, советский полпред не раз обращал внимание президента республики доктора Эдуарда Бенеша на недопустимость поддержки чехословацким правительством русских белоэмигрантских организаций. Аросев также выражал свое недовольство участием официальных лиц с чехословацкой стороны в панихиде по жертвам большевист-

ского террора, в вечере «Общества галлиполийцев», в Съезде русских воинов-инвалидов»⁵¹.

Для большевика Аросева, таким образом, Гражданская война продолжалась. Сам факт – наличие тысяч и тысяч жертв красного террора времен Гражданской войны, его не возмущал. А вот присутствие чешских официальных лиц, еще раз напоминающих об этом терроре, вот это, по мнению советского дипломата, было возмутительно! Помощь русским инвалидам – то же самое. Ведь в 1920-х годах в СССР советские чинуши с партийными билетами именовали инвалидов Второй Отечественной (Великой) войны «николаевскими отбросами».

Позднее, в 1937 году А.Я. Аросев был арестован, а в 1938 году расстрелян своими же красными чекистами.

Под стать ему были и его предшественники – советские полпреды в Чехословакии В.А. Антонов-Овсеенко и П.Н. Мостовенко. Первый из них был руководителем захвата Зимнего дворца и ареста Временного правительства. В начале 1918 года Антонов-Овсеенко командовал одной из большевистских армий, оперировавших на Юге России. Именно его армия заняла тогда Ростов-на-Дону. Пребывание в городе красногвардейцев этого «героя Октября» ознаменовалось массовыми арестами, грабежами и бессудными расстрелами, в первую очередь бывших офицеров и казаков. Как крупный советский и партийный работник В.А. Антонов-Овсеенко принял участие в разработке и осуществлении карательных мер на Тамбовщине в 1920–1921 годах, когда там восстали против грабительской советской аграрной политики крестьяне. Он был одним из создателей в тех краях системы концентрационных лагерей, заложников и применения тактики «выжженной земли». После Гражданской войны он одно время занимал в Москве высокий пост начальника Главного политического управления Красной армии и Красного флота. Прага стала для него первым этапом в почетной дипломатической ссылке. Он, как и А.Я. Аросев, также оказался в рядах троцкистской оппозиции. Его сын – советский историк А. Ракитин – утверждает, что в Праге группа белогвардейцев-эмигрантов под руководством полковника Преображенского готовила покушение на В.А. Антонова-Овсеенко. По каким-то причинам покушение сорвалось⁵². В таком случае можно только посочувствовать. Если бы Антонов-Овсеенко погиб в Праге в 1920-х годах, на своем боевом дипломатическом посту, то он удостоился бы чести быть похороненным на «красном погосте» у Кремлевской стены и

был бы внесен в пантеон чтимых советских героев, наряду с В. Воровским и П. Войковым (Вайнером). Судьба распорядилась иначе. Арестованный и ошельмованный, он был расстрелян своими же в годы сталинского «большого террора».

Похожую биографию имеет и другой советский дипломат П.Н. Мостовенко – активный участник октябрьского восстания в Москве в 1917 году. Его ждал тот же позорный конец.

Несмотря на происки и интриги врагов, экономические неурядицы и житейские невзгоды, можно утверждать, что вплоть до 1939 года русская колония в Праге и в Чехословакии в целом была одной из наиболее сплоченных в Русском Зарубежье. В первую очередь это относилось к военным. В 1920–1930-е годы чинов РОВСа и галлиполийцев неоднократно инспектировали тогдашние руководители русской воинской эмиграции в лице генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера. Одна из таких поездок была предпринята в начале 1929 года.

«1 марта 1929 года генерал Кутепов прибыл в Прагу. Чины РОВСа устроили банкет, на котором присутствовали генерал Ходорович, председатель Союза инвалидов генерал Михеев, профессора Императорской военной академии генерал-майор Рябиков и Иностранцев, генерал-майор Харжевский, капитан 1-го ранга Подгорный, полковник Бигаев и до 250 офицеров, солдат, казаков и матросов, в большинстве своем в настоящее время являющихся студентами»⁵³.

Очевидно, в то время в Праге и ее пригородах проживало несколько сотен чинов Императорской и белых армий, состоявших как в РОВСе, так и в Корпусе Императорской армии и флота, как например генерал Н.Н. Шиллинг. Не состояли в воинских организациях отцы Исаакий и Михаил Васнецов. Некоторые русские офицеры и генералы, принятые на военную службу в Чехословакии, также, как правило, в русских воинских организациях не состояли. Например, полковник Генерального штаба А.М. Шкеленко. По протекции своего давнишнего сослуживца, чешского генерала В.В. Клецанды, он был принят на службу в Военно-топографический институт военного министерства. На военную службу был принят и полковник Генерального штаба К.Л. Капнин – бывший начальник штаба Корниловской ударной дивизии. Генералу В.Н. Шокорову чешское правительство назначило пенсию как бывшему начальнику чешских легий в России. По эмигрантским меркам пенсия была вполне сносной. Возможно поэтому Владимир Николаевич вел об-

раз жизни частного лица, ни в каких организациях не состоял и в общественной жизни русской колонии участия не принимал.

Не участвовал в общественной жизни и генерал С.А. Воронин – старый и больной человек. Он жил в Праге с женой и дочерью, и им не хватало денег даже на лекарства. В бедности он и умер еще в 1926 году.

Что же касается «цветных» коллег дроздовцев, то в общественной жизни русской колонии в Праге большую роль играла семья Асеевых – Гегелашвили. Старые русские пражане до сих пор вспоминают госпожу Клеопатру Давыдовну Асееву (урожденную княжну Гегелашвили) и ее брата князя Соломона Давыдовича Гегелашвили, полковника Корниловской артиллерийской бригады. С этой семьей был дружен отец Исаакий. Они приехали с Балкан в 1924 году. Князь Гегелашвили – кадровый офицер-артиллерист, был принят на службу в Чехословацкую армию, где со временем дослужился до чина майора. Одновременно он состоял в РОВСе и Союзе галлиполийцев. Его сестра Клеопатра Давыдовна принимала деятельное участие в Дамском комитете Галлиполийского землячества в Праге. Она часто открывала балы галлиполийцев. Здесь в Праге прожила оставшиеся годы и их мать – старая генеральша княгиня А.Е. Гегелашвили. В Праге учился ее внук, сын К.Д. Асеевой, Константин Асеев, фейерверкер Корниловской артиллерийской бригады. Во время Гражданской войны он сбежал из дома в Добровольческую армию. За уничтожение большевистского танка он получил Георгиевский крест из рук самого генерала А.П. Кутепова. В начале 1990-х годов с ветераном-корниловцем встречался в Аргентине известный русский писатель П.Г. Паламарчук⁵⁴. Яркий след оставили и братья Копецкие – офицеры-корниловцы. Платон Васильевич Копецкий долгие годы учительствовал в русской гимназии в городе Моравская Тшебова, недалеко от Праги. Там была сплоченная русская колония, просуществовавшая вплоть до конца Второй мировой войны. Его брат Леонтий, практически с самого начала их пребывания в Чехословакии живший в Праге, со временем стал известным ученым и преподавателем.

Как правило, для разного рода торжественных мероприятий в Праге городские власти охотно предоставляли русским эмигрантам помещения и залы. Для каких-либо повседневных встреч, и, как сказали бы сейчас, для делового общения, у галлиполийцев были свои помещения. Они арендовали их в центре Праги в здании на Малой Штепанской улице, которая расположена между костелом

Св. Короля Стефана и Новоместской площадью. В этом здании размещались Галлиполийское землячество, кружок Георгиевских кавалеров, собирались военные моряки и казаки.

Для пополнения своих скромных средств галлиполийцы вскладчину купили легковой автомобиль, использовавшийся в качестве такси, а на первом этаже открыли ресторан «Огонек», который также давал определенный доход.

В дом на Малой Штепанской приходили не только те, кто жил в самой Праге – в Дейвицах, частично на Панкраце и в Виноградах, но и те, кто жил в пражских пригородах – в Голешовицах, Розтоках, Страшницах. Приезжали и галлиполийцы, жившие в других городах – в Брно, Пльзене, Братиславе. Нередко между ветеранами вспыхивали жаркие споры на встречах в Галлиполийском собрании, когда вспоминали бои и походы Гражданской войны. Пожилой русский пражанин, сын донского казака вспоминал, как на его глазах разгорелся такой спор между казаками и добровольцами. Вспоминали Новороссийскую эвакуацию. Спорили горячо. Бросались упреки: «Это вы, первыми бросились к воде, в порт... А мы, донцы, еще двое суток сдерживали красных!»

Несмотря на благожелательное в целом отношение чешских властей к русским беженцам, в частности это выразилось в выплате стипендий русским студентам и пособий по безработице, они жили надеждами на возвращение на Родину. Хотя к началу Второй мировой войны русским удалось более или менее наладить по эмигрантским меркам жизнь, это все равно была не жизнь в России. До 1945 года русская эмиграция жила буквально на чемоданах. Тоска по Родине усугублялась тяготами, перенесенными в годы Русской смуты. Среди русских частым гостем был, увы, голодный туберкулез. Поэтому немало наших соотечественников скончалось на чужбине, в том числе и в Чехии, в возрасте 35–45 лет. Подтверждение этому можно найти на Ольшанском кладбище, взглянув на даты жизни, указанные на могильных крестах и плитах: мичман флота Арнаутов Е.А. (1898–1939), гардемарин Твердыанский А.И. (1902–1931), старший унтер-офицер из вольноопределяющихся Енш А.А. (1903–1936), штабс-капитан Лейб-гвардии Павловского полка Петранди Д.М. (1895–1928), поручик Дроздовского стрелкового полка Юрасов В.М. (1892–1935).

Однако те, кто был крепок духом, не впал в уныние и не опускал рук, продолжали считать себя не вышедшими в отставку, а находящимися в длительном отпуске. Они старались быть на ра-

боте у чехов лучшими по своей новой гражданской специальности, будь то инженер-строитель, инженер-архитектор, агроном, доктор медицины, ветеринар. Не раствориться в эмигрантской массе спустя 10, 15, 17 лет, после окончания вооруженной антибольшевистской борьбы, быть готовыми по первому сигналу снова встать в строй – в этом они видели смысл своего пребывания в эмиграции.

Высоко оценивал Галлиполийское землячество в Праге журнал «Часовой» (№ 171 за 1937 год):

«Нам доставлен отчет о деятельности Галлиполийского землячества в Праге за истекший год. Он рисует картину превосходной деятельности галлиполийцев, стремящихся к сохранению своей организации, одной из наиболее жизненных и энергичных в эмиграции. Галлиполийское землячество в Праге за истекший год вело большую национально-общественную работу, оно устроило ряд интересных докладов, посвященных общеполитическому положению, способствовало организации Постоянного совещания русских национальных организаций. Во всех культурных и общественных начинаниях русской колонии Галлиполийское землячество играло всегда первую роль.

На текущий год общее собрание землячества избрало следующих лиц в свое правление: председатель – Г.А. Орлов, в члены правления – А.П. Возианов (инженер), Д.О. Емельянов (инженер), Н.Н. Карлинский (инженер), А.К. Павлов, Н.А. Паншин (инженер), М.М. Ситников (доктор права), Л.М. Стороженко (инженер), Е.Н. Шукин (инженер), Н.И. Хмара (инженер), в ревизионную комиссию В.И. Клейн (инженер), Н.А. Масальский (доктор права), В.Д. Остроухов (инженер), Г.В. Прокопенко (инженер)». Интересно отметить, что из перечисленных членов правления, по крайней мере четверо – Орлов, Павлов, Ситников и Стороженко – были дроздовцами.

«Заканчивая настоящую краткую заметку, – писал “Часовой”, – мы не можем не упомянуть о роли начальника Галлиполийской группы в Чехословакии генерал-майора В.Г. Харжевского, создавшего крепкую и сильную духом военную семью и с большим тактом ею руководящего, и его деятельного помощника капитана Г.А. Орлова, и от всего сердца желаем им дальнейшего успеха в честном и хорошем русском деле».

Как писала спустя много лет в частном письме Ирина Александровна Павлова, эмигрировавшая в 1951 году в США: «Отец, попав в Прагу, поступил на чешскую стипендию в университет, но матери-

ально было очень трудно. Его главным интересом были воинские организации и постоянная мысль и надежда вернуться в Россию». «Отец был очень активен в Галлиполийском землячестве и очень хорошо знал генерала Харжевского, с которым много сотрудничал. Отец вообще мало делился своими военными делами дома, но был полностью в них погружен»⁵⁵. Если с генералом В.Г. Харжевским капитана А.К. Павлова связывали служебные отношения, то чисто человеческие, дружеские, связывали его с инженер-поручиком П.Ф. Умрихиным. Более того, они дружили семьями. Знакомство завязалось еще в Галлиполи. Нина Григорьевна Коваленская, супруга капитана Павлова, однажды, идя по лагерю, увидела русского офицера, отчаянно на руках качающего ребенка, который орал не своим голосом. Нина Григорьевна, сама державшая маленького ребенка, подошла к офицеру, чтобы узнать, отчего ребенок так кричит. Она отвернула одеяло и увидела ножки ребенка, которого отец, а это и был Умрихин, тщетно пытался успокоить, держа вверх ногами!⁵⁶

На численный состав русской колонии, в том числе и на активистов воинских организаций не могли не повлиять экономические неурядицы и в особенности «великая депрессия» конца 1920 – начала 1930-х годов. Кто-то постарался уехать в более благополучную Францию, Бельгию, или даже за океан.

Тем не менее, в списках Галлиполийского землячества в Чехословакии к 1 апреля 1937 года значилось 784 человека. Естественная убыль пополнялась за счет эмигрантской молодежи. Активно велась работа со скаутами и разведчиками, «витязями» и «соколами». В 1930-х годах с «витязями» в Праге работали инженер М. Ковалевский (член Галлиполийского землячества), инженер Ю.А. Кельчевский (сын покойного генерал-лейтенанта А.К. Кельчевского) и отец Исаакий. По-прежнему, больше всего галлиполийцев и чинов РОВСа проживало в самой Праге и ее пригородах. Помимо них, галлиполийские группы существовали и в других городах.

По-видимому, следующей по численности и активности после Праги была Галлиполийская группа в Брно, главном городе южной части страны – Моравии. Их было около ста человек. Возглавлял группу подполковник Алексеевского пехотного полка Владимир Вильгельмович Альмендингер. Офицер военного времени в годы Гражданской войны воевал с большевиками в рядах Симферопольского офицерского полка, участвовал в Бредовском походе, в обороне Крыма и уже в Галлиполи был включен в состав Алексеевской пехотной бригады, сведенной в полк. В Брно В.В. Альмендингер ус-

пешно закончил Сельскохозяйственный институт и получил диплом инженера-агронома⁵⁷. В этой группе состоял и подпоручик Г.И. Ширяев. Он приехал в Прагу в 1922 году. Именно он основал в Праге Галлиполийское землячество, еще до приезда генерала В.Г. Харжевского и полковника князя С.Д. Гегелашвили. Довольно скоро чешские ученые и преподаватели пригласили его на работу в университет города Брно, где он и проживал до 1945 года⁵⁸.

Большую роль в работе галлиполийских землячеств Чехии, в первую очередь Брно и Праги, играл капитан 1-го ранга Яков Иванович Подгорный. По сведениям в экспозиции музея «Третье-го сопротивления» в Пшибраме, он участвовал в работе чехословацкого «филиала» кутеповской боевой организации.

Галлиполийскую группу в словацкой столице Братиславе, насчитывавшую чуть больше ста человек, возглавлял капитан Ф.А. Косович. Известны имена по крайней мере двух дроздовцев, входивших в нее. Это подпоручик А.С. Данилецкий и вольноопределяющийся П.И. Санин. В Братиславе до Второй мировой войны жила родная тетя генерала А.В. Туркула со своими двумя дочерьми. Маленькие группы галлиполийцев (полтора или два десятка человек), существовали в те годы и в других городах Чехословакии. Например, такая группа в 1930-х годах была в Пльзене⁵⁹.

Казачи и галлиполийцы во времена 1-й Чехословацкой республики жили и в Ужгороде – главном городе Подкарпатской Руси, включенной после 1945 года в состав СССР. В довоенные годы Подкарпатская Русь была самой отсталой и бедной окраиной Чехословакии. Мало кто из русских эмигрантов стремился попасть туда, скорее наоборот. Но даже там была русская колония, между прочим построившая храм-памятник русским воинам, погибшим в боях в Карпатах в 1914–1915 годах⁶⁰.

После неудач, постигших сторонников «активизма», борьба переместилась в значительной мере в идеологическую и политическую сферу. «Филиалом» кутеповской организации в Чехословакии руководил генерал-майор В.Г. Харжевский. Его помощником был капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный. В группу входили капитан П.М. Трофимов, уже неоднократно упоминавшийся здесь, по всей видимости, подпоручик Дроздовского артиллерийского дивизиона Д.Ф. Пронин и офицер 2-го Дроздовского полка Н.А. Цуриков, в эмиграции сблизившийся с генералом А.П. Кутеповым⁶¹. Не случайно в апреле 1926 года в Париж на Российский зарубежный съезд в составе русской делегации из Чехословакии приезжали подпол-

ковник В.В. Альмендингер, капитан П.М. Трофимов и Н.А. Цуриков⁶². Теперь их деятельность была фактически свернута. Свои усилия Владимир Григорьевич и его помощники направляли на то, чтобы сохранить кадры РОВСа в стране проживания, с тем, чтобы с возобновлением вооруженной борьбы с большевиками они могли быть развернуты в боевые подразделения.

Кроме того, еще во второй половине 1920-х годов генерал-дроздовец начал работу по сбору материалов и написанию большой рукописи по истории Дроздовской дивизии. Он обратился к своим однополчанам, многие из которых охотно откликнулись на его обращение. Живший здесь же, в Праге, полковник А.К. Фридман написал воспоминания о своей поездке на Румынский фронт осенью 1917 года, когда он, изменив свой первоначальный маршрут в расположение 494-го Верейского пехотного полка, приехал в Яссы, где и вступил в Отряд полковника М.Г. Дроздовского. Передал свои воспоминания и отец Исаакий. Он еще летом 1920 года в перерывах между боями писал «Историю Румынского похода и Дроздовской стрелковой дивизии». Успел передать свои воспоминания и П.М. Трофимов, незадолго перед своей гибелью. Помимо воспоминаний дроздовцев-пражан, генералу Харжевскому прислали свои воспоминания и другие ветераны, жившие в европейских странах. К сожалению, Владимир Григорьевич не успел обработать все эти материалы. Тому помешала сначала оккупация Чехословакии нацистской Германией, а потом разгоревшаяся в Европе новая мировая война. Весной 1945 года, как и многие другие русские пражане, генерал Харжевский уехал из Праги на Запад. Его архив был захвачен НКВД и вывезен в Москву, где его поместили в Центральный государственный архив Октябрьской революции, ныне Государственный архив Российской Федерации. В годы поздней «перестройки» архив генерала В.Г. Харжевского стал доступен читателям.

Еще с довоенных времен с журналом «Часовой», неофициальным органом РОВСа, сотрудничал капитан Г.А. Орлов. В Праге он подружился с галлиполийцем Г.А. Губиным, который был моложе его на несколько лет. Оба галлиполийца довольно регулярно по праздникам навещали супругов Фридманов. Особенно таким гостям была рада Вера Александровна, потому что гости приводили и своих детей. Как это не печально, но в Праге у Фридманов испортились отношения с Шапиловскими. В чем причина, сказать сейчас трудно. Во всяком случае, дочь галлиполийца Губина Ольга Георгиевна вспоминала, как в 1930-х годах родители возили ее в Розтоки, где жили Ша-

пиловские, и Елизавета Александровна лечила ей зубы. Но в гостях у Фридманов Шапиловских она никогда не видела. Возможно, это связано с тем, что в начале 1920-х годов в «Вестнике общества галлиполийцев» промелькнуло сообщение о том, что за дисциплинарные проступки из списков РОВСа и Объединения дроздовцев исключается полковник В.П. Шапиловский. Вместе с ним из списков РОВСа был исключен еще один русский пражанин – выпускник Павловского военного училища поручик Н.С. Рыжков. Тем не менее, Владимир Павлович сохранил свое членство в Чехословацком отделении Союза русских военных инвалидов, где он был членом правления, а также продолжал преподавать русский язык и литературу.

Выше уже говорилось об отце Исаакии. Похожий на него по духу, если даже не более антисоветский пастырь, служил в православном приходе в словацкой столице Братиславе. Там на 1 января 1934 года Галлиполийское землячество насчитывало 114 человек. Священник отец Михаил в мирской жизни был офицером, участвовал в Великой и Гражданской войнах. В изгнании принял сан священника. В нем чувствовалась большая энергия, ходил он быстро, ряса и длинные волосы развевались, глаза загорались, когда заканчивая литургию, он призывал свою паству помолиться за страждущий под гнетом Совдепии русский народ⁶³. Фамилия этого священника была Дикий, или Дикой. Он умер спустя много лет после окончания Второй мировой войны в Южной Америке, будучи на покое.

Весной 1939 года Чехословакия была окончательно поглощена Третьим Рейхом. Судеты вошли в состав Германии, Подкарпатская Русь отошла к Венгрии. Словакию немцы провозгласили независимым государством. А вместо Чехии на карте Европы появился Богемско-Моравский протекторат. Таким образом, русские эмигранты, жившие до недавних пор в одной стране, оказались разделенными на территории сразу нескольких государств. Европа стояла на пороге второй Великой войны.

В протекторате немцы постарались наладить отношения с русской эмиграцией и по возможности привлечь ее на свою сторону. Надо сказать, что отношение со стороны германских чиновников и военнослужащих вермахта было достаточно корректным. В разговорах с русскими речь шла о стремлении Германии спасти Европу от порабощения большевиками. Цель Германии на Востоке – не столько завоевание жизненного пространства, сколько осуществление нового крестового похода против III Интернационала. Впрочем, справедливости ради, следует сказать, что планы А. Гитлера по

завоеванию жизненного пространства на Востоке и истребление миллионов славян, как представителей неполноценной расы, не укладывались в голове нормального человека и потому не воспринимались всерьез. Предложения нацистов о сотрудничестве в большинстве случаев наталкивались на отказ.

К тому же, чины РОВСа, проживавшие в протекторате, действовали с оглядкой на Брюссель, где после похищения председателя РОВСа генерала Е.К. Миллера проживал его преемник генерал А.П. Архангельский и его помощник генерал П.А. Кусонский.

Немцы учитывали это обстоятельство и постарались обеспечить свой контроль. В сентябре 1939 года суд в Берлине зарегистрировал Союз русских воинских организаций, во главе с бывшим начальником II отдела РОВСа генерал-майором А.А. фон Лампе. Часть чинов РОВСа, живших в протекторате, признала его главенство и подчинилась ему, образовав Юго-Восточный подотдел Союза русских воинских организаций. В его руководство вошли капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный, полковник Н.А. Бигаев, подполковник В.В. Альмендингер. Генерал-майор В.Г. Харжевский и большинство его подчиненных, включая чинов дроздовских частей, заняли выжидательную позицию. Тем временем, немцы не запретили, а лишь приостановили деятельность русских воинских организаций на территории протектората. Галлиполийцы по-прежнему могли собираться на Малой Штепанской. Капитан Орлов продолжал негласно возглавлять Галлиполийское землячество в Праге. Его заместителем, также негласно, был назначен инженер Губин.

Тем временем начальник Юго-Восточного подотдела, преобразованного в отдел Союза русских воинских организаций, капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный в письме от 1 сентября 1939 года писал: «На днях чиновник гестапо, ведающий здесь эмиграционными делами, заявил подполковнику Альмендингеру, что заключение пакта с СССР совершенно не отразится на отношении к нашим организациям, и это отношение отнюдь не ухудшится, и русским националистам будет в дальнейшем не только не хуже, но возможно, что и лучше. В это я вполне верю, но, конечно, от нас требуют и мы сами должны соблюдать полную лояльность»⁶⁴.

Полковник князь С.Д. Гегелашвили, достигнувший чина майора на чехословацкой военной службе, при ликвидации нацистами Чехословацкой армии, вышел в отставку и возглавил Отдел РОВСа в Чехии. Правда неизвестно, какой ориентации, брюссельской или берлинской⁶⁵.

Зимняя война 1939–1940 годов напрямую русскую эмиграцию в Европе не затронула, Но ее симпатии были на стороне Финляндии. Русским эмигрантам, в особенности военным, импонировал финский лидер маршал К.Г. фон Маннергейм, в прошлом генерал русской гвардейской кавалерии, Георгиевский кавалер, герой Брусиловского прорыва. Разгром противников Германии на Западном фронте в 1940 году не мог не обескуражить русских военных, хорошо помнивших изнурительную позиционную войну на том фронте в минувшую войну.

Настоящее потрясение русская эмиграция пережила 22 июня 1941 года при объявлении о нападении Германии на СССР. Отец Исаакий в тот день в храме Св. Николая на Староместской площади отслужил молебен об освобождении многострадального русского народа от большевистского ига. Чины Союза русских воинских организаций объявили о своей поддержке Германии и изъявили желание отправиться на Восточный фронт. Однако немцы не спешили принять их предложения. На Балканах, где началось формирование Русского корпуса, немцы постарались ограничить контингент добровольцев лишь теми русскими эмигрантами, кто проживал в этих странах. Живший в Праге полковник Н.А. Бигаев некоторое время был связным между Русским корпусом и чинами РОВСа. Позже он был привлечен немцами для работы с казаками, так как, будучи по происхождению осетином и начав службу в железнодорожных войсках, он позднее служил в казачьих частях⁶⁶.

На протяжении Второй мировой войны немцы вели себя по отношению к русским эмигрантам, жившим на территории протектората, достаточно корректно, включая и тех, кто уклонился от сотрудничества. Репрессии начались в 1942 году, после убийства засланными из Лондона чехами-парашютистами обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха. Тогда русские стали подвергаться репрессиям наравне с чехами, но только в тех случаях, когда чересчур активно лезли в политику. Но были и исключения – участник «филиала» кутеповской организации Н.А. Цуриков был арестован гестапо еще в 1941 году и депортирован в концлагерь⁶⁷. В течение войны русские пражане узнавали адреса советских граждан, вывезенных на принудительные работы в протекторат, в соседнюю Австрию, или в Германию. Для них собирались посылки с одеждой, продуктами питания, лекарствами. В этом богоугодном деле принимала участие и православная церковь, и бывшие участники Белого движения.

Некоторые офицеры-галлиполийцы, в частности, Е. Туманов, во время войны, будучи в командировках в Берлине, посещали собрания, которые проводил там генерал А.А. фон Лампе. Он по мере сил, несмотря на жесткий контроль со стороны гестапо, пытался координировать деятельность своей организации, наладить контакты с командованием Русского корпуса на Балканах и с казачеством.

В 1943 году немцы приступили к мобилизации живших в Праге белых казаков и их сыновей, достигших призывного возраста. Была создана комиссия во главе с казачьим полковником П.Д. Приказчиковым и унтерштурмфюрером СС Шенком. Однако казаки откликнулись на мобилизацию неохотно. Всего комиссии удалось набрать около 30 человек. По слухам, они уехали потом в Северную Италию, где базировался Казачий стан атамана И.Т. Доманова.

В ноябре 1944 года в Праге состоялся съезд Комитета освобождения народов России (КОНР). Из русских пражан в нем принял активное участие донской казак генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин. Германские оккупационные власти хотели, чтобы съезд комитета открыл епископ Сергей пражский. Однако владыка отказался, сославшись на церковные дела, которые требовали его присутствия не то в Брно, не то в Пильзене. И тогда заменить владыку Сергея вызвался отец Исаакий. Тем более что в Прагу на открытие съезда должен был приехать генерал Туркул. Об отношении отца Исаакия к Русскому освободительному движению косвенно свидетельствует тот факт, что его духовным чадом был летчик М.В. Гарновский⁶⁸. Он же подписал итоговый документ съезда – «Манифест КОНРа». Для участия в работе съезда из Берлина в Прагу приезжали генерал-лейтенант А.А. Власов и генерал-майор А.В. Туркул. Помимо Праги, генерал Туркул в конце 1944 года посетил и столицу Словакии – Братиславу, где также встречался с ветеранами-белогвардейцами. В Праге он, по всей видимости, пытался убедить своих бывших однополчан последовать своему примеру и принять оружие из рук прежних врагов немцев, чтобы вновь сражаться против красных. Однако в Праге большинство ветеранов-галлиполийцев на его призыв не откликнулись. В те дни в Праге он встречался со своим бывшим штабным адъютантом капитаном И.В. Виноградовым. Это была их последняя встреча. После 1945 года Антон Васильевич уже не имел сведений о судьбе своего бывшего подчиненного, кроме того, что он арестован и увезен из Праги в СССР.

В конце 1944 года начался массовый исход русских эмигрантов из приютившей их некогда Чехословакии. Еще летом 1944 года советские войска подошли к Карпатам, служащим естественной границей между Украиной и довоенной Чехословакией. С востока в Прагу потянулись беженцы. Одновременно усилились налеты британской и американской авиации на чешские города, включая Прагу. С наступлением 1945 года поток беженцев через Прагу и из Праги увеличился. Основной поток беженцев направлялся на запад, через Пльзень к Мюнхену. Весной 1945 года Пльзень сильно бомбили. Формальный предлог – в городе располагались заводы «Шкода», работавшие на оборону Германии. Заодно с заводами союзники разбомбили и железнодорожный вокзал. Погибло много гражданских лиц. Был уничтожен целый состав с пражскими беженцами, среди которых было много русских. В те дни многие русские пражане целыми семьями приходили на службу в храм Св. Николая на Староместской площади, уже с чемоданами и рюкзаками. Отстояв службу, со слезами на глазах попрощавшись со знакомыми и соседями, получив последнее благословение владыки Сергия или кого-нибудь из священников, они шли на главный железнодорожный вокзал.

Русские пражане надеялись на чудо. Но чуда не произошло. Красная армия продвигалась на Запад. Бои уже шли в районе Берлина. В апреле 1945 года Прагу покидали те, кто буквально до последнего момента или колебался, или не имел возможности уехать. Организованно Прагу покинула большая группа галлиполийцев и чинов РОВСа во главе с полковником князем С.Д. Гегелашвили. В этой группе были его сестра и племянник. В те дни Прагу покинули галлиполиец П.Ф. Умрихин с семьей, поручик Р.Р. Ланге, генерал Е.И. Балабин и многие другие. С последней волной беженцев, направлявшихся главным образом в австрийский Зальцбург, уехал с семьей из Праги и капитан А.К. Павлов. В дни работы КОНРа он, возможно, встречался со своим бывшим командиром генералом А.В. Туркулом. В апреле 1945 года в Зальцбурге Антон Васильевич формировал пятитысячную бригаду, которая должна была войти в состав вооруженных сил КОНРа. Здесь же при нем находилась и группа русских офицеров, которые еще в довоенные годы состояли с его Русском национальном союзе участников войны. Однако прежде чем бригада завершила свое формирование, нацистская Германия капитулировала. Генерал Туркул и его помощники успели уйти в западную зону оккупации и таким образом из-

бежали встречи с советскими органами. В первые послевоенные годы генерал Туркул, офицеры Павлов, Галай, Марков и другие обосновались в Мюнхене. Более того, спустя несколько лет некоторые из них получили возможность эмигрировать в США⁶⁹.

Капитан Орлов еще в 1944 году попал в автомобильную катастрофу, и его замещал галлиполиец инженер Губин. Фактически он стал последним председателем Галлиполийского землячества в Праге. Другое дело, что работа уже практически в то время не велась, а многие галлиполийцы спешили покинуть Прагу. В завершении всех бед, английская бомба угодила в здание, где помещалось землячество (на Малой Штепанской улице) и разрушила его. Благодаря мужеству и самоотверженности супруги капитана-дроздовца Натальи Владимировны, им удалось выехать из Праги весной 1945 года.

В те апрельские дни 1945 года многие русские пражане настойчиво уговаривали покинуть Прагу владыку Сергия и отца Исаакия. Об этом оставил свое свидетельство известный историк Русского Зарубежья С.Г. Пушкарев. Участник Гражданской войны на Юге России в качестве рядового солдата-пулеметчика, он в 1944 году принимал участие в заседании Комитета освобождения народов России в Праге.

На встречу с духовенством пришли полковник С.Д. Гегелашвили и поручик Н.А. Цуриков. По очереди, включая и самого Пушкарева, они уговаривали священников покинуть Прагу. Молча выслушал гостей владыка Сергий, сказав лишь: «Спаси вас Господи». И встал, давая понять, что встреча закончена. Отец Исаакий и отец Михаил промолчали, демонстрируя согласие с владыкой Сергием. Владыка, очевидно, принял решения и за себя, и за них. Таким образом отец Исаакий остался в Праге. Остался со своей семьей в Праге и отец Михаил Васнецов. Многие тогда совершили такую же ошибку.

Оставшиеся в Праге дроздовцы – полковник Фридман, капитан Студенцов, отец Исаакий, поручик Ситников, как и остальные русские пражане, стали свидетелями последней драмы Второй мировой войны в Европе – Пражского восстания. Участие солдат и офицеров Русской освободительной армии (РОА) в этих событиях подробно исследованы чешским историком С. Аусским, служившим переводчиком в штабе РОА и отечественным историком К.М. Александровым.

Известно, что когда 1-я дивизия РОА, пришедшая на помощь чешским повстанцам, вышла из боя и двинулась дальше на запад, в Праге остались сотни чинов РОА. В первую очередь, это были ра-

ненные, которых власовцы были вынуждены оставить в пражских госпиталях. Во-вторых, это были дезертиры, сознательно оставившие свои подразделения, решившие спасаться в одиночку. И, наконец, это были одиночные бойцы РОА, или мелкие группы, которые просто потеряли связь со своими в неразберихе боев и путанице улиц. Ведь они впервые в жизни оказались в этом большом и совершенно незнакомом городе.

Судьбы тех галлиполийцев и казаков, кто решил остаться в Праге, да и в других городах Чехии и Словакии, в большинстве случаев сложились трагически. Прибывшие в обозе советских войск сотрудники СМЕРШа и НКВД, расстреляв не успевших уйти из Праги власовцев, принялись за русскую эмиграцию. Арестовывали в первую очередь участников Белого движения. Красные сводили счеты с теми, до кого не дотянулись четверть века тому назад. Увы, в Праге не обошлось без предательства. Когда советские солдаты пришли арестовывать галлиполийца инженера Е. Туманова, за старшего у них был инженер А.П. Возианов, член довоенного Правления Галлиполийского землячества в Праге. В мае 1945 года он был одет в форму советского офицера, с погонами. Сопровождавшие его советские солдаты почтительно обращались к нему «Товарищ капитан»... Он же присутствовал при арестах и других галлиполийцев. Летом 1945 года, когда волна арестов в Праге стала спадать, «капитан» Возианов исчез из Праги. Больше его никто и никогда не видел. Очевидно, «мавр свое дело сделал»...

Одним из первых был арестован в Праге полковник Генерального штаба А.М. Шкеленко. Его вывезли в пересыльную тюрьму в польский город Ратибор, где он и погиб в 1946 году. Был арестован и отец Исаакий. Ему припомнили службу в рядах Дроздовской дивизии в годы Гражданской войны. Кто-то (Возианов?) донес о его молебне, отслуженном 22 июня 1941 года, и, наконец, ему припомнили участие в съезде КОНРа в ноябре 1944 года. Отца Исаакия вывезли из Праги во Львов, где он какое-то время содержался вместе с несколькими русскими пражанами в пересыльной тюрьме. Оттуда он был этапирован в один из многочисленных советских концлагерей в Казахстан⁷⁰. Был арестован полковник А.К. Фридман. 17 мая 1945 года его увезли из Праги. Кто-то сказал его супруге Вере Александровне, что его якобы видели в тюрьме в Вене. Какой-то советский офицер пытался ей помочь. Возможно, что с его помощью Вера Александровна тайно ездила в Вену, но там ей ничего узнать не удалось. Позднее, кто-то из знакомых, арестованных,

а потом отпущенных советчиками, рассказал ей, что старый полковник умер прямо в тюремном вагоне, не доезжая до советской границы. Местные прокоммунистические чешские власти выселили ее из дому, как антисоветский и антикоммунистический элемент. Из-за всего пережитого она помutilась рассудком. Когда Вера Александровна пришла в себя после пережитого, то вернулась работать в детский сад. Знакомые, сжалившись над ней, приютили ее в своей квартире в «профессорском» доме в Дейвицах, где она и прожила оставшиеся годы, очень нуждаясь.

Был арестован подпоручик М.М. Ситников, входивший до войны в состав Правления Галлиполийского землячества Праги, сыновья генералов Варшавского и Сидорина.

Чекисты арестовали последнего негласного возглавителя Пражского Галлиполийского землячества инженера Г.А. Губина. В то время ему было 44 года. Уроженец Луганска, он добровольцем вступил в армию. Два его старших брата погибли на фронтах Великой войны, и он хотел их заменить. Но к тому времени Русская армия окончательно развалилась, а на Юге России разгоралась Гражданская война. Так молодой мещанин Георгий Губин оказался в рядах Добровольческой армии. В Прагу он приехал в 1923 году из Болгарии. Здесь он обзавелся семьей, получил образование и специальность. Перед войной у него даже была своя маленькая фирма.

Очевидно чекисты сочли его мелкой сошкой, а может, им не удалось пронюхать, что он председатель Галлиполийского землячества в Праге. Кроме того, за него хлопотали знакомые чехи, которым удалось привлечь своих официальных лиц. Едва оказавшись на свободе, Георгий Антонович стал готовиться к авантюре, о которой до сих пор вспоминают старые русские пражане со смешанными чувствами восхищения и некоторого недоверия: «разве можно было так провести чекистов?»

Незадолго до прихода советских войск дочь инженера Губина Ольга обвенчалась с жившим в Праге молодым инженером Юрием Анатольевичем Кельчевским, младшим сыном покойного генерала А.К. Кельчевского. Сам генерал скончался в Берлине еще в 1923 году, когда Юрию было всего пять лет. Семье покойного генерала помогала жена генерала А.А. фон Лампе. Но в 1925 году скончалась и вдова генерала Кельчевского. Тогда какая-то родственница привезла детей генерала Кельчевского – Юрия и Нину в Прагу, где в то время уже существовала хорошо налаженная система русских детских учреждений, включая и пансионы для сирот. В дальнейшем

Юрий Кельчевский получил диплом инженера и, работая по специальности, одновременно занимался и с «витязями». С «витязями» занимался также какой-то русский эмигрант, полковник или подполковник Геймановский. Когда чекисты пришли за ним, то его жена не захотела разлучаться, и они были арестованы вместе. Сначала их держали в тюрьме в Праге, а затем с группой арестованных их увезли на юг Польши, в город Ратибор, где была советская пересыльная тюрьма. Оттуда их путь, как и путь сотен русских эмигрантов лежал в СССР, в «архипелаг Гулаг». Тем временем в Праге Георгий Антонович уговорил нескольких знакомых чешских чиновников помочь ему. Сам Губин, или с помощью знакомых, составил список, куда включил приблизительно 30 русских пражан, в том числе свою дочь и зятя. Подобраны были те, кто имел чехословацкое гражданство. Теперь надо было убедить чекистов в том, что эти чехословацкие граждане были арестованы по ошибке, их надо выпустить, а если они в чем и виноваты, то с ними разберутся свои, чешские, а не советские власти. Чтобы переговоры имели больше шансов на успех, предприимчивый галлиполиец Губин где-то раздобыл 30 литров водки.

Благополучно прибыв из Праги в Ратибор, он вступил в переговоры с советским офицером-комендантом тюрьмы. Напоив коменданта до нужного состояния, он добился освобождения дочери, зятя и еще около двух десятков русских пражан! Все они вернулись домой благодаря Г.А. Губину, точнее, благодаря заключенной им сделке: выходил примерно 1 литр водки за 1 человека! Это произошло в сентябре 1945 года.

Другим повезло меньше. Уже упоминавшийся Платон Васильевич Копецкий был арестован в Праге в мае 1945 года. Чекисты не приняли во внимание хорошо известным русским пражанам факты, свидетельствовавшие о достаточно левых взглядах бывшего офицера-корниловца. В годы Второй мировой войны его симпатии были на стороне СССР. Но ему чекисты припомнили прошлое. Офицер военного времени, он в годы Гражданской войны сражался против большевиков в рядах Корниловской ударной дивизии. Войну закончил в чине капитана, по другим данным, в чине ротмистра и в должности адъютанта штаба дивизии. Возможно, П.В. Копецкий был в узком кругу приглашенных лиц на венчании начальника Корниловской ударной дивизии генерал-майора Н.В. Скоблина и Н.В. Плевницкой, в походной церкви корниловцев в Галлиполийском лагере. Арестованный в Праге бывший офицер-корниловец

был этапирован в СССР, в концлагерь под Норильском. За него в Праге стал усиленно хлопотать родной брат Л.В. Копецкий, бывший в то время известным человеком. Он занимал высокое положение при министерстве просвещения Чехословакии. Возможно, поэтому Копецкого-младшего НКВД не тронул. Во время пребывания в Праге знаменитого советского артиста Н.А. Черкасова, ему удалось заручиться его поддержкой. Черкасов обещал посодествовать, используя неофициальные каналы. Свое слово он сдержал. В 1947 году П.В. Копецкий вернулся в Прагу к семье. Оба брата скончались уже в весьма преклонном возрасте⁷¹.

Тогда же, в 1947 году, благодаря хлопотам владыки Сергия, переведенного служить в Казань, был выпущен из концлагеря отец Исаакий. Но он до конца своих дней так и остался «невъездным». «Невъездным» оказался и подполковник Дроздовского артдивизиона Н.А. Раевский, также арестованный НКВД в Праге в 1945 году.

Те, кто выжил в советских лагерях, стали возвращаться в Чехословакию в середине 1950-х годов, уже после смерти Сталина, в связи с частичной либерализацией советского режима. Тогда в Прагу вернулись выжившие активисты Галлиполийского землячества капитан Дроздовского стрелкового полка Г.В. Студенцов и подпоручик-артиллерист П.М. Кашкадамов. Вернулся мичман флота Н.Г. Розумихин.

О том, с каким риском приходилось белым ветеранам пробираться из советской зоны оккупации на Запад в первые послевоенные месяцы, осталось свидетельство подпоручика Дроздовского артдивизиона Д.Ф. Пронина.

«Летом 1945 года советская армия заняла Прагу. Я пробирался через Чехию на Запад. В Праге, в которой не бывал уже почти двадцать лет, пошел на могилу брата на Ольшанском кладбище. Помолвившись на могиле, вошел в кладбищенскую церковь. Служил владыка Сергей. Было много советских военных и не видно знакомых пражан. Бледное, утомленное было лицо владыки, и взор какой-то остановившийся. Когда я подошел, глаза его оживились – он узнал меня и, отняв руку от креста, молча благословил. Около него стояли какие-то незнакомые лица, один в облачении священника, другой в форме военного. Мне казалось, что следят за каждым его словом и движением, и не за себя он опасался, а за меня. Взор, оживший, опять принял прежнее безразличное выражение»⁷². Вот так Д.Ф. Пронин покинул навсегда Чехословакию. Ему удалось уйти в западную оккупационную зону. Испытав типичные для того вре-

мени мытарства, он позднее эмигрировал в США, где и скончался спустя много лет, дожив до глубоких седин.

Судьба разбросала чехословацких галлиполийцев по всему свету, но главным образом в США и в Аргентину.

Капитан Орлов до декабря 1945 года жил в австрийском Зальцбурге, а потом эмигрировал в Швейцарию. В 1947 году тяжелая болезнь приковала его к постели. Но после частичного улучшения состояния здоровья, он вернулся к профессиональной и общественной деятельности: занимался проектированием мостов, причем швейцарские специалисты высоко ценили точность его математических расчетов. Выступая перед швейцарскими студентами с лекциями, он сидел в кресле-каталке⁷³. В послевоенные годы он возобновил сотрудничество с «Часовым». В 1962 году капитан Орлов прочитал доклад о походе дроздовцев из Ясс на Дон для швейцарцев, живших до 1917 года в России. В связи с этим интересно вспомнить, что швейцарцем был другой офицер-дроздовец – Морис Конради. Г.А. Орлов скончался в Берне в 1964 году. Его супруга Н.В. Орлова – в 1971⁷⁴.

Будучи в Праге в 1996 и в 1997 годах, я неоднократно посещал Ольшанское кладбище. Там похоронены скончавшиеся после Второй мировой войны белые офицеры Г.В. Студенцов, В.К. Никольский, Г.А. Губин, П.М. Кашкадамов, отец Михаил Васнецов, Н.С. Рыжков, братья Копецкие, Н.Н. Будаков. В крипте Ольшанского храма покоятся урны с прахами сестер Андреяновых и В.П. Шапиловского. Полковник-артиллерист овдовел еще в 1939 году. По-видимому, одинокого инвалида-вдовца чекисты в 1945 году не стали трогать. Он скончался в Праге в 1954 году.

Во время одного из моих первых посещений Ольшан в августе 1996 года, на северном участке, в той части, где высится православный восьмиконечный крест на могиле печально известного генерала Р. Гайды, того самого, что выдал на смерть адмирала А.В. Колчака, мое внимание привлекло надгробие из черного мрамора с галлиполийским крестом. Чтобы не возникало сомнений, на кресте было высечено знакомое название «ГАЛЛИПОЛИ» и даты «1920–1923». Было указано и имя усопшего галлиполийца: инженер Максим Акимович Белянский (1901–1950). Какая-то пожилая женщина-чешка поливала цветы и убирала опавшие листья с могилы. Сопровождавший меня старый русский инженер на пенсии Кирилл Сергеевич К., родившийся еще в Константинополе в 1920 году, окликнул эту женщину. Она отозвалась, и когда мы подошли к моги-

ле галлиполийца поближе, она охотно рассказала о судьбе своего супруга, покоящегося под черным надгробием с галлиполийским крестом. Максим Белянский был родом из-под Одессы, из семьи моряка. Когда в 1914 году началась Великая европейская война, он сбежал из дома на фронт, где стал сыном полка. В ту войну у него был чин вольноопределяющегося. В Гражданскую войну М.А. Белянский воевал на Юге России против большевиков. Осенью 1920 года он эвакуировался из Крыма в составе армии генерала барона П.Н. Врангеля. Очевидно, уже в офицерском чине. Он служил в Галлиполи, был в Болгарии, а потом эмигрировал в Чехословакию. Здесь он получил образование, стал инженером. Много лет работал в Ужгороде. Скончался инженер Белянский в Праге в 1950 году. Вдова галлиполийца не сказала нам, почему ее супруг так рано ушел из жизни. Тому могли быть разные причины...

И вместо послесловия. Одним из немногих русских пражан, кто действительно принял активное участие в Русском освободительном движении, был капитан инженерных войск Андрей Мелентьевич Марков (21.09.1897 – 30.01.1953). 16 лет от роду он поступил в Институт инженеров путей сообщений в Петербурге. В связи с начавшейся Великой войной, институт он бросил и, закончив Николаевское инженерное училище, отправился в действующую армию, на Румынский фронт. Там его застал Октябрьский переворот. Из Румынии он ушел на Дон с Отрядом полковника М.Г. Дроздовского. После соединения с Добровольческой армией он прошел с ней весь крестный путь. С Юга России он эвакуировался в Грецию, а оттуда эмигрировал в Чехословакию. В Праге молодой русский офицер успешно закончил Политехнический институт, делал быструю карьеру. Началась Вторая мировая война. Как скупое повествует журнал «Часовой», вспыхнувшая надежда на возможное освобождение Родины заставляет забыть все личное, и он участвует в борьбе против большевиков. Конец войны принес ему не только крушение надежд, но и длительный и мучительный плен. В конце 1948 года он снова на свободе. А.М. Марков поселился в Мюнхене, где в те годы проживало немало русских эмигрантов, покинувших Чехословакию, в том числе и ветераны дроздовских частей. Там он внезапно и скончался 30 января 1953 года⁷⁵.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 *Раевский Н.А.* Дневник Галлиполийца. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5840. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.
- 2 Там же. Л. 76.
- 3 Там же. Л. 77.
- 4 Там же. Л. 109.
- 5 Там же. Л. 168.
- 6 Там же. Л. 169.
- 7 Там же. Л. 169.
- 8 Там же. Л. 170.
- 9 Там же. Л. 171.
- 10 Там же. Л. 175.
- 11 Там же. Л. 176.
- 12 ГА РФ. Ф. 6050. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- 13 Там же. Д. 7. Л. 20.
- 14 Там же. Л. 6.
- 15 Там же. Л. 1.
- 16 *Витковский В.К.* В борьбе за Россию. Воспоминания. <Б.м.>, 1963. С. 47, 48, 49.
- 17 Там же. С. 50.
- 18 ГА РФ. Ф. 6050. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.
- 19 Там же. Д. 8. Л. 12.
- 20 Там же. Л. 20.
- 21 Там же. Л. 23.
- 22 Русский военный вестник. Белград. 1926. 7 марта / 28 февраля.
- 23 ГА РФ. Ф. 6050. Оп. 1. Д. 4. Лл. 7–8.
- 24 Там же. Лл. 7–8.
- 25 Там же. Л. 22.
- 26 Там же. Л. 6.
- 27 Там же. Л. 5.
- 28 Вестник общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. 154.
- 29 Незабывтые могилы // Часовой. 1953. № 337.
- 30 Часовой. 1954. № 339.

- 31 *Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н.* Седьмая гаубичная. 1918–1921. Нью-Йорк, 1960. С. 12.
- 32 Часовой.
- 33 *Кравченко В.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 2. Мюнхен, 1975. С. 337.
- 34 *Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н.* Седьмая гаубичная... С. 109.
- 35 *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997. С. 253.
- 36 *Чичерюкин-Мейнгард В.* Из стаи славных // Военная быль. 1998. № 10.
- 37 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. П\с. 11–911 (1917 г.). Фридман А.К.
- 38 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5895. Личный фонд генерала В.Г. Харжевского.
- 39 Письмо от Мейнгардт Н.П. от 17.12.1997. Личный архив автора.
- 40 *Постников Н.П.* Русские в Праге (1918–1928 гг.). Прага, 1928. С. 27.
- 41 Русский инвалид. Париж, 1937. № 107.
- 42 Письмо от Мейнгардт Н.П. от 9.03.1997. Личный архив автора.
- 43 Письмо от Павловой И.А. от 10.04.1995. Личный архив автора.
- 44 *Зерчанинов Ю.* Последняя из Тшебовы // Юность. 1990. № 10.
- 45 Журнал Московской Патриархии. 1981.
- 46 Русский зодчий за рубежом. Специальный номер, посвященный росписи храма Успения пресвятой Богородицы на Ольшанах в Праге. Прага, 1942.
- 47 Вестник общества галлиполийцев. София, 1933. № 4.
- 48 Вестник общества галлиполийцев. София, 1936. № 30.
- 49 Вестник общества галлиполийцев. София, 1933. № 4.
- 50 *Аросева Н.* След на земле (документальная повесть об отце). М., 1987. С. 129.
- 51 Там же. С. 212–213.
- 52 *Ракитин А.В.* В.А. Антонов-Овсеенко. М., 1989. С. 256.
- 53 Часовой. Париж, 1929. № 5–6.
- 54 Русский рубеж. 1992. № 3.
- 55 Письмо от Павловой И.А. от 14.07.1995. Личный архив автора.
- 56 Письмо от Павловой И.А. от 20.10.1998. Личный архив автора.
- 57 Письмо от Гавринова В.А. от 5.05.1997. Личный архив автора.

- 58 Часовой. 1954. № 346.
59 Сообщил Кожевников К.С.
60 Русский вестник. 1994. № 15–17.
61 См. *Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н.* Указ. соч.
62 Съезд Русского национального комитета в Париже. Сборник материалов. Париж, 1926.
63 Сообщила Вагнер В.Н.
64 ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 4. Л. 113.
65 Перекличка. Нью-Йорк, 1955. № 45.
66 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2717. П\с. Бигаева Н.А.
67 Перекличка. Нью-Йорк, 1955.
68 *Чичерюкин-Мейнгард В.* Из стаи славных...
69 *Зерчанинов Ю.* Последняя из Тшебовы...
70 Памяти владыки Сергия Пражского. Сборник. Нью-Йорк, 1987. С. 103.
71 Часовой. 1954. № 339.
72 Часовой. 1971. № 538.
73 Часовой. 1953. № 330.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Абамеликов Михаил Васильевич (ок. 1894–1979). Окончил Киевский кадетский корпус (1911), Киевское военное училище (1913). Штабс-капитан Сергиевского артиллерийского училища. Участник 1-го Кубанского похода. С 3 ноября 1919 и в мае 1920 года – командир 8-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады, полковник. Эмигрант. Скончался 21 марта 1979 года в США.

Абрамов. Полковник. Донской казак. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское инженерное училище, из которого вышел в саперный батальон. Участник похода Яссы – Дон (интендант отряда). В мае 1918 года, после взятия Новочеркасска перешел на службу в Донскую армию.

Алексеев. Капитан. Командир роты 1-го Дроздовского полка.

Амброзанцев Владимир Александрович (1881–?). Полковник. Из дворян, сын генерал-майора. Полковник 8-го уланского полка. В ноябре 1919 года – во 2-м конном полку. В феврале–июле 1920 года – командир полка; позднее, до эвакуации из Крыма, – в учебном кавалерийском дивизионе. На 28 декабря 1920 года – во 2-м эскадроне Дроздовского дивизиона в Галлиполи.

Андреевский Леонид Иванович (1890–1962). Окончил Одесский кадетский корпус (1910) и Киевское военное училище (1912). В Великую войну капитан 14-го стрелкового полка, Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы – Дон (командир 2-й роты Своднострелкового полка). В 1918–1919 годах – в 1-м Дроздовском полку, затем помощник командира полка во 2-м Дроздовском полку, полковник. 8 марта 1920 года был ранен и эвакуирован из Новороссийска. Летом 1920 года вернулся с Кипра в Крым, где находился до эвакуации. Галлиполиец. В эмиграции жил в Югославии, во время 2-й мировой войны служил в Русском корпусе. После 1945 года –

в США. Член Общества галлиполийцев. Скончался 11 февраля 1962 года в Нью-Йорке.

Аникеев (Аникиев). В Великую войну штаб-ротмистр 8-го драгунского полка. В феврале 1918 года с группой офицеров 8-го драгунского Астраханского полка вошел в состав команды конных разведчиков отряда М.Г. Дроздовского, переименованной после этого в 1-й эскадрон Конного дивизиона. Участник похода Яссы–Дон (командир 1-го эскадрона дивизиона). Во время 2-го Кубанского похода – командир 1-го эскадрона 2-го конного полка.

Ауэ (?–1920). Поручик. С конца июля 1919 года – командир 6-й роты в 1-м Дроздовском полку. В 1920 году во время боев у Хорл ранен, оставил роту. Летом вновь возглавил роту. Погиб в бою у села Орлянка.

Байтадоров (Байтадаров) Григорий Христофорович. К концу Великой войны прапорщик. Участник похода Яссы – Дон. В 1918 году – командир пулеметного взвода в 1-м Дроздовском полку. В июне 1919 года – поручик, командир броневедомости «Дроздовец». Летом 1920 года – начальник команды пеших разведчиков 1-го Дроздовского полка, капитан. 9 августа эвакуирован по ранению. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года в составе Дроздовского полка в Болгарии.

Барабаш. Капитан. С 1 декабря 1919 года – командир 4-й роты 1-го Дроздовского полка, в ходе боев был четырежды ранен. Летом 1920 года во время боев в Северной Таврии перебежал в Красную армию.

Беву Василий. Штабс-капитан. 30 июля 1920 года назначен временно исполняющим должность начальника пулеметной команды 1-го Дроздовского полка.

Бельский Евгений (?–1920). К 1919 году – капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м отдельном артиллерийском дивизионе и 3-й артиллерийской бригаде. С 11 января 1919 года – полковник. С 22 июля – командир 6-й батареи бригады. С 17 мая 1920 года – в 1-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Погиб 16 июля под Ореховым.

Бикс Петр Иванович. К концу Великой войны подпоручик. Участник похода Яссы – Дон. В 1918–1919 годах – в 1-м Дроздов-

ском полку. Весной–летом 1919 года – начальник пулеметной команды полка; с 30 сентября – капитан. Весной–летом 1920 года – командир 12-й роты полка, был ранен. Летом был временно исполняющим должность командира 3-го батальона полка. Эмигрант, проживал в Болгарии.

Боровский Николай Николаевич (Рожченко Марк Епифанович) (?–1973). В Великую войну – капитан, Георгиевский кавалер. В 1918–1919 годах – в 1-м Дроздовском полку. В октябре 1919 года – командир 1-го батальона полка, подполковник. Скончался 17 ноября 1973 года в Аргентине.

Бородин Федор Петрович (1893–?). Из крестьян Моршанской волости Николаевского уезда Самарской губернии. Окончил Михайловское техническое железнодорожное училище Министерства путей сообщений в Тифлисе. В 1914 году зачислен в списки 5-го железнодорожного батальона. В 1915 году окончил Школу прапорщиков инженерных войск. В октябре 1915 года приказом по Военно-инженерному ведомству произведен в прапорщики и назначен в распоряжение начальника штаба 5-й армии. К концу Великой войны – поручик. Участник похода Яссы – Дон (начальник команды связи отряда). В 1919 году – командир 3-й отдельной инженерной роты Дроздовской дивизии (позднее, Отдельной инженерной генерала Дроздовского роты). Эмигрант. Проживал в Австрии и Югославии. На 1925 год во Франции.

Бредов Федор – Михаил Эмильевич (1884–1959). Родился 22 апреля 1884 года. Из дворян, сын генерал – майора. Уроженец Люблинской губернии. Воспитывался в 1-м кадетском корпусе, где окончил полный курс наук и в Павловском военном училище по 1-му разряду, 1-й категории и два класса в Николаевской академии Генерального штаба по первому разряду и дополнительный курс успешно. Служил в Лейб-Гвардии Финляндском полку, в штабе Иркутского военного округа. Участник Великой войны. В 1915 года попал в плен к немцам в составе гарнизона крепости Новогеоргиевск. Подполковник, исполняющий обязанности начальника штаба 8-й пехотной дивизии. В конце 1918 года вернулся из германского плена в Россию. Прибыл в распоряжение Добровольческой армии. В феврале 1919 года назначен начальником штаба Дроздовской стрелковой дивизии. Участвовал во всех боях Дроздовской дивизии во время наступления до Орла и отступления к Новороссийску, полковник. В Крыму был назначен начальником

штаба 2-го армейского корпуса Русской армии, при командире корпуса генерале В.К. Витковском. В Галлиполи был назначен начальником штаба 1-й пехотной дивизии, генерал-майор. После переезда армии в Болгарию работал землемером. Во время 2-й мировой войны в Русском корпусе. Командовал батальоном, был ранен. После войны эмигрировал из Австрии в США. Скончался 15 марта 1959 года в Сан-Франциско. Похоронен на Сербском кладбище.

Будянский Владимир. Поручик. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1913). В Великую войну в 3-м Сибирском мортирном артиллерийском дивизионе. В 1914 году попал в плен. В Гражданскую войну – в рядах дроздовцев. В 1920 году – командир взвода команды пеших разведчиков 3-го Дроздовского стрелкового полка. 16 июня погиб под Сладкой Балкой. Посмертно награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2-й степени.

Бураковский Михаил. Поручик. Летом 1920 года – старший офицер 2-й роты 1-го Дроздовского полка. С 6 августа – временно исполняющий должность командира 2-й роты полка.

Буро Александр Михайлович. Поручик. Командир роты 1-го Дроздовского полка. На 1925 год проживал во Франции.

Ващенко. Капитан. Командир батальона во 2-м Дроздовском полку.

Вилков Сергей Степанович. К концу Великой войны поручик. Участник похода Яссы – Дон. Капитан. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира 10-й роты 1-го Дроздовского полка. Был ранен, вернулся в строй.

Виноградов Иван Васильевич (1895–1981). Родился 12 февраля 1895 года в Петербурге. Окончил полный курс Петербургского 1-го реального училища (1913). В сентябре 1914 года поступил в Императорскую духовную академию, прослушал два курса. В 1916 году при мобилизации студентов был призван на военную службу, назначен во Владимирское военное училище. По окончании пятимесячного курса произведен в прапорщики. Служил в 179-м пехотном запасном полку. В июне 1917 года отправился на Румынский фронт, служил в 460-м пехотном Тимском полку. В январе 1918 года поступил в отряд М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон. Принимал участие в походах Добровольческой и Русской армий, был трижды ранен. Эмигрант. Из Галлиполи переехал в Болгарию. С 1920 года – адъютант штаба Дроздовского стрелкового полка. В 1927 году оставил военную службу и принял

монашеский постриг с именем Исаакия. В 1928–1945 годах служил в Праге в сане архимандрита. Сотрудничал с РОВСом и Обществом галлиполийцев. В мае 1945 года в Праге был арестован и вывезен в СССР. В 1945–1947 годах отбывал срок в казахстанских лагерях ГУЛАГа. После освобождения служил в храмах в Алма-Ате, а с 1958 года в Ельце. Скончался 12 января 1985 года.

Витковский Владимир Константинович (1885–1978). Родился 21 апреля 1885 года в Псковской губернии. Из дворян Петербургской губернии, сын генерал-майора К.Ф. Витковского. Окончил 1-й кадетский корпус (1903) и Павловское военное училище (1905). Из училища был выпущен в Лейб-гвардии Кексгольмский полк, в рядах которого выступил на фронт Великой войны. Командир роты и батальона, временно командующий полком, Георгиевский кавалер. В 1917 году полковник и командир 199-го Кронштадского полка. В апреле 1918 года пробрался на Дон, где поступил в отряд М.Г. Дроздовского. Во 2-м Кубанском походе – командир 3-го батальона 2-го офицерского полка. 24 июня под Белой Глиной, после гибели командира полка полковника Жебрака, назначен командиром полка; 24 ноября назначен командиром бригады 3-й дивизии; 18 декабря произведен в генерал-майоры. С 13 февраля 1919 года – начальник дивизии. 4 апреля 1920 года, за успешный десант у Хорл и последующие бои в Северной Таврии произведен в генерал-лейтенанты; 4 августа назначен командиром 1-го армейского корпуса. Эмигрант. В 1921 году после переезда из Галлиполи в Болгарию – командующий войсками 1-го армейского корпуса и председатель Общества галлиполийцев. С переездом во Францию оставался председателем Общества галлиполийцев и некоторое время был начальником 1-го отдела РОВСа. После 2-й мировой войны переехал в США. Заместитель начальника РОВСа, 2-й помощник начальника РОВСа. Скончался 19 января 1978 года в Паоло-Альто (Сан-Франциско).

Войналович Михаил Кузьмич (1878–1918). Окончил Полоцкий кадетский корпус, Алексеевское военное училище (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1900 году вышел из училища подпоручиком в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Участвовал в походе 1900–1901 годов в Китай и Русско-японской войне. По окончании академии на два года был прикомандирован ко 2-му Сибирскому стрелковому полку для командования ротой. Участник Великой войны. В начале 1915 года произведен в подполковники; с 16 августа – исполняющий должность началь-

ника штаба 124-й пехотной дивизии, в декабре – полковник. С 3 августа 1916 года назначен исполняющим должность начальника штаба 118-й пехотной дивизии. В январе 1918 года одним из первых поступил в отряд М.Г. Дроздовского, принимал непосредственное участие его формировании. Участник похода Яссы – Дон (начальник штаба отряда). Погиб 21 апреля в Ростове, в бою на городском вокзале.

Войцеховский. Ротмистр. Командир эскадрона во 2-м конном полку. Погиб.

Гаевский Борис Анатольевич. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). К концу Великой войны штабс-ротмистр. Участник похода Яссы – Дон (командир Конного дивизиона). Позднее во 2-м конном полку. Ротмистр. 5 июня, 7–17 июля 1919 года – временно исполняющий должность командира 2-го конного полка. С августа – командир Сводно-гусарского полка. 14 мая произведен в полковники.

Галицкий (?–1918). К концу Великой войны – штабс-капитан. Участник похода Яссы – Дон. В декабре 1918 года – командир 7-й сотни 2-го конного полка. Капитан. Погиб 12 декабря в селе Царская Слобода (на Днепре).

Гамель. Подполковник. В 1920 году – командир 5-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады.

Ганичко Всеволод. Штабс-капитан. В августе 1920 года назначен временно исполняющим должность начальника команды пешеходных разведчиков.

Гаттенбергер Б.П. Полковник. В начале 1919 года – командир 2-го конного полка.

Годлевский Григорий Николаевич. Штабс-капитан. Участник похода Яссы – Дон. Командир роты 1-го Дроздовского полка. Эмигрант.

Голубятников (?–1930). Полковник. Осенью 1919 года – командир 2-го Дроздовского полка. Эмигрант. Скончался в августе 1930 года в Антибе (Франция).

Горкунов Владимир Васильевич (1873–1923). Офицер с 1893 года. В Добровольческой армии и ВСЮР в Дроздовской артиллерийской бригаде – полковник. С 28 ноября 1919 года – командир 2-го дивизиона в 4-й артиллерийской бригаде. В эмиграции в Латвии. Скончался 25 августа 1923 года в Риге.

Гран Георгий Николаевич (1884–1919). Родился 14 апреля 1884 года. Из потомственных дворян, уроженец Саратовской губернии. Окончил 2-й Московский Императора Николая I кадетский корпус и Александровское военное училище. По окончании курса произведен в подпоручики и выпущен в 4-й саперный батальон. В 1906 году – подпоручик 4-го саперного батальона; в 1908 году подпоручик 4-го саперного генерал-адъютанта графа Э.И. Тотлебина батальона, расквартированного в Гродно. Участник Великой войны, к ее окончанию – подполковник. Вступил в отряд М.Г. Дроздовского, член тайной организации ротмистра Д.Б. Бологовского. Участник похода Яссы – Дон (начальник радиотелеграфных частей). В Гражданскую войну в рядах дроздовских частей, полковник. Умер в 1919 году.

Греков Владимир. В 1920 году – старший офицер пулеметной команды 1-го Дроздовского полка. 26 июня назначен временно исполняющим должность начальника пулеметной команды. 30 июля – эвакуирован в госпиталь по ранению. Произведен в штабс-капитаны со старшинством 7 июля 1919 года.

Григорьев Георгий Константинович (?–1920). К концу Великой войны поручик. Участник похода Яссы – Дон. Командир роты в 1-м Дроздовском полку. Погиб в феврале 1920 года под Гниловской.

Грисенко. Подпоручик. С 6 августа 1920 года – временно исполняющий должность командира 8-й роты 1-го Дроздовского полка.

Гуныко Игорь Дмитриевич (?–1918). Капитан. Участник похода Яссы – Дон. В июне 1918 года – командир броневедомости «Корниловец», позднее – броневедомости «Витязь». Позднее командир дивизиона броневедомостей, капитан. Погиб 31 октября 1918 года у села Пелагиада Ставропольской губернии.

Гуревич. Поручик. Командир роты в 1-м Дроздовском полку. Погиб.

Давидович. Поручик. Командир роты в 1-м Дроздовском полку.

Двигубский. В 1919 году командир 9-й роты 1-го Дроздовского полка.

Двойченко Владимир Аврамович (? – до 1941). Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Ротмистр Крымского конного полка, Георгиевский кавалер. К концу Великой войны штабс-ротмистр. Участник похода Яссы – Дон (командир 2-го эс-

кадрона Конного дивизиона). Свой эскадрон, состоявший в основном из пехотных и артиллерийских офицеров, сформировал в Кипине. Осенью 1919 года – командир Таврического конного дивизиона Чеченской конной дивизии, полковник. В эмиграции – доброволец армии генерала Франко. В 1937–1939 годах – сержант испанской армии. Умер от рака в Сантандере до 1941 года.

Димитраш Мелентий Павлович (?–1919). Добровольцем принимал участие в подавлении в Китае восстания «Большого кулака». Участник Великой войны в составе Морского полка Балтийской дивизии действовавшего в районе Дуная. Участник похода Яссы – Дон. В 1918–1919 годах командир 2-й роты 1-го Дроздовского полка. Погиб 24 января 1919 года под Бахмутом.

Довбышев Александр. Штабс-капитан. С 31 июля 1920 года – временно исполняющий должность командира 12-й роты 1-го Дроздовского полка.

Долаков Игнатий Афанасьевич. Штабс-капитан. С 1 августа 1920 года – временно исполняющий должность командира 4-й роты 1-го Дроздовского полка. 20 августа ранен и эвакуирован в тыл. На 1925 год проживал в США, капитан.

Домбровский Константин. Поручик. С 9 августа 1920 года – командир 4-й роты 1-го Дроздовского полка.

Дрон Владимир Степанович (?–1920). Окончил Виленское военное училище (1913). Офицер. Помощник командира 2-го Дроздовского полка. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца. С сентября 1920 года – командир 3-го Дроздовского полка, полковник. 27 октября смертельно ранен в боях на Перекопе.

Дубинин Федор. Подпоручик. С 1 августа 1920 года – временно исполняющий должность командира 10-й роты 1-го Дроздовского полка. 10 августа вернулся на должность старшего офицера роты.

Думбадзе Леван Самсонович (ок. 1896–1947). Из дворян, сын генерал-майора. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1913). Штабс-капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м отдельном артиллерийском дивизионе. С 11 января 1919 года – капитан, с апреля – командир батареи в 3-й артиллерийской бригаде, с 10 ноября – командир 1-й батареи отдельного артиллерийского дивизиона 1-й отдельной пехотной бригады. Позднее в Дроздовской артиллерийской бригаде. В 1920 году – командир 2-й батареи

в алексеевской артиллерии. Полковник, награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года в составе Алексеевского артиллерийского дивизиона в Югославии. Член боевой организации генерала А.П. Кутепова, несколько раз бывал с заданиями в СССР. Во время 2-й мировой войны служил в команде связи штаба Русского корпуса. По окончании войны проживал в Мюнхене, погиб в 1947 году.

Елецкий Нил Васильевич (1893–?). Родился 12 ноября 1893 года в городе Осташков Тверской губернии. Окончил средне-техническое училище в Ростове-на-Дону, студент-химик Томского технологического института. В 1915 году призван на действительную службу в учебно-автомобильную роту в Петрограде. В том же году командирован в Петергофскую школу прапорщиков. К концу Великой войны – капитан. В Гражданскую войну адъютант А.В. Туркула. В 1920 году – временно исполняющий должность командира 2-го Дроздовского полка. В октябре, после потери 3-м Дроздовским полком всех батальонных и ротных командиров в боях на Перекопе, назначен временно исполняющим обязанности командира полка, подполковник. Эмигрант. В Галлиполи – командир 2-го батальона Дроздовского полка. Позднее жил во Франции, в Атибе.

Ерофеев Григорий Кириллович (1878 – после 1922). В службе с 1896 года, офицер с 1899 года. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1913). Полковник. С 19 ноября 1918 года – начальник штаба 3-й пехотной дивизии. В феврале 1920 года – начальник 2-й Донской стрелковой бригады. С 25 марта в резерве чинов офицеров Генерального штаба при штабе Донского корпуса. Эмигрант. Умер после 1922 года.

Жебрак (Жебрак-Русакевич) Михаил Антонович (1875–1918). На службе с 1894 года. Окончил Виленское юнкерское училище (1898) из которого выпущен в 6-й Либаковский пехотный полк. Во время Русско-японской войны перевелся в один из Сибирских полков, награжден орденом Св. Георгия. Тяжело ранен под Мукденом (остался на всю жизнь хромым). По окончании войны окончил Военно-юридическую академию, служил в Военно-судебном ведомстве. В 1914 году полковник. С началом Великой войны вернулся в строй, назначен командиром 2-го морского полка отдельной Балтийской морской дивизии. В конце 1916 года дивизия была перебросена в устье Дуная, где вошла в состав 6-й армии Румынского фронта. Георгиевский кавалер. В начале 1918 года создал в Из-

маиле отряд из офицеров Морской дивизии, с которым выступил в поход на соединение с отрядом М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон. 21 апреля после боя за Ростов назначен командиром Сводно-стрелкового полка, участвовал во взятии Новочеркасска. Во 2-м Кубанском походе полк во главе с Жебраком взял станции Торговую и Великокняжескую. В ночь на 23 июня возглавил атаку 2-го и 3-го батальонов полка на станцию Белая Глина. Погиб со штабом полка нарвавшись на пулеметную батарею красных. Погребен в братской могиле в Белой Глине.

Житкевич Дмитрий Венедиктович (1885–1930). Родился 15 ноября 1885 года в селе Дмитрошковское Тульчинского округа. В Великую войну штабс-капитан. В 1918–1919 годах – в Самурском полку. С 14 мая 1919 года – капитан, в сентябре – командир батальона, в октябре – командир отряда из батальона самурцев и дивизиона иркутских гусар (район Льгов – Дмитриев). С 21 июня по ноябрь 1920 года – командир Самурского полка, полковник. Эмигрант, проживал в Болгарии. В 1922 году подписал воззвание за возвращение в СССР. Вернувшись, заведовал конторой совхоза в Черниговском округе. 25 августа 1930 года был арестован; 8 апреля 1931 года расстрелян в Москве.

Звягин Михаил Андреевич (? – до 1945). В Великую войну полковник, командир 108-го пехотного Саратовского полка. С 29 октября по декабрь 1918 года – командир Самурского полка. В апреле 1920 года – командир Алексеевской пехотной бригады (из Алексеевского и Самурского полков), начальник десанта у Генчесска. Позднее – начальник 6-й пехотной дивизии, генерал-майор. В эмиграции комендант города Галлиполи до 29 января 1921 года. Осенью 1925 года в составе Дроздовского полка в Болгарии. Во время 2-й мировой войны служил в Русском корпусе в Югославии. Убит до 1945 года.

Зеленин Евгений Ильич (1885–1931). Родился в Гжатске. В Великую войну подполковник, командир 720-го пехотного Рудниковского полка. В 1918 году – в Самурском полку. В феврале 1919 года – командир батальона полка. С декабря 1918 по 16 апреля 1920 года – командир Самурского полка, позднее – командир бригады 6-й пехотной дивизии. В Русской армии до эвакуации из Крыма, генерал-майор. В эмиграции в Болгарии. Вернулся в СССР, работал делопроизводителем Маслоцентра. 14 августа 1930 года арестован; 8 апреля 1931 года расстрелян в Москве.

Зимнинский Владимир Владимирович (1886–1958). Родился в Москве. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Участвовал в Великой войне в рядах 10-го Финляндского стрелкового полка. Награжден орденом Св. Георгия. Летом 1918 года стал одним из организаторов Ярославского восстания. После его подавления пробрался на Дон, где вступил в ряды Добровольческой армии. Зачислен в 1-й Дроздовский стрелковый полк. Командир 9-й роты полка, позднее – 3-го батальона. В 1920 году – командир 10-й роты полка, позднее – помощник командира 4-го Дроздовского полка. Во 2-ю мировую войну вступил в Русский корпус, фельдфебель. По окончании войны жил и работал в Австрии.

Злобин. Поручик. Командир роты в 1-м Дроздовском полку.

Иванов Петр Иванович (?–1919). Участник похода Яссы – Дон. Во время Гражданской войны – командир 4-й роты 1-го Дроздовского полка. Пополнял свою роту исключительно солдатами из числа пленных красноармейцев. Погиб в Дмитриеве 31 октября 1919 года. Похоронен в конце декабря личным составом роты в Азове, спустя почти два месяца.

Ильин. Полковник. С декабря 1918 – по 18 мая 1919 года – командир Самурского полка.

Искрицкий. Капитан. Командир роты 1-го Дроздовского полка.

Казак. Капитан. Командир батальона во 2-м Дроздовском полку.

Каменцев Василий Романович. К концу Великой войны поручик. Участник похода Яссы – Дон. Штабс-капитан. Летом 1920 года – офицер 1-й роты 1-го Дроздовского полка. 1 августа 1920 назначен временно исполняющим должность командира 11-й роты полка.

Камлач Иван Климентьевич (?–1979). Окончил Алексеевское артиллерийское училище (1914). В Великую войну – поручик артиллерии. Участник похода Яссы – Дон. С 27 января 1919 года – штабс-капитан, в апреле – капитан, начальник орудия 3-й гаубичной батареи Дроздовской артиллерийской бригады, в ноябре – командир взвода. В мае 1920 года – старший офицер 7-й батареи, затем – 4-й батареи той же бригады до эвакуации Русской армии. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона в Болгарии. Подполковник. В 1930 году – в Болгарии, возглавлял группу дивизиона. Полков-

ник. Во время 2-й мировой войны служил в Русском корпусе. Скончался 5 марта 1979 года в Сан-Паулу (США).

Карнаопулло (?–1920). Штаб-капитан. С конца мая 1920 года командир 6-й роты 1-го Дроздовского полка. Погиб летом 1920 года.

Кельнер Константин Александрович (1879 – после 1959). Из дворян, сын генерал-майора, уроженец Терской области. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. Участвовал в подавлении восстания «Большого кулака» в Китае в 1900–1901 годах и Русско-японской войне. Великую войну начал в рядах 9-го стрелкового полка; к концу войны – полковник, командир 9-го стрелкового полка. Участник похода Яссы – Дон в составе Сводно-стрелкового полка. С 23 июня до июля 1918 года – командир Солдатского батальона, затем полка. С 18 января 1919 года – командир 2-го офицерского полка, в сентябре–ноябре – командир 1-й бригады 3-й пехотной дивизии. С мая 1920 года – помощник начальника Дроздовской дивизии, с июля – временно исполняющий обязанности начальника дивизии; 6 августа сдал командование дивизией и убыл в распоряжение командира 1-го армейского корпуса. Генерал-майор. Эмигрант, галлиполиец. Позднее перебрался в Болгарию из которой был выслан в 1922 году. Осенью 1925 года – в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. По окончании 2-й мировой войны переехал в Венесуэлу. В 1959 году в «Часовом» была опубликована статья посвященная 80-летию со дня рождения генерал-майора К.А. Кельнера, проживавшего в столице Венесуэлы Каракасе.

Кирей Александр Фаддеевич (1888–1959). Родился в Чернигове, в дворянской семье. Окончил Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге (1901) и Константиновское артиллерийское училище (1904). Участник Русско-японской и Великой войн. Подполковник. В 1918 году – гетманской армии, войсковой старшина. Во ВСЮР и Русской армии в Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник. Во 2-ю мировую войну служил в Русском корпусе. Скончался 14 августа 1959 года в Дорнштадте (ФРГ).

Кобаров (Кабаров) Михаил Алексеевич (?–1962). Окончил Тверское кавалерийское училище (1907). Штаб-ротмистр 7-го драгунского полка. Участник похода Яссы – Дон. В ноябре 1918 года во 2-м конном полку, с 16 ноября – командир 3-го офицерского эскадрона. С 30 сентября 1919 года – ротмистр, с 26 апреля 1920 го-

да – подполковник. В августе 1920 года – командир 2-го конного полка, затем конного дивизиона Дроздовской стрелковой дивизии. Полковник. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Эмигрант. В Галлиполи – командир Дроздовского конного дивизиона, в который был сведен полк. Позднее проживал в Болгарии. Осенью 1925 года в составе Дроздовского полка в Югославии. Скончался 19 июня 1962 года в Веллингтоне (Новая Зеландия). Неопубликованные дневники М.А. Кобарова о действиях 2-го конного полка использовались В. Кравченко при составлении книги «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи».

Ковалев Захарий (?–1920). Капитан. 11 августа 1920 года назначен временно исполняющим должность начальника команды пеших разведчиков 1-го Дроздовского полка, погиб в октябре того же года.

Ковалевский. Капитан. Летом 1920 года – помощник полкового адъютанта 1-го Дроздовского полка.

Ковалевский (?–1918). Капитан. В начале июня 1918 года – командир первого самодельного бронепоезда Добровольческой армии в составе 3-й пехотной дивизии. Погиб при взятии Белой Глины 23 июня 1918 года.

Коваленко Владимир Иосифович (?–1920). Окончил Михайловское артиллерийское училище. В Великую войну – прапорщик 2-го мортирного артиллерийского дивизиона. В августе 1918 года в 3-й легкой гаубичной батарее. С 25 февраля 1919 года – поручик, с 13 марта – штабс-капитан; в ноябре – командир орудия 7-й батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. В апреле 1920 года назначен начальником команды пеших разведчиков 3-го Дроздовского полка, капитан. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Погиб 6 августа 1920 года под колонией Андреебург.

Колдобский Сергей Николаевич (1889–?). В конце Великой войны офицер Балтийской морской дивизии. Полковник. Участник спасения знамени Балтийской морской дивизии. Участник похода Яссы – Дон. В дальнейшем служил в Дроздовской дивизии по хозяйственной части. В эмиграции проживал в Болгарии.

Колзаков Борис Яковлевич (1888–1940). Родился 13 апреля 1888 года в Санкт-Петербурге. Из потомственных дворян. Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус. По сдаче экзамена произведен в подпоручики и переведен во 2-ю конно-артиллерийскую батарею. В 1912 году – подпоручик 5-й конно-артиллерий-

ской бригады. В Великую войну – капитан Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы – Дон (командир конно-горной батареи). В августе 1918 года – командир 1-й конно-горной батареи. Осенью – полковник, командир Дроздовской конно-горной батареи. С 13 июля 1919 года – командир Отдельной конно-горной генерала Дроздовского батареи, генерал-майор. В августе 1920 года – командир 3-го конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Эмигрант. В Галлиполи – командир 2-й сводной конно-артиллерийской батареи. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа в Париже. Скончался 11 мая 1940 года в Париже. На памятнике написано: «Полковник Дроздовского артдивизиона».

Колтышев Петр Владимирович (1894–1988). Окончил Псковский кадетский корпус и Павловское военное училище. Участник Великой войны, на фронт которой выступил в составе 2-го стрелкового Финляндского полка. Тяжело ранен в Восточной Пруссии. В 1916 году – исполняющий должность старшего адъютанта в штабе 40-го армейского корпуса. В 1917 году окончил курсы 1-й очереди при Николаевской академии, причислен к Генеральному штабу, капитан. В январе 1918 года записался рядовым в отряд М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон (оперативный адъютант). В Добровольческой армии и в ВСЮР – начальник штаба 3-й дивизии генерала Дроздовского. В сентябре 1918 года назначен старшим помощником начальника оперативного отдела в Управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии. С 1918 по март 1920 года – докладчик по оперативной части при Главнокомандующем ВСЮР генерале А.И. Деникине, полковник. С отъездом Деникина за границу вернулся в строй Дроздовской дивизии; рядовой 1-го Дроздовского полка, помощник командира полка, дважды тяжело ранен. Помощник коменданта Севастополя генерала Стогова. Находясь на излечении в Севастополе, сформировал из выздоравливающих офицеров роту, прикрывавшую посадку белых на суда во время эвакуации в ноябре 1920 года. Эмигрант, галлиполиец. В составе Дроздовского полка прибыл в Болгарию, в город Свищев, откуда в 1924 году переехал во Францию. Более 35 лет работал шофером такси в Париже. Все это время непрерывно и безвозмездно помогал генералу Деникину до отъезда последнего в Америку в 1945 году: собирал материалы для «Очерков русской смуты», организовывал публичные выступления Деникина, сопровождал его в поездках в Лондон, Белград и Прагу, состоял фактиче-

ским секретарем редакции газеты «Доброволец». Скончался 9 августа 1988 года. Похоронен на участке Дроздовской дивизии на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Конради Мориц – Александр Морицевич (1896–1931). Родился 29 мая 1896 года. Бывший швейцарский гражданин, уроженец Петербурга. Окончил Павловское военное училище. Участник Великой войны, подпоручик. В июне 1918 года прибыл в Добровольческую армию, назначен во 2-й офицерский стрелковый полк в команду связи. В июне 1919 года – помощник полкового адъютанта по оперативной части. Штабс-капитан (1919), капитан (1920). Служил в штабе Дроздовской стрелковой дивизии. В 1920 году – адъютант А.В. Туркула. После эвакуации из Крыма был в Галлиполи, откуда уехал на историческую родину, в Швейцарию. В 1923 году в Лозанне (Швейцария) застрелил советского дипломата В.В. Воровского. Суд, получивший широкий международный резонанс, оправдал М. Конради, сочтя его поступок актом справедливого возмездия советскому режиму за его злодеяния. Оправданный судом, М. Конради уехал во Францию, где вступил во французский Иностраннный легион. Умер в начале 1931 года, проходя службу в одной из африканских колоний Франции.

Коньков Василий Петрович (1878–1957). Родился 13 марта 1878 года. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище. Офицер с 1898 года. В Великую войну в 39-м Томском пехотном полку, капитан (был в плену). В 1918–1919 годах – в 1-м Дроздовском полку. На 3 января – командир 7-й роты полка. С 11 июля 1920 года – командир 2-го батальона 1-го Дроздовского полка (на момент назначения – капитан). Полковник. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского полка в Болгарии. В 1931 году возглавлял группу дроздовцев в Болгарии. Во время 2-й мировой войны служил в Русском корпусе. Захвачен в Болгарии и вывезен в СССР. Отбыл 10 лет в лагерях. Скончался 19 августа 1957 года в Софии.

Косицкий Николай Андреевич. Полковник. Участник похода Яссы – Дон. Во ВСЮР и Русской армии – командир 1-й батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона в Болгарии.

Криницкий Тихон Григорьевич (1896–1975). Родился 16 августа 1896 года в селе Гнедина Остерского уезда Черниговской гу-

бернии. Окончил Предместно-Слободское высшее начальное училище. Участник Великой войны – принят на военную службу охотником в июле 1915 года. Прибыл в действующую армию в 407-й пехотный Саранский полк в июле 1916 года. В августе 1917 года окончил 2-ю Киевскую школу прапорщиков. В Гражданскую войну воевал в составе 1-го Дроздовского полка, поручик. Эмигрант, галлиполец. Позднее жил в Болгарии и Франции, где и скончался в феврале 1975 года.

Кудряшов Ипполит Александрович (1885–1965). Родился 27 ноября 1885 года в Москве. Окончил юридический факультет Московского университета. Служил помощником прокурора в Ломже. Участник Великой войны. На военной службе с осени 1914 года – вольноопределяющийся-артиллерист. Произведен в прапорщики артиллерии в 1915 году. К осени 1917 года поручик, младший офицер 2-й батареи 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона на Румынском фронте. За Великую войну награжден шестью орденами и солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Осенью 1917 года вместе со своим однополчанином штабс-капитаном Д.Б. Бологовским вступил в подпольную антисоветскую организацию на Румынском фронте. Одними из первых группа Бологовского присоединилась М.Г. Дроздовскому. Штабс-капитан Бологовский и его группа из 14 человек в отряде Дроздовского исполняли функции разведки и контрразведки. Участник похода Яссы – Дон, рядовой 2-й роты Сводно-стрелкового полка. В дальнейшем участник всех боев и походов Дроздовской дивизии. В 1919–1920 годах – командир броневедомств «Кубанец» и «Доброволец». После эвакуации Новороссийска младший офицер 7-й гаубичной батареи в Дроздовском арtdивизионе, подполковник. После Галлиполи, эмигрировал из Болгарии во Францию. Состоял в Обществе галлиполицев и в РОВСе, но в дальнейшем от них отошел. Скончался в Сен-Боделе 23 августа 1965 года.

Кулаковский Николай Федорович (?–1932). Во время Великой войны подпоручик 60-го пехотного Замосцкого полка. Участник похода Яссы – Дон (адъютант М.Г. Дроздовского). С 1918 года – в Самурском полку. С 13 июля 1919 года – поручик, с 16 августа – штабс-капитан. Эмигрант, галлиполец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского полка в Болгарии. Подполковник. В 1931 году возглавлял группу Общества галлиполицев в Видине. Убит в 1932 году в Болгарии.

Кумачев (?–1920). Поручик. Офицер 3-го батальона 1-го Дроздовского полка. Летом 1920 года командовал 6-й ротой полка, погиб в мае того же года.

Кунцевич. Полковник. Командир батальона 2-го Дроздовского полка.

Кушелев Вадим Владимирович (ок. 1889–1962). Сын действительного статского советника. Окончил Пажеский корпус (1909). Чин Лейб-гвардии конного полка. К концу войны – подполковник. Участник похода Яссы – Дон (присоединился к отряду в Бердянске). 2 мая 1918 года после взятия Новочеркаска во главе отряда из двух эскадронов конного дивизиона и двумя конно-пулеметными взводами был отправлен в Сальский округ на помощь восставшим казакам (возвратился 17 июня). Позднее – командир Инородческого полка. С 4 апреля 1919 года – в распоряжении командующего войсками Закаспийской области. В начале 1920 года – командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка, полковник. Эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 года из Новороссийска. На май 1920 года в Югославии. В эмиграции во Франции, к февралю 1954 года – в Германии. Скончался 24 февраля 1962 года в Марселе (Франция).

Лазарев (?–1920). Капитан. Участник похода Яссы – Дон. Командир 2-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады, позднее – на бронепоезде «Генерал Корнилов» (с 7 апреля 1919 года – командир бронепоезда). Убит 20 февраля 1920 года на Кубани.

Лапиков. Летом 1920 года – командир 2-го батальона 1-го Дроздовского полка. 11 июля отрешен от должности ввиду нахождения в служебной командировке больше срока.

Лапков. Полковник. В 1920 году командир офицерской роты 1-го Дроздовского полка.

Лебедев. Капитан. Зимой 1919 года временно командовал 2-й ротой 1-го Дроздовского.

Лесли Георгий Дмитриевич (1888–1927). Из дворян Смоленской губернии. Сын подполковника. К концу Великой войны – полковник. Участник похода Яссы – Дон (помощник начальника штаба отряда, с 21 апреля – начальник штаба). Весной–летом 1918 года – начальник вербовочного центра Добровольческой армии в Киеве, арестован германскими войсками. В августе бежал на Дон. Весной 1920 года эвакуировался из России, в августе возвратился в Крым. Эмигрант. На 1 апреля 1922 года проживал в Константи-

нополе, позднее в США. Скончался 2 февраля 1927 года в Нью-Йорке или Флориде.

Лолоков. Штабс-капитан. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира 3-й роты 1-го Дроздовского полка. Ранен, прибыл по излечению 12 августа, переведен в 4-ю роту.

Ломяков. Летом 1920 года – командир 11-й роты 1-го Дроздовского полка. 1 августа ранен и эвакуирован в тыл.

Лунев Никифор (?–1920). Капитан. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира 12-й роты 1-го Дроздовского полка, убит 31 июля того же года.

Малашенок. Поручик. Командир роты 1-го Дроздовского полка. Погиб.

Малиновский (?–1918). Штабс-ротмистр. В январе–сентябре 1919 года – командир 6-го эскадрона 2-го конного полка. Погиб 9 сентября 1919 года у села Веркиевка.

Мальцев (Мальцов) Владимир Алексеевич (1877–?). В службе с 1894 года, офицер с 1897 года. К концу Великой войны полковник. В конце 1917 – начале 1918 года – инспектор артиллерии Кубанской армии. В составе Кубанской дружины Добровольческой армии участник 1-го Кубанского похода. Позднее – начальник снабжений. С 20 октября 1918 года – в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 11 ноября – начальник артиллерии 3-й пехотной дивизии, позднее – командир 3-й артиллерийской бригады. Генерал-майор (декабрь 1918 года). С 4 августа, в сентябре–октябре 1919 года – инспектор артиллерии 4-го конного корпуса. Эмигрант.

фон Манштейн Владимир Владимирович (1894–1928). Родился 3 января 1894 года. Сын отставного полковника, уроженец Полтавской губернии. Окончил Киевский кадетский корпус и Владимирское пехотное юнкерское училище. В Великую войну воевал в 7-м пехотном Ревельском генерала Тучкова полку. Награжден многими боевыми наградами. В представлении к Георгию 4-й степени командир полка писал о Манштейне: «Горячо любя Родину и Отечество, всегда готовый пожертвовать своей жизнью, он, презирая всякие опасности, выказывая полное спокойствие, хладнокровие, неустранимость и доблестную храбрость, всюду идя впереди роты, своим примером воодушевляя солдат, призывая их на самоотверженность. Будучи дважды ранен, Манштейн после каждого ранения спешил возвратиться в строй к своим родным братьям –

солдатам. За свои боевые доблести он приобрел всеобщую любовь их и полное доверие. По его зову солдаты готовы идти всегда на какие угодно непреодолимые препятствия». В 1916 году – штабс-капитан, к концу войны – капитан. 4 марта 1918 года вступил рядовым в отряд М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон. 6 апреля назначен командиром 4-й роты в Сводно-стрелковом полку. С осени командовал 3-м батальоном полка. 15 мая 1919 года за боевые отличия произведен в полковники. В октябре 1919 – летом 1920 года – командир 3-го Дроздовского полка. За боевые отличия в боях в Северной Таврии летом 1920 года произведен в генерал-майоры. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Находился во главе полка по сентябрь 1920 года, затем – помощник начальника Дроздовской дивизии. После самоубийства начальника Марковской пехотной дивизии генерала А.Н. Третьякова с 15 по 21 октября – временно исполняющий должность начальника этой дивизии. Эмигрант, галлиполиец. Позднее переехал в Болгарию. Будучи одноруким инвалидом, очень нуждался. 19 сентября 1928 года покончил жизнь самоубийством.

фон Манштейн Владимир Карлович (1853–1933). Вступил в службу 15 августа 1872 года в 35-й Брянский пехотный полк, с которым участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. За отличия в боях произведен в прапорщики. В 1879–1899 годах – в 31-м Апшеронском пехотном полку. В 1899 году – капитан и командир роты в 10-м Восточно-Сибирском полку участвовавшим в походе в Китай в 1900–1901 годах. В Русско-японскую войну – командир батальона в 4-м Томском полку. В 1905 году произведен в полковники, вышел в отставку с мундиром и пенсией с должности командира батальона. В Великую войну – командир батальона в 318-м пехотном Черноморском полку. В 1916 году был признан негодным к строевой службе. С 15 августа 1918 года – Добровольческой армии. Младший офицер 5-й роты 2-го офицерского стрелкового полка. В начале 1919 года во время боев в Каменноугольном бассейне заведовал эшелонами офицерской роты полка. Осенью 1919 года служил при штабе 1-го Дроздовского полка в офицерской роте. В 1920 году во время боев Русской армии в Северной Таврии находился при штабе Дроздовской дивизии. 6 августа 1920 года по представлению начальника Дроздовской стрелковой дивизии генерала А.В. Туркула приказом П.Н. Врангеля произведен в генерал-майоры. Эмигрант, галлиполиец. Позднее проживал в Болгарии. В 1928 году в связи с 50-й годовщиной освобождения Болгарии был

награжден болгарским царем Борисом офицерским крестом «За храбрость». Скончался в Софии 5 декабря 1933 года. Похоронен на местном кладбище на участке ветеранов Освободительной войны.

Маслов Лев Львович (ок. 1896–1959). Окончил Орловский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Поручик. Участник похода Яссы – Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й гаубичной батарее. С 27 января 1919 года – штабс-капитан, с 29 января – капитан. В 1920 году – командир 6-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона в Болгарии. Подполковник. Во время 2-й мировой войны служил в Русском корпусе в Югославии. После 1945 года – в Германии, скончался 12 сентября 1959 года в Розенхайме.

Медведев Александр Константинович (1882–1964). Окончил Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. В Великую войну подполковник, командир 2-й батареи 4-го мортирного артиллерийского дивизиона, Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы – Дон (командир гаубичного взвода (позднее батареи)). Полковник (осень 1918 года). В сентябре 1918 – январе 1919 года – командир 3-й отдельной легкой гаубичной батареи (вошла в Дроздовскую артиллерийскую бригаду 7-й батареей). В 1919 году – командир 4-го дивизиона Дроздовской артиллерийской бригады, в мае 1920 года – командир гаубичного дивизиона. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона во Франции. Скончался 12 февраля 1964 года в Шартре (Франция).

Мельников Вячеслав Петрович. В 1919 году состоял на службе в 3-й Донской отдельной добровольческой бригаде. 25 января 1920 года при переформировании бригады был переведен в Богучарский полк, став его командиром. Летом того же года – командир 3-го батальона 1-го Дроздовского полка. 15 июля под Ореховым был ранен в бою и эвакуирован. 7 августа прибыл по излечению из Севастополя. 8 августа вступил во временное командование полком, которым командовал до 23 сентября (оставил полк по собственной просьбе). Эмигрант, галлиполиец. Позднее в составе Дроздовского полка в Болгарии.

Михайловский (?–1918). Ротмистр. Летом 1918 года – командир дивизиона 2-го конного полка, погиб 30 августа у хутора Баскунчук.

Моисеев. Поручик. Командир роты в 1-м Дроздовском полку. Погиб.

Мусин-Пушкин Александр Владимирович (?–1920). Окончил ускоренный курс Константиновского артиллерийского училища. Участник Великой войны. Служил в 4-м мортирном артиллерийском дивизионе. Подполковник. Участник похода Яссы – Дон. В 1920 году – командир 5-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады, погиб в Северной Таврии под Фридрихсфельдом.

Мяснанкин Владимир. В июле–августе 1920 года назначен временно исполняющим должность начальника команды связи 1-го Дроздовского полка.

Невадовский Николай Дмитриевич (1878–1939). Из дворян, сын генерала. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Участник Великой войны. В 1915 году за боевые отличия произведен в полковники, Георгиевский кавалер и командир артиллерийского дивизиона 15-й артиллерийской бригады. В мае 1917 года – генерал-майор, командир 64-й артиллерийской бригады, в конце года – инспектор артиллерии 12-го армейского корпуса. В феврале 1918 года покинул службу и прибыл отряд М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон (зачислен в отряд рядовым, но вскоре был назначен начальником артиллерии). 31 мая назначен инспектором артиллерии Добровольческой армии. С января 1919 года – инспектор артиллерии Крымско-Азовской Добровольческой армии. 19 февраля приказом Главнокомандующего ВСЮР произведен в генерал-лейтенанты. После расформирования Крымско-Азовской армии в июне 1919 года назначен инспектором артиллерии войск Северного Кавказа. В октябре 1919 – январе 1920 года – начальник гарнизона города Кисловодска и всего Минералводского района. С 13 марта – начальник Владикавказского отряда; в марте отступил с отрядом в Грузию. С 4 мая – инспектор артиллерии Сводного корпуса Русской армии. В эмиграции жил в Париже. Возглавлял Союз добровольцев, был издателем основанной генералом в 1936 году А.И. Деникиным газеты «Доброволец». Погиб под колесами грузовика в Кенси, под Парижем, в октябре 1939 года. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Низовцев Арсений Михайлович (1895–1959). Родился 17 октября 1895 года. Из крестьян, уроженец Забайкальской области. Окончил Иркутскую учительскую семинарию и ускоренный курс

Иркутского военного училища. Участник Великой войны. В октябре 1916 года прибыл в 11-й Сибирский запасной стрелковый полк, зачислен младшим офицером. Убыл в действующую армию в июне 1917 года. По прибытии на фронт был включен в состав 4-го морского полка Отдельной Балтийской морской дивизии, подпоручик. 8 января 1918 года вступил в отряд М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон. В Гражданскую войну предположительно воевал в рядах 1-го Дроздовского полка, был дважды ранен. 5 августа 1920 года за боевые отличия произведен в подполковники. Эмигрант, галлиполиец. Позднее переехал с Дроздовским полком в Болгарию, в город Русчук, где занимал должность председателя Общества галлиполийцев и начальника армейской группы РОВСа. С началом 2-й мировой войны вступил в ряды Русского корпуса. После войны 4 года находился в лагере «Ди-пи», в Зальцбурге, позднее переехал в США, в Сан-Франциско. Был членом местного Общества русских ветеранов Великой войны, начальником Объединения чинов Дроздовской дивизии, членом Союза галлиполийцев и Союза чинов Русского корпуса.

Николаев П.В. К 1919 году – капитан. С 24 апреля 1919 года – командир 2-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. Полковник.

Нилов Сергей Родионович (1894–1976). Родился 10 сентября 1894 года. Из крестьян Смоленской губернии. Окончил Смоленское Александровское реальное училище, два класса Константиновского артиллерийского училища. К концу Великой войны – штабс-капитан, командующий 4-й батареей 61-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы – Дон (командир броневика № 3, позднее «Верный»). В июне–октябре 1918 года – командир броневика «Верный». Летом 1919 года – командир 3-го бронеполка (броневика «Верный», «Кубанец», «Артиллерист»). С мая 1920 года – в 7-й гаубичной батарее Дроздовской артиллерийской бригады. С октября – командир 7-й батареи, вплоть до эвакуации из Крыма, полковник. В последних боях был тяжело ранен. Эмигрант, галлиполиец. По выздоровлении вернулся в Дроздовский артиллерийский дивизион. В 1921 году в составе дроздовских частей переехал из Галлиполи в Болгарию, в город Орхание. Позднее проживал во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже. Состоял в РОВСе и Обществе галлиполийцев. Скончался 21 августа 1976 года в Монморанси (Франция).

Нитченко. Подпоручик. С 20 августа 1920 года – временно исполняющий должность командира 4-й роты 1-го Дроздовского полка.

Павлов Александр Константинович (1894–1963). Родился 19 января 1894 года в семье отставного капитана. В 1916 году студентом математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета призван на военную службу и направлен в Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище. По его окончании в начале 1917 года убыл в чине прапорщика на Румынский фронт. Воевал в составе 495-го пехотного Ковенского полка. К концу Великой войны подпоручик. Участник похода Яссы – Дон. В Гражданскую войну в рядах дроздовцев, капитан. Эмигрант, галлиполиец. Позднее проживал в Болгарии, с середины 1920-х годов – в Праге. Состоял в РОВСе и в Галлиполийском землячестве. В 1945 году с приближением советских войск покинул Прагу. После войны жил в Зальцбурге и в Мюнхене. В 1951 году эмигрировал из ФРГ в США. В Нью-Йорке вместе с генералом В.Г. Харжевским и полковником М.Н. Лавровым выпускал журнал Общества галлиполийцев в США «Перекличка», позднее самостоятельно выпускал журнал «Наша Перекличка». Умер 12 сентября 1963 года в Беркли (Калифорния).

Переслени Владимир Михайлович (ок. 1898–1985). Окончил 1-й кадетский корпус в Москве и Павловское военное училище (1916). Офицер гаубичной батареи Румынском фронте. Участник похода Яссы – Дон. В июле 1919 года штабс-капитан, начальник орудия, с 4 августа – командир взвода 3-й гаубичной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. В марте 1920 года – капитан 7-й батареи бригады. В апреле–мае – командиром офицерской роты 3-го Дроздовского полка. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года в составе Дроздовского полка во Франции. Подполковник. Скончался 14 февраля 1985 года в Лилле (Франция).

Петерс Евгений Борисович (?–1922). Сын учителя гимназии, студент Московского университета. На фронт Великой войны вышел в рядах 268-го пехотного Новоржевского полка. Прапорщик, в ходе боев награжден орденом Св. Георгия. В 1919 году командир 2-й роты 1-го Дроздовского полка, полковник; летом несколько дней исполнял обязанности командира полка; на 30 декабря – командир 1-го батальона полка. За время войны несколько раз был ранен, награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Эмигрант, гал-

липолиец. 3 июня 1922 года покончил жизнь самоубийством в Севлиево (Болгария).

Пинчуков. Подполковник. Бригадный адъютант Дроздовской артиллерийской бригады.

Ползиков Михаил Николаевич (1875–1938). Окончил Орловский кадетский корпус и Павловское военное училище (1895). В Великую войну командир батареи и дивизиона, Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы – Дон (командир легкой батареи). С лета 1918 года возглавлял 3-ю легкую батарею 3-й пехотной дивизии. С 4 августа 1919 года командир артиллерийской бригады Дроздовской дивизии. Участвовал во всех боях дивизии, вплоть до эвакуации Русской армии, генерал-майор. Эмигрант, галлиполиец (командир 3-го Дроздовского артиллерийского дивизиона). Позднее жил в Болгарии, и Люксембурге. Скончался в Вассербилге 6 июня 1938 года.

Де Поллини Борис Брониславович (?–1969). Окончил Михайловское артиллерийское училище. Полковник. В октябре 1918 года – в 3-й гаубичной батарее 3-й артиллерийской бригады. С 4 января 1919 года – в тяжелой батарее, с 24 апреля – командир 8-й батареи, с 23 октября – командир отдельного тяжелого гаубичного артиллерийского дивизиона. В Русской армии до эвакуации из Крыма. Эмигрант, галлиполиец. Начальник Гимнастическо-фехтовальной школы. Осенью 1925 года в составе Алексеевского артиллерийского дивизиона (прикомандирован к 1-й Галлиполийской роте) во Франции. Скончался в апреле 1969 года.

Полторацкий. Ротмистр. Командир эскадрона во 2-м конном полку.

Поспелов. К концу Великой войны штабс-ротмистр. Участник похода Яссы – Дон. С 11 января 1919 года – исполняющий должность командира 2-го конного полка, ротмистр.

Поталов Исаакий (?–1920). К концу Великой войны подпоручик. В 1918 году во 2-м офицерском стрелковом полку. С 18 июня 1919 года – поручик, к октябрю – штабс-капитан, помощник командира 3-го батальона в 1-м Дроздовском полку. В 1920 году – капитан, командир 2-го батальона 2-го Дроздовского полка. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца, полковник. 27 октября 1920 года тяжело ранен в боях на Перекопе, скончался от ран в Константинополе.

Почекаев Лев Николаевич (1887–?). К концу Великой войны – подполковник. Участник похода Яссы – Дон (командир 1-го батальона Сводно-стрелкового полка). В январе 1919 года – начальник колонны в Северной Таврии, с лета – командир 42-го пехотного полка, полковник. В Русской армии до эвакуации Крыма. Эмигрант.

Прокопенко Дмитрий Михайлович (?–1974). Окончил Сергиевское артиллерийское училище. В Великую войну офицер 4-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с начала 2-го Кубанского похода, в Дроздовском гаубичном дивизионе. В 1920 году – командир 8-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В эмиграции проживал во Франции. В 1920-х годах в Лионе возглавлял отделение Общества галлиполийцев.

Протасович (Протасевич) Виктор Александрович (1886–1966). Окончил Псковский кадетский корпус и Михайловское военное училище, из которого вышел в 37-ю артиллерийскую бригаду. Позднее служил в 9-й Восточно-Сибирской стрелковой бригаде. В 1914 году держал экзамен в Николаевскую академию Генерального штаба, но с началом Великой войны выступил на фронт старшим офицером батареи в 28-й артиллерийской бригаде. В 1917 году – подполковник и командир батареи. Летом 1918 года вступил рядовым в Дроздовскую артиллерийскую бригаду, вскоре стал командиром 2-й батареи. 13 апреля 1919 года назначен командиром 2-го дивизиона бригады; в сентябре–октябре – назначен командиром 1-го дивизиона бригады. 16 июня 1920 года – произведен в полковники, награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Эмигрант, галлиполиец. Позднее переехал в Болгарию, затем во Францию. Осенью 1925 года в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона на Корсике. В 1931 году – помощник командира Дроздовского артиллерийского дивизиона во Франции. В Париже был постоянным членом главного правления Общества галлиполийцев. В 1956–1964 годах – начальник 1-го отдела РОВСа. Скончался 2 октября 1966 года в Доме русских военных инвалидов в Монморанси под Парижем. Похоронен на Дроздовском участке русского кладбища в Сент-Женевьев де Буа.

Рипке Владимир Владимирович (?–1919). В Великую войну офицер 2-й батареи 26-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы – Дон. В 1918–1919 годах – в 1-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады, командир бронепоезда «Дроздовец», капи-

тан. Застрелился в сентябре 1919 года, тяжело переживая потерю бронепоездов ВСЮР.

Ройбул-Вакарэ Михаил Вениаминович. Окончил Одесский кадетский корпус (1909), Киевское военное училище. В Великую войну – поручик 7-го стрелкового полка. Участник похода Яссы – Дон. В октябре 1919 года – командир 2-го батальона в 1-м Дроздовском полку; с 4 ноября – штабс-капитан, с 5 ноября – капитан. В 1920 году полковник. Эмигрант, галлиполиец. Позднее переехал в Болгарию.

Романенко. Подпоручик. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира 10-й роты 1-го Дроздовского полка.

Рончевский Ростислав Петрович (1899–1966). Родился 7 мая 1899 года, уроженец Гродненской губернии. Окончил Суворовский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого был назначен в 26-ю артиллерийскую бригаду на Румынский фронт, в 4-ю батарею младшим офицером. В начале 1918 года прапорщик Рончевский вступил в отряд полковника М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон. В Гражданскую войну – в рядах дроздовцев. Последний чин – штабс-капитан. После крымской эвакуации и Галлиполи жил в болгарском городе Орхание. Позднее эмигрировал во Францию. В Париже состоял в РОВСе и Обществе галлиполийцев. Активно работал во «Внутренней линии» РОВСа. Вместе со своим другом казачьим офицером Б. Прянишниковым пытался разоблачить «внутреннюю линию», когда ее возглавил генерал Н.В. Скоблин, оказавшийся советским агентом. Стоял у истоков новой эмигрантской антисоветской организации – Национального союза нового поколения, в дальнейшем Народно-трудового союза. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Руммель Владимир Адольфович (1888–1920). Родился 26 сентября 1888 года. Из дворян, сын полковника, уроженец Нижегородской губернии. Окончил Ярославский кадетский корпус и Владимирское военное училище (1910), откуда выпущен подпоручиком в 86-й пехотный Вильманstrandский полк. Великую войну закончил на Румынском фронте в чине подполковника. Участник похода Яссы – Дон (командир офицерской роты в Сводно-стрелковом полку). В июне 1918 года – командир батальона 2-го офицерского стрелкового полка. С января 1919 года – командир 1-го Дроздовского полка (до 11 октября), полковник; в октябре – командир отряда который

вел бои в районе Кром и Севска, затем командир 2-го Дроздовского полка; с 14 ноября – комендант города Харькова. При отступлении белых к Новороссийску заболел тифом и умер в марте 1920 года (точная дата смерти и место погребения неизвестны).

Рутченко Николай Алексеевич (1883–1920). Родился 8 сентября 1883 года. Сын коллежского регистратора, уроженец Екатеринославской губернии. Окончил Петербургское реальное училище Н.В. Богинского и Павловское военное училище (четырёхмесячный курс военного времени по 1-му разряду), по выпуску из которого в июне 1916 года произведен в прапорщики (в марте пожалован Георгиевской медалью 4-й степени). Переведен на службу в 283-й пехотный Павлоградский полк, в рядах которого участвовал в Великой войне. В июне 1917 года произведен в подпоручики. Согласно приказу по 30-му армейскому корпусу за № 245 от 25 января 1918 года вследствие расформирования полка исключен из списков полка. В мае 1917 года командировался в штаб 6-й армии. Участник похода Яссы – Дон. В рядах дроздовцев прошел всю Гражданскую войну. После эвакуации Русской армии остался в Советской России. Расстрелян в ноябре 1920 года. Отец известного историка Н.Н. Рутыча.

Рябкофь. Поручик. Командир роты в 1-м Дроздовском полку. Погиб.

Рязанцев (?–1920). Полковник. В 1920 году командир батальона во 2-м Дроздовском стрелковом полку, погиб в октябре того же года.

Савин Александр Ильич. К концу Великой войны – подпоручик. Участник похода Яссы – Дон. Летом 1920 года – начальник пулеметной команды 1-го Дроздовского полка, штабс-капитан. В августе – временно исполняющий должность командира 1-го батальона полка. Эмигрант.

Самуэлов Александр Артемьевич (1890–1935). Родился 24 сентября 1890 года. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус (1908) и Михайловское артиллерийское училище (1911). В Великую войну – офицер 37-й артиллерийской бригады. С конца 1917 года – в Армянском корпусе на Кавказе. С ноября 1918 года – в Добровольческой армии. Младший офицер в Дроздовской артиллерийской бригаде. В январе 1919 года – капитан, командир взвода, затем командир 4-й батареи; в мае – полковник, командир 10-й батареи той же бригады, с 10 ноября –

командир 1-й батареи отдельного артиллерийского дивизиона 1-й отдельной пехотной бригады. В 1920 году – в Дроздовской артиллерийской бригаде до эвакуации из Крыма. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже. Скончался 9 февраля 1935 года в Париже.

Семенов Валериан В. К концу Великой войны – генерал-майор. Участник похода Яссы – Дон (командир Сводно-стрелкового полка). Отрешен от должности после боя за Ростов. Сдал полк 21 апреля 1918 года в Мокром Чалтыре полковнику М.А. Жебраку. В 1918 году – заведующий вербовочным бюро Добровольческой армии в Харькове; с июля – начальник 1-й дивизии Южной армии, воронежский генерал-губернатор.

Середний Александр. Подпоручик. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира 8-й роты 1-го Дроздовского полка. 6 августа эвакуирован по ранению в тыл.

Силкин Дмитрий Алексеевич (1889 – после 1945). Родился 22 октября 1889 года в Новочеркасске. Из дворян Всевеликого войска Донского, казак станицы Новочеркасской. Окончил Новочеркасское реальное училище, Новочеркасское военное училище (1912). Подъесаул 4-го Донского казачьего полка. В июне 1918 года – командир сотни 2-го конного полка, есаул. Позднее – помощник командира 2-го конного полка. Тяжело контужен 2 ноября 1919 года. С 26 ноября 1919 по 8 августа 1920 года – командир 2-го конного генерала Дроздовского полка. С 9 декабря 1919 года – войсковой старшина. С июля по 8 августа 1920 года – командир 2-го конного полка, затем конного дивизиона Дроздовской дивизии, до эвакуации из Крыма, полковник. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции жил во Франции, был шофером в Париже. В 1931 году возглавлял группу Дроздовского конного полка в Париже. Во время 2-й мировой войны находился в казачьих частях германской армии, командир бригады и 1-й казачьей пешей дивизии, заместитель походного атамана казачьих войск. Генерал-майор (с 15 мая 1945 года). 19 мая 1945 года выдан союзниками советским властям в Лиенце и вывезен в СССР. Умер в лагере. По другой версии в момент выдачи покончил жизнь самоубийством.

Сипягин. Полковник. Летом 1918 года сформировал батальон из чинов 83-го Самурского полка 21-й пехотной дивизии Русской

Императорской армии (численностью около 180 штыков). После соединения этого батальона с ранее сформированным Солдатским полком 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии возглавил Самурский полк (с 14 августа по сентябрь 1918 года).

Смоков Петр. Подпоручик. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира 7-й роты 1-го Дроздовского полка. 21 августа ранен и эвакуирован в тыл.

Соколов Павел Александрович (1883–1955). Родился 15 июня 1883 года в Санкт-Петербурге. Окончил Николаевский кадетский корпус (1902), Михайловское артиллерийское училище (1905) и Михайловскую артиллерийскую академию. В Великую войну полковник, командир 37-й артиллерийской бригады, Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м легком артиллерийском дивизионе. С 13 октября 1918 года – командир 3-й батареи дивизиона, затем Дроздовской артиллерийской бригады. В сентябре 1919 – мае 1920 года – командир 3-го дивизиона той же бригады. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, Греции, Сирии и Ливане (с 1929 года). Работал землемером и топографом. С 1930-х годов – офицер французской армии на Ближнем Востоке. Скончался 22 октября 1955 года в Бейруте.

Соловьев Н.Ф. Подполковник. При разворачивании артиллерийского дивизиона 3-й пехотной дивизии в бригаду командовал дивизионом. С 24 апреля 1919 года – командир 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады.

Сосновский. Штабс-капитан. Командир роты 1-го Дроздовского полка.

Сосновый Вячеслав. Летом 1920 года – начальник команды связи 1-го Дроздовского полка. 18 июля эвакуирован по болезни; прибыл по излечению 13 августа.

Спицын Иван Николаевич. К концу Великой войны штабс-ротмистр. В сентябре 1918 года – командир 7-й черкесской сотни 2-го конного полка, ротмистр.

Станишевский. Подполковник. Летом 1920 года – начальник пулеметной команды 3-го батальона 1-го Дроздовского полка. С 16 июля – временно исполняющий должность командира 3-го батальона полка. Позднее вновь начальник пулеметной команды.

Станкевич Александр Г. (?–1919). В Добровольческой армии и ВСЮР – в 3-м легком артиллерийском дивизионе и в 3-й артиллерийской бригаде. С 22 июля 1919 года – командир 5-й батареи бригады, полковник (с 14 марта). Утонул 4 сентября 1919 года при переправе через реку Сейм у Суджи.

Студенцов Георгий Вениаминович (1897–1963). Родился 12 августа 1898 года в станице Усть-Медведицкой области Войска Донского. Окончил военное училище. Участник Великой войны. В 1916 году прапорщик. Воевал на австрийском фронте в рядах 199-го пехотного Кронштадского полка. После развала армии учился в университете в Харькове. После освобождения Харькова от большевиков вступил в Добровольческую армию, зачислен в Дроздовскую дивизию. Осенью 1920 года эвакуирован из Крыма в составе Дроздовской дивизии. Эмигрант, галлиполиец. В начале 1920-х годов служил адъютантом генерал-лейтенанта В.К. Витковского. Из Болгарии в 1920-х годах эмигрировал в Чехословакию по студенческой визе. В Праге закончил высшее учебное заведение и работал по специальности инженер-архитектор. Все эти годы состоял в РОВСе и в Обществе галлиполийцев. Был членом Правления галлиполийского землячества Праги. В 1945 году арестован СМЕРШем в Праге и депортирован в ГУЛАГ. Вернулся из СССР отбыв 10 лет в лагерях. Скончался в Праге 24 сентября 1963 года. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Субботин. Генерал. Осенью 1920 года – командир Дроздовской бригады. В начале октября ранен в боях у Перекопа.

Сыкалов (?–1918). К концу Великой войны штабс-ротмистр. Участник похода Яссы – Дон. Осенью 1918 года – командир 3-го эскадрона 2-го конного полка, ротмистр; погиб 15 ноября у села Петровского в Каменноугольном бассейне.

Тер-Азарьев Лев Сергеевич (1894–1973). Родился 16 апреля 1894 года. Участник Великой войны. Капитан. С 1918 года в бригаде М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон. Воевал в составе дроздовских артиллерийских частей. Эвакуировался из Крыма осенью 1920 года. После Галлиполи и Болгарии жил во Франции. Скончался 2 марта 1973 года в Париже.

Титов В.С. Полковник. В январе 1920 года – командир 2-го Дроздовского полка.

Тихменев. Полковник. Командир батальона в 1-м Дроздовском полку. С сентября 1920 года – командир 4-го Дроздовского полка.

Трофимов Павел Михайлович (1894–1929). Родился 2 сентября 1894 года в Сенно Могилевской губернии, сын нотариуса. Окончил Виленскую гимназию (1913), Киевское военное училище (1916), учился в Петроградском политехническом институте. В Великую войну офицер 14-го стрелкового полка; к концу войны подпоручик. Участник похода Яссы – Дон. В июле 1919 – 1920 году – капитан, начальник пулеметной команды 1-го Дроздовского полка. 26 июня 1920 года эвакуирован в тыл по ранению, 14 августа прибыл по излечению обратно, назначен временно исполняющим должность командира 1-го батальона полка, капитан. В 1920 году награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Эмигрант, галлиполиец. В эмиграции жил в Болгарии, с 1923 года в Чехословакии. Окончил институт, был председателем Общества галлиполийцев в Праге. Участник боевой организации генерала А.П. Кутепова. Погиб в декабре 1929 года в СССР. Автор неопубликованных работ по истории Гражданской войны.

Трусов Евгений Терентьевич. В 1920 году – подполковник; 28 мая утвержден в должности командира 3-го батальона 1-го Дроздовского полка. Позднее произведен в полковники. По спискам за 1925 год проходит подполковник Е.Т. Трусов.

Туркул Антон Васильевич (1892–1957). Из дворян Бессарабской губернии. Окончил Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Великую войну начал вольноопределяющимся 75-го пехотного Севастопольского полка. Заслужил два солдатских Георгиевских креста, произведен в офицеры. К концу войны штабс-капитан. В середине 1917 года после разложения полка приступил к формированию ударного батальона. Участник похода Яссы – Дон (фельдфебель в офицерской роте). 16 июля 1918 года был ранен в бою под Кореновской, оправился от раны к декабрю, принял командование 1-м офицерским батальоном 2-го офицерского стрелкового полка. С сентября по 11 октября 1919 года – командир 2-го Дроздовского полка. С 11 октября 1919 по август 1920 года – командир 1-го Дроздовского полка. В апреле 1920 года произведен в генерал-майоры за десантную операцию на Хорлы. 7 августа назначен временно исполняющим должность начальника Дроздовской дивизии (приказ по полку № 220 от 7 августа), позднее утвержден в должности. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца. 28 октября заболел тифом и сдал командование дивизией генерал-майору В.Г. Харжевскому. Эмигрант. Назначен генералом П.Н. Врангелем командиром Сводно-стрелкового генерала

Дроздовского полка. Руководитель группы дроздовцев в Болгарии. Издатель журнала «Доброволец». В 1931 году эмигрировал из Болгарии во Францию, жил в Париже. С 1935 года основатель и руководитель Национального союза участников войны. В годы 2-й мировой войны участвовал в формировании Русской освободительной армии, командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 года в Германии, председатель Комитета русских невозвращенцев. Скончался 20 августа 1957 года в Мюнхене. Похоронен 14 сентября на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Туцевич Вячеслав Платонович (?–1919). В Великую войну – полковник 26-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы – Дон. С мая 1919 года – командир 1-й батареи 3-й артиллерийской бригады; погиб 2 июня при взятии станции Лозовой. Первоначально похоронен в Екатеринодаре, в Войсковом соборе. В 1920 году, во время оставления белыми Кубани чины Особого офицерского отряда Дроздовской дивизии ворвались в уже оставленный город и вывезли из него гробы с останками М.Г. Дроздовского и В.П. Туцевича, перевезя их из Новороссийска в Крым. В Севастополе, оба гроба были перезахоронены на Малаховом кургане. Место захоронения было известно только нескольким лицам (на крестах стояли чужие фамилии). В ходе боевых действий во время 2-й мировой войны захоронения были утрачены.

Умрихин Павел Федорович (1891–1953). Родился 21 февраля 1891 года в Усть-Катаве Уфимской губернии. Учился в Технологическом университете в Харькове. Участник Великой войны. В 1916 году призван на военную службу, окончил 4-ю Киевскую школу прапорщиков. После развала армии вернулся в Харьков, где пытался продолжить учебу в Технологическом университете. После освобождения Харькова вступил в Добровольческую армию. Воевал в рядах Дроздовского ардивизиона. После эвакуации Крыма, в Галлиполи, поручик Умрихин был переведен в Инженерный батальон 1-го армейского корпуса генерала А.П. Кутепова. Из Галлиполи Умрихин в Чехословакию, получив высшее образование, работал в Праге инженером. Состоял в РОВСе и Галлиполийском землячестве. Избирался членом правления Галлиполийского землячества Праги. В 1945 году с семьей покинул Прагу. Первые послевоенные годы жил в Бельгии, откуда в 1951 году эмигрировал в США. Скончался 30 октября 1953 года в Наяке.

Усиков И.И. К концу Великой войны прапорщик. Участник похода Яссы – Дон. В 1918–1919 году – командир роты в 1-м Дроздовском полку. Погиб в октябре 1919 года под Дмитриевым.

Фридман Александр Карлович (1876–1945). Сын мещанина Полтавской губернии. Вступил в службу вольноопределяющимся в 1895 году. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище. Участвовал в подавлении восстания «Большого кулака» в Китае в 1900–1901 годах и Русско-японской войне. Великую войну начал в рядах 12-го стрелкового полка. Последний чин и должность – полковник, командир 494-го пехотного Верейского полка. Участник похода Яссы – Дон. В рядах дроздовцев прошел через все бои. Полковник, помощник командира 1-го Дроздовского стрелкового полка. Был женат на Вере Александровне Андреяновой (скончалась в 1961 году в Праге) – сестре милосердия Дроздовской дивизии. После Галлиполи и Болгарии супруги Фридман эмигрировали в Чехословакию и поселились в Праге. В.А. Фридман заведовала русским детским садом, полковник Фридман работал в Русском зарубежном историческом архиве. Состоял в РОВСе и Галлиполийском землячестве. В мае 1945 года был арестован советскими органами. Умер в тюремном вагоне.

Фролов (?–1918). Подъесаул Гвардии. Участник похода Яссы – Дон. С 16 апреля 1918 года – командир конного казачьего дивизиона сформированного в станице Ново-Николаевской в отряде М.Г. Дроздовского. В начале 2-го Кубанского похода – командир 4-й Донской казачьей сотни во 2-м конном полку. Убит 12 июня 1918 года у села Капустино под станцией Торговой.

Ханьков Николай Николаевич (1889–1967). Окончил Тифлисский кадетский корпус и Киевское военное училище (1908). В Великую войну – офицер 60-го пехотного Замосцкого полка, к концу войны капитан. Участник похода Яссы – Дон. В 1919 году – в рядах 1-го Дроздовского полка. На 3 января 1920 года – командир 2-го батальона 1-го Дроздовского полка. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского полка в Болгарии, подполковник. Позднее жил в Бельгии. В 1949 году – председатель Общества галлиполийцев и начальник группы 1-го армейского корпуса в Бельгии. С 1953 года – начальник 5-го отдела РОВСа. Полковник. Скончался 21 марта 1967 года в Брюсселе.

Харжевский Владимир Григорьевич (1892–1981). Родился 6 мая 1892 года. Сын личного почетного гражданина города Винни-

цы Подольской губернии. В 1914 году – студент Горного института в Петербурге. Призван в армию как прапорщик запаса. В Великую войну воевал в составе 269-го пехотного Новоржевского полка, капитан. Участник похода Яссы – Дон. В рядах 2-го офицерского стрелкового полка совершил 2-й Кубанский поход. С 6 декабря 1919 года – командир 2-го Дроздовского полка, полковник. В 1920 году в составе Дроздовской дивизии участвовал во всех боях в Крыму и Северной Таврии; в апреле ранен во время десантной операции на Хорлы. В сентябре за боевые отличия произведен в генерал-майоры. С 28 октября вступил в командование Дроздовской дивизией. Руководил дивизией в последних боях на Перекопе и на Юшуньских позициях. Эмигрант. В Галлиполи командир офицерского батальона Дроздовского стрелкового полка. В 1921 году был направлен командованием корпуса в Прагу, где закончил Горный институт. Работал по специальности и в тоже время возглавлял Общество галлиполийцев в Праге. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского полка в Болгарии. Председатель суда чести офицеров гарнизона города Севлиево. В конце 2-й мировой войны переехал в Германию. С 1949 года – бухгалтер в Марокко, с 1956 года – в США. Председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев. С 27 января 1957 года – 1-й помощник начальника РОВСа. С 19 мая 1967 года начальник РОВСа. Скончался 4 июля 1981 года в городе Лейквуде (США).

Харцев Борис. Поручик. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира 3-й роты 1-го Дроздовского полка, утвержден командиром 4 августа.

Ходаковский Василий Иванович (1896–1971). Окончил школу прапорщиков, по выходу из которой участвовал в Великой войне в рядах 63-го пехотного Углицкого Фельдмаршала графа Апраксина полка. В Добровольческой армии воевал во 2-м Дроздовском полку, был тяжело ранен. В эмиграции проживал в Париже. Состоял в Обществе галлиполийцев. Скончался 1 марта 1971 года.

Цапков. Летом 1920 года – временно исполняющий должность командира офицерской роты 1-го Дроздовского полка. 1 августа был ранен и эвакуирован в тыл.

Цветков. Подпоручик. Командир роты 1-го Дроздовского полка.

Цельников. Летом 1920 года – командир 3-го батальона 1-го Дроздовского полка. 7 августа после перевода А.В. Туркула на должность начальника дивизии назначен временно исполняю-

щим обязанности командира полка (приказ по полку № 220 от 7 августа).

Цыкалов. Штаб-ротмистр. Летом 1918 года – командир 3-го эскадрона 2-го конного полка.

Чабонов Иван. Поручик. С 21 августа 1920 года – временно исполняющий должность командира 7-й роты 1-го Дроздовского полка.

Чекатовский Игнатий Игнатьевич (1875–1941). Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1895). Полковник, командир 12-го драгунского полка. В Добровольческой армии с 24 июня 1918 года во 2-м конном полку; с 13 июля – командир полка; с октября – командир бригады (2-й конный и 1-й Черноморский полк Кубанского казачьего войска); генерал-майор. Летом–осенью 1919 года – начальник 1-й кавалерийской дивизии; 28 ноября – 4 декабря – временно исполняющий должность командира 5-го кавалерийского корпуса. В 1920 году – в распоряжении Главнокомандующего до эвакуации Крыма, позднее – комендант русского посольства в Константинополе. В эмиграции в Югославии, в 1924 году – начальник Николаевского кавалерийского училища. С 1926 года – во Франции, начальник кадра и объединения кавалерийской дивизии. В 1927–1931 годах – председатель отдела Союза инвалидов в Париже. К 1934 году – председатель Общества друзей «Часового». Скончался 25 декабря 1941 года в Париже.

Черныш Андрей Васильевич. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1912). Полковник. В Добровольческой армии с мая 1918 года. В августе начальник штаба 3-й пехотной дивизии; осенью – временно исполняющий должность начальника дивизии. С 19 апреля по 6 мая 1919 года – начальник штаба 2-й Терской казачьей дивизии. В Русской армии до эвакуации из Крыма. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 года в составе Алексеевского полка в Болгарии, председатель Общества галлиполийцев в Пернике. Во время 2-й мировой войны служил в Русском корпусе.

Чертков Александр Алексеевич (?–1938). Окончил Одесское военное училище. К концу Великой войны – подполковник 60-го пехотного Замосцкого полка. Участник похода Яссы – Дон (присоединился к отряду М.Г. Дроздовского в Бердянске, где руководил обороной восставших при свержении советской власти). Во 2-м Кубанском походе – в рядах 2-го офицерского стрелкового пол-

ка, командир роты. В январе 1919 года – командир батальона, позднее помощник командира полка. В Русской армии до эвакуации из Крыма. Осенью 1925 года в прикомандировании к 6-му артиллерийскому дивизиону во Франции. Полковник. В 1934 году – член правления Общества галлиполийцев в Париже. Скончался 26 сентября 1938 года в Париже.

Чеснаков Николай Владимирович. Родился 28 февраля 1880 года в Вильно. Потомственный дворянин. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, главную Гимнастическо-фехтовальную школу, прошел краткий курс Офицерской артиллерийской школы. Участник Русско-японской войны. В 1901–1908 годах – в 43-й артиллерийской бригаде, с 1908 года – во 2-м мортирном артиллерийском дивизионе. Великую войну начал подполковником в его рядах. В 1917 году произведен в полковники. С 24 августа по 23 сентября 1919 года – командир 3-й батареи в 3-й артиллерийской бригаде; на 30 декабря – командир 1-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады, генерал-майор. С 23 сентября 1920 года – командир 1-го Дроздовского полка. Ранен в последних боях в Крыму перед эвакуацией Русской армии. Эмигрант. В Галлиполи – командир 1-го батальона 3-го Дроздовского стрелкового полка. Осенью 1925 года – в составе Дроздовского полка в Югославии.

Чижевич Борис Георгиевич (1895–1973). Окончил Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР в Отдельной конно-горной генерала Дроздовского батарее. С 22 июля 1919 года – капитан, позднее командир конно-горной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник. В 1920 году в Крыму до эвакуации. Эмигрант, галлиполиец. Во время 2-й мировой войны служил в Русском корпусе. К 1947 году в Германии, с 1951 года в США. Скончался 2 декабря 1973 года в Нью-Йорке.

Чижов Николай Павлович (1897–1969). Родился в Иркутске. Окончил Иркутское военное училище (1916), откуда вышел в 259-й пехотный Ольгинский полк. Участник Великой войны, прапорщик. За боевые отличия награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Участник похода Яссы – Дон. Всю Гражданскую войну провел в рядах Дроздовской стрелковой дивизии, капитан. В эмиграции состоял в Обществе галлиполийцев, жил в Париже.

Чугуев. Поручик. Командир роты 1-го Дроздовского полка.

Чуев (?–1920). Подполковник. Летом 1920 года – командир 2-й роты 1-го Дроздовского полка; 6 августа того же года убит у колонии Анденбург.

Шаберт (Шеберт) Карл Генрихович. Полковник. С начала августа по 14 августа 1918 года – временно командующий Самурским полком. С 4 ноября по 29 октября – командир полка, тяжело ранен.

Шумов Владимир Александрович (1873–1919). В службе с 1893 года, офицер с 1896 года. Полковник 12-го уланского полка. В январе 1918 года сформировал добровольческий отряд в Кишиневе. В Добровольческой армии с 24 июня 1918 года во 2-м конном полку; в августе – временно исполняющий должность командира полка. Позднее, до 11 января 1919 года – командир полка. Умер от тифа 8 апреля того же года.

Ягубов Александр Георгиевич (?–1955). Сын офицера. Окончил Симбирский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Участник Русско-японской войны. На фронт Великой войны вышел командиром батареи 36-й артиллерийской бригады. В 1917 году – полковник. Участник похода Яссы – Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й батарее 3-го легкого артиллерийского дивизиона. С 3 января 1919 года – в 1-м броневом автомобильном дивизионе, затем в 3-й артиллерийской бригаде; с 24 августа – командир 3-й батареи бригады, затем командир 2-го дивизиона этой же бригады. В 1920 году – временно исполняющий должность командира бригады. Эмигрант, галлиполиец. В эмиграции жил в Болгарии, с 1923 года во Франции, начальник охраны Великого Князя Николая Николаевича. Осенью 1925 года в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона во Франции. После смерти Николая Николаевича работал шофером такси в Париже, одновременно окончил Высшие военно-научные курсы в Париже. Позднее заместитель начальника курсов и преподаватель. В 1934 году – член правления Общества галлиполийцев в Париже. Скончался 25 августа 1955 года в Париже. Похоронен на Сент-Женевьев де Буа.

Янчев. Капитан. Командир батальона в 1-м Дроздовском полку.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Венус Г.Д.* Война и люди // Я ставлю крест... М., 1995.
- Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.–М., 2003.
- Волков С.В.* Первые добровольцы на Юге России. М., 2001.
- Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923.
- Кравченко В.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. – Мюнхен, 1973. Т. 1., 1975. Т. 2.
- Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах в освободительной войне за Россию в 1917–1920 гг. Париж, Т. 1. 1962, Т. 2, 1964.
- Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил юга России. М., 2002.
- Седьмая гаубичная, 1918–1921 / Сост. Д.Ф. Пронин. Предисл. В.К. Витковского. Нью-Йорк, 1960.
- Туркул А.В.* Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918–20 гг.; Лит. обраб. И. Лукаша. Белград, 1937.
- Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002.
- Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Из «стаи славных» // Военная быль. 1998. № 9.
- Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Участок Дроздовской дивизии на кладбище Сент-Женевьев де Буа // Русское прошлое. Кн. 9. СПб., 2001. С. 288–297.
- Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Русский офицер Ипполит Александрович Кудряшов // Новый часовой. №№ 15–16. СПб., 2004. С. 323–346.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5827, 5881, 5895, 6050, Р–5928.
- Личный архив В.Г. Чичерюкина-Мейнгардта.
- Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409, 3274.
- Российский государственный военный архив. Ф. 39689, 39751, 40066.
- Часовой. Париж – Брюссель. Номера за разные годы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Р.Г. Гагкуев
Предисловие редактора
5

часть первая
ДРОЗДОВСКИЙ
7

Р.Г. Гагкуев
ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ
11

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
126

часть вторая
ДРОЗДОВЦЫ
219

Р.Г. Гагкуев
ДРОЗДОВЦЫ
221

П.В. Колтышев
ПОХОД ДРОЗДОВЦЕВ ЯССЫ – ДОН. 1200 ВЕРСТ.
ВОСПОМИНАНИЯ ДРОЗДОВЦЕВ
230

С.Н. Колдобский
ФОРМИРОВАНИЕ СВОДНОГО МОРСКОГО
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ПОЛКА И СПАСЕНИЕ
ЗНАМЕННОГО АНДРЕЕВСКОГО ФЛАГА
1-го МОРСКОГО ПОЛКА
465

П.И. Бикс
ДНЕВНИК ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В
КАМЕННОУГОЛЬНОМ БАССЕЙНЕ
481

П.Я. Сагайдачный
ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗГРОМЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ
АРМИИ КРАСНОЙ АРМИЕЙ ПОД ОРЛОМ В ОКТЯБРЕ 1919 года
503

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
507

часть третья
К ИСТОРИИ ДРОЗДОВЦЕВ
539

Р.Г. Гагкуев
ДРОЗДОВЦЫ ДО ГАЛЛИПОЛИ
542

К.М. Александров
«Я ЗНАЮ, ЧТО ОФИЦЕРЫ ВЫПОЛНЯТ СВОЙ ДОЛГ...»
555

Н.А. Кузнецов
МИХАИЛ АНТОНОВИЧ ЖЕБРАК
576

М. Гололобов
ДЕСАНТ В ХОРЛЫ
588

И.И. Руденко-Миних
НЕ СКАЖУТ НИ КАМЕНЬ, НИ КРЕСТ...
594

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт
ДРОЗДОВЦЫ ПОСЛЕ ГАЛЛИПОЛИ
597

Р.Г. Гагкуев, В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт
БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК
652

ПРОЕКТ «БЕЛЫЕ ВОИНЫ»: ПЯТЫЙ ГОД РАБОТЫ

В 2005 году исполнилось пять лет с начала работы проекта «Белые Воины» – военно-исторического патриотического движения в поддержку Русской армии и флота. За время, прошедшее с момента выхода последней книги серии «Белые Воины» – «Генерал Дитерихс», в которой был опубликован краткий очерк о работе движения, прошло полтора года. За это время Информационное агентство «Белые Воины» совместно с известным ИА «Русская линия» создали **новый информационный портал – «Воинство.ru» (www.rusk.ru/voinstvo.php)**, на котором ежедневно появляется новая информация посвященная истории Русской армии и современному положению дел в российских Вооруженных силах, публикуются материалы периодических изданий и оригинальные статьи. Также подготовлены к выходу в свет две новые книги военно-исторической серии «Белые Воины» – «Дроздовский и дроздовцы» и «Граф Келлер», начата работа и над новыми изданиями.

К состоявшейся 3 октября в некрополе Донского монастыря торжественной церемонии перезахоронения останков русского генерала Антона Деникина и выдающегося русского философа Ивана Ильина «Белые Воины» завершили создание **портретной галереи русских военачальников конца XIX – начала XX веков**, многие из которых были активными участниками Белого движения. Последним полотном стал портрет Антона Ивановича Деникина, написанный известным художником Дмитрием Трофимовым. Двенадцать портретов галереи войдут в большой цветной календарь «Белые Воины», который планируется выпустить в будущем году. Помимо А.И. Деникина в нем будут представлены портреты П.Н. Врангеля, М.К. Дитерихса, М.Г. Дроздовского, В.О. Каппеля, Ф.А. Келлера, А.В. Колчака, А.П. Кутепова, С.Л. Маркова, Е.К. Миллера, М.Д. Скобелева и Н.Н. Юденича.

Продолжилась и подготовительная работа по перезахоронению праха генерала В.О. Каппеля в России. Напомним, что с этой инициативой «Белые Воины» выступили еще в 2003 году. Сегодня, когда на Родину уже вернулись адмирал И.К. Григорович, генерал А.И. Деникин и философ И.А. Ильин, надежды

на положительное завершение начинания крепнут. Духовная же основа, для возвращения В. О. Каппеля в Россию, в город, в котором он первоначально и нашел свое упокоение, уже заложена.

2 апреля 2005 года в Казанском кафедральном соборе города Читы состоялась торжественная установка киота в честь св. равноап. кн. Владимира – небесного покровителя генерала-лейтенанта Владимира Оскаровича Каппеля. Установка была приурочена к церковному празднованию дня памяти Св. преп. Алексия человека Божия – войскового праздника Забайкальского казачьего войска. После Божественной Литургии епископ Читинский и Забайкальский Евстафий с собором духовенства совершил панихиду о приноминаемом воине Владимире Каппеле, а затем совершил чин освящения иконы св. равноап. кн. Владимира. Указанный киот был передан в дар Забайкальскому казачьему войску для постоянного нахождения в Казанском кафедральном соборе информационным агентством «Белые Воины», действующим по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. В 1920 году В. О. Каппель был захоронен вблизи собора в честь Св. блгв. кн. Александра Невского в Чите, а в 1922 году перенесен в Харбин (КНР) и погребен возле Иверской церкви, где до сих пор находятся его останки.

Установка памятных киотов в честь небесных покровителей видных военачальников Русской Императорской армии – давняя традиция русского офицерства, берущей свое начало с установки киотов в честь адмирала А. В. Колчака в Свято-Троицком соборе в Белграде и генерала М. Г. Дроздовского в Александро-Невском соборе Парижа в середине прошедшего столетия. В России она возродилась с установкой в 2002 году в Свято-Вознесенском кафедральном соборе Новочеркасска памятного киота посвященного генералу С. Л. Маркову и марковцам, с иконой небесного покровителя Сергея Леонидович – Св. преп. Сергия Радонежского.

В центре нового киота находится ростовая икона святого равноапостольного князя Владимира. Под ней помещена дарственная табличка с надписью «Вечная память доблестному военачальнику Владимиру Оскаровичу Каппелю и всем христоробивым воинам-каппелевцам белых армий Востока России, за честь и достоинство Отечества живот свой положивших». Справа и слева от главной иконы – резные столпы, на которых помещены малые киоты с иконами святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба – первых русских святых, положивших свой живот за други своя. Через их образы осуществляется, по замыслу воплотителей киота, связь и преемственность св. мчч. блгвв. князей Бориса и Глеба с генералом Каппелем, совершившим равный подвиг. В верхней части киота икона Спаса Нерукотворного, лик Которого присутствовал на всех Великокняжеских хоругвях. По обе стороны от центральной иконы предстоит св.

блгв. князь Александр Невский и святая царица Елена Сербская – ангелы-хранители автора проекта киота и его супруги. Цветовая гамма Андреевского флага традиционно несет мощную смысловую нагрузку. «Смерть за Россию» – черный цвет, «Воскресение Родины» – цвет белый. Киот изготовлен из венгерского ореха и украшен серебряной басмой.

Во время церемонии освящения епископ Евстафий обратился к присутствующим с архипастьрским словом, в котором особо отметил важность следования заповедям Христовым в обыденной жизни, дабы быть достойными памяти выдающихся деятелей русской истории, одним из которых был В.О. Капель. Руководитель проекта «Белые Воины» А.Н. Алекаев рассказал о проводимой работе по увековечиванию памяти видных военачальников Русской Императорской армии и сообщил о предпринимаемых усилиях по переносу останков В.О. Капеля в Россию. Член Совета старейшин Забайкальского казачьего войска А.В. Перминов поведал собравшимся о судьбе захоронения генерала Капеля, о его почитании советскими маршалами Р.Я. Малиновским и А.М. Василевским во время освобождения Северо-Востока Китая в 1945 году и поддержал инициативу перенесения останков В.О. Капеля из Харбина в Читу.

В церемонии передачи киота приняли участие представитель Синодального отдела по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами иерей Михаил Васильев, сотрудник ОВЦС Д.И. Петровский, атаман Забайкальского казачьего войска А.В. Богданов, участники Забайкальского казачьего круга, представители общественности и региональных средств массовой информации.

14 октября 2005 года в Казанском кафедральном соборе Читы состоялась торжественная установка второго уникального киота с иконой святых Царственных Страстотерпцев. Установка киота с иконой Царя неслучайно была приурочена к церковному празднованию Покрова Божьей Матери – традиционному празднику русских монархов и казачества.

После Божественной Лигургии в кафедральном соборе, которую совершил епископ Читинский и Забайкальский Евстафий с собором духовенства, владыка освятил прибывший в Читу накануне киот и отслужил молебен Царственным Страстотерпцам. Также как и первый, новый киот был передан в дар верующим Читы для постоянного нахождения в Казанском кафедральном соборе Информационным агентством «Белые Воины».

В центре киота икона с фигурами Царя Николая II и Царевича Алексея в окружении царевен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, а над ними – изображение Державной иконы Божьей Матери. На столпах киота – иконы святых сестер Царицы

Александры и Великой княгини инокини Елизаветы. Под центральной иконой тропарь.

«В подобие жертвы Христове, яко агнец непорочный, волею заклан бысть за отступление народа твоего, царю мучениче Николае.

Царство же в себе раздельшееся исцеляет тобою Христос.

Мученичество святое твое славим, им же во царствии православное воскрешается во славу Царя Небесного и спасение душ наших».

После молебна епископ Евстафий обратился к присутствующим с архипастырским словом, в котором напомнил прихожанам о великом подвиге терпения гонений и твердого стояния в вере сонма новомучеников российских, во главе с святыми Царственными Стратотерпцами.

Владыка также предоставил слово генеральному менеджеру «Русской линии», руководителю агентства «Белые Воины» А.Н. Алекаеву – инициатору установки киота. Он поблагодарил за помощь в изготовлении киота компанию «Киновар», изготовившую басму, и художественно-реставрационное предприятие «Канон», соорудившее сам киот. Особые слова благодарности были высказаны предпринимателям Александру Ерошкину, Олегу Пронину, Валентину Ласкову, Владимиру Мельнику и Константину Тихонову, оказавшим помощь в создании уникального киота. А.Н. Алекаев выразил надежду, что в скором времени удастся перенести на Родину останки прославленного генерала В.О. Каппеля, в память которого был сооружен первый киот.

Все собравшиеся на церемонии были единодушны в мнении, что такого рода акции достойны всяческой поддержки и являются ярким примером сотрудничества Церкви, общественных организаций и частных лиц. Это кирпичики для строительства России – Дома Пресвятой Богородицы. И, если такие деяния станут примером для подражания, то возродится Русь новая по старому образцу, о чем пророчили многие наши святые.

«Белые Воины» приглашают к совместной работе всех заинтересованных в сотрудничестве лиц, готовых поддержать инициативы движения, направленные на возрождение традиционных для России ценностей, восстановление исторической правды, реабилитации русской военной истории.

С нами можно связаться на сайте "Воинство.ru".

Руслан Гагкуев,
координатор проекта,
главный редактор
Информационного агентства «Белые Воины»

Василий Цветков,
научный редактор серии «Белые Воины»

Александр Алекаев,
руководитель проекта «Белые Воины»

Памяти Владимира Оскаровича Каппеля

Книга «Каппель и каппелевцы» вызвала немалый резонанс и быстро исчезла с книжных прилавков. С момента ее выхода редакция серии «Белые Воины» получила немало писем от читателей, многие из которых позволили уточнить судьбы участников Белого движения.

Среди живых откликов – стихотворения о Владимире Оскаровиче, присланные известным певцом и композитором **Виктором Дзансоловым**.

Харбин

(у могилы В.О. Каппеля)

Звезд, приснившихся лунной реке, – отраженья
Замирают и тают на тихой поверхности вод.
Время плачет в ночи и поет о своем пораженьи,
Согревая дыханьем немой лебедей хоровод.

Этой музыки белой вино розы пьют, умирая,
Лепестки доверяя течению звездной реки.
Белый Воин на Млечном Пути у преддверия Рая.
В ожидании Вечности чистые бьют родники...

Белый Воин погибший, спасая честь Родины грешной,
На далекой, холодной, покинутой Богом Земле –
Белый Царь для тебя зажигает во мраке крошечном –
Звезд костры, освещающих путь твой – во мгле!

В Белом городе Белые Барышни в вальсе кружатся.
Белым лебедем в звездный чертог уплывает душа.
Панихидою белой стихи мне на сердце ложатся –
В Белой Церкви харбинской стою со свечой, не дыша.

Белый Воин достигший границ Поднебесной,
Совершив Ледяной – Великий – Сибирский поход,
Я пою эту песню во славу твою, неизвестный,
Погребенный в ораде у Иверской здесь, у ворот!

Белый Воин погибший, России вину искупая,
Защищая ровную страну и родительский кров,
Отправляясь в жилище Святого Царя Николая,
Знай, что я буду помнить тебя – во веки веков!

Розы пишут стихи белый след за собой оставляя
Белый лебедь плывет между звезд, отражаясь в реке.
Белый Воин на Млечном Пути у преддверия Рая,
Тихо молится Богу с зажженной свечою в руке!

В.О. Каппель

Благородною костью Господь одарил,
Русской крови дал несколько капель. .
Он с бамбуковой тростью в атаку ходил,
Дикий ужас и страх на врагов наводил –
Генерал по фамилии Каппель

Сколько звезд над могилой героя – не счесть,
Дети Авеля, радуйтесь свету!
Эти звезды в его зажигаются честь,
Так Господь награждает за доблесть и честь,
Прославляет приверженных Свету!

Молитва пленника

Ты утри слезу с моего лица
Мать чистая – богородица.
Утоли печаль, Непорочная,
Ключевой водою проточною.

Купиною неопалимою
Душу от огня огради мою
Сына умоли, Семистрельная,
Чтобы утром не был расстрелян я!

Тишиной укрой полевых цветов
Если убегу я от злых врагов...
И рассвет полоскою узкою
Улыбнется воину русскому.

Памяти протоиерея Александра Шумаева (1941–2005)

8 ноября 2005 года в автомобильной катастрофе трагически погиб настоятель Спасской церкви Подольского благочиния (село Никулино) протоиерей Александр Шумаев.

Протоиерей Александр Шумаев долгое время служил в Екатеринбургской епархии, где успел восстановить два храма. В середине 1990-х годов благодаря его усилиям был восстановлен Спасский храм в подмосковном селе Никулино, а в 2005 году начато возрождение другого храма – в честь Казанской иконы Божией Матери в селе Товарищево (Подольское благочиние).

По сути, отец Александр был духовным отцом всего проекта «Белые Воины». Именно он благословил установку памятника генералу С.Л. Маркову (приняв деятельное участие в его создании) и издание книжной серии «Белые Воины». Первые две книги, посвященные генералам С.Л. Маркову и В.О. Каппелю, вышли по его благословению, а третья, о генерале М.К. Дитерихсе, – по благословению Святейшего Патриарха Алексия. Ныне серия, благословленная отцом Александром, продолжается.

Отец Александр был широкообразованным и разносторонним человеком, прекрасно знавшим и разбиравшимся в поэзии, музыке и архитектуре. Многие, связанное со строительством, он делал своими руками.

Незадолго до гибели отца Александра, 23 октября, состоялось Великое архиерейское освящение храма Спаса Нерукотворного в селе Никулино. По этому случаю настоятель церкви протоиерей Александр Шумаев был награжден Святейшим Патриархом орденом Св. прп. Сергия Радонежского 3-й степени.

В трагический день в автомобиль батюшки, направлявшегося на службу в престольный праздник (один из престолов храма освящен в память великомученика Димитрия Солунского), врезалась машина...

Помолимся о упокоении души протоиерея Александра. Да простит Всемилостивый Господь его грехи, вольные и невольные, и соворит ему вечную память.

*ИА «Белые Воины»,
ИА «Русская линия»*

• БЕЛЫЕ ВОИНЫ •

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНСТВО «БЕЛЫЕ ВОИНЫ» – ПОРТАЛ «ВОИНСТВО.RU»

В 2004 году зарегистрировано и начало свою деятельность Информационное агентство «Белые Воины», сайт которого находится в Интернете по адресу www.rusk.ru/voinstvo.php.

Созданное Православное информационное агентство, действующее по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, освещает события, связанные с историей Российской Империи, Русской Императорской армии и Белого движения: памятные даты, мероприятия военно-исторических и общественных организаций, выход в свет литературы, посвященной указанным темам и др. «Белые Воины» не ограничиваются только историей – сайт предоставляет информацию о происходящих в современной России и зарубежье событиях, связанных с тематикой агентства.

В 2005 году «Белые Воины» совместно с Информационным агентством «Русская линия» создали новый портал – «Воинство.ru». Помимо новостных разделов и информации о проекте «Белые Воины» на нем размещена электронная библиотека изданий серии «Белые Воины» и других книг, статей и документальных материалов, связанных с тематикой агентства. Ежедневно обновляется библиотека периодических изданий по военной тематике.

Книги серии «Белые Воины» представлены в одноименном разделе сайта. В настоящее время в открытом доступе находятся книги «Марков и марковичи», «Кашинь и кашинцевцы», наиболее важные, с точки зрения авторов, фрагменты «Генерала Дитерихса» и новой книги – «Дроздовский и дроздовцы».

В разделе «Галерея» размещены фотографии всех мероприятий, в которых участвовали «Белые Воины», а также портреты русских военных деятелей с готовящегося к выходу в свет календаря на 2007 год.

Приглашаем к совместной работе лиц, готовых поддержать инициативы Информационного агентства «Белые Воины», направленные на возрождение традиционных для России ценностей, воспитание духовности, восстановление исторической правды, реабилитацию русской государственной и военной истории.

Руслан Газизев,
главный редактор ПА «Белые Воины»
rg@rusk.ru

«Русская линия»: общество, политика и культура глазами русского православного человека

Православное информационное агентство «Русская линия» создано в Санкт-Петербурге по инициативе Общества ревнителей памяти митрополита Иоанна (Снычева) 9 мая 1998 года и является одним из немногих долгожителей православного Рунета.

За время своего существования «Русская линия» заняла прочные позиции среди православных информационных ресурсов. Сегодня у нее стабильный рейтинг посещаемости – 3000–3500 посетителей в день (более 10 000 показов документов ежедневно), она входит в пятерку самых посещаемых религиозных сайтов (Rambler, top 100).

По другому важному показателю – рейтингу цитируемости («Яндекс») «Русская линия» занимает 41-е место среди 285 российских информационных агентств и 1-е место среди религиозных сайтов Санкт-Петербурга.

Информационный продукт «Русской линии» состоит из ежедневной (кроме воскресенья и праздников) сводки новостей религиозной и политической жизни; ежедневной подборки статей из СМИ по религиозной, социальной и политической тематике; собственных публикаций – комментария текущих событий и аналитических статей.

Сегодня в «Русской линии» работают восемь человек: главный редактор *Анатолий Степанов*, заместитель главного редактора, технический директор *Сергей Григорьев*, редакторы *Андрей Иванов*, *Александр Колышкин* и *Владимир Можегов*, технический менеджер *Валентин Бархатов*, корреспонденты *Ольга Максимова* и *Анна Долгова*.

В 2005 году «Русская линия» объединилась с созданным по благословению Святейшего Патриарха Алексия II Информационным агентством «Белые Воины» (руководитель и одновременно генеральный менеджер «Русской линии» *Александр Алекаев*, главный редактор *Руслан Гагкуев*).

С «Русской линией» сотрудничают известные православные ученые и публицисты:

Игорь Алексеев – кандидат исторических наук (Казань);

Леонид Болотин – публицист (Москва);

Юрий Булычев – доктор философских наук, доцент Университета культуры и искусств (Санкт-Петербург);

Владимир Воропаев – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета;

Виктор Дауров – член Союза писателей России (Суздаль);

Людмила Ильюнина – писательница (Санкт-Петербург);

Владимир Казарин – доктор филологических наук, профессор, проректор Таврического университета (Симферополь);

Александр Казин – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского университета;

Александр Каплин – доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета;

Николай Коняев – секретарь Союза писателей России (Санкт-Петербург);

Сергей Лебедев – доктор философских наук, профессор Балтийского государственного технического университета (Военмеха) (Санкт-Петербург);

Артем Маркелов – журналист (Киров);

Михаил Назаров – историк, публицист (Москва);

Владимир Мельник – доктор филологических наук, профессор Государственной академии славянской культуры (Москва);

Андрей Rogozянский – публицист (Санкт-Петербург);

Владимир Семенко – старший научный сотрудник Института стран СНГ (Москва);

Николай Симаков – церковный историк, член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);

Сергей Скатов – член Союза журналистов России (Нижний Новгород);

Андрей Хвалин – член Союза писателей России (Москва);

Владимир Шульгин – кандидат исторических наук, профессор Калининградского пограничного института;

Михаил Ямбаев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения (Москва).

У «Русской линии» есть опыт подготовки и издания двух брошюр, посвященных визиту Папы Римского Иоанна Павла II на Украину: «Крестовый поход Кароля Войтылы» (2001) и «Пиррова победа Ватикана» (2003).

«Русская линия» является организатором ряда научных конференций и общественных слушаний, а также постоянно действующего клуба экспертов «Санкт-Петербургский патриотический форум».

Военно-историческая серия «Белые Воины»

Генерал ДИТЕРИХС

Третья книга серии «Белые Воины» посвящена судьбе последнего белого правителя и Главнокомандующего белой армии в России – генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса. Глава Приамурского Земского края осенью 1922 года предпринял попытку возрождения Русской Монархической государственности и Православной традиции на Дальнем Востоке. Основу книги составили документы из российских и зарубежных архивов, личного архива наследника генерала Дитерихса А.А. Васильева (Дания), воспоминания его современников и друзей.

Издание рассказывает об основных этапах жизни и боевой биографии генерала Дитерихса. Отдельно представлены отрывки из его исследования «Гибель Царской Семьи», приведены решения Приамурского Земского Собора. Большой интерес представляют и документы, отражающие эмигрантский период жизни генерала Дитерихса. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов и личного архива А.А. Васильева.

Научный редактор
серии – кандидат исторических наук
В.Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

МАРКОВ и марковцы

Первая книга серии представляет собой сборник документов и воспоминаний об одном из самых выдающихся военачальников Белой армии генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основой книги стал известный в эмиграции двухтомник полковника В. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», но практически неизвестный широким кругам российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, никогда не вводившиеся в научный оборот. Это – дневник С.Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало – в № 3 альманаха «Белая Гвардия»), дневник начальника штаба Марковской дивизии полковника Биттенбиндера, приказы по формированию марковских частей. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях в 1917 – 1920 годах.

Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

КАППЕЛЬ и каппелевцы

Вторая книга серии «Белые Воины» посвящена известному русскому офицеру – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. Основу книги составили архивные документы, воспоминания и дневники офицеров частей Волжского стрелкового корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания ближайшего сподвижника «белого рыцаря» полковника В.О. Вырыпаева. Материал разбит по основным этапам Гражданской войны в России: боевые действия на Волге в 1918 году, на Урале и в Сибири в 1919 году, Великий Сибирский Ледяной поход в 1920 году. Все они непосредственно связаны с боевой биографией генерала В.О. Каппеля.

Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, а также из частных коллекций. В книге приведены также данные о социальном составе частей «каппелевцев» и особенно-стях комплектования частей Волжского корпуса.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Дроздовский и дроздовцы

Издание осуществлено при финансовой поддержке А А Ерошкина

Верстка текстовой части

В Н Карпухин

Компьютерные работы для иллюстративной части

В Н Карпухин

Корректор

М В Беляева

Формат 60х90/16 Объем 44 п. л. Гарнитура «Петербург» Тираж 1500 экз
Заказ 2191

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г Можайск, ул. Мира, 93